This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

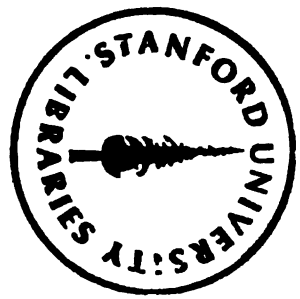
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. С. АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Александра Степановича

АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

Подъ редакціей **П. В. Быкова**

Томъ IV

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
22 Садовая улица 22
1891

Russ. misc. Афанасьев, А. С.

А. С. АФАНАСЬЕВЪ (ЧУЖБИНСКІЙ). Томъ IV.

БАБУШКА

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

HOOVER LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
22 Садовая улица 22
1891

PG3321
A3
1890
v.4

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій просп. 53.

БАБУШКА.

БАБУШКА.

(ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.)

I.

Между Калугой и Смоленскомъ, въ сторонѣ отъ дороги, подъ лѣсомъ, стоялъ высокій каменный домъ въ два этажа, окруженный стариннымъ заглохшимъ садомъ. По правую и по лѣвую сторону обширнаго двора тянулись флигеля и прочія службы, а у воротъ съ башенками, нынѣ опустѣвшими, но служившими нѣкогда помѣщеніемъ сторожамъ, начиналась длинная дубовая аллея, выходившая на дорогу. Въ сѣверномъ углу сада виднѣлась большая церковь съ чрезвычайно красивой колокольней, зеленые куполы которыхъ были усѣяны золотыми звѣздами. Дальше лежало многолюдное село Витаево, спускаясь къ берегу рѣки, которая обтекала вокругъ сада и, перерѣзывая дорогу, шла далѣе, извиваясь между пригорками и перелѣсками.

Село это, переходившее изъ рода въ родъ по наслѣдству, принадлежало помѣщику Дымкову, и не смотря на дурное управленіе, приносило очень хорошіе доходы. Но вотъ уже лѣтъ пятнадцать, какъ рѣдко чей экипажъ въѣзжалъ во дворъ витаевскаго дома, и то или въ большіе праздники, или по какому-нибудь особенному случаю. Послѣдній владѣлецъ его, Михаилъ Егоровичъ Дымковъ, потерявъ нѣжно любимую жену, сначала впалъ въ меланхолію, потомъ, мало по малу, терялъ разсудокъ и, наконецъ, совершенно сошелъ съ ума. Въ первое время болѣзни онъ былъ очень золъ, подвергался припадкамъ бѣшенства, но, пробывъ года три въ рукахъ искуснаго лекаря, сдѣлался и спокойнѣе и жилъ тихо, жалкою жизнью животнаго, въ своемъ богатомъ помѣстьѣ. Что Михаилъ Егоровичъ

не попалъ въ домъ сумасшедшихъ, а имѣніе его не поступило въ опеку, причиною тому была его шестидесятилѣтняя мать, которая, имѣя прекрасное знакомство, могла обдѣлать все, какъ слѣдуетъ. Хотя управляющій и обманывалъ старуху, однако все-таки она умѣла ежегодно отсылать въ банкъ порядочную сумму на приданое внучкѣ, единственной дочери несчастнаго. Но и кромѣ этого, какъ говорили въ сосѣдствѣ, у старухи имѣлось порядочное количество наличными. Настоящая витаевская наслѣдница, рожденіе которой стоило жизни ея матери, что, какъ мы знаемъ, было причиной и помѣшательства отца, оставалась дома до шестилѣтняго возраста. При всей скупости и необразованности, бабка понимала, что нельзя держать внучки въ Витаевѣ, и воспитаніе ея ввѣрила дочери своей, жившей замужемъ въ одной изъ полуденныхъ губерній. Собравшись съ силами, старуха отвезла внучку и, возвратясь къ помѣшанному сыну, не выѣзжала уже изъ дома, сначала изъ привязанности къ больному, потомъ вслѣдствіе преждевременной дряхлости.

Въ это время произошли разныя перемѣны въ сосѣдствѣ: кто умеръ, кто переѣхалъ, а кто поселился вновь, и такимъ образомъ Витаево, мало-по-малу, забывалось, и скоро широкая дорога въ барскій дворъ его заросла травою, а самый домъ и службы пришли въ запустѣніе. Изрѣдка кто-нибудь изъ прежнихъ знакомыхъ, бывая у обѣдни, заѣзжалъ къ старушкѣ; но визиты эти были непродолжительны, потому что гости не находили ни пріятной бесѣды, ни хорошаго обѣда, ни, наконецъ, партіи въ ералашъ или преферансъ. Родные старушки были далеко, а мужчины какъ-то перевелись, и только раза два въ недѣлю пріѣзжалъ лекарь изъ города, да заходилъ иногда сельскій священникъ. Газетъ и книгъ и въ поминѣ не было въ Витаевѣ, потому что старуха, питомица прошлаго вѣка, едва съ трудомъ могла подписать имя и фамилію. Несчастье сына еще болѣе вооружило ее противъ всего печатнаго: старуха подчасъ утверждала, что Михаилъ Егоровичъ не сошелъ бы съ ума, еслибы не лишился жены, да послѣ ея смерти не предался чтенію книгъ, которыя по этому случаю были заперты въ кладовую.

Какъ-то грустно было смотрѣть на обширный домъ съ его старинными покоями, которые убраны были богато, но постоянно были заперты и только иногда лѣтомъ отворялись, по распоряженію управляющаго. Больной занималъ двѣ комнатки въ нижнемъ этажѣ, а рядомъ съ ними три небольшіе покоя

служили помѣщеніемъ старухи Дымковой, которая почти не вставала съ ветхаго кожанаго кресла. Вся прислуга носила отпечатокъ глубокой старины. Сѣдые, какъ лунь, мужчины и сгорбленныя старушки, одна дряхлѣе другой, едва передвигая ноги, медленно отправляли свои обязанности, словно ветхіе часы, которые хотя и показываютъ время, однако отстаютъ постепенно и изрѣдка даже останавливаются. Одна изъ горничныхъ, ровесница Дымковой, управляла всѣмъ вообще и, соблюдая барскіе выгоды, вела постоянную войну съ престарѣлыми лакеями, изъ которыхъ младшему было далеко за пятьдесятъ. Дни въ этомъ домѣ проходили съ удивительно тоскливымъ однообразіемъ, и ни чудное майское утро, ни бурная октябрская ночь или страшная мятель, не бросали ничего новаго въ это печальное убѣжище отставшаго человѣчества. Злая отъ природы старушка держала строго свою сѣдую прислугу, и только года два, три какъ перестала бранить своихъ горничныхъ за непозволительные длинные разговоры съ лакеями, но все еще находила матеріалъ, чтобы читать первымъ наставленія и упрекать ихъ въ вѣтренности. Съ деревенскими крестьянами она не любила даже разговаривать, бывъ воспитана въ этомъ духѣ съ малолѣтства. Она любила и требовала, чтобы всѣ ходили передъ нею по стрункѣ и, Боже сохрани, не только словомъ, но движеніемъ глазъ не смѣли обнаруживать противорѣчія. Смолоду у нея въ этомъ случаѣ была короткая расправа, подъ старость же, сѣдая провинившаяся прислуга иногда отсылалась къ управляющему. Въ особенности старуха не любила горничной своей покойной невѣстки, которая въ молодости была красавицей, но не отсылала ее изъ дѣвичьей во первыхъ потому, что никто такъ не умѣлъ приготовлять варенье, во вторыхъ, какъ готовую горничную внучки. Старуха не могла допустить мысли, чтобы Леночкѣ прислуживала молодая дѣвушка; съ каждымъ годомъ она не только теряла всякую снисходительность къ молодости, но отнимала у нея всѣ добрыя качества. Одна старая сосѣдка говорила, что Дымкова никогда не была хороша и потому не любила красоты, а къ молодости не имѣла снисхожденія, потому что долго сидѣла въ дѣвушкахъ. Заботы ея о сынѣ, котораго она, впрочемъ, любила, заключались въ томъ, чтобы ему все было доставляемо въ свое время, но навѣщала она его очень рѣдко, не смотря на сосѣдство помѣщеній. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи ей нечего было безпокоиться: Михайла Егоровича всѣ любили, потому что онъ не наслѣдовалъ отъ

матери ни одного изъ ея отталкивающихъ качествъ. Въ свое время онъ былъ отцомъ своихъ крестьянъ, и, въ память этой доброты, всѣ и кто какъ могъ, лелѣяли бѣднаго сумасшедшаго. Къ тому же больной былъ смиренъ, словно дитя, и, года два, какъ почти пересталъ говорить: проснется, одѣнется, раскланяется съ кѣмъ-то, выпьетъ чашку или двѣ чаю, и просидитъ передъ зеркаломъ до обѣда, то улыбаясь, то дѣлая гримасы. За обѣдомъ иногда, если прислуга не усмотритъ, онъ опрокидывалъ кушанья на скатерть, и всегда долго смѣялся послѣ этой продѣлки. Вечеромъ пилъ чай, раздѣвался и ложился спать, постоянно спрашивая, какова погода. Если ему отвѣчали, что хороша, онъ приказывалъ приготовить охоту; если говорили, что дурна, ложился въ постель. Ни матери, ни врача, ни сосѣдей онъ не узнавалъ, а священника боялся и дѣлалъ все, чего бы послѣдній ни потребовалъ. Но смиренъ и кротокъ онъ бывалъ только въ своихъ комнатахъ; чуть же за порогъ, у него мгновенно появлялась охота ломать все и разбивать въ дребезги. Особенность эта до того усилилась, что лѣтомъ почти уже не выводили его на свѣжій воздухъ, развѣ священникъ садился съ нимъ въ экипажъ и возилъ его гулять по окрестностямъ. По совѣту врача, пришлось даже сдѣлать у него рѣшетки на окнахъ, потому что однажды онъ ушелъ, прибилъ двухъ человѣкъ, свернулъ головы нѣсколькимъ гусямъ и скрылся въ садъ, гдѣ съ трудомъ его отыскали и еще съ большимъ трудомъ сняли съ высокаго дерева. Въ послѣднее время, однако-жъ, разъ или два въ годъ, на него находили пароксизмы бѣшенства по недѣлѣ, а иногда и больше. Впрочемъ, домашніе привыкли предузнавать это событіе: онъ обыкновенно начиналъ кричать пѣтухомъ, потомъ лаялъ по-собачьи, ревѣлъ быкомъ — и это все по нѣскольку часовъ сряду, пока не впадалъ въ бѣшенство. Тогда его запирали на ключъ и посматривали въ окошечко, вдѣланное въ дверь, даже не подавая пищи, къ которой больной во все время припадка чувствовалъ отвращеніе. Послѣ этого обыкновенно впадалъ онъ въ продолжительный сонъ и просыпался снова кроткимъ и смирнымъ.

Однажды утромъ Дымкова сидѣла въ своемъ кожаномъ креслѣ. Возлѣ нея на диванѣ, на мягкой подушкѣ, лежала необыкновенно жирная и злая моська чрезвычайно раздражительнаго нрава. Стоило кому-нибудь неосторожно стукнуть, сказать слово громче обыкновеннаго, — и собака начинала ворчать; если кто, кромѣ старухи, прикасался къ ней, она

поднимала визгъ, а иногда и вой на всю комнату. На кругломъ столикѣ передъ старухой стоялъ самоваръ и всѣ принадлежности чая, разставленныя и разложенныя по заведенному издавна порядку. Возлѣ стола, держа руку на чайникѣ, торчала неподвижно, подобно муміи, морщинистая старуха въ темномъ ситцевомъ капотѣ, съ такимъ же платкомъ на головѣ, и ожидала приказанія. Двѣ другія старухи, сложа руки на груди, держались поодаль, а дворецкій, съ подносомъ подъ мышкой, прислонясь къ притолкѣ, мутными и полусонными глазами смотрѣлъ на барыню, казалось, ни о чемъ не думая, и ожидалъ чашки Михаила Егоровича.

— Что же нейдетъ отецъ Василій? спросила, наконецъ, старуха, повидимому не обращаясь прямо ни къ кому изъ присутствовавшихъ.

Горничныя переглянулись, дворецкій хотѣлъ отвѣтить, но закашлялся, причемъ моська подняла голову и сердито заворчала.

— Старый болванъ! не можешь не раскашляться. Что, мопинька! что, голубушка! продолжала Дымкова, подавая кусокъ сахару собакѣ: перестань, Додинька! Чего же молчишь, глухарь этакой? Отошла обѣдня?

— Отошла, матушка Ѳедосія Лаврентьевна; почитай четверть часа, какъ Милушинскіе господа проѣхали.

— А кто былъ изъ Милушинскихъ?

— Виноватъ, матушка Ѳедосія Лаврентьевна, не досмотрѣлъ-съ.

— Ты ничего не досматриваешь.

Одна изъ старухъ сдѣлала шагъ впередъ.

— Никакъ только барыня съ меньшимъ барчукомъ: мнѣ Мотька сказывала.

— А у тебя что за дружба съ Мотькой? А? Давно-ли это заводите вы шашни съ деревенскими?

Собака снова заворчала.

— Что, Додинька! полно голубушка! Вотъ придетъ отецъ Василій, дадимъ чаю Додинькѣ. Танька! сказала Дымкова, обратясь къ женщинѣ, стоявшей поодаль: сбѣгай, узнай, отчего нѣтъ отца Василья и будетъ ли онъ?

— Слушаю-съ! проговорила сгорбившаяся старушка и зашаркала башмаками, не отдѣляя ихъ отъ пола, спѣша исполнить приказаніе барыни.

Минутъ черезъ пять она возвратилась и сказала, что отецъ Василій уже у крыльца. Вскорѣ вошелъ худощавый священникъ и, помолясь на образа, поднесъ Дымковой просфору.

— Садитесь, батюшка! А я думала, что вы не придете.

— Случилась треба неожиданно, говорилъ священникъ садясь, причемъ моська сердито заворчала.

— Полно, мопинька! чайку дамъ, чайку! Что же ты, Парашка, зѣваешь? сказала старуха, обращаясь къ женщинѣ, державшей чайникъ: аль ты не знаешь, что барыня еще ничего ни пила сегодня?

— А у насъ было довольно у обѣдни, сказалъ священникъ: нѣсколько господъ изъ сосѣдства.

— Что же такъ?

— Да отецъ благочинный нездоровъ, такъ въ Водяництомъ служенія не было.

— А!

Въ это время былъ налитъ чай. Дворецкій подошелъ къ столику, взялъ знакомую чашку и вышелъ.

— Ну, что? каковъ Михаилъ Егоровичъ? спросилъ священникъ.

— По-старому, отецъ Василій! тихъ и смиренъ.

— Что-то давненько Елена Михайловна не пишетъ.

— Не о чемъ видно. А я вотъ о ней-то и хотѣла поговорить съ вами.

— Что прикажете, Ѳедосія Лаврентьевна!

— А то, батюшка, что я человѣкъ старый, Миша плохъ —тутъ старуха скривилась немного—ну заболѣй я или умри, —кто его присмотритъ сердечнаго? Какъ можно оставить бѣдняжку! продолжала старуха всхлипывая, причемъ и всѣ горничныя сдѣлали гримасы, каждая согласно съ принятыми правилами: мнѣ кажется, что пора Леночку взять домой.

— Это совершенно зависитъ отъ васъ, сказалъ священникъ, ставя чашку на столъ.

— Не прикажите ли еще чашечку? Парашка! что же ты зѣваешь? Да-съ, отецъ Василій, я полагаю непремѣнно взять Леночку.

— Опасаюсь одного, Ѳедосія Лаврентьевна; можетъ быть она не кончила воспитанія.

— Эхъ, отецъ Василій! къ чему женщинѣ воспитаніе? Ей вѣдь почти семнадцать лѣтъ! Въ наше время...

— То было въ наше время, кротко проговорилъ священникъ: а теперь другія требованія.

— Да кто посмѣетъ чего требовать отъ столбовой дворянки съ тысячью душъ приданаго?

— Чѣмъ кто выше стоитъ и чѣмъ кто богаче, тому и образованіе должно быть соотвѣтственнѣе.

— Да ужъ изъ нея и такъ, я думаю, сдѣлали заморскую куклу. Вѣдь Маша—та хоть и дочь моя, а—не тѣмъ будь помянута,—по мужниной дудкѣ пляшетъ: школитъ бѣдныхъ дѣтей съ утра до вечера.

Священникъ не сказалъ на это ни слова.

— Не прикажете ли еще чашечку?

— Покорно благодарю!

Въ это время старуха занялась приготовленіемъ чаю со сливками и булкой для моськи. Жадное животное, ворча, вылокало большую тарелку и, ворча же, улеглась на подушкѣ.

Прислуга Дымковой знала свое дѣло и мигомъ разобрала со стола всѣ принадлежности, разставила по мѣстамъ и вскорѣ размѣстилась у дверей, сложа на груди руки и ожидая приказаній.

— Рѣшиться-то я рѣшилась, начала старуха: — только, отецъ мой, не знаю, какъ быть съ дорогой.

— Полагаю, Марьѣ Егоровнѣ слѣдуетъ привести племянницу, да и васъ навѣстить.

— Это было бы хорошо, но вѣдь будетъ верстъ шестьсотъ.

— Не выйдетъ и пятисотъ.

— Эхъ какъ бы такъ! Ну а если Машѣ нельзя?

— Петръ Петровичъ привезетъ.

— Ужъ, отецъ Василій, не говорите! Этотъ увалень ни для отца роднаго не поѣдетъ. Я думала-было снарядить карету и послать... Но на кого положиться?

— Не совѣтовалъ бы, Ѳедосія Лаврентьевна. Во первыхъ сколько времени нужно для этого, а во вторыхъ безпокойно. Нѣтъ ужъ надо Марьѣ Егоровнѣ или Петру Петровичу на почтовыхъ.

— Что ты, отецъ мой! да я отродясь не ѣзжала на почтовыхъ! Вѣдь этакъ пожалуй голову свернуть можно.

— И, матушка Ѳедосія Лаврентьевна, Богъ съ вами! Ѣхать можно велѣть почтарю хоть и шагомъ, только дѣло въ томъ, что не надо останавливать кормить лошадей.

Старуха вздохнула.

— И то правда, отецъ Василій! теперь все уже не по-старому. Прежде бывало ѣдетъ богатый помѣщикъ, такъ издали видно, словно свадебный поѣздъ, а теперь набьются, какъ сельди въ боченкѣ... охъ, охъ!

Отецъ Василій улыбнулся, но не возражалъ.

— Такъ совѣтуете, батюшка, взять Леночку!

— Повторяю, что это въ вашей власти. Говоря по совѣсти, и я того же мнѣнія. Только скучновато покажется у насъ молоденькой барышнѣ.

— Нѣтъ ужъ, отецъ Василій, на этотъ счетъ будьте покойны: скучать-то ей будетъ некогда, занимаясь хозяйствомъ и работой.

— Оно такъ, да вѣдь подумайте и о возрастѣ. Не мѣшало бы купить и фортепьяно.

— Къ чему? Отъ матери остался отличный клавесинъ: тысячу бумажками заплаченъ.

— По крайней мѣрѣ, требуется исправить.

— Ну, ужъ вы, батюшка, сами похлопочите объ этомъ. Не поѣдете ли въ городъ, такъ отыщете тамъ какого нѣмца, только подешевле.

— Можно будетъ послать въ Милушино: у Алексѣя Дмитріевича капельмейстеръ, говорятъ, строитъ фортепьяно.

— Такъ стало быть, отецъ Василій, вы меня одобряете? Помогите же старухѣ и напишите Машинькѣ письмо, чтобъ привезла Леночку: что-де я больна, стара и нѣтъ у меня никого, да и Миша плохъ, голубчикъ.

— Всегда радъ служить вамъ, Ѳедосія Лаврентьевна! Завтра утромъ привезу письмо, прочтемъ, а вы подпишите, и — на почту.

— Куда же вы?

— Есть кое-какія неотлагательныя надобности.

Снова тишина воцарилась въ комнатахъ Ѳедосьи Лаврентьевны. Старуха склонилась и задумалась, положивъ руку на голову моськи. Горничныя неподвижно стояли, прислонясь къ стѣнѣ, и только старинные часы съ какимъ-то особеннымъ скрипомъ однообразно стучали маятникомъ.

II.

Тетка Леночки, Марья Егоровна, хотя и не была достойною дочерью своей матушки, однако удержала кое-что изъ характера послѣдней и внесла въ тихій домъ своего мужа кое-какія нововведенія, касательно женской прислуги. Она была не то что не добра, но, какъ говорятъ простолюдины, съ изъясненіемъ и любила пожурить кого слѣдовало и не слѣдовало. Мужъ удерживалъ ее, по возможности, и если не могъ передѣлать того, что всосалось съ материнскимъ молокомъ, то, по

крайней мѣрѣ, придалъ характеру Марьи Егоровны наружную мягкость, отъ чего, впрочемъ, нисколько не было легче домочадцамъ. Дѣтей у нихъ было два сына и дочь, которымъ отецъ старался дать хорошее воспитаніе.

Какъ сказано выше, Леночка до шести лѣтъ жила у бабки на безусловной волѣ и дѣлала, что хотѣла въ полномъ смыслѣ слова, потому что бабушка ея принадлежала къ чису тѣхъ личностей, которыя, избаловавъ ребенка въ младенчествѣ, начинаютъ съ нимъ обращаться строго не въ пору и неразумно. Такимъ образомъ Леночка переѣхала въ домъ къ теткѣ капризной, своевольной дѣвчонкой, и много стоило труда Марьѣ Егоровнѣ привести въ порядокъ невыносимую племянницу. Шалостямъ ея не было конца, и уже Марья Егоровна серьезно подумывала отослать ее обратно, боясь заразить дурнымъ ея примѣромъ дочь свою, ровесницу Леночки. Года два возилась она съ упрямымъ ребенкомъ, наконецъ попалась ей очень умная и находчивая гувернантка. Съ тѣхъ поръ характеръ Леночки началъ измѣняться, и доброе отъ природы дитя со всей силой юнаго чувства привязалось къ воспитательницѣ. Инстинктивно понималъ ребенокъ любящую благородную натуру гувернантки и жадно воспринималъ всѣ ея прекрасныя качества. Другая дѣвочка, дочь Марьи Егоровны, была тихое дитя, но тихое не по природѣ, а вслѣдствіе страха, который и былъ причиной, что она слишкомъ рано начала хитрить. И нельзя было обвинять гувернантки, что она не дѣйствовала энергически на лицемѣріе, становившееся основной чертой характера этого бѣлокураго созданьица. Марья Егоровна не могла нарадоваться на свою Лизу и, не смотря на всѣ совѣты гувернантки, разсыпала похвалы ребенку въ глаза за смиреніе и благоразуміе. И точно, Лиза, при свидѣтеляхъ, была тише воды, ниже травы; но подбить отважную Леночку на шалость было ея дѣло, и когда эта съ благородной гордостью не выдавала подруги, Лиза смиренно стояла, потупивъ глазки. Если случалось, что Леночку подвергали за это наказанію, Лиза, улучивъ свободную минуту, обнимала подругу и жалѣла о ней, но только безъ свидѣтелей! Впослѣдствіи гувернантка смекнула все это, разсказала Марьѣ Егоровнѣ; но всѣ мѣры не имѣли уже того успѣха, какой онѣ имѣли бы при началѣ, когда лицемѣріе не пустило еще глубокихъ корней въ сердцѣ смиренницы. Годы шли своимъ чередомъ. Лиза и Леночка росли и учились, а наконецъ Марья Егоровна замѣтила, что имъ уже какъ-то неловко показываться въ пан-

талончикахъ и короткихъ платьицахъ, и двоюродныя сестры поступили въ число взрослыхъ дѣвицъ на балахъ своего околотка. Леночка была хорошенькая стройная брюнетка и имѣла очень доброе сердце. Училась она хорошо и знала основательно многіе предметы. Въ сосѣдствѣ жилъ дѣльный учитель музыки: пользуясь его уроками, Леночка въ семнадцать лѣтъ отлично играла на фортепьяно, не такъ какъ многія изъ ея сверстницъ, для того чтобы пробарабанить что есть мочи выученную наизустъ пьесу для удовольствія гостей или родителей, а играла вѣрно и отчетливо. Достигнувъ возраста, когда женщина смотритъ уже на жизнь, какъ на сцену, на которой и для нея готовится роль, Леночка быстро измѣнилась. Умъ ея получилъ довольно раннее развитіе; домашнее воспитаніе въ деревнѣ, гдѣ волей-неволей дѣти живутъ нераздѣльно съ общественною жизнью, было причиной, что она рано начала понимать свое собственное положеніе. Прикоснувшись къ свѣтскимъ удовольствіямъ, она заплатила дань возрасту: весело слушала она, какъ напѣвали ей нѣжности, и увлекалась; но, по возвращеніи въ свою комнату и ложась въ постель, часто подумывала о будущемъ. Ей хорошо было извѣстно, что она богата, что все, въ чемъ иногда отказываетъ себѣ тетка, будетъ къ ея услугамъ; но знала и то, что отецъ ея сумасшедшій, и что рано или поздно, а надо ей возвратиться въ Витаево, къ больному отцу, къ дряхлой бабкѣ, на грустную одинокую жизнь и кто знаетъ, на сколько времени. Въ особенности, съ нѣкоторыхъ поръ, Леночка начала задумываться не на шутку. Двоюродная сестра ея Лиза была много, много что недурна собою. Имѣя хорошую фигуру и блестящіе глазки, въ семнадцать лѣтъ она могла нравиться; обладая порядочнымъ приданымъ, могла сдѣлать выгодную партію, но только не въ присутствіи Леночки.

Марья Егоровна очень хорошо все это видѣла, и хотя, ссылаясь на плохое содержаніе, присылаемое племянницѣ (что было несправедливо), она одѣвала Лизу съ большимъ вкусомъ и богаче, однако красота и умъ Леночки, а главное магическія слова: »наслѣдница тысячи душъ« уничтожали всѣ ухищренія Марьи Егоровны. Одинъ Богъ знаетъ, какія чувства питала она къ племянницѣ, но въ послѣднее время частенько начала погаваривать, что Ѳедосья Лаврентьевна скупится. Леночка, съ своей стороны, поняла, что она хоть въ самомъ дѣлѣ и не въ тягость роднымъ, однако тетушка неласкова съ нею, какъ прежде, въ особенности съ тѣхъ поръ,

какъ начали онѣ выѣзжать вмѣстѣ съ кузиной. У женщинъ есть собственно имъ принадлежащая тонкая прозорливость въ иныхъ случаяхъ, и какъ бы онѣ молоды ни были, а удивительно быстро понимаютъ свои отношенія къ окружающимъ и угадываютъ скрытую мысль въ поступкахъ того; отъ кого онѣ зависятъ болѣе или менѣе. Леночка въ сильной степени обладала этимъ двойнымъ зрѣніемъ, причиной развитія котораго было ея собственное положеніе съ дѣтства. Она тотчасъ догадалась въ чемъ дѣло, и какъ ни утѣшалось ея самолюбіе при видѣ заискиваній со стороны всѣхъ мужчинъ въ окрестности, но потому ли, что ея никто не увлекъ серьезно, или богатая невѣста имѣла иные виды въ будущемъ, только она равнодушно принимала всѣ поклоненія и забавлялась надъ своими обожателями. Съ сознаніемъ собственныхъ достоинствъ, зародилась въ ней и возрастала прогрессивно любовь къ независимости, которую она знала только въ младенчествѣ, но о которой всегда оставалось у него отрадное воспоминаніе. Двѣнадцать лѣтъ пребыванія въ домѣ тетки, въ продолженіе которыхъ она не знала ни одной минуты вполнѣ свободной, ей собственно принадлежавшей, не могли изгладить изъ ея памяти тѣхъ дней, когда она рѣзвилась, капризничала, рвала куклы, ломала игрушки и, словомъ, не знала преграды своимъ дѣтскимъ прихотямъ. И вотъ, мало по малу, желаніе возвратить эту отрадную независимость сдѣлалось единственной цѣлью ея существованія. Обдумывая его со всѣхъ сторонъ, она какъ-то намекнула объ этомъ теткѣ. Марья Егоровна, казалось, ожидала этого, и въ ту же минуту, одобривъ намѣреніе племянницы возвратиться къ больному отцу, неосторожно выказала уже слишкомъ большую нѣжность Леночкѣ, что окончательно убѣдило послѣднюю въ основательности ея предположенія.

Въ такое состояніе приходили дѣла, когда, однажды, Марья Егоровна получила отъ матери письмо, писанное отцомъ Василіемъ, но подписанное извѣстными, почти руническими буквами почерка Ѳедосіи Лаврентьевны. Леночка растрогалась отъ чистаго сердца, не зная нѣжности бабушки, а Марья Егоровна пришла въ притворное умиленіе, оттого что слишкомъ хорошо знала свою матушку. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ Василій выставилъ очень грустнымъ положеніе одинокой дряхлой старухи, живущей стѣна объ стѣну съ полоумнымъ своимъ сыномъ; въ самомъ дѣлѣ, старуха до такой степени чувствовала свое одиночество, словно у ней не было гадкой моськи для

ласкъ, и беззубой сѣдой старухи для безпрерывнаго ворчанія. Читателю извѣстна степень нѣжности бабушки къ своей единственной внучкѣ, въ которой Ѳедосія Лаврентьевна видѣла дочь невѣстки, сдѣлавшейся женою сына мимо ея воли. Она питала къ Леночкѣ равнодушіе, но всетаки желала видѣть ее у себя, во первыхъ, для того чтобы имѣть помощницу, и во вторыхъ, для того, чтобы имѣть при себѣ свѣжее существо, на которомъ могла бы иногда вымещать природное зло, казавшееся безсильнымъ на ветхой прислугѣ, потому что она давно уже привыкла ко всевозможнымъ проявленіямъ ея гнѣва.

Получивъ это письмо, совпадавшее съ желаніемъ Леночки возвратиться домой, Марья Егоровна тотчасъ же занялась приведеніемъ въ исполненіе путешествія племянницы. Ровно двѣнадцать лѣтъ не была она у матери, вслѣдствіе разныхъ причинъ, входить въ которыя будетъ здѣсь не у мѣста. Теперь же, подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ, она легко получила позволеніе мужа отвезть Леночку въ Витаево, гдѣ, кромѣ весьма естественнаго желанія видѣться съ матерью, она имѣла еще кое-какія надежды на ларецъ, обтянутый черною кожею и стоявшій подъ кроватью Ѳедосіи Лаврентьевны. Объ этомъ ларцѣ Марья Егоровна получила въ свое время намекъ отъ матери, и полагала, что настоящій случай есть самый удобный для ближайшаго знакомства съ таинственнымъ ларчикомъ. Изъ двухъ-трехъ словъ мужа Марьи Егоровны, сказанныхъ имъ вскользь, можно было заключить, что чуть ли не послѣднее обстоятельство было причиной, побудившей его отпустить жену къ тещѣ, которой онъ издавна не жаловалъ. Рѣшено было, чтобы Марья Егоровна, въ сообществѣ Лизы и Леночки, совершила путешествіе на почтовыхъ. Сборы не заняли много времени: черезъ три дня по полученіи письма карета была уложена, подорожная взята, и путешественницы выѣхали бы непремѣнно, еслибы тотъ день былъ не понедѣльникъ, который, не знаю почему, считается роковымъ; чѣмъ онъ провинился передъ людьми съ тѣхъ поръ, какъ получилъ свое названіе?

Наканунѣ отъѣзда Леночка долго не могла уснуть и, потушивъ свѣчу, вызывала всѣ воспоминанія дѣтства, какія только ясно сохранились въ ея памяти. Но изъ рѣзкихъ событій помнила она очень немного, исключая двухъ, трехъ случаевъ, а на остальномъ лежалъ только волшебный свѣтъ полной независимости. Смутно припоминала она высокую комнатку съ окнами въ садъ, но яснѣе представлялись ея памяти

очертанія деревьевъ, особенно зимою, украшенныхъ фестонами инея, когда въ печкѣ трещалъ веселый огонекъ, а большой сѣрый котъ мурлыкалъ свою сказочку. Лица няни она не могла себѣ представить, но помнила ея красную душегрѣйку и то, какъ эта няня всегда разставляла ей игрушки. Живѣе всего ей представлялся зеленый лугъ на берегу рѣки и бѣлыя березки, между которыми цвѣло множество цвѣтовъ, и быстрая рѣка, въ которой, опрокинувшись, стояли тѣ же самыя березки, и въ водѣ, за вершинами ихъ, бѣжали серебряныя облака. Сколько ни старалась она, однако-жъ не могла вызвать на память отца, хотя и казалось, что очень, очень давно представлялся ей, какъ во снѣ, человѣкъ въ бѣлой рубашкѣ съ большимъ ножемъ... Бабушку она помнила только какъ женщину очень высокаго роста, въ лицо которой всегда боялась смотрѣть, которая рѣдко приходила къ ней, приносила иногда орѣхи, пряники, ворчала на няню, а къ себѣ въ комнаты требовала внучку по праздникамъ и заставляла ее молиться Богу. Путешествіе къ теткѣ совсѣмъ вышло у нея изъ памяти. За то съ первыхъ минутъ пребыванія въ домѣ Марьи Егоровны, она помнила малѣйшее событіе, отъ перваго щипка за ухо до послѣдней минуты. Здѣсь уже мало было для нея радостныхъ воспоминаній: книжка, вязанье чулка, стоянка въ углу, всегдашнее торжество Лизы и зачастую лишеніе чаю. Присутствіе гувернантки бросало радостный свѣтъ на эти воспоминанія, но то время труда и нравственнаго переворота не вызывало радостей: точь въ точь только что вспаханное поле съ сѣрѣющими бороздами, хоть и освѣщенное солнцемъ. Правда юношеское развитіе улыбнулось Леночкѣ, но мы видѣли, какъ въ это время сознаніе положенія въ свѣтѣ затопляло думами эту хорошенькую головку. Вообще, это была натура мыслящая; что отличало ее въ глазахъ умныхъ людей и что въ особенности нравилось въ ней, это умѣнье владѣть собою и присутствіе живости во всѣхъ ея поступкахъ, даже въ движеніяхъ. Никогда ничего пошлаго, всегда благородная мысль и изрѣдка легкая насмѣшка, хотя порою колкая, но никогда не обидная. Читала она много, правда, что безъ выбора и руководства, но, казалось дурныя начала инаго сочиненія не могли имѣть вреднаго вліянія на эту душу, проникнутую какою-то художественною простотою. Это были ея свѣтлыя стороны, а изъ темныхъ можно было упрекнуть ее въ небольшомъ высокомѣріи; недостатокъ этотъ былъ тѣмъ болѣе извинителенъ въ провинціальной барышнѣ, что въ уѣздахъ 1,000 душъ имѣютъ

слишкомъ важное значеніе. Впрочемъ, это качество свойственно почти каждой дѣвицѣ, особенно если она обладаетъ тѣмъ или другимъ средствомъ, ставящимъ ее, почему бы то ни было, выше многихъ другихъ, а происходитъ ли оно въ уѣздной барышнѣ оттого, что у отца ея 1,000 душъ, а у столичной львицы оттого, что прадѣдъ ея получилъ графское достоинство, право, это все равно. У Леночки, впрочемъ, высокомѣріе было болѣе подражательнымъ: ей нравились нѣкоторыя героини романовъ, нѣкоторыя дамы высшаго круга, пріѣзжавшія на лѣто въ Крымъ или Одессу, и она въ особенности усвоивала манеры послѣднихъ, оставаясь въ душѣ самой доброй, симпатичной дѣвушкой. Маленькую жестокость съ одной стороны ея характера чувствовали только ея тетка или кузина, да двѣ, три сосѣдки, имѣвшія кое какія претензіи; со всѣми же остальными Леночка вела себя непогрѣшительно. Больше всѣхъ въ домѣ ее любилъ мужъ Марьи Егоровны, человѣкъ образованный, добрый, но до того привязанный къ своему конскому заводу, что день, въ который онъ не побывалъ въ конюшнѣ или на выводкѣ, считалъ потерянымъ. Но, лежа въ своемъ длинномъ креслѣ у камина, онъ охотно бесѣдовалъ съ Леночкой, хотя часто и о лошадяхъ, однако, случались у нихъ разговоры и болѣе интересные.

Изъ числа молодыхъ людей, посѣщавшихъ домъ тетки, никто не нравился ей въ особенности, потому что въ описываемое время въ ихъ околоткѣ не было людей ни истинно образованныхъ, ни истинно занимательныхъ, мимолетныя же случайныя встрѣчи не дѣлали на нее глубокаго впечатлѣнія. Какой-то гусаръ въ Одессѣ занялъ было Леночку на время, но онъ былъ постояннымъ кавалеромъ одной пріѣзжей хорошенькой польки, и благородная гордость дѣвушки восторжествовала, показавъ ей, что чувство къ гусару было не болѣе, какъ увлеченіе. Конечно, всѣ мѣстные кавалеры старались ей нравиться, но, не представляя ничего занимательнаго, тѣшили только ея самолюбіе, безъ особеннаго вліянія на ея сердце.

Наконецъ, Марья Егоровна выѣхала. Во всю дорогу Леночка строила планы, какъ она будетъ жить въ Витаевѣ. Изъ словъ тетки она знала, что бабушка ея очень суровая женщина, скупая и ворчливая; но это нисколько не мѣшало молодой дѣвушкѣ мысленно устроить себѣ независимую жизнь и создать предположенія о сколько нибудь интересномъ сосѣдствѣ. Ее уже утѣшала мысль, что, по крайней мѣрѣ, она

будетъ дома, а къ морали бабушки Леночка привыкала заранѣе, не чувствуя себя способною подавать поводъ къ серьезнымъ упрекамъ и освоившись съ убѣжденіемъ, что надо угождать сварливой старухѣ. Но задушевной ея мыслью была какая-то утѣшительная надежда облегчить положеніе больнаго отца и по возможности употребить средства къ приведенію его въ нормальное состояніе. Чувства дочерней любви и независимости были равносильны въ энергической дѣвушкѣ. Съ такими мыслями подъѣзжала Леночка къ Витаеву.

Иначе думала, приближаясь къ нему, Марья Егоровна. Основываясь на положительныхъ данныхъ, она очень хорошо знала, какая жизнь ожидала племянницу дома и сколько рѣзкостей и непріятностей было въ ворчаньѣ Ѳедосіи Лаврентьевны, наконецъ, какъ велика скупость послѣдней не только въ издержкахъ денежныхъ, но даже и въ расходахъ домашнихъ матеріаловъ. Если старуха и высылала ежегодно 500 цѣлковыхъ на воспитаніе внучки, то кромѣ платы за ученье и на гардеробъ, кто знаетъ, какая еще имѣлась цѣль въ виду, а образъ жизни въ Витаевѣ былъ слишкомъ хорошо знакомъ Марьѣ Егоровнѣ. Но послѣдняя не смущала племянницы, не пугала ея въ вознагражденіе за то, что Леночка, добровольно избавляя ее отъ своего присутствія, давала тѣмъ возможность Лизѣ играть замѣтную роль въ обществѣ. Однако же все это были мысли второстепенныя; были еще двѣ главныя, и только не знаю, которая изъ нихъ первенствовала: желаніе ли видѣть мать, или заглянуть во внутренность кованаго ларчика? По крайней мѣрѣ, обѣ эти мысли, бокъ о бокъ, занимали мѣсто въ головѣ Марьи Егоровны.

III.

Часу въ пятомъ, послѣ обѣда и послѣ довольно продолжительнаго отдыха, Ѳедосія Лаврентьевна сидѣла по обычаю въ своемъ креслѣ, въ обществѣ, знакомыхъ намъ, моськи и прислуги. Пора была лѣтняя и въ комнатѣ, въ которой никогда не выставлялись двойныя рамы, температура доходила градусовъ до 30, чего не чувствовали ни барыня, ни ея горничныя. Привыкнувъ издавна не встрѣчать никакого противорѣчія въ однообразной жизни своей, Ѳедосія Лаврентьевна, по временамъ, чувствовала страшную скуку, особенно съ тѣхъ поръ, какъ измѣнило ей зрѣніе и лишило ея одного изъ лучшихъ развлеченій—раскладывать пасьянсъ. Съ незапамятныхъ

временъ установленные обычаи и порядокъ мало представляли ей случаевъ серьезно вымыть кому нибудь голову, хотя конечно, она находила возможность придираться за всякую неисправность. Но выпадали дни, когда и придираться было не за что, по крайней мѣрѣ, не всѣ оказывались виновными даже и въ мнимыхъ погрѣшностяхъ. Отецъ Василій приходилъ только по приглашенію, да по праздникамъ приносилъ просфору старухѣ, съ управляющимъ же Дымкова разговаривала лишь о дѣлахъ, въ которыхъ, впрочемъ, она не имѣла никакого понятія. Изъ всего этого слѣдовало, что старуха, по временамъ, очень скучала. Прежде, бывало, хоть моська развлекала ее, но теперь и она рѣдко приподымалась съ подушки. Три горничныя постоянно, за исключеніемъ посылокъ, присутствовали въ ея комнатѣ, но онѣ не смѣли начинать какого бы то ни было разговора, а между тѣмъ старуха ни за что не могла оставаться одна. И вотъ, когда скука одолѣвала ее въ высшей степени, она собирала по какому нибудь случаю домашній совѣтъ изъ наличной мужской и женской прислуги. Разумѣется, что въ этомъ совѣтѣ желанія ея не находили и тѣни оппозиціи, да онъ и созываемъ былъ не съ этою цѣлью, но, отбирая мнѣніе каждаго и каждой, старуха находила десятки причинъ выбранить совѣтниковъ и припомнить имъ даже многіе старые грѣхи, до того старые, что не одному и не одной изъ обвиняемыхъ они казались совершенною новостью. Не сомнѣваясь, что Марья Егоровна тотчасъ же исполнитъ ея желаніе, она занялась приготовленіемъ для внучки комнатъ и разныхъ разностей, необходимыхъ молодой дѣвушкѣ. Это уже было само по себѣ развлеченіе, служившее также для созванія совѣта, что очень понравилось старухѣ, которая, не ограничиваясь однимъ общимъ засѣданіемъ, требовала совѣтниковъ своихъ по поводу самаго пустаго обстоятельства. Наконецъ, двѣ комнатки были приготовлены, вымыты и въ нихъ разставлены и развѣшаны украшенія, лежавшія дотолѣ въ кладовыхъ и почти негодныя къ употребленію. Капельмейстеръ сосѣда осмотрѣлъ фортепьяно, сказалъ, что инструментъ неспособенъ, но что его можно настроить. И ему это было приказано сдѣлать. О туалетѣ Леночки старуха не хлопотала, потому что и материнскихъ шелковыхъ платьевъ еще оставалось довольно, да и въ Витаевѣ не къ чему рядиться. По всѣмъ этимъ предметамъ все уже было рѣшено и приведено въ исполненіе. Оставалось только одно обстоятельство: гдѣ поставить пяльцы Леночки, въ ея ли комнатѣ или въ комнатѣ старухи

и по этому поводу Ѳедосія Лаврентьевна, сидя подъ вечеръ въ креслѣ, велѣла кликнуть дворецкаго и Фильку, малаго лѣтъ 60, тощаго, съ жиденькими сѣдыми волосами, но всегда чисто выбритаго и повязаннаго бѣлою косынкой. Когда всѣ совѣтники были на лицо и размѣстились, по своей привычкѣ, гдѣ кому было удобнѣе обо что опереться, Ѳедосія Лаврентьевна обратилась къ дворецкому.

— Ну, какъ думаешь, Миронычъ, сказала она:—гдѣ лучше всего поставить пяльцы барышни?

— Вѣстимо вотъ здѣсь, матушка Ѳедосія Лаврентьевна, отвѣчалъ дворецкій, указывая рукою такъ, что указываніе это не относилось собственно ни къ какому мѣсту.

— Да гдѣ же здѣсь-то?

— А вотъ здѣсь, говорю, сказалъ дворецкій, указавъ въ этотъ разъ по направленію къ дивану.

— Вотъ и видно неотесаннаго мужика, а кажись не первый годъ служишь въ господскомъ домѣ! По твоему пяльцы на диванъ поставить? а?

— Никакъ-съ нѣтъ, а возлѣ.

— Олухъ этакой! ужъ посовѣтуетъ! Да какъ же работать въ углу? вѣдь ничего не видно!

— Примѣрно, сударыня, не то что за диваномъ, а, значитъ, вотъ такъ, немножечко сюда.

И снова дворецкій описалъ рукою дугу въ воздухѣ, одинъ конецъ которой упирался въ часы, а другой протягивался къ образамъ.

— Ничего не смыслишь! Ну, а ты, Терентьевна, обратилась старуха къ ключницѣ:—ты какъ бы думала?

— Я думала бы, по глупому разумѣнію, матушка-сударыня, придвинуть пялечки-то вотъ къ самому окошечку.

— Чтобы, по твоему глупому разумѣнію, внучка сидѣла спиной къ бабушкѣ! И ты хороша, нечего сказать, а вѣдь за мной больше сорока лѣтъ ходила! Да что вы всѣ стали такіе безтолковые? или собрались сердить меня?

— Не во гнѣвъ будь сказано, матушка Ѳедосія Лаврентьевна, молвила, немного смѣшавшись, ключница:—я не успѣла договорить. Изволите видѣть, пяльцы поставить бы къ окошечку, а за ними къ стѣнкѣ стулъ, такъ что и барышня бы работали, да и къ вамъ были бы обернумши личикомъ-съ.

— Совсѣмъ умъ выстарѣла! Да какъ же ей работать-то за свѣтомъ? Э, Терентьевна, ты что-то завираешься; чего добраго, не была ли у Мироныча въ буфетѣ, да не вспоми-

нала-ли прежнее кумовство? Смотрите у меня! я вѣдь дурь-то скоро выгоню!

Ключница потупилась, молча, а дворецкій вздохнулъ изъ глубины души. Водился грѣхъ, вспоминали они кумовство съ ключницей въ буфетѣ, но это было очень давно, когда еще въ буфетѣ имѣлись разныя водочки, наливочки, при жизни молодой барыни.

— Ну, а какъ ты думаешь, Танька? отозвалась Дымкова къ старушенкѣ, служившей обыкновенно для посылокъ.

— Я думаю, сударыня, совсѣмъ ихъ здѣсь не ставить; вотъ что-съ!

— А гдѣ же?

— Да у барышни-съ.

— Чтобы барышня ничего не дѣлала! А мнѣ-то развѣ не скучно будетъ одной?

— Поработамши, барышня приходили бы къ вамъ съ другой какой работой.

— Вотъ это сколько-нибудь похоже на дѣло. Да ты-то что, голубушка, повязалась краснымъ платкомъ? что это у тебя сегодня за праздникъ.

— Видите-съ, матушка-сударыня, говорила Танька, смѣшавшись: тотъ ветхонекъ... начали въ кухнѣ смѣяться.

— Что ветхонекъ? Ахъ ты щеголиха этакая! Давно ли я вамъ купила коричневые платки! почитай году не будетъ! А кто это изволитъ смѣяться надъ тобою?

— Да такъ иногда въ кухнѣ-съ.

— Что же? имъ вѣрно дѣла никакого нѣтъ? Миронычъ! ты зачѣмъ смотришь? чѣмъ занимается дворня?

— Обыкновенно, матушка, своимъ дѣломъ занимается.

— То-то дѣломъ! А ты, голубушка, ступай-ка да сними красный платокъ! Больно прытка стала. Ступай сейчасъ!

Танька зашаркала башмаками и съ удовольствіемъ вышла отъ барыни.

— Ну, а ты, Филька, что думаешь? хорошо ли будетъ барышнѣ работать за пяльцами въ своей комнатѣ?

Филька рѣшительно ничего не слышалъ. Дворецкій толкнулъ его, указывая на Ѳедосію Лаврентьевну.

— Ась? проговорилъ онъ выпрямляясь.

— Глухой тетеревъ! я спрашиваю, гдѣ лучше быть пяльцамъ—здѣсь или у барышни въ комнатѣ, спросила Дымкова громче.

— Барышнѣ пяльцы?

— Ну, да.

— А зачѣмъ имъ пяльцы?

— Какъ зачѣмъ, дурачина? работать!

— Не барское дѣло, матушка-сударыня.

— Какъ не барское дѣло? спросила еще громче Дымкова.

— Мало ли на деревнѣ дѣвушекъ? можно выбрать полдесятка и посадить за работу.

— Вона куда мѣтитъ! Ахъ ты, чучело заморское! Стыдился бы озорникъ этакой! Ему все дѣвушки на умѣ! старый ферлакуръ этакой! Я думаю, по получасу въ зеркало высматривается. Миронычъ! спрашиваешь ли ты съ него работу.

— Какъ же, матушка!

— Вывязываетъ урокъ?

— Прежде Митьки.

— Да нѣтъ ли у него какой любезной! Можетъ быть помогаетъ ему.

— Помилуйте-съ!

— Дѣвушки! продолжала Дымкова, строго смотря на Фильку:—чай вѣдь на посидѣлки таскается? Погодите-тко! вотъ я прикажу управляющему присмотрѣть...

Всѣ хранили глубокое молчаніе.

— А этой дряни и спрашивать нечего, продолжала старуха, указывая на горничную невѣстки: она, пожалуй, придумаетъ такъ, что и она, и барышня цѣлый день будутъ сидѣть, сложа руки. Скверная морда этакая! чего изволила нахмуриться, словно три дня не ѣла?

— Голова болитъ-съ.

— Голова! этакая нѣженка! Можетъ быть, у меня чаще твоего болитъ. Еще больше объѣдалась бы варенъемъ, прожора проклятая! О, да поймаешься когда-нибудь! Не даромъ я сегодня замѣтила, что вишенъ-то недоставало.

— Я же при васъ варила...

— Молчать! еще смѣешь оправдываться! — А вѣдь лампадки-то и не повѣсили у Леночки, Терентьевна! обратилась старуха къ ключницѣ.

— Не изволили приказывать, матушка.

— Я такъ и думала: сами никогда не догадаетесь.

— Не знали какую. Вѣдь у насъ ихъ много...

— То-то много! А тебѣ хотѣлось бы, чтобъ ни одной не было. Знаю я васъ! Лѣнь чистить! Послѣ чаю принесть всѣ ко мнѣ, да заставить этого глухаря перечистить. Вишь ему на умѣ дѣвушки...

Но Филька, не слыша порядкомъ, о чемъ шла рѣчь, стоялъ преспокойно.

— Терентьевна! принесть мнѣ также изъ кладовой узоры; надо отобрать, которые получше.

— Слушаю-съ.

— Ступай, Миронычъ! да смотри, заставить глухаря Фильку перечистить лампы, а не то онъ какъ разъ улизнетъ къ дѣвушкамъ, прокричала старуха.

Никто, кромѣ Ѳедосіи Лаврентьевны, не могъ бы не улыбнуться при одномъ взглядѣ на Фильку, который зачастилъ своими короткими ножками и, поправляя галстухъ, отправился вслѣдъ за дворецкимъ, смиренно потупя взоръ.

— А гдѣ же Танька-то?

— Вы изволили послать перемѣнить платокъ.

— Долгонько же она выряжается: вѣрно, бестія, передъ зеркаломъ! А давали пить Додинькѣ?

— Какъ же-съ, отозвалась Палашка.

— А тебя кто просилъ подавать ей воду? Развѣ ты не знаешь, что Додя тебя терпѣть не можетъ? Попробуй у меня въ другой разъ соваться не въ свое дѣло!

Въ это время, на дворѣ, послышался колокольчикъ, но Ѳедосія Лаврентьевна не слышала его, а все та же Палашка проговорила не смѣло:

— Матушка-сударыня, никакъ гости?

— Гдѣ?

— Вотъ у крыльца.

—Ахъ-ти, барыня, карета! сказала, входя поспѣшно въ комнату, Танька.

— Такъ и есть, это Машенька, проговорила старуха и, приподнявшись медленно, выпрямилась во весь ростъ.

На лицѣ ея, постоянно неподвижномъ, выразилось что-то въ родѣ внутренняго волненія.

Черезъ минуту Марья Егоровна съ крикомъ бросилась къ ней на шею, и обѣ заплакали. Объятія ихъ были однако-же непродолжительны: обѣ эти натуры были очень сухи, и что у другой матери съ дочерью не прошло бы въ полчаса, то у нихъ кончилось въ двѣ минуты. Лиза и Леночка стояли поодаль. Моська визжала, словно ее душили.

Марья Егоровна сначала представила Лизу, которая съ подобающею поспѣшностью бросилась къ ручкѣ бабушки и облила ее приличными слезами. Ѳедосія Лаврентьевна нѣсколько разъ поцѣловала Лизу въ голову и съ любопытствомъ

взглянула на другую внучку. Леночка упала къ ней на грудь и сильно заплакала. Старуху это расшевелило немного; она машинально перекрестила единственную дочь своего сына и поцѣловала ее. Отступивъ на шагъ, она еще разъ взглянула на нее.

— А вѣдь нисколько не похожа на Мишеньку, сказала она, обращаясь къ Марьѣ Егоровнѣ, точь въ точь покойница невѣстка.

Въ эту минуту раздался вопль, словно долго сдерживаемый въ груди, и къ ногамъ Леночки упала Палагея...

— Барышня моя, родимая, голубушка, Боже мой! я дождалась васъ!...

И рыданія прерывали это изліяніе истиннаго, неподдѣльнаго чувства.

Леночка была тронута и бросилась подымать женщину.

Ѳедосія Лаврентьевна быстро оборотилась, но не сказала ни слова. На лицѣ ея отразилось снова что-то въ родѣ чувства.

Наконецъ, всѣ усѣлись, и пошли разсказы о семейныхъ дѣлахъ, неинтересные для читателя.

IV.

Пребываніе Марьи Егоровны въ Витаевѣ совершенно измѣнило образъ жизни Ѳедосіи Лаврентьевны, которая ворчала какъ-то меньше, очень полюбила Лизу и съ Леночкой обходилась довольно ласково. Но видно было, что это ненормальное состояніе нѣсколько утомляло старуху, привыкшую къ суровому однообразію.

Излишне было бы говорить, что въ первый же день пріѣзда Леночка была у отца. Несчастный не только не помнилъ, что у него была дочь, но даже испугался появленія молодой дѣвушки, и, испустивъ продолжительный крикъ, забился въ уголъ комнаты, закрылъ лицо руками и дрожалъ отъ страха. На Леночку это сдѣлало сильное впечатлѣніе и на первыхъ порахъ омрачило многія изъ ея предположеній. Пораженная до глубины души этимъ грустнымъ зрѣлищемъ, она даже мало обращала вниманія на окружавшіе ее предметы и не замѣчала предисловія къ лишеніямъ, ожидавшимъ ее въ будущемъ. Правда, что у тетки она не могла похвалиться роскошью и особенными удобствами своей комнаты; но по крайней мѣрѣ тамъ, болѣе или менѣе, все было при-

наровлено къ необходимымъ требованіямъ; витаевское же помѣщеніе, ея прежнія дѣтскія комнаты, было меблировано весьма неудобно. Несмотря на взволнованное состояніе духа, на воспоминанія, слетавшіяся къ ней изъ всѣхъ угловъ стариннаго ея жилища, на трогательную привязанность горничной покойной матери, Леночка чувствовала какой-то трепетъ при мысли объ отъѣздѣ тетки и Лизы, съ удаленіемъ которыхъ ей приходилось оставаться глазъ на глазъ съ Ѳедосіей Лаврентьевной. Ей никто ничего не говорилъ о характерѣ бабушки, но суровая фигура послѣдней, ея густой низкій голосъ, неподвижность дряхлой и безмолвной прислуги, неизмѣнная аккуратность во времени для всѣхъ обыденныхъ потребностей и два, три слова, сказанныя старухой о предстоящихъ обязанностяхъ Леночки, поколебали твердую, но впечатлительную душу дѣвочки. Судя по письму старухи, она ожидала себѣ болѣе ласковаго пріема, считая себя желанной гостьей въ отцовомъ домѣ, и вѣрила — да и что могло быть естественнѣе этой вѣры — что ей судилась священная обязанность сестры милосердія при несчастномъ больномъ отцѣ и престарѣлой его матери. Всю дорогу мысленно строила она планы, какъ отъ дорогаго ей безумца будетъ она переходить къ дряхлой бабушкѣ, утѣшать ее разсказами, читать ей что-нибудь, разспрашивать о старинѣ, а въ свободное время, пользуясь совершенной независимостью, станетъ отыскивать больныхъ и несчастныхъ въ деревнѣ и приносить имъ утѣшеніе. Ей казалось, что всѣ малѣйшія прихоти ея будутъ исполнены, что, обладая большими средствами, она, по возможности, окружитъ себя удобствами, займется новыми языками, музыкой и пріищетъ компаньонку, какую-нибудь бѣдную образованную дѣвушку, съ тѣмъ, чтобы со-временемъ устроить и судьбу послѣдней. Все это роилось въ хорошенькой головкѣ Леночки, но въ первый же день пріѣзда въ Витаево, мечты эти, словно испуганныя суровою физіономіею Ѳедосіи Лаврентьевны, начали расправлять крылья и улетать невѣдомо куда, оставляя дѣвушку лицомъ къ лицу съ ужасающею дѣйствительностью. Присутствіе Лизы и Марьи Егоровны не позволяло ни Леночкѣ сознать настоящій характеръ своего положенія, ни Ѳедосіи Лаврентьевнѣ вполнѣ обнаружиться. Прогрессъ одной и страшный обскурантизмъ другой не успѣли еще коснуться другъ друга непосредственно, потому что между ними проходили и материнское чувство къ дочери, съ которой старуха легко могла уже болѣе не уви-

дѣться, и уваженіе Леночки къ матери своего отца, и ея совершенная житейская неопытность.

Наканунѣ отъѣзда Марьи Егоровны, всѣ, послѣ вечерняго чаю, оставались въ комнатѣ старухи, желая воспользоваться какъ можно долѣе оставшимся временемъ. Отецъ Василій тоже пришелъ посидѣть вечеромъ. Это было второе лицо, послѣ Палагеи, внушившее Леночкѣ, съ перваго разу, пріязненное чувство.

Ѳедосія Лаврентьевна пришла въ такое расположеніе духа, въ какомъ не помнилъ ея никто изъ собесѣдниковъ, развѣ только старыя горничныя, удивившіяся немного разговорчивости барыни, могли бы назвать два, три подобные дня ея жизни, лѣтъ сорокъ тому назадъ, еще во времена молодости. Хотѣла ли Дымкова развеселить дочь и себя наканунѣ отъѣзда Марьи Егоровны, съ которой, по всѣмъ вѣроятностямъ, не предстояло уже ей больше свиданія, имѣла ли она другіе какіе виды, или, наконецъ, странная натура ея была причиной, только Ѳедосія Лаврентьевна была весела и подшучивала надъ окружавшими. Марья Егоровна видѣла въ этомъ хорошій знакъ и поддерживала это причудливое расположеніе духа.

— А знаете, отецъ Василій, сказала старуха, обращаясь къ священнику:—что я хоть и одинаково любила дѣтей, а все-таки сердце лежало больше къ Машѣ.

Марья Егоровна потупила глаза.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчалъ отецъ Василій:—мать чувствуетъ сильнѣе привязаность къ дочери, во первыхъ потому, что находится съ ней постоянно вмѣстѣ, а во вторыхъ, всегда страшится разлучиться съ нею при замужествѣ.

— И знаете ли? продолжала старуха:—когда бываетъ очень скучно, я припомню дѣтство Машеньки и мнѣ становится веселѣе. Хоть смолоду я и строга была, а до семи лѣтъ она, голубушка, словно сыръ въ маслѣ каталась. У меня уже такое правило, еще отъ покойницы матери: давать въ эти годы совершенную волю ребенку.

— Мнѣ кажется, перебилъ священникъ: что въ эти-то годы и удерживать бы дитя.

— Эхъ, вы не мать, батюшка! Ужъ на что Маша была шалунья?... Да чего вамъ лучше? мнѣ кажется, въ свѣтѣ не было капризнѣе и шаловливѣе Леночки, а тронула ли я ее хоть пальцемъ?

— Нѣтъ, бабушка, вы меня никогда не наказывали.

— Да ты и помнить не можешь. Палагея! обратилась старуха къ стоявшей у двери горничной покойной невѣстки: —скажи, какъ на исповѣди, штрафовала ли я когда твою барышню?

Палагея подошла шага на два къ господамъ.

— И, матушка-сударыня, кто же посмѣлъ бы это сказать! Вѣрьте, батюшка, продолжала она, обращаясь съ священнику:—что, вотъ-те Христосъ, не только барыня не тронули за ушко, аль иначе Елену Михайловну, а даже не пригрозятъ, бывало, порядкомъ. Ужъ истинно голубушка моя жила, какъ у Бога за дверью...

— То-то же! Танька! подай мнѣ голубой баульчикъ.

Танька отправилась своей походкой, не отдѣляя подошвъ отъ пола, и принесла ящикъ, въ аршинъ длиною, съ выпуклой крышкой.

Ѳедосія Лаврентьевна вынула изъ кармана ключи, отперла сундучокъ и взорамъ присутствовавшихъ представилось множество изломанныхъ игрушекъ и разноцвѣтныхъ лоскутьевъ.

При взглядѣ на нихъ, лицо Марьи Егоровны приняло умилительное выраженіе.

— Узнаешь, Маша?

Марья Егоровна съ чувствомъ поцѣловала руку матери.

— Я иногда перебираю баульчикъ и припоминаю многое. Вотъ кукла, которой Машенька выколола глаза, разгнѣвавшись! вотъ зеркальце, которое подарилъ ей переходный полковникъ! вотъ мячикъ, которымъ она ловко попадала въ лысину управляющаго! А это узнаешь, Маша?

И старуха вытащила со дна ящика ременную плетку съ тремя концами. Марья Егоровна поблѣднѣла немного. Ѳедосія Лаврентьевна, наклонясь къ дочери, поцѣловала ее въ голову.

— Разскажу вамъ, отецъ Василій, забавную исторію.

— Маменька! проговорила Марья Егоровна умоляющимъ голосомъ.

— Чего же, душа моя, совѣститься? Еслибы ты, Боже сохрани, была дурная женщина, я промолчала бы; но ты примѣрная жена и мать, значитъ, наставленія пошли въ прокъ...

Всѣ приготовились слушать.

— Хорошее это дѣло, продолжала старуха, потрясая плеткой и потомъ бережно укладывая ее на дно ящика:

Ну-съ! я сказала уже, что Машенька моя была большая шалунья. До семи лѣтъ я сквозь пальцы смотрѣла на ея проказы, а послѣ начала маленько ее пріудерживать, слегка выдеру бывало за ушко, поставлю на колѣни и этакъ, знаете, кое-какъ справлялась съ нею, потому-что покойникъ о розгахъ и слышать не хотѣлъ. Я хоть и любила въ свое время посѣчь за дѣло, даже и родное дитя, да ужъ коли мужъ запрещалъ, такъ, стало быть, надо повиноваться. Маша у меня была одна: Мишенька отданъ былъ въ науку въ Москвѣ, такъ съ однимъ ребенкомъ-то и управиться было нетрудно. Чтобъ дѣвочка не скучала, я имѣла глупость взять къ ней дочку ея кормилицы, пребѣшеную изъ всей деревни дѣвчонку. Эта Агашка, настоящій чертенокъ, года два умѣла обманывать даже меня; поглядишь, смирна, словно овечка, а она-то, какъ я узнала послѣ, подбивала и Машеньку на всѣ шалости. Да, надо вамъ сказать, хоть и не годится разсказывать, что смолоду я имѣла обыкновеніе всегда заработывать себѣ деньги на свѣчи въ церковь: свяжу, бывало, чулки, шарфъ шерстяной или вышью что-нибудь и отошлю въ городъ. У меня былъ особый сундучокъ, куда я прятала эти деньги, и, божусь, никогда ихъ не считала. Какъ-то разъ покойника мужа не было дома. Машѣ и дѣвчонкѣ ея было этакъ лѣтъ по тринадцати. Она разъ и попросила у меня денегъ на ленты: мы, говоритъ, съ Агашкой нарядимся деревенскими дѣвушками и затѣемъ игру. Я побранила ее порядкомъ, что, дескать, барышнѣ непристойно одѣваться мужичкой. Я всегда, знаете, старалась ей вселять эти мысли съизмалу. Ну, ничего, она съ тѣмъ и ушла. Послѣ обѣда, когда обыкновенно я ложилась отдыхать, я подумала: дай-ко я схожу въ садъ, на лугъ, къ рѣкѣ, гдѣ бѣлятъ холсты. Теперь жарко, деревенскія дѣвки, озорницы, знаютъ, что я сплю; вѣрно, ничего не дѣлаютъ, а забрались въ кусты и храпятъ себѣ, канальи, холсты же сохнутъ на солнцѣ. Чтобы меня не замѣтили, пробираюсь себѣ окольными дорожками и слышу веселые голоса. Эге—думаю себѣ, да онѣ не однѣ; вѣрно и парни тутъ: вотъ я ихъ! Смотрю: Маша съ Агашкой всѣ въ лентахъ съ головы до ногъ пляшутъ въ сторонѣ къ огороду, а вокругъ ихъ дѣвки припѣваютъ и потѣшаются. Вотъ оно что, думаю, и — туда. Большія-то разбѣжались, а плясуній я и схватила. Присматриваюсь къ лентамъ, не изъ моихъ ли чепчиковъ? Нѣтъ, новенькія, только простыя. Гдѣ вы набрали лентъ? спрашиваю. Маша и говоритъ, что выпросила

на время у дѣвушекъ и начала плакать. Мнѣ немного жаль стало, я побранила ее и велѣла идти снять тотчасъ крестьянскіе наряды и не смѣть никуда выходить. Я таки своимъ чередомъ отправилась на берегъ, сдѣлала свое дѣло и, возвратившись, потребовала Агашку. Допросила, знаете, мерзавку, и что же вышло? Ленть онѣ накупили у разнощика, а денегъ достáли у меня изъ шкатулки, отъ которой ключикъ висѣлъ всегда передъ образами. Чертенка-Агашку я заставила мнѣ признаться, что она давно уже совѣтовала барышнѣ взять денегъ, но та не рѣшалась, и что въ тотъ день онѣ въ первый разъ сдѣлали это, когда я уходила на кухню. Ну-съ, заперла я негодницу въ чуланъ, чтобы не было стачки, а сама къ Машѣ. Вотъ вамъ Христосъ, еслибы она призналась, я не тронула бы ея. Прихожу, знаете, и ласково спрашиваю: А что, Машенька, напроказила? ну, говори, признайся, гдѣ взяла денегъ на ленты? прощу. Она шалунья, давай выдумывать, что нашла у себя въ комодикѣ. Не ври, говорю, а лучше признайся! Она мнѣ въ ноги. Что-жъ, маменька? утащила изъ шкатулки! Хорошо, думаю, признается. Ну вставай, Машенька, и скажи, кто подучилъ тебя? — Никто, говоритъ и начала такъ страшно божиться, что у меня волосъ всталъ дыбомъ на головѣ. Сердце у меня перевернулось. Вѣдь нѣтъ больше грѣха, какъ покрывать вора; да еще собственную крестьянку, и такъ страшно божиться. Повела я Машу въ спальню, заперла дверь, привязала голубушку къ кровати, а плетка-то у меня водилась смолоду всегда, и ужъ какъ я ее изсѣкла, родимую, для ея же добра, инда и по сихъ поръ жаль. Что ни ударю и проговариваю: не покрывай вора! не обманывай матери! не божись! Она уже во всемъ винилась, да поздно. Тѣло зажило, а Маша-то вышла дѣвушка на славу. Агашку того же дня сослала я съ глазъ. Ну-съ! вотъ какъ была исторія. Танька отнеси баульчикъ!

Всѣ слушатели молчали и на всѣхъ лицахъ изображалось какое-то грустное чувство. Отецъ Василій смотрѣлъ на носки сапоговъ; Марья Егоровна сквозь слезы глядѣла на потолокъ; Леночка и Лиза боязливо прижались другъ къ другу; одна Ѳедосія Лаврентьевна улыбалась, а сѣдая прислуга ея, стояла по обычаю, безмолвно, сложивъ руки.

Старуха положила руку на плечо дочери.

— Ну, полно же, Машенька, задумываться. Ты, чай, не разъ благодарила меня за науку.

Марья Егоровна наклонилась къ матери, а та обняла и поцѣловала ее.

Ѳедосія Лаврентьевна еще кое-что разсказывала и нападала на современный костюмъ. Послѣднее, можетъ быть, относилось къ Леночкѣ, но отецъ Василій и Марья Егоровна старались доказать старухѣ, что иной вѣкъ — иныя требованія, и хоть немного образумили закоренѣлую ненависть ея къ »модамъ и чертовщинѣ.« Такъ Дымкова называла современные наряды и образъ жизни.

Послѣ ужина всѣ разошлись, но Ѳедосія Лаврентьевна съ дочерью долго еще не ложились и сидѣли въ спальнѣ, изъ которой выслана была прислуга, противъ обыкновенія. Ключница хоть плохо видѣла, однако сохранила еще слухъ и разсказывала, что, сидя въ другой комнатѣ, она слышала, какъ въ спальнѣ долго считали червонцы.

На другой день уѣхала Марья Егоровна съ Лизой, а Леночка осталась дома и, проводивъ тетку и двоюродную сестру, съ какой-то грустью возвратилась въ свою комнату. Передъ обѣдомъ ее потребовали къ бабушкѣ.

По прежнему, съ суровой неподвижной физіономіей сидѣла въ своемъ креслѣ Ѳедосія Лаврентьевна и, молча, указала внучкѣ рукой на диванъ. Леночка сѣла и машинально положила руку моськѣ на голову. Злое животное не оскорбилось, однако же, приподняло голову и, визжа слегка, начало лизать руку Леночки.

Старуха замѣтила это и пищурила глаза, что служило признакомъ расположенія.

— Что, мопинька, свои? А? Да, Додинька, свои! умница, мопинька.

И старуха задумалась. Пустое, повидимому, обстоятельство нѣсколько измѣнило ея предположенія. Она собиралась прочесть внучкѣ строгую рѣчь объ исполненіи ея обязанностей, но ограничилась тѣмъ, что предписала Леночкѣ образъ жизни и намекнула вскользь, что молодой дѣвицѣ неприлично много думать о туалетѣ.

Леночка въ отвѣтъ поцѣловала руку бабушкѣ. Старуха перекрестила ее и вздохнула. День пропалъ, и только за обѣдомъ нашла она случай вымыть голову дворецкому, выбранить Таньку и плеснуть водой изъ стакана въ глаза Филькѣ, который опрокинулъ соль передъ нею.

V.

Теперь не будетъ лишнимъ познакомиться съ сосѣдями Дымковыхъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, которые должны играть роль въ нашей повѣсти. Въ окрестностяхъ немного было помѣщиковъ, т. е. наличныхъ, проживавшихъ въ деревняхъ постоянно, потому что близость Москвы вызывала въ столицу иныхъ для воспитанія дѣтей, другихъ соблазняла шумной и веселой жизню. На лѣто обыкновенно сосѣди съѣзжались; но такъ называемые коренные провинціалы постоянно поддерживали свои связи, не разсчитывая на столичниковъ.

Верстахъ въ четырехъ, въ селѣ Милушинѣ, жилъ Алексѣй Дмитріевичъ Волковцевъ, человѣкъ, окруженный семействомъ и имѣвшій прекрасное состояніе. Онъ слылъ у сосѣдей подъ именемъ добраго, но страннаго человѣка. Мнѣніе это было отчасти не безъ основанія, хотя послѣднее качество понимали совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно, дѣйствительно, преобладало въ характерѣ Волковцева. Въѣзжая въ имѣніе его, каждый бывалъ пораженъ какою-то неоконченностью всего, начиная съ господскаго дома до послѣдней экономической постройки. И вотъ, смотря съ этой хозяйственной, или, лучше сказать, съ архитектурной точки зрѣнія, сосѣди называли Алексѣя Дмитріевича страннымъ человѣкомъ, а какъ помѣщикъ и сосѣдъ, онъ считался примѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Исторія его проста и довольно часто повторяется. Наслѣдовавъ съ ранней молодости большое состояніе, Алексѣй Дмитріевичъ не захотѣлъ пробыть остальной семестръ въ университетѣ, въ которомъ считался однимъ изъ первыхъ студендентовъ, и пошелъ въ военную службу. Года три прослужилъ онъ въ гусарахъ, пропировалъ эти годы въ Варшавѣ, а на четвертый вышелъ въ отставку поручикомъ и уѣхалъ странствовать въ чужіе края. Доѣхавъ до Парижа, онъ не желалъ ѣхать дальше и потому, издержавъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, возвратился на родину, съ цѣлью улучшить свое деревенское хозяйство, потому-что одинъ добрый пріятель описалъ ему грустными красками Милушино, въ которомъ управляющій дѣлалъ, Богъ знаетъ что. Добрый и человѣколюбивый Волковцевъ поѣхалъ въ деревню, смѣнилъ управляющаго, прожилъ въ Милушинѣ полгода и снова соскучился. Денегъ въ сборѣ не было, но годъ подошелъ урожайный, и, въ надеждѣ на хорошій доходъ, Алексѣй Дмитріевичъ посѣ-

тилъ Петербургъ и рѣшился провести зиму въ Москвѣ, гдѣ у него было довольно родныхъ, а еще больше знакомыхъ. Въ собраніи ему понравилась одна дѣвица, очень хорошенькая, но не богатая, а главное, уже года три, какъ было ей двадцать лѣтъ, по словамъ ея матери, чопорной и сантиментальной дамы. Москва—столица супружествъ, въ которой необыкновенно быстро узнаютъ состояніе жениховъ и ихъ надежды на наслѣдство. Не успѣлъ Волковцевъ протанцовать двухъ мазурокъ сряду съ интересной Надеждой Михайловной, какъ мать ея уже знала, что у Алексѣя Дмитріевича 900 душъ и пока еще очень мало долга, что имѣніе не заложено, да притомъ въ Симбирской губерніи живетъ богатая бездѣтная тетка. Вслѣдствіе этихъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, положено было выдать за него черноглазую Наденьку. Дѣвушкѣ Волковцевъ и безъ того понравился, потому-что былъ молодъ, недуренъ собою, прекрасно образованъ и два года жилъ въ Парижѣ. Еще мать ея не совсѣмъ повела аттаку на жениха, какъ сердце его уже почти было завоевано хорошенькой Наденькой. Семейство это жило не то что открыто, не то что уединенно; а посѣщало хорошій кругъ, принимало у себя и одѣвалось щегольски. Поговаривали, что все это на послѣднія средства. но извѣстія эти не доходили до Волковцева, да ему и надобности не было до состоянія Наденьки. Молодой человѣкъ завлекался больше и больше, а когда мать уполномочила Наденьку дѣлать ему »авансы«, какъ выражались въ то время. Волковцевъ въ три дня былъ у ногъ обожаемой дѣвушки и умолялъ о взаимности. Комедій не къ чему было разыгрывать, лѣта дѣвушки склонялись »къ закату юности«, партія была выгодная сверхъ ожиданія, и за недѣлю до великаго поста счастливая чета была обвѣнчана. Послѣ свадьбы, въ упоеніи восторговъ, Волковцевъ просилъ тещу откровенно разсказать ему состояніе ея имѣнія. Теща было смѣшалась; но когда Алексѣй Дмитріевичъ, догадавшись о щекотливости вопроса, поспѣшилъ изъяснить, что онъ спросилъ не изъ корыстолюбивыхъ видовъ, тогда теща призналась ему, что ихъ маленькому имѣньицу грозитъ близкая продажа и что ей съ меньшой дочерью предстоитъ незавидная участь. Въ благодарность за милую жену, Волковцевъ выкупилъ имѣніе тещи и сдѣлалъ это такъ деликатно, что Наденька, со слезами на глазахъ, принесла матери квитанцію опекунскаго совѣта. Молодая чета вскорѣ переѣхала въ деревню, гдѣ лѣтъ пять наслаждалась невозмутимымъ спокойствіемъ.

Въ то время Волковцеву было только 28 лѣтъ, да и супругѣ его около того же. Мужчина въ эти годы только что сознаетъ себя, только что готовъ выступить на какое нибудь поприще, а женщина можетъ остановиться лишь на одномъ— начать разумную дѣятельность, какъ мать семейства. Пять лѣтъ, проведенныхъ супругами неразлучно въ деревнѣ, совершенно охладили любовь Волковцева, любовь, вспыхнувшую въ юношескомъ сердцѣ, при видѣ хорошенькой, полной, румяной дѣвушки, съ прекрасной фигурой, маленькой ножкой. Дѣвушка эта мило держала себя въ обществѣ, была болѣе задумчива, говорила съ чувствомъ; Волковцеву было всего 23 года и читатель видѣлъ, какъ устроилась эта партія. Когда, повторяю, любовь, вызванная желаніемъ обладать милой особой и, подъ этимъ вліяніемъ, принявшая на себя всѣ плѣнительные образы постояннаго, раздѣляемаго этой особой чувства, испарилась, какъ запахъ цвѣтка, который, оставаясь еще на вѣткѣ, утратилъ уже свѣжій ароматъ свой; когда, въ продолженіе пяти лѣтъ, Волковцевъ успѣлъ подглядѣть пустоту домогильной подруги,— положеніе его сдѣлалось болѣе чѣмъ тяжелымъ. Онъ понялъ это положеніе, но, какъ человѣкъ благородный, рѣшился никогда не показать этого женѣ и всѣми силами стараться не выводить ее изъ заблужденія, что она доставила ему возможное на землѣ блаженство. Образованная для свѣта, весьма поверхностно, Надежда Михайловна не могла ни понять мужа, чтобы оцѣнить его превосходство, ни вести себя такъ, чтобы уваженіе и искренняя дружба заступили въ его сердцѣ страсть, проходящую при извѣстныхъ условіяхъ. Она попрежнему продолжала требовать самой пламенной любви и, начиная замѣчать охлажденіе мужа, принималась за слезы, сначала проливаемыя втайнѣ, потомъ за такія слезы, которыя, въ извѣстныхъ случаяхъ, невыносимѣе пытки. Первое время Волковцевъ рѣдко слышалъ отъ нея упреки, и это были для него самыя печальныя, самыя ядовитыя минуты въ жизни; когда же съ лѣтами, увеличиваясь въ объемѣ, принимая привычки многихъ уѣздныхъ барынь и дойдя чуть ли не до неряшества, Надежда Михайловна начала бранить мужа, ревновать его къ каждому женскому платью, тогда Алексѣй Дмитріевичъ вздохнулъ свободнѣе и, не затѣвая домашнихъ сценъ. махнулъ на все рукою, занялся воспитаніемъ дѣтей и отъ скуки принялся за архитектуру. При другихъ обстоятельствахъ, изъ этого человѣка вышло бы что нибудь замѣчательное; но, испортивъ карьеру при самомъ началѣ, оставивъ науки, службу

и женясь »не по адресу«, онъ убилъ свою будущность окончательно. Вывесть дѣтей на дорогу, дать имъ разумное воспитаніе — было его единственною цѣлью, и онъ принялся за это со всѣмъ усердіемъ, привезя изъ Петербурга воспитателя и пригласивъ, по случаю, опытную гувернантку. Приготовляясь къ этой важной дѣятельности, онъ самъ предался изученію многаго, и въ этихъ серьезныхъ занятіяхъ находилъ то успокоеніе, котораго искалъ прежде напрасно и безъ котораго онъ погибъ бы подъ вліяніемъ мелкихъ вседневныхъ непріятностей.

Въ описываемую эпоху ему было 36 лѣтъ. Онъ сохранился очень хорошо. Характеръ его окрѣпъ, возмужалъ; твердая рѣшимость жить въ ладу съ женою, употреблявшею все, чтобы поколебать его терпѣніе, не измѣняла ему, а умъ, при безпрестанныхъ занятіяхъ, развернулся солиднымъ образомъ. Окончивъ кабинетный трудъ, въ продолженіе котораго онъ бывалъ свободенъ отъ всѣхъ домашнихъ непріятностей, побывавъ въ музыкантской (оркестръ существовалъ издавна у Волковцевыхъ), онъ развлекалъ себя постройками и часто очень неудачными. Можетъ быть, онъ это видѣлъ, а можетъ быть, и не видѣлъ, только ежедневно предпринималъ что нибудь новое, и оттого Милушино представляло обычную пищу для насмѣшекъ сосѣдей, которые, по обычаю всѣхъ добряковъ, хохотали надъ затѣями Волковцева, довольные тѣмъ, что могли найти былинку въ чужомъ глазу. Но у него были двѣ странности, которыхъ не подмѣтили сосѣди, потому что не привыкли всматриваться въ то, что не бросалось имъ прямо въ глаза или превышало ихъ ограниченныя понятія. Волковцевъ былъ полнымъ хозяиномъ въ домѣ только въ направленіи воспитанія дѣтей; во все остальное никогда не вмѣшивался. Кто знаетъ, предоставляя женѣ разнообразныя занятія, бѣднякъ, можетъ быть, думалъ отнять у нея все свободное время и избавить себя отъ ея нападеній. Другая странность, въ его лѣта довольно мелочная, это тщательныя заботы о своей наружности и щепетильная до слабости изысканность туалета. Всегда, еще въ ранней молодости, онъ любилъ щегольство въ костюмѣ, но, возвратясь изъ послѣдней поѣздки въ Петербургъ, онъ особенно привязался къ модѣ и довольно много издержалъ на выписку принадлежностей туалета. Послѣднее обстоятельство подавало Надеждѣ Михайловнѣ безчисленное множество случаевъ ревновать мужа и жаловаться на свою несчастную жизнь. Отсутствіе его участія въ дѣлахъ домашнихъ сосѣди

приписывали уму и ловкости Надежды Михайловны, съ какими она умѣла прибрать мужа къ рукамъ, а особенное, даже излишнее щегольство костюма считали, по своему, принадлежностью богатаго помѣщика.

Надежда Михайловна въ описываемую эпоху расплылась и расползлась, по цѣлымъ днямъ не чесалась, не заботилась о ножкѣ, которой удивлялись нѣкогда и которая постоянно опускалась теперь въ самыя непозволительныя туфли. Тѣмъ не менѣе она пламенно любила мужа, какъ и въ старые годы, точно такъ же требовала отъ него нѣжности и готова была цѣловаться съ нимъ каждую минуту, позабывъ, что если пріятно цѣловать свѣжій малиновый ротикъ стройной молодой женщины, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы пріятно было касаться отдутыхъ губъ жирной барыни, закатывавшей глаза подъ лобъ и вздыхавшей съ какими-то завываніями. Она поняла, что мужъ охладѣлъ совершенно и начала подмѣчать, не влюбленъ ли онъ въ другую. Гувернантки она не могла подозрѣвать, потому что это была старушка-француженка. Всѣ поиски ея были тщетны; она даже перемѣнила весь штатъ женской прислуги, окружила себя самыми безобразными фигурами, но и тѣхъ подчинила еще отвратительнѣйшей карлицѣ. Не ограничиваясь этимъ, она, подъ благовидными предлогами, раззнакомилась съ сосѣдями, у которыхъ были хорошенькія жены или дочери и, какъ тѣнь, слѣдила за Алексѣемъ Дмитріевичемъ въ его прогулкахъ. Къ радости своей, она не имѣла соперницы, а между тѣмъ нѣжность мужа не только не возвращалась, но даже и доброе расположеніе его исчезало съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Не смотря на все это, постоянною мыслью ея было снова завоевать сердце мужа. Съ этой цѣлію перечитывала она романы госпожъ Коттенъ, Жанлисъ, отыскивая въ нихъ намеки на свое собственное положеніе. Но въ душѣ ея возродилась сладкая надежда, когда мужъ познакомилъ ее съ твореніями Бальзака: она ожила на мгновеніе. Иногда, лѣтнимъ вечеромъ, отправлялась она гулять въ луга и возвращалась съ цѣлыми связками полевыхъ цвѣтовъ на головѣ, которые торчали въ волосахъ ея въ живописномъ безпорядкѣ. Ей казалось, что она непремѣнно напомнитъ мужу давно минувшее, но тотъ серьезно просилъ ее не представлять изъ себя шутихи въ глазахъ тринадцатилѣтней дочери.

За обѣдомъ, за чаемъ и вообще всегда, когда только Волковцевъ былъ въ кругу своего семейства, состоявшаго изъ

двухъ дочерей и одного сына, онъ постоянно казался веселымъ. Онъ находилъ предметы для разговоровъ и чрезвычайно ласково бесѣдовалъ съ женою, избѣгая малѣйшей сухости въ присутствіи дѣтей. А эта деликатность, это умѣнье владѣть собой были причиной, что Волковцева не рѣшалась отказаться отъ надежды видѣть мужа у ногъ своихъ. Наединѣ онъ старался вразумить ее, что любитъ ее, какъ мать дѣтей своихъ, желаетъ дѣлать угодное ей, но не можетъ превратиться въ юношу и вздыхать близъ нея, какъ это было во время оно. Надежда Михайловна иногда и соглашалась, но чуть Волковцевъ показывалъ ей какую нибудь ласку, она душила его въ своихъ объятіяхъ, такъ что тому, наконецъ, становилось душно. Въ такомъ положеніи было это семейство, когда Леночка пріѣхала въ Витаево.

Дальше, верстахъ въ двухъ отъ Милушина, года три тому назадъ какъ поселился одинъ молодой сосѣдъ, купившій съ публичнаго торга деревню Кобылкино и занявшійся ея устройствомъ. Сосѣдъ этотъ, Егоръ Ивановичъ Спетцеръ, ѣзжалъ иногда къ Волковцевымъ, но находилъ больше удовольствія въ бесѣдахъ съ Надеждой Михайловной, чѣмъ съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ. Спетцеръ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 27, стройный блондинъ; одѣвался онъ щеголевато, но, по мнѣнію Волковцева, безъ вкуса, и если не на всю зиму, то мѣсяца на два уѣзжалъ въ Петербургъ или къ роднымъ въ Лифляндію. О происхожденіи его никто не зналъ; извѣстно было только, что онъ — титулярный совѣтникъ, воспитывался въ университетѣ и служилъ въ какомъ-то министерствѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ хозяевъ, которыхъ называютъ раціональными, въ силу укоренившагося мнѣнія, хотя раціонализмъ этотъ не всегда сходится съ истиной, и что по нѣмецкому разсчету всегда, по теоріи, казалось непремѣннымъ, то на русской почвѣ иногда выходило едва вѣроятнымъ. Вообще, Спетцера можно очеркнуть въ нѣсколькихъ словахъ: человѣкъ умный, но чрезчуръ разсчетливый, съ головой, набитой теоріями, съ табличкой умноженія, вмѣсто сердца, и поставившій себѣ за правило сдѣлаться богатымъ. Въ сосѣдствѣ уважали его и многіе ставили въ примѣръ, какъ отличнаго хозяина. Спетцеръ считался однимъ изъ выгоднѣйшихъ жениховъ въ уѣздѣ. У себя онъ принималъ охотно и всегда радушно, не измѣняя столичнымъ привычкамъ и образу жизни, веденному въ столицѣ, что иной разъ было не по нутру сосѣднимъ помѣщикамъ.

По другую сторону Витаева, по той же рѣчкѣ, лежала деревня Мокрые Боры, принадлежавшая полковницѣ Хоботовой, владѣтельницѣ 200 душъ, имѣвшей единственную дочь, Пелагею Николаевну или, какъ ее называли, Пелажи — названіе, къ которому дворня не могла привыкнуть и даже между собою не рѣшалась называть барышню: Пелажи. Няня этой дѣвицы всегда крестилась, сплевывала и говорила, качая головой, что изъ христіанскаго имени сдѣлали такое слово, изъ котораго выходитъ, пожалуй, чортъ знаетъ что. Пелажи эта была довольно миленькая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, воспитанница одного института, но, къ сожалѣнію, довольно напыщенная и называвшая дѣвицъ своего околотка необразованными. Она играла порядочно на фортепьяно, получала Revue Etrangère и даже выговаривала букву г картавя, что, въ устахъ парижанки, не кажется недостаткомъ и что, даже при самомъ искусномъ подражаніи, отзывается обезьянствомъ у насъ, православныхъ. Говоря вообще, Пелажи была далеко не глупа и играла значительную роль въ своемъ обществѣ. Спетцеръ бывалъ у Хоботовой, игрывалъ иногда съ Пелажи въ четыре руки, но не замѣчалъ сладкихъ улыбокъ ея матери. Пелажи собственно не оказывала къ нему особеннаго расположенія, но встрѣчала его всегда привѣтливо. Спетцеръ, однако же, не очень часто посѣщалъ Мокрые Боры, а, какъ аккуратный нѣмецъ, объѣзжалъ всѣхъ сосѣдей въ положенное время, даже въ назначенные часы. Хоботова раза два въ годъ навѣщала Ѳедосію Лаврентьевну, иногда съ дочкой, иногда одна, и если не имѣла дѣла, то старалась сокращать свои посѣщенія.

Вотъ и всѣ ближніе сосѣди Дымковыхъ; дальніе жили верстахъ въ двѣнадцати, и эти уже не заглядывали въ Витаево, исключая должностныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ по службѣ и конечно заходившихъ къ помѣщицѣ.

Грустно тянулась жизнь Леночки подъ родимой кровлей. Суровое однообразіе испугало эту добрую, любящую натуру, и еслибы не постоянныя попытки сблизиться съ отцомъ, т. е. хоть пріучить его къ своему обществу, она скоро пала бы подъ игомъ печальнаго затворничества. Ходъ этого постепеннаго знакомства съ несчастнымъ отцомъ былъ для нея такъ же интересенъ, какъ самый занимательный романъ. Цѣлые дни ухаживаній, словно за капризнымъ ребенкомъ, часто не имѣли ни малѣйшаго успѣха, и Леночка не могла добиться ни одного слова отъ помѣшаннаго; но за то онъ безъ боязни смотрѣлъ

на нее нѣсколько минутъ, и это одно наполняло восторгомъ ея сердце. Наконецъ, больной, мало по малу, началъ привыкать къ обществу дочери и дошелъ уже до того, что когда слуга отворачивался, онъ подмигивалъ Леночкѣ и, указывая пальцемъ на слугу, подсмѣивался надъ его дряхлостью, горбясь и дѣлая разныя смѣшныя ужимки. Ѳедосія Лаврентьевна не противилась попыткамъ внучки, напротивъ радовалась ея маленькимъ успѣхамъ и какъ-то была снисходительнѣе къ молодой дѣвушкѣ. Не смотря на свою скупость, она не только не предложила Леночкѣ передѣлать материнскихъ платьевъ, но сказала однажды, что не пора ли обновить ея туалетъ. Леночка отказалась, но прибавила, что когда придетъ время, тогда она попроситъ денегъ. Она какъ-то быстро разгадала свою бабушку и старалась найти средства поддержать ея расположеніе. А скучно было бѣдняжкѣ! Нотъ навезла она много, но фортепьяно никуда негодилось; книгъ у нея почти не было, а бабушкѣ она боялась объ этомъ напомнить; изъ сосѣдей никто не посѣщалъ Витаева, и только изрѣдка бесѣды съ отцомъ Василіемъ да заботы о больномъ отцѣ наполняли ея существованіе.

Отецъ Василій видѣлъ все это и, зная въ иныхъ случаяхъ свое вліяніе на старуху, задумалъ облегчить участь Леночки. Наступили осенніе вечера. Однажды онъ пришелъ къ чаю. Бабушка и внучка, окруженныя, по обычаю, прислугою, сидѣли за чайнымъ столикомъ. Ѳедосія Лаврентьевна обрадовалась приходу священника и начала жаловаться на скуку.

— Ничего нѣтъ легче пособить этому горю, сказалъ отецъ Василій, у васъ теперь есть самое вѣрное лекарство.

— Какое же, батюшка?

— А самое простое, заставляйте Елену Михайловну по часу въ день читать что нибудь.

— Богъ съ тобой, отецъ мой! Пристало ли мнѣ, старухѣ, заниматься книжками? да чай и молодой барышнѣ непригоже!

— Напрасно вы такъ думаете. Точно, есть книги вредныя, но ихъ мало. Неужели же вы полагаете, что я буду совѣтовать вамъ что нибудь противное совѣсти?

— Да какъ же читать мірскія книги-то?

— Положитесь на мой выборъ. Кромѣ того, что вамъ будетъ развлеченіе, и Еленѣ Михайловнѣ, наконецъ, необходимо читать: она получила воспитаніе, которое можетъ заглохнуть безъ умственной пищи.

— Эхъ, отецъ Василій, въ мое время было иначе...

— Я и не спорю, но повторяю, что иной вѣкъ — иные нравы. Однако же, если вы послѣдуете моему совѣту, то и себя избавите отъ скуки, и внучкѣ дадите возможность узнавать жизнь хоть изъ книгъ.

— Ужъ коли вы говорите, я должна вѣрить, сказала старуха, подумавъ. Книгъ-то у насъ, должно быть, много въ кладовой...

— О тѣхъ думать нечего. Съ будущаго года можно будетъ выписывать изъ столицъ: на это потребуется небольшой расходъ, а пока я буду доставать у сосѣдей.

— Оно не мѣшало бы и Леночкѣ побывать кое у кого; вѣдь мы всегда важивали хлѣбъ-соль съ сосѣдями.

— Дѣвицъ-то въ сосѣдствѣ всего одна, сказалъ священникъ, хотя, конечно, особа образованная.

— А чья такая?

— Хоботова.

— А! изъ Мокрыхъ Боровъ? Ну, что-жъ: мать ея хорошая женщина. Вотъ и съ Надеждой Михайловной надо познакомиться: я люблю ее.

— Да, она, говорятъ, добрая женщина.

— И какая добрая! Правда, отецъ мой, терпитъ она горькую отъ муженька, да, всетаки, живетъ по Божьему.

— Трудно судить, Ѳедосія Лаврентьевна, постороннему; но я понимаю Алексѣя Дмитріевича вполнѣ хорошимъ человѣкомъ.

— Къ Надеждѣ Михайловнѣ охотно отпущу Леночку покрайности тамъ она не услышитъ ничего такого.

— Знакомство же будетъ легко: съ воскресенья они начнутъ ѣздить къ намъ въ церковь, потому что у нихъ приходъ теперь безъ священника.

И разговоръ на этомъ остановился: ключница плеснула неосторожно чаемъ на руку старухи, и тутъ произошла сцена, вслѣдствіе которой отецъ Василій ушелъ, а Леночка отправилась поить чаемъ больнаго отца.

Въ слѣдующее же воскресенье, послѣ обѣдни, Леночка подошла къ сосѣдкамъ, познакомилась съ ними и отъ имени бабушки пригласила ихъ откушать чаю. Хоботова съ дочерью были очень довольны знакомствомъ, а Надежда Михайловна уже на паперти предлагала дружбу Леночкѣ, и всѣ отправились къ Ѳедосіи Лаврентьевнѣ. Вновь прибывшія почти не разговаривали между собою. Леночка какъ-то охотнѣе сошлась съ Пелажи, которая, найдя въ Дымковой образованіе и зная,

что у послѣдней 1,000 душъ приданаго, была естественна и мила безъ высокомѣрія. Обласкавъ Леночку и пригласивъ ее къ себѣ, Хоботовы уѣхали, а Надежда Михайловна еще полчаса посвятила новому своему другу. Воспользовавшись необразованностью старухи, она все время разсказывала Леночкѣ по-французски свою грустную жизнь, описывала мужа страшнымъ тираномъ, хотя и говорила, что любитъ его больше жизни. Проливъ нѣсколько слезъ, она просила у Леночки дружбы, и когда молодая дѣвушка, взволнованная вымышленнымъ несчастіемъ, отъ души протянула ей руку, Надежда Михайловна пришла въ восторгъ и просила на дняхъ же посѣтить ее.

— Теперь я отдыхаю душою, говорила она, подымая глаза къ небу, до сихъ поръ у меня не было молодой подруги. Но знаете что, Леночка? прибавила она, заключая дѣвушку въ объятія, я должна сказать вамъ, что мое чудовище вѣтрянѣе всякаго мальчишки. Онъ уменъ, но влюбчивъ до невѣроятности, и потому, если начнетъ напѣвать вамъ вкрадчивымъ голосомъ нѣжности, то вы его просто отдѣлайте.

Леночка покраснѣла и опустила глаза. По отъѣздѣ гостей, которымъ, повидимому, понравилась молодая Дымкова, на Ѳедосію Лаврентьевну нашло веселое расположеніе духа. Видя безусловное повиновеніе отъ внучки, старуха чувствовала нѣкоторымъ образомъ угрызеніе совѣсти за то, что, вытребовавъ молодую дѣвушку, подвергла ее въ Витаевѣ всевозможнымъ лишеніямъ. Ѳедосія Лаврентьевна была, однако-жъ, злопамятна и не могла еще забыть покойной невѣстки, которая ни въ чемъ никогда не уступала ей, а на угрозы отвѣчала спокойно, съ достоинствомъ, и просила мужа уѣхать куда нибудь изъ дому. Какъ ни почтителенъ былъ Михаилъ Егоровичъ, однако же, доказалъ матери суровость ея отношеній къ невѣсткѣ и въ мягкихъ выраженіяхъ напоминалъ ей, что если свекровь имѣетъ власть надъ снохой въ быту крестьянскомъ, то нельзя же принять этого безусловно въ ихъ быту и еще тѣмъ болѣе, что жена его была самое кроткое существо. Вслѣдствіе этого, злобная старуха питала ненависть и къ Леночкѣ, и первой мыслью ея было вымещать на внучкѣ за всѣ непріятности отъ покойной невѣстки, дочь которой, по мнѣнію Ѳедосіи Лаврентьевны, должна была наслѣдовать отъ матери строптивый характеръ. Вышло иначе: Леночка съ твердостью переносила всѣ маленькія испытанія. Подобное смиреніе начало обезоруживать старуху, которая всетаки видѣла свою кровь

въ Леночкѣ, и которая иной разъ была снисходительна къ людямъ, разумѣя подъ этимъ словомъ дворянство. Тѣмъ не менѣе, она не показывала нѣжности внучкѣ, никогда не ласкала ея, хотя и измѣнила программу обращенія съ Леночкой до того, что рѣшилась позволить ей имѣть книги и не пожалѣла предложить денегъ на туалетъ.

VI.

Проведя утро у отца, который въ тотъ день былъ любезнѣе обыкновеннаго, Леночка спросила у бабушки позволенія съѣздить къ Хоботовымъ. Ѳедосія Лаврентьевна согласилась и, призвавъ дворецкаго, велѣла ему лично удостовѣриться въ исправности кареты; она не хотѣла, чтобы внучка ея показалась куда-нибудь иначе, какъ въ каретѣ шестерикомъ. Такъ и сама Ѳедосія Лаврентьевна всегда выѣзжала. По осмотрѣ дворецкимъ, оказалось, что все благополучно, только лѣвое переднее колесо какъ-будто не туда смотритъ, на что послѣдовало замѣчаніе Дымковой, что пусть оно смотритъ куда хочетъ, да лишь бы было крѣпко. Часовъ въ 11 карету заложили и подали. Съ какой-то робостью сѣла Леночка въ допотопный экипажъ зелено-рыжеватаго цвѣта, запряженнный тощими клячами и управляемый кучеромъ, который возилъ Ѳедосію Лаврентьевну къ вѣнцу, хотя и не въ настоящемъ званіи, но еще въ качествѣ ловкаго форрейтора. Леночкѣ было совѣстно показаться въ такомъ экипажѣ къ сосѣдямъ еще болѣе потому, что она видѣла у Хоботовыхъ хорошенькую колясочку на лежачихъ рессорахъ. Но изъ-за этого не отказываться же отъ удовольствія провести часъ, другой въ обществѣ образованной дѣвицы. Какъ ни медленно ѣхала она, но не успѣла хорошенько задуматься, какъ уже была у крыльца красиваго деревенскаго домика.

По двору водили пару усталыхъ сѣрыхъ лошадей, а въ сторонѣ, у сарая, стояли щегольскія крытыя дрожки. Пелажи вылетѣла навстрѣчу гостьѣ въ переднюю. Хоботова привѣтливо приняла молодую сосѣдку.

— Позвольте, милая Елена Михайловна, представить вамъ господина Спетцера.

Тогда только Леночка замѣтила недурнаго собой молодаго человѣка, который очень естественно, безъ ужимокъ, подошелъ къ ней и проговорилъ извѣстныя въ подобныхъ случаяхъ общія мѣста.

Церемонный разговоръ былъ непродолжителенъ. Пелажи подошла къ фортепьяно и просила Леночку сыграть что-нибудь. Леночка безъ отговорокъ сѣла, выбрала знакомую пьесу и сыграла ее прекрасно, можно сказать, артистически. Пелажи сдѣлала немножко недовольную мину, а серьезный, холодный Спетцеръ выразилъ свое удовольствіе. Потомъ молодая хозяйка сыграла что-то съ сосѣдомъ въ четыре руки, и знакомство между молодыми людьми завязалось. Пелажи какъ будто была чѣмъ-то недовольна, за то Спетцеръ разговорился, а Леночка, не замѣчая ни того, ни другаго, была веселѣе обыкновеннаго. За обѣдомъ разговоръ зашелъ о смѣшныхъ странностяхъ и обыкновеніяхъ нѣкоторыхъ изъ сосѣдей, и Спетцеръ такъ забавно разсказывалъ иныя сцены, что обѣ дѣвицы хохотали, да и сама хозяйка вторила имъ.

Передъ вечеромъ Леночка собралась уѣзжать, и какъ ни упрашивали ее остаться, она отговаривалась тѣмъ, что дала слово бабушкѣ. Пелажи тотчасъ же изобрѣла планъ проводить Леночку пѣшкомъ до Витаева, а оттуда возвратиться въ экипажѣ. Мать ея одобрила эту прогулку, а Спетцеръ вызвался провожать ихъ, потому-что и ему дорога лежала черезъ Витаево. Такимъ образомъ молодежь весело отправилась въ путь, а за ними ѣхали шагомъ чудовищная карета Дымковой, колясочка Хоботовыхъ и дрожки Спетцера.

Былъ ясный осенній вечеръ. Они шли красивымъ проселкомъ, извивавшимся надъ рѣкой и окаймленнымъ съ другой стороны зелеными озимями. Небо было чисто; воздухъ прозраченъ; лѣса пестрѣли разноцвѣтными листьями, а за рѣкой постепенно поднималась отлогая гора, на одномъ изъ поворотовъ которой, на крутомъ берегу, разбросано было живописное Милушино. Большой, странной архитектуры домъ стоялъ надъ самымъ обрывомъ, и вѣтеръ покачивалъ голубой флагъ, развѣвавшійся надъ высокимъ бельведеромъ.

— Вы не знаете Волковцевыхъ, Елена Михайловна? спросилъ Спетцеръ.

— Знаю одну Належду Михайловну, отвѣчала Леночка.

— Извините, я предложу еще одинъ вопросъ:—читали-ль вы Мальвину?

— Нѣтъ.

— Жаль! А часто ли видитесь съ Надеждой Михайловной.

— Я всего одинъ разъ видѣлась съ нею.

— Навѣрное она плакала при васъ?

— Ахъ, m-r. Спетцеръ! отозвалась Пелажи—Надежда Михайловна просила дружбы у m-lle Дымковой.

— Мнѣ кажется, говорила Леночка; что эта женщина заслуживаетъ состраданія.

— Надо вамъ знать, Елена Михайловна, что мы съ ней тоже друзья. Но это нисколько не помѣшаетъ мнѣ сказать, что она не такъ несчастна, какъ вы думаете.

— Мнѣ кажется, скорѣе мужъ несчастенъ, отозвалась Пелажи.

— Если вы хотите видѣть Волковцева, сказалъ Спетцеръ, обращаясь къ Леночкѣ: — то стоитъ посмотрѣть на модную картинку, и вы получите о немъ полное понятіе.

— Вотъ это ужъ напрасно! сказала Пелажи:—если Волковцевъ имѣетъ слабость одѣваться черезчуръ щеголевато, то это нисколько не отнимаетъ у него ни ума, ни образованія.

— Онъ не глупъ; кто и говоритъ! Но эта страсть къ жилетамъ и галстухамъ въ человѣкѣ, окруженномъ взрослыми дѣтьми, болѣе чѣмъ смѣшна, особенно здѣсь, въ деревнѣ.

— По моему подобныя слабости извинительны, сказала Леночка, если только нѣтъ другихъ, болѣе важныхъ.

— Есть, коли хотите и другія, напримѣръ страсть строиться безъ толку, сказалъ Спетцеръ, улыбаясь и, обратившись къ Пелажи, спросилъ: можетъ быть я неправъ и въ этомъ случаѣ?

— Я вѣдь ровно ничего не понимаю въ хозяйствѣ, а если защищаю Волковцева, такъ потому...

— Продлжайте, m-lle!

— Потому, что онъ, право, хорошій человѣкъ.

— Вы очень снисходительны, впрочемъ, и я о немъ не совсѣмъ дурнаго мнѣнія.

— Только не совсѣмъ дурнаго? замѣтила Леночка.

— Надо вамъ знать, продолжалъ Спетцеръ:—что у насъ съ Волковцевымъ нѣтъ ни тяжбы, ни сосѣдскихъ споровъ; мы даже мѣняемся съ нимъ книгами; но мнѣнія наши не сходятся. У него странный образъ мыслей; онъ корчитъ изъ себя филантропа.

— По моему это хорошій признакъ, сказала, покраснѣвъ, Леночка, которая невольно вспомнила при этомъ филантропію своей бабушки.

— Спетцеръ не отвѣчалъ ни слова, а Пелажи прибавила:

— А мнѣ кажется, что если бы не почтенная Надежда Михайловна, то въ Милушинѣ можно было бы очень пріятно проводить время.

— За что же вы, m-lle Пелажи, нападаете на моего друга? Посмотрите, какъ у Волковцевой все въ домѣ хорошо и порядочно, а это потому, что почтеннѣйшій Алексѣй Дмитріевичъ ни во что не вмѣшивается. Дѣти...

— О дѣтяхъ я не спорю съ вами, сказала Пелажи:—ими исключительно занимается Волковцевъ.

— Ихъ костюмами?

— Извините, ихъ образованіемъ, да если бы и костюмы оставить на попеченіе Надежды Михайловны, то дочь ея, которой скоро пятнадцать лѣтъ, ходила бы нечесаная по примѣру своей матери.

— По крайней мѣрѣ, я всегда видѣлъ, что Надежда Михайловна занимается дѣтьми.

— Когда мы бывали у нихъ, этого за нею не водилось; да и воспитатели у нихъ прекрасные!

— А теперь вы не бываете въ Милушинѣ? спросила Леночка.

— Не бываемъ.

Спетцеръ улыбнулся. Пелажи замолчала.

Въ это время они подходили къ околицѣ Витаева. Леночка просила Хоботову завернуть къ ней, но та замѣтила, что уже поздно, и, послѣ взаимныхъ увѣреній въ добромъ расположеніи, Пелажи уѣхала. Спетцеръ провожалъ Леночку до аллеи, сворачивавшей къ дому. Они продолжали разговаривать о Волковцевыхъ.

— Вы позволите мнѣ когда-нибудь имѣть удовольствіе посѣтить васъ? спросилъ Спетцеръ, когда уже была пора расходиться.

— Я полагаю, бабушка будетъ очень рада.

— Ахъ, да! Я вѣдь незнакомъ съ m-me Дымковой. Впрочемъ, я былъ съ визитомъ, но меня не приняли.

— Бабушка очень часто бываетъ нездорова.

— Вѣрьте, Елена Михайловна, что мнѣ очень лестно и пріятно знакомство съ вами, и если только позволите...

— Вы доставите намъ большое удовольствіе своимъ посѣщеніемъ.

И молодые люди раскланялись.

До ужина Леночка успѣла толькой поздороваться съ бабушкой, потому-что послѣдняя занималась разсчетами съ управляющимъ; но за ужиномъ старуха разспрашивала внучку о времени, проведенномъ у Хоботовыхъ.

— И ты не скучала, Лена?

— Напротивъ, мнѣ было очень весело. Пелажи — милая дѣвушка, а Спетцеръ—человѣкъ образованный.

— Какой это Спетцеръ? А! тотъ, что купилъ Кобылково? Говорятъ, отличный хозяинъ, а главное не даетъ потачки мужикамъ. Я слышала, что онъ присватываетя къ Полинькѣ.

— Не знаю, бабушка!

— Это, можетъ быть, еще такъ. Онъ былъ разъ у меня, да я его не приняла. Посуди, что мнѣ дѣлать-то съ молодымъ кавалеромъ! Я же была нездорова.

— Онъ разсказывалъ мнѣ это, бабушка!

— Въ церкви онъ не бываетъ, потому-что нехристь, но, говорятъ, хорошій человѣкъ, а главное любитъ во всемъ порядокъ. Да, Леночка, на безлюдьѣ—важный женихъ:—душъ до семисотъ, а будь онъ православный...

Здѣсь старуха задумалась и скоро перемѣнила разговоръ.

— Я давеча намекала тебѣ, Леночка, о твоихъ нарядахъ. Сегодня мы продали овесъ довольно выгодно.

— Да бабушка, отвѣчала внучка, цѣлуя руку старухи:— мнѣ надо сшить кое-что.

— Сколько же тебѣ нужно денегъ?

— Я на первый разъ сдѣлаю двѣ, три пары платьевъ; это мы сошьемъ съ Пелагеей, а кое-зачѣмъ надо послать въ Москву.

— Да сколько же денегъ-то?

— Рублей сто, небольше.

— Сто рублей! Вона! Въ наше время ста рублей почитай на годъ становилось. Ну, какъ знаешь! ты уже не ребенокъ. Танька! подай мнѣ зеленый сундучокъ, да возьми свѣчу, разиня!

Танька зашаркала по обычаю башмаками по полу, зажгла свѣчу и вынесла изъ спальни небольшой зеленый сундучокъ. Ѳедосія Лаврентьевна отперла его, выбрала три красные билета и, поглядѣвъ на нихъ внимательно, и, молча, съ самоотверженіемъ подала ихъ внучкѣ.

— Душенька-бабушка, здѣсь всего тридцать.

Старуха съ удивленіемъ посмотрѣла на Леночку.

— Я говорю, что здѣсь тридцать рублей.

— Какъ? такъ и ты рублишь по нынѣшнему, и у тебя за рубль идетъ три съ полтиной? Нѣтъ, милая, у насъ этого не водится.

— Извините меня, я другаго счета до сихъ поръ не знала.

— Такъ чему же тебя учили-то? Просишь сто, я даю сто пять.

— Какъ вамъ угодно!

— Да на что же тебѣ триста пятьдесятъ рублей?

— У меня, бабушка, почти ничего нѣтъ: — мнѣ нужна шляпка, нужно башмаковъ, перчатокъ. Если прикажете мнѣ сидѣть дома, я обойдусь и этими деньгами, но вамъ угодно, чтобы я выѣзжала...

— Конечно. Однако триста пятьдесятъ рублей! Какъ ты думаешь, Терентьевна? спросила она, быстро оборачиваясь къ ключницѣ.

— Я, матушка-сударыня, думаю, что какъ вы были барышней, такъ энтакихъ денегъ не видали никогда.

— Старая дура! Что же я, по твоему, была нищая?

— Сохрани Богъ! Нѣтъ, то-ись вамъ покойница маменька. — царство имъ небесное — не жаловали много денегъ.

— А на что мнѣ были деньги? Ну, а ты какъ думаешь, Танька?

Танька, шаркая башмаками, подошла къ столику.

— Я, матушка-барыня, маленько не вслушалась, сказала она, низко кланяясь.

— О чемъ же ты думала? Я спрашиваю... Да что тебя спрашивать! Пошла вонъ! 350 рублей! Аль все такъ вздорожало?

— Мнѣ совѣстно, бабушка, что я невольно огорчила васъ. Если угодно, я обойдусь и безъ денегъ.

— Этого я не люблю, мать моя! Что же по твоему я скряга какая? Вотъ деньги, возьми ихъ, бросай за окно!

И старуха начала выходить изъ нормальнаго состоянія. Леночка испугалась. Въ это время Ѳедосія Лаврентьевна какъ-то неосторожно толкнула сундучокъ и полуимперіалы разсыпались по полу.

— Вонъ отсюда! крикнула она на прислугу, и когда горничныя ушли, старуха обратилась къ Леночкѣ:—потрудись, Лена, возьми свѣчку и подбери червонцы! не закатился бы который подъ диванъ. Ихъ должно быть сорокъ. Ты подбирай, а я сочту остальные.

Леночка тотчасъ же подобрала монеты.

— Недостаетъ двухъ, мать моя! говорила Ѳедосія Лаврентьевна:—здѣсь всего 38.

— На полу нѣтъ, бабушка; не подкатились ли они подъ подушку Додьки!

— А въ самомъ дѣлѣ. Мопинька, голубушка! приподымись-ко немножко, сказала старуха, сдѣлавъ движеніе рукою къ подушкѣ.

Собачка сердито заворчала.

— Додинька! что съ тобою? Леночка! приподыми ее.

Леночка подошла къ собакѣ, но моська залаяла.

— Додька! вскрикнула Ѳедосія Лаврентьевна: — Додька, цыцъ!

Моська продолжала ворчать.

— Экая свирѣпая скотина!

И старуха свила жгутъ изъ носоваго платка.

— Додька, бить буду! больно бить буду! Пошла!

Моська, вѣроятно, знала угрожающій тонъ голоса барыни и медленно съ визгомъ сползла съ подушки и прижалась къ Леночкѣ. Послѣ подушкой, дѣйствительно, найдены были остальныя монеты. Уложивъ опять собаку и обласкавъ ее, старуха уже гораздо мягче обратилась къ внучкѣ.

— Можетъ быть, я и не знаю теперешнихъ цѣнъ, потому что для себя лѣтъ двадцать ничего не покупала, и мнѣ оттого кажется дорого. Твое же добро жалѣю. Возьми себѣ сколько надо, только дождись разнощиковъ и торгуйся, да береги платья. Теперь денежки трудны, мать моя!

— Я раздумала, бабушка! я теперь возьму 50 цѣлковыхъ, а къ Рождеству попрошу снова.

— Ну, это дѣло! хорошо!

Ѳедосія Лаврентьевна отсчитала требуемую сумму и, вручивъ ее внучкѣ, заперла сундучекъ, поплевавъ прежде слегка на полотенце, закрывавшее его внутренность *).

— Терентьевна! Танька!

Прислуга явилась.

— Отнесите сундучекъ и ведите меня въ спальню.

Перекрестивъ внучку, старуха отпустила ее.

Леночка ушла въ свою комнату.

Не смотря на маленькую сцену, по случаю денегъ, Леночка, однако же, была въ хорошемъ расположеніи духа. Она поняла, что при всѣхъ капризахъ и при всемъ тяжеломъ, суровомъ характерѣ бабушки, съ нею можно было сдѣлать кое-что кротостью и уступчивостью, а это открытіе она считала важнымъ въ своемъ положеніи.

Засыпая, она припоминала событія цѣлаго дня, и невольно

---

*) Суевѣрный обычай, и до сихъ поръ существующій у стариковъ.

представился ей Спетцеръ. Онъ былъ очень недуренъ собою, и хотя имѣлъ какое-то загадочное выраженіе лица, однако, говорилъ хорошо, былъ образованъ, молодъ, игралъ порядочно на фортепьяно. Не говорю, чтобы Спетцеръ ей понравился, но упоминаю о мечтахъ дѣвушки, которая, встрѣтивъ молодаго человѣка и проведя съ нимъ нѣсколько часовъ въ обществѣ, обратила вниманіе на новаго знакомаго. Она въ своей жизни встрѣчала нѣсколькихъ молодыхъ людей, и въ сердцѣ ея возникло желаніе затѣять свой собственный романъ; но все это какъ-то не клеилось, все это было слабо, или, по стеченію обстоятельствъ, не могло изъ простой встрѣчи развиться во что нибудь серьезное. Лицо Спетцера было красивое, хотя и обыкновенное: умѣнье молодаго человѣка вести разговоръ и держать себя въ обществѣ показывало, что онъ жилъ въ порядочномъ кругу. Вотъ все, что могла заключить Леночка о Спетцерѣ. Однако же, она о немъ думала, засыпая.

Нѣсколько дней Леночка была въ опалѣ за то, что изъ всѣхъ силъ старалась защищать свою горничную, на которую Терентьевна и Танька насплетничали. На этотъ разъ Леночка позабыла немного умѣренность и старалась доказать бабушкѣ, что горничная ея не виновата, что это однѣ выдумки и что ей самой не было бы надобности вступаться, еслибы Палагея сдѣлала именно то, въ чемъ ее обвиняли. Ѳедосія Лаврентьевна сначала хотѣла сдѣлать это, по обыкновенію, на зло. однако, убѣдясь ли въ истинѣ, или считая вину маловажною, осудила виновную только на извѣстное число поклоновъ, за то внучкѣ не велѣла показываться на глаза.

Послѣдняя исполнила приказаніе тѣмъ охотнѣе, что избавляла этимъ горничную отъ наказанія, и замѣтила, что твердостью характера, въ извѣстныхъ случаяхъ, можно было успѣть у бабушки, точно такъ же, какъ и кротостью. Нисколько не лицемѣря, Леночка пріучила старуху отступать отъ нѣкоторыхъ закоренѣлыхъ привычекъ.

Два дня крѣпилась бабушка, на третій уже не выдержала и велѣла звать внучку утромъ къ чаю. Леночка явилась не съ обычною веселостью, но однако же со спокойнымъ лицомъ, на которомъ хоть и замѣтно было оскорбленное самолюбіе, но виднѣлась и готовность предать все забвенію. Она поцѣловала руку бабушки и получила соотвѣтствующій поцѣлуй въ щеку.

— Была у Миши, Леночка?

— Какъ же, бабушка. Сегодня онъ говорилъ со мной, разспрашивалъ, скоро ли его имянины и много ли будетъ гостей.

— Голубчикъ! изъ чего онъ это выдумалъ?

— Это ужъ нѣсколько разъ, бабушка?

— Ну, садись и наливай себѣ чаю. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты занялась чаемъ: эта подслѣповатая Терентьевна того и гляди, что обваритъ мнѣ голову.

— Я хотѣла давно предложить вамъ это, бабушка, но боялась.

— Боялась! Чего? Развѣ ужъ я сержусь за каждое слово?..

— Нѣтъ, душенька-бабушка, я думала, что вы привыкли къ Терентьевнѣ: она такъ хорошо наливаетъ чай.

— Ты думаешь, хорошо? Она понятія не имѣетъ: въ двадцать лѣтъ не могу ее выучить. Вотъ Маша такъ была мастерица!

— Мы у тетеньки постоянно дежурили съ Лизой.

— Ну, такъ съ завтрашняго дня и принимайся? Что ты работаешь?

— Вышиваю вамъ скамеечку: только не знаю, достанетъ ли гарусу.

— Вѣдь это покупное!

— Гарусы всегда покупные. Тетинька выписывала изъ Одессы.

— Такъ ты съ собой привезла?

— Какъ же! У меня есть и узоры.

— А я хотѣла было отдать тебѣ узоры покойницы матери, да все забываю.

— Они, я думаю, испорчены.

— Есть грѣхъ! Ну, а что-жъ! отецъ Василій книжекъ досталъ?

— Прислалъ двѣ, а Пелажи сегодня тоже прислала французскихъ.

— Не было бы тамъ пустяковъ...

— Не думаю: вѣдь мать ея прежде читаетъ.

— Вотъ это другое дѣло!

— Позвольте мнѣ, бабушка, завтра съѣздить къ Надеждѣ Михайловнѣ.

— Почему же нѣтъ, мать моя! Мужъ ея шалберъ порядочный, да вѣдь тебѣ до него нѣтъ надобности. Ужъ я не знаю, какъ она, моя голубушка, управляется: все на ея рукахъ. Вотъ вы, дѣвушки, хлопочете выйти замужъ, а нападаете на такого сахара, какъ Волковцовъ... Охъ, охъ!

Леночка потупила глаза и молчала.

— Ты думаешь, и я была счастлива замужествомъ? про-

должала Ѳедосія Лаврентьевна. Мнѣ было слишкомъ за 25 лѣтъ, когда я въ первый разъ увидѣла твоего дѣда. Теперь и людей-то такихъ не встрѣтишь. Что это былъ за красавецъ! Росту чуть не косая сажень, кровь съ молокомъ, а какъ взглянетъ, разсердившись, словно мурашки пробѣгутъ по тѣлу. Я была у батюшки и у матушки одна: ну, да меня не баловали, хоть считалось за мной около двухсотъ душъ; значитъ, невѣста была не изъ послѣднихъ. Покойница матушка не любила никому давать потачки, и если бывало провинишься, то тутъ же изъ своихъ рукъ дастъ приличное наставленіе. За то же и хозяйство у меня шло, словно изъ воды лѣзло. Много наскакивало женишковъ, да все, знаешь, мелкота этакая, душенокъ шестьдесятъ, семьдесятъ. Одинъ, правда, Переглазовъ случился въ 120 душъ, да батюшка не соглашался, оттого, что тотъ былъ молодъ и любилъ подвыпить; мнѣ же больно нравился. Но я вѣдь не смѣла этого сказать, а жаль было, какъ уѣзжалъ сердечный изъ дому. Такъ прошло года четыре. Близкіе сосѣди уже боялись засылать своихъ, а дальные что-то не показывались. Вдругъ явился твой дѣдушка съ покойнымъ своимъ отцомъ, который давно водилъ хлѣбъ-соль съ моими родителями. Мы то уже о женихѣ слыхали, что въ Москвѣ онъ кутилъ, держалъ тамъ актерку и хотѣлъ на ней жениться. Старикъ-отъ пугнулъ его порядкомъ, взялъ изъ Москвы и привезъ въ деревню. Мы все это знали, да вѣдь баринъ-то былъ не пустячный: около тысячи душъ, имѣніе отрубное, домъ какъ полная чаша, да поговаривали, что у старика и ларецъ не порожній стоитъ. Родители наши потолковали межъ собою, порѣшили дѣло, да и объявили мнѣ, чтобы я готовилась выходить замужъ. Правду сказать, я обрадовалась. Вотъ послѣ обѣда и оставили насъ вдвоемъ въ гостиной. Дѣдушка твой былъ такой скучный. Я сижу да перебираю пальцы на рукахъ, а сама и не смѣю взглянуть на него. Такъ черезъ нѣсколько минутъ онъ и подходитъ ко мнѣ.

— Ѳедосія Лаврентьевна, говоритъ, родители наши желаютъ, чтобы мы женились. Я знаю, что вамъ объявлено это. Согласны ли вы?

— Я должна повиноваться волѣ батюшки и матушки, говорю, а сама чувствую, что кровь прилила къ сердцу.

— Мнѣ то же приказано. Но я, говоритъ, не хочу обманывать васъ ни передъ Богомъ, ни передъ людьми и долженъ признаться, что люблю другую.

Какъ онъ это сказалъ, такъ у меня въ глазахъ словно зарябило.

— Да, говоритъ, Ѳедосія Лаврентьевна, я долженъ вамъ это сказать, чтобы вы не жалѣли послѣ.

Знаешь, разговариваетъ, а голосъ такой печальный и слышно, что дрожитъ. Я посмотрѣла на него.

— Мнѣ жаль васъ, говоритъ. Я и не смѣлъ бы никогда сдѣлать вамъ предложенія; но вы не знаете моего батюшки: онъ въ состояніи запереть меня на хлѣбъ на воду.

— Вы тоже не знаете моей матушки, сказала я, если я ослушаюсь, то мнѣ уже будетъ не хлѣбъ и не вода.

— Ну, значитъ, мы женихъ и невѣста, проговорилъ онъ и какъ-то горько улыбнулся.

Это былъ нашъ сговоръ. Черезъ два мѣсяца насъ обвѣнчали. Старикъ тотчасъ же передалъ сыну Витаево, а самъ поселился въ лѣсной деревенькѣ, въ Смоленской губерніи, верстъ за восемьдесятъ отсюда. Съ первыхъ же дней я полюбила твоего дѣда и такъ полюбила, что ужасть! Онъ, что грѣха таить, не только не обижалъ меня, а безпрестанно дарилъ; только, сказать правду, не видала я отъ него ни одной ласки. День деньской на охотѣ, вечеромъ соберутся къ нему пріятели, играютъ въ бостонъ, ужинаютъ, напьются. Но дѣдъ твой никогда не бывалъ хмѣленъ. Такъ велось до смерти старика Дымкова. У меня въ ту пору уже родился Мишенька. Егоръ Егоровичъ любилъ малютку. Всѣмъ распоряжалась я въ домѣ, какъ полная хозяйка: только замѣчала, что онъ хмурится, какъ я бывало осерчаю и шлепну кого нибудь по уху. Такой ужъ былъ себѣ отъ природы, а самъ былъ вспыльчивъ, словно порохъ. Подвернись въ тѣ поры кто ему, накричитъ, накричитъ, да тѣмъ и дѣло кончится. Ужъ чего я не дѣлала, чтобы приворожить его сердце! какъ ласкалась къ нему, какъ за нимъ ухаживала! ничто не помогало. При жизни отца онъ еще какъ-то больше походилъ на мужа мнѣ, а послѣ частенько выѣзжалъ на мѣсяцъ изъ дому. Ну, бывало, возвратится, я и повеселѣю. Любилъ онъ крѣпкій кофе съ поджаренными сливками, я сама варила кофе и грѣла сливки; съ удовольствіемъ завтракалъ блинами, я и блины выучилась печь; любилъ утромъ поспать, я бывало встану до зари и смотрю, чтобы ничто не шорохнуло, за малѣйшій шумъ отколочу всѣхъ; муха взвизгнетъ — и ее придавлю къ стѣнѣ...

Старуха вздохнула.

Ничто не помогало, продолжала она, ударивъ кулакомъ

по столу, меня брала инда досада и я, кажется, сама наложила бы на себя руки, еслибы не Мишенька. Сказать бы, за нимъ водились проказы, которыхъ, вашей сестрѣ, барышнѣ, знать не годится, такъ и того не было: я смотрѣла въ оба. Говорить же ему я не смѣла: вѣдь женился онъ на мнѣ не по своей охотѣ. Собрался онъ какъ-то со мною къ моимъ родителямъ, и мы прогостили тамъ около мѣсяца. Это время было самое дорогое въ моей жизни: хоть и тамъ онъ не слишкомъ со мною нѣжничалъ, да, знаешь, какъ-то мы бывали съ нимъ вмѣстѣ. По возвращеніи, все пошло у насъ попрежнему. Я забеременѣла Машенькой. Вотъ одинъ разъ выходитъ онъ къ завтраку такой веселый, какъ я никогда его не видѣла.

— Знаешь, Ѳенюшка, сказалъ онъ мнѣ, какая радость: ко мнѣ пріѣдетъ двоюродный братъ погостить. Онъ, знаешь, немного съ грѣшкомъ, но все сынъ покойника дяди. Только, говорю напередъ, что повѣса страшный съ женщинами, а малый добрый, и я очень люблю его. Вели, душка, приготовить ему помѣщеніе возлѣ моего кабинета и постлать постель помягче: онъ страшный нѣженка.

Я обрадовалась. Ужъ коли, думаю, до пріѣзда брата Егоръ Егоровичъ веселъ, то какъ прибудетъ, авось у насъ въ домѣ все перемѣнится. Сейчасъ же я распорядилась, сама все разставила въ комнатѣ, велѣла положить два пуховика, шелковое одѣяльце, собственныхъ приданыхъ подушекъ съ кружевцами и коврикъ подъ ноги. Егоръ Егоровичъ обнялъ меня. Такъ дня черезъ три въѣзжаетъ кибитка — это было зимою. Дѣдъ твой выскочилъ въ переднюю и увелъ брата въ кабинетъ. До обѣда было далеко: я велѣла подать чаю, кофею и приготовила завтракъ. Распоряжаюсь вотъ въ этой комнатѣ, слышу голоса. Не успѣла я оправиться, смотрю: небольшой хорошенькій мужчина влетаетъ ко мнѣ и чмокъ меня въ губы разъ, два...

— Здравствуйте, говоритъ, сестрица, позвольте обнять васъ.

Я, знаешь, сконфузилась, а Егоръ Егоровичъ вошелъ и смѣется. Пострѣленокъ забѣжалъ съ другой стороны; да чмокъ меня въ щеку. Я пуще сгорѣла.

— Ничего, сестрица, да что же вы меня не поцѣлуете? Э, говоритъ, какія у васъ горничныя-то уроды, ай! ай!

А надо тебѣ сказать, Леночка, что вотъ эта старая дура, Терентьевна, смолоду была уродъ уродомъ; Танька еще хуже,

а что у меня была Марѳушка, вотъ что лѣтъ пять какъ умерла, такъ ужъ не знаю, гдѣ она и родилась.

— Ну, каковъ Паша? спрашиваетъ у меня Егоръ Егоровичъ.

Я не успѣла отвѣтить, а этотъ чертенокъ вездѣ облеталъ и не даетъ мнѣ и слова выговорить. Ну, думаю себѣ, коли молодымъ мальчишкой такой озорникъ, что же изъ него будетъ дальше?

Въ тотъ же день Паша былъ какъ свой въ домѣ, и правду сказать, никогда въ Витаевѣ не жили мы веселѣе. Егоръ Егоровичъ возилъ брата на охоту, сосѣдей сзывалъ мало, и почитай все время были мы вмѣстѣ. Я признаться, полюбила Пашу, хотя и сказала, чтобы не цѣловалъ меня.

— Да коли некого? отвѣчаетъ, бывало, пострѣленокъ, и всегда ухитрится чмокнуть.

Наступила зима. Охота сдѣлалась чаще на медвѣдей и волковъ, какъ это и прежде бывало. Братья стали уѣзжать въ Смоленскую губернію. Я издавна привыкла къ этому. Но вотъ разъ проходитъ двѣ, три недѣли какъ уѣхали, и ни слуху, ни духу. Я послала гонца; велѣли сказать, что будутъ скоро. Жду опять недѣлю, нѣту, а приходитъ записка, что Паша нездоровъ. На третій день и Егоръ Егоровичъ пріѣхалъ. Пашѣ, стало быть, сдѣлалось немного лучше, и онъ оставилъ съ нимъ лекаря. Мнѣ жаль даже стало бѣдняжку, я хотѣла послать кое-чего, но Егоръ Егоровичъ сказалъ, что у нихъ есть тамъ все нужное. Не прошло двухъ дней, какъ онъ снова уѣхалъ и обѣщалъ скоро воротиться. Я жду да жду недѣлю, другую, третью, такъ-что ужъ моченки нѣтъ. Вѣрно у нихъ затѣялись какія-нибудь шашни, подумала я и тотчасъ же рѣшилась провѣдать. Призвала я священника и просила, чтобы написалъ мужу письмо, что дескать близятся рождественскіе праздники, я уѣзжаю къ родителямъ, и чтобы Егоръ Егоровичъ съ братомъ туда пріѣзжали, что-де тамъ много хорошенькихъ барышень, такъ Пашѣ будетъ раздолье. Гонецъ поѣхалъ, а я, велѣвши уложиться въ возокъ, какъ слѣдуетъ, взяла Мишу съ нянькой, Терентьевну, Фильку — онъ тогда не былъ еще глухъ — и выѣхала по дорогѣ къ роднымъ. Ѣду и никому не говорю, что у меня на умѣ. Съ перваго ночлега, вмѣсто того, чтобъ путь держать на Орелъ; я велѣла своротить вправо, и къ вечеру подъѣхала къ Смоленской нашей деревнѣ. Трущоба ужасная. Я одинъ только разъ и была тамъ у покойнаго свекра. Приказавши кучеру

остановиться за деревней и, Боже сохрани, проговориться, кто пріѣхалъ, я, взявши Терентьевну, а сама, знаешь, была въ мужскихъ сапогахъ, пошла прямо къ усадьбѣ. Подхожу къ дому. На дворѣ никого нѣтъ; ставни не закрыты, и въ окнахъ очень свѣтло. Я на крыльцо. Кругомъ дома, знаешь, есть галдарея. Вотъ по этой галдареѣ я и пробралась въ садъ и оттуда давай засматривать въ окна, что дѣлается у Егора Егоровича, а самой страшно.

Изъ оконъ свѣтъ широкими полосами падаетъ на кусты, а тѣ обвѣшены инеемъ, качаютъ вѣтвями, словно кто киваетъ бородою. Смотрю въ гостиную—никого нѣтъ. Я къ диванной... и обмерла... За столомъ на диванѣ сидитъ съ трубкою Егоръ Егоровичъ, а возлѣ него какая-то разряженная женщица, что-то говоритъ и смотритъ ему въ глаза. У меня такъ и кольнуло въ сердцѣ. Присматриваюсь и не вѣрю себѣ: Паша въ женскомъ платьѣ. Тогда только я догадалась кое о чемъ и уже бѣгомъ по галдареѣ, влетаю въ сѣни, отворяю переднюю и опрометью сбрасываю шубу. Лакеи оторопѣли. Миронычъ — онъ тогда былъ мужниным камердиномъ — хотѣлъ улизнуть, но я сказала, что живаго не оставлю, если съ мѣста тронется. Распорядившись такъ, я на цыпочкахъ прошла залу, прокралась чрезъ гостиную и прямо къ нимъ.

— Здравствуйте, Егоръ Егоровичъ! говорю и, знаешь, кланяюсь очень вѣжливо.

Мой Егоръ Егоровичъ уронилъ трубку, а Павелъ Ивановичъ, или Прасковья Ивановна, какъ вышло на повѣрку, словно приросла къ полу.

Я выпрямилась и подошла къ столику.

— Каково поживаете? говорю, а у самой въ сердцѣ злость такъ и загорается, ну, вотъ душитъ и только.

Егоръ Егоровичъ все ни слова, а она, негодная, скоро опомнилась.

— Здравствуйте, говоритъ, дорогая сестрица, а мы вотъ маскарады затѣваемъ.

Это ошеломило меня на минуту; но смотрю—на ней платье съ выкатомъ, и полная женская грудь такъ и вырывается наружу. Я все таки еще удерживаюсь.

— Хорошее, говорю, дѣло!

Озорница мигомъ накинула платокъ и говоритъ:

— Позвольте, сестрица, я пойду переодѣнусь.

Я дольше не могла выдержать.

— Нѣтъ, подлянка, говорю, не уйдешь! и схватила ее за руку.

— Не тронь! сказалъ, наконецъ, Егоръ Егоровичъ громовымъ голосомъ и всталъ съ дивана.

Она хотѣла вырваться. Но какъ бы не такъ: я сжала ее за руку.

— Не тронь, Ѳеня! сказалъ Егоръ Егоровичъ, подходя ко мнѣ.

Дѣлать было нечего! я развернулась и хлопъ ее по щекѣ.

— Здравствуйте, говорю, братецъ! и хлопъ ее въ другую щеку.

Она и протянулась. Дальше не помню ничего. Я впала въ безпамятство и три дня лежала больная. Оправившись, я уже никого не нашла въ домѣ и уѣхала къ родителямъ. Мнѣ уже послѣ разсказывали, что у сударушки лицо распухло, какъ булка, и двухъ зубовъ не доставало. Егоръ Егоровичъ послѣ того прожилъ года три за границей. Съ тѣхъ поръ мы жили съ твоимъ дѣдомъ, какъ кошка съ собакой, и долго такъ маялись, а все я была полною хозяйкою въ домѣ.

Ѳедосія Лаврентьевна умолкла. Вдругъ за стѣной послышались страшные крики. Всѣ вздрогнули.

— Что это? быстро спросила Леночка.

— Не извольте безпокоиться, сударыня, проговорила Терентьевна: это голубчикъ Михайла Егоровичъ изволятъ пѣтушкомъ кричать; это бываетъ, ничего-съ. А вотъ какъ изволитъ заревѣть бычкомъ-съ, тогда плохо...

Въ испугѣ Леночка бросилась къ помѣшанному.

VII.

На Михаила Егоровича нашли припадки, о которыхъ мы говорили раньше. Люди объяснили это Леночкѣ. Хотя она много страдала за отца, однако успокоилась немного, узнавъ, что припадки эти проходятъ. Возвратясь къ себѣ въ комнату, она сдѣлалась задумчивѣе. Простой разсказъ бабушки сильно на нее подѣйствовалъ. Ей представилась вся эта драма въ иномъ свѣтѣ: фигура Ѳедосіи Лаврентьевны выразилась еще явственнѣе, и долгая мучительная роль дѣда обрисовалась другими красками. Можно было ручаться, что она не понимала преступнаго смысла этой исторіи, а потому положеніе любящихся вызывало въ ея сердцѣ самое теплое участіе.

Дождавшись, пока окончился припадокъ отца, Леночка поѣхала къ Волковцовымъ. Земли витаевскія граничили съ милушинскими, и она скоро въѣхала въ густую рощу, въ ко-

торой сдѣлана была широкая просѣка, и по обѣимъ сторонамъ потянулись красивые плетни, черезъ которые перегибались вьющіяся растенія.

— Чей это лѣсъ? спросила она кучера.

— Обнаковенно не нашъ: у насъ энтакихъ хитростей нѣту-ти.

— Волковцова?

— Стало-быть.

Судя по отвѣтамъ возницы, о лаконизмѣ его, Леночка перестала спрашивать и съ любопытствомъ ничала разсматривать окрестность, когда они спустились къ берегу рѣки. Милушино, съ его затѣйливыми постройками, было какъ на ладони. Рѣка, запруженная красивой плотиной, обросшей большими деревьями, широко разливалась вправо, и, слѣдуя за изгибами противоположнаго нагорнаго берега, отражала его съ малѣйшими подробностями. На плотинѣ стояло нѣсколько изящныхъ мельницъ, толпился народъ, стучали топоры среди пѣсень и говора. Изъ желанія ли показать борзость своего шестерика или собственную удаль, кучеръ крикнулъ форрейтору: Вытягивай! и поѣхалъ довольно крупною рысью. Но вотъ форрейторъ, размахивавшій руками и болтавшій ногами на высочайшемъ изъ одровъ, обернулся къ кучеру, осаживая лошадь.

— Дядя Матвѣй! никакъ мостъ разобранъ?

— Эна! Да точно ли разобранъ?

— То-ись таки вотъ совсѣмъ.

Кучеръ удержалъ лошадей.

— Да посмотри хорошенько, пострѣленокъ!

— Да что смотрѣть-то!

Въ это время одинъ изъ рабочихъ, махая топоромъ, бѣжалъ къ каретѣ.

— Стой! Стой! мостъ разобранъ! кричалъ онъ.

Карета остановилась. Лакей кое-какъ слѣзъ съ запятокъ и подошелъ къ Леночкѣ.

— Матушка, Елена Михайловна! вѣдь переѣхать нельзя-съ.

— Какъ же быть? спрашивала Леночка, слышавшая давно уже разговоръ кучера съ форрейторомъ:

— Какъ вашей милости угодно.

— Неужели воротиться?

Но форрейторъ, молодой мальчикъ, слѣдовательно обладавшій зрѣніемъ лучше своихъ товарищей, закричалъ, оборотясь:

— Да никакъ самъ баринъ идетъ!

Леночка невольно хотѣла выглянуть въ окно и вдругъ откинулась въ уголъ кареты. Шегольски одѣтый господинъ подошелъ къ правой дверцѣ.

— Позвольте вамъ представить, сказалъ онъ, хозяина этой деревни, который, безъ сомнѣнія, имѣетъ честь говорить съ m-lle Дымковой?

— Мнѣ очень пріятно познакомиться, отвѣчала, краснѣя, Леночка: я ѣхала къ Надеждѣ Михайловнѣ и....

— И она будетъ чрезвычайно рада.

— Но мостъ...

— Нисколько не помѣшаетъ вамъ обязать насъ своимъ посѣщеніемъ. Я приказалъ положить доски, по которымъ мы перейдемъ, а черезъ садъ очень близко къ дому, если только васъ не пугаетъ прогулка пѣшкомъ.

— О нѣтъ, я люблю ходить.

Леночка тотчасъ же вышла изъ кареты и, принявъ съ нѣкоторою робостью руку, предложенную Волковцовымъ, отправилась съ нимъ къ мельницамъ. Доски уже были положены, и самая трусливая женщина не побоялась бы ступать по нимъ. За плотиной тутъ же начиналась садовая рѣшетка.

— Я слышала, что у васъ прекрасная библіотека, сказала Леночка, едва опираясь на руку своего собесѣдника.

— О, далеко не прекрасная, а если кажется такою, то потому, что у сосѣдей нашихъ книги считаются рѣдкостью.

— По крайней мѣрѣ, есть современное?

— Да, я получаю почти всѣ русскіе журналы и нѣсколько французскихъ.

— Я еще и не благодарила васъ за книги.

— Это жена распорядилась и послала вамъ самыхъ скучныхъ. Если позволите и положитесь на мой вкусъ, я отберу вамъ что-нибудь занимательное.

— Очень меня обяжете.

Въ концѣ аллеи показалась Надежда Михайловна, которая, узнавъ отъ своихъ караульныхъ, что витаевская карета остановилась на плотинѣ и что баринъ идетъ съ какой-то барыней или барышней, въ ту же минуту поспѣшила на встрѣчу гостьѣ, надѣвъ кое-какъ шляпку и не застегнувъ порядочно платья.

— Вотъ и жена! сказалъ Волковцовъ.

Леночка тихо освободила свою руку и пошла къ Надеждѣ Михайловнѣ, которая заключила ее въ свои объятія.

— Ахъ, какъ я рада, chère amie, что вы, наконецъ, собра-

лись къ намъ! проговорила она, едва переводя духъ. Вы уже познакомились съ моимъ мужемъ?

— Да, сказалъ Волковцовъ: — я нашелъ Елену Михайловну въ затруднительномъ положеніи по ту сторону моста.

— Если бы я знала, что милая Леночка посѣтитъ меня сегодня, я послала бы сказать, что изъ Витаева надо ѣхать дальней дорогой. Однако пойдемте, другъ мой, пить кофе. Мы не мѣшаемъ тебѣ, Алекси, можешь заниматься постройками, только не опоздай къ обѣду.

Волковцовъ раскланялся и возвратился къ мельницамъ. Надежда Михайловна бросилась снова обнимать гостью.

— Какъ вы любезны, милая Леночка! А я все ждала васъ, да думала, что можетъ быть, бабушка не отпускаетъ.

— Нѣтъ, но папенькѣ было худо.

Надежда Михайловна вздохнула.

— Это, ma chère, ему, бѣдному, ужъ суждена такая доля! Однако пойдемъ!

И онѣ отправились къ дому.

— Ну, что, шерочка, какъ вамъ показался Алекси?

— Онъ очень любезенъ.

— Не отпустилъ ли уже онъ вамъ что-нибудь?

Леночка невольно сдѣлала недовольную мину.

— Мы едва обмѣнялись нѣсколькими словами.

— О, у него за этимъ дѣло не станетъ!

Возлѣ дома, между куртинами цвѣтовъ, встрѣтили онѣ гувернантку и прехорошенькую дѣвочку, лѣтъ 14-ти, одѣтую со вкусомъ. Надежда Михайловна представила дочь свою гостьѣ.

Войдя съ балкона въ прекрасно убранную гостинную, онѣ прошли дальше и расположились въ чайной, возлѣ круглаго стола, на которомъ приготовленъ былъ кофе со всѣми его деревенскими принадлежностями. Взглянувъ на прислугу Надежды Михайловны, Леночка невольно припомнила разсказъ бабушки. И точно, трудно было вообразить себѣ что-нибудь безобразнѣе женщинъ и дѣвушекъ Волковцовой, а когда вышла карлица, управлявшая всѣмъ женскимъ штатомъ, Леночка ощутила даже какое-то непріятное чувство.

Разговоръ Надежды Михайловны не былъ занимателенъ даже и тогда, когда она касалась образа жизни своихъ сосѣдей, что для Леночки могло имѣть какой-нибудь интересъ. Надежда Михайловна любила осуждать, но осуждала безъ той иногда увлекательной насмѣшливости, которая, касаясь до-

вольно важныхъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ, прикрываетъ сплетню остроумiемъ и придаетъ ей видъ самой невинной болтовни.

Когда рѣчь зашла о Хоботовыхъ, Леночка сказала, что была у Пелажи и видѣла тамъ Спетцера.

— Видѣли? Ну что, какъ вамъ онъ показался?

— Образованный человѣкъ.

— Мало этого:—рѣдкiй молодой человѣкъ. Ну, а не замѣтили-ль вы чего-нибудь между нимъ и Пелажи?

— Признаюсь вамъ, я весьма недальновидна въ этомъ случаѣ.

— Да онъ на нее и не посмотритъ! Какихъ-нибудь двѣсти душонокъ, заложенныхъ и перезаложенныхъ, развѣ годятся для такого богатаго человѣка?

— Неужели m-г Спетцеръ такъ корыстолюбивъ?

— Вы еще почти дитя, Леночка, и не знаете цѣну богатству.

— Почему же не знать? но въ дѣлѣ любви, мнѣ кажется, оно не должно быть препятствiемъ:—богатому-то и жениться на бѣдной.

— Охъ, какiя пастушескiя понятiя! А вотъ посмотримъ, какъ вы будете говорить, если представится случай...

— Не знаю, какъ буду я говорить, но увѣрена, что дѣйствовать буду по внушенiю сердца.

— Даже, если бы у жениха ни души не было?

— Нѣтъ, безъ души—отказъ.

— То-есть, если бы сватался за васъ бѣднякъ...

— Лишь бы пришелся по сердцу, да былъ бы достойный, умный человѣкъ.

— Вы разсказываете страшныя вещи. Но, по крайней мѣрѣ, женихъ долженъ быть хорошей фамилiи.

— Я этого не понимаю. Что же значитъ хорошая фамилiя? Если вы говорите о знатныхъ, я никогда не пошла бы за знатнаго, потому-что выросла въ деревнѣ и получила другое образованiе нежели то, котораго требуютъ въ высшемъ кругу, а для меня все равно фамилiя:—мнѣ вѣдь нуженъ человѣкъ, а не родные или титулъ.

— Ахъ, какiя ужасти вы проповѣдуете!

— По крайней мѣрѣ, я составила о замужствѣ свои понятiя

Въ это время Волковцовъ вошелъ въ чайную. Онъ былъ уже въ другомъ костюмѣ, и по всему замѣтно было, что позаботился о своей наружности.

— Ахъ, Алекси, если бы ты зналъ, какой у насъ интересный разговоръ! сказала Надежда Михайловна, устремивъ, однако же, испытующій взоръ на мужа и желая отмѣтить, какъ Алекси посмотритъ на молоденькую гостью.

— Не будетъ ли нескромностью и мнѣ вмѣшаться въ него? спросилъ Волковцовъ, обращаясь къ Леночкѣ и садясь въ сторонѣ у окошка.

— Напротивъ, у насъ дѣло идетъ о любви, продолжала Волковцова, а ты опытный человѣкъ въ этомъ случаѣ. Представь, Леночка говоритъ, что готова выйти за бѣднаго, у котораго ничего нѣтъ!

— У котораго есть все, исключая состоянія, возразила Леночка спокойно.

— Съ подобнымъ благороднымъ образомъ мыслей можно быть или на верху блаженства или всю жизнь несчастной.

— Я васъ не понимаю.

— Я сейчасъ объясню вамъ.

— О, только послушайте его! пойдетъ философствовать.

— Если вы встрѣтите человѣка истинно достойнаго, продолжалъ Волковцовъ, подкатывая кресло ближе къ Леночкѣ и не обращая вниманія на слова жены: то счастье будетъ необходимымъ слѣдствіемъ этой любви; но если, подобно многимъ, вы ошибетесь и надѣлите любимаго человѣка тѣми достоинствами, которыхъ у него не было, тогда незавидна ваша доля.

Это было сказано голосомъ, выходившимъ изъ глубины души. Леночка пристально посмотрѣла на Волковцова. Лицо его приняло выраженіе такой неопредѣленной грусти, которое выказывалось ясно не столько глазамъ молодой дѣвушки, сколько ея сердцу.

— Неужели въ этомъ случаѣ легко обмануться? спросила она.

— Ничего нѣтъ легче. Конечно, я вамъ проповѣдую извѣстныя истины, но на это, нѣкоторымъ образомъ, даетъ мнѣ право вашъ возрастъ. Видите ли, Елена Михайловна, дѣвушка чаще всего подвержена этимъ грустнымъ обманамъ и потому доля ея заслуживаетъ большаго участія.

При этомъ Надежда Михайловна вздохнула, устремивъ глаза къ небу.

— О мужчинѣ я не жалѣю, продолжалъ Волковцовъ, мужчина долженъ быть тверже и разсудительнѣе. Онъ почти всегда дѣйствуетъ по своей волѣ, и если не умѣлъ подглядѣть

бездушной куклы въ образѣ хорошенькой свѣтской дѣвушки, то пусть и не жалуется.

Надежда Михайловна сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Не пора ли обѣдать? сказала она.

— Какъ знаешь, отвѣчалъ Волковцовъ.

Леночка задумалась.

— Видите ли, сказала ей Надежда Михайловна: изъ вашего веселаго разговора Алекси сдѣлалъ какую-то проповѣдь.

— А въ самомъ дѣлѣ дѣвушкѣ легко обмануться, сказала Леночка.

— Особливо той, которая служитъ завидной цѣлію исканій, Елена Михайловна!

— Но вамъ опасаться нечего, душа моя, сказала Волковцова: у насъ такъ мало жениховъ, а кто и есть, то о нихъ хорошо извѣстно. Ахъ, да, Алекси! Леночка познакомилась у Хоботовыхъ съ Спетцеромъ.

Леночка слегка покраснѣла при этомъ неожиданномъ оборотѣ разговора.

— Спетцеръ человѣкъ образованный, говорилъ Волковцовъ: съ нимъ можно пріятно провести время.

— Я не знаю, отчего ты не любишь Спетцера?

— Нельзя же всѣхъ любить! отвѣчалъ Волковцовъ, срѣзывая и облизывая сигару, мы съ нимъ не сходимся во многомъ и оттого часто споримъ.

— Ты не сходишься съ нимъ скорѣе изъ упрямства. Онъ отличный хозяинъ.

— Отличный въ смыслѣ пріобрѣтенія.

— Не знаю я тамъ вашихъ смысловъ; по крайней мѣрѣ у его мужиковъ нѣтъ дырявыхъ крышъ.

— И это правда, я не спорю. Мы съ нимъ совершенно расходимся въ отношеніи хозяйства. Я — русскій баринъ и, по убѣжденію, не принуждаю крестьянъ въ хлопотливое время, когда они заняты барщиной и своими полевыми работами, заботиться о наружности. Онъ — нѣмецъ и знать не хочетъ, есть ли у мужика свободное время, но чтобы на улицѣ не было пылинки.

— За то и деревня его — игрушка.

— И это истина, только надо посмотрѣть на крестьянъ, а ужъ не говорю спросить ихъ, согласились ли бы они жить въ некрасивыхъ избахъ Милушина, или въ своихъ изящныхъ домикахъ. Но оставимъ это: Еленѣ Михайловнѣ очень неинтересно слушать подобныя разсужденія.

— Но все-таки мнѣ досадно, что ты выставилъ Спетцера въ невыгодномъ свѣтѣ.

— Я ничего не сказалъ рѣзкаго, а только опровергалъ твои похвалы. Впрочемъ, я, вообще, не жалую человѣка, о которомъ можно сказать, что онъ—ходячая табличка умноженія. Понравилась ли вамъ m-lle Хоботова? спросилъ онъ у Леночки.

— Да!

— Образованная дѣвица, но немножко увѣрена въ себѣ. Въ деревнѣ это не такъ замѣтно, потому-что мало у насъ дѣвицъ съ воспитаніемъ, но въ большемъ обществѣ она потеряетъ. Играла она вамъ что-нибудь?

— Она прекрасно играетъ.

— Много бѣглости, но недостаетъ чувства.

— Ты, однако же, одно время восхищался ея игрою, замѣтила Надежда Михайловна.

— Иныя пьесы она исполняетъ очень удачно.

— Ну, и собой хорошенькая.

— Очень хорошенькая.

— Она и мнѣ нравится, сказала Леночка, замѣчая, что Надежда Михайловна привязывается къ мужу.

— Я слышалъ, что и вы любите музыку, Елена Михайловна.

— Люблю и охотно занимаюсь, но фортепьяно мое до того нехорошо, что нѣтъ охоты присѣсть къ нему.

— Выпишите изъ Москвы.

— Эхъ, Алекси, ты развѣ не знаешь, что Ѳедосія Лаврентьевна скупенька немножно?

— А мнѣ кажется, ее всегда можно уговорить. Да вотъ ты, Надинъ, въ первый же разъ, какъ попадешь въ Витаево, скажи старушкѣ, что пора перемѣнить инструментъ.

— А я попытаюсь съ завтрашняго дня, сказала Леночка.

— Когда же позволите мнѣ отобрать вамъ книгъ? спросилъ Волковцовъ.

— Попрошу сегодня.

Надежда Михайловна предложила, однако-же, идти въ столовую, недовольная тѣмъ, что мужъ слишкомъ занимался гостьей. Обѣдъ былъ очень хорошъ, какъ, вообще, всегда у Волковцовыхъ, которые одни въ своемъ околодкѣ жили всегда одинаково, не прибавляя лишняго блюда для пріѣзжихъ.

Въ обратный путь Надежда Михайловна провожала Ле-

ночку до самой кареты, изъ дружбы ли, или изъ боязни, чтобъ Алекси не принялъ на себя этой заботы. Прощаясь, Волковцовъ сказалъ Леночкѣ, что въ Милушинѣ очень скоро будетъ починенъ мостъ. Карета тронулась шагомъ, и Леночка, съ большимъ запасомъ книгъ, возвратилась къ бабушкѣ.

VIII.

Черезъ недѣлю припадки Дымкова прошли совершенно и онъ возвратился къ своему грустному нормальному положенію, которое, благодаря заботливости дочери, стало гораздо лучше прежняго. Обращаясь съ нимъ словно съ ребенкомъ, она дошла до того, что по получасу могла съ нимъ разговаривать и слыхала отъ него иной разъ довольно связные отвѣты. Случались, однако же, съ его стороны капризы, которыхъ и Леночка не въ состояніи была пересилить; тогда приглашали отца Василія, и больной въ ту же минуту повиновался.

Проснувшись довольно рано и исполнивъ всѣ свои обязанности, Леночка почувствовала желаніе уйти гулять въ поле. День былъ ясный и теплый, какіе случаются иногда осенью, и она, накинувъ легкую мантилью, пошла сперва по дубовой аллеѣ, потомъ своротила на небольшую дорожку и отправилась въ рощу. Въ полѣ господствовала тишина. Въ рощѣ листья уже осыпались, только изрѣдка межъ березой и дубомъ зеленѣлся ельникъ. Войдя въ рощу, Леночка вздохнула какъ-то весело. Она такъ рѣдко бывала совершенно одна, и чувство давнишней свободы запросилось въ ея сердце. Удаливъ отъ себя всѣ мечты, она предалась удовольствію отраднаго одиночества, котораго не знала въ домѣ тетки, а тѣмъ болѣе въ своемъ собственномъ. Ничто здѣсь не смущало, ничто не тревожило ея; она шла безъ цѣли, впивая свѣжій воздухъ и прислушиваясь къ шуму вѣтерка, пробѣгавшаго между безлистными вѣтками. Но вотъ до слуха ея долетѣли звуки заунывной пѣсни. Леночка начала прислушиваться. Голосъ былъ женскій, звонкій, очень пріятный, но проникавшій въ душу неизъяснимо грустнымъ чувствомъ. Леночка удвоила шаги и вышла на поляну. На берегу лѣснаго озера, на срубленномъ пнѣ сидѣла крестьянка и, не видя приближавшейся барышни, продолжала свою безыскусственную пѣсню, одну изъ тѣхъ, въ которыхъ выражается жалоба на безталанность. Шелестъ шаговъ — подъ ногами Леночки хрустѣли сухія вѣтки и опавшіе листья — заставилъ, однако-

же, крестьянку оборотиться. Она приподнялась и отвѣсила барышнѣ низкій поклонъ.

— Что ты пѣла, милая? спросила Леночка, садясь на другой пень.

— Пѣсенку, сударыня.

— Какую?

— Извѣстно, нашенскую.

— Зачѣмъ же такую грустную?

— Немного, барышня, на свѣтѣ радостнаго.

— А давно ты замужемъ?

— Пятый мѣсяцъ.

— Ты еще очень молода.

— Двадцатый годъ мнѣ.

— Что же, ты по любви вышла замужъ?

Крестьянка потупила глаза и молчала.

— Любишь своего мужа?

— Надо любить.

— Садись, милая!

— Какъ можно, сударыня! Постоимъ, насъ не убудетъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Маланьей-съ.

— Разскажи же мнѣ, Малаша, какъ ты вышла замужъ?

— Извѣстно какъ: обвѣнчали, да и вся недолга.

— Но какъ ты познакомилась съ своимъ суженымъ?

Маланья подняла на Леночку глаза, въ которыхъ навернулись слезы.

— Да вы витаевскія что ли? спросила она.

— Витаевская.

— Значитъ, вы ничего не знаете. Вотъ когда мнѣ довелось увидѣть свою милую барышню!

И Маланья поцѣловала руку Леночки, которую это немного тронуло.

— Я дочь вашего мельника Микифора. Матери у меня нѣтъ. У отца я жила, что называется, у Христа за пазухой. Работать-то я съизмала не лѣнилась, и мы жили припѣваючи. Я, какъ хозяйка, смотрѣла за всѣмъ, да маленькихъ сестеръ учила уму-разуму. Стала я, знаете, на возрастѣ, начали меня парни затрогивать. Ну, годокъ прошелъ весело, а на другой приглянулся мнѣ сосѣдскій парень, Матюшка, столяръ. Полюбились мы, барышня, крѣпко — такъ, что ужасть. Отецъ мой его жаловалъ и хвалилъ, что, молъ, работать гораздъ. Вотъ отецъ его съ моимъ батюшкой и порѣшили, что на зе-

леной недѣлѣ и свадьбу сыграть. Управитель, — чтобъ ему ни дна, ни покрышки! простите за это слово, сударыня — и разсерчай на моего отца, да какъ-то и поколотилъ его. Отецъ-отъ и погрозилъ, что молъ, барынѣ скажу, какъ, молъ, вы господское добро переводите. Съ той поры и пошло все вверхъ дномъ. Управитель на насъ и налегъ. Въ мясоѣдъ наши взяли дѣвку изъ Кобылокъ, такъ оттуда прислали мужика, чтобы и у насъ выбрать невѣсту. Управитель и приказалъ мнѣ выходить въ Кобылково. Я ему въ ноги, что-де будьте отцомъ роднымъ, помилосердуйте, у меня женихъ есть. Дамъ я, говоритъ, тебѣ жениха! Вотъ! Я въ слезахъ къ отцу, отецъ къ управителю, да и Матюшку взялъ съ собою. Гдѣ ужъ тутъ упросить!.. А къ барынѣ не допустили.

— Ну что же? спрашивала Леночка, едва переводя духъ.

— А вѣстимо что: на другой день меня обвѣнчали съ кобылковскимъ мужикомъ.

— Какъ же отецъ Василій?

— А почемъ онъ зналъ?

— Ты бы сказала.

— Попробовали бы вы сказать-то?

— По крайней мѣрѣ, мужъ твой добрый ли человѣкъ?

— Да коли разъ на день прибьетъ, такъ еще и слава Богу.

— Молодой?

— Невѣстка постарше меня.

— Да какъ же ты живешь?

— Живется, покуль силъ хватаетъ.

Леночка задумалась.

— Теперь ты уже не наша? спросила она.

— Нѣтъ, сударыня, теперь я уже Спетцерова.

— Спетцерова! Онъ вѣдь добрый баринъ!

— Можетъ статься, и добрый, проговорила крестьянка несмѣло.

— Должно быть смирный!

— И вотъ-те смирный. Давно вѣдь ужъ въ Кобылкахъ бариномъ, а, баютъ, ни на кого не прикрикнулъ.

— А управитель? не обижаетъ васъ?

— Гдѣ ужъ тамъ не обижаетъ.

— Можно пожаловаться барину.

— Барину-то? Нѣтъ, съ нашего барина взятки гладки; у него на управителя жаловаться не моги... Были спрежду этакіе, такъ мѣсяца по два послѣ почесывались.

— Ты же говоришь: онъ смирный.

— Стало быть, смирный. Онъ и не гнѣвается; онъ, пожалуй, назоветъ другомъ любезнымъ, голубушкой, да тутъ же и велитъ задать такую баню, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь...

Леночка вздрогнула.

— По крайней мѣрѣ, говорятъ, мужики живутъ въ довольствѣ.

— Можетъ статься. Правда, у всѣхъ новенькія избы, на дворахъ чисто, улица выметена, да почитай, что этимъ только и заняты на своихъ дняхъ. Нѣтъ, матушка, житье-то плохое.

— А милушинскій баринъ? спросила Леночка.

— Волковцовъ-то? Отца родного не надо, за него всѣ крестьяне Бога молятъ.

Леночка встала.

— Прощай, Малаша! Жаль мнѣ тебя, бѣдную, да пособить не могу. Если будешь въ Витаевѣ, приходи ко мнѣ наверхъ. Я, можетъ быть, поговорю о тебѣ съ твоимъ бариномъ.

И она тихо пошла назадъ по тропинкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ знакомая заунывная пѣсня раздалась въ рощѣ и печальные переливы ея, разносясь по воздуху межъ деревьями, вылетали въ поле, какъ бы замирая. Леночкѣ сдѣлалось грустно; простой разсказъ крестьянки растрогалъ ее. Она всегда смотрѣла на крестьянъ съ теплымъ участіемъ. Дома Леночка уже выдержала двѣ, три непріятности за свой образъ мыслей, но, несмотря на это, чувство человѣчности въ ней не погасло. И, не зная почему, въ продолженіе всего обратнаго пути ей представлялся Спетцеръ. Съ перваго взгляда онъ немного заинтересовалъ ее; по крайней мѣрѣ, ей пріятно было думать, что по сосѣдству живетъ образованный молодой человѣкъ, съ которымъ можно отвести душу бесѣдой; даже послѣ разговора о немъ у Волковцовыхъ, она еще иначе представляла его. Теперь этотъ человѣкъ начиналъ внушать ей отвращеніе къ себѣ. Излишняя строгость и отсутствіе всякаго состраданія казались ей качествами, уничтожающими все, что могло быть хорошаго въ этомъ человѣкѣ; да и что могло быть въ немъ хорошаго, исключая двухъ, трехъ относительныхъ достоинствъ? Значитъ, Волковцовъ не только былъ правъ въ своемъ отзывѣ о Спетцерѣ, но даже слишкомъ снисходителенъ. Какое же теперь удовольствіе могла она находить въ обществѣ Спетцера, когда въ немъ не было сердца, а былъ только одинъ практическій умъ и знаніе свѣта.

Все это передумала она, доходя до дубовой аллеи, и, покончивъ со Спетцеромъ, начала пріискивать средства вразумить или удалить управителя, физіономія и унизительная вѣжливость котораго казались ей всегда подозрительными. Дѣйствовать прямо она не смѣла, потому что ея образъ мыслей расходился съ убѣжденіями бабушки; значитъ, надо было поступать осторожно и тѣмъ не менѣе энергически. Она, однакоже, рѣшилась высказать ему свои желанія и дать замѣтить, что она настоящая владѣтельница Витаева.

Войдя въ ворота, она замѣтила передъ крыльцомъ щегольскія дрожки, запряженныя парой сѣрыхъ. Взглянувъ на отличныхъ лошадей, она невольно подумала, что этимъ животнымъ гораздо лучше у барина, чѣмъ бѣднымъ крестьянамъ, и съ этимъ настроеніемъ духа вошла къ бабушкѣ.

IX.

Ѳедосія Лаврентьевна сидѣла на обычномъ мѣстѣ, а возлѣ нея, расположась на весьма неудобномъ стулѣ, сидѣлъ Спетцеръ во фракѣ и свѣтлыхъ перчаткахъ. При входѣ Леночки, молодой человѣкъ привѣтствовалъ ее, какъ старую знакомую.

— Гдѣ это ты была, Леночка? спросила Ѳедосія Лаврентьевна.

— Гуляла въ полѣ, милая бабушка, сказала она, цѣлуя руку старухи.

— А мы вотъ съ — какъ, батюшка, ваше имя? прибавила старуха, обращаясь къ Спетцеру.

— Викентій Христіановичъ.

— А мы вотъ съ Викентіемъ Крестьянычемъ поразговорились; да онъ, чай, соскучился со старухой?

— Напротивъ, мнѣ было очень пріятно. Далеко ли вы гуляли? спросилъ Спетцеръ Леночку.

— Въ рощѣ, вотъ что противъ дома.

— А, это по направленію къ моей деревнѣ. Я тамъ охочусь иногда. Замѣтили вы тамъ красивое озеро на полянѣ?

Леночка покраснѣла немного.

— Какъ же; я тамъ просидѣла съ полчаса.

— Вообще, у насъ въ окрестностяхъ виды очень хорошіе, но лучше безспорно въ Милушинѣ.

— Да, особенно по эту сторону плотины: они мнѣ напомнили южныя губерніи.

— А давно ли вы видѣли m-lle Пелажи?

— Нѣсколько дней тому назадъ, она пріѣзжала сюда.

— Славная дѣвушка! отозвалась Ѳедосія Лаврентьевна, и кажись не безприданница, а вотъ не шлетъ Богъ человѣка. Нонче ваша братья, женихи, стали переборчивы.

Спетцеръ улыбнулся.

— Столько же, сколько и невѣсты, отвѣчалъ онъ, теперь, Ѳедосія Лаврентьевна, все не то, что было; теперь въ свѣтѣ огромныя требованія.

— Кто и говоритъ, батюшка! Да вѣдь и 200 душъ — приданое не пустякъ.

— Если онѣ не заложены. Впрочемъ, это я говорю вообще. M-lle Пелажи очень интересная дѣвица и, вѣроятно, составитъ прекрасную партію.

— Живутъ они, кажись, хорошо.

— Прилично для деревни.

— И въ Москву ѣздятъ.

— Это-то ихъ и разоряетъ, а управленіе имѣніемъ слабо до крайности.

— Вотъ это, батюшка, я слышала. Ну, да извѣстное дѣло, прибавила старуха со вздохомъ, наше вдовье хозяйство куда уже годится!

— Въ этомъ я совершенно съ вами согласенъ: хозяйскій глазъ нуженъ вездѣ, а женщинѣ трудно соблюсти это, и притомъ не каждая женщина знакома съ пашней и уборкой хлѣба.

— Говорятъ, у васъ, батюшка Викентій Крестьянычъ, все въ большомъ порядкѣ.

— Да, я имъ занимаюсь. Имѣніе досталось мнѣ разоренное; я вложилъ въ него весь капиталъ, а потому долженъ былъ оставить службу и обречь себя на деревенскую жизнь.

— Да вѣдь кобылковскіе мужики-то были распущены, воръ на ворѣ, пьяница на пьяницѣ.

— Я принялъ противъ этого дѣятельныя мѣры и, слава Богу, многое дурное вывелось.

— Такъ, такъ, батюшка! Мое хоть и бабье дѣло, а смолоду-то и я умѣла управиться. Вотъ изъ Леночки никогда не будетъ хорошей хозяйки.

— Гдѣ же молодой дѣвицѣ заниматься хозяйствомъ! сказалъ Спетцеръ, улыбаясь.

— Особливо нынѣшнія дѣвицы! подхватила, махнувъ рукою, Ѳедосія Лаврентьевна, курицу рѣжутъ, такъ онѣ готовы заплакать, а не то что высѣчь при себѣ мужика.

Желая прекратить разговоръ, могшій принять непріятный

оборотъ, Леночка спросила у Спетцера, давно ли онъ былъ у Волковцовыхъ?

— Недѣль около двухъ. Мы какъ-то не сходимся въ мнѣніяхъ съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ, и мнѣ всегда тяжело послѣ нашихъ споровъ. Этотъ человѣкъ во всемъ оригиналенъ, или, по крайней мѣрѣ, хочетъ такимъ казаться.

— Не знаю, какъ по хозяйству, но обо всемъ другомъ онъ говоритъ прекрасно.

— Да, плавно и не задумается ни надъ какимъ парадоксомъ. Мнѣ жаль видѣть васъ въ нашей глуши, Елена Михайловна, продолжалъ Спетцеръ:—съ вашими талантами, съ такимъ образованіемъ вамъ должно казаться здѣсь очень скучно.

— Нѣтъ, у меня есть свои обязанности.

— Склоняюсь предъ ними; но, во всякомъ случаѣ, нужны же вамъ развлеченія?

— Попривыкнетъ, батюшка, и, авось, займется хозяйствомъ, сказала Ѳедосія Лаврентьевна: имѣніе хорошее; мнѣ жить недолго, а на чьихъ же рукахъ все это останется? Будетъ сидѣть сложа руки, такъ ей же худо, а на управителей трудно положиться.

— Мнѣ кажется, сказалъ Спетцеръ по-французски:—что управляющій вашъ немного недобросовѣстенъ.

— Не умѣю вамъ сказать этого, но знаю, что онъ слишкомъ строгъ съ крестьянами, отвѣчала Леночка, смотря пристально на своего собесѣдника.

Спетцеръ выдержалъ этотъ взоръ.

— Я не нахожу этого, отвѣчалъ онъ: — вы дѣвица и естественно смотрите на все съ своей точки зрѣнія. Но что такое крестьяне? Наши рабочія силы. Ни слова, что съ ними надо быть справедливымъ, разумно употреблять ихъ на работу; но вмѣстѣ надо и смотрѣть, чтобы они совѣстливо исполняли свою обязанность. Впрочемъ, имѣніе, какъ часы, стоитъ завести аккуратно — и все пойдетъ, какъ слѣдуетъ; надо лишь наблюдать.

— Однако не должно забывать, что эти силы имѣютъ такую же душу, какъ и мы.

— Это болѣе идетъ къ поэзіи! Вотъ Волковцовъ дѣйствуетъ по такой системѣ и, вмѣсто того, чтобы получить тысячъ двадцать серебромъ, едва имѣетъ двѣнадцать, и то съ грѣхомъ пополамъ.

Старуха ничего не понимала, но услыхавъ имя Волковцова, обратилась къ Спетцеру:

— А слыхали вы, батюшка, что Алексѣй Дмитріевичъ завелъ какіе-то штрафы съ крестьянъ?

— Какъ же! Онъ за проступокъ сперва дѣлаетъ выговоръ, а потомъ уже беретъ денежный штрафъ въ пользу бѣдныхъ:

— Болванъ этакой! Чай сами же мужики надъ нимъ смѣются.

Вошла Терентьевна и пошептала что-то на ухо старухѣ.

— Ну, батюшка Викентій Крестьянычъ, здѣсь при мнѣ будутъ перевѣшивать гусиный пухъ — у меня ужъ такое обыкновеніе—ты не поскучай. Леночка, покажи гостю садъ, а я тѣмъ временемъ покончу.

— Мнѣ пора домой.

— И, отецъ мой! кто же уѣзжалъ изъ Витаева безъ обѣда? Ужъ не взыщи, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, а не пообѣдавши, не уѣдешь.

Леночка пригласила гостя слѣдовать за нею, и они вышли въ заглохшій садъ, въ которомъ болѣе 20-ти лѣтъ чистилась одна только дорожка къ рѣкѣ, и то къ тому мѣсту, гдѣ бѣлились холсты весною. По обычаю, передъ окнами сѣяли кое-какіе цвѣты, которыхъ въ настоящее время не было въ поминѣ; лишь по небольшимъ тычинкамъ, торчавшимъ въ грунтѣ, замѣтно было, что здѣсь росли какія-то вьющіяся растенія. Леночка и Спетцеръ тихо шли по дорожкѣ, шумя опавшими листьями березъ, липъ и кленовъ.

— Извините за вопросъ, но я возвращусь къ прежнему, Елена Михайловна:—вамъ, должно быть, очень скучно.

— Не скажу; конечно не весело, но у меня есть пріятная, хоть вмѣстѣ и грустная забота.

— Эта забота священная, говорилъ Спетцеръ, стараясь идти рядомъ съ Леночкой и разбрасывать кучки листьевъ:— но въ свободное время...

— Много теперь у меня будетъ занятій и въ свободное время. Къ сожалѣнію, бабушка твердо сохранила понятія и привычки своего вѣка и смотритъ на крестьянъ, какъ вы говорите, какъ на рабочія силы, и отъ этого встрѣчается много вопросовъ, леденящихъ душу. Я не могу ни переучить, ни остановить ея; за то сама могу сблизиться съ добрымъ простымъ народомъ, узнать его нужды, отношенія и помогать во многихъ случаяхъ.

— Спетцеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу, съ которою хотѣлъ было завесть разговоръ о томъ, какъ много выиграла бы она въ столичномъ обществѣ, и навесть

на мысль, что ей не мѣшало бы выйти за человѣка съ состояніемъ и уѣзжать на зиму въ столицу.

— Намѣреніе ваше, сказалъ онъ, болѣе чѣмъ похвально; однако изъ опыта извѣстно, что подобныя предпріятія скоро охлаждаютъ душу, самую любящую.

— Отчего же?

— Первое, что поразитъ васъ, это безчувствіе, съ которымъ будутъ смотрѣть на образъ вашихъ дѣйствій, второе— неблагодарность.

— Вы это говорите по опыту?

— Нѣтъ, я не имѣлъ столько времени, чтобы тратить его на безполезные опыты, а началъ съ того, чѣмъ обыкновенно кончаютъ другіе.

— То-есть, со строгости!

— Только, прибавьте, разумной. Можно быть мягкимъ, эта правда, но тогда надо отказаться отъ дохода, а мы, дѣти образованнаго вѣка, привыкли къ нѣкоторымъ удобствамъ.

— А мнѣ кажется, что мы, дѣти образованнаго вѣка, можемъ и получить хорошіе доходы, и не погружаться въ невѣжественный образъ дѣйствій нашихъ предковъ.

— Извините меня, Елена Михайловна, но такъ можетъ судить только молодая дѣвица, не видѣвшая вблизи хозяйства.

— Можетъ быть, мое мнѣніе и ошибочно; по крайней мѣрѣ, я всегда готова отказаться отъ лишней тысячи дохода, если этимъ могу облегчить своихъ крестьянъ.

— Сдѣлайте одолженіе, не говорите этого при нихъ, если не хотите лишиться всего. Нѣтъ, вы совершенно не знаете крестьянъ!

— Съ послѣднимъ совершенно согласна.

— Съ ними нельзя не быть строгимъ, а должно соблюдать справедливостъ. Я первый осуждаю большое злоупотребленіе помѣщичьей власти, но первый же смѣюсь надъ слабостью помѣщика. Впрочемъ, такъ какъ вы сами собираетесь ближе познакомиться съ крестьянами, то увидите, къ чему ведетъ излишняя филантропія.

Леночка не отвѣчала ни слова, и они, молча, подошли къ берегу рѣки, на которой плавали стада домашнихъ гусей и утокъ. Нѣсколько бабъ вымачивали и выколачивали бѣлье на доскахъ у берега.

— Какая прозаическая картина, особенно для молодой дѣвицы! сказалъ Спетцеръ. Въ то время, когда, по своимъ средствамъ и положенію въ обществѣ, вы могли бы пользо-

ваться всевозможными удовольствіями въ столицѣ, здѣсь вамъ ежедневно представляются весьма незанимательныя развлеченія.

— Что же дѣлать? отвѣчала, вздохнувъ, Леночка: не всѣмъ судьба посылаетъ радость на долю.

— А не отъ насъ ли часто зависитъ перемѣнить свою судьбу?

— Думаю, что не отъ насъ.

— И ошибаетесь.

— По крайней мѣрѣ, я не могу разсчитывать на перемѣну.

— Пока не спорю: но отчего же не подумать о будущемъ.

— Оттого что ни въ какомъ случаѣ я не жила бы постоянно въ столицѣ. Я выросла въ деревнѣ, и свѣтъ знаю провинціальный, деревенскій; какую же роль играла бы я въ столичномъ обществѣ, гдѣ все мнѣ чуждо, начиная съ самаго главнаго, съ образованія?

— Зачѣмъ же вы предполагаете тамъ образованіе непремѣнно высокое? Оно существуетъ, конечно, но не у большинства.

— Я не предполагаю высокаго образованія, а утонченное, примѣненое къ образу жизни. Здѣсь я могу имѣть какое-нибудь значеніе...

— И вездѣ!

— Извините! въ столичномъ кругу осмѣяли бы меня отъ походки до неумѣнья сѣсть, и были бы правы. Что можетъ быть смѣшнѣе мужчины или женщины въ чуждой имъ сферѣ, въ гостиной, наполненной людьми, только думающими о томъ, какъ бы ступить правильнѣе, сѣсть граціознѣе?

— Вы все преувеличиваете! Бьюсь объ закладъ, что вы недавно прочли что-нибудь въ этомъ родѣ въ русскихъ журналахъ.

Леночка пристально посмотрѣла на Спетцера.

— Почему же вы думаете, что у меня такъ мало собственнаго убѣжденія? Наконецъ, что вы хотите сказать намекомъ на русскіе журналы? Я совершенно уѣздная барышня, и чтеніе хорошей вещи по русски доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, потому что я думаю и живу по русски.

— Что же дѣлать, когда все иностранное принято въ обществѣ.

— И, не смотря на это, можно отдавать справедливость

своему. Увѣряю васъ, что мое убѣжденіе образовалось не изъ книгъ, но изъ собственнаго смысла.

— Да, это очень натурально въ молодыхъ дѣвицахъ, въ ваши годы любятъ оригинальность.

— Видите-ли, говорила Леночка, поворачивая назадъ прежней дорогой, что мнѣ, съ моимъ образомъ мыслей было бы скучно въ столицѣ.

— Но тамъ вы не имѣли бы времени заниматься этимъ: театръ, опера, балетъ, вечера, концерты...

— Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы видѣть хорошій театръ.

Спетцеръ улыбнулся.

— И вѣрьте, что вы полюбили бы и общество, перестали бы говорить по русски и незамѣтно приняли бы тотъ столичный лоскъ, который вамъ представляется въ такомъ непріятномъ свѣтѣ.

— Смѣшно было бы мнѣ оригинальничать; но поэтому-то я и хочу оставаться въ Витаевѣ. Впрочемъ, вы не думайте, что я не желаю съѣздить въ Петербургъ, я только не согласилась бы жить тамъ.

— Поцѣрьте, что это одно лишь предубѣжденіе. Я семь лѣтъ жилъ въ Петербургѣ и знаю сколько нибудь столицу. И тамъ можно избрать себѣ кругъ знакомства самый пріятный, самый невзыскательный. А за то какое сравненіе! Во первыхъ, вы живете какъ хотите и живете въ полномъ смыслѣ слова. По крайней мѣрѣ, я предполагаю, устроивъ хорошенько дѣла свои, снова поступить на службу въ Петербургѣ и пользоваться удовольствіями.

— Вы свободны — это совсѣмъ другое дѣло.

— Неужели же и вы полагаете цѣлый вѣкъ быть въ зависимости?

— Я еще не думала о будущемъ,

— Я увѣренъ, что вы не примете за лесть, а тѣмъ болѣе за пустой комплиментъ, если я скажу, что мнѣ отъ души жаль видѣть васъ въ этой пустынѣ.

Вчера еще, можетъ быть, слова эти имѣли бы отрадный смыслъ для Леночки; но послѣ разсказа крестьянки исчезъ для нея интересъ, возбужденный было въ ней Спетцеромъ. Она не отвѣчала ни слова и поворотила на боковую дорожку. Ей представлялся этотъ молодой человѣкъ — не здѣсь, въ видѣ любезнаго собесѣдника, а дома, за счетами, отдающій равнодушно, тихимъ голосомъ какое-нибудь суровое приказаніе... Ей стало грустно. Спетцеръ замѣтилъ это и поду-

малъ, что навелъ раздумье на дѣвушку. Онъ спѣшилъ поправить свою ошибку.

— Впрочемъ, есть характеры, Елена Михайловна, сказалъ онъ, которые не могутъ сдружиться съ мыслью о свѣтской жизни, и, кажется, у васъ подобный характеръ.

— Напротивъ, я люблю свѣтскую жизнь, но только въ своей сферѣ, гдѣ вокругъ меня все понятно, знакомо.

— Вы, значитъ, и танцовать любите?

— Да! А вы?

— Признаюсь откровеннно, я уже пересталъ находить удовольствіе въ танцахъ.

— Давно ли?

— Не такъ давно. Если хотите, я танцую иногда, но по необходимости.

— Значитъ, играете въ карты?

— Постоянно. Лучше же заплатить нѣсколько рублей и просидѣть въ спокойномъ креслѣ, чѣмъ вертѣться, устать, говорить пошлости, безъ всякаго удовольствія.

— Вы удивительно солидны.

— Человѣкъ долженъ быть солиденъ.

— Я не понимаю, отчего же непремѣнно долженъ, если онъ любитъ веселиться, или наконецъ, если онъ очень молодъ.

— Развѣ молодость для того дана человѣку, чтобы вертѣться въ полькѣ?

— Но, думаю, и не для того, чтобы сидѣть за счетами или картами.

— Значитъ, вы окончательно не любите людей положительныхъ?

— Люблю все въ свое время и на своемъ мѣстѣ; люблю, если молодость увлекается...

— Увлеченія опасны, Елена Михайловна, перебилъ Спетцеръ. Я боюсь увлеченій.

— Вѣроятно, вы умѣете повелѣвать своими чувствами?

— Каждый порядочный человѣкъ долженъ повелѣвать своими чувствами: на то есть разсудокъ.

— У насъ такъ неодинаково значеніе слова порядочный человѣкъ, что право не всегда знаешь, какъ понимать его. Иной считаетъ порядочнымъ того, кто куритъ сигару, а не папиросу; другой тѣхъ, кто слѣдуетъ англійской модѣ, а не парижской, третій тѣхъ, кто не говоритъ и не читаетъ по русски... Однимъ словомъ, это весьма неопредѣленное выраженіе.

— Вы и противъ внушеній разсудка? спросилъ Спетцеръ, улыбаясь почти насмѣшливо.

— Противъ всего, что неестественно, притворно, что носитъ съ цѣлью добровольно маску. Но оставимъ-те этотъ разговоръ: я вамъ должна казаться такой провинціалкой... А бабушка вѣроятно ждетъ ужъ съ обѣдомъ.

— Позвольте мнѣ быть откровеннымъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Бы большая мечтательница.

— Очень можетъ быть, что я составила себѣ неправильныя понятія о жизни; но мнѣ хотѣлось бы не разставаться съ ними.

Они подходили къ дому. На крыльцѣ встрѣтилъ ихъ посланный съ докладомъ, что кушать подано.

За обѣдомъ шли обычные разговоры о хозяйствѣ, въ которыхъ Леночка мало принимала участья. Тотчасъ же послѣ кофе Спетцеръ уѣхалъ.

Старухѣ онъ очень понравился.

X.

На другой день Леночка увидалась съ отцомъ Василіемъ и разсказала ему о Малашѣ. Вышло, что священникъ не зналъ ничего, но обѣщалъ съ тѣхъ поръ внимательно вникать во всѣ обстоятельства, предшествующія браку. Въ тотъ же день Леночка говорила и съ управляющимъ, и въ умѣренныхъ, но сильныхъ выраженіяхъ сказала прямо, что хотя она и не смѣетъ дѣйствовать открыто, однако постарается употребить все вліяніе на искорененіе многихъ дурныхъ обыкновеній. Управляющій понялъ, что какъ бы ни деспотически Ѳедосія Лаврентьевна обходилась съ внучкой, а все ему будетъ плохо, если онъ не постарается заслужить расположенія настоящей владѣтельницы Витаева. Извинившись сколько было можно, солгавъ даже, что на замужство Малаши была воля Ѳедосіи Лаврентьевны, онъ долженъ былъ дать слово и мягче обходиться съ крестьянами, и не употреблять своей власти во зло ни въ какомъ случаѣ. Оба эти обстоятельства были слишкомъ второстепенны для управляющаго, потому что главный интересъ его заключался въ способахъ наживы, но тѣмъ не менѣе они пугали его, наводя на мысль, что молодая дѣвушка можетъ когда нибудь вникнуть и въ отчеты. Къ послѣднему опасенію присоединялось еще и знакомство

Спетцера съ Дымковыми. Кто знаетъ, что могло выйти изъ этого знакомства? а Спетцеръ такой хозяинъ, который мигомъ прослѣдитъ самыя искусныя плутни. Управляющій рѣшился было сначала вооружить бабушку противъ внучки, но раздумалъ и положилъ отказаться отъ строгости съ крестьянами въ пользу своего кармана.

Вскорѣ осень вступила въ тотъ дождливый, постоянно мокрый періодъ, который скученъ въ столицѣ, несносенъ въ провинціальномъ городѣ и невыносимъ въ деревнѣ. Небо постоянно сѣрое и мутно; сквозь облака сѣется мелкій дождь; дороги и поля грязны; видъ на окрестности печаленъ и утомительно однообразенъ. Въ эту пору помѣщики собираются и по цѣлымъ днямъ козыряютъ, потому что даже на охоту выѣхать нѣтъ никакой возможности. Люди помоложе читаютъ, но иногда не прочь и отъ картъ. Хорошо, если въ это время случаются имянины, свадьбы или другіе семейные праздники, на которые съѣзжаются сосѣди; но выпадаютъ недѣли, что никто изъ сосѣдей и не заглянетъ.

И говорить будетъ излишне, что въ Витаевѣ царствовала страшная, утомляющая скука. Образъ жизни не измѣнялся никогда, день былъ размѣренъ, разсчитанъ, и время тянулось медленно подъ этою кровлей, изъ подъ которой изгнана была всякая радость, куда разнощики даже, зная скупость Ѳедосіи Лаврентьевны, не привозили, вмѣстѣ съ товарами, уѣздныхъ сплетенъ и происшествій. Ѳедосія Лаврентьевна ни мало не тяготилась этимъ и постоянно каждый день занималась въ опредѣленные часы извѣстными дѣлами и ежеминутно чинила судъ и расправу.

Леночку напротивъ начинала одолѣвать страшная скука. Не смотря на заботы объ отцѣ, у котораго проводила она часа по два, а иногда и по три въ день, не смотря на разныя заботы по хозяйству, на бесѣды съ бабушкой, у нея оставалось еще столько времени, что она не знала, куда дѣвать его. Къ сосѣдямъ хотя и выѣзжала она, хотя Пелажи и Надежда Михайловна изрѣдка навѣщали ее, однако же ей случалось по три, по четыре дня сряду проводить въ ужаснѣйшей скукѣ. Читала она много, потому что Хоботова и Волковцовъ постоянно снабжали ее книгами; тѣмъ не менѣе, когда уставали глаза, ей было не съ кѣмъ промолвить слова. И вотъ къ молодому сердцу дѣвушки невольно и неслышимо начала прививаться горечь жизни, которая, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, часто цѣлую жизнь не покидаетъ человѣка, пуская глубже

корни и разрастаясь постепенно. Будущаго у Леночки почти что не было; по крайней мѣрѣ, оно не представлялось ей ни въ видѣ веселыхъ мечтаній, ни въ образѣ заманчивыхъ надеждъ; желѣзная воля Ѳедосіи Лаврентьевны приковывала ее своею силою къ грустному настоящему.

Старуха, въ свою очередь, не жила въ будущемъ, да и къ чему ей будущее? Она и въ молодости не думала о завтрашнемъ днѣ иначе, какъ со стороны хозяйственной и то въ самомъ тѣсномъ объемѣ. Случалось, что ей приходило желаніе выдать внучку замужъ; но послѣ она раздумывала и говорила, что дѣвушкѣ не должно въ молодости думать о замужествѣ, а должно учиться хозяйничать. Притомъ и женихов не имѣлось въ виду: изъ холостыхъ сосѣдей былъ одинъ Спетцеръ, да и тотъ неправославный. И Ѳедосія Лаврентьевна рѣшила повременить замужествомъ внучки, тѣмъ болѣе, что съ этимъ связывалась нѣкоторымъ образомъ ея собственная независимость. Кто знаетъ, какого Богъ пошлетъ зятя!

Кроткій характеръ Леночки не могъ, по временамъ, не дѣйствовать даже на такую черствую старуху, какъ Ѳедосія Лаврентьевна, и хотя вліяніе это не проявлялось ни въ какомъ особенномъ дѣйствіи, однако, бабушка гораздо мягче начала бранить внучку. Выпадали дни, что старуха искала случая придраться къ молодой дѣвушкѣ, иногда и придиралась, но сама, наконецъ, видѣла, что нападенія ея были недобросовѣстны. Съ другой стороны Ѳедосія Лаврентьевна инстинктивно понимала Леночку и почти была увѣрена, что она не всегда безусловно выполнитъ волю бабушки, если только приказаніе будетъ слишкомъ тягостно. Она уже это видѣла въ исторіи съ горничной Пелагеей. Это одно было очень непріятно старухѣ, тѣмъ болѣе, что напоминало ей покойную невѣстку. Леночка могла бы дойти до того, что управляла бы старухой, если бы захотѣла лукавить. Но этому противилось слишкомъ благородное ея сердце.

Живя дома, Леночка, мало по малу, свыклась со своей грустной участью и отказалась отъ надежды блистать на балахъ своего уѣзда, потому что не было съ кѣмъ выѣзжать. Хоботова предлагала ей свои услуги, но Ѳедосія Лаврентьевна отказала наотрѣзъ отпускать внучку къ людямъ незнакомымъ.

Близились праздники Варвары и Николая, какъ бы служащіе началомъ веселостей въ провинціи.

Однажды утромъ Леночка пожаловалась бабушѣ, что у нея очень холодно и что ей нельзя оставаться долѣе въ своей

комнатѣ. Началось домашнее слѣдствіе: почему? Досталось управляющему, дворецкому, но кончилось тѣмъ, что Леночкѣ надо было приготовить другое помѣщеніе. Для соблюденія формальностей, управляющій самъ осматривалъ печку и донесъ старухѣ, что должно быть душники засорились или въ нихъ подѣлались трещины. Леночкѣ отведена была спальня покойной ея матери, и, волей неволей, старуха приказала отворить и парадныя комнаты, потому что иначе не было сообщенія съ покоями Ѳедосіи Лаврентьевны. Въ ту же минуту были собраны дворовые люди и, подъ руководствомъ Леночки, занялись уборкой давно нежилыхъ комнатъ, когда-то великолѣпныхъ, но теперь полинялыхъ и давно нетопленыхъ. Черезъ два дня все было готово, и — странное обстоятельство — Леночка словно переродилась. Она всегда любила ходить по комнатамъ, а теперь огромная зала и большая гостиная представляли ей это удобство и служили нѣкоторымъ образомъ къ развитію охоты помечтать, къ чему дѣвушка, въ прежнихъ маленькихъ комнаткахъ, не чувствовала особеннаго расположенія.

Исполняя, можетъ быть, ребяческій капризъ, Леночка и одѣваться начала старательнѣе, словно совѣстно ей было взглянуть въ большія зеркала въ узенькихъ золоченыхъ рамкахъ, гдѣ она могла видѣть себя съ головы до ногъ. При этомъ пришла ей мысль попросить у бабушки денегъ и серьезно поговорить съ ней насчетъ туалета и фортепьяно. Но она только подумала, а уже добрый отецъ Василій сидѣлъ у старухи и, зная прекрасно характеръ Ѳедосіи Лаврентьевны, улучилъ удобную минуту завесть съ ней разговоръ о томъ же самомъ предметѣ. Убѣжденная ли рѣчью умнаго священника, или чувствуя и сама, что не имѣла права лишать внучку необходимаго, старуха соглашалась, хотя и не на все. Однако, первый шагъ былъ сдѣланъ.

— Я совѣтовалъ бы вамъ, Ѳедосія Лаврентьевна, не откладывать дѣла, а дать денегъ Еленѣ Михайловнѣ: пусть себѣ займется покупками! Она же дѣвица разсудительная.

— Эхъ, отецъ мой, молодо — зелено. А какъ она денежки-то промотаетъ?

— Гдѣ же ей и промотать ихъ? Вы давно не выѣзжаете, здѣсь въ домѣ никто не знаетъ нынѣшнихъ обычаевъ: кому же о ней заботиться? А право неловко, что наслѣдница тысячи душъ будетъ одѣта хуже Хоботовой.

— Что вы, отецъ Василій? сказала обидѣвшись старуха, развѣ Леночка ходитъ въ тряпкахъ?

— Я этого не говорю. Но посмотрите, у Хоботовой и обновки часты и фортепьяно прекрасное.

— Ну, купимъ и фортопьянъ, и платьевъ нашьемъ.

Старуха задумалась.

— Отецъ Василій! сказала она чрезъ нѣсколько минутъ, я все собиралась спросить васъ, да какъ-то забывала: кому имѣніе-то принадлежитъ настояще?

— Еленѣ Михайловнѣ.

— А мнѣ-то какъ же? Развѣ я не жена была своему мужу?

— Объ этомъ и спору нѣтъ; но вѣдь имѣніе отъ покойника перешло къ сыну.

— А приданое?

— Это въ вашей волѣ.

— А надъ Леночкой я имѣю полную власть?

— По сердцу и по праву родства; но по закону она уже вышла изъ-подъ опеки.

— Что же? свѣтъ сталъ вверхъ дномъ, что ли?

— Нисколько. Родители имѣютъ неограниченное право надъ своими дѣтьми, но только родители.

— А бабка?

— Самое лучшее право — на любовь и уваженіе внуковъ.

— Стало быть — я говорю такъ, для примѣра — еслибы Лена ослушалась меня, то я имѣю право наказать ее, какъ мнѣ угодно?

— Ну, не думаю. Конечно, Елена Михайловна, я увѣренъ, никогда не забудется, не доведетъ себя ни до чего дурнаго; наконецъ, еслибы и заслужила вашъ гнѣвъ, то покорится ему: но она ограждена законами...

Старуха приподнялась и выпрямилась во весь ростъ.

— Законами!? А кто бы запретилъ мнѣ отослать ее на кухню, или посадить на хлѣбъ да на воду?

— Во первыхъ, Богъ, во вторыхъ, ваше сердце, а въ третьихъ, предводитель дворянства.

— Не позволитъ у меня въ домѣ?

— Прежде будетъ просить, а если просьба не поможетъ, то онъ не позволитъ именемъ закона.

— Такъ вотъ теперь какіе законы! говорила старуха, воспламеняясь, вонъ, вы, старыя вѣдьмы! прибавила она, обращаясь къ прислугѣ, которая, дрожа, уходила, и если кто изъ васъ пикнетъ хоть слово...

Но горничныя уже были за дверью.

— Не гнѣвайтесь, Ѳедосія Лаврентьевна! вы спрашивали, и я отвѣчалъ по совѣсти.

— Этого не будетъ! Я попечительница, значитъ, мать, а мать можетъ высѣчь дочь, если захочетъ.

— Мать, но не бабка.

— И это говорите вы, священникъ, который долженъ внушать повиновеніе!

— Ѳедосія Лаврентьевна! сколько уже лѣтъ, когда только мы остаемся вдвоемъ, я вамъ выговариваю, а между тѣмъ все-таки вы обращаетесь ко мнѣ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что иногда вы убѣждаетесь?

— Ты, батюшка, человѣкъ святой жизни; объ этомъ и не заикнется никто; ну, да въ одномъ я съ тобой несогласна.

— А это самое худшее. Вѣрьте, Ѳедосія Лаврентьевна, что зло въ сердцѣ человѣка, зло, вредящее ближнему, хуже, по моему, всякаго порока, вреднаго лишь намъ самимъ.

— Вѣдь я же обѣщала вамъ не драться, сказала старуха, вздыхая, и, ей Богу, только разъ преступила слово: оттаскала ротозѣя Фильку...

— Грѣхъ, грѣхъ, Ѳедосія Лаврентьевна! Ваши лѣта... Да что и говорить! Конечно, виновному не должно дѣлать поблажки; за проступокъ, если онъ важенъ, и наказать слѣдуетъ умѣренно, а злиться безпрестанно, видѣть во всемъ дурное намѣреніе, повторяю, большой грѣхъ. Да и какой примѣръ Еленѣ Михайловнѣ!

— И не говори о ней, отецъ Василій! Это просто несчастная. Она не только не въ состояніи ударить кого нибудь или приказать при себѣ высѣчь, а я думаю, и не побранила никого въ жизни! Да какъ же, отецъ Василій, можно жить-то, не учивши другихъ уму-разуму?

— Кто же говоритъ объ этомъ? только наука наукѣ рознь... А вспомните, Ѳедосія Лаврентьевна, каково предстать *туда*?

— Охъ, родимый!..

И старуха задумалась.

— То-то же! А вотъ, Богъ дастъ дождемся великаго поста и, если вы не исправитесь, вѣдь не пріобщу св. таинъ.

— Батюшка!

— Клянусь Богомъ, Ѳедосія Лаврентьевна.

— Отецъ мой родной! старый я человѣкъ; не вытерплю.

— Молитесь Богу!

— Да развѣ же я не молюсь? развѣ же я не пощусь, даже по средамъ и пятницамъ?

— И все это всуе, потому что вы молитесь устами, а не сердцемъ: такая молитва Богу не угодна!

— Съ тобой не совладаешь, отецъ Василій! Ну, такъ какъ же съ Леночкой-то? Неужели ей на руки деньги отдать?

— Самое лучшее. Я совѣтовалъ бы такимъ образомъ: назначьте ей жалованье, и пусть себѣ одѣвается и покупаетъ, что ей нужно.

— Не спросясь меня?

— Да что же мы можемъ посовѣтовать: она лучше знаетъ свои надобности.

— Ну, сколько же ей назначить?

— Думаю, не меньше пятидесяти цѣлковыхъ въ мѣсяцъ...

— Пятьдесятъ цѣлковыхъ! Ты съ ума сошелъ, батюшка, али она тебя напросила.

Священникъ улыбнулся.

— Вы говорите, не подумавши, Ѳедосія Лаврентьевна!

— Ну, прости, отецъ мой! Только это много.

— Боюсь, чтобы не было мало.

— Да на что ей такія деньги?

— Будемъ говорить дѣло. Еленѣ Михайловнѣ осмнадцать лѣтъ; она прекрасно образована, видѣла свѣтъ и попривыкла кое къ чему. Теперь сами посудите, каково ей въ Витаевѣ! Какія ей здѣсь удовольствія, развлеченія! Надо же ее хоть чѣмъ нибудь потѣшить. Изъ своихъ денегъ она сошьетъ себѣ лишнее платье, купитъ какую нибудь вещицу и будетъ утѣшаться ею, выпишетъ книгъ, нотъ...

— То-есть, все равно, что бросить деньги за окошко.

— Нѣтъ не все равно, Ѳедосія Лаврентьевна!

— Ну, съ тобой, не сладишь. Я согласна, такъ и быть, дамъ въ мѣсяцъ пятьдесятъ цѣлковыхъ; только пусть она изъ этихъ денегъ покупаетъ и клавикорды.

— Это невозможно. Нѣтъ, матушка, Ѳедосія Лаврентьевна, поступайте, какъ слѣдуетъ. Не откладывая дѣла, пригласите Волковцова: онъ имѣетъ сношенія съ столицами; посовѣтуйтесь, дайте ему денегъ, и онъ выпишетъ фортепьяно. Говорятъ, Елена Михайловна большая музыкантша; такъ грѣшно зарывать талантъ въ землю.

— Да для кого ей здѣсь играть-то?

— Для себя. Будущее неизвѣстно; кто знаетъ, что ждетъ ее впереди? И такъ вы согласны?

— Да ужъ съ тобой не сговоришь! Ты, батька, иной разъ молчкомъ молчишь, а ужъ какъ разговоришься, такъ удержу нѣтъ.

— Какъ духовный отецъ, я проповѣдую истину.

— Только не будь строгъ!

— То-то и худо, что я слишкомъ снисходителенъ.

— А давеча насчетъ причастья...

— И еще разъ повторяю, что не пріобщу, если не исправитесь.

— Полно, полно, отецъ Василій! говорила испуганная старуха: вотъ-те Богъ пальцемъ никого не трону.

— Все это хорошо, да...

И священникъ замолчалъ, потому что въ эту минуту вошла Леночка.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Ѳедосія Лаврентьевна сказала, обращаясь къ внучкѣ:

— Ну, Лена, умъ хорошо, а два лучше. Вотъ мы съ отцомъ Василіемъ разсудили, что тебѣ надо положить жалованье.

— На что же мнѣ, бабушка, жалованье?

— Нѣтъ, ужъ мы рѣшили. Я тебѣ буду давать на мѣсяцъ 50 цѣлковыхъ, слышишь ли, 175 рублей, а ты себѣ покупай, что знаешь, и больше ни гугу! Только будь разсчетлива, не трать денегъ на пустяки.

Леночка благодарнымъ взоромъ посмотрѣла на отца Василія.

— И клавесинъ тебѣ будетъ, продолжала старуха.

— Неужели, бабушка? Ахъ, какъ я вамъ благодарна.

И Леночка поцѣловала руку бабушки.

— Ужъ будетъ! со вздохомъ сказала старуха. Эй вы, вѣдьмы! произнесла она громко.

Въ минуту явились горничныя.

— Подавать завтракъ! да сказать повару, что если ватрушки опять будутъ прижжены, такъ я его...

Отецъ Василій улыбнулся, старуха увидѣла это и замолчала.

Бесѣда прекратилась, и скоро былъ поданъ деревенскій завтракъ.

XI.

Леночка словно переродилась, поселясь въ большихъ комнатахъ; переходъ изъ душной маленькой дѣтской въ большую спальню, прилегавшую къ высокой гостиной и огромной

залѣ, какъ-то непонятно подѣйствовалъ на нее благотворнымъ образомъ. Ей казалось, что у нея было уже будущее, что непріятности, которыхъ страшилась она каждый день, не существуютъ, что ей непремѣнно выпадетъ на долю радость. Съ этимъ расположеніемъ духа возвратилось къ ней и маленькое тщеславіе. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только поселилась она въ парадныхъ комнатахъ, бабушка неожиданно назначила жалованье, о которомъ нельзя было и подумать, и обѣщала купить фортепьно. Это улыбка судьбы возродила въ ней также надежду и на поѣздки къ сосѣдямъ, у которыхъ праздновались имянины или давались балы. Походка, манеры Леночки были неузнаваемы, а когда, сидя на диванѣ, она читала, и къ ней входилъ кто нибудь она такъ важно, съ такимъ достоинствомъ выслушивала или приказывала, словно была настоящею госпожею, по мановенію которой все должно быть исполнено.

Получивъ отъ бабушки 50 рублей, она не задумалась попросить еще за мѣсяцъ впередъ. Старуха сперва покричала, даже выбранила внучку, но кончилось тѣмъ, что выдала еще за мѣсяцъ, отжиливъ у Леночки два рубля будто бы для круглаго счета.

Отсчитавъ деньги, старуха заперла шкатулку, ударила по ней кулакомъ и сказала:

— Теперь, мать моя, баста, на два мѣсяца ни копѣйки. Слышишь ли? не смѣй просить! Не думай, что я тебя балую, что такъ бы вотъ передъ тобой и распоясалась, я, братъ, справлялась и выходитъ на повѣрку, что ваши модныя тряпки дороги. По мнѣ, голубушка, ты ходила бы и въ ситцѣ, да стыдно отъ людей — вотъ оно что. А ты, сударка, изволь-ка все записывать до копѣечки и подавать мнѣ счетъ, да не транжирить денежки: не сама заработала. Сто семьдесятъ пять рублей на мѣсяцъ дѣвчонкѣ! Чортъ знаетъ, какіе это порядки! Терентьевна, а?

— Охъ, матушка-барыня!

— Ну, что стонешь, словно жилы тянутъ? Я говорю, что мнѣ не давали столько денегъ...

— Гдѣ же, сударыня? Бывало покойникъ — царство ему небесное? — если пяти-алтыничекъ пожалуютъ, такъ вы изволите радоваться.

— А сколько за то насобирала.

И нахмуренное лицо старухи начало проясняться!

— Знаешь что, Лена? сказала она уже не тѣмъ грубымъ

басомъ, которымъ говорила при неудовольствіи или во время злости.

— Что угодно?

— А вотъ что!

Ѳедосія Лаврентьевна полѣзла въ карманъ, достала ключъ, снова отворила шкатулку и, разобравъ осторожно разные покровы, положенные на любезныя ей денежки, вынула большой мѣшокъ; бережно развязавъ его, она вынула оттуда горсть пятачковъ, позвенѣла ими и выложила на столъ. Деньги были свѣтленькія, чистыя, словно только-что съ монетнаго двора.

— Я смерть люблю пятачки, сказала она, еще въ дѣтствѣ, бывало, увижу у кого нибудь; то или выпрошу, или вымѣняю, и вотъ-те Христосъ! никогда ни одного не издержала. Три раза въ году: въ Новый годъ, въ Свѣтлое Христово Воскресенье и на Покровъ я ихъ перемываю въ водѣ съ мыломъ и опять прячу. Только одна Терентьевна помогаетъ мнѣ. Да ты думаешь такъ вотъ, какъ она теперь стоитъ? Эге-ге! Нѣтъ-съ! рукава по локоть, да изволь счетомъ принимать и счетомъ отдавать, а я перетираю чистымъ полотенцомъ. Видишь ли, мать моя, если у тебя случатся пятачки, такъ ты отдавай ихъ мнѣ, или, пожалуй, вымѣнивай.

— О милая бабушка! съ удовольствіемъ! Да зачѣмъ же мѣнять? это бездѣлица...

— Что? бездѣлица? Ну, видно по матушкѣ пошла! Нѣтъ, сударыня, денежки счетъ любятъ!

Все это, однако же, проговорено было голосомъ, въ которомъ не преобладали густыя ноты, а потому Леночка только слегка покраснѣла.

Ѳедосія Лаврентьевна, по обычаю, бережно уложила казну, прикрыла ее, поплевала сверху и заперла шкатулку.

Леночкѣ не сидѣлось. У нея никогда еще не было столько денгъ. Спросивъ бабушку, можно ли ей уйти, и, получивъ позволеніе, она припрыгивая вбѣжала въ гостиную. Солнце, какъ нарочно, проглянуло изъ-за тучъ и ярко освѣтило большую комнату съ ея голубыми обоями, полинялой позолотой и пышной, но устарѣвшей мебелью. Леночка подбѣжала къ зеркалу, улыбнулась, повернулась на одной ножкѣ и разложила на столѣ свои ассигнаціи. Полюбовавшись своимъ сокровищемъ, она ушла въ спальню и вынесла оттуда остальныя деньги, которыя тоже разложила на столикѣ. Ей было весело. Она протанцовала польку. Но вотъ остановилась противъ зеркала, положила палецъ на малиновыя губки, приие-

сла изъ спальни колокольчикъ, усѣлась преважно на диванѣ, собрала свое сокровище и, накрывъ его книгой, позвонила.

Вошла Пелагея.

— Что прикажете?

— Позвать мнѣ управляющаго.

— Что изволили сказать, матушка?

— Позови мнѣ управляющаго! повторила Лена и раскрыла книгу.

Пелагея съ удивленіемъ посмотрѣла на барышню и побѣжала исполнить приказаніе.

Черезъ четверть часа управляющій, удивленный не менѣе Пелагеи, съ довольно вытянутымъ лицомъ, вошелъ въ гостиную и, увидѣвъ Леночку, углубившуюся въ книгу, остановился у двери.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ толстошеихъ господъ, которые, если не подвергаются удару паралича, то живутъ чрезмѣрно долго, потому-что устроены необыкновенно крѣпко. Лицо его было почти шарообразно и очень гладко выбрито. На шеѣ у него была какая-то ниточка, потому-что онъ иначе и не повязывался. Онъ носилъ очень длинный сюртукъ и любилъ до страсти чисто вылакированные сапоги. Вслѣдствіе этой любви, всегда выставлялъ ногу впередъ.

— А! это вы, Сидоръ Сидоровичъ? Садитесь!

— Ничего съ! Вырость хочется, сказалъ онъ несмѣло и выставляя рядъ широкихъ бѣлыхъ зубовъ, которые показывались у Сидора Сидоровича всегда, когда только онъ раскрывалъ ротъ.

— Послушайте! Часто у насъ посылаютъ въ городъ?

— Какъ укажетъ надобность.

— Мнѣ надо будетъ послать.

— Слушаю-съ.

— И я бы васъ просила опредѣлить одного человѣка собственно для моихъ посылокъ.

Управляющій подумалъ съ минуту.

— Не разсердилась бы бабушка.

— Я беру все на себя, сказала Леночка довольно серьезно.

— Можно будетъ нарядить Петрушку, проговорилъ поспѣшно Сидоръ Сидоровичъ.

— Благодарю васъ. Я совѣтую вамъ о подобныхъ вздорахъ и не говорить бабушкѣ, потому-что это напрасно ее обезпокоитъ, а кончится вѣдь тѣмъ, что пошлете.

— Я и не говорю-съ...

— Этому Петрушкѣ черезъ четверть часа съѣздить къ Хоботовымъ, я пошлю письмо. А завтра мнѣ нужно въ городъ. Да, кстати: можно-ли что нибудь достать въ нашемъ городѣ?

— У Сивоглазова имѣется все такое прочее для хозяйства, а вотъ по части модной или матерій какихъ, такъ ужъ надо въ губернію. Бываетъ, что и разнощики возятъ.

— Мнѣ моднаго ничего не надо: я это все выпишу, а хочу купить кое-что для своихъ комнатъ.

И Леночка, написавъ карандашемъ записку, придвинула деньги, достала десятирублевый билетъ, а остальныя прикрыла книгой.

Управляющій не вѣрилъ глазамъ, зная скупость старухи. »Что за притча такая!« подумалъ онъ.

— Вотъ десять рублей! вы распорядитесь купить по запискѣ, сказала Леночка.

Управляющій пробѣжалъ записку.

— Да для чего же это вы изволите хлопотать и не прикажите мнѣ безъ церемоніи?

— Какъ?

— Да для васъ... Ахъ, Елена Михайловна! Вы не повѣрите, какъ намъ съ женою иной разъ жалко подумать, что вы, богатая невѣста, иногда, т. е. терпите кое-что. Вѣдь мы знаемъ, что у тетеньки въ домѣ вы привыкли къ тому, другому. Ѳедосія Лаврентьевна хоть и хорошая барыня, да они старый человѣкъ, воспитывались по старинному. Вамъ бы давно призвать меня и сказать: Сидоръ Сидоровичъ! я привыкла молъ, чтобъ у меня горѣли стеариновыя свѣчи, у меня было и то, и се, и я въ ту же минуту исполнилъ бы. Самъ-то я не смѣлъ...

— Очень благодарна. Но вѣдь это значитъ обманывать бабушку.

— Помилуйте-съ, какъ обманывать! Развѣ нельзя сдѣлать все, какъ слѣдуетъ? Вѣдь настоящая владѣтельница — вы! Вѣрьте, Елена Михайловна, что я готовъ за васъ душу положить. Нѣтъ, ужъ насчетъ денегъ не извольте безпокоиться: вамъ пригодятся на мантоны, на шарфы или другое прочее.

— Мы объ этомъ подумаемъ, а пока возьмите деньги.

— Какъ прикажете! сказалъ управляющій и, подойдя къ столу, взялъ билетъ.

— Отецъ Василій, признаться, не разъ намекалъ мнѣ, чтобы я позаботился.

— Добрый отецъ Василій!

— Не прикажете ли, Елена Михайловна, перенесть къ вамъ нѣсколько горшечковъ цвѣтовъ?

— Развѣ есть? съ живостью спросила Леночка.

— У насъ вѣдь была когда-то оранжерея; но теперь все это разрушилось. Жена моя большая охотница, да можно достать и отъ бехмеровскаго управляющаго. Князь самъ не живетъ въ имѣніи, а управляющій мнѣ пріятель.

— Ахъ, какъ я вамъ буду благодарна, Сидоръ Сидоровичъ! сказала Леночка, вставая съ дивана, я такъ люблю цвѣты.

— А вотъ бабушка ваша такъ не жалуютъ.

— Какихъ же вы достанете?

— Разныхъ можно: и ераньку, и китайскую розу, и всякихъ тамъ прочихъ; видите ли, есть такія мудреныя названія, что и не выговоришь. Да самое лучшее, еслибъ вы изволили сами съѣздить — это верстъ шесть не больше — и выбрали, что угодно.

— Да какъ же выбирать въ чужой оранжереѣ?

— Не извольте безпокоиться. Княжескій управляющій мнѣ кумъ и для меня не откажетъ, а я сегодня же переговорю съ нимъ. Дорогіе же цвѣты мы можемъ взять то есть на время, пока не отцвѣтутъ у васъ.

— Ахъ, какъ вы любезны, Сидоръ Сидоровичъ!

— Шутить изволите-съ, проговорилъ управляющій и на этотъ разъ показалъ всѣ тридцать два зуба.

— Право, очень любезны. Завтра же поѣду.

— А теперь я пришлю Петрушку. Я такъ ему и прикажу, чтобы онъ всегда находился при конторѣ собственно для вашихъ посылокъ.

— Хорошо. Ахъ, да! Не можете ли вы достать мнѣ пятачковъ?

— Пятачковъ-съ? быстро спросилъ Сидоръ Сидоровичъ и подумалъ: неужели и эта охотница до пятачковъ? А сколько примѣрно, требуется?

— Штукъ десять.

— Можно будетъ. Да ужъ, Елена Михайловна, не прогнѣвайтесь, если спрошу: можетъ быть, вамъ желается иногда выкурить папироску!

— Я не курю.

— Въ такомъ случаѣ, виноватъ. Я видѣлъ, что многія барышни курятъ и потому спросилъ. У меня, знаете, есть ящикъ самыхъ дамскихъ.

— Легкія?

— То есть, какъ солома.

— Впрочемъ, пришлите! Пелажи, кажется, куритъ.

— Слушаю-съ!

И управляющій съ поклономъ удалился. Леночка позвонила. Вошла Пелагея.

— Что угодно?

— А вотъ что, милая! говорила ей Леночка, подавая три рубля, это тебѣ.

— Да на что же, матушка?

— Ахъ, какая ты скучная! возьми и только!

Пелагея поцѣловала руку барышни.

— А эту бумажку передай Малашѣ, что, помнишь, я разсказывала.

— Знаю-съ. Да вѣдь это никакъ десять съ полтиной.

— Опять!..

— Не буду, голубушка моя барышня! Да какія же вы милосердыя! точь въ точь покойница барыня.

И Пелагея прослезилась. У Леночки тоже навернулись слезы.

— Вотъ мужъ-то вашъ будетъ Бога молить за такую жену.

— А ты думаешь, что у меня будетъ мужъ.

— День и ночь молюсь объ этомъ, зоренька вы моя ненаглядная!

Леночка вздохнула и задумалась.

Пелагея ушла потихоньку, утирая глаза рукавомъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ Леночка написала записку къ Пелажи и просила прислать ей адресъ своей модистки и научить, какъ выписывать наряды. И ей стало совѣстно писать на сѣрой бумагѣ; ей стало гадко зажигать сальный огарокъ, торчащій на столѣ, и еще гаже показалось запечатывать записку обломкомъ грошоваго сургуча, отъ котораго пахло какою-то дрянною смолою.

Отправивъ посланнаго, Леночка снова пересчитала свои деньги и хорошенькое личико ея снова оживилось при мысли о маленькихъ удобствахъ, которыхъ она не рѣшалась и желать прежде, и о цвѣтахъ, которые завтра же, можетъ быть, установятся на этихъ высокихъ окнахъ.

— Елена Михайловна! гости ѣдутъ! проговорила, входя, Пелагея.

— Кто?

— Никакъ милушинскіе господа!

— Убери же, пожалуйста, все это поскорѣе со стола! сказала Леночка.

— Я все дивлюсь, матушка, говорила Пелагея, убирая со стола лоскутки бумаги, чудовищную чернильницу и низенькій мѣдный подсвѣчникъ, какъ это бабушка изволили вамъ пожаловать денегъ.

— Я и сама удивляюсь.

— Мнѣ сказывала Танька, что отецъ Василій уговаривалъ барыню.

— Кажется, что безъ этого ничего бы не было.

Но уже въ домѣ отворилась дверь, что-то зашаркало по полу, и вскорѣ Танька явилась доложить, что пріѣхали гости.

XII.

Леночка пошла къ бабушкѣ и застала тамъ Волковцова съ женою. Ѳедосія Лаврентьевна уже совѣтовалась съ сосѣдомъ насчетъ фортепьяно. Волковцовъ въ ту же минуту предложилъ свои услуги и, сообразивъ, что надо »ковать желѣзо, пока горячо«, разсчиталъ старухѣ деньги такъ, чтобы вмѣстѣ съ фортепьяно Леночка могла имѣть и ноты, и табуретъ, и этажерку. Ѳедосія Лаврентьевна, какъ водится, торговалась, отстаивала сначала сотни рублей, потомъ десятки, наконецъ, прибѣгла къ просьбамъ и что-то выторговала.

Въ продолженіе этого незанимательнаго разговора, Надежда Михайловна предложила Леночкѣ идти наверхъ. Леночка съ особеннымъ удовольствіемъ исполнила желаніе гостьи.

— Да куда же мы идемъ? спрашивала Волковцова, когда онѣ прошли знакомую дверь, ведшую въ дѣтскую.

— Я живу теперь въ другихъ комнатахъ.

И Леночка съ тайнымъ удовольствіемъ провела гостью чрезъ залу въ гостиную, тамъ Пелагея уже затопила большой каминъ, въ которомъ, треща, разгорались березовыя дрова.

— Садитесь у огня! сказала Леночка, подвигая кресла къ камину и садясь рядомъ съ Волковцовой.

— Однако, ma chère, здѣсь у васъ гораздо лучше, сказала Надежда Михайловна, и хоть мебель у васъ старинная, прибавила она, разсматривая полинялую пышность двадцатыхъ годовъ, но здѣсь и воздухъ лучше, и какъ-то веселѣе.

— Я здѣсь немного ожила, отвѣчала Леночка, а теперь оживу совершенно, когда мнѣ привезутъ фортепьяно.

— Богъ дастъ все устроится.

— Я хочу себѣ выписать кое-что изъ нарядовъ.

— Къ чему, ma chère? говорила Волковцова, нѣжно смотря на Леночку, можно сшить и дома.

— Мнѣ хотѣлось бы имѣть что нибудь изящное.

— Вы и безъ нарядовъ такая хорошенькая. Знаете ли, сказала Надежда Михайловна, прищуривая глаза, что вы одержали рѣшительную побѣду.

— Я? спросила удивленная Леночка, а между тѣмъ краска невольно бросилась ей въ лицо и молодая дѣвушка приподняла голову, которую она положила было на спинку креселъ.

— Да, душенька, и побѣду надъ человѣкомъ, котораго я не считала способнымъ влюбиться, по крайней мѣрѣ, въ короткое время.

Леночка знала только двухъ мужчинъ: Спетцера и Волковцова; она это сообразила и подумала, что вѣроятно первый.

— Молодой человѣкъ солидный, съ состояніемъ, прекрасно образованный, однимъ словомъ, сосѣдъ нашъ Спетцеръ.

— Спетцеръ! повторила Леночка.

— Вы говорите такимъ тономъ, какъ будто это вамъ непріятно.

— Не чувствую ни особенной непріятности, ни особеннаго удовольствія.

— А вѣдь женихъ хоть куда! подожди онъ мою Катю — отдала бы съ руками...

— Не спросясь и ея?

— Да я не знаю, у какой дѣвицы достало бы духу отказать такому выгодному жениху и свѣтскому молодому человѣку.

— Вы сами, Надежда Михайловна, любите мужа и знаете, что безъ любви нѣтъ счастія въ супружествѣ.

— Ахъ!..

Волковцова закрыла глаза и вытянулась въ креслахъ, принявъ, по ея мнѣнію, самую живописную позу.

— Ахъ, не говорите мнѣ объ этомъ, продолжала она томнымъ голосомъ, я — жертва, несчастная жертва и больше ничего!

— Отчего же вамъ кажется, что я одержала побѣду? спросила Леночка, самолюбію которой, сказать между нами, очень пріятно было узнать о внушенномъ ею чувствѣ.

— Я это замѣтила изъ его разговоровъ: мы вѣдь съ нимъ иногда говоримъ откровенно.

Леночка не могла не улыбнуться, припомнивъ очеркъ

Надежды Михайловны, сдѣланный Спетцеромъ при первомъ знакомствѣ. Мы видѣли, что этотъ молодой человѣкъ внушилъ героинѣ нашей чувство, далеко не похожее на любовь. Но въ семнадцать лѣтъ развѣ дѣвица разсуждаетъ, развѣ она связываетъ серьезную идею съ мыслію о томъ, что въ нее кто нибудь влюбился? Конечно, сперва слѣдуетъ вопросъ: кто? и если этотъ *кто* ей не нравится, то все равно, пусть страдаетъ, лишь бы страдалъ, лишь бы побольше было этихъ страдальцевъ. Такая ужъ натура!

— И что же онъ говорилъ вамъ?

— Онъ просто отъ васъ въ восторгѣ.

— Есть отчего!

— Пожалуйста, не скромничайте! Вы хорошенькія, богатыя, умныя...

— Mercі!

— Конечно, у мужчинъ бываютъ разные вкусы: вотъ хоть бы и у моего мужа!

— А что?

— Я уже говорила вамъ, что онъ волокита; но я его не понимаю. Знаете ли, что послѣднее время его сводила съ ума Пелажи?

— Что-жъ? она хороша, сказала Леночка.

— Помилуйте, ma chère, настоящая пиголица! Но и Алекси отдаетъ полную справедливость вашему уму, образованію; говоритъ, что вы очень хороши, а только...

Волковцова взглянула на Леночку, которая смотрѣла на каминъ.

— Но вы не разсердитесь?

— О, нисколько! Я жду продолженія.

— Говоритъ, что у Пелажи больше вкуса.

Волковцова протянула руку Леночкѣ.

— Это не мое мнѣніе, сказала она.

— Я только вижу, что Алексѣй Дмитріевичъ человѣкъ правдивый, и больше ничего. Пелажи бывала въ столицахъ, видѣла свѣтъ, и, конечно, пріобрѣла больше меня вкуса и знанія свѣтскости. Я очень благодарна!

— А Спетцеръ говоритъ напротивъ, что Пелажи не умѣетъ одѣваться.

— Что же онъ скажетъ обо мнѣ, когда у меня нѣтъ ни одного порядочнаго платья?

— Можно, chère amie, и въ холстинковомъ платьѣ быть обворожительной.

— А у васъ Спетцеръ былъ недавно?

— Третьяго дня, и они за обѣдомъ чуть не поссорились съ Алекси, а все за васъ, да за Пелажи. Я, знаете, была даже очень недовольна мужемъ: эта Хоботова порядочно вскружила ему голову.

— Мнѣ кажется, вы преувеличиваете, Надежда Михайловна, если позволите такъ выразиться.

— Охъ, нѣтъ! И какъ я рада, что къ намъ не ѣздятъ Хоботовы! Пелажи, надо правду сказать, кокетка порядочная: она любезничала съ Спетцеромъ, а между тѣмъ посматривала и на Алекси.

— Нельзя же не смотрѣть на человѣка, съ которымъ разговариваешь.

— Взглядъ взгляду розь. Однако, Леночка, скажите мнѣ серьезно: какое сдѣлалъ на васъ впечатлѣніе Спетцеръ?

— Онъ образованный молодой человѣкъ.

— А дальше?

— Я такъ мало его знаю.

— Какъ будто надо человѣка знать много, для того, чтобы онъ намъ нравился?

— На это чрезвычайно трудно отвѣчать.

— То-есть, вы не чувствуете ко мнѣ столько довѣрія?

— О, нѣтъ!

— Послушайте, Леночка, вѣдь Спетцеръ чрезвычайно выгодная партія, а мнѣ кажется, онъ влюбленъ въ васъ.

— Спетцеръ влюбленъ въ меня?

— Полагаю даже навѣрное.

— А мнѣ кажется, онъ слишкомъ холоденъ для того, чтобы влюбиться.

— За то какой отличный будетъ мужъ!

— Знаете что, Надежда Михайловна? сказала Леночка смѣясь, мнѣ чудится, что вы сватаете меня за Спетцера.

— И вѣрьте, что отъ души желала бы этого.

— Благодарю васъ, милая Надежда Михайловна; но скажу откровенно, что я еще не располагаю выходить замужъ.

Въ это время явилась Танька и доложила, что Алексѣй Дмитріевичъ спрашиваетъ, можно ли ему войти посмотрѣть фортепьяно.

— Проси! сказала Леночка, покраснѣвъ немного и вставая съ креселъ.

Волковцовъ вошелъ въ гостиную. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

— Мы съ бабушкой кончили, Елена Михайловна! сказалъ онъ, завтра же я отсылаю деньги, и кромѣ прекраснаго фортепьяно, вы будете имѣть и ноты, и табуретъ, и этажерку для нотъ.

— Я вамъ очень благодарна, проговорила Леночка, опуская глаза, чтобъ не смотрѣть на человѣка, который нашелъ, что у нея мало вкуса.

— Какъ же ты оставилъ Ѳедосію Лаврентьевну одну? спросила Надежда Михайловна.

— Она сама послала меня смотрѣть фортепьяно Елены Михайловны.

— Вотъ онъ, говорила Леночка, указывая на старинный инструментъ, стоявшій въ углу направо, только я не совѣтую раскрывать его изъ уваженія къ ушамъ нашимъ. За его фальшивость, разстроенность и неисправность я вамъ ручаюсь.

— Послѣ такого отчетливаго опредѣленія, въ самомъ дѣлѣ, не для чего тревожить этотъ почтенный ящикъ. Но полагаетесь ли вы на мой выборъ, Елена Михайловна?

— У васъ такъ много вкуса.

— Я, впрочемъ, самъ небольшой знатокъ въ инструментахъ, но увѣренъ въ добросовѣстности моего корреспондента. Не прикажете ли еще что выписать при случаѣ?

— Боюсь затруднять слишкомъ.

— Сдѣлайте одолженіе! я къ вашимъ услугамъ.

— Если встрѣтится надобность, я обращусь къ вамъ: теперь пока ничего не придумаю.

— Однако, пойдемъ къ бабушкѣ, Леночка! сказала Надежда Михайловна, приподымаясь съ креселъ, намъ и домой пора.

Ѳедосія Лаврентьевна была скучна, потому что вручила Волковцову порядочную сумму.

— Леночка! сказала она при входѣ внучки, Алексѣй Дмитріевичъ говоритъ, что нуженъ настройщикъ, такъ ты изволь ужъ платить изъ своего жалованья, а я не намѣрена.

— Слушаю, бабушка!

— То-то! Въ одинъ день я на тебя издержала столько денегъ, сколько не издержала на себя во всю жизнь. Чортъ знаетъ, что такое! Что за вѣкъ насталъ нынче! Еслибы я знала, что у тебя окажется столько надобностей, вотъ-те Богъ, не брала бы домой!

— Изволите видѣть, Ѳедосія Лаврентьевна! началъ Волковцовъ, которому жаль стало Леночки:—вы постоянно пла-

тили за воспитаніе Елены Михайловны, она прекрасно знаетъ музыку; жаль же забросить все это.

— А на материнскихъ клавикордахъ не играла бы? Кто здѣсь ее услышитъ? И то сказать: на кого похожи теперешнія дѣвушки! одѣваться бы какъ кукламъ, сидѣть за книжной, да бренчать на клавикордахъ!

— Другой вѣкъ...

— Не десятый разъ слышу это, батюшка; да чѣмъ-же другой? Не надо ѣсть, пить что ли? Не надо хозяйничать? Аль рожь сама сѣется, сама жнется? Аль податей не берутъ? Другой вѣкъ! Правда, что другой: ужъ теперь яйца курицу иногда учатъ. Не успѣетъ матернее молоко на губахъ обсохнуть, а ужъ по своему.

— Намъ пора ѣхать, сказала Надежда Михайловна мужу.

— Что ты, матушка! возразила Ѳедосія Лаврентьевна. Это, знать, тоже по новому: пріѣхать плюнуть въ комнату и во свояси! Да какъ же мы татары какіе, что ли?

— Дѣти будутъ ждать.

— Зачѣмъ ждать? Вѣдь у васъ есть мадама: дѣти не одни.

— Мы не сказали.

— Нѣтъ ужъ, матушка, это не по сосѣдски. Я же приказала зажарить каплуна и пирожное хорошее будетъ; нельзя, нельзя уѣзжать!

— Можно послать сказать, что вы у насъ обѣдаете, вмѣшалась Леночка, которой не хотѣлось оставаться вдвоемъ съ бабушкой, послѣ извѣстнаго монолога старухи.

— А ты бы сбѣгала, да и послала, отозвалась Ѳедосія Лаврентьевна.

— Останемся, Алекси? спросила Волковцова.

— Я съ удовольствіемъ!

— Ну, вотъ, на этомъ спасибо. А то какъ же? неужели обѣдъ бы такъ и пропалъ? Мы съ Леной ѣдимъ мало, Миша хоть и кушаетъ на порядкахъ, одначе все осталось бы довольно. Терентьевна!

— Что прикажете, сударыня?

—Вели выпрячь милушинскихъ лошадей, да чтобы имъ овсеца дали.

— Слушаю-съ.

— А Митька портной пусть сбѣгаетъ въ Милушино и скажетъ, что-де господа кушаютъ у витаевской барыни; да чтобы на одной ногѣ ходилъ!

— Хорошо-съ.

И Терентьевна вышла.

Леночка выглянула въ окно и увидѣла посланца своего, возвращавшагося отъ Хоботовыхъ съ какою-то посылкою. Желая скрыть свою корреспонденцію, она, подъ какимъ-то предлогомъ, ушла къ себѣ въ комнату, и, прочтя записку, поспѣшила къ гостямъ. Черезъ полчаса накрытъ былъ столъ, и Миронычъ, поставивъ супъ, отошелъ къ двери, завернулъ руку въ салфетку и проговорилъ неизмѣнную фразу.

— Кушать готово!

— Милости просимъ! сказала Ѳедосія Лаврентьевна, привставъ и протягивая руку, чтобы кто-нибудь подвелъ ее къ кресламъ.

Леночка поспѣшила исполнить эту обязанность.

— Тише мать моя! этакъ оборвешь платье! Глазъ нѣту что ли? говорила старуха и, перекрестясь, усѣлась. Миронычъ! продолжала она:—ты никогда не поумнѣешь, старый хрѣнъ этакой! Вѣдь у насъ обѣдаетъ мужчина, а водки-то нѣтъ?

— Я рѣдко пью, поспѣшилъ сказать Волковцовъ.

— Какъ же можно, батюшка? развѣ ужъ въ Витаевѣ нѣтъ водокъ? Ну же, поворачивайся, чучело!

— Нѣту-съ Терентьевны, проговорилъ растерявшійся Миронычъ.

Но дверь отворилась и ключница вошла.

— А ты, хрычовка, и не вспомнила, что водки-то надо! сказала старуха, обращаясь къ вошедшей.

— Ахти мнѣ! произнесла ключница и бросилась въ спальню.

Пока продолжалась эта сцена, Леночка краснѣла и разливала супъ. Гости молчали. Наконецъ Миронычъ въ торопяхъ подалъ водку Надеждѣ Михайловнѣ, которая отвела рукой подносъ. Ѳедосія Лаврентьевна замѣтила это движеніе.

— Болванъ! я говорю, что онъ или ряхнулся, или не хватилъ ли гдѣ-нибудь.

Дворецкій, окончательно сбившійся съ толку, подалъ водку прямо Ѳедосіи Лаврентьевнѣ и, вѣроятно, желая показаться хоть ловкимъ, по крайней мѣрѣ, держалъ подносъ чуть не надъ тарелкой.

— Да что же ты, дурачина, нарочно что ли? вскрикнула старуха, и ложка въ рукѣ ея приняла не совсѣмъ мирное положеніе, такъ что, описавъ дугу въ воздухѣ, могла опуститься прямо къ зубамъ дворецкаго.

Но Миронычъ на этотъ разъ отвернулся довольно поспѣшно

и, сбивъ подносомъ пробку съ графина, остановился передъ Алексѣемъ Дмитріевичемъ. Пробка послѣ нѣсколькихъ кувырковъ, попала въ тарелку Надеждѣ Михайловнѣ, и супъ, подъ извѣстнымъ угломъ, брызнулъ во всѣ стороны.

— Онъ пьянъ! воскликнула старуха:—вонъ, мерзавецъ! Филька! подавай кушанье, а Танька будетъ носить Мишѣ. Погоди, голубчикъ! продолжала она, обращаясь къ дворецкому.

Миронычъ, молча, поставилъ подносъ на маленькій столикъ, махнулъ рукой, прищурясь, взглянулъ на ключницу, и, опершись о притолку на мѣстѣ Фильки, поправилъ рукою волосы.

Всѣ были только въ непріятномъ расположеніи духа, но Леночка страдала.

— Какъ у васъ прекрасно готовятъ супъ, сказалъ Волковцовъ, чтобы прервать тягостное молчаніе.

— Прекрасно! Нѣтъ, батюшка, все испортилось. Смолоду я сама за всѣмъ присматривала, а теперь...

— Нѣтъ, ужъ вы, Ѳедосія Лаврентьевна, примѣрная хозяйка:—ваши варенья не уступаютъ кіевскимъ, а соленье—чудо...

— Любила, любила позаняться, любила и посѣчь, оттого все шло хорошо. Филька, ротозѣй! Что же не возьмешь у меня тарелки? аль ослѣпъ? Вы уже, пожалуйста, кричите ему громче, прибавила старуха, обращаясь къ гостямъ:—онъ у меня, что твой глухой тетеревъ.

Филька въ свое время служивалъ за многолюдными обѣдами и не разъ, по случаю непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, заступалъ мѣсто дворецкаго, а потому не спѣшилъ, дѣйствовалъ осмотрительно, съ чувствомъ собственнаго достоинства. Онъ хотѣлъ показать гостямъ, что если старость и приглушила его немного, то все еще онъ не ударитъ лицомъ въ грязь передъ какимъ-нибудь Миронычемъ. Перемѣнивъ ловко тарелку у барыни и взглянувъ, кто еще откушалъ супъ, онъ обратилъ вниманіе на единственную бутылку вина, торчавшую возлѣ небольшаго приземистаго графина съ квасомъ, проворно взялъ ее и отворотился, чтобы раскупорить; но пробка была такъ забита, что ея поверхность приходилась въ ровень съ краями горлышка. Покачавъ головой, подмигнувъ Терентьевнѣ и Танькѣ, Филька выразительнымъ жестомъ показалъ Миронычу, что надо раскупорить. Обладавшій хорошимъ слухомъ, но уже видѣвшій плохо, Миронычъ не замѣтилъ этого выразительнаго жеста и продолжалъ смотрѣть на господъ, носясь, впрочемъ, мыслію гдѣ-то совершенно въ другомъ мѣстѣ.

Обѣдающіе, молча, продолжали свое занятіе, и въ комнатѣ были слышны только стукъ ложекъ, прикасающихся къ тарелкамъ, да визгъ ножей, встрѣчающихся съ вилками.

— Что же вина, Филька? отозвалась хозяйка.

— А вотъ сейчасъ, сударыня, отвѣчалъ Филька и, подойдя ближе къ Миронычу, сунулъ ему въ руки бутылку. повторивъ жестъ свой на этотъ разъ еще понятнѣе.

Застигнутый врасплохъ Миронычъ, почувствовавъ бутылку въ рукѣ, невольно сдѣлалъ шагъ впередъ, выпрямился и машинально приступилъ къ исполненію знакомой обязанности. На этотъ разъ остановился онъ передъ Волковцовымъ, наклонилъ бутылку надъ рюмкой и, выждавъ время, какое нужно для наполненія рюмки, ловко приподнялъ закупоренную бутылку.

Филька вытеръ губы, чтобы скрыть свою насмѣшливую улыбку.

— Да вѣдь я далъ-то вамъ ее раскупорить, Миронычъ! прошепталъ онъ.

Миронычъ ощупалъ пробку и быстро оборотился.

— А я и не замѣтилъ, прахъ ее побери! сказалъ онъ, употребляя усиліе откупорить.

— Филька! что ты позволяешь этому пьяницѣ здѣсь распоряжаться? Возьми у него вино! вскрикнула хозяйка.

— Миронычъ! сбѣгай за штопоромъ! Живѣй! проговорилъ Филька тономъ начальника. Сейчасъ, матушка! проговорилъ онъ, обращаясь къ барынѣ: я не виноватъ, что вино не раскупорено.

Отворилась дверь, и подали слѣдующее кушанье. Миронычъ въ это время отправился за штопоромъ.

— Вотъ, батюшка, Алексѣй Дмитричъ, мое вдовье дѣло! сказала Ѳедосія Лаврентьевна.

— Это такъ обыкновенно съ нашей прислугой, тѣмъ болѣе, что у васъ никто не пьетъ вина.

— Берите же, милые мои, побольше! Это ветчинка хорошая! Прошу не прогнѣваться, у насъ все по просту, нѣтъ лишнихъ затѣй.

— Я люблю русскій столъ, отозвалась Надежда Михайловна.

Миронычъ съ трудомъ откупорилъ бутылку, и вино, въ родѣ уксуса, было налито. Ѳедосія Лаврентьевна потребовала и себѣ полрюмки. Холодное прошло безъ особыхъ замѣчаній и безъ приключеній. Къ жаркому Терентьевна принесла вкус-

наго соленья, которымъ Дымкова славилась далеко въ окрестности.

Взявъ блюдо и готовясь подавать жаркое, Филька замѣтилъ, что на блюдѣ было нѣсколько золы, упавшей неизвѣстно по чьей неосторожности. Мигомъ онъ стеръ золу салфеткой и съ неудовольствіемъ показалъ рукою Терентьевнѣ на эту неисправность, скомандовавъ Миронычу другимъ повелительнымъ жестомъ подавать соленье. Миронычъ безмолвно повиновался и слѣдовалъ за временнымъ своимъ начальникомъ. Каплунъ былъ страшно пережаренъ и во многихъ мѣстахъ сожженъ, Леночка это замѣтила и покраснѣла. Ей оставалась надежда, что Ѳедосія Лаврентьевна не потребуетъ себѣ жаркаго, котораго она почти никогда не ѣла, за неимѣніемъ зубовъ. Но на этотъ разъ старушка положила себѣ кусочекъ.

Подозрительный запахъ вскорѣ коснулся тонкаго ея обонянія, она поднесла тарелку ближе къ глазамъ, посмотрѣла и выпрямилась.

— Филька! что же это такое? спросила она: вѣдь каплунъ просто уголь углемъ.

— Должно быть маленько пережаренъ, замѣтилъ Филька, потупляя глаза.

— Танька! сказала старуха, отдавая тарелку горничной, ступай къ повару и отдай ему вотъ это, да скажи, чтобъ онъ зарубилъ это себѣ на носу, а какъ уѣдутъ гости, барыня, молъ, поговоритъ съ тобою.

— Слушаю-съ.

И Танька зашаркала, по своему обычаю, не отдѣляя подошвъ отъ полу.

Разговоръ какъ-то не клеился и, не смотря на то, что гости, словно сговорившись, хвалили пирожное, ничто не могло привесть Ѳедосіи Лаврентьевны въ хорошее расположеніе духа. И кофе былъ поданъ превосходный, и чудныя сливки, и варенье могло поспорить съ кіевскимъ, но это не развеселяло Ѳедосіи Лаврентьевны; по ея мнѣнію, она была осрамлена, уничтожена.

Вся прислуга потупила головы, исключая Фильки, который съ достоинствомъ выдерживалъ до конца обязанность временнаго дворецкаго и, ловко снявъ со стола скатерть, проговорилъ, обращаясь къ Миронычу.

— Миронычъ! вычистить серебро и сдать Терентьевнѣ.

Фраза, которою дворецкій его самого угощалъ ежедневно.

Гости поторопились уѣхать, потому что погода испортилась и пошелъ большой снѣгъ, а Леночка поспѣшила уйти въ свою комнату.

XIII.

Черезъ два дня витаевскія окрестности были покрыты глубокимъ снѣгомъ, и отъ деревни до деревни крестьяне укатали уже отличную санную дорогу. Сады, лѣса и кусты сорныхъ полевыхъ травъ гнулись подъ красивымъ кудрявымъ инеемъ.

Леночка повеселѣла, потому что и Ѳедосія Лаврентьевна пришла въ нормальное состояніе, произведя, по отъѣздѣ Волковцовыхъ, слѣдствіе насчетъ жаркаго и сдѣлавъ свои распоряженія. Старуха была тѣмъ довольнѣе, что и виновные получили достойное возмездіе, и она сама ни въ чемъ не переступила буквально наставленій отца Василія, хотя послѣднее обстоятельство много испортило крови старухѣ. Все въ домѣ приняло обычный порядокъ и, какъ водится, Филька оказавшій столько несомнѣнныхъ достоинствъ, по прежнему поступилъ подъ начальство Мироныча и занялъ обычное свое мѣсто на деревянномъ ларѣ въ передней, возлѣ своего зеркальца, прилѣпленнаго къ стѣнѣ.

Леночка проснулась довольно рано, что дѣлала она всегда, хотя и неохотно разставалась съ мягкой постелью. Ѳедосія Лаврентьевна съ восходомъ солнца была уже на ногахъ, а слѣдовательно и внучкѣ надо было спѣшить къ чаю. Побывавъ у отца, Леночка весело вошла къ Ѳедосіи Лаврентьевнѣ именно въ ту минуту, когда она усаживалась въ свои кожаныя кресла и распекала Мироныча за легкій угаръ отъ самовара.

— Ну, Лена, поскорѣе дѣлай чай!

Леночка въ ту же минуту распорядилась, и скоро чай былъ приготовленъ.

— Что Миша?

— Слава Богу! Сегодня онъ самъ попросилъ чаю, говорила Леночка, съ особеннымъ стараніемъ наливая отцовскую чашку, которую и передала Филькѣ.

— Ну, Лена, я видѣла сегодня прескверный сонъ и не знаю, что онъ значитъ.

— Сны вѣдь, по большей части, ничего не значатъ.

— Разсказывай! говорила старуха, приготовляя чай со сливками для моськи: поживешь съ мое, такъ многому научишься вѣрить. А знаешь, что мнѣ снилось?

— Разскажите, милая бабушка!

— Снится мнѣ Машенька, вотъ какъ сейчасъ вижу, разодѣтая впухъ и ведетъ, голубушка, на своркѣ престрашнаго быка.

— Свадьба, матушка-сударыня! отозвалась Терентьевна, не бывъ въ состояніи выдержать.

— Ой ли? Да ты почему знаешь?

— Какъ же, сударыня! быкъ извѣстно женихъ, а тутъ еще изволятъ его вести на веревочкѣ.

— Ну, а за нею идетъ Лиза и ваша прежняя мадама. Смотрю, и ты одѣта въ бѣломъ платьѣ, только тебя не пускаютъ Волковцовъ и Пелагея: онъ держитъ за платье, а Пелагея за руки. Я къ тебѣ, спрашиваю: что за притча такая? Ты молчишь. Что вы держите ее? спрашиваю Пелагею и Волковцова. А Маша и говоритъ: имъ Терентьевна приказала. Да ты бы по зубамъ Терентьевну, говорю я. Маша таки голубушка послушалась и отвѣсила старой хрычовкѣ, у! какую затрещину, а я проснулась. Ну, а это что значитъ? прибавила Ѳедосія Лаврентьевна, обращаясь къ ключницѣ.

— Этого уже не знаю, отвѣчала робко Терентьевна.

— То-то, не знаю. А по твоему, Танька, чтобы это значило?

Танька подошла шага на два.

— Это, матушка, хорошо-съ, очень хорошо-съ!

— Дура! Да почему же хорошо?

— Такъ-съ.

— А ты, Миронычъ, что думаешь?

— Думаю, сударыня, что Марья Егоровна пріѣдутъ въ гости къ празднику-съ, да можетъ быть, и женишка привезутъ нашей барышнѣ, аль, можетъ быть, Лизавета Ивановна засватаны.

— Вотъ оно что! Какъ ты полагаешь, Лена?

— Право, бабушка, я такъ еще неопытна.

— Да вѣдь ты же разныя книги читаешь!

— Въ книгахъ о снахъ не пишутъ.

— Какъ, мать моя, не пишутъ? А оракулъ? а сонникъ?

— Я никогда не видала.

— Вотъ хорошаго-то и не видала, а небойсь всѣ любовныя перечитала. Да что же бы значилъ этотъ сонъ? Я, признаюсь, испугалась маленько.

— Немудрено, что тетенька пріѣдетъ къ празднику.

— Гдѣ ужъ такъ часто ѣздить! вѣдь это все издержки.

— Я и позабыла, бабушка! Вчера мнѣ покупали кое-что въ городѣ и привезли сдачи нѣсколько пятачковъ, такъ я принесла ихъ вамъ.

— Ну, подавай сюда!

— Всѣ нынѣшняго года, бабушка!

— Ой ли? говорила старуха, взвѣшивая на рукѣ монетки, да какія свѣженькія, чистенькія! Ну, спасибо, дружочекъ! Терентьевна, подай сундучокъ!

Ключница исполнила приказаніе барыни, которая отперла знакомую намъ шкатулку и положила пятачки въ извѣстный мѣшочекъ.

— Десять пятачковъ — ровно полтинникъ, сказала она, вынимая мелочь въ бумажкѣ, и долго рылась, отыскивая 50 копѣекъ. Что за пропасть такая! никакъ не приходится! Вотъ, Лена, двугривенничекъ и четвертакъ, а остальное отдамъ когда нибудь; только напомни.

— Хорошо, бабушка! А я хотѣла васъ просить.

— Что? просить? нѣтъ, сударыня, не получишь! Да какъ же это? постой-ка, развѣ издержала?

— Не то, совсѣмъ не то, душечка бабушка: мнѣ денегъ не нужно.

— А о чемъ же ты хотѣла просить?

— Хотѣлось бы мнѣ покататься сегодня.

— Вотъ что вздумала! пожалуй, и покатайся, только, я думаю, холодно.

— Напротивъ, очень тепло и дорога чудесная.

— Куда же поѣдешь, къ Хоботовымъ или къ Волковцовымъ?

— Можетъ быть, заѣду къ Пелажи, но мнѣ хотѣлось бы проѣздиться въ санкахъ.

— Да исправны ли сани-то? Я вѣдь стара, чтобы самой присмотрѣть, а вы не такъ воспитаны: тычка въ зубы никому не дадите; всѣ словно принцессы какія-то, говорила старуха, укладывая монеты.

— Я спрашивала управляющаго; онъ говоритъ, что санки исправны.

— Ну, поѣзжай съ Богомъ! только не заставляй ждать съ обѣдомъ.

— Я скоро возвращусь, сказала Леночка, цѣлуя руку бабушки, и поспѣшила наверхъ, чтобы послать къ управляющему.

Ѳедосія Лаврентьевна не ошиблась, что санки не были готовы; она позабыла только, что у нея вовсе не было саней, годныхъ къ употребленію. Управляющій знялъ это очень хорошо и велѣлъ запречь свои собственныя сани доброй парой собственныхъ же лошадокъ. Когда Леночка вышла на крыльцо, Сидоръ Сидоровичъ стоялъ уже тамъ и сказалъ Леночкѣ, что онъ былъ у княжескаго управляющаго и переговорилъ насчетъ цвѣтовъ.

— Такъ я могу заѣхать?

— Кучеру приказано: онъ подвезетъ васъ прямо къ оранжереямъ.

— Я вамъ очень благодарна!

— Помилуйте-съ!

— Жаль только, что ничего нельзя будетъ взять съ собою: холодно.

— Не извольте безпокоиться: вамъ садовникъ такъ уложитъ, что хоть 20 градусовъ мороза, и то не страшно.

— Вы необыкновенно любезны, Сидоръ Сидоровичъ!

Съ этимъ словомъ Леночка сѣла въ санки, запахнула шубу, откинула вуаль и поѣхала.

Первый санный путь, особенно въ деревнѣ, имѣетъ какую-то привлекательность и потому Леночка ѣхала съ большимъ удовольствіемъ. Маленькія кругленькія лошадки бѣжали большой рысью. Леночка ѣхала и мечтала. Бытъ ея значительнымъ образомъ измѣнился: она имѣла уже дома кое-какія удобства, послала въ Петербургъ за книгами и нарядами, фортепьяно выписано, а сегодня она выберетъ себѣ цвѣтовъ и разставитъ ихъ на окнахъ. Можетъ быть, съ ея стороны это было ребячествомъ, но въ ея положеніи подобное ребячество, тѣмъ болѣе простительно, что эти маленькія улучшенія и прихоти были первыми радостями въ ея жизни. При этомъ удобномъ случаѣ вспомнила она и разговоръ Волковцовой о Спетцерѣ, и хотя чувство молодаго человѣка льстило ея самолюбію, однако, Спетцеръ такъ много потерялъ въ ея мнѣніи, что она отталкивала всякую мысль о немъ. Ей было немножко грустно, что Волковцовъ нашелъ въ ней отсутствіе вкуса. Она признавала въ Пелажи знаніе свѣтскости (какъ она думала), болѣе опытности, но никакъ не хотѣла думать, что уступала ей въ пониманіи изящнаго. Правда, ея наряды обветшали, но были хороши и выбраны въ лучшемъ одесскомъ магазинѣ. Леночка не любила пестроты и одѣвалась просто: отчего же Волковцовъ замѣтилъ въ ней отсутствіе вкуса? На-

конецъ, что же было изящнаго въ нарядѣ Пелажи? Больше свѣжести, и только. При томъ же платья Пелажи съ претензіями; она носитъ какіе-то яркіе цвѣта, причесывается не къ лицу. Надежда Михайловна права, что мужчины — народъ удивительный, думала Леночка, и десятый разъ припоминала, какъ она была одѣта у Волковцовыхъ. Кажется, все было, какъ слѣдуетъ; она даже нарочно надѣла лучшее свое платье и послѣднюю пару парижскихъ перчатокъ. Она любила простоту и не мечтала больше ни о чемъ, какъ о средствахъ имѣть все превосходное, но самой изящной простоты; она отличалась оригинальностью вкуса, по мнѣнію Марьи Егоровны, которая рядилась сама и рядила дочь иногда черезчуръ пестро. Бывая почти каждое лѣто въ Одессѣ, Леночка нарочно замѣчала наряды женщинъ хорошаго тона и съ особенной, свойственной ей тонкостью перенимала и манеру одѣваться, и граціозную свободу походки и движеній. Опытный взглядъ нашелъ бы въ Леночкѣ всѣ эти достоинства, которая она сама сознавала, и человѣкъ хорошаго тона могъ бы отдать ей въ этомъ справедливость. Положимъ, можно не раздѣлять чьего-нибудь мнѣнія насчетъ красоты и способностей — это еще условно; но человѣку хорошаго тона не подмѣтить вкуса — довольно странно. А между тѣмъ Волковцовъ — человѣкъ порядочный и образованный, который видѣлъ большой свѣтъ, живалъ въ немъ; доказательствомъ тому служитъ его домашняя жизнь въ деревнѣ, этотъ комфортъ, эта необходимая щеголеватость въ мебели и утвари. По моему, думала Леночка, если у него и есть что неприличнаго въ домѣ, такъ это Надежда Михайловна:—она всегда такая грязная, немытая, нечесанная, съ какими-то дикими манерами.

Мечтая подобнымъ образомъ, Леночка подъѣхала къ огромному парку и не могла налюбоваться на вѣковыя деревья, убранныя инеемъ и спускавшія роскошныя вѣтви чрезъ высокій рѣшетчатый заборъ. Кучеръ подъѣхалъ къ воротамъ, остановился, толкнулъ обѣ половинки, какъ человѣкъ, коротко знакомый съ мѣстностью, вскочилъ снова на санки и пустился во всю рысь къ длинному зданію готической архитектуры. Навстрѣчу Леночкѣ вышелъ садовникъ-нѣмецъ и въ ту же минуту послалъ дать знать управляющему.

Княжескія оранжереи были въ отличномъ порядкѣ и заключали большой выборъ самыхъ рѣдкихъ тропическихъ растеній. И все это, разставленное по мѣстамъ, росло, цвѣло, благоухало, не принося никому удовольствія и поглощая ог-

ромное количество денегъ. Мужъ Марьи Егоровны—тоже охотникъ до цвѣтовъ и у него есть маленькая оранжерейка, которою Леночка восхищалась; на то, что было у ней передъ глазами, превосходило ея понятіе. Вскорѣ пришелъ управляющій, добрый старичекъ, обрусѣвшій англичанинъ, попросилъ Леночку выбрать цвѣтовъ сколько угодно, давъ на этотъ предметъ приказаніе садовнику, и уѣхалъ, сказавъ, что у него въ деревнѣ слѣдствіе.

Леночка объявила садовнику, что она выберетъ себѣ цвѣты на-время и будетъ заботиться о ихъ содержаніи, только бы онъ поучилъ ее какъ съ ними обходиться. Нѣмецъ отобралъ ей нѣсколько лимонныхъ деревьевъ съ цвѣточными почками и одно съ плодами, нѣсколько розъ, миртовъ и просилъ прислать за ними, а съ ней отправлялъ нѣсколько горшковъ гіацинтовъ, гвоздикъ, аврикулей. Леночкѣ долго было совѣстно дать денегъ садовнику:—она полагала, что старикъ обидится, но и не дать ничего казалось ей тоже неловкимъ. И вотъ, заговоривъ съ нимъ по-нѣмецки, что очень обрадовало старика, она убѣдительно просила его принять за хлопоты, подавая ему трехрублевую бумажку: Старичекъ моргнулъ глазами, улыбнулся, взялъ деньги и началъ усердно кланяться, послѣ чего дѣятельнѣе принялся за отобраніе цвѣтовъ, которыхъ столько отставилъ, что надо было прислать цѣлую подводу.

— Когда вы такъ добры, сказалъ онъ по нѣмецки, не откажите старику въ одномъ удовольствіи!

— Охотно готова исполнить все.

— Вы любите цвѣты и я тоже: позвольте васъ просить остаться на полчаса! Возлѣ этихъ цвѣтущихъ персиковъ, подъ этимъ апельсиномъ, который весь въ цвѣту, я поставлю вамъ кресла и столичекъ, а моя Мальхенъ принесетъ вамъ чашку кофе.

И старикъ сложилъ руки.

— Съ большимъ удовольствіемъ! Да я часто буду ѣздить къ вамъ въ гости.

— Милости просимъ, милости просимъ!

Старикъ побѣжалъ въ свою квартиру и чрезъ нѣсколько минутъ мальчики устроили чудесную бесѣдку на возвышеніи, въ которую принесли столикъ и кресла.

Снявъ шляпку и откинувъ назадъ густыя кудри, Леночка присѣла подъ цвѣтущимъ апельсиномъ, между красивыми душистыми растеніями. Ей было очень весело. Спустя нѣ-

сколько времени, появился садовникъ, а за нимъ миловидная бѣлокурая дѣвушка несла на подносѣ чашку кофе и горшочекъ сливокъ. Какъ ни просила Леночка дочку садовника присѣсть рядомъ, послѣдняя ни за что не согласилась.

Послышался скрипъ полозьевъ. Старикъ оборотился, а изъза кустарниковъ, поставленныхъ въ рядъ у входа, показался Волковцовъ.

Леночка покраснѣла.

— Вотъ неожиданная встрѣча! сказалъ онъ, здороваясь съ сосѣдкой, какой счастливый случай завелъ васъ сюда?

— Я люблю цвѣты.

— И какую бесѣдку устроилъ вамъ Зоммерфельдъ! настоящая Италія!

Не успѣлъ Волковцовъ сказать старику привѣтствія, какъ уже мальчикъ принесъ ему стулъ и поставилъ возлѣ Леночки, а дочь садовника принесла и новому гостю чашку кофе.

— А вы какъ сюда попали! спросила Леночка, по французски.

— Заѣхалъ кое о чемъ посовѣтоваться съ садовникомъ: онъ мастеръ своего дѣла.

Слыша, что гости говорятъ по французски, Зоммерфельдъ счелъ за лучшее отдалиться на нѣкоторое разстояніе и знакомъ приказалъ дочери сдѣлать то же самое.

— Значитъ, мы съ вами сходимся въ одномъ, Елена Михайловна! сказалъ Волковцовъ, я до страсти люблю цвѣты.

— А я ихъ обожаю. Нашъ управляющій выхлопоталъ мнѣ здѣсь позволеніе взять на время нѣсколько деревьевъ къ себѣ.

— Нечего было хлопотать! стоило только сказать мнѣ: я по дружбѣ съ княземъ присматриваю за его имѣніемъ и могу служить вамъ въ этомъ случаѣ; притомъ же у меня у самого прекрасныя оранжереи. Ахъ, да! фортепьяно ваше выписано.

— Я право не знаю, какъ благодарить васъ.

— Ровно не за что: я очень радъ, если имѣю какую нибудь возможность быть вамъ полезнымъ. Вы вѣдь здѣсь почти сиротка — извините за откровенность!

Леночка вздохнула.

— Бабушка ваша, продолжалъ Волковцовъ, раскуривая сигару, стара и брюзглива, папа боленъ, и сосѣдокъ, съ которыми вы могли бы пріятно проводить время, нѣтъ, исключая m-lle Пелажи.

— А Надежда Михайловна?

— Это очень снисходительно. Вы такъ умны, что я не могу

допустить чистосердечности этого мнѣнія: вѣрьте, что я очень хорошо васъ понимаю. Надежда Михайловна любитъ дѣтей, любитъ ужъ черезчуръ меня; все это дѣлаетъ ей честь: но Надежда Михайловна, со своими жалобами, не можетъ быть пріятной собесѣдницей, для особы умной и прекрасно образованной.

Леночка чувствовала справедливость этого описанія, но помнила также и то, что у Пелажи больше вкусу, и разсказъ Надежды Михайловны о мужѣ.

— Вы нисколько, значитъ, не разгадали меня, сказала Леночка и приняла серьезное выраженіе.

Волковцовъ быстро взглянулъ на нее и нѣсколько секундъ продолжалъ пристально смотрѣть ей въ глаза. Леночка покраснѣла.

— Не знаю, сказалъ онъ, что вы думаете, но увѣренъ, что говорите противъ себя.

— Нѣтъ, вы совершенно не знаете меня и ошибаетесь.

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, я очень радъ, что могу встрѣчать въ Витаевѣ пріятную собесѣдницу, и что милушинская гостиная украсится хоть изрѣдка присутствіемъ прекрасной, талантливой особы.

— Я не понимаю одного...

И Леночка остановилась.

— Продолжайте!

— Я хоть и мало опытна, мало знаю свѣтъ, — однако, тоже понимаю людей немного. Сколько ни случалось мнѣ видѣть образованныхъ и свѣтскихъ людей, къ числу которыхъ вы, конечно, принадлежите: я отъ васъ первыхъ слышу то, что называется обыкновенными любезностями.

Волковцовъ смѣшался въ свою очередь.

— Я говорю, что думаю, сказалъ онъ.

— Или, что привыкли. Право, я не нахожу удовольствія въ похвалахъ моей красотѣ, уму, талантамъ. Можетъ быть, всего этого у меня весьма немного... Можетъ быть, я умѣю прикинуться... Однимъ словомъ, я не такъ самолюбива.

— Въ другой разъ буду осторожнѣе.

— Есть дѣвицы, которыя любятъ это.

— Не каждой, однако, говорится.

Нѣсколько минутъ они молчали.

— Надо будетъ пригласить когда нибудь сюда m-lle Пелажи, сказала Леночка, она тоже очень любитъ цвѣты.

— Она умненькая дѣвушка; жаль только, что много о себѣ думаетъ, а больше...

— Что же еще?

— Вы позволите быть смѣлымъ въ заключеніи?

— Прошу васъ.

— У ней нѣтъ иногда такта и никогда вкуса.

Леночка уставила глаза на Волковцова.

— Вы говорите, нѣтъ вкуса? спросила она.

— Это было и есть мое постоянное мнѣніе о ней.

— А Надежда Михайловна говорила...

— Что же она говорила? спросилъ Волковцовъ съ улыбкой.

— Что, по вашему, это образецъ изящнаго вкуса.

— И вы раздѣляете это мнѣніе?

— Я не имѣю причины ей не вѣрить.

— Вы правы. M-lle Пелажи — образецъ вкуса, говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собою. Впрочемъ, вкусы такъ условны, прибавилъ онъ, обращаясь къ Леночкѣ. Вотъ у моей Надежды Михайловны вкусъ уже совершенно эксцентрическій! Только я не понимаю, съ чего это она вздумала приписывать мнѣ подобное мнѣніе!

— Не помню, какъ-то пришлось къ слову.

Очевидно, что Волковцовъ былъ задѣтъ за живое; джентльменское его самолюбіе страдало.

Леночкѣ блеснула мысль, что, можетъ быть, Надежда Михайловна и сочинила подобную штуку съ какой нибудь цѣлью.

— Пойдемте, Алексѣй Дмитріевичъ, посмотрѣть на мой выборъ цвѣтовъ, хороши ли они Впрочемъ, я не могу похвалиться вкусомъ.

— Тутъ что нибудь да кроется, сказалъ Волковцовъ, слѣдуя за Леночкой по оранжереѣ, кто-жъ усомнился бы, что вы хотя и мало жили въ свѣтѣ, а обладаете такимъ тактомъ.

— Я не имѣю никакихъ претензій; люблю то, что мнѣ нравится; а если люблю иногда не то, что любятъ въ извѣстномъ кругу, то виновата моя безъискусственная природа.

— Виноватъ, я не долженъ бы былъ говорить того, что сказалъ, хотя бы это было мое задушевное убѣжденіе. Но позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?

— Я васъ слушаю.

— Неужели вы меня считаете настолько пустымъ человѣкомъ, чтобы я выше всего цѣнилъ покрой платья и умѣнье надѣть костюмъ того или другаго цвѣта?

— Нисколько.

— А вѣдь меня всѣ понимаютъ въ этомъ смыслѣ. Потому только, что я не неряха, что не проигрываю денегъ въ

карты, а дѣлаю лишнюю пару платья и шью себѣ костюмъ въ Петербургѣ, а не у домашняго портнаго, меня считаютъ франтомъ, т. е., по здѣшнему, мотомъ и разрушителемъ домашняго счастія.

Леночка посмотрѣла на Волковцова и замѣтила, что въ чертахъ его разлилось какое-то грустное выраженіе.

— Нѣтъ, Елена Михайловна! я не то, что говорятъ обо мнѣ добрые, но простодушные люди. Можетъ быть, есть во мнѣ недостатки гораздо важнѣе, не подмѣченные этими добряками, которымъ бросается въ глаза какой нибудь жилетъ не здѣшняго покроя, но не дано способности заглянуть подъ этотъ жилетъ.

Голосъ Волковцова задрожалъ слегка при этомъ, словно его потревожило тяжелое чувство, боявшееся обнаружиться.

— Гдѣ же тѣ цвѣты, которые вы отобрали? спросилъ вдругъ Волковцовъ.

Съ секунду Леночка смотрѣла на него и быстро указала на отобранныя деревья.

Разговоръ не клеился.

Полюбовавшись пышнымъ кустомъ столистой розы, Леночка спросила:

— Такъ вы сознаете свои недостатки?

— Всегда.

— Это уже достоинство. Хотѣла бы я знать, что вамъ не нравится въ васъ самихъ?

— Это очень грустно собственно для меня, и довольно пошло въ разговорѣ съ такой молоденькой дѣвицей, почти при первомъ съ нею знакомствѣ.

— Пожалуйста, не считайте меня молоденькой.

— А знаете, чего недостаетъ въ этой оранжереѣ?

— Не знаю.

— Здѣсь совершенно нѣтъ камелій.

— Представьте, я упустила изъ виду! Здѣсь такъ много цвѣтовъ и деревьевъ, а я ихъ такъ давно не видѣла, что обрадовалась и позабыла о камеліяхъ. Да,—нѣтъ!

— И это все князь виноватъ. Ежегодно обѣщаетъ садовнику выслать камелій; добродушный нѣмецъ вѣритъ, а князь забываетъ, и лучшихъ цвѣтовъ недостаетъ въ оранжереѣ. Впрочемъ, если сказать правду, я не знаю, для чего онъ тратитъ деньги и на эти.

— Развѣ онъ рѣдко пріѣзжаетъ?

— Онъ только проѣзжаетъ. А вы любите камеліи?

— Очень! Я, однако, выбрала себѣ розъ. Мнѣ нравятся кусты, на которыхъ не такъ много цвѣтовъ, но которые богаты зеленью. И я знаю, если у меня въ комнатѣ будетъ довольно цвѣтущихъ деревьевъ, то, кажется, я не стану скучать ни минуты.

— Пріѣзжайте когда нибудь поскучать къ намъ въ Милушино!

— Привезу надняхъ книги съ условіемъ, чтобы вы мнѣ выбрали другихъ.

— Всегда и все, что угодно!

— Однако, до свиданія! Меня бабушка ждетъ къ обѣду.

Волковцовъ помогъ Леночкѣ одѣться, помогъ ей уложить нѣсколько цвѣтовъ, закутанныхъ очень бережно. Въ это время садовый мальчикъ подвелъ Волковцову воронаго иноходца, запряженнаго въ легкій плетеный козырекъ.

— Вы безъ кучера? спросила Леночка.

— Я люблю ѣздить одинъ.

Снѣгъ валилъ большими хлопьями, но вѣтру не было, и снѣжинки, граціозно кружась въ воздухѣ, порхали между деревьями.

— До свиданія! сказала Леночка.

— До свиданія!

За оградой парныя санки и хорошенькій козырекъ понеслись въ разныя стороны.

XIV.

Никогда еще Леночкѣ не было такъ весело, какъ въ продолженіе этого небольшаго переѣзда изъ оранжереи въ Витаево. Постоянно въ воображеніи ея мелькали чудныя цвѣтущія, пахучія растенія, разставленныя искуснымъ садовникомъ, и тутъ же возлѣ нея лежало нѣсколько цвѣтовъ, которые черезъ полчаса будутъ стоять у нея въ гостиной. Разставивъ мысленно горшки, не только бывшіе съ нею, но и остававшіеся въ оранжереѣ, она подумала, наконецъ, и о получасѣ, проведенномъ подъ цвѣтущимъ апельсиннымъ деревомъ. Хотя она почти уже не обвиняла Волковцова за предпочтеніе вкуса въ Пелажи, хотя она почти вѣрила, что Надежда Михайловна сама это выдумала, однако, тѣмъ не менѣе, Волковцовъ казался ей то неискреннимъ, то страннымъ человѣкомъ. Не зная ея хорошо, онъ разсыпался передъ ней въ любезностяхъ, говорилъ о какихъ-то своихъ недостаткахъ,

которыхъ, однако же, не высказалъ, а между тѣмъ, иной разъ въ рѣчахъ его слышалась полнота чувства и на лицѣ отражалась грусть. Леночка уже знала, отчасти изъ разсказовъ самой Надежды Михайловны, а больше отъ Пелажи, довольно грустную домашнюю жизнь Алекоѣя Дмитріевича, и потому, конечно, приписывала все этому обстоятельству. Но она также слышала много и о пустотѣ, суетности, мелочности его, и ничего этого не замѣчала, за исключеніемъ изысканности туалета и излишней любезности.

Подъѣзжая къ Витаеву, Леночка начала разуждать, какъ сказать бабушкѣ о новомъ своемъ пріобрѣтеніи? Ѳедосія Лаврентьевна не любила цвѣтовъ, или, по крайней мѣрѣ, не держала ихъ у себя, а потому и неизвѣстно было, какъ она встрѣтитъ новую прихоть внучки. Впрочемъ, главное условіе было безукоризненно: цвѣты ей не стоили денегъ, а старуха заботилась лишь о томъ, чтобы не было лишнихъ расходовъ. Однако, Леночка рѣшилась разсказать бабушкѣ и про услугу управляющаго, и то, что она воспользовалась этой услугой. Леночка пріѣхала во время; когда она входила къ бабушкѣ, Миронычъ накрывалъ на столъ, слушая какое-то ворчанье барыни.

— Ты загулялась, однако-жъ, мать моя!

— Извините.

— Была у Хоботовыхъ, что ли?

— Нѣтъ, я была въ княжеской деревнѣ.

— Это зачѣмъ?

— Сидоръ Сидоровичъ мнѣ сказалъ, что у князя превосходныя оранжереи, такъ я ѣздила посмотрѣть.

Старуха махнула рукой.

— У этихъ князей, сказала она, чортъ знаетъ, куда идутъ деньги. Ну и что-жъ?

— Ахъ, какіе чудные цвѣты, бабушка!

— Глупенькая! Разныя этакія сорныя травы назовутъ по-французскому или по-нѣмецкому — вотъ тебѣ и цвѣты. У покойника твоего дѣда тоже были ранжереи, да и Мишенька вздумалъ заводить, я только молчала. Къ чему это? Я велѣла послѣ разобрать и сараи.

— Я видѣла огромныя лимонныя деревья.

— Съ лимонами?

— Есть и съ лимонами.

— Вотъ это дѣло, лимоны не худо бы; всетаки свое непокупное къ чаю подать.

Леночку обрадовала эта мысль бабушки.

— А я все боялась безпокоить васъ просьбою.

— Что тамъ еще за просьба?

— Сидоръ Сидоровичъ пріятель съ управляющимъ князя, и тотъ просилъ меня, если я хочу, взять нѣсколько деревьевъ.

— Какъ? съ лимонами-то?

— Съ лимонами!

— Ну что же? это можно! Ты любишь, что-ль, цвѣты?

— Очень.

— Глупо, мать моя? Къ чему? Лимоны-то хорошо. Ну, коли ничего не стоитъ, можно и цвѣтовъ взять, позволяю.

— Есть совсѣмъ зрѣлые.

— Это дѣло! я велѣла бы Палашкѣ и въ сахарѣ сварить. Да какъ же везть зимою-то?

— Садовникъ говоритъ, что закутаетъ въ войлоки; надобно только послать подводу.

— Можно; вѣдь подводы не занимать стать. Ну, а какъ князь-то узнаетъ?

— Управляющій отдаетъ, бабушка, до лѣта, чтобы у насъ стояли, а лѣтомъ отошлемъ.

— Видишь! А все можно будетъ, которое деревцо лучшее, родючее, и у себя оставить. Такъ когда же ты пошлешь?

— Когда прикажете.

— Вели сейчасъ!

— Я думаю, бабушка, нужно завтра мнѣ самой съѣздить и выбрать.

— Ну, пожалуй и такъ!

— И если вамъ угодно, мы дерево съ плодами поставимъ вотъ здѣсь у окна.

— Зачѣмъ у окна? Холодно ему будетъ, а лучше ближе къ дивану. За чаемъ можно будетъ срывать лимоны съ дерева. Только, какъ привезутъ, надо будетъ тотчасъ пересчитать и сдать Терентьевнѣ, чтобъ, Боже сохрани, не пропалъ ни одинъ лимонъ. У насъ въ ранжереѣ и при мужѣ лимоны никогда не родились. Вотъ что умно, то умно, Лена; спасибо! потѣшила старуху. А я часто скучаю за лимонами. Что же ты еще видѣла?

— Цвѣтутъ апельсины.

— А, апельсины!

— Да! Мнѣ предлагаютъ дерево, но только еще въ цвѣту.

— Однако, апельсины созрѣютъ?

— Я полагаю.

— Ну и апельсину можно. Вотъ, Лена, бары-то большіе!

Чего у нихъ только нѣтъ?! а вѣдь сами не живутъ въ помѣстьѣ. Чай управитель, мошенникъ, на полонъ ротъ жретъ всякія заморскія диковинки. Миронычъ! что же обѣдать-то?

— Сейчасъ, матушка!

Скоро былъ поданъ обѣдъ, который и прошелъ благополучно, потому что старуха была въ хорошемъ расположеніи. Послѣ обѣда Леночка поспѣшила къ себѣ и цѣлый часъ переставляла цвѣты, то размѣщая ихъ на окнахъ, то на столахъ. Пелагея охотно помогала барышнѣ въ этихъ занятіяхъ. Но Леночку не такъ радовали маленькіе горшки, какъ мысль о томъ, что она завтра уберетъ гостиную деревьями и что бабушка нисколько не противъ этой новой ея прихоти.

Вечеръ прошелъ для нея незамѣтно. Уставивъ на столѣ розаны, она велѣла подать себѣ двѣ стеариновыя свѣчи, усѣлась на диванѣ и принялась за чтеніе интереснаго романа. Ей теперь не было скучно, тѣмъ болѣе, что и впереди предстояло удовольствіе получить изъ столицы наряды и фортепьяно.

Послѣ чаю, она пробовала пріучить бабушку къ чтенію и взяла съ собой нумеръ журнала, въ критической статьѣ котораго разобрана было путешествіе къ святымъ мѣстамъ, съ большими выписками.

— Если вамъ нескучно, бабушка, то я что-нибудь почитала бы вслухъ.

— Не исторію ли какую, да еще любовную?

— Нѣтъ, путешествіе къ святымъ мѣстамъ.

— А развѣ объ этомъ въ теперешнихъ книгахъ пишутъ?

— Какъ же!

— Ну, ну, почитай!

И Леночка принялась за чтеніе. Старуха иногда прерывала внучку, дѣлая замѣчанія или предлагая вопросы. Ей видимо нравилось написанное.

— Ну, довольно! сказала она:—завтра снова будешь читать, а теперь пора ложиться. Да что-жъ ты утромъ съѣздишь за лимонами-то?

— Послѣ чаю.

— Хорошо! Ступай-же спать, Христосъ съ тобой!

Леночка ушла, никогда еще не разставаясь такъ дружески съ бабушкой, которая цѣлый вечеръ даже не ворчала ни на кого и прилежно слушала чтеніе. Ей пришла мысль завтра же посовѣтоваться съ отцомъ Василіемъ и достать книгъ духовнаго содержанія, чтобы пріучить старуху къ мирному за-

нятію. Она не теряла надежды перейти потомъ къ обыкновеннымъ путешествіямъ и такимъ образомъ часа два въ день избавлять бабушку отъ привычки ворчать, что безспорно происходило отъ совершеннаго бездѣйствія. На своихъ литературныхъ вечерахъ Леночка основывала многое.

Съ мыслію о скоромъ прибытіи нарядовъ и о приближеніи святокъ, при маленькихъ удобствахъ, которыми успѣла окружить себя Леночка, у ней невольно явилось желаніе потанцовать гдѣ-нибудь у сосѣдей. Хоботовы говорили ей, что имъ очень пріятно будетъ познакомить ее въ нѣкоторыхъ домахъ; но, какъ выше было замѣчено, Ѳедосія Лаврентьевна противилась этому. Леночкѣ предстояла теперь возможность уладить и это обстоятельство, противъ котораго, по ея мнѣнію, бабушка не должна была слишкомъ возставать, не имѣя въ виду никакихъ издержекъ. Разъ, два въ мѣсяцъ повеселиться казалось молодой дѣвушкѣ достаточнымъ, а если бы на вечерахъ у сосѣдей встрѣтились интересные молодые люди, тогда ей и желать больше бы нечего.

Милыя читательницы вполнѣ, хотя, можетъ быть, и не всѣ громко, согласятся со мною, что желаніе Леночки было весьма естественно. Дѣвицы въ семнадцать и осьмнадцать лѣтъ, если только не заражены мнѣніемъ проповѣдующихъ, что танцы — чистая глупость, считаютъ балы лучшимъ препровожденіемъ времени:—да и послѣ нихъ онѣ предаются самымъ разнообразнымъ мечтаніямъ. Я говорю не о тѣхъ ледовито-чинныхъ созданіяхъ, цвѣтущая молодость которыхъ подчинена размѣреннымъ условіямъ, но о молоденькихъ дѣвицахъ болѣе простодушнаго образа жизни, которыя не краснѣя говорятъ, что любятъ танцы. Такъ называемый тонъ, не музыкальный, но свѣтскій—терминъ, не имѣющій истиннаго опредѣленія — запрещаетъ извѣстнаго класса дѣвицамъ не только увлекаться свѣтскими развлеченіями, но даже находить удовольствіе въ танцахъ. Многіе современные львы находятъ это почти неприличнымъ, а между тѣмъ и львицы, и львы полькируютъ и вальсируютъ:—молодость, незараженная ересью новѣйшей свѣтской философіи, опредѣлившей жизнь по своему, находитъ еще много удовольствій въ танцахъ, сближающихъ оба пола. Танцы—самое вѣрное и лучшее средство къ знакомству въ провинціи, гдѣ нѣтъ еще такъ называемыхъ салонныхъ разговоровъ, вызывающихъ на состязаніе остроуміе, нѣтъ умѣнья переливать изъ пустаго въ порожнее и знаніе наизустъ каталога новѣйшихъ французскихъ, а отчасти и ан-

глійскихъ книгъ. У столичной дѣвицы, даже и не высшаго круга, множество развлеченій: визиты, театры, наконецъ, если не въ экипажѣ, то пѣшкомъ разнообразное путешествіе по магазинамъ; у губернской дѣвицы—то же самое въ малыхъ размѣрахъ или иногда въ каррикатурѣ, съ прибавкой страшной заботы слѣдить по журналамъ за столичными измѣненіями; у деревенской же зимою ничего нѣтъ, кромѣ танцевъ. И въ деревняхъ смѣшны были, что и случается, многія изъ городскихъ обыкновеній. Если въ городѣ посѣтитель просидитъ въ гостинной полчаса въ перчаткахъ, въ этомъ ничего нѣтъ ни страннаго, ни удивительнаго: человѣкъ тотчасъ съ улицы и отправится снова на улицу; но если рабъ свѣтскихъ условій въ деревнѣ изъ кабинета выходитъ въ гостиную въ перчаткахъ—это, право, странно. Такъ и многое. А между тѣмъ обычаи столичныхъ и даже просто городскихъ жителей должны разниться отъ деревенскихъ, будучи обусловлены обстоятельствами и неодинаковыми требованіями. Напримѣръ, левъ средней руки въ Петербургѣ, отправляющійся съ визитами, имѣетъ уже то преимущество предъ губернскимъ, что, убирая голову у парикмахера, извѣстнаго болтовнею, выучитъ какую-нибудь парижскую поговорку и спѣшитъ щегольнуть въ салонахъ этимъ драгоцѣннымъ для него пріобрѣтеніемъ, которое иной разъ можетъ внушить хорошее мнѣніе о его образованіи. Столичный посѣтитель за полчаса не успѣетъ истощить любезностей и потому иной надолго или навсегда сохраняетъ названіе умнаго и пріятнаго человѣка. Въ деревнѣ — другое дѣло: короткіе визиты дѣлаются между самыми близкими сосѣдями, а чаще продолжаются день, два. И здѣсь между людьми образованными французскій языкъ получилъ право гражданства; но употребляется еще и нашъ православный, на которомъ, какъ полагаютъ иные, невозможно порядочно выражаться. Въ деревняхъ такъ называемые гостинные разговоры не имѣютъ характера; за то деревенскіе танцовальные вечера имѣютъ собственно свой, исключительно имъ принадлежащій характеръ. Балы эти почти вездѣ—поле для патріархальнаго господства любви, которая въ деревняхъ хотя и подверглась внѣ танцевъ таможенному тарифу разсчетливыхъ папенекъ и маменекъ, однако сохранила еще большія преимущества при звукахъ бальной музыки, и нерѣдко съ бала, хитрымъ контрабандистомъ, пробирается чрезъ опасныя границы.

Леночка понимала и любила танцы, какъ и всѣ деревенскія дѣвицы, и подобно всѣмъ своимъ ровесницамъ, на-

ходила удовольствіе въ обществѣ молодыхъ людей, болѣе или менѣе образованныхъ. Слова нѣтъ, что и въ деревняхъ выгодные женихи имѣютъ извѣстныя преимущества и въ этомъ отношеніи тамошній прекрасный полъ не слишкомъ уступитъ столичному, но первый въ танцахъ забываетъ иногда разсчеты и полькируетъ безъ запасныхъ мыслей.

Леночка любила и пококетничать, потому что званіе богатой невѣсты привлекало къ ней всегда толпу поклонниковъ, гдѣ же молодой дѣвушкѣ и кокетничать какъ не въ танцахъ? здѣсь можно поочередно болтать съ обожателями. Не смотря на всѣ извѣстныя уже намъ условія, поставившія эту дѣвицу въ какое-то исключительное положеніе, она рада была повеселиться, хоть гдѣ-нибудь и поболтать съ молодежью.

И, увы, въ Витаевѣ представлялись ей, и то изрѣдка, только Волковцовъ, которому было за тридцать, да Спетцеръ, къ которому не лежало ея сердце. Удачно исполнивъ нѣкоторыя свои прихоти, Леночка нечувствительно перешла къ желанію занять прежнее свое положеніе въ обществѣ. У сосѣдей же бывали иногда многолюдные съѣзды. Пелажи разсказывала, что, подъ новый годъ, къ ея теткѣ, въ числѣ прочихъ гостей, пріѣзжаетъ обыкновенно одинъ графъ, поселившійся въ деревнѣ. Все это было любопытно увидѣть, точно такъ же, какъ весело блеснуть на новомъ горизонтѣ и, можетъ быть, затмить многія свѣтила.

Держа въ рукахъ книгу и замечтавшись подобнымъ образомъ, Леночка не прочла ни одной страницы, но перебрала воображеніемъ не одинъ романъ. Наконецъ, она опомнилась, потушила свѣчи; уложила комфортабельно свою хорошенькую головку на подушку и уснула, не безъ надежды осуществить мечты свои о предстоящихъ веселостяхъ.

По странному стеченію обстоятельствъ и Ѳедосія Лаврентьевна долго не могла уснуть, заинтересованная чтеніемъ внучки.

XV.

На другой день, часу въ одиннадцатомъ, Леночка была уже въ княжеской оранжереѣ. Садовникъ встрѣтилъ ее съ поклонами, и снова упросилъ выпить чашку кофе. Леночка не такъ долго, какъ вчера, сидѣла въ импровизированной бесѣдкѣ, потому-что одной было скучно и она занималась выборомъ цвѣтовъ и деревьевъ. Зоммерфельдъ охотно согласился прибавить ей одно цвѣтущее апельсинное дерево, и даже обѣ-

щалъ на дняхъ пріѣхать въ Витаево провѣдать растенія. Поблагодаривъ добраго нѣмца, который, въ ожиданіи подводы, приступилъ къ упаковкѣ деревьевъ, Леночка разсчитала, что она можетъ воспользоваться случаемъ и завернуть къ Пелажи, хоть на полчаса, что и не замедлила исполнить.

Хоботовы очень обрадовались посѣщенію Леночки и выговаривали, что она ихъ совсѣмъ позабыла. Слѣдовали обычныя извиненія, тѣмъ болѣе вѣроятныя со стороны гостьи, что сосѣдки знали характеръ Ѳедосіи Лаврентьевны. Между прочими разговорами Хоботова съ сожалѣніемъ намекнула, что Спетцеръ уѣзжаетъ въ Петербургъ и такимъ образомъ околотокъ лишится единственнаго своего молодаго человѣка. Леночка сказала, что уже давно его не видала.

— Бѣда жить въ этой глуши, замѣтила Хоботова, если бы средства позволяли, то я уѣхала бы хоть въ Москву на зиму.

— Однако, мама, право намъ надо сдѣлать на праздникъ хоть небольшой вечеръ, сказала Пелажи.

— Я непрочь; только гдѣ же взять кавалеровъ.

— Напишемъ тетенькѣ, чтобы пригласила своихъ знакомыхъ; теперь же въ отпуску оба Сивцовы, которые, вѣроятно, пріѣдутъ на дняхъ съ визитомъ, и все-таки можно было бы танцовать хоть въ шесть паръ.

— Если хочешь, хлопочи для себя; я съ своей стороны согласна. А дѣвицы то?

— Кузины мои — вотъ уже вамъ три, Леночка и я — пять; завтра поѣду къ Худобоковой — шесть, да и тетенька привезетъ же кого-нибудь. А какъ у насъ зала небольшая, то и шести паръ достаточно. Вотъ что скучно — музыки нѣтъ.

— Эта дурища Волковцова всему причиною. Представьте, Елена Михайловна, продолжала Хоботова обращаясь къ Леночкѣ, она вздумала ревновать мужа къ Пелажи, затѣяла исторію, и мы лишились черезъ это добраго сосѣда и удовольствія имѣть прекрасную музыку.

— Я слышала, мама, что княжескій управляющій велѣлъ собрать человѣкъ восемь изъ прежнихъ музыкантовъ, которые играли на именинахъ у его жены.

— Что-жъ? я пошлю, Пелажи! для меня онъ не откажетъ.

Въ ту же минуту началось домашнее совѣщаніе, когда сдѣлать вечеръ, и мать и дочь разсудили, что лучше всего послѣ Николина дня, когда большая часть ихъ знакомыхъ

будетъ на именинахъ у предводителя, гдѣ, вѣроятно, можно пригласить и еще кое-кого, сверхъ особъ, о которыхъ уже упомянуто. Леночка почти дала слово сопутствовать Пелажи къ ихъ родственницѣ подъ новый годъ, и обѣщала выхлопотать у бабушки позволеніе. Хоботова, съ своей стороны, хотѣла пріѣхать уговорить Ѳедосію Лаврентьевну отпустить внучку. И дѣвицы тутъ же рѣшили, какія имъ сдѣлать платья для предстоявшихъ веселостей.

Въ хорошемъ расположеніи духа Леночка возвращалась домой, имѣя въ виду нѣсколько пріятныхъ дней; но веселѣе было ей подумать, что здѣсь она могла играть роль болѣе значительную, чѣмъ въ обществѣ тетки. Она, однако же, опоздала къ обѣду, потому что Ѳедосія Лаврентьевна уже велѣла подавать кушать, и если бы не отговорка, что надо же было присмотрѣть за укладкой деревьевъ, то, вѣроятно, не обошлось бы безъ строгаго выговора. Смотря на очень постныя лица прислуги, Леночка догадалась, что за ея вину, безъ сомнѣнія, была уже гонка горничнымъ, и молодой дѣвушкѣ стало грустно. Старуха поминутно ворчала и густой басъ ея какъ-то глухо раздавался среди всеобщаго молчанія. По ея мнѣнію, и супъ былъ безъ соли, и холодное пересолено, и жаркое пережарено, вслѣдствіе чего наводились справки, дѣлались очныя ставки и разныя формальности, употреблявшіяся въ Витаевѣ при домашнихъ слѣдствіяхъ. Всѣ были обвинены, всѣмъ досталось; одинъ Филька, стоя въ своей неизмѣнной позѣ у притолоки, оставался пока не обвиненъ и улыбался, не потому, чтобы ему было весело смотрѣть на чужую бѣду, причины которой онъ и не разслушалъ, а просто потому, что у него была такая привычка. Въ тѣ времена, когда Ѳедосія Лаврентьевна обладала хорошимъ зрѣніемъ, улыбка эта могла бы ему обойтись дорого, но въ настоящее время и на порядочномъ разстояніи она не была замѣчена. Тѣмъ не менѣе совершенная правота Фильки выводила Ѳедосію Лаврентьевну изъ терпѣнія; старухѣ было досадно, что »глухой тетеревъ« стоитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Надо однако же отдать справедливость и Ѳедосіи Лаврентьевнѣ; она могла бы воспользоваться глухотою Фильки и обвинить его или въ медленности или даже въ нежеланіи исполнить приказъ; но она приказывала ему что нибудь или спрашивала всегда необыкновенно громкимъ голосомъ.

— Филька! поди сюда поближе! прокричала, наконецъ, старуха.

Филька поспѣшилъ подойти, не позабывъ захватить чистую тарелку, и остановился въ приличной позѣ.

— Что тамъ дѣлалось на кухнѣ, что весь обѣдъ перепорченъ?

— Не могу знать, матушка! я, по вашему же приказу, на кухнѣ не бываю.

Старуха нахмурилась, почувствовавъ и справедливость отвѣта, и неловкость вопроса.

— А что дѣлалъ Миронычъ въ буфетѣ?

— Приготовлялъ, сударыня, посуду и все такое прочее къ вашему господскому столу.

— А Терентьевна туда приходила?

— Давеча, какъ вы изволили прислать, а больше не входила.

— Кто же еще былъ?

— Истопникъ былъ.

— Еще?

— Митька приходилъ за завтракомъ для барина.

— Что же дѣлалъ Митька?

— А что дѣлалъ? взялъ завтракъ, понюхалъ табаку съ Миронычемъ и ушелъ.

— Негодяи этакіе! только табакомъ носы набиваютъ, а дѣла другаго не придумаютъ. О чемъ же они говорили!

— Кажись, ни о чемъ не говорили.

— Глухарь проклятый! Ничего не услышитъ, хоть стрѣляй надъ ухомъ. Пошелъ!

Филька равнодушно поворотился, поставилъ тарелку на столъ и занялъ прежнее свое мѣсто.

— Всѣ на одинъ покрой! сказала Ѳедосія Лаврентьевна, обращаясь къ внучкѣ, воръ на ворѣ, мошенникъ на мошенникѣ, одинъ одного покрываютъ. Нѣтъ, Леночка, надо знать, что это за бестіи были смолоду: вотъ въ глазахъ обманывали цѣлый день, развѣ, бывало, уже къ вечеру поймаю какую нибудь каналью. Ну, Филька всегда былъ дуракъ, а Миронычъ и Терентьевна много мнѣ крови испортили. Ты, однако-жъ, сударыня, изволь построже держать Пелагею: я баловства не терплю. Она, кажется, ничего не дѣлаетъ, а плохо вѣдь будетъ, какъ сама начну спрашивать съ нея работу: у меня хоть руки и старыя, а отъ затрещины не поздоровится.

Наконецъ, старуха угомонилась и, по обычаю, ушла спать послѣ обѣда. Леночка вздохнула свободнѣе и отправилась къ себѣ, разсуждая, что нѣтъ ничего прочнаго въ ея положеніи.

Утро началось такъ пріятно, а цѣлый день грозилъ дурнымъ расположеніемъ духа бабушки. Къ вечеру, однако-жъ, когда привезли растенія, и Леночка пошла сказать объ этомъ старухѣ, Ѳедосія Лаврентьевна сдѣлалась гораздо ласковѣе и велѣла перенесть лимонъ въ столовую. Миронычъ распорядился было, изъ боязни, чтобы мужики не выпачкали пола сапогами, перенесть дерево вдвоемъ съ Филькой; но оказалось, что у обоихъ стариковъ не хватало силы, и дворецкій перемѣнилъ распоряженіе. Дерево было поставлено близь дивана, недалеко отъ креселъ Ѳедосіи Лаврентьевны. Опираясь на внучку, старуха осматривала свое пріобрѣтеніе и не могла налюбоваться на большіе лимоны, изъ которыхъ одинъ она предназначила сорвать именно во время вечерняго чаю. Вслѣдствіе этого и самоваръ былъ поданъ получасомъ ранѣе обыкновеннаго. Надо было посмотрѣть на старуху, когда она собственноручно срѣзывала лимонъ: казалось, сухое лицо ея никогда не выражало подобнаго удовольствія.

Она даже съ прислугой разговаривала безъ брани и миролюбиво обходилась со всѣми. За чаемъ Леночка разсказывала, что знала о мѣсторожденіи лимона и о его ростѣ на вольномъ воздухѣ. Послѣ чаю продолжалось чтеніе путешествія къ св. мѣстамъ, и снова вечеръ прошелъ спокойно, какъ будто бы Ѳедосія Лаврентьевна никого въ тотъ день не обидѣла, какъ будто бы она никому не давала чувствовать тягость невыносимаго своего характера.

— Смотри же, Терентьевна! сказала она, уходя, всѣхъ лимоновъ было 11, я одинъ срѣзала, стало быть, теперь 10. Ну, прощай, Лена!

Леночка не имѣла времени размѣстить свои деревья, а велѣла внести ихъ въ залу, располагая на другой день заняться ихъ перестановкой. Когда она вошла къ себѣ, запахъ цвѣтущихъ лимона и апельсина наполнилъ комнату ароматомъ, навѣвая ей и мечты о далекомъ югѣ, котораго она никогда не видала, и воспоминаніе объ оранжереѣ, и надежды на нѣсколько баловъ. Однимъ словомъ, присутствіе цвѣтущихъ деревьевъ измѣняло ея нормальное состояніе. Всю ночь грезились ей самыя отрадныя сновидѣнія.

На другой день, довольно рано, тотчасъ послѣ завтрака, когда она занималась установкой деревьевъ, съ помощью Пелагеи, Петрушки и Сидора Сидорыча, къ ней влетѣла Надежда Михайловна и заключила ее въ свои объятія.

— Душка вы моя, милочка!

Леночка изумилась такому особенному изъявленію дружбы, однако, отвѣчала на ласки.

— Вотъ теперь у васъ просто очарованіе. Но вы не знаете, ангелъ, какъ я вамъ благодарна.

— За что?

— Послѣ, послѣ!

И Надежда Михайловна снова заключила въ объятія изумленную Леночку.

— Такъ будетъ хорошо-съ, Елена Михайловна? спросилъ управляющій.

— Благодарю васъ! Теперь ужъ мы сами окончимъ.

Управляющій ушелъ, а прислугу Леночка тоже отослала.

— Дай-те, ангелочекъ, васъ расцѣловать!

— Да за что же, Надежда Михайловна?

— За то, что вы умница.

— Я рѣшительно ничего не понимаю.

— Вѣдь я знаю, что вы встрѣтили Алекси въ оранжереѣ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ? спросила Леночка, чувствуя, что краска выступила на лицѣ ея.

— Душка! Видите ли, я ничего не знала, куда и зачѣмъ ѣздилъ Алекси, а за обѣдомъ смотрю, онъ какъ-то не въ духѣ. Вотъ, знаете, когда онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ пить кофе послѣ обѣда возлѣ камина, а я и давай приставать къ нему, зачѣмъ онъ такой скучный; онъ увѣрялъ, что нѣтъ, но разсказалъ, что встрѣтилъ васъ нечаянно въ оранжереѣ и удивлялся, за что вы были съ нимъ очень холодны. Я въ душѣ васъ благодарила, я догадалась, что вы припомнили мою просьбу.

Леночка молчала.

— Скажите же, ангелъ, говорилъ ли онъ вамъ любезности!

— Онъ былъ очень любезенъ, отвѣчала Леночка, хотя и не понимая, въ чемъ дѣло, но смутно догадываясь, что Волковцовъ хитрилъ съ Надеждой Михайловной.

— Знаете, что это отобьетъ ему охоту другой разъ приставать къ вамъ. Вы ему понравились.

— Что-то не вѣрится: вы же сами говорили, какъ занимала его Пелажи.

— Ну, это уже прошло; они не видятся. Душечка, ангельчикъ! продолжала Надежда Михайловна, скажите, что онъ вамъ говорилъ!

— Мы говорили о цвѣтахъ, о деревьяхъ.

— Да вѣдь къ цвѣтамъ и деревьямъ можно приплесть,

Богъ знаетъ, что такое! Вы вѣрно ему, душка, сразу показали холодность.

— Скажу вамъ только одно, Надежда Михайловна, что я хоть и молода, однако умѣю вести себя.

— Я и не сомнѣваюсь.

— А знаете ли, что у Хоботовыхъ 8-го или 9-го декабря будетъ вечеръ? сказала Леночка, желая прервать непріятный для нея разговоръ.

— Въ самомъ дѣлѣ! и вы будете?

— Непремѣнно! я люблю танцы.

— У насъ теперь гоститъ двоюродная сестра моего мужа, вчера только пріѣхала. Недурна собой, но къ счастью, близкая родственница. Ахъ, Леночка, я и позабыла! Чудовище мое сказалъ мнѣ, что вы очень любите камеліи. Какой хитрецъ! онъ все, знаете, называетъ васъ моимъ другомъ. Ты бы, говоритъ, послала, Надинъ, своему другу нѣсколько горшковъ камелій: у насъ, говоритъ, ихъ множество. Вотъ я и велѣла, ангелъ, привесть вамъ сегодня три деревца, одно съ бѣлыми цвѣтами, а два съ пунцовыми.

— Какія вы добрыя, Надежда Михайловна!

— Алекси самъ выбиралъ. Онъ-то человѣкъ хорошій и любезный, да одинъ порокъ: больно влюбчивъ и волокита. Я была увѣрена, Леночка, что, послѣ моей просьбы, вы холодно встрѣтите его любезности, и очень, очень вамъ благодарна.

Леночка была въ большомъ смущеніи. Въ душѣ она не могла упрекнуть себя ни за малѣйшую тѣнь холодности къ Волковцову, потому что онъ пріятный собесѣдникъ и не подалъ повода, чтобы холодно съ нимъ обращаться. Что же значила благодарность Надежды Михайловны? изъ чего послѣдняя заключила все то, о чемъ разсказывала? Самыя неопытныя дѣвушки, въ критическія минуты, становятся догадливыми. Леночкѣ мгновенно представилось, что, желая продолжать съ нею знакомство и зная ревность жены, Волковцовъ, можетъ быть, и выдумалъ что нибудь. Присылка любимыхъ ею цвѣтовъ чрезъ жену, окончательно убѣдила ее, что, во избѣжаніе ревности Надежды Михайловны, Волковцовъ не хотѣлъ послать отъ своего имени камелій.

И вотъ Леночка, въ свою очередь, начала описывать Надеждѣ Михайловнѣ свои предположенія насчетъ предстоявшихъ баловъ и заранѣе восхищалась, давъ замѣтить собесѣдницѣ, что на этихъ балахъ будутъ интересные молодые люди.

— Ахъ, да! я вѣдь пріѣхала еще и пригласить васъ сегодня къ намъ чай пить вечеромъ.

— Охотно, только надо спроситься у бабушки.

— У насъ сегодня будетъ и Спетцеръ. Вотъ, ma chère, упускаете жениха! не хотѣли послушать моего совѣта.

— Нимало не горюю объ этомъ.

— Скажите, однако-жъ, отчего онъ вамъ не нравится!

— Я ничего не говорю о немъ, но я не вышла бы за него замужъ.

— И знаете ли? онъ намекалъ мнѣ, что замѣчаетъ ваше нерасположеніе.

— Это дѣлаетъ честь его наблюдательности. Откровенно скажу вамъ, что у меня не лежитъ къ нему сердце.

— Не оттого ли онъ уѣзжаетъ?

— Навѣрно, думаю, не оттого: онъ просто ѣдетъ на зиму въ столицу.

— Онъ и всегда уѣзжалъ осенью, но на этотъ годъ запоздалъ, и я думаю: не вы ли тому причиною?

— Изъ разговоровъ его съ бабушкой я могла замѣтить, что его задержали разсчеты съ какимъ-то подрядчикомъ.

— Да вѣдь онъ уменъ, Леночка, и очень хорошо разсчиталъ, что такая милая женочка, какъ вы, и такое имѣніе, какъ Витаево, не часто встрѣчаются.

— За то я вовсе не думала ни о такомъ мужѣ, ни о его имѣніи. Однако, не угодно-ли вамъ пойти къ бабушкѣ? Она теперь въ восторгѣ: я привезла ей лимонное дерево съ плодами, и старушка восхищается имъ до ребячества.

Ѳедосія Лаврентьевна встрѣтила гостью привѣтливо и тотчасъ же дала согласіе отпустить внучку на вечеръ, даже съ условіемъ: если подымется мятель, чтобы Леночка осталась ночевать въ Милушинѣ. Старуха начала разсказывать гостьѣ почти съ досадой, что внучка совсѣмъ ее испортила.

— Разсказываетъ мнѣ исторіи, читаетъ, а я слушаю, и и въ головѣ какая-то сумятица, говорила Ѳедосія Лаврентьевна.

— Еслибы я дождалась когда нибудь такой внучки, Ѳедосія Лаврентьевна, то я благодарила бы Бога.

— Ну, не говорите этого! молода больно! не умѣетъ ни хозяйничать, ни разсчитывать и слаба, какъ мокрая курица. Вѣдь блѣднѣетъ, матушка, если я дамъ кому при ней по мордѣ. Скажу вамъ, что изъ нея никогда не выйдетъ хорошей помѣщицы.

Надежда Михайловна не сочла нужнымъ продолжать разговоръ, посидѣла съ полчаса и уѣхала, употребивъ всѣ возможныя усилія отказаться отъ обѣда.

— Ну вотъ, Лена, говорила Ѳедосія Лаврентьевна, когда онѣ усѣлись за обѣдъ вдвоемъ, я рада, что тебя полюбили сосѣди: это дѣвушкѣ дѣлаетъ честь. Только смотри, матушка, не зазнавайся! Будь со старшими почтительна. Нехорошо, однако-жъ, что ты обходишься съ Надеждой Михайловной за панибрата: она, всетаки, замужняя. Охъ, охъ! въ наше время дѣвушки были тише воды, ниже травы, а теперь все иначе.

Леночка, молча, наливала отцу супъ.

— Что это она разсказывала? продолжала старуха: никакъ Спетцеръ уѣзжаетъ въ Питеръ?

— Да, бабушка! Говорятъ, онъ ѣздитъ каждую зиму.

— Такъ, такъ! А почему онъ у насъ давно не былъ?

— Не знаю, бабушка!

— Что-жъ? хозяйничаетъ, сердечный! Иначе и нельзя: я знаю по себѣ. Молодъ парень, а толковитъ! Я люблю такихъ: за малѣйшую неисправность меньше пятидесяти не даетъ. Жаль, что онъ нехристь.

— А у Хоботовыхъ, бабушка, скоро будетъ вечеръ.

— Кажись, онѣ обѣ именинницы лѣтомъ.

— Нѣтъ, это просто танцовальный вечеръ.

— Ну ужъ, правду сказать, больно расходились. Къ чему имъ эти вечера?

— Пелажи просила.

— Ну, ужъ твоя Положи! Вотъ я бы ее положила!, Что-жъ это? жениховъ приманивать, что ли? Вотъ посмотришь-коли не пріѣдетъ ко мнѣ просить рублей пятьдесятъ! Хозяйство идетъ черезъ пятое въ десятое, а туда же за другими въ Москву! вечеръ! Небось назоветъ кучу гостей!

— Говоритъ, что немного.

— Еще бы! Ужъ и такъ имѣньице виситъ на волоскѣ, иной разъ нечѣмъ процентовъ въ банкъ платить, а дочку рядитъ, словно княгиню. Что-жъ? съ Спенцеромъ-то у нихъ вѣрно разошлось?

— Я не знаю, бабушка, и было ли что нибудь.

— Такъ, такъ! Нѣмецъ-отъ не промахъ: видитъ птицу по полету. Вотъ учись и ты у этой Положи! Ну, а много ли ты уже издержала денегъ? Только считай, мать моя, людскими рублями, а не цѣлковыми.

— Нѣтъ, еще немного, я выписала себѣ кое-чего на двѣсти рублей ассигнаціями.

— На двѣсти рублей! И это немного?..

— Но вѣдь за то у меня и будетъ всего надолго.

— Да ты записываешь ли?

— До копѣйки.

— И всегда записывай; грошъ подашь нищему, и тотъ запиши: и грошъ — деньги.

Заговоривъ о любимомъ предметѣ, старуха не замѣтила, что соусъ былъ холоденъ. Леночка старалась поддержать разговоръ.

— Я въ точности слѣдую вашимъ совѣтамъ, бабушка, а вѣдь прежде я ничего не знала, потому что у меня въ рукахъ никогда не было денегъ.

— Ну, такъ кто же будетъ у Хоботовыхъ-то?

— Я, право, не знаю; Пелажи говорила, что какіе-то Сивцовы.

— А! изъ Переварокъ! Мы когда-то были знакомы съ Сивцовыми: это мелкота, чай, дворовъ сорокъ на всѣхъ.

— Вы не знаете, бабушка, какая это сестра у Хоботовой?

— Должно быть Кавыкина; знаю, знаю. Женщина хорошая, не Марьѣ Григорьевнѣ чета: эта барыня, что называется, всѣмъ взяла.

— У нея, говорятъ, три дочери.

— А прахъ ихъ вѣдаетъ! чай годковъ двадцать, какъ я ее не видала! Вотъ, Лена, бой баба! Мужъ у нея не только что плясалъ по ея дудкѣ, а бывало, коли она строго посмотритъ на него, такъ сердечный не усидитъ на мѣстѣ. Въ гостяхъ же любо было взглянуть на такую пару. Знаешь, Кавыкина росту съ меня, полная такая, а онъ тоже мужикъ дюжій и оба румяные, что твое наливное яблоко. Они при чужихъ всегда говорили другъ другу *вы*, а дома она ему частенько давала гонку. Ей бы родиться мужчиной!

— Кажется, будетъ предводитель.

— Ну, ужъ врядъ ли! Это, знаешь, фигурный такой; душъ какихъ нибудь много-много четыреста, а о себѣ воображаетъ, словно у него ихъ тысяча: карета не карета, поваръ не поваръ. Все, знаешь, по петербургски. Поѣдетъ онъ къ Хоботовой! Да онъ самъ на Николу именинникъ.

— Отъ него-то Марья Григорьевна и хочетъ просить гостей.

— На перепутье-то! А уже давненько она сидитъ, под-

жавши хвостъ. Да не продала ли она ржи или овса? Не говорила?

— Нѣтъ.

— Ну, посмотришь, коли не пріѣдетъ просить денегъ! Надо правду сказать, что она всегда отдаетъ, только водитъ долгонько, да и отдаетъ по мелочи, а я этого не люблю. У меня такой порядокъ, еще по наставленію покойницы матушки: взяла двадцать пять рублей бумажками, такъ и отдай такъ же; цѣлковыми, такъ и привези цѣлковыми да въ срокъ.

Обѣдъ кончился на этотъ разъ благополучно, и Леночка получила разрѣшеніе ѣхать къ Волковцовымъ, если хочетъ, хоть въ ту же минуту.

XVI.

Медленно подъѣзжалъ къ Милушину тяжелый возокъ Дымковыхъ, но Леночка чувствовала себя какъ-то странно, когда завидѣла домъ Волковцовыхъ. Вечерѣло. Морозъ крѣпчалъ, и стаи зимнихъ птичекъ порхали по дорогѣ.

Еще первый разъ въ жизни Леночкѣ предстояло хитрить и находиться въ положеніи немного щекотливомъ. Нужда ускоряетъ и изощряетъ догадливость. Леночка поняла, что Волковцовъ, во избѣжаніе ревнивыхъ нападеній жены, разсказалъ по своему встрѣчу въ оранжереѣ, и молодой дѣвушкѣ не казалось предосудительнымъ не выводить Надежды Михайловны изъ этого заблужденія. Во первыхъ, положа руку на сердце, она не имѣла намѣренія кокетничать съ Волковцовымъ; во вторыхъ ей было бы очень грустно, изъ пустаго каприза вздорной женщины, лишиться пріятнаго знакомства съ образованнымъ сосѣдомъ. Значитъ, ей надо было сочинить и обдумать себѣ роль въ отношеніи Волковцова и, не отталкивая послѣдняго обидной холодностью, въ то же время не пугать и довѣренности ревнивой Надежды Михайловны. Ей казалось, что Волковцовъ, въ свою очередь, пойметъ ея поведеніе. Она чувствовала къ сосѣду тихое, истинно дружеское расположеніе за его благородный образъ мыслей, услужливость, сочувствіе къ ея положенію. Она еще не знала его хорошо, слыша о немъ различныя и противорѣчащія мнѣнія, но угадывала, что подъ этимъ изысканнымъ костюмомъ билось теплое сердце, осужденное на медленныя безъисходныя страданія. Что онъ былъ хорошо образованъ, это замѣтила бы дѣвушка и менѣе развитая, чѣмъ Леночка; что онъ былъ добръ и благороденъ,

это доказывала общая и неподдѣльная любовь къ нему всей его деревни. И Леночку радовала мысль, что этотъ человѣкъ принялъ въ ней участіе, а, судя по книгамъ, которыя давалъ онъ ей, и старался о дальнѣйшемъ ея образованіи. Она какъ-то разомъ разувѣрилась, что онъ не могъ сказать женѣ о недостаткѣ у ней вкуса, а если и сказалъ что-нибудь въ этомъ родѣ, то не безъ затаенной мысли.

Такъ изъяснила себѣ Леночка отношенія свои къ Волковцову и рѣшилась быть болѣе любезной съ Спетцеромъ, какъ потому, что молодой человѣкъ уѣзжалъ надолго, такъ и потому, чтобы угодить Надеждѣ Михайловнѣ.

Въ такомъ расположеніи духа подъѣхала она къ крыльцу и уже въ передней была встрѣчена Надеждой Михайловной, которая заключила ее въ объятія и, взявъ подъ руку, ввела въ гостиную.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Волковцовъ представилъ ей свою двоюродную сестру, Александру Павловну, дѣвушку не первой молодости, но очень хорошенькую собой. Новыя знакомыя обмѣнялись извѣстными фразами.

Леночка была мила и разговорчива. Вскорѣ возлѣ камина составился кружокъ и завязался общій разговоръ, въ которомъ всѣ, за исключеніемъ Надежды Михайловны, выказывали и остроуміе, и наблюдательность. Двоюродная сестра Волковцова недавно возвратилась изъ-за границы, и хотя она принадлежала къ числу благоразумныхъ особъ, не надоѣдающихъ разсказами о совершенномъ путешествіи, однако, если обращались къ ней съ вопросами, разсказывала очень мило многіе эпизоды изъ заграничной жизни.

Такъ провели они время часовъ до шести, и только что Леночка сѣла за фортепьяно, какъ въ гостиную явился Спетцеръ. Волковцовъ пошелъ ему на встрѣчу, представилъ его двоюродной сестрѣ, и молодой человѣкъ помѣстился возлѣ фортепьяно.

Когда Леночка окончила пьесу, ее попросили сыграть что нибудь въ четыре руки съ Спетцеромъ, и согласная, отчетливая игра молодыхъ артистовъ доставила всѣмъ большое удовольствіе.

Взявъ подъ руку двоюродную сестру, Волковцовъ началъ ходить съ ней по гостиной. Нѣсколько разъ прошли они отъ одного угла до другаго, разговаривая вполголоса, но прельстившись однимъ патетическимъ мѣстомъ, остановились такъ, что имъ были видны играющіе.

— Какая прекрасная дѣвушка! сказала Александра Павловна.

— И какая умненькая! прибавилъ Волковцовъ, жаль только, что она попалась въ руки скупѣйшей и нелѣпѣйшей старухи.

— Посмотри, какъ лицо у ней правильно и выразительно!

— Но ты взгляни, что это за фигура! всмотрись въ эти очертанія! И замѣчаешь ли ты, сколько вкуса въ каждой складкѣ платья этой дѣвушки? Надо тебѣ знать, что бабка ея недавно только рѣшилась давать ей денегъ на туалетъ, и бѣдняжка еще не успѣла ничего сдѣлать порядочнаго, а между тѣмъ одѣта къ лицу и съ умѣньемъ.

— Она, говорятъ, очень богата.

— Тысяча незаложенныхъ душъ и въ банкѣ сумма порядочная.

— Но, какъ хочешь, а мнѣ не нравится сухая и безжизненная фигура нашего сосѣда. Онъ очень недуренъ собою, долженъ быть не глупъ и вмѣстѣ съ этимъ, съ перваго же раза отталкиваетъ; въ немъ что-то ледовитое.

— Это представитель такъ называемыхъ здѣсь практическихъ людей, но практическихъ въ тѣсномъ смыслѣ сельскаго хозяина. Онъ съ безстрастіемъ машины извлекаетъ доходы изъ имѣнія и на крестьянина смотритъ, какъ на машину; аккуратенъ до мелочей. Впрочемъ, Спетцеръ хорошо образованъ и, какъ сосѣдъ, человѣкъ порядочный. У меня, однако же, не лежитъ къ нему сердце; я не люблю подобныхъ натуръ.

— А что? онъ не заинтересованъ сосѣдкой?

— Не знаю, но ручаюсь, что готовъ хоть сейчасъ сдѣлать предложеніе.

— А она?

— Ничего не умѣю сказать: кажется, что онъ не въ ея вкусѣ, однако, за вѣрность этого моего предположенія не ручаюсь.

— Онъ, однако же, что-то ей шепчетъ.

— Какую нибудь любезность, но можно быть увѣреннымъ, что не пошлую.

Надежду Михайловну очень радовала бесѣда артистовъ во время игры; она съ удовольствіемъ видѣла, что Леночка отвѣчала, краснѣя; но, обративъ вниманіе на мужа и Александру Павловну, она не вытерпѣла, чтобы не подойти къ послѣдней.

— Не правда ли — прекрасная парочка? сказала она, показывая глазами къ фортепьяно.

— Да, они играютъ очень согласно и оба, какъ видно, хорошо понимаютъ музыку.

— И вѣдь близкіе сосѣди: имъ можно было бы цѣлую жизнь играть въ четыре руки, сказала Надежда Михайловна, добродушно смѣясь и взявъ Александру Павловну за талію.

— Но сосѣдъ вашъ уѣзжаетъ въ Петербургъ на зиму.

— Это съ его стороны большой промахъ. Знаешь ли, Алекси, что пришло мнѣ въ голову? прибавила она, обращаясь къ мужу.

— Что нибудь въ родѣ супружества Спетцера съ Дымковой.

— Пока не то! Мнѣ Леночка говорила, что она очень любитъ танцы. Сегодня можно было бы доставить большое удовольствіе бѣдняжкѣ: насъ теперь четыре пары и кадриль легко составится.

— Мнѣ этого и въ голову не приходило. А въ самомъ дѣлѣ, хочешь, Александринъ, потанцовать съ нами немного?

— Почему же нѣтъ? кстати я услышу твой оркестръ.

— Дамъ будетъ четыре, разумѣется, считая и Катю, а Спетцеръ, я, гувернеръ и управляющій, постараемся, чтобы дамы не скучали.

— И знаешь ли, Алекси? распорядись втихомолку, чтобы сдѣлать сюрпризъ Леночкѣ, сказала Надежда Михайловна.

— Я такъ и думалъ, отвѣчалъ Волковцовъ и вышелъ отдать кое-какія приказанія.

— Я увѣрена, говорила Волковцова, что молодые люди разговорятся въ танцахъ.

— Да, подъ музыку, обыкновенно, сердце какъ-то способнѣе къ нѣжности, и человѣкъ становится откровеннѣе.

— Повѣрьте, кузина, что отъ Леночки зависитъ удержать Спетцера отъ поѣздки въ Петербургъ.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но интересуетъ ли ее молодой человѣкъ?

— Хотя она и говоритъ, что нѣтъ, однако это еще не доказательство.

Молодые люди окончили пьесу, и хозяйка дома поспѣшила благодарить ихъ, осыпая похвалами.

— Елена Михайловна такъ прекрасно играетъ, говорилъ Спетцеръ, отодвигая табуретъ, что я, увлекаясь удовольствіемъ, пропускалъ нѣкоторые пассажи.

— Мы вамъ охотно извиняемъ это, сказалъ подходя Волковцевъ. потому что, кто же, на вашемъ мѣстѣ, смотрѣлъ бы только въ ноты.

— А я, любя музыку и постоянно слѣдя за пьесой, не замѣтила, чтобы г. Спетцеръ сдѣлалъ хотя малѣйшую ошибку даже въ нажиманіи педалей, сказала Леночка.

Александра Павловна засмѣялась.

— Г. Спетцеръ, какъ свѣтскій человѣкъ, не могъ не сказать мнѣ чего нибудь любезнаго; но я должна отдать справедливость его игрѣ, подолжала Леночка.

— Не смѣю съ вами спорить, но повторю, что вы прекрасно знаете музыку.

— По крайней мѣрѣ, очень люблю ее.

— И какъ рѣдко въ деревняхъ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, встрѣчается возможность играть въ четыре руки! говорила Александра Павловна.

— У насъ есть еще близкая сосѣдка, большая любительница музыки, которая прекрасно играетъ, сказала Леночка.

— Если вы говорите о Пелажи, вмѣшалась Надежда Михайловна, то она играетъ хорошо только выученное.

— Я почти согласенъ съ вами, отозвался Спетцеръ.

— А я нисколько несогласенъ, сказалъ Волковцовъ, m-lle Пелажи имѣетъ большія способности, но только пренебрегаетъ ими.

— Ты всегдашній ея защитникъ, замѣтила Надежда Михайловна.

— Однако, я полагаю, намъ будетъ удобнѣе разговаривать сидя.

И всѣ усѣлись въ кружокъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошла Катя съ гувернанткой и почти вслѣдъ за ними явились сыновья Волковцова, красивые мальчики, съ молодымъ гувернеромъ, и управляющій. Послѣдній былъ очень пристойный человѣкъ, котораго, какъ поговаривали сосѣди, Волковцовъ держалъ не за познанія въ хозяйствѣ, но за страсть къ подражанію модѣ.

Въ гостиной сдѣлалось шумно.

Леночка развеселилась и была разговорчива, даже немного кокетничала съ Спетцеромъ, который что-то не отходилъ отъ нея ни на шагъ. Видя это, Надежда Михайловна просто пришла въ восторгъ и шептала Александрѣ Павловнѣ, что, можетъ быть, дѣло уладится. Кажется, однако же, что сѣла она поближе къ кузинѣ собственно не изъ желанія сообщить ей свои наблюденія, а болѣе потому, что съ другой стороны сидѣлъ Волковцовъ.

Вдругъ въ залѣ раздались звуки одного изъ тѣхъ валь-

совъ, отъ которыхъ танцующія ноги не въ состояніи оставаться въ спокойномъ положеніи, а какъ-то невольно начинаютъ бить тактъ и вообще обнаруживаютъ нетерпѣніе.

На Леночку звуки эти подѣйствовали особенно: она посмотрѣла вокругъ съ изумленіемъ, но потомъ опомнилась и потихоньку, маленькой ножкой, начала бить тактъ, продолжая разговаривать.

— У насъ часто бываютъ домашніе танцы для дѣтей, сказала Надежда Михайловна Леночкѣ: и мы тоже, для составленія паръ, учавствуемъ.

— Викентій Христіановичъ! приглашайте даму и станемте vis-à-vis, сказалъ Волковцовъ.

Разумѣется, Спетцеръ пригласилъ Леночку и получилъ ея согласіе. Волковцовъ ангажировалъ кузину, Надежда Михайловна сама взяла управляющаго, а Катя ожидала неизмѣннаго своего кавалера, брата, но мать ей велѣла танцовать съ гувернеромъ.

— Только прежде надо провальсировать, сказалъ Волковцовъ.

И всѣ вышли въ залу. Домашніе незатѣйливые танцы были довольно продолжительны. Въ кадриляхъ пары мѣнялись, но Леночкѣ два раза пришлось танцовать со Спетцеромъ, который довольно ясно говорилъ ей, что ему нужно ѣхать въ Петербургъ, но что онъ, полюбивъ свою деревню, съ грустью разстается съ тихой домашней жизнью и поспѣшитъ возвратиться. Леночка, подъ звуки музыки, была какъ-то понятливѣе, но отдѣлывалась общими мѣстами отъ этого намека и танцовала съ удовольствіемъ. На послѣднюю кадриль пригласилъ ее Волковцовъ. Леночка вдругъ почувствовала, что ей было немножко неловко.

— Я очень радъ, Елена Михайловна, что вижу васъ въ хорошемъ расположеніи духа, сказалъ Волковцовъ послѣ первой фигуры: болѣе всего радуетъ меня то, что семейная шалость произвела эту счастливую перемѣну.

— Я увѣрена, что вы не считаете меня пустой дѣвушкой, которая готова все промѣнять на танцы; но, право, я такъ давно не слышала бальной музыки, что танцую съ удовольствіемъ.

— Я удивился бы, еслибы видѣлъ васъ серьезною: тогда я могъ бы подозрѣвать маленькое притворство съ вашей стороны.

— А вы думаете, я не умѣю притворяться?

— Иногда это необходимо.

— Для защиты, но не для нападенія, возразила Леночка и посмотрѣла на Спетцера.

— Я немножко не понялъ истиннаго смысла вашего замѣчанія.

— Теперь некогда: надо дѣлать фигуру.

— Я думаю, что фраза моя не требуетъ поясненія, продолжала Леночка, возвратясь на мѣсто.

— Если вы сказали ее безъ цѣли.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что иные молодые люди умѣютъ прикидываться.

— Зачѣмъ же искать притворства тамъ, гдѣ, можетъ быть, говоритъ сердце?

— А если у кого оно никогда не говоритъ, потому что его нѣтъ?

— Мнѣ кажется, я угадываю, въ чей садъ летятъ камни.

— Алекси! ты пропускаешь фигуры! сказала Надежда Михайловна.

Леночка спѣшила исправить ошибку, но какъ-то смѣшалась немного, встрѣтивъ пристальный, испытующій взоръ Надежды Михайловны.

— Вы догадываетесь? спросила она, не смотря на своего кавалера.

— Полагаю, что вы не ошибаетесь, отвѣчалъ Волковцовъ, находя, что портьера немного крѣпко подтянута, и поправляя ее.

— Я почти увѣрена, что этому господину несродно никакое нѣжное чувство.

— Но о каждомъ изъ нихъ онъ будетъ говорить въ приличномъ тонѣ. Однако, Елена Михайловна, я удивляюсь, какъ вы можете въ ваши годы подмѣчать характеры.

— Я и не беру этого на себя: иной разъ мнѣ словно подсказываетъ сердце, а въ другой разъ видишь или слышишь...

— Видѣть вы не могли ничего, а на слухи у насъ полагаться не всегда благоразумно.

— Когда нибудь я разскажу вамъ, а теперь начнемте фигуру.

— Ахъ, да! продолжала Леночка, возвратясь на мѣсто — я и позабыла поблагодарить васъ.

— За что?

— За камеліи.

— Это жена...

— И вы не прочь прикидываться! Нѣтъ, не дѣлайте этого со мною. Почему знала бы Надежда Михайловна, что я люблю камеліи? наконецъ, она проговорилась, что это вы ей посовѣтовали.

— Знаете, Елена Михайловна, когда, съ вашей способностью подмѣчать характеры, вы разглядите всѣхъ насъ хорошенько, и когда сердце подскажетъ вамъ тѣхъ, кто искренно любитъ васъ, тогда и я охотно сообщу вамъ свои наблюденія, сказалъ Волковцовъ, оканчивая кадриль.

Тотчасъ же онъ подвелъ Леночку къ Надеждѣ Михайловнѣ.

— Въ продолженіе кадрили я слушалъ похвалы тебѣ, Надинъ, и благодарность за камеліи, сказалъ онъ, — но ты должна отдать и мнѣ маленькую справедливость, потому что я подалъ тебѣ мысль о цвѣтахъ.

— Ужъ, пожалуйста, ты не мѣшайся! я уже отвезла три, а остальныя завтра сама выберу.

— А мнѣ казалось бы лучше представить выборъ Еленѣ Михайловнѣ.

— О, нѣтъ! я полагаюсь на вкусъ Надежды Михайловны! сказала Леночка.

— Видишь, говорила мужу торжествующая Волковцова, —не всѣ имѣютъ о моемъ вкусѣ невыгодныя понятія.

Волковцовъ улыбнулся и подошелъ къ кузинѣ.

Надежда Михайловна взяла подъ руку Леночку и начала ходить съ ней по залѣ.

— Ну, что? спросила она, вамъ у насъ нескучно?

— Напротивъ, весело. Я вамъ очень благодарна.

— Однако, ma chère, вы хитрыя.

— Почему вы такъ думаете?

— Вижу, вижу, какъ вы умѣете кружить головы. Сосѣдъ-то, кажется, не скоро уѣдетъ.

— И, будьте покойны насчетъ вашего сосѣда — онъ человѣкъ благоразумный.

— Поэтому-то я и думаю...

— Не предполагайте ничего серьезнаго — у этихъ свѣтскихъ людей нескоро подмѣтишь настоящее намѣреніе. Что до меня, то я не порохъ...

— Э, ma chère, и я была когда-то дѣвушкой... При этомъ Надежда Михайловна скорчила грустную физіономію.

— А весело было въ дѣвушкахъ, продолжала она, всѣ за мной ухаживали, ждали моего привѣтливаго взгляда. Вѣ-

рите ли, что Алекси ревновалъ меня къ каждому знакомому? Но это прошло...

— Первый разъ вижу я Елену Михайловну въ настоящемъ расположеніи духа, сказалъ, подходя Спетцеръ.

— А вотъ мы ее развеселимъ, сказала Надежда Михайловна, отнимая руку отъ таліи Леночки и какъ бы безъ намѣренія оставляя молодыхъ людей вмѣстѣ.

— Вы отъ души веселитесь, Елена Михайловна? говорилъ Спетцеръ, идя по залѣ возлѣ Леночки.

— Я всегда безъ маски.

— Пока нѣтъ надобности.

— По крайней мѣрѣ, я не желала бы этой надобности.

— Значитъ, вы всегда откровенны?

— За это поручусь.

— Жаль, что я скоро уѣду и не буду имѣть возможности повѣрить на опытѣ.

— За то въ Петербургѣ будете имѣть другія занятія немного веселѣе.

— Столичная жизнь мнѣ слишкомъ хорошо знакома.

— У насъ тоже затѣваются веселости: у Хоботовыхъ 9-го декабря балъ, въ Рождество гдѣ-то по сосѣдству, а подъ новый годъ у Кавыкиныхъ.

— Вы, вѣроятно, будете выѣзжать съ Хоботовыми?

— Да.

— Не поздравляю же я m-lle Пелажи: до сихъ поръ она вездѣ играла первую роль.

— Довольно ловкій комплиментъ, m-r Спетцеръ!

— Я тоже откровененъ, Елена Михайловна! Впрочемъ, вы и сами очень хорошо знаете, что я говорю правду, но не соглашаетесь, конечно, изъ скромности.

— Безъ сомнѣнія, у каждаго есть свое самолюбіе, но я не вижу, почему бы Пелажи должно было перемѣнить свою роль. Если вы хотите сказать, что я лучше ея, такъ это будетъ неправда; насчетъ воспитанія — и того больше, а если только потому, что я богаче ея, такъ эта похвала немножко грустная, сказала Леночка и, ловкимъ движеніемъ направивъ шаги наискось, подошла къ Катѣ и завела съ нею разговоръ.

Спетцеръ спокойно продолжалъ ходить по залѣ. Къ нему, однако-же, вскорѣ примкнула Надежда Михайловна.

— Вы, сосѣдъ, что-то необыкновенно задумчивы.

— Вы очень ошибаетесь, потому что мы только что разговаривали съ Еленой Михайловной.

— Немудрено задуматься послѣ подобнаго разговора. Да ужъ перестаньте скрытничать со мною! вѣдь Леночка вамъ нравится?

— Я уже давно вамъ это сказалъ, да и кому она не нравится! Несмотря на иныя манеры ея—недостатокъ извинительный въ провинціальной дѣвицѣ — она имѣетъ много такта и умна, а это главное.

— И тысяча душъ! прибавила тихо Надежда Михайловна.

— Незаложенныхъ, прибавилъ съ улыбкою Спетцеръ. Нѣтъ, Надежда Михайловна! кромѣ шутокъ, ваша Леночка премилая дѣвица. Одно въ ней худо...

— Что же?

— Черезчуръ восторженна. Знаете ли, что это часто губитъ дѣвушекъ, т. е. даетъ имъ ложное направленіе въ жизни, и особа, изъ которой могла бы выйти хорошая жена и прекрасная мать семейства, дѣлается иногда приторной!

На этотъ разъ Спетцеръ былъ очень неосторожен и живо очертилъ портретъ самой Надежды Михайловны; но послѣдняя нисколько не приняла на свой счетъ этого очерка.

— Умный мужъ въ состояніи все исправить, сказала она, закатывая глаза подъ лобъ.

— Да, если возьмется во время.

— Однако, сосѣдъ, вы, кажется, сегодняшній вечеръ не теряли времени.

— Скрываться предъ вами не стану, да и глупо было бы въ моемъ положеніи упускать столь интересную сосѣдку. Вопросъ только въ томъ, какъ она принимаетъ мои намеки.

— Она вѣдь почти цѣлый вечеръ съ вами разговаривала.

— Этого мало! Отчего же ей со мной и не разговаривать? Но я нѣсколько разъ начиналъ съ ней издалека, и она всегда перемѣняла разговоръ.

— Какая же дѣвушка сразу покажетъ свои чувства?

— И это истина. А все-таки она со мной холодна постоянно.

— Вольно же вамъ ѣхать.

— Къ чему же оставаться? Знай я навѣрно, что она будетъ отвѣчать мнѣ, — я провелъ бы зиму здѣсь; но ухаживать безъ цѣли — слуга покорный. Притомъ же, знаете ли? мнѣ кажется, что эта нелѣпая бабушка придетъ въ неистовство, что за внучкой ухаживаетъ нѣмецъ.

— Вотъ это уже напрасно! старушка мнѣ нѣсколько разъ васъ хвалила.

— А вѣдь изъ Витаева можно получить доходу тысячъ тридцать серебромъ.

— Да вы получите и сорокъ. Охъ, бѣда эти влюбленные люди! Да вы на дняхъ съѣздили бы въ Витаево.

— Кажется, что я послѣдую вашему совѣту.

Скоро составился общій разговоръ, а Леночка, отказавшись отъ ужина, уѣхала домой.

Дорогой ей представлялись то Спетцеръ съ довольно ясными намеками, то печальная жизнь Волковцова, котораго въ этотъ вечеръ она разгадала болѣе, чѣмъ когда нибудь.

XVII.

Возвратясь отъ Волковцовыхъ, Спетцеръ, не смотря на строгій порядокъ въ своей домашней жизни, никакъ не могъ уснуть раньше трехъ часовъ, чего не случалось съ нимъ ни разу по выходѣ изъ университета. Прочелъ онъ всѣ газеты, прочелъ лишнюю главу какой-то хозяйственной книги, и наконецъ, потушилъ свѣчу, стараясь уснуть; но все было напрасно. Ему представлялись то витаевскія земли, дурно воздѣланныя, на которыхъ можно было бы удвоить урожай, то ножка Леночки, обутая въ крошечную ботинку; то грезились ему витаевскіе луга, всегда гадко выкошенные, то бюстъ Леночки съ необыкновенно привлекательными очертаніями. Онъ безпрестанно видѣлъ предъ собою и богатую вотчину, въ которой мужики, заплативъ управляющему, избавлялись отъ барщины, и живые глазки наслѣдницы тысячи душъ, и скрягу-бабушку, и винокуренный заводъ, и милую улыбку Леночки. Однимъ словомъ, въ головѣ молодаго агронома перепутались всѣ его задушевныя мысли, и въ этомъ сцѣпленіи противились обаянью сна, который едва къ тремъ часамъ одолѣлъ эту незваную толпу. Самыя сновидѣнія его были прерывисты и нелѣпы въ высшей степени; къ утру ему даже пригрезилось, что, изъ угожденія Леночкѣ, онъ уволилъ крестьянъ на цѣлую недѣлю отъ барщины. Безпорядочность и краткость сна не помѣшали, однако-же, Спетцеру проснуться ровно въ семь часовъ, а въ семь съ половиной быть одѣтымъ и пить свой утренній кофе.

День едва начинался. Спетцеръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и просматривалъ какіе-то списки, медленно куря сигару и бережно отряхивая золу въ серебряную пепельницу. Не только на письменномъ столѣ его все лежало и стояло въ

своемъ строгомъ порядкѣ, но во всемъ кабинетѣ глазъ не встрѣчалъ ни малѣйшаго отступленія отъ симметріи и той прямолинейной правильности, которая безспорно принадлежитъ нѣмцамъ вообще и нѣкоторымъ православнымъ русскимъ натурамъ въ частности.

Вошелъ управляющій, чрезвычайно длинный нѣмецъ, въ чрезвычайно короткомъ пальто, походившемъ скорѣе на куртку, и, кашлянувъ громко, привлекъ вниманіе помѣщика. Спетцеръ машинально взглянулъ на столовые часы и, увидѣвъ, что еще осталось болѣе 15 минутъ до назначеннаго времени, въ которое обыкновенно являлся управляющій, вопросительно посмотрѣлъ на Фридриха Фридриховича.

Лишнимъ будетъ напоминать читателямъ, что Спетцеръ говорилъ съ управляющимъ по нѣмецки.

— Извините, что я пришелъ раньше обыкновеннаго.

— Что случилось?

— Кажется, я напалъ на слѣды воровства, по которымъ надо тотчасъ же сдѣлать распоряженіе.

— А!

И Спетцеръ положилъ бумагу на столъ.

— Это насчетъ пропажи экономической пеньки? спросилъ онъ.

— Точно такъ!

— Какіе же слѣды?

— Вчера одна женщина приходила въ кабакъ мѣнять билетъ въ три рубля. Извѣстно, что мужъ ея пьяница, и у нихъ не могло быть этой суммы.

— Ну?

— Десятскій узналъ, доложилъ прикащику, а этотъ донесъ мнѣ.

— Что же вы узнали?

— Я потребовалъ женщину и спросилъ, гдѣ она взяла деньги? Говоритъ, отецъ далъ. Она взята изъ Витаева.

— Изъ Витаева?

— Да, этакая еще грубіянка!

— Ну?

— Я тотчасъ послалъ провѣдать, и отецъ ея сказалъ, что не давалъ ей денегъ. А какъ мужъ ея — пріятель мужику, котораго мы подозрѣваемъ въ покражѣ, то, кажется, ясно...

— Но вы не допросили, гдѣ она взяла деньги?

— Не признается.

— Гдѣ же она?

— Въ конторѣ.

— Хорошо! Въ девять часовъ я прійду самъ. Надо искоренить воровство. Больше ничего новаго?

— Ничего.

— Ступайте заниматься своимъ дѣломъ.

Спетцеръ снова принялся за разсчеты, однако на этотъ разъ цифры какъ то прыгали у него въ глазахъ. Окрытіе воровства непріятно на него подѣйствовало; но болѣе непріятно было то, что здѣсь замѣшана женщина, взятая изъ Витаева. Почему-то вдругъ пришли ему на память и разговоръ съ Леночкой въ саду о крестьянахъ, и ея убѣжденія. Витаевская крестьянка вѣроятно ходитъ къ роднымъ, которые могутъ многое пересказать и даже выдумать... Все это лѣзло ему въ голову, въ которой не съ обычной легкостью укладывались суммы цифръ, чего, сколько онъ могъ припомнить, съ нимъ не случалось прежде. И вотъ ему захотѣлось прикинуться передъ Леночкой сердобольнымъ и какимъ нибудь поступкомъ заслужить уваженіе этой дѣвушки, мечтательной и совершенно непрактической. Спетцеру казался случай съ крестьянкой самымъ удобнымъ. Но какъ же опять обнаружить непростительную слабость, если въ самомъ дѣлѣ здѣсь замѣшано воровство? Спетцеръ задумался, бросилъ счеты и началъ припоминать вчерашній вечеръ. Въ немъ слегка обнаруживалось нетерпѣніе — обстоятельство, которое не должно быть допускаемо въ нѣмецкомъ характерѣ. Онъ давно ушелъ бы въ контору, но передъ нимъ стояли часы, и минутная стрѣлка показывала только сорокъ минутъ девятаго. Неаккуратности Спетцеръ не допускалъ ни въ какомъ случаѣ. Онъ всталъ изъ за стола, подошелъ къ конторкѣ и медленно началъ разрѣзывать новый нумеръ земледѣльческаго журнала.

Ровно въ пятьдесятъ восемь минутъ девятаго онъ вошелъ въ переднюю, надѣлъ пальто и отправился въ контору. Всѣ необходимыя должностныя лица занимались исполненіемъ своихъ обязанностей. Въ передней стояла, пригорюнясь, знакомая намъ Меланья.

Покосившись немного на конторщика за пыль, найденную на бронзовомъ чернильномъ приборѣ, и указавъ эту погрѣшность, Спетцеръ занялъ свое обычное мѣсто.

— Позвать бабу! сказалъ онъ.

Малаша робко вошла въ комнату и упала на колѣни.

— Батюшка! кормилецъ!

— Встань! сказалъ тихимъ голосомъ Спетцеръ, я уже

твердилъ вамъ, что на колѣни ни передъ кѣмъ становиться не слѣдуетъ. Ты витаевская?

— Витаевская, баринъ! отвѣчала Меланья, привставъ съ полу и подходя на шагъ ближе къ столу.

— Зачѣмъ ты не признаешься, гдѣ взяла деньги?

— Не смѣла, кормилецъ!

— Не смѣла? значитъ, деньги достались нечестнымъ образомъ?

Меланья перекрестилась.

— Вотъ-те Богъ, кормилецъ, ни въ чемъ не виновата.

— Гдѣ же ты взяла деньги?

Меланья молчала.

— Украла!

— Кто? я? отвѣчала съ нѣкоторою гордостью крестьянка, да развѣ я забыла Бога! Нѣтъ, батюшка-баринъ, я честнаго роду, да у насъ въ Витаевѣ, почитай, и не слышно про воровство.

— Это все сказки. Я тебя еще разъ спрашиваю, гдѣ ты взяла деньги? Не скажешь добромъ, найдемъ средство узнать правду.

Спетцеръ уставилъ на крестьянку глаза и хотѣлъ прочесть на лицѣ ея.

— Не смѣла я, кормилецъ, сказать правды; ей Богу, не смѣла. Коли-жъ твоя милость требуешь, вотъ забожусь, что скажу только одному тебѣ.

— Хоть честное дѣло и не боится свидѣтелей, однако, все равно, я тебя выслушаю.

И Спетцеръ подалъ знакъ окружающимъ выйти изъ комнаты.

— Деньги эти, говорила Меланья въполголоса и подходя робко къ барину, мнѣ будто съ неба свалились. Вы знаете нашу барышню, Алену Михайловну?

— Ну!

— Вѣдь это сущій ангелъ. Какъ-то осенью была я у бабушки. Иду черезъ рощу, что вотъ близъ рѣчки, гдѣ бродъ есть, да и присѣла поотдохнуть немного, знаешь, возлѣ озера. Сижу себѣ, да какъ вспомню безталанье, такъ вотъ слезы и навертываются.

— Какое тамъ безталанье? Ну, говори же дѣло!

— Какъ же, батюшка-баринъ, вѣдь у меня былъ женихъ, а меня отдали насильно за вдовца, да еще за старика! Запѣла я себѣ пѣсню и не слыхала, какъ подошла барышня. Я было

испугалась, да какъ посмотрѣла — весь страхъ прошелъ. Вотъ она, голубушка моя, и начала разспрашивать, и какъ-де ты вышла замужъ? и какъ, молъ, поживаешь? и хорошо ли тебѣ?

— Что же ты отвѣчала?

— Извѣстно что, сказала крестьянка съ поклономъ, говорила, что мужъ обижаетъ.

— А еще что?

— Кажись, больше ничего, отвѣчала Меланья, опустивъ глаза и отступая шагъ назадъ.

— Дальше!

— Послѣ Алена Михайловна попращалась со мной. Иди, говоритъ, Малаша, а я поговорю о тебѣ съ бариномъ; перескажу, молъ, ему, что мужъ тебя обижаетъ. Я пошла и мнѣ стало веселѣе. День ужъ десять послѣ, у обѣдни въ Витаевѣ, ко мнѣ подошла Пелагея, вотъ что при барышнѣ, да и говоритъ: Алена Михайловна прислала тебѣ гостинецъ, и подала бумажку въ десять съ полтиной. Только, говоритъ, Малаша, побожись никому не сказывать. Видите, батюшка-баринъ, Ѳедосія Лаврентьевна изволили бы гнѣваться, еслибы довнались, чтобы барышня жалуетъ деньги крестьянамъ. Вотъ вся вина моя, баринъ; чтобъ я сквозь землю провалилась! Только, кормилецъ, ужъ вы не сказывайте Ѳедосіи-то Лаврентьевнѣ, чтобъ не досталось моей голубушкѣ. А деньги вотъ они, только издержала полтину на платочекъ.

И Меланья начала вынимать узелокъ.

— Зачѣмъ мнѣ твои деньги! Ну, Малаша, сказалъ Спетцеръ ласково и вставая изъ за-стола, я доволенъ, что ты сказала мнѣ правду. А за то, что ты привязана къ прежней своей барышнѣ, я отпускаю тебя на три рабочіе дня, отдохни, и, если хочешь, можешь сходить къ отцу.

Крестьянка снова хотѣла броситься къ ногамъ Спетцера, но онъ удержалъ ее и кликнулъ управляющаго и прикащика!

— Уволить эту крестьянку на недѣлю отъ барщины! сказалъ онъ прикащику, а управляющему велѣлъ взять у кассира пять цѣлковыхъ.

Застегнувъ пальто и надѣвъ перчатки, Спетцеръ подождалъ управляющаго и взялъ у него деньги.

— Єпасибо, Малаша, что ты честно поступила, вотъ тебѣ и мой подарокъ, сказалъ онъ, отдавая ей пять рублей, съ этихъ поръ мужъ не посмѣетъ обижать тебя.

И, не слушая благодарности, молодой помѣщикъ вышелъ изъ конторы, будучи благодаренъ случаю заслужить располо-

женіе въ глазахъ Леночки, которая, безъ сомнѣнія, на другой же день узнаетъ объ этомъ происшествіи. Обойдя коекакія заведенія, Спетцеръ возвратился, довольный собою и уже съ большимъ прилежаніемъ могъ заняться повѣркой счетовъ.

XVIII.

Въ то самое утро, когда Спетцеръ въ первый разъ въ жизни сдѣлалъ доброе дѣло, хотя и не безъ затаенной мысли, Леночка проспала долѣе обыкновеннаго, а Пелагея принуждена была разбудить свою милую барышню, изъ боязни, чтобы не разсердилась бабушка. Молодой дѣвушкѣ грезились самыя пріятныя сновидѣнія и что-то похожее на радость привѣтствовало ее, когда, открывъ глаза, она увидѣла солнечный день, врывавшійся въ ея комнату сквозь широкія расписанныя морозомъ стекла. Она охотно понѣжилась бы въ постели, помечтала бы, но это могло вооружить старуху, которая въ другой разъ и не отпуститъ къ сосѣдямъ. Правда, ей приходило на мысль сказаться больною и цѣлое утро провести на свободѣ, но она раздумала и рѣшилась позволить себѣ это маленькое притворство послѣ вечера у Хоботовыхъ, хотя вечеръ этотъ и не представлялся ей въ особенно привлекательномъ свѣтѣ.

Леночка наскоро одѣлась, навѣстила отца и поспѣшила къ бабушкѣ. Старуха только-что вышла и любовалась своимъ лимономъ. Послѣ обычныхъ поцѣлуевъ, послѣдовала гонка горничнымъ и питье чаю. Ѳедосія Лаврентьевна разспрашивала внучку о вечерѣ, проведенномъ у Волковцовыхъ, и когда послѣдняя разсказала, что тамъ немного танцовали, старуха махнула рукою.

— Чортъ знаетъ что повелось теперь! сказала она, размѣшивая чай со сливками для собаки, приплетутъ танцы ни къ селу, ни къ городу. Прежде бывало танцовали или на свадьбахъ, или на именинахъ. Чай, и дѣти плясали?

— И какъ мило танцуетъ Катя!

— Сморчокъ этакой! ей ли еще думать о танцахъ? Совсѣмъ собьютъ дѣвчонку съ толку!

— И мы съ Лизой вѣдь съ дѣтства учились танцовать, бабушка!

— Ну, и что-жъ? небось прибавилось ума отъ этого? Я и Машѣ говорила, что напрасно бросаетъ она деньги. Вѣдь и я не училась и Машу не учила, а обѣ мы танцовали, да

еще какъ! Мнѣ было уже лѣтъ осьмнадцать, какъ я принялась за лакасесъ да за вальцъ. И, знаешь, какъ я выучилась? Лакасесъ-то поняла скоро, а вотъ съ вальцомъ-то помучилась. Знаешь, досадно было, что на свадьбѣ аль на именинахъ гдѣ нибудь подойдетъ кавалеръ и проситъ; я встану и пойду вертѣться, да чортъ его знаетъ какъ-то въ ладъ не приходится; ужъ я ногой и впередъ, и назадъ выкидываю это, знаешь, колѣнцо: путаюсь — и больше ничего. Сердечный кавалеръ толкаетъ меня, носитъ на рукахъ, да и посадитъ на мѣсто. Въ наше время были отличныя танцорки, не вашимъ чета; вотъ я, бывало, и присматриваюсь, все присматриваюсь и мотаю себѣ на усъ. Ну, пріѣдешь домой, и какъ батюшка съ матушкой улягутся послѣ обѣда, я и давай вертѣться по залѣ, какъ шальная; верчусь, верчусь, инда потъ градомъ съ лица, едва духъ перевожу. Одна, кажется, и хорошо танцую, а попробовать не съ кѣмъ. Вдругъ узнаю штуку: Терентьевна лучше меня танцовала: чортъ ее знаетъ какъ она бестія подмѣтила. Вотъ я, бывало, кликну ее и велю ей стать за кавалера. Что же ты думаешь? бѣсовка всегда обжиралась чеснокомъ и не было возможности подойти къ ней! Прокружимся до половины комнаты, а тамъ я ей наколочу морду и прогоню вонъ. Своими руками два раза сѣкла крапивой; ничего не помогало. А, однако-жъ, до свадьбы такъ выучилась, что меня кавалеры нарасхватъ брали. Я и забыла спросить, Спетцеръ ловко танцуетъ?

— Очень хорошо, бабушка!

— Прахъ его побери: на всѣ руки! Да что онъ, дурачина, вѣры не перемѣнитъ?

— Не желаетъ, бабушка!

— Упрямецъ! А вѣдь такіе женихи, Лена, и встарь не валялись на улицѣ. Ну, что онъ, какъ съ тобою?

— Вѣжливъ и почтителенъ.

— Ну, а издали этакъ не подъѣзжаетъ?

— Что-то не замѣтила.

— Ты, однако-жъ, смотри въ оба: я вѣдь шутокъ не люблю! Отпускать-то я тебя отпускаю, да вѣдь и потачки не дамъ, сударыня! Оно правда, что здѣсь и нѣтъ никого, а все напредки замотай себѣ на усъ, что съ Спетцеромъ можно и поласковѣе быть, а начнетъ прилипать голь какая нибудь, хоть бы и Сивцовы, подальше отъ нихъ! Душъ пятьсотъ еще ходитъ, а меньше — нѣтъ тебѣ моего благословенія и въ чуланъ запру на недѣлю!

— Можете быть увѣрены, бабушка, что, въ этомъ случаѣ, не подамъ вамъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію.

— То-то же! У тебя нѣтъ матери, тебя некому на путь наставить; ты же, слава Богу, не ребенокъ. А вѣдь съ этими ферлакурами расправа коротка. Ну, положимъ, подсядетъ этакой стодушный тамъ что ли и скажетъ: какія вы, сударыня, хорошенькія! А ты ему на это: хороша, молъ, да не для васъ! Онъ и отойдетъ. Аль иной любезникъ заведетъ издалека, что де нынѣшнія дѣвицы жестокія. А ты ему тоже издалека: на всякое, молъ, чиханіе не наздравствуешься! Вотъ какъ съ ними! Ну, а такой, какъ Спенцеръ — другое дѣло; онъ, знаешь, пусть увивается, про него люди-то не посмѣютъ сказать ничего: человѣкъ богатый дескать, проводитъ время съ равной себѣ по состоянію. Я люблю Спенцера. Ну, Лена, ты всякіе языки знаешь: что это за фамилія такая: Спенцеръ? Вѣдь и мы въ старину нашивали спенцеры! Что-то странно?

— Не Спенцеръ, бабушка, а Спетцеръ.

— А я его все называю Спенцеромъ!

— Это слово ничего не значитъ, бабушка.

— У этихъ нѣмцевъ все не по людски.

— Да вѣдь и у насъ бываютъ странныя фамиліи.

— Такъ, такъ! А что о клавесинѣ ничего не слышно?

— Еще ничего!

Вошла Пелагея.

— Ты что? спросила Ѳедосія Лаврентьевна.

— Къ барышнѣ-съ. Надежда Михайловна приказали кланяться и присылали цвѣтовъ.

— Поди, матушка, говорила старуха внучкѣ; да присмотри своими глазами! что это за цвѣты?

— Камеліи, бабушка!

— Вѣрно чортъ знаетъ что! А всетаки дареному коню въ зубы не смотрятъ.

— Еслибы вы, бабушка, посмотрѣли, какъ теперь у меня хорошо убрано.

— Э, мать моя, до цвѣтовъ ли мнѣ? я и смолоду ихъ не любила. Иди же, распоряжайся тамъ и не забудь поблагодарить Надежду Михайловну.

Леночка ушла къ себѣ и увеличила еще тремя деревцами свой зимній садъ, какъ называла она цвѣточный уголокъ, уставленный съ большимъ вкусомъ.

Вмѣстѣ съ камеліями Леночка получила нѣсколько книжекъ, журналовъ и одинъ французскій романъ, что необыкновенно пріятно подѣйствовало на расположеніе ея духа.

Декабрь былъ еще въ первыхъ числахъ, а уже весь этотъ мѣсяцъ представлялся Леночкѣ отрадною перспективой, начинавшейся вечеромъ у Хоботовыхъ и оканчивавшейся баломъ наканунѣ новаго года.

Не успѣла Леночка усѣсться у камина и пробѣжать оглавленіе журналовъ, какъ въ гостиную къ ней вошла Пелажи, раскраснѣвшаяся и очень интересная.

— Вы однѣ? спросила Леночка гостью, усаживая ее въ покойныхъ креслахъ.

— Нѣтъ, съ маменькой! онѣ начали разговаривать о хозяйствѣ съ Ѳедосіей Лаврентьевной, а я къ вамъ.

— И прекрасно сдѣлали! Пелагея! подай папиросы!

Пелагея принесла коробочку.

— Не хотите ли покурить, Пелажи?

— Охотно! сказала послѣдняя, закуривая папироску — а вы-то что же?

— Я не выучилась.

— Это недолго! а въ деревнѣ папироска — большое развлеченіе.

И Леночка, смѣясь, принялась курить. Хотя она дѣлала это и не въ первый разъ, однако не находила въ томъ никакого удовольствія.

— Знаете что, Пелажи? Сварим себѣ здѣсь кофе и позавтракаемъ.

— А вы умѣете варить кофе?

— Умѣю, только не совсѣмъ, а моя горничная—большая мастерица.

И распоряженіе было сдѣлано, въ которомъ хлопотъ больше всѣхъ досталось на долю Пелагеи, потому-что ей хотя и легко было справиться въ буфетѣ насчетъ посуды, однако не весьма легко было сладить съ Терентьевной. Послѣдней, впрочемъ, Пелагея, именемъ барышни, обѣщала фунтъ нюхательнаго табаку, и дѣло было улажено.

Не прошло четверти часа, а уже дѣвицы пили кофе съ самыми густыми сливками. Ихъ пришли звать завтракать.

— Скажи, бабушкѣ, милая Танька, что мы играемъ на фортепьянахъ и завтракать не хотимъ! отозвалась Леночка, спросивъ прежде гостью по-французски и получивъ удовлетворительный отвѣтъ. Теперь, ma chère, насъ не потревожатъ до

обѣда, продолжала она, и вы можете курить, сколько вамъ угодно!

— Итакъ, Леночка, рѣшено: у насъ вечеръ осьмаго, а не девятаго.

— Да!

— Очень рада. Я и позабыла сказать, что третьяго дня къ намъ пріѣзжали съ визитомъ Сивцовы.

— И что-же?

— Военный—ужасный mauvais genre, говоритъ, смягчая каждое слово, и старается намекать, что бываетъ въ хорошемъ обществѣ. Статскій, напротивъ — умный малый, натураленъ и очень недуренъ собой.

— Они будутъ?

— Непремѣнно! я даже обѣщала статскому мазурку.

— А я тоже вчера танцовала!

— Гдѣ?

— У Волковцовыхъ.

— Кто-же тамъ былъ?

— Пріѣхали ихъ кузина, явился Спетцеръ, и мы пошалили немножко.

— Я думала, что Спетцеръ ужъ уѣхалъ!

— Только собирается.

— Надо завтра послать. И вамъ было не скучно?

— Да! Знаете ли, Пелажи, что, не смотря на нѣкоторые недостатки Надежды Михайловны, у Волковцовыхъ бываетъ пріятно?

— Потому что Алексѣй Дмитріевичъ умѣетъ занимать гостей.

— Онъ, ma chère, много мнѣ говорилъ о васъ, сказала Леночка, смотря на гостью.

— Мы были хорошо знакомы.

— Не будетъ ли нескромнымъ вопросъ...

— О нашей размолвкѣ? перебила Пелажи, закуривая папироску, я вамъ разскажу въ короткихъ словахъ эту нелѣпую исторію. Два года тому назадъ, когда я вышла изъ института и поселилась съ маменькой въ деревнѣ, первые сосѣди, съ которыми я познакомилась, были Волковцовы. Увидѣвъ меня въ первый разъ, Надежда Михайловна бросилась ко мнѣ въ объятія и такъ же, какъ и у васъ, просила дружбы. Въ то время я была очень неопытна и когда она разсказала мнѣ исторію своихъ несчастій, то право, я готова была возненавидѣть ея мужа. Надежда Михайловна предупредила меня

въ его обыкновеніи ухаживать за всѣми, и каждый взглядъ, каждое слово Волковцова я принимала за намѣреніе любезничать со мною. Не смотря, однако-же, на неопытность, я вскорѣ поняла пустоту Волковцовой, а чрезъ полгода она сдѣлалась мнѣ столь приторною, что я не знала, какъ проводить съ нею время нашихъ долгихъ деревенскихъ посѣщеній. Между тѣмъ Алексѣй Дмитріевичъ всегда былъ вѣжливъ, предупредителенъ, простъ, а что онъ уменъ, это вѣроятно и вы подтвердите. Кончилось тѣмъ, что, обѣщавъ дружбу женѣ, я находила больше удовольствія въ разговорахъ съ ея мужемъ. Не знаю, Леночка, чувствовалъ ли Волковцовъ ко мнѣ что нибудь особенное, говорила Пелажи, немного краснѣя, только онъ бывалъ у насъ довольно часто и, клянусь вамъ, разговоры наши не выходили изъ границъ строгаго приличія. Надежда Михайловна вздумала ревновать, однажды сдѣлала мужу сцену, и, опираясь на какой-то будто бы неотплаченный визитъ, перестала бывать у насъ. Но, послѣ сцены, и мы уже ни за что къ ней не поѣхали бы.

— Это очень жаль! сказала Леночка.

— Разумѣется, жаль! Смотрите, будьте и вы осторожны! лишнее слово съ Волковцовымъ, и васъ приревнуютъ.

— Это для меня было бы лишеніемъ, потому что я люблю разговаривать съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ.

— И я любила. Итакъ вы танцовали. Ну, что же, каковъ былъ Спетцеръ? милъ, любезенъ?

— По обыкновенію.

— Будьте, Леночка, откровенны: онъ ухаживаетъ за вами? спросила Пелажи, внимательно смотря на сосѣдку.

— Кажется, впрочемъ, издалека.

— Этого надо было ожидать, говорила Пелажи, отодвигая чашку, нѣмецъ хитрый!

— Я съ вами согласна, отвѣчала Леночка, улыбаясь и стараясь найти вкусъ въ папироскѣ.

— Мы можемъ здѣсь говорить все, что думаемъ. Я вспомнила мнѣніе о немъ Волковцова.

— Что же онъ говорилъ?

— Онъ всегда говорилъ, что Спетцеръ влюбится лишь въ особу съ большимъ приданымъ.

— То-есть въ большое приданое?

— Въ самомъ дѣлѣ, это вѣрнѣе. Не знаю, изъ чего маменька вообразила, что Спетцеръ ухаживаетъ за мною. Я нѣсколько разъ спорила съ нею; потому что, ma chère, какая же

взрослая дѣвушка не замѣтитъ, кому она нравится. Спетцеръ со мной всегда бывалъ любезенъ, но никогда въ глазахъ его я не замѣчала ни малѣйшей нѣжности.

— Признайтесь же, въ свою очередь, Пелажи, вамъ нравится Спетцеръ?

— Настолько не нравится, чтобы я влюбилась въ него; но еслибы онъ сдѣлалъ предложеніе, то, кажется, я вышла бы.

— Вотъ я этого не понимаю: мнѣ все представляется, что я не пошла бы за человѣка, который не возбудилъ бы во мнѣ любви...

— Свѣтскія дѣвицы, ma chère, говорятъ совершенно другое, и хотя я не вполнѣ раздѣляю ихъ мнѣніе, однако, иной разъ соглашаюсь.

— Что за жизнь!

— А что за жизнь наша съ вами? Еще моя, пока есть доходы...

Леночка протянула гостьѣ руку.

— Въ вашемъ голосѣ слышна искренность, Пелажи! Вы правы: моя жизнь довольно грустна.

— И если Спетцеръ сдѣлаетъ вамъ предложеніе...

— Я не допущу его до этого, сказала Леночка спокойно и смотря въ глаза собесѣдницѣ.

Пелажи недовѣрчиво вглянула на сосѣдку, но, примѣтивъ на лицѣ ея серьезное выраженіе, отвела глаза въ сторону и пожала Леночкѣ руку.

— Если такъ, то я еще больше васъ уважаю. Но неужели вы неспособны любить?

— Кто? я?

И щеки Леночки покрылись живымъ румянцемъ.

— Нѣтъ, chère amie, сказала она, я кажется. очень способна любить, только не такихъ черствыхъ людей, какъ Спетцеръ.

— Въ такомъ случаѣ, вы достойны сожалѣнія, потому что вамъ долго не представится возможности...

— Кто знаетъ, можетъ быть, и на мою долю залетитъ что нибудь интересное въ наши стороны!

— А тамъ, гдѣ вы жили? спросила Пелажи, не договаривая вопроса, не будучи увѣрена, что его поймутъ.

— Тамъ, гдѣ я жила, иногда увлекалось сердце, только увлеченія эти были слишкомъ мимолетны.

— И не осталось воспоминаній?

— Ровно никакихъ!

Дѣвушки замолчали. Одна изъ нихъ прислонила свою головку къ спинкѣ креселъ, а другая опустила ее и задумалась. Нѣсколько минутъ пробыли онѣ въ этомъ положеніи.

— А мы и не поговорили насчетъ платьевъ, Леночка!

— Завтра я пріѣду къ вамъ, и мы скроимъ.

— Прекрасно! А къ новому году?

— Къ тому времени мнѣ пришлютъ изъ Петербурга.

— Ну, чтобы къ намъ на 8-е явиться какимъ нибудь интереснымъ кавалерамъ!

— А эти Сивцовы?

— Изъ нихъ только одинъ порядочный. Положимъ, съ тетенькой пріѣдетъ еще Кудревановъ, но тотъ занятъ средней кузиной. Ахъ, Леночка, вотъ вы увидите: красавица, въ полномъ смыслѣ слова, mais c'est une bêtise amère. Пріѣдетъ еще отпускной егерь, юноша такъ себѣ. Впрочемъ, танцовать-то мы будемъ.

— Не хочется мнѣ лукавить, а то Спетцеръ выплясывалъ бы цѣлый вечеръ.

— Лукавить нечего, а вы намекните кстати, что съ нимъ ловко танцовать.

— Въ самомъ дѣлѣ, очень ловко. Вотъ Волковцовъ хоть и держитъ даму прекрасно, однако совсѣмъ не умѣетъ полькировать.

— Да онъ и танцуетъ рѣдко. Любила я съ нимъ проводить время въ мазуркѣ.

Въ залѣ послышалось шарканье башмаковъ.

— Это бабушкинъ посолъ, сказала Леночка.

— Пожалуйте, сударыня, къ бабушкѣ! сказала появившаяся Танька.

— Сейчасъ!

И дѣвицы отправились внизъ, гдѣ уже все было готово къ обѣду.

Ѳедосія Лаврентьевна согласилась отпустить внучку не только къ сосѣдкамъ, но и дальше, что очень обрадовало Леночку. Обѣдъ, сверхъ всякаго чаянія, прошелъ благополучно, и только подъ конецъ Миронычъ пролилъ сливки изъ молочника, за что и получилъ собственноручное вознагражденіе отъ барыни.

Сосѣдки вскорѣ уѣхали. Не успѣли онѣ сѣсть въ экипажъ, а уже Ѳедосія Лаврентьевна говорила Леночкѣ:

— Ну, что? не говорила я тебѣ? эта шарамыжница выпросила таки у меня двѣсти до Крещенія. Вѣдь сосѣдка-то

близкая, нельзя не дать; и чортъ ее знаетъ, какъ это она всегда ухитрится уломать меня! Что вы тамъ дѣлали съ Пелажи?

— Играли въ четыре руки, отвѣчала Леночка, невольно краснѣя.

— Ну, это еще дѣло; все-таки не сидѣть же сложа руки.

Пользуясь спокойнымъ расположеніемъ духа бабушки, Леночка выпросила позволеніе ѣхать завтра на цѣлый день къ Пелажи шить себѣ платье.

— Поѣзжай, поѣзжай! говорила старуха, уходя въ спальню въ сопровожденіи своихъ прислужницъ, дѣвушкѣ слѣдуетъ быть рукодѣльницей. Да не позабудь взять выкройки! въ другой разъ пригодятся!

XIX.

6-го декабря, возвратясь отъ обѣда и напоивъ чаемъ бабушку и отца Василія, Леночка побывала у папа и отправилась къ себѣ примѣрить платье, которое долго она шила вдвоемъ съ Пелагеей. Платье вышло очень хорошее, даже лучше, чѣмъ предполагала Леночка.

— Попробуемъ теперь, Пелагеюшка, причесать голову, какъ бы мнѣ хотѣлось.

— Извольте приказать, Алена Михайловна, можетъ, и съумѣемъ-съ!

Сдѣлавъ необходимыя замѣчанія, Леночка усѣлась противъ зеркала и ввѣрила Пелагеѣ свою хорошенькую головку.

— А я собиралась вамъ сказать кое-что, Алена Михайловна, да не смѣла...

— Ахъ, Пелагея! сколько разъ я просила тебя говорить мнѣ все, что тебѣ надо!

— Мнѣ, барышня, ничего не надобно, а вотъ дѣло какое вышло. Вы изволите помнить Малашу?

— Дочь мельника? Разумѣется, помню!

— Вѣдь она попалась съ деньгами, которыя вы ей пожаловали.

— Какъ! быстро спросила Леночка и сдѣлала движеніе головой такъ, что Пелагея уронила гребенку.

— Малашѣ надо было купить что-то; вотъ она и пойди мѣнять въ кабакѣ бумажку. Десятскій серчалъ на нее и донесъ прикащику, что де мужичка бѣднаго двора мѣняетъ десять съ полтиной. Въ Кобылковѣ-жъ случилась въ ту пору какая-то покража. Прикащикъ — сейчасъ къ управляющему, и

Малашу взяли на допросъ, откуда у нея деньги. А я, какъ отдавала отъ васъ гостинецъ, крѣпко наказывала не говорить никому: знаете, боялась, чтобы Ѳедосія Лаврентьевна не разгнѣвались. Она, бѣдняжка, и выдумай, что отецъ далъ. Послали къ нашему мельнику, а этотъ отперся и говоритъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Малашѣ пришлось плохо: ее на другой день потребовали въ контору, къ самому барину. Что же вышло, сударыня? Малаша божилась, что, говоритъ, я сказала барину: какъ угодно вашей милости, а не могу объявить, откуда деньги; развѣ позволите, скажу только вамъ однимъ.

— И что же? спросила Леночка съ нетерпѣніемъ.

— Извѣстно, Малаша разсказала. Спенцеръ-то выслушалъ, назвалъ умницей, что не выдала барышни, и пожаловалъ ей пять цѣлковыхъ, да отпустилъ на недѣлю отъ барской работы. Ей Богу-съ.

— Можетъ ли это быть?

— Сегодня же мнѣ божилась Малаша и сказывала, что баринъ обѣщалъ и мужу приказать обходиться съ нею лучше.

Леночка не отвѣчала ни слова и задумалась до того, что не обращала уже вниманія на свою прическу, которою Пелагея располагала по своему усмотрѣнію. Леночкѣ представился очень естественный вопросъ: справедливо ли то, что ей прежде разсказывали о Спетцерѣ? Однако, Волковцовъ не сталъ бы говорить напрасно, да и сама Малаша еще недавно разсказывала о немъ, какъ о человѣкѣ злаго сердца. И въ Леночкѣ явилось необыкновенное любопытство непремѣнно узнать истину, которая могла поставить Спетцера совершенно въ другомъ свѣтѣ. Если она чувствовала къ нему нерасположеніе, то это происходило именно оттого, что она находила въ немъ отсутствіе доброты. Живая и во всемъ поспѣшная, она тотчасъ же распорядилась послать за Малашей.

Черезъ четверть часа знакомая намъ крестьянка стояла передъ Леночкой. Послѣ обычныхъ, впрочемъ, весьма краткихъ, разспросовъ о житьѣ бытьѣ, Леночка услала Пелагею.

— Малаша! сказала она, я хочу просить тебя.

— Прикажите, матушка барышня, хоть въ воду за васъ!

— Послушай, милая! знай только одно, что ты должна сказать мнѣ правду, какъ на исповѣди!

Малаша взглянула на иконы, перекрестилась и сказала:

— Покарай меня Богъ вотъ на этомъ мѣстѣ, если покривлю душою.

— Правда ли, что вашъ баринъ золъ? спросила Леночка несмѣлымъ голосомъ.

Малаша не отвѣчала.

— Ты, голубушка, не бойся! я спрашиваю тебя не для того, чтобы пересказать кому нибудь, а мнѣ очень нужно знать.

— Барышня! говорила крестьянка, смотря со слезами на Леночку, да развѣ, и не побожившись, я сказала бы вамъ неправду? Пелагея уже вамъ говорила, какъ онъ меня помиловалъ, подарилъ и обѣщалъ запретить мужу обижать меня. За это за все я буду молиться Богу. А что не добръ сердечный, Богъ ему судья. Можетъ, онъ и не причиной, можетъ, этотъ злой нѣмецъ, управитель, наставляетъ его...

— Что же онъ?

— Да вотъ послѣ того какъ мы стрѣлись въ рощѣ-то, была свадьба. Сосѣдъ нашъ подгулялъ, а на другой день у него и разболись голова; стало быть, нельзя идти на барщину. Бѣдняга хотѣлъ нанять — не случилось никого; онъ и пошли за себя парнишку лѣтъ четырнадцати. Управляющій послалъ за сосѣдомъ — тотъ головы не подыметъ; онъ съ докладомъ къ барину. Баринъ послалъ привесть мужика и при себѣ наказалъ его...

— Довольно! сказала Леночка.

Она весело посмотрѣла вокругъ, она не могла подавить движенія радости, что сердце ея не напрасно чувствовало къ Спетцеру какое-то особенное нерасположеніе.

Подаривъ Малашу и отпустивъ ее, она снова задумалась: что же была за причина такой щедрости и великодушія Спетцера? Въ умѣ ея мелькнуло нѣсколько предположеній, но вдругъ истина предстала ей, какъ бы по мановенію волшебника. Онъ поступилъ великодушно съ Малашей, не безъ затаенной мысли, что подвигъ его будетъ разсказанъ въ Витаевѣ. И негодованіе блеснуло въ хорошенькихъ глазкахъ Леночки.

— Нѣтъ, г. Спетцеръ, не видать вамъ Витаева! проговорила она и улыбнулась.

Кончивъ разсчетъ съ совѣстью, Леночка серьезно занялась своей прической. Взглянувъ въ зеркало, она расхохоталась и кликнула Пелагею.

— Ну, Пелагеюшка, ты убрала мнѣ голову, хоть и съ усердіемъ, однако, просто ни на что не похоже. Но ты не печалься, я не сержусь. Начнемъ снова перечесывать!

Не успѣла она окончить туалета, какъ къ крыльцу подлетѣли парныя сани Спетцера, и вскорѣ Танька пришла звать ее къ бабушкѣ. Леночку это немного встревожило. Въ самомъ дѣлѣ, молодой человѣкъ, словно нарочно, пріѣхалъ именно въ то время, когда она менѣе всего расположена была его видѣть. Леночка, однако же, поспѣшила въ столовую, гдѣ у бабушки съ гостемъ шелъ разговоръ о безденежьѣ и о дурномъ урожаѣ. Появленіе ея обрадовало гостя, который зналъ, что Маланья была въ Витаевѣ, и почему-то ему извѣстно было, что ее требовали наверхъ. Поэтому онъ привѣтствовалъ Леночку съ значительно сладкой улыбкой.

Однако, Леночка, спускаясь по лѣстницѣ, составила уже планъ обращенія съ благоразумнымъ нѣмцемъ. Она встрѣтила гостя привѣтливо, но безъ того искренняго удовольствія, которое проглядываетъ на лицѣ дѣвицы, если сердце ея хоть сколько нибудь затронуто посѣтителемъ.

— Викентій Хрестьянычъ пріѣхалъ къ намъ прощаться, Леночка! онъ уѣзжаетъ въ Питеръ, сказала Ѳедосія Лаврентьевна.

— И вы не будете у Хоботовыхъ? спросила Леночка у молодаго человѣка.

— Я почти далъ слово.

— Очень любезно съ вашей стороны!

— Надо же быть полезнымъ своимъ милымъ сосѣдкамъ: лишній танцоръ здѣсь большая рѣдкость.

Леночка не сказала ни слова.

Спетцеръ немного нахмурился, однако, ожидалъ, что его поблагодарятъ за Малашу и для этого завелъ разговоръ по-французски.

— Что же, Елена Михайловна, спросилъ онъ, смотря пристально на дѣвушку, вы исполняете прежнее свое намѣреніе сблизиться съ крестьянами?

— Да, я каждое утро бесѣдовала съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, пока можно было гулять, а теперь приходятъ ко мнѣ только тѣ, кто въ чемъ нибудь нуждается.

— И вѣроятно, у васъ очень много пріятелей?

— Напротивъ, очень мало. Управляющій сдѣлался человѣчнѣе послѣ моихъ замѣчаній, а народъ у насъ изстари кроткій и добрый.

— И ни одного случая разочарованія?

— До сихъ поръ, слава Богу, ни одного. Однако, г. Спетцеръ, я должна васъ предупредить, что бабушка не любитъ, если при ней говорятъ на иностранномъ языкѣ.

— Благодарю васъ! отвѣчалъ Спетцеръ, которому было досадно, что Леночка даже не намекнула о Малашѣ.

— А что, батюшка, Викентій Хрестьянычъ, чай теперь всюду говорятъ по-французскому?

— Языкъ этотъ въ большомъ ходу.

— И въ мое время тоже было; но моя покойница матушка не любила, такъ и меня не обучали. Помню я, однако-жъ, въ двѣнадцатомъ году, одинъ пресмѣшной случай. Въ то время жили мы въ Нижнемъ у дяди. Вотъ, знаете, пригнали туда много плѣнныхъ французовъ. Были изъ нихъ хорошіе люди и ихъ принимали въ домахъ. Къ намъ хаживалъ полковникъ какой-то, не то графъ, не то князекъ какой — прахъ ихъ тамъ разберетъ! По русски ни гу-гу. Послѣ обѣда какъ-то всѣ ушли спать, а тетушка, которая знала по-французскому, отлучилась куда-то; вотъ я и осталась въ гостиной съ глазу на глазъ съ полковникомъ. Ну, онъ молчитъ и я молчу, и все поглядываю, скоро ли вернется тетушка. Дай-ко, думаю, заговорю съ нимъ: вѣдь все же что нибудь да маракуетъ онъ по нашему.

— А что, мусье, говорю, у насъ холодно? и, знаете, съежилась и дрожу, какъ бы отъ холода.

Онъ посмотрѣлъ на меня и отвѣчалъ:

— А!

— А у васъ, спрашиваю, теплѣе? и показываю на печку.

Онъ кивнулъ головой.

— Вуй, вуй!

— Ну, а мамзели-то у васъ хороши? спрашиваю. Онъ давай потирать руки и бормочетъ что-то такое. Тетушка вошла и разсмѣялась, и по всему городу явились толки, что я умѣю по-французскому. Нѣтъ, съ Терентьевной была исторія смѣшнѣе. У дядюшки въ саду работалъ плѣнный французъ. Надо вамъ сказать, что Терентьевна и смолоду была страшная мордаре, и къ тому еще угреватая. Вотъ она, дрянь, бывало, какъ прійдетъ французъ поливать цвѣты, и выбѣжитъ къ нему и давай юлить. Разъ я смотрю изъ окошка и вижу, что французъ поливаетъ цвѣты, а она возлѣ него ухмыляется. Дай-ко, думаю, подслушаю, какъ они будутъ разговаривать.

— Ты кушалъ сегодня? спрашиваетъ она его и показываетъ на ротъ.

Тотъ догадался и говоритъ.

— Клебъ, клебъ! вуй!

— А женатъ ты? спрашиваетъ Терентьевна.

Онъ, батюшка, вытаращилъ глаза. Ужъ она ему говорила, показывала и этакъ, и такъ—ничего въ толкъ не возьметъ. Я много смѣялась, а послѣ мнѣ надоѣло: я вошла въ цвѣтникъ, выдернула тычину и прогнала домой мерзавку.

Послѣ этого разсказа Терентьевна потупила глаза.

— Въ наше время лучше бывало! прибавила старуха, повторяя обычную многимъ фразу, но по примѣру этихъ многихъ, не отдавая себѣ отчета, чѣмъ же было лучше.

Спетцеръ едва замѣтно улыбался, а Леночка даже боялась взглянуть на молодаго человѣка. Черезъ нѣсколько минутъ сосѣдъ всталъ и началъ раскланиваться. Ѳедосія Лаврентьевна уговаривала его остаться обѣдать; но онъ извинился и сказалъ, что заѣхалъ только попрощаться и спѣшитъ на именины къ предводителю.

— Что онъ, мать моя, болталъ тебѣ по-французскому?

— О вечерѣ у Хоботовыхъ.

— Къ чему это онъ приплелъ ламуръ? Вѣдь я знаю, что это такое.

— Ахъ, да! онъ говорилъ, что вы меня очень любите, бабушка!

— Видишь! ну, спасибо ему! Да кажется, что я тебя и не обижаю?

Леночка сочла нужнымъ поцѣловать руку бабушки.

— Недуренъ женишокъ! Какъ ты думаешь?

— Онъ хорошій молодой человѣкъ.

— Не пріѣдутъ ли къ намъ сегодня Волковцовы?

— У нихъ гоститъ двоюродная сестра, да и Алексѣй Дмитріевичъ вѣрно у предводителя.

— Такъ что же, мать моя, что гоститъ сестра. Не принцесса же какая! Ну, а платье твое каково?

— Платье очень хорошо!

— Такъ всегда учись! сама сошьешь, анъ денежки и останутся въ карманѣ!

Старуха замолчала, да и Леночка не находила предмета для разговора. Такъ прошло около получаса. Наконецъ, Леночка нашла предлогъ удалиться и тихими шагами пошла къ отцу.

Несчастный сидѣлъ, задумавшись, и, по обыкновенію, не узналъ дочери, которая напрасно расточала всѣ нѣжности, чтобы извлечь его изъ тяжелой апатіи. Больной молчалъ упорно и тѣмъ наводилъ еще большую грусть на дѣвушку.

А зимнее солнце весело сіяло въ небѣ, и яркіе лучи его, проходя сквозь разрисованныя морозомъ стекла, наполняли свѣтомъ грустную комнату больнаго. У порога стоялъ сѣдой слуга, въ углу деревянные часы стучали маятникомъ, у одного окна въ небольшой клѣткѣ чиликалъ щегленокъ, въ печкѣ, треща, разгарались дрова.

За обѣдомъ, какъ водится, Ѳедосія Лаврентьевна ворчала на прислугу, но безъ особенныхъ придирокъ, а такъ, по привычкѣ, и, собираясь, какъ она говорила, порядкомъ поспать послѣ обѣда, сама предложила внучкѣ поѣхать прокатиться. Послѣдняя не только тотчасъ приняла предложеніе, но и выпросилась провести вечеръ у Волковцовыхъ.

XX.

Въ Милушинѣ еще не отобѣдали, когда пріѣхала Леночка. Надежда Михайловна встрѣтила гостью съ распростертыми объятіями и усадила возлѣ себя.

— Какія вы, Леночка, милыя! сказала она, мы съ Александриной остались однѣ, потому что Алекси не будетъ раньше семи или осьми часовъ, и намъ пришлось бы проскучать все это время.

— Хотя я и не могу долго оставаться, однако постараюсь пробыть, сколько можно.

— О, до чаю и не думайте уѣзжать!

— Мы съ Надиной собирались къ вамъ вчера, сказала Александра Павловна, но вы говорили, что эти дни будете у Хоботовыхъ.

— Да, мнѣ надо было приготовить платье.

— Такъ, значитъ, вечеръ рѣшенъ? спросила Надежда Михайловна.

— Назначенъ восьмаго.

— Любопытно знать, будетъ ли Спетцеръ? прибавила Волковцова, лукаво посматривая на Леночку.

— Онъ сегодня заѣзжалъ къ намъ и говорилъ, что еще не рѣшился.

— Ну, такъ поздравляю! это значитъ, будетъ непремѣнно

— И хорошо сдѣлаетъ, потому что намъ недостаетъ кавалеровъ.

— Будто бы только для этого? спросила Александра Павловна.

— По крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Душка вы моя! сказала Надежда Михайловна.

— Онъ очень хорошо танцуетъ, замѣтила Александра Павловна.

— Онъ, вообще, порядочный молодой человѣкъ, сказала Леночка,—и я не думаю, чтобы здѣсь было много подобныхъ ему кавалеровъ.

— Видите, ангелъ! подхватила съ веселой улыбкой Надежда Михайловна: мы таки дождались отъ васъ правды!

— Развѣ я иначе говорила о немъ?

— А помните?

— Нашъ разговоръ? перебила Леночка краснѣя, я и теперь повторю то же самое.

— Вы или хитрите, или большая притворщица!

— Считайте меня всегда прямою и откровенною, Надежда Михайловна!

Волковцова погрозила Леночкѣ.

— Я сама была молодой дѣвушкой и точно такъ же поступала.

— А мнѣ жаль, Надежда Михайловна, что вы не бываете у Хоботовыхъ.

— Это цѣлая исторія; когда нибудь я разскажу вамъ ее.

Обѣдъ кончился, и всѣ ушли въ гостиную. Разговоръ кружился или около Спетцера, или около обѣда у предводителя, или около предстоявшаго вечера у Хоботовыхъ, и Леночкѣ сдѣлалось скучно. Наконецъ, Надежда Михайловна попросила кузину спѣть что нибудь, и та, противъ обыкновенія многихъ провинціальныхъ барышень, тотчасъ же согласилась и прекрасно спѣла нѣсколько романсовъ. Леночку тоже просили сыграть, и такимъ образомъ время прошло до 7-го часа. Послѣ чаю, просидѣвъ полчаса, Леночка собралась ѣхать.

— Что же вы такъ на-короткѣ? спросила Надежда Михайловна.

— Нельзя, бабушка скучаетъ.

— Да вы посидѣли бы. Съ минуты на минуту Алекси долженъ пріѣхать: онъ разсказалъ бы намъ, каковъ былъ иразникъ у предводителя.

— Вы знаете, Надежда Михайловна, что если я начну употреблять во зло позволеніе бабушки, то она въ другой разъ и не отпуститъ.

— Въ такомъ случаѣ не удерживаю. Смотрите только замѣчайте, кто въ чемъ будетъ одѣтъ.

Леночка распрощалась.

— Нѣтъ, ангелъ, я провожу васъ въ переднюю посмотрѣть, тепло ли вы закутаетесь.

И, взявъ за талію Леночку, Волковцова вышла съ нею въ переднюю.

Филька, всегдашній спутникъ барышни при выѣздахъ, чинно дремалъ въ углу, и его не безпокоили лакеи; но когда Леночка начала собираться, то одинъ изъ послѣднихъ отправился, чтобъ велѣть подавать лошадей, а другой принялся будить Филиппа Назарыча. Не взирая ни на какія убѣжденія, Филька дремалъ, и добродушная улыбка его доказывала, что ему грезились какія-то пріятныя сновидѣнія. При входѣ Леночки въ переднюю, онъ едва только проснулся и смотрѣлъ вокругъ оловянными глазами, не сознавая, что съ нимъ и гдѣ онъ.

— Вотъ у насъ прислуга, сказала Леночка по-французски, кажется, никого нѣтъ моложе шестидесяти лѣтъ. И мнѣ, право, иной разъ совѣстно безпокоить эту почтенную старость.

— Прикажете подавать, матушка? спросилъ, наконецъ, Филька, понявъ свое настоящее положеніе.

— Не безпокойтесь, Филиппъ Назарычъ, а отыщите мои ботинки.

— Сейчасъ, сударыня! проговорилъ Филька и началъ искать ботинки вездѣ, кромѣ того мѣста, гдѣ онѣ стояли.

— Но лакей Волковцовыхъ поспѣшилъ обуть Леночку и отыскалъ ея шубу. Филька гордо взялъ у него шубу изъ рукъ и накинулъ ее на плечи барышнѣ.

— И кучеръ-то у меня едва ли не старѣе Филиппа Назарыча, весело сказала Леночка, но это все ничего, а худо то, что и лошади не первой молодости. Однако, прощайте, Надежда Михайловна!

— До свиданія! Мы завтра съ кузиной завернемъ къ вамъ на минуту.

Къ удивленію, Леночка застала свои сани уже подъ крыльцомъ и, садясь въ нихъ, просила кучера ѣхать поскорѣе.

— Доѣдемъ, сударыня! слава Богу! не въ первый разъ.

И старыя лошади тронулись небольшою рысью. Ночь была чудная. Звѣзды ярко сверкали въ морозномъ воздухѣ, а двурогій мѣсяцъ, заходя за рощу, широкой полосой свѣтилъ въ просѣкѣ, которая рѣзко отдѣлялась отъ темнаго грунта деревьевъ. Глубокую тишину ночи нарушалъ лишь скрипъ полозьевъ. Леночка задумалась. Невольно мысли ея переносились то въ сказочный міръ дѣтства, то въ эпоху чтенія пер-

выхъ романовъ. Представляя прежнія картины и создавая новыя, воображеніе дѣвушки уносило ее далеко отъ настоящаго. Мало по малу летучія фантазіи эти начали укладываться въ болѣе явственную форму и представили ей не большую, но хорошо освѣщенную залу Хоботовыхъ. Нельзя сказать положительно, чтобы Леночка мечтала о комъ-нибудь въ особенности; однако ей весело было воображать и ловкихъ танцоровъ, и занимательный разговоръ въ мазуркѣ. Тутъ ей пришелъ на мысль Спетцеръ со своими намеками. Любопытно, что будетъ онъ говорить мнѣ, думала Леночка. Вѣдь я довольно ясно показываю ему холодность, по крайней мѣрѣ, показываю видъ, что не понимаю его замысловъ, а онъ все-таки продолжаетъ свои преслѣдованія. Конечно, онъ ухаживаетъ довольно тонко, и, можетъ быть, отъ скуки я находила бы въ этомъ удовольствіе; но поступокъ съ Малашей обнаруживаетъ его характеръ съ невыгодной стороны. Нѣтъ, я не вышла бы за Спетцера!

И, позабывъ о предстоявшемъ вечерѣ, Леночка задумалась о своей будущности. Это было обширное и постоянное поприще ея мечтаніямъ, на которомъ жизнь представлялась ей въ какомъ-то неопредѣленномъ туманѣ. Печальное положеніе отца, тяжелая зависимость отъ бабки и рѣдкія развлеченія въ немноголюдномъ сосѣдствѣ, — вотъ все, что могло предстоять ей, можетъ быть, многіе годы Пелажи Хоботова и Волковцовъ — два существа, съ которыми могла она проводить время съ удовольствіемъ, но и то послѣдній былъ ненадежный собесѣдникъ, оттого что Надежда Михайловна легко могла, по какому нибудь случаю, прекратить знакомство. А этихъ случаевъ ревнивая женщина найдетъ множество. Леночка очень хорошо понимала настоящее положеніе Волковцова и въ душѣ жалѣла его. Не скажу, чтобы она чувствовала къ нему любовь, но не скрою, что бесѣды съ Волковцовымъ доставляли Леночкѣ большое удовольствіе. Она очень хорошо замѣтила его видимые недостатки, — маленькое чванство и излишнюю страсть къ туалету; но ей хотѣлось бы прослѣдить и тѣ погрѣшности, о которыхъ онъ намекнулъ ей въ оранжереѣ. Нѣсколько разъ Леночка хотѣла его спросить объ этихъ недостаткахъ, но никогда не находила случая, по всегдашней заботливости Надежды Михайловны не оставлять своей гостьи. Приэтомъ Леночка невольно пожалѣла, что Волковцовъ не будетъ у Хоботовыхъ, гдѣ предстоялъ прекрасный случай поговорить съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ и, сколько можно, разгадать этого человѣка.

Давъ волю своей фантазіи, Леночка не обращала уже вниманія на красоту ночи и думала лишь о томъ, какъ бы въ эти дни не сердилась бабушка.

Вдругъ сани остановились, а съ этимъ вмѣстѣ разсѣялись и мечтанія Леночки.

— Зачѣмъ это мы остановились? спросила она кучера.

— Притча какая-то случилась, отвѣчалъ тотъ флегматически. Филька! а Филька! продолжалъ онъ, обращаясь къ лакею, стоявшему на запяткахъ, посмотри-ка, что за оказія!

Филька довольно поспѣшно слѣзъ съ запятокъ, обошелъ лошадей, осмотрѣлъ ихъ, сколько позволяло зрѣніе и отвѣчалъ:

— А прахъ его знаетъ!

— Да посмотри, не распряглась ли коренная?

— А она не лягается?

— Кто? рыжакъ-то? Хе, хе! еще смолоду я отучилъ его отъ этой привычки.

Филька внимательно осмотрѣлъ, или, лучше сказать, ощупалъ хомутъ и нашелъ все въ исправности.

— Да что же сани-то идутъ бокомъ? спросилъ кучеръ.

— Кажись, идутъ не бокомъ.

— Ужъ когда я говорю бокомъ, такъ стало быть такъ и есть. Да посмотри гужи-то!

— Гужи не соскочили.

— Ну, садись! Можетъ быть, ѣхали косогоромъ.

— Филька сталъ на запятки и кучеръ тронулъ лошадей. Но сани пошли бокомъ.

— Нѣтъ, что-то неладно, говорилъ кучеръ, слѣзая, и, подойдя къ лошадямъ, осмотрѣлъ упряжь тоже больше съ помощью рукъ.

Все оказалось въ исправности. Однако, опытный человѣкъ не ограничился поверхностнымъ осмотромъ и подошелъ къ передку саней.

— Вотъ-те, Назарычъ, и знай! сказалъ онъ. Вишь зачѣмъ сани идутъ бокомъ: завертка разорвалась!

— Можно ли это исправить? спросила Леночка, которой уже наскучила остановка.

— Отчего нельзя? Можно, сударыня!

— Исправляй же поскорѣе!

— Сейчасъ, сейчасъ, матушка! Назарычъ, нѣтъ ли тебя ножа?

— Ножа нѣтъ, а есть шило.

— Умная голова! На кой прахъ мнѣ шило? Вотъ бы но-

жичокъ былъ, мигомъ можно было бы починить. Достань ко въ передкѣ веревочку!

Филька исполнилъ это требованіе.

— Держи же, а я выпрягу коренную.

— Какъ? и распрягать надо? спросила Леночка.

— Безпремѣнно надо, сударыня? завертки иначе нельзя придѣлать.

— Ахъ, пожалуйста, поскорѣе!

Лошадь была скоро выпряжена, но не такъ-то скоро старикъ могъ привязать завертку въ темнотѣ, когда онъ и днемъ плохо видѣлъ.

Въ это время послышался скрипъ полозьевъ, и парныя сани поравнялись съ Леночкой. Она узнала Волковцова и не успѣла даже раскланяться съ нимъ — такъ быстро онъ проѣхалъ; но черезъ минуту она услышала, какъ сани поворотили назадъ, и Алексѣй Дмитріевичъ подошелъ къ ней.

— Здравствуйте, Елена Михайловна! Что съ вами? говорилъ онъ, пожимая протянутую ему руку.

— А вотъ, какъ говоритъ кучеръ, случилась оказія: какая-то завертка лопнула.

Волковцовъ тотчасъ же велѣлъ своему кучеру посмотрѣть, и тотъ объявилъ, что не только завертка лопнула, но и оглобля переломилась.

— Вотъ-те и на! сказалъ старикъ, а я этого и не разглядѣлъ.

— Эта исторія можетъ быть продолжительна, замѣтилъ Волковцовъ. Не угодно ли, Елена Михайловна, я васъ довезу до Витаева?

— Благодарю васъ! Зачѣмъ же? Они исправятъ.

— Это будетъ не скоро, а здѣсь всего версты полторы.

Леночка нѣсколько секундъ подумала и сказала по французски:

— Извините, что отказываюсь отъ вашего любезнаго предложенія: есть причины...

— Простите! но я не могъ не предложить вамъ.

— Вы знаете бабушку: она имѣетъ свои понятія, да и людямъ досталось бы.

— Понимаю вполнѣ. И, знаете ли, я еще по другому случаю благодарю васъ за отказъ...

Леночка хотѣла спросить, но покраснѣла и опустила глаза.

— Сани надо повалить на бокъ, Алексѣй Дмитріевичъ, сказалъ ему его кучеръ.

— Нельзя развѣ иначе?

— Никакъ нельзя!

— Ну, дѣлай, какъ знаешь. А вамъ, Елена Михайловна, продолжалъ Волковцовъ, надо пересѣсть на время въ мои санки.

И не дожидаясь отвѣта Леночки, онъ велѣлъ своему слугѣ подъѣхать. Леночка пересѣла въ маленькія санки Волковцова.

— А вы же отчего не садитесь?

— Мѣста не будетъ.

— Ахъ, да!

— А вотъ, если позволите, я помѣщусь у ногъ вашихъ: это будетъ романически.

— Я очень рада.

Люди общими силами занялись исправленіемъ, и Волковцовъ присѣлъ на фартукъ, какъ разъ у ногъ Леночки.

— Что же вы такъ рано отъ предводителя?

— Далъ слово своимъ возвратиться пораньше; да и мнѣ было какъ-то скучно.

— А гостей было много?

— Довольно. M-lle Пелажи очень мила сегодня. За ней ухаживаетъ какой-то Сивцовъ.

— Интересный?

— Кажется, порядочный. Мать и дочь приглашали меня на послѣзавтра.

— И вы будете? спросила Леночка.

— Увы! у моей барыни есть какіе-то счеты.

— Я и позабыла... Однако, Алексѣй Дмитріевичъ, встрѣча наша необыкновенно оригинальна. Вотъ уже я не думала видѣться съ вами сегодня!

— А я, признаюсь, полагалъ, не посѣтите ли вы Милушина вечеркомъ.

— Я застала вашихъ еще за обѣдомъ.

— И вы не скучали?

— Напротивъ, Александра Павловна пѣла. Она прекрасно поетъ!

— Если захочетъ и если не пускается въ итальянскія аріи: она съ большимъ чувствомъ поетъ русскія пѣсни.

— А между тѣмъ скоро ли сани будутъ готовы?

— Вѣроятно, скоро. Вамъ бы уже хотѣлось къ своимъ цвѣтамъ, къ камину! замѣтилъ Волковцовъ.

— Я каждый день вспоминаю васъ, Алексѣй Дмитріевичъ, когда любуюсь своими цвѣтами.

У Волковцова вертѣлась уже на языкѣ приличная въ подобномъ случаѣ фраза, но онъ какъ-то удержался, считая эту фразу пошлою.

— А я вспомнилъ васъ нѣсколько разъ въ княжеской оранжереѣ, сказалъ онъ, вы такъ очаровали добраго Зоммерфельда, что онъ оставилъ импровизированную бесѣдку въ томъ же видѣ, въ какомъ она была при васъ. Каждый разъ онъ спрашиваетъ меня, скоро ли вы пріѣдете, и приготовилъ для васъ множество цвѣтовъ.

— Какъ я рада этой побѣдѣ! На дняхъ же съѣзжу. Я полагаю, пріятнѣе всего будетъ посѣтить оранжерею послѣ вечера у Хоботовыхъ.

— Вы, какъ я замѣчаю, настроены поэтически.

— Не знаю, но мнѣ кажется, что поэзія — неразлучная спутница молодости.

— И это совершенно справедливо. Но мнѣ чрезвычайно нравится ваша мысль: послѣ бала провесть часъ въ оранжереѣ.

— А вы развѣ не любите поэзіи?

— Почему же вы такъ думаете? Нѣтъ, Елена Михайловна, я умѣлъ вынесть изъ молодости сочувствіе ко всему изящному и прекрасному.

— По крайней мѣрѣ, вы никогда не говорили собственно о поэзіи.

— Потому что не было случая, да и, вообще, мы съ вами еще немного разговаривали.

— Готово-съ! проговорилъ, подходя, кучеръ Волковцова.

И собесѣдники должны были разстаться. Усадивъ Леночку въ сани, Волковцовъ пожалъ руку сосѣдкѣ.

— Благодарю васъ, Алексѣй Дмитріевичъ! Не забудьте сказать Надеждѣ Михайловнѣ, что завтра я ее ожидаю.

— Не забуду. До свиданія!

Нѣсколько времени въ рощѣ слышался скрипъ полозьевъ; но вскорѣ сани Леночки поворотили вправо, и передъ нею зачернѣлся боръ, а въ сторонѣ неясно обрисовались витаевская церковь и господская усадьба.

XXI.

На другой день Волковцова съ кузиной навѣстили Ѳедосію Лаврентьевну. Надежда Михайловна была что-то не въ нормальномъ состояніи и, улучивъ минуту, когда кузина разговорилась со старухой, подошла къ Леночкѣ и шепнула:

— Пойдемте, ангелъ, къ вамъ на минуту! Мы сейчасъ возвратимся, прибавила она, обращаясь къ старухѣ, посмотримъ только платье.

— Посмотри, посмотри, мать моя, и посовѣтуй: Лена — человѣкъ молодой и не всѣ порядки знаетъ.

Не доходя еще до лѣстницы, Надежда Михайловна обняла Леночку.

— Душка вы моя! будете вы со мной откровенны?

— Я всегда съ вами откровенна, отвѣчала Леночка, улыбаясь.

Въ гостиной Волковцова бросилась къ ней на шею.

— Разскажите мнѣ о вчерашней вашей встрѣчѣ съ Алекси.

Леночка въ ту же минуту описала ей свою оригинальную встрѣчу.

— Зачѣмъ же вы отказались ѣхать съ нимъ?

— Какъ-то неловко, Надежда Михайловна!

— Теперь я вижу, какъ вы умны, Леночка!

— А я начинаю замѣчать, Надежда Михайловна, что вы ревнивы.

— Можетъ быть, вы отчасти и угадали, отвѣчала Волковцова, закатывая глаза, а, впрочемъ, вы не знаете Алекси.

— Мнѣ кажется, знаю.

— Не спорьте, не спорьте, ангелъ, совершенно не знаете. Еслибы вы были такая кокетка и вѣтренница, какъ Пелажи, то я не сказала бы вамъ того, что скажу, какъ другу. Надѣюсь, что я въ васъ не ошибаюсь, прибавила Волковцова, заключая Леночку въ свои объятія.

— Я вамъ очень благодарна.

— Видите ли, милая Лена, Алекси влюбленъ въ васъ, какъ кошка.

Леночка мгновенно покраснѣла.

— Придетъ же вамъ въ голову подобная мысль!

— Ужъ повѣрьте мнѣ, говорила Волковцова, садясь на диванъ, я это давно замѣтила. Но я вижу, что вы не позволяете ему лишняго слова, и оттого привязываюсь къ вамъ съ каждымъ днемъ.

— Позвольте, Надежда Михайловна. Хотя я и очень молода, однако, не такъ экзальтирована, чтобы прилѣпиться къ первому человѣку, который показалъ бы мнѣ любовь... Я отдаю полную справедливость уму и любезности Алексѣя Дмитріевича, но онъ уже не такъ молодъ, чтобы вдохнуть чувство дѣвушкѣ въ осьмнадцать лѣтъ...

— Это правда, но...

— Мужъ вашъ даже не намекалъ мнѣ никогда ни о чемъ, оттого что, смѣю надѣяться, онъ сколько нибудь уважаетъ меня. Извините, Надежда Михайловна, но мнѣ странно, какъ женатый и уже немолодой человѣкъ рѣшился бы сказать дѣвушкѣ о своей любви! За кого же онъ долженъ принимать ее?

— Простите меня, ангелъ! Но если бы вы знали, какъ я люблю его, то вы не обвиняли бы моей маленькой ревности. Продолжайте только, душка, обходиться съ нимъ холодно, и я буду совершенно спокойна. Вотъ вамъ моя рука!

— Я не измѣню своего обращенія и увѣрена, что вамъ почудилась небывалая любовь. Хотите видѣть мое платье?

— Очень, очень хочу.

И Леночка принялась показывать свой нарядъ, приготовленный для завтрашняго вечера.

Возвратясь къ Ѳедосіи Лаврентьевнѣ, Волковцова была въ прекрасномъ расположеніи духа и за завтракомъ говорила больше всѣхъ.

Передъ обѣдомъ гости уѣхали.

XXII.

Со времени пріѣзда кузины, Надежда Михайловна была въ постоянномъ волненіи: то представлялось ей, что мужъ ухаживаетъ за Александрой Павловной, то чудилось, что онъ влюбленъ въ Дымкову, и ей хотѣлось проникнуть эту тайну. Обращеніе ея по этому случаю съ Леночкой мы видѣли; она дѣйствовала здѣсь открыто и вмѣстѣ, какъ ей казалось, очень тонко; съ кузиной она не смѣла заговорить въ этомъ тонѣ, изъ боязни оскорбить послѣднюю. Но Александра Павловна очень хорошо знала свою родственницу и, по возможности, старалась щадить ея спокойствіе. За то положеніе Волковцова было не совсѣмъ утѣшительное. Чѣмъ больше Надежда Михайловна ревновала, чѣмъ больше у ней было для этого причинъ или просто придирокъ, тѣмъ нѣжнѣе и неотвязчивѣе была она съ мужемъ, и ежеминутно старалась быть съ нимъ вмѣстѣ; на нее не дѣйствовали никакія убѣжденія; для нея не существовало никакихъ занятій мужа, которыхъ она не спѣшила бы прервать или долгимъ поцѣлуемъ, или вздохами, или жалобами на его холодность.

Волковцовъ догадался, что главную роль въ этихъ придиркахъ играла боязнь, чтобы онъ не влюбился въ Леночку, и

принялъ свои мѣры. Онъ находилъ большое удовольствіе въ бесѣдахъ съ молодой сосѣдкой; она ему нравилась... Но при первомъ же знакомствѣ, когда дѣвушка эта сдѣлала на него впечатлѣніе, онъ далъ себѣ слово никогда не высказывать ей чувства, которое, какъ драгоцѣнность, затаилъ въ своемъ сердцѣ. И какъ сильно ни было искушеніе, сколь ни обольстительною представлялась ему взаимность Леночки, онъ сурово отгонялъ мысль развращать неопытное сердце и преступной любовью отравить на первыхъ порахъ молодое прекрасное созданіе. А побѣда казалась ему столь возможною! Леночка постоянно была одна, въ глуши, во власти сварливой, необразованной старухи; вокругъ нея молодыхъ людей не было никого, исключая Спетцера, который не пришелся дѣвушкѣ по сердцу. Собственное тяжелое, безъисходное положеніе какъ бы заставляло его уважать участь другого, для котораго самъ онъ могъ приготовить точно такую же долю. Несмотря на свое, подчасъ смѣшное, франтовство въ обществѣ, Волковцовъ имѣлъ благородныя основанія. Однако же, по временамъ онъ увлекался и желалъ общества Леночки, хотя и съ твердымъ намѣреніемъ не показывать ей своего чувства.

Когда Надежда Михайловна возвратилась и вошла къ нему въ кабинетъ, онъ сидѣлъ за столомъ надъ раскрытой книгой и не замѣтилъ прихода любезной половины.

Подкравшись къ нему на цыпочкахъ, Надежда Михайловна крѣпко обняла его и прильнула губами къ его лицу.

— Ахъ, Надинъ, я не понимаю твоего удовольствія цѣловать невыбритыя щеки! сказалъ онъ, стараясь освободиться изъ ея объятій.

— Алекси! Алеша! мы вѣдь почти не видались сегодня.

— То есть ты хочешь сказать не цѣловались? Но тебѣ, кажется, извѣстно, что я не большой охотникъ до поцѣлуевъ.

— Ахъ, отвѣчала Надежда Михайловна, прежде было не то...

— И мы были не тѣ. Но дань молодости заплачена.

— Сердце не старѣется, Алекси, говорила Надежда Михайловна, снова порываясь обнять мужа.

— Что это за особенный припадокъ нѣжности у тебя сегодня? сказалъ Волковцовъ, уклоняясь отъ объятій.

— Я тебя такъ пламенно люблю!

— Я это знаю и очень тебѣ благодаренъ, но не люблю, когда ты мнѣ портишь прическу и мнешь воротнички.

— Богъ съ тобой! проговорила Надежда Михайловна, закатывая глаза; тебѣ кланяется Леночка, продолжала она.

— Вотъ ужъ готовъ объ закладъ биться, что неправда.

— Почему же?

— Потому что твоя Леночка скупа на ласки и въ особенности, какъ я замѣтилъ, въ отношеніи ко мнѣ.

— Со мной она очень нѣжна! сказала Волковцова весело. А если не всегда ласкова съ тобою, то, вѣроятно, есть причина.

— По крайней мѣрѣ, я не вижу никакой.

— Не разсердишься — я скажу.

— Сдѣлай одолженіе!

— Мнѣ, кажется... я полагаю, что ты говоришь ей любезности, а она этого не любитъ.

— Нѣтъ ли чего поновѣе? а это я слыхалъ уже отъ тебя не разъ при встрѣчѣ съ каждой хорошенькой женщиной или дѣвушкой. Удивляюсь, какъ ты позабыла, что точно такой же маневръ употребляла ты съ Хоботовой!

— Какъ тебѣ не стыдно, Алекси! Пелажи — кокетка, но Леночка...

— Я и не спорю, что Леночка лучше и умнѣе, да поэтому-то и ревность твоя гораздо больше.

Надежда Михайловна поднесла платокъ къ глазамъ и начала всхлипывать.

— Надинъ! неужели я не могу имѣть ни одного часа спокойствія? Какъ тебѣ не совѣстно выдумывать Богъ знаетъ что и оплакивать свои же вымыслы! Еслибы мнѣ и въ самомъ дѣлѣ понравилась Леночка, такъ вѣрно я не сталъ бы ухаживать за нею...

— Но если ты меня не любишь... говорила Волковцова, подходя къ мужу.

Алексѣй Дмитріевичъ всталъ, молча, взялъ шляпу и, не говоря ни слова, вышелъ изъ кабинета.

Надежда Михайловна отняла платокъ отъ глазъ, оглянулась вокругъ и, примѣтивъ на столѣ распечатанное письмо, мигомъ схватила его и прочла. Въ письмѣ не было ничего особеннаго. Она, однако-же, этимъ не удовольствовалась, а перерыла всѣ мужнины бумаги, разсматривая каждый клочокъ, исписанный перомъ или карандашомъ.

Александра Павловна вошла въ кабинетъ и застала ее за этимъ занятіемъ.

— Не повѣрите, кузина, сказала Волковцова, какъ Алекси неаккуратенъ! Вѣчно разбросаетъ свои бумаги.

— Это обыкновеніе многихъ, отвѣчала Александра Павловна съ улыбкою.

— Но вы, можетъ быть, думаете, кузина, что я пересматриваю письма?

— Мнѣ этого и въ голову не приходило. Я думала, что Алекси здѣсь и хотѣла спросить, нѣтъ ли новыхъ журналовъ.

— Вотъ лежатъ книги. А, это нумера за прошлый мѣсяцъ, приготовленные, вѣроятно, для Леночки. Надо посмотрѣть, я уже позабыла, какія здѣсь статьи.

И Надежда Михайловна начала пересматривать всѣ книги, словно безъ намѣренія, но, дѣйствительно, съ цѣлью подсмотрѣть какую нибудь отмѣтку карандашемъ или даже ногтемъ. Раза два смотрѣла она на поля одной книги съ особеннымъ вниманіемъ.

— Вы имѣете, Александринъ, привычку отмѣчать ногтемъ мѣста, которыя вамъ нравятся? спросила она.

— Нѣтъ, не имѣю. А что?

— Ничего, я такъ спросила: я иногда отмѣчаю. Вотъ, напримѣръ, я сдѣлала знакъ карандашемъ, смотрите. Я думаю лучше вытереть все это, потому что Алекси можетъ разсердиться.

И Волковцова усердно вытирала всѣ мѣста, отмѣченныя карандашемъ.

Вскорѣ подали обѣдать. За столомъ невозможно было даже замѣтить, что не дальше, какъ часъ назадъ, между мужемъ и женой происходила сцена, извѣстная читателю. Волковцовъ, въ присутствіи дѣтей, всегда избѣгалъ малѣйшаго повода къ неудовольствію, такъ что, благодаря этой мѣрѣ, ни дѣти, ни ихъ наставники не знали, какіе споры бывали между супругами. Гувернанткѣ, впрочемъ, Надежда Михайловна повѣряла свои страданія; но скромная француженка дѣйствовала чрезвычайно дипломатически и никогда не высказывала явно своихъ убѣжденій.

Послѣ обѣда Волковцовъ поѣхалъ къ Спетцеру.

Молодой помѣщикъ сидѣлъ, по обыкновенію, за письменнымъ столомъ и занимался бумагами; занятіе это поглощало у него много времени. Но у Спетцера ужъ такъ было заведено, чтобы малѣйшее происшествіе, самая пустая выдача или ничтожный приходъ были заносимы въ суточный рапортъ управляющаго, подаваемый ежедневно утромъ. Особеннаго рода книги были ведены имъ необыкновенно тщательно, и врядъ ли самая лучшая канцелярія могла похвалиться подобной отчетностью.

Привѣтливо поспѣшилъ Спетцеръ на встрѣчу Волковцову и пригласилъ его въ гостиную, гдѣ уже топился каминъ и на столѣ горѣла лампа.

— Что вы такъ рано уѣхали вчера отъ предводителя? спросилъ онъ, предложивъ гостю сигару.

— Надобно было домой. Но еслибы вы знали, Викентій Христіановичъ, какое со мною было приключеніе, то вы оставили бы и танцы, и преферансъ, и даже m-lle Пелажи!

— Что же такое?

— Въѣхавши въ рощу, я встрѣтилъ чьи-то сани на дорогѣ. Смотрю — Елена Михайловна.

— Гдѣ же она была?

— Въ Милушинѣ. Какъ водится, у старухи Дымковой лошади и упряжь въ ужасномъ безпорядкѣ, и бѣдная дѣвушка должна была сидѣть полчаса на морозѣ. Въ саняхъ оборвалось что-то, и лакей съ кучеромъ не могли ничего сдѣлать.

— Чѣмъ же кончилось?

— Я велѣлъ своимъ людямъ помочь, а пока они возились, Елена Михайловна просидѣла въ моихъ санкахъ.

— Оригинально!

— И было бы, конечно пріятнѣе, еслибы, вмѣсто меня, встрѣтился молодой человѣкъ, хоть Викентій Христіановичъ, напримѣръ.

— Я человѣкъ положительный и не люблю романическихъ встрѣчъ.

— Совершенно согласенъ, но молодыя дѣвушки думаютъ иначе. А вѣдь, признайтесь, Леночка интересная особа.

— А еще болѣе интересна, какъ невѣста. Впрочемъ, кажется, несмотря на молодость, она занята тысячью душъ и воображаетъ, что съ такимъ приданымъ она богатѣйшая невѣста въ имперіи.

— Напрасно вамъ это кажется. Нѣсколько времени тому назадъ, она была у насъ и бесѣдовала съ моей женой именно о замужествѣ. Я вошелъ во время этого разговора и слышалъ, какъ она говорила, что не задумалась бы выйти за самаго бѣднаго человѣка, еслибы только онъ ей понравился.

— Будто-бы?

— Я съ своей стороны одобряю подобное убѣжденіе.

— А я не совсѣмъ. Это доказываетъ все-таки, что Дымкова большая мечтательница. Сколько я замѣтилъ, она умна, но неопытна, и у нея большой недостатокъ въ свѣтскомъ тактѣ.

— Можетъ быть въ свѣтскости, не спорю, но такта у ней много.

— Пусть и такъ, согласенъ. А все ей выходить за бѣдняка — какъ-то странно: это была бы уже та *пламенная* любовь, которую изгнали изъ романовъ. Ей нуженъ человѣкъ образованный, свѣтскій, который умѣлъ бы доставить ей истинныя удовольствія жизни, а бѣднякъ сдѣлать этого не въ состояніи.

— Съ одной стороны это такъ: бѣдный человѣкъ, конечно, не имѣлъ бы возможности быть въ свѣтѣ; но мало ли среди бѣдняковъ очень умныхъ людей?

— Мужнинъ умъ еще не доставитъ женѣ ни вѣсу въ обществѣ, ни значенія въ свѣтѣ, если самъ мужъ не умѣетъ войти въ порядочную гостиную.

— Кто же и споритъ объ этомъ! Я только опровергаю ваше мнѣніе о Дымковой и утверждаю, что она ничуть не занята своимъ состояніемъ.

— Можетъ быть, это мнѣ такъ показалось. Во всякомъ случаѣ, она дѣвица достойная уваженія.

— И къ ней, кажется, вы не совсѣмъ равнодушны?

— Откровенно вамъ скажу, я неспособенъ къ такъ называемой страстной любви, которою бредятъ дѣвицы и юноши; но я нахожу, что изъ Леночки могла бы выйти хорошая жена.

— То-есть, просто говоря, вы женились бы на ней?

— Вѣрно не отказался бы.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— О, здѣсь много условій! Она хоть и умная дѣвушка, но мечтательна, а главное, никакъ не пойметъ, что въ наше время не вздыхаютъ подъ окнами и не становятся на колѣни, что можно любить тихо, разсудительно.

— Извините, если и я не пойму этого. Мужчина среднихъ лѣтъ можетъ предложить молодой особѣ руку хладнокровно и разсчитывая обоюдныя выгоды; но...

— Мы, значитъ, не поймемъ другъ друга съ Еленой Михайловной, я не умѣю вздыхать и выражать любви стихами, а она никогда не удостоитъ отвѣтомъ разумнаго чувства обыкновеннаго смертнаго.

— По всему видно, что вы сердиты на Леночку.

— Нисколько. Но скажите мнѣ, много ли счастливыхъ браковъ изъ числа тѣхъ, которые заключаются по пресловутой любви?

— Вы хотите намекнуть...

— Я никогда ни на кого не намѣкаю, а спрашиваю: ка-

кое супружество прочнѣе, основанное ли на любви, или на разсудкѣ?

— И въ томъ, и другомъ случаѣ — лотерея.

— Видите ли, изъ всѣхъ разговоровъ съ m-lle Дымковой я заключилъ, что она сильно начиталась романовъ, а потому искателю руки ея надо быть влюбленнымъ, какъ неистовый герой.

— Мнѣ кажется тоже страннымъ, чтобы молодая дѣвушка, безъ увлеченія, рѣшилась выйти замужъ за человѣка, потому только, что онъ разсудителенъ. Въ такомъ случаѣ нужно, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ знакомства.

— Это отчасти справедливо. Я, впрочемъ, и не имѣю претензіи на руку Елены Михайловны, а только говорю, что она выгодная невѣста.

Волковцовъ очень хорошо понималъ, что Спетцеръ говорилъ противъ убѣжденія; но ему любопытно было знать, чѣмъ именно Леночка огорчила молодаго человѣка. Нерасположеніе ея къ Спетцеру ему также очень хорошо было извѣстно, однако онъ еще недавно видѣлъ, какъ она была съ нимъ привѣтлива. Ясно, что, проникнувъ дальнѣйшія намѣренія Спетцера, она начала съ нимъ дѣйствовать иначе.

— Нѣтъ, любезный сосѣдъ, сказалъ онъ, можетъ быть, философія ваша и хороша, только не здѣсь, въ провинціи. А по-моему, если въ самомъ дѣлѣ вы рѣшились жениться на Леночкѣ, то надо приниматься за это рѣшительно!

— Смѣшно было бы отказаться отъ невѣсты съ такимъ приданымъ, не имѣй она и такихъ достоинствъ, какъ m-lle Дымкова, но я принужденъ повторить прежнее, что она много думаетъ о своемъ состояніи.

— Значитъ, вы начали за ней ухаживать, а она показала, что это ей непріятно?

Спетцеръ посмотрѣлъ на сосѣда.

— Я не начиналъ, что называется, ухаживать, и она прямо не показывала нерасположенія, а между тѣмъ есть уже какая-то антипатія, по крайней мѣрѣ, съ ея стороны.

— Э, вы просто влюблены!

— Я? Да за кого же вы меня принимаете?

— Какъ! одна мысль о любви вамъ кажется неприличной?

— Несовременной!

— Она всегда была и будетъ современна.

— Однако, мы съ вами завели нескончаемый споръ, а я лучше думаю будетъ, если мы подсядемъ къ камину и поговоримъ о другомъ. Кто, по-вашему, былъ лучше всѣхъ у предводителя?

— Тамъ была одна молоденькая дѣвочка въ розовомъ платьѣ.

И сосѣди принялись разбирать красоту этой дѣвочки, потомъ перешли къ другимъ, занялись Пелажи, что и дало имъ возможность проболтать до урочнаго времени, въ которое у Спетцера подавали чай. Послѣ чаю Волковцовъ уѣхалъ и не получилъ положительнаго отвѣта, ѣдетъ ли Спетцеръ къ Хоботовымъ. Нѣмецъ говорилъ и да, и нѣтъ, а между тѣмъ уже рѣшился просить Леночку на мазурку.

XXIII.

8-го декабря, послѣ обѣда, Леночка начала собираться къ Хоботовымъ, чтобы пріѣхать заранѣе и одѣваться къ вечеру уже вмѣстѣ съ Пелажи. Горничная ея уложила все, что нужно въ возокъ, и Леночка зашла къ бабушкѣ попрощаться. Ѳедосія Лаврентьевна была въ хорошемъ расположеніи духа и похвалила внучку за ея намѣреніе одѣваться въ Мокрыхъ Борахъ, что, по мнѣнію старухи, доказывало заботливость дѣвушки о сбереженіи костюма.

— Ну, Лена, смотри же, говорила она, помни мои наставленія насчетъ ферлакуровъ-то. Со Спенцеромъ будь любезна, а другіе пусть не прогнѣваются. Ты помнишь, какъ я тебя учила?

— Помню, бабушка! отвѣчала Леночка съ едва замѣтной улыбкой.

— То-то же! Да, смотри, набери конфектъ мопинькѣ. Есть у тебя ридикуль?

— Нѣтъ, бабушка! ихъ давно уже не носятъ.

— Это отчего, мать моя? Вздоръ! У каждой дамы и дѣвушки долженъ быть ридикуль — платокъ положить, и какъ-то пристойнѣе, коли онъ на рукѣ болтается. Я тебѣ дамъ свой. Онъ протертъ немножко, да ты можешь той стороной къ себѣ повѣсить. Терентьевна! подай мнѣ красный сундучекъ.

Терентьевна пошла исполнить приказаніе, а Леночка молчала, потому что не могла же противиться желанію бабушки.

Ѳедосія Лаврентьевна отперла сундучекъ.

— Вотъ онъ! говорила старуха, отыскавъ огромный кожаный ридикюль со стальной цѣпочкой, который могъ бы служить дорожнымъ мѣшкомъ. А, нутко, примѣряй!

Леночка повѣсила ридикюль на руку.

— Видишь, какъ хорошо! А то не носятъ! Прежніе люди

не глупѣе же были нынѣшнихъ. Ну, смотри, набери Додкѣ побольше конфектъ. Вѣдь я безъ процентовъ дала Хоботовой денегъ, такъ ты и не церемонься.

Обѣщавъ бабушкѣ исполнить всѣ ея приказанія, Леночка выѣхала съ сильно бьющимся сердцемъ. Она знала, что ничего особеннаго не встрѣтитъ на вечерѣ; но появленіе въ первый разъ въ здѣшнемъ обществѣ и любопытство, что̀ будетъ говорить ей Спетцеръ, чрезвычайно ее занимали.

Когда Леночка пріѣхала къ Хоботовымъ, почти всѣ гости уже собрались, но ихъ было, однако же, немного.

Вечеръ прошелъ, какъ всѣ провинціальные вечера подобнаго рода: танцы, оржадъ, лимонадъ, конфекты, мороженое, чай и ужинъ занимали гостей до двухъ часовъ утра.

Леночка возвращалась отъ Хоботовыхъ грустнѣе, чѣмъ могла предполагать. Въ числѣ кавалеровъ, приглашенныхъ Хоботовыми, отъ шестнадцатилѣтняго юноши до сорокалѣтняго исправника, она не нашла никого, кто занялъ бы ее хоть на минуту. Спетцеръ важничалъ и говорилъ нестерпимо-резонерскимъ тономъ, даже прочелъ ей что-то въ родѣ нравоученія. Правда, что ей говорили по русски и по французски любезности, многіе искали ея вниманія; но все это было такъ обыкновенно, такъ приторно, что недоставляло ровно никакого удовольствія. Она только и могла вспомнить нѣсколько туровъ польки съ военнымъ Сивцовымъ, который, не смотря на непозволительную глупость, танцовалъ очень ловко и прекрасно велъ свою даму — фактъ, впрочемъ, повторяющійся довольно часто. Одинъ мой знакомый о подобныхъ господахъ выражается, что у нихъ весь умъ въ ногахъ.

Въ мазуркѣ, однако же, которую Леночка танцовала съ Спетцеромъ, молодой сосѣдъ завелъ разговоръ о томъ, что современныя провинціальныя дѣвицы часто сами причиной, если не выходятъ замужъ. Это было сказано по поводу извѣстія, что одна изъ кузинъ Пелажи отказала какому-то достойному человѣку, »не имѣя достаточной на то причины«. Леночка защищала эту кузину и высказала, не безъ затаенной мысли, свое мнѣніе, что достаточною причиною въ этомъ отказѣ было отсутствіе любви въ этой дѣвушкѣ къ претенденту. Спетцеръ, по этому случаю, началъ уже развивать извѣстную теорію, которую Леночка опровергала довольно энергически. Къ концу мазурки она выражалась немного яснѣе, и я право не знаю, что было высказано искуснѣе: дипломатическое ли предложеніе Спетцера, котораго будто бы не по-

няли, или не менѣе тонкій отказъ Леночки, котораго не хотѣли понять.

Леночка, какъ мы уже видѣли, была натурою живою и впечатлительною, а Спетцеръ развивалъ передъ нею жизнь, словно канву, на которой для каждой клѣтки было свое опредѣленное мѣсто, и это возмущало дѣвушку. Она выросла въ деревнѣ, и хотя въ провинціи люди съ состояніемъ спѣшатъ наперерывъ дѣлаться неестественными, однако, подобныя попытки прививаются не ко всякому. Мужчина скорѣе можетъ дойти до той возмутительной сухости, которою даже въ модѣ тщеславиться въ извѣстномъ кругу; мужчинѣ представляются десятки средствъ очень рано оборвать у жизни всѣ цвѣты. Но молодая дѣвушка, даже въ томъ кругу, гдѣ отъ колыбели начинаетъ она жить по вымышленнымъ правиламъ, гдѣ болѣе или менѣе стараются заглушать въ ней всякое движеніе сердца; въ кругу, въ которомъ учатъ женщину притворяться съ дѣтства и гдѣ будущія обязанности ея размѣрены и разсчитаны, сообразно съ значеніемъ ея въ свѣтѣ, — и тамъ молодая дѣвушка не всегда можетъ примириться съ иными положеніями въ жизни. А Спетцеръ проповѣдывалъ Леночкѣ именно то, о чемъ она едва имѣла понятіе и на что смотрѣла, какъ на неестественное существованіе. Онъ старался ей доказать, что бракъ, въ которомъ нисколько не участвуетъ любовь, гораздо прочнѣе супружества, основаннаго на любви, и, по обычаю, приводилъ нѣсколько примѣровъ изъ дѣйствительности. Это по моему все равно, что ребенку стараться доказать отсутствіе въ природѣ всего чудеснаго и таинственнаго, отсутствіе сказочнаго міра, развитаго передъ нимъ няней. Съ лѣтами ребенокъ этотъ самъ увидитъ и узнаетъ многое, но тщетно вы будете стараться вырвать изъ его души младенческія вѣрованія.

Спетцеръ, человѣкъ практическій, свѣтскій, плохо зналъ сердце женщины, потому что онъ зналъ его изъ довольно неестественнаго источника. Ни его теорія, ни практика не послужили ему къ побѣдѣ надъ Леночкой. Нѣмецъ, однако же, не желая безславно отступить, началъ подтрунивать надъ чувствительностью Леночки, имѣя, конечно, затаенную мысль, въ частыхъ спорахъ объ этомъ предметѣ, сблизиться съ сосѣдкой, по возвращеніи изъ Петербурга. Соперниковъ онъ не боялся, да ихъ и не было.

Леночка, вообще, скучала, даже сердилась немного на Спетцера, но послѣ одумалась и была съ нимъ любезна. За

ужиномъ они сидѣли вмѣстѣ, и подъ конецъ зашелъ у нихъ разговоръ такого рода:

— Итакъ, Елена Михайловна, мы разстаемся почти врагами?

— Какое странное понятіе составили вы обо мнѣ, m-r Спетцеръ! Почему же вы думаете, что я могу видѣть въ васъ врага?

— Во первыхъ, въ мазуркѣ, вмѣсто какого нибудь интереснаго разговора, я завелъ съ вами споръ...

— И я вамъ очень благодарна. Всѣ эти такъ называемые интересные разговоры всегда на одну мѣрку, а нашъ былъ очень оживленъ, и я люблю спорить.

— Ни съ однимъ вашимъ мнѣніемъ я не былъ согласенъ.

— Такъ точно, какъ и я; значитъ, мы оба съ характеромъ. Повѣрьте, что разговоръ, подобный нашему, не можетъ наскучить.

Спетцеръ посмотрѣлъ на Леночку. Но она уже не продолжала разговора. Такъ они и разстались.

Возвратясь домой довольно поздно, Леночка долго не могла уснуть, и ей все думалось, отчего она представляла себѣ прежде, что на вечерѣ у Хоботовыхъ ей будетъ весело. Но все-таки она уснула съ пріятной мыслью, что на другой день не разбудятъ ее, и ей въ первый разъ въ Витаевѣ удастся уснуть часовъ до одиннадцати. Такъ и случилось. Ѳедосія Лаврентьевна съ разсвѣтомъ присылала за Леночкой, но Пелагея пошла сама объявить старухѣ, что у барышни голова болитъ и, хотя выдержала порядочный выговоръ, однако отстояла Леночку, которая проснулась ровно въ полдень.

Усѣвшись у камина, она принялась за чай, припасенный Пелагеей, и, позабывъ о вчерашнемъ вечерѣ, уже думала объ удовольствіи, ожидавшемъ ее въ оранжереѣ, среди роскошной зелени и цвѣтовъ, гдѣ располагала провести, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ послѣ обѣда.

Ѳедосія Лаврентьевна недолго, однако-же, позволила внучкѣ отдыхать на свободѣ, и, соскучась, снова потребовала ее къ себѣ, имѣя главною цѣлью разспросить о вчерашнемъ вечерѣ и узнать, много ли конфектъ привезла внучка собакѣ.

Леночка едва имѣла время забѣжать къ отцу и поспѣшила къ бабушкѣ. Первый вопросъ былъ о конфектахъ, о которыхъ Леночка ни разу и не вспомнила у Хоботовыхъ; къ счастію, у нея были свои, и она рѣшилась ими пожертовать: сбѣгала наверхъ, наклала ихъ въ чудовищный ридикюль и

сама кормила моську. Ѳедосія Лаврентьевна была въ отличномъ расположеніи духа, въ особенности, когда Леночка сказала, что вечеръ у Хоботовыхъ не удался. Тѣмъ не менѣе старуха входила въ такія подробности, которыхъ Леночка даже не могла замѣтить, относительно стола и порядка въ угощеніи. За то она такъ смѣшно очертила кавалеровъ, что Ѳедосія Лаврентьевна улыбалась.

По случаю этихъ разсказовъ обѣдъ прошелъ благополучно, и Леночка даже получила позволеніе прокатиться для облегченія головной боли.

Въ оранжерею ѣхала она съ особеннымъ удовольствіемъ. Это огромное высокое строеніе, съ верху до низу уставленное цвѣтами и большими деревьями, при зимнемъ солнечномъ свѣтѣ, представлялось ей такимъ пріятнымъ уголкомъ, гдѣ радость непремѣнно должна была слетѣть къ ней въ душу. При этомъ невольно вспомнила она свое первое посѣщеніе оранжереи и полчаса, проведенные тамъ въ обществѣ Волковцова. И вотъ пришелъ ей на память послѣдній разговоръ съ Надеждой Михайловной. Леночка задала себѣ вопросъ: совершенно ли безсознательно Волковцова ревновала къ ней мужа, или въ самомъ дѣлѣ существовала причина этой ревности? Она видѣла, что нравится Волковцову, но не знала, да и знать не могла, было-ль это чувство любви или просто дружеское расположеніе. Онъ не скрывалъ удовольствія быть въ ея обществѣ, а между тѣмъ никогда ни однимъ намекомъ не обнаруживалъ, что желалъ ей нравиться. Кто знаетъ, покажи онъ ей свое чувство, можетъ быть, она приняла бы неблагопріятно женатаго сосѣда; но теперь Волковцовъ былъ для нея загадкой, которую, по врожденному любопытству, ей хотѣлось бы разгадать для развлеченія.

Леночка только еще подъѣзжала къ оранжереѣ, а уже Зоммерфельдъ вышелъ къ ней на встрѣчу и выражалъ свое удовольствіе. Онъ проводилъ ее прямо къ знакомой бесѣдкѣ, гдѣ Леночка не безъ удивленія нашла Волковцова и покраснѣла.

— Я никакъ не ожидала встрѣтить васъ сегодня! сказала она.

— А я зналъ, что вы здѣсь будете, и, заѣхавъ по дѣлу къ управляющему, не пропустилъ случая повидаться съ вами и разспросить о вчерашнемъ вечерѣ.

Леночка сѣла и, какъ водится, не могла отказаться выпить чашку кофе, который былъ уже готовъ и принесенъ бѣлокурою дочкою садовника.

Поговоривъ о вечерѣ Хоботовыхъ, нисколько неинтересномъ для обоихъ собесѣдниковъ, Леночка и Волковцовъ замолчали: одной хотѣлось бы узнать поближе сосѣда, другому — скрыть какъ можно искуснѣе свои мысли отъ сосѣдки.

— Итакъ, вы разстались съ Спетцеромъ почти недружелюбно, Елена Михайловна?

— Я всегда разставалась съ нимъ одинаково: у меня какъ-то не лежитъ сердце къ этому молодому человѣку, и я хотѣла бы слышать отъ васъ дружеское мнѣніе, права ли я въ этомъ случаѣ?

— Благодарю васъ за довѣріе! сказалъ Волковцовъ, смотря пристально на Леночку, только не знаю, буду ли безпристрастнымъ, потому что и у меня душа не лежитъ къ Спетцеру.

— Сколько я васъ понимаю, вы не скажете неправды.

— Я той вѣры, Елена Михайловна, что гораздо лучше поступать такъ, какъ вы поступаете. Не скрою отъ васъ, что Спетцеръ не задумался бы сдѣлать вамъ предложеніе.

— Надежда Михайловна мнѣ говорила объ этомъ, да я и сама замѣтила. Только знаете ли? я не могу понять его манеры нравиться.

— Не дальше, какъ вчера, я ему говорилъ то же самое.

— Почему же онъ считаетъ меня такой простушкой, что его мнѣнія должна я принимать за авторитетъ? Онъ весь вечеръ старался мнѣ доказать, что любовь — глупость, и что въ супружествѣ она не нужна... Странный человѣкъ! Чѣмъ же онъ, наконецъ, думаетъ пріобрѣсть мое расположеніе? Не тѣмъ ли, что у него восемь сотъ душъ?

— Видите ли, Елена Михайловна, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые хотятъ преобразовать законы природы по своей теоріи, какъ успѣли они переиначить нѣкоторыя условія частной жизни.

— Будто есть подобные люди?

— Это поколѣніе молодежи, которое, переиспытавъ все, въ 20 съ небольшимъ лѣтъ пресыщается всѣми удовольствіями и, считая уже пошлымъ корчить, какъ во время оно, Чайльдъ-Гарольдовъ, или, пожалуй, Печориныхъ, смѣявшихся надъ чувствами притворно, отъ души надъ всѣмъ насмѣхается. Свѣтскіе матеріалисты еще не такъ вредны въ столицѣ, потому что тамъ они исчезаютъ въ своемъ водоворотѣ; но, появляясь и въ провинціи, они вносятъ небывалые законы семейной жизни. Можетъ быть, я ошибаюсь, но не имѣю вѣры

къ людямъ, которые въ двадцать пять лѣтъ проповѣдуютъ молодой дѣвицѣ то, о чемъ говоритъ вамъ Спетцеръ.

— Пускай весь свѣтъ смѣется надо мною, а я не выйду за человѣка, котораго не могу любить.

— Конечно, и въ любви можно обмануться, и этому чувству не должно довѣрять...

— Но мнѣ кажется, что даже непріятности легче перенесть отъ любимой особы...

— Не всегда, сказалъ Волковцовъ, опуская глаза.

— Можетъ быть, вамъ покажется странно, но я считаю оскорбительнымъ искательство Спетцера. Онъ не скрылъ этого намѣренія отъ Надежды Михайловны; вы говорите, что намекалъ и вамъ: вслѣдствіе какого же убѣжденія онъ хочетъ на мнѣ жениться? Значитъ, не будь у меня тысячи душъ...

— Нѣтъ сомнѣнія, что вы были бы для него менѣе интересны.

— Пусть же ищетъ себѣ, кого ему угодно, сказала Леночка, и черты ея выразили негодованіе: человѣкъ безъ сердца, человѣкъ злой и холодный никогда не будетъ моимъ мужемъ, прибавила она.

— А все надо отдать справедливость Спетцеру, что онъ дѣйствуетъ открыто; вѣдь онъ могъ бы притвориться...

— Повѣрьте, что сердце мнѣ подсказало бы.

— Такъ оно вамъ указываетъ тѣхъ, кто привязанъ къ вамъ искренно?

— Если не указывало до сихъ поръ, потому что не встрѣчало, такъ умѣло обнаружить непріязненное чувство при встрѣчѣ со Спетцеромъ.

— Не всегда, Елена Михайловна, сердце указываетъ вѣрно.

— Напримѣръ, оно говоритъ мнѣ, что вы расположены ко мнѣ дружески.

— Оно и не смѣетъ сказать иначе, а между тѣмъ, я человѣкъ не совсѣмъ правдивый и, можетъ быть, даже грѣшный.

— Вы уже мнѣ намекали какъ-то о своихъ недостаткахъ, но я не думаю, чтобы они были важны.

— Довольно важны! Вы уже не дитя, вы должны были видѣть, что семейная жизнь моя не можетъ назваться счастливой... И, кажется мнѣ, я самъ тому причиной.

— Вы?

— Да. Я женился по любви и обязанъ сдѣлать жену счастливою, а иногда я огорчаю ее...

Леночка молчала.

— Мы съ нею разныхъ мнѣній, разныхъ понятій, продолжалъ Волковцовъ: но это не даетъ мнѣ никакого права раздражать Надину, а я иной разъ позволяю себѣ это.

Леночка смотрѣла во всѣ глаза на Волковцова. Она догадывалась, что сосѣдъ говорилъ противъ себя, но не могла понять причины.

— Вы, кажется, говорите на себя напраслину! замѣтила она.

— Вы это думаете, а я знаю, что, можетъ быть, я часто виноватъ передъ женою. Но мы перешли къ частностямъ. Супружество, Елена Михайловна, по любви ли оно, или нѣтъ, должно быть основано на обоюдномъ уваженіи и непремѣнно должно быть хоть десять лѣтъ разницы въ возрастѣ мужа и жены. Я принимаю въ соображеніе послѣдствія.

— Значитъ, еслибы мнѣ понравился молодой человѣкъ лѣтъ двадцати...

— Я не посовѣтовалъ бы вамъ выходить за него замужъ. Я защищаю бракъ по любви, но плохо вѣрю въ постоянную любовь юноши и молоденькой дѣвушки. Черезъ годъ, два, пламенное чувство можетъ угаснуть навсегда, и жизнь будетъ непрерывнымъ безъисходнымъ мученіемъ.

— А я думаю, сказала Леночка со вздохомъ: что тяжело должно быть состояніе супруговъ, если они другъ въ другѣ обманулись.

— По большей части, оно бываетъ тягостнымъ для одного.

Леночка, яснѣе чѣмъ когда нибудь, сообразила печальное положеніе самого Волковцова.

— Я вѣрю вамъ, Алексѣй Дмитріевичъ, потому что вы больше моего жили на свѣтѣ. Да, грустно, должно быть, обманываться! По крайней мѣрѣ, я увѣрена въ вашей дружбѣ.

И Леночка протянула руку Волковцову, который не упустилъ случая поцѣловать хорошенькую ручку.

Въ это время въ бесѣдку быстро вошла Надежда Михайловна.

XXIV.

При неожиданномъ появленіи Надежды Михайловны собесѣдники смѣшались... Но опускаю занавѣсъ надъ сценой, довольно грустной и пошлой. Читатель былъ свидѣтелемъ бесѣды Леночки и Волковцова, чтобъ оправдать ихъ отношенія, но знаетъ настолько и Надежду Михайловну, чтобы понять,

какъ она играла свою роль и какими упреками осыпала мужа и молодую сосѣдку. Леночка потерялась совершенно и плакала: незаслуженные, грубые упреки Волковцовой оскорбили ее до глубины сердца.

Можете себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа разъѣхались сосѣди. Больше всѣхъ страдала Леночка, она ѣхала, почти потерявъ сознаніе. Не прошло, однако же, десяти минутъ, какъ ее догналъ Волковцовъ и просилъ остановиться на минуту. Леночка исполнила его просьбу. Они говорили по-французски.

— Простите меня, сказалъ Волковцовъ, подходя къ санкамъ Дымковой, — что невольно я былъ причиною этой непріятности. Рано или поздно, я ожидалъ развязки, хоть и не ждалъ подобной неблагородной выходки, но я не думалъ, что она случится такъ скоро.

— Я нисколько васъ не обвиняю, потому что это было бы несправедливо. Но скажу вамъ откровенно, что мнѣ жаль потерять въ васъ единственнаго, пріятнаго собесѣдника.

— Вѣрьте, Елена Михайловна, что, не смотря ни на что, я всегда останусь самымъ преданнымъ вашимъ слугою и если могу вамъ быть въ чемъ либо полезнымъ, то постараюсь исполнить малѣйшее ваше желаніе.

— Благодарю васъ. Прощайте, Алексѣй Дмитріевичъ, и кто знаетъ на сколько времени!

Не безъ тайной грусти Леночка разсталась съ человѣкомъ, который, въ продолженіе знакомства, не оказывалъ ей ничего, кромѣ расположенія, и не доставлялъ ничего, кромѣ удовольствія. И ей стало жаль Волковцова. Теперь она вполнѣ постигла Надежду Михайловну и могла представить себѣ, что долженъ былъ переносить мужъ отъ подобной жены.

Леночка возвратилась домой взволнованная и, во избѣжаніе недоразумѣній, рѣшилась ничего не разсказывать бабушкѣ. Старуха, по своей подозрительности, могла принять происшествіе иначе, а разувѣрить Ѳедосію Лаврентьевну не было никакой возможности. Цѣлый день Леночка провела самымъ непріятнымъ образомъ: ничего ей не удавалось, ни въ чемъ не находила она развлеченія, словно угнетало ее предчувствіе какой нибудь сильной непріятности.

Цѣлую ночь грезились ей самые безсвязные сны, а на утро проснулась она, словно утомленная какимъ нибудь физическимъ страданіемъ. Черезъ четверть часа, однако, ей подали объявленіе съ почты на посылку изъ Петербурга, и она

тотчасъ же распорядилась послать въ городъ: ей хотѣлось какъ можно скорѣе получить давно ожидаемые наряды.

Передъ обѣдомъ, когда она ушла въ свою комнату, къ ней пріѣхала на минуту Пелажи. Дѣвицы усѣлись у камина. Леночка вкратцѣ передала вчерашнее происшествіе, прося сосѣдку никому не разсказывать.

— Этого надо было ожидать, сказала Пелажи и привела нѣсколько примѣровъ изъ своего знакомства съ Надеждой Михайловной.

— Мнѣ жаль, ma chère, потерять общество Волковцова и возможность пользоваться журналами.

— Будемъ видѣться почаще. Что же дѣлать, если участь наша — прозябать въ этой глуши!

Пелажи собралась. Леночка хотѣла проводить ее, подошла къ окну и остановилась удивленная.

— Пелажи? я вижу сани Волковцовыхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, это Надежда Михайловна одумалась и пріѣхала просить у васъ прощенія: отъ нея все станется. Однако, я уѣду поскорѣе: мнѣ не хотѣлось бы встрѣчаться съ этой женщиной.

Когда Пелажи одѣлась, и Леночка вышла на крыльцо проводить сосѣдку, саней Волковцовыхъ не было. Явилась Танька звать барышню къ бабушкѣ.

— Не наговорила бы она глупостей бабушкѣ, сказала Пелажи по-французски.

— А вѣдь отъ нея можно ожидать и этого, тѣмъ болѣе, что пріѣзжала накороткѣ и не повидалась со мною. До свиданія! Я заѣду разсказать вамъ.

Ѳедосія Лаврентьевна сидѣла на обычномъ мѣстѣ. Лице ея было нахмурено, взоръ гнѣвный, голосъ, которымъ она говорила что-то при входѣ Леночки, перешелъ въ самый низкій басъ.

— Что угодно, бабушка?

— Вонъ всѣ! крикнула повелительно старуха, указывая рукой на прислугу, и обратилась къ внучкѣ. Такъ ты, сударыня, этакая? сказала она, осматривая послѣднюю съ головы до ногъ.

Леночка вздрогнула.

— Я ничего не понимаю, прошептала она.

— Понимаешь! Срамница, мерзавка! Такъ вотъ зачѣмъ ты таскаешься по ранжереямъ! Хорошо, матушка! Еще матернее молоко на губахъ не обсохло, а ты чужихъ мужей отбиваешь...

— Бабушка!

— Я тебѣ покажу бабушку! Прошу покорно! Позвольте поѣхать цвѣтовъ посмотрѣть! Я съ дуру и позволяю, а она озорница съ чужими мужьями цѣлуется.

— Бабушка! сказала Леночка голосомъ, который въ состояніи былъ проникнуть въ самое зачерствѣлое сердце.

— Не хочешь ли оправдываться, негодница? Небось, скажешь, что все напраслина...

— Вамъ не такъ передали.

— Не такъ!.. И ты смѣешь упрямиться! На колѣни! вотъ тутъ сію минуту!

И старуха начала приподниматься съ мѣста.

Леночка готова уже была лишиться чувствъ и машинально повиновалась грозному голосу Ѳедосіи Лаврентьевны.

— А! вотъ оно модное-то воспитаніе! вотъ книжки-то! Нѣтъ, голубушка, всѣ книжки сожгу, одѣну тебя въ затрапезное платье, посажу на хлѣбъ на воду... Постоишь ты у меня на колѣнкахъ, а тамъ я расправлюсь съ тобой! Эй! крикнула старуха.

Въ эту минуту сошлись горничныя.

— Ведите меня! продолжала старуха, обѣдъ подавать мнѣ въ спальню и накрывать одинъ приборъ, а этой негодницѣ не смѣть принесть и куска хлѣба!

Старуха выпрямилась,

— А ты, негодница, сказала она, обращаясь къ внучкѣ, стоявшей на колѣняхъ и закрывшей лицо руками, не думай, что все этимъ кончится! Не смѣй мнѣ вставать, пока не прикажу, а завтра, матушка, я тебя высѣку, больно высѣку! Слышишь? Терентьевна! чтобъ было мнѣ три пучка розогъ, такихъ, какъ я люблю! Стоять хорошенько на колѣняхъ, а завтра задамъ баню! Милый дружокъ не заступится!

И старуха отправилась въ спальню.

Леночка лишилась чувствъ и упала на полъ безъ движенія.

Подслѣповатая прислуга, суетившаяся за приготовленіемъ стола, не замѣтила этого обстоятельства, но Филька увидѣлъ и, не зная ничего о случившемся, подбѣжалъ помогать барышнѣ.

— Вона! сказалъ онъ и пошелъ доложить Ѳедосіи Лаврентьевнѣ.

— Старый дуракъ! вскрикнула она на него, а тебѣ что за дѣло? — Не притворяйся, матушка! продолжала она, возвышая голосъ такъ, чтобъ Леночкѣ было слышно, у меня

этимъ немного возьмешь! Я вѣдь отрезвлю не спиртомъ, а ременной плеткой! Полно кобениться-то!

Филька вопросительно взглянулъ на прислугу и, пожавъ плечами, вышелъ на кухню разсказать о необыкновенномъ происшествіи. Узнавъ объ этомъ, Пелагея поспѣшила въ столовую и хоть была увѣрена, что разгнѣваетъ барыню, однако подбѣжала къ Леночкѣ, и со слезами начала разстегивать ей платье.

— Кто тамъ хнычетъ? спросила Ѳедосія Лаврентьевна.

Танька взглянула.

— Это Пелагея-съ.

— Пелагея? Какъ же она смѣла? Да что же это тамъ дѣлается? Ведите меня въ столовую!

Горничныя исполнили приказаніе.

— Ты что здѣсь возишься, мерзавка? спросила она у Пелагеи, входя въ столовую.

— Матушка-барыня! Алена Михайловна безъ чувствія!

— Терентьевна! посмотри!

Ключница подошла къ Леночкѣ.

— Безъ чувствія, матушка!

— Распустить платье!

— Распущено-съ.

— Спрысни водой!

Пелагея схватила графинъ и начала брызгать на барышню. Черезъ нѣсколько времени Леночка открыла глаза и тяжело вздохнула.

— Пелагея! уведи ее наверхъ и смотри, каналья, будь при ней неотлучно!

Горничная взяла Леночку на руки и бережно понесла ее изъ столовой.

Леночка цѣлый день проплакала, къ вечеру у ней показались бредъ и жаръ, и ночью развилась горячка.

На разсвѣтѣ отцу Василію было сообщено обо всемъ случившемся и добрый священникъ въ ту же минуту собрался навѣстить больную. Леночка была въ безпамятствѣ. Пелагея бросилась въ ноги священнику.

— Батюшка! помогите!

— Не плачь, милая, а молись Богу! Я сейчасъ пойду къ барынѣ. Сегодня же придетъ лекарь.

Отецъ Василій нашелъ лишнимъ разспрашивать горничную, а поспѣшилъ къ Ѳедосіи Лаврентьевнѣ, которая сидѣла уже за самоваромъ. При входѣ священника она смѣшалась немного.

— Хорошо, отецъ мой, что вы зашли; я уже хотѣла посылать за вами. Садитесь-ко, напьемся чайку!

— Чаю выпью охотно, потому что еще не пилъ, а поговорить намъ надо, только безъ свидѣтелей.

— А вотъ послѣ чаю вышлю всю сволочь. Ну, что, Терентьевна, зѣваешь? что мухъ ртомъ ловишь, розиня? Аль не видишь, что надо чашку отцу Василію?

Чашка была принесена.

— Наливай Мишѣ, да и наверхъ снести.

— Наверху, сударыня, не будутъ кушать-съ.

— Это почему?

— Барышня въ безпамятствѣ.

— Полно врать-то!

— Елена Михайловна въ бреду, сказалъ отецъ Василій, и я совѣтовалъ бы вамъ сію же минуту послать за докторомъ.

— Ну, что-жъ! и послать! Танька! сбѣгай къ управителю и скажи: барыня, молъ, велѣла послать за лекаремъ.

Танька отправилась исполнять приказаніе.

— А между тѣмъ велите поставить больной горчишники.

— И это можно. А вотъ кончимъ чай, такъ Терентьевна пойдетъ наверхъ.

Когда убрали самоваръ и прислуга вышла, отецъ Василій обратился къ Ѳедосіи Лаврентьевнѣ.

— Бога ради, разскажите, что у васъ здѣсь случилось!

— А то, отецъ Василій, что дѣвчонка нашалила.

— Какимъ же образомъ?

— Видишь ли: третьяго дня она и просится прокататься; говоритъ, голова тяжела послѣ танцевъ. Я и позволила: пусть, думаю, дѣвочка проѣздится! Часа черезъ два она воротилась, и ничего. Вотъ, отецъ мой, вчера утромъ передъ обѣдомъ сижу на этомъ самомъ мѣстѣ, какъ входитъ Надежда Михайловна, заплаканная такая и лица на ней нѣтъ. Что съ тобою, мать моя? спрашиваю. »Вышлите, говоритъ, ради Бога, прислугу: мнѣ надо вамъ пересказать кое-что.« Я выслала своихъ хрычовокъ и думаю, что у Волковцовыхъ вышла какая нибудь ссора, такъ она бѣдняжка пріѣхала за совѣтомъ. Она, голубушка, со слезами бросилась цѣловать мои руки и говоритъ: »спасите, Ѳедосія Лаврентьевна?« »Христосъ съ тобой! — говорю — что же такое?« »Вы, говоритъ, одна надежда: спасите! Леночка, говоритъ, завлекаетъ моего мужа и съ нимъ кокетствуетъ«. »Какъ такъ?« спрашиваю. »А такъ, говоритъ, всегда шепчутся вдвоемъ, а въ Нико-

линъ день сидѣли въ лѣсу на саняхъ почти цѣлый вечеръ.« Я, признаться, осерчала немного. »Вотъ что, говорю, выдумали! Не на снѣгу же ей было сидѣть, пока починяли санки!« »Тамъ-то они, говоритъ, и условились видѣться въ ранжереѣ. Вчера, говоритъ, я начала подмѣчать за мужемъ; онъ все посматривалъ на часы, а послѣ велѣлъ заложить санки и уѣхалъ. Я недолго думала, мигомъ собралась и сама отправилась, какъ будто покататься. За деревней, говоритъ, узнала отъ мужиковъ, куда поѣхалъ Алексѣй Дмитріевичъ и велѣла кучеру погонять въ княжескую деревню. Подъѣзжаю къ ранжереѣ и вижу санки вашего управляющаго, а нашей лошади нѣтъ. Иду, говоритъ, въ ранжерею, а тамъ между деревьями сидятъ Леночка съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ и нѣжничаютъ: онъ, говоритъ, держитъ ея руку и цѣлуетъ, а она улыбается и кокетствуетъ. Я, говоритъ, не вытерпѣла и туда! Начала, говоритъ, стыдить ихъ, плакать...« Вотъ оно что, отецъ Василій! Да еще какая исторія: уже всѣ разъѣхались, а Волковцовъ догналъ Леночку и они стояли въ полѣ, почитай цѣлый часъ.

— Видите ли, Ѳедосія Лаврентьевна: мнѣ что-то плохо вѣрится въ справедливость этого разсказа. Я очень хорошо знаю Волковцову и Елену Михайловну. Здѣсь что нибудь, да не такъ!

— А прахъ ихъ знаетъ! Только нельзя же дѣвчонкѣ позволять кокетствовать.

— Хорошо! Что же у васъ было по отъѣздѣ Волковцовой.

— А что было? Ничего. Я велѣла позвать внучку и побранила ее. Ужъ не по головкѣ же погладить за это!

— И только?

— Нѣтъ, что грѣхъ таить! я поставила ее на колѣни, не дала обѣдать и такъ, только для острастки, грозила высѣчь.

— Нехорошо, Ѳедосія Лаврентьевна: вы не узнали еще настояще дѣла, а уже наказываете. Вѣдь легко можетъ быть, что все это сущій вздоръ. Я готовъ ручаться, что Елена Михайловна не допуститъ себя ни до чего предосудительнаго. Нѣтъ, вы неправы, Ѳедосія Лаврентьевна!

— Ну, ужъ, отецъ мой, ты за всѣхъ заступаешься. Тебѣ хорошо говорить, а каково мнѣ слышать, что моя внучка цѣлуется съ чужими мужьями!

— Ужъ и цѣлуется! Я увѣренъ, что вы напрасно огорчили бѣдную дѣвушку. И весело ли вамъ теперь смотрѣть, какъ она страдаетъ? вѣдь у ней ужасная горячка!

— Пройдетъ, отецъ Василій, да не я причиною. Не оттого же заболѣла, что постояла полчаса на колѣняхъ!

— А стыдъ, униженіе и напрасное наказаніе? это у васъ ничего не значитъ?

— Да что же дѣлать-то?

— Послать было за мной: мы посовѣтовались бы, я могъ бы съѣздить къ садовнику и, наконецъ, къ Волковцову, который не солжетъ...

— Ну, ужъ на Волковцова-то плоха надежда: онъ шалберъ извѣстный, точь въ точь мой покойный мужъ. Онъ-то и Леночкѣ вскружилъ голову.

— Всѣ эти наши разговоры ни къ чему не поведутъ, а вотъ лучше позаботьтесь о больной, да, прошу васъ, не будьте къ ней строги, пока она не оправится совершенно. Вамъ бы не худо было хоть какъ нибудь зайти къ Еленѣ Михайловнѣ: пусть бы васъ перенесли, если не взойдете.

— Можетъ быть, она и скоро выздоровѣетъ. А ты, батька, поразвѣдай-ко хорошенько, что тамъ была за исторія.

— Хорошо! Я тоже буду ежедневно приходить провѣдывать больную. Пошлите же поставить горчишники.

— Сейчасъ, сейчасъ.

Отецъ Василій вышелъ, а Ѳедосія Лаврентьевна занялась домашними лекарствами, но нисколько не сознавалась въ душѣ, что была причиною болѣзни внучки.

Вечеромъ пріѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ больную, сказалъ, что она опасна, что онъ еще ничего не можетъ сказать рѣшительнаго и прописалъ рецептъ, обѣщавъ на другой день пріѣхать.

Больной, между тѣмъ, было хуже и хуже. Докторъ исполнилъ обѣщаніе, пріѣхалъ черезъ день и прожилъ нѣсколько времени въ Витаевѣ, но Леночка не поправлялась. У нея развилась сильная нервная горячка, которой прервать не было уже никакой возможности, а надо было ожидать сомнительнаго исхода въ день перелома. Найдя въ горничной Леночки самую усердную сидѣлку, докторъ уѣзжалъ увѣренный, что всѣ его приказанія будутъ исполнены въ точности.

Хоботова съ дочерью пріѣзжали навѣстить больную, и Ѳедосія Лаврентьевна разсказала имъ, впрочемъ, довольно кратко, извѣстное событіе. Хоботова представила ей въ примѣръ свою дочь, на которую Волковцова сплела цѣлую исторію, и увѣряла старуху, что Леночка ни въ чемъ не виновата.

Больше всѣхъ, однако-жъ, принималъ участія въ бѣдной

дѣвушкѣ отецъ Василій. Доброму священнику не вѣрилось, чтобы Леночка завела связь съ Волковцовымъ, и потому онъ отправился, во первыхъ, къ княжескому садовнику и вывѣдалъ отъ него все, что могъ замѣтить добрый нѣмецъ, а во вторыхъ, рѣшился ѣхать къ Волковцову и узнать отъ него, въ чемъ дѣло. Онъ считалъ послѣдняго честнымъ человѣкомъ и не сомнѣвался, что тотъ съ полною откровенностію передастъ ему происшествіе въ оранжереѣ.

XXV.

Послѣ завтрака Волковцовъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и глубоко задумался. Онъ слышалъ о болѣзни Леночки и хотя не зналъ того, что произошло въ Витаевѣ, однако, догадывался о какой нибудь возмутительной выходкѣ Ѳедосіи Лаврентьевны. Жена скрыла отъ него свою поѣздку къ Дымковымъ, и первая жалѣла, узнавъ, что Леночка больна. Для Волковцова это было не только непріятно, а даже тягостно; все это событіе, нѣкоторымъ образомъ, лежало у него на совѣсти. Если онъ былъ франтъ и занимался слишкомъ своею наружностью, то подобно немногимъ франтамъ, сохранилъ много человѣчности и благородства. При всемъ этомъ онъ сознавался въ душѣ, что любитъ Леночку, которая теперь страдала отъ его неблагоразумія. На жену онъ не могъ сердиться, потому что Надежда Михайловна не въ первый разъ затѣвала подобныя исторіи, но и не могъ придумать средствъ поправить дѣло. Онъ зналъ, что знакомство съ Дымковыми прервано было надолго, возстановить миръ и согласіе не было никакой возможности, тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ отказаться отъ мысли видѣть интересную свою сосѣдку.

Ему доложили о пріѣздѣ витаевскаго священника. Волковцовъ вздрогнулъ и приказалъ просить. Вошелъ отецъ Василій, котораго любили и уважали въ сосѣдствѣ за его кроткое сердце.

Волковцовъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, предчувствуя смутно, что посѣщеніе священника имѣло отношеніе къ непріятному происшествію.

Слѣдовали обычные разспросы и тѣ безсвязныя фразы, которыми обмѣниваются люди, не рѣшаясь прямо приступить къ настоящему предмету.

— Ну, что ваша больная? спросилъ Волковцовъ съ участіемъ.

— Очень плоха, Алексѣй Дмитріевичъ!

— Но что же говоритъ докторъ?

— Ничего не говоритъ. Я признаться и пріѣхалъ къ вамъ по этому случаю. Можно быть съ вами откровеннымъ, Алексѣй Дмитріевичъ?

— О, сдѣлайте милость, батюшка! сказалъ Волковцовъ и, подойдя къ двери, заперъ ее на задвижку.

— Дѣло выходитъ очень нехорошее.

— Какъ?

— Я, право, не знаю, какъ быть. До Ѳедосіи Лаврентьевны дошли весьма непріятные слухи.

Волковцовъ поблѣднѣлъ немного.

— Я все знаю, Алексѣй Дмитріевичъ, сказалъ священникъ, смотря пристально на Волковцова: обвиняю и васъ въ неблагоразуміи, но супруга ваша погорячилась и изъ мухи сдѣлала слона.

— Меня удивляетъ одно, какимъ образомъ...

— Позвольте! Повторяю, что, не видя ничего дурнаго въ свиданіи вашемъ въ оранжереѣ, я все же обвиняю васъ. Вы знаете свою супругу и должны были бы избѣгать всякаго повода къ непріятностямъ. Что Елена Михайловна добрая и благородная дѣвушка, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; если же она, по неопытности и въ слѣдствіе однообразной жизни, рада была случаю побесѣдовать съ образованнымъ человѣкомъ, то вамъ слѣдовало бы удержать ее отъ этого.

— Отецъ Василій!...

— Нѣтъ, ужъ вы меня извините. Вы могли бы пріѣхать въ Витаево, или пригласить Елену Михайловну въ Милушино: тогда это имѣло бы совершенно другой видъ. Я не ригористъ, Алексѣй Дмитріевичъ, и если образованный человѣкъ находитъ удовольствіе въ обществѣ красивой дѣвицы, то не вижу еще зла. Теперь мнѣ нужно знать — извините за прямоту — какого рода былъ вашъ разговоръ, что Надежда Михайловна оскорбилась до такой степени?

— Вы рѣдкій и превосходный человѣкъ, отецъ Василій, а потому съ вами можно говорить откровенно. Вы правы: между нами не только не было ничего предосудительнаго, но и нечистая мысль не приходила мнѣ въ голову, а объ Еленѣ Михайловнѣ и не говорю. Видите ли: Спетцеръ началъ подумывать о витаевской невѣстѣ и разными способами давалъ ей это почувствовать, а на вечерѣ у Хоботовыхъ обнаружилъ это какъ-то яснѣе. Вы знаете Спетцера, знаете, какъ дурно обхо-

дится онъ съ своими приближенными.... Это-то обстоятельство дошло до дѣвушки и отвратило ее отъ молодаго сосѣда. Весь нашъ разговоръ съ ней ограничивался Спетцеромъ. Она спрашивала моего мнѣнія, я отвѣчалъ ей откровенно.

— Что же тутъ преступнаго?

— Не знаю. Въ заключеніе она протянула мнѣ руку, прося руководить ее совѣтами, я изъ вѣжливости поцѣловалъ ея руку, и въ это время вошла жена.

Волковцовъ замолчалъ.

— Я такъ и говорилъ Ѳедосіи Лаврентьевнѣ, что не было ничего не только предосудительнаго, но даже двусмысленнаго.

— Однако, отецъ Василій, какимъ же образомъ Ѳедосія Лаврентьевна могла узнать все это? Развѣ Елена Михайловна сама разсказала?

— Ну, она не сказала бы, отвѣчалъ отецъ Василій, смотря на Волковцова.

Добрый священникъ хотя и стоялъ всегда за истину, однако до крайности остерегался быть причиной ссоры супруговъ, и потому не открылъ Волковцову пошлой выходки Надежды Михайловны.

— Я, знаете ли, готовъ подозрѣвать жену...

— Все это теперь безполезно, а худо то, что старуха, которой характеръ вамъ извѣстенъ, обидѣла внучку, что и было причиной нервной горячки.

Волковцовъ снова поблѣднѣлъ немного.

— Вы пугаете меня, отецъ Василій!

— Двѣнадцать лѣтъ я стараюсь смягчить сколько-нибудь суровый нравъ Ѳедосіи Лаврентьевны и мало успѣваю. Прежнее поколѣніе довольно оставило намъ подобныхъ натуръ; но старуха Дымкова, кажется, и въ прежнія времена была уже чудовищна.

— По крайней мѣрѣ, она заботится о больной?

— По-своему.

— Какъ это меня убиваетъ, отецъ Василій! Все-таки я причиной, хоть и невольной, страданій дѣвушки. Не послать ли еще княжескаго доктора?

— А что же? доброе дѣло, тѣмъ болѣе, что нашъ возвратится не раньше какъ дня черезъ два.

— Я сію минуту самъ поѣду и пошлю.

— Благодарю васъ, сказалъ вставая священникъ, а я буду усердно молиться, чтобы Господь послалъ облегченіе страдалицѣ. Прощайте, Алексѣй Дмитріевичъ!

— Довершите же доброе дѣло и разувѣрьте старуху.

Черезъ два часа послѣ долгой бесѣды съ священникомъ, Ѳедосія Лаврентьевна велѣла перенести себя въ комнату больной, куда вошелъ и отецъ Василій.

Разметавшись, лежала Леночка на постели; тяжелая болѣзнь такъ измѣнила ее въ нѣсколько дней, что трудно было узнать дѣвушку, недавно еще полную жизни.

Солнце ярко освѣщало большую спальню и сквозь стекла согрѣвало распускавшіяся камеліи. На столѣ лежали наряды, недавно полученные изъ Петербурга, которые Пелагея нарочно вынула, думая, въ простотѣ души, забавить ими, какъ ребенка, больную барышню.

Леночка была въ безпамятствѣ. Старуха, молча, глядѣла на внучку.

— Ну, что, отецъ Василій?

— Надо молиться Богу!

Въ это время вошелъ молодой человѣкъ, княжескій докторъ. Онъ внимательно осмотрѣлъ больную, разспросилъ, что было нужно, отвѣдалъ лекарство и сказалъ, что леченіе правильно и что надо ожидать перелома.

— Да она не опасна? спросила старуха.

— Очень опасна, отвѣчалъ докторъ, но есть еще надежда на Бога и на ея молодость.

Отецъ Василій отвелъ доктора въ сторону, и они долго разговаривали.

Черезъ недѣлю въ залѣ витаевскаго дома, среди цвѣтущихъ лимоновъ и апельсинъ, стоялъ гробъ, обитый розовой матеріей. Въ этомъ гробѣ лежала блѣдная, исхудавшая Леночка, въ вѣнкѣ изъ живыхъ цвѣтовъ, а въ рукахъ ея, сложенныхъ на груди, былъ восковой крестъ, символъ нашего искупленія и примиренія съ Богомъ. Въ головахъ у нея стояли зажженныя свѣчи, и дьячекъ читалъ псалтирь, а въ ногахъ стояла на колѣнахъ Пелагея и молилась. Одно окно было открыто, и вѣтерокъ, врываясь въ комнату и качая цвѣты и листья деревьевъ, доносилъ издали печальный звонъ колокола.

Но вотъ зала начала наполняться; принесли Ѳедосію Лаврентьевну, которая и усѣлась недалеко отъ гроба; пришли домашніе, пріѣхала Хоботова съ дочерью, и вошелъ въ черныхъ ризахъ отецъ Василій, въ сопровожденіи причта. Началось отпѣваніе. Всѣ плакали, но тяжелѣе всѣхъ рыданье слышалось въ углу. Тамъ стоялъ Волковцовъ. Онъ позабылъ въ

эту минуту франтовство свое, въ силу котораго истинный джентльменъ не долженъ плакать: онъ сдѣлался человѣкомъ и горько оплакивалъ смерть существа, такъ ненадолго блеснувшаго жизнью и озарившаго ему на мгновеніе страдающую душу.

На строго серьезномъ лицѣ отца Василія ничего не было замѣтно, но слезы дрожали на глазахъ его, дрожалъ и голосъ его, произносившій слова надежды и утѣшенія.

Когда наступила пора выносить тѣло въ церковь: Ѳедосію Лаврентьевну подвели къ внучкѣ попрощаться. Старуха задрожала, выпрямилась, перекрестилась, поцѣловавъ умершую, опустила голову и вдругъ зарыдала.

Всѣ присутствовавшіе плакали, а дворня тужила, причитывая и выражая по своему сожалѣніе о доброй дѣвушкѣ.

Волковцовъ, не прощаясь, ушелъ въ церковь, онъ былъ глубоко растроганъ.

На другой день утромъ поднялась сильная мятель. Леночку хоронили въ саду подъ липами, гдѣ она любила сидѣть иногда на скамейкѣ и гдѣ былъ похороненъ старшій братъ ея, младенецъ. За гробомъ шли Волковцовъ, Пелагея и толпа дворни и крестьянъ. Изнуренная страданіями и безсонными ночами, Пелагея едва передвигала ноги и, казалось, въ глазахъ ея не было ни слезинки. Она не плакала. Но когда начали опускать гробъ въ могилу, она бросилась на него и такъ рыдала, такъ убѣдительно просила зарыть себя живою вмѣстѣ съ барышней, что всѣ были потрясены.

Волковцовъ первый бросилъ роковую горсть земли на гробъ Леночки. Застучала мерзлая земля по крышкѣ, скатываясь въ яму, и стукъ этотъ, страшно отдавшійся въ сердцѣ Волковцова, былъ эпилогомъ чувства, возникшаго и погребеннаго въ этомъ же самомъ сердцѣ...

Съ грустью снялъ черныя ризы отецъ Василій, равнодушно вытряхнулъ діаконъ пепелъ изъ кадильницы на свѣжую могилу, и всѣ начали расходиться. Вьюга зашумѣла сильнѣе, пробѣгая между обнаженными деревьями и нанося сугробы надъ послѣднимъ убѣжищемъ Леночки, у котораго, едва замѣтная подъ хлопьями снѣга, стояла на колѣняхъ женская фигура.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

Есть разные города на Руси матушкѣ — и большіе и маленькіе, и европейскіе и азіатскіе, штатные и заштатные, есть и съ претензіей на чистоту и въ высшей степени неопрятные, но всѣ за исключеніемъ Петербурга (и то не по всѣмъ улицямъ) имѣютъ одну общую особенность — утопать въ грязи во время ненастья. Ужъ безъ этого необходится у насъ ни одинъ городъ, какъ бы ни хвалился онъ происхожденіемъ или богатствомъ, и если въ сухое время иные щеголяютъ и мѣстоположеніемъ, и красивыми зданіями, то послѣ продолжительныхъ дождей всѣ представляютъ затруднительность сообщенія, а иногда и прямую невозможность перейти изъ улицы въ улицу. Такъ сиди и ожидай, пока просохнетъ, или изобрѣтай средства преодолѣть естественныя препятствія. Положимъ, гдѣ существуютъ извощики, тамъ какъ нибудь обезпечены способы передвиженія; но во первыхъ, все таки есть мѣста, куда не отважится проникать и извощикъ, а во вторыхъ — большинство не имѣетъ средствъ дѣлать подобныя издержки, и потому въ извѣстныя времена грязь бываетъ причиной многихъ непріятностей для человѣчества. Даже самые извощики, не смотря на очевидность выгоды по случаю сильнаго запроса на ихъ услуги, тяготятся пятой стихіей, и одни только животныя, названіе которыхъ долго считалось неприличнымъ, т. е. свиньи — блаженствуютъ, во время грязи, валяются въ ней и съ наслажденіемъ зарываютъ въ нее свои рыла. Но и для тѣхъ грязь не представляется предметомъ необходимости, а лишь, какъ роскошь, служитъ средствомъ посибаритничать. Никому нѣтъ пользы отъ пятой стихіи, а смотрите, какъ дѣятельно хлопочутъ о ней цѣлыя населенія городовъ, съ какой любовью предоставляютъ ей и площади, и

улицы, и дворы, какъ добросовѣстно стараются о ея благоденствіи, сыскивая для нея пищу гдѣ попало, отгоняя самую мысль о мощеніи, подъ видомъ разныхъ невозможностей и принося ей въ жертву и сапоги, и галоши, и оси, и колеса, и наконецъ, порою, самыя выгодныя сдѣлки, откладываньемъ ихъ до болѣе удобнаго времени. Кто внимательно наблюдалъ провинціальные города наши въ послѣднія двадцать лѣтъ, тотъ, вѣроятно, видѣлъ необыкновенный фактъ, что не смотря на нѣкоторыя попытки къ мощенію или шоссированію улицъ, грязь все таки одолѣваетъ прогрессивно. Впрочемъ, явленіе это, я думаю, можно назвать оптическимъ обманомъ, потому что городъ не можетъ сдѣлаться грязнѣе, но если одна или двѣ улицы вымощены, то прочія уже просто кажутся невылазнѣе и бездоннѣе, а въ сущности онѣ тѣже, что и въ старые годы.

Встрѣчая подобное вступленіе, да не подумаетъ читатель видѣть въ разсказѣ моемъ спеціальное описаніе грязи какого нибудь уголка. Я упомянулъ о ней собственно потому, что происшествіе, о которомъ рѣчь, случилось именно во время невылазной грязи, и ей, только ей, обязанъ мой герой улучшеніемъ своей довольно горькой участи.

Было это въ 18... году. Не выставляю болѣе положительной цифры собственно потому, что при видѣ ясно обозначеннаго года, многія личности могутъ вломиться въ амбицію и засыпать меня протестами, которые, сказать откровенно, тяжело дѣйствуютъ на душу, въ особенности, подобно моей, чувствительную. Не называй города, а скажи, что въ такомъ то году, на лунѣ или на Юпитерѣ, одинъ секретарь въ обществѣ сморкался черезъ пальчикъ, повѣрьте, найдутся секретари, которые примутъ это на свой счетъ и потребуютъ автора къ отвѣту за оскорбленіе личности. Въ этомъ отношеніи многіе недалеко еще ушли со временъ Гоголя. А вотъ какъ не выставишь года, оно и безопаснѣе: дѣло могло происходить въ 1801 и, пожалуй, въ 1862 году, дистанція огромнаго размѣра. Воображенію читателя, представляется свободный просторъ, носись фантазіей по какимъ угодно эпохамъ. Главное, значитъ, писать такъ искусно, что какой ни предположи годъ, а происшествіе укладывалось бы въ необходимую рамку. Трудно мнѣ только будетъ съ городомъ, ну да для этого есть средство, и я надѣюсь умудриться такъ, что противъ меня протестовать не будутъ.

Въ одной изъ самыхъ благодатныхъ губерній, подъ рѣчкой

имени которой непринято выставлять въ географіяхъ, лежитъ городокъ «Нетронь-Меня», кажется, съ двумя тысячами обывателей. Зачѣмъ онъ пріютился тамъ, зачѣмъ изъ большой деревни сталъ городомъ, — не наше дѣло, а мы лишь постараемся описать его и то въ короткихъ словахъ, на столько, на сколько это необходимо для читателя. Нетронь-Меня, какъ средоточіе уѣзднаго управленія, довольно важный пунктъ для приписаннаго къ нему округа, но для посторонняго дрянной городишко съ мерзкими домиками, съ какимъ то сараемъ вмѣсто гостинаго двора, городишко, въ которомъ проѣзжій зачастую не найдетъ обѣда, хотя и можетъ напиться до положенія ризъ, какъ въ кабакахъ, такъ и въ погребкѣ купца Полуторова, гдѣ обыкновенно засѣдаютъ мѣстные джентльмены. Нетронь-Меня принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, изъ которыхъ, по выраженію Гоголя, въ три года никуда недоскачешь и которые втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ остаются въ одинаковомъ положеніи. Я знаю очень давно Нетронь-Меня, и сколько разъ ни заносила меня туда судьба, все я находилъ въ прежнемъ состояніи. Тотъ же постоялый дворъ и въ немъ тѣже лица, хоть, правда, постарѣли; въ угловой бакалейной лавкѣ тотъ же хозяинъ, по прежнему, спитъ у двери и тотъ же прикащикъ играетъ въ шашки съ прикащикомъ сосѣдней желѣзной лавки. Наконецъ, тотъ же сѣдой шутъ, въ родѣ Любима Торцова, въ прежнихъ лохмотьяхъ, скачетъ на одной ножкѣ и проситъ копѣечку, а дѣти швыряютъ въ него комками высохшей грязи. Но что удивительнѣе всего, на постояломъ дворѣ лучшая перекосившаяся комната лѣтъ двадцать находится въ прежнемъ положеніи: во время дождя служанка на томъ же мѣстѣ ставитъ кадку, по случаю течи съ потолка, и если не ошибаюсь, выщербленую, знакомую кадку.

Но это ничто въ сравненіи съ долговѣчностью служилаго человѣчества, которое, словно по контракту, боясь неустойки, несло на себѣ разныя, общественныя обязанности. Судья сидѣлъ шесть трехлѣтій, исправникъ семь, секретарь земскаго суда служилъ лѣтъ сорокъ, уѣзднаго — лѣтъ двадцать пять, городничій лѣтъ около тридцати, почтмейстеръ съ незапамятныхъ временъ, а лекарь Карлъ Францовичъ чуть не съ самаго основанія, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ селенію Сиволаповкѣ велѣно было назваться городомъ «Нетронь-Меня». Нѣкоторые чиновники мѣнялись, пришлый людъ тоже являлся и исчезалъ, но столбы администраціи стояли незыблемо, и принятаго ими образа жизни не возмущали никакія нововведенія. Иные

предводители старались дать толчокъ мѣстнымъ нравамъ и обычаямъ, но никогда не успѣвали и кончали тѣмъ, что поддѣлывались подъ общій ладъ, а нѣкоторые даже конкуррировали съ патріархальными питухами. Въ Нетронь-Меня, кажется, и въ настоящее время подаютъ сногсшибательный пуншъ, отъ стакана котораго закруживается голова, но мѣстные диллетанты, осушивъ по полудюжинѣ, едва только входятъ во вкусъ и увѣряютъ, что въ прежнее время и люди были лучше и пунши крѣпче.

Въ Нетронь-Меня можно и теперь еще видѣть безрессорныя дрожки на столбикахъ, которыя трясутъ хуже всякой телѣжки, но не перемѣняются любителями старины въ силу преданій и въ насмѣшку надо всѣмъ новымъ. Одни предводители только либеральничаютъ и разъѣзжаютъ въ новѣйшихъ экипажахъ, да откупщики, а прочій людъ и не пытается даже отрѣшиться отъ дѣдовскихъ модъ и обычаевъ. Лучшій портной, старикъ, т. е. мастеръ, къ которому обращается высшее сословіе, такъ уже навострился, что безъ мѣрки обшиваетъ своихъ кліентовъ остановясь на модахъ конца тридцатыхъ годовъ, и если какой нибудь молодой чиновникъ проситъ его сшить костюмъ помоднѣе, то портной сперва принимается распекать его, читать наставленія — какъ молодому человѣку опасно подражать, Богъ знаетъ чему, а если это не дѣйствуетъ, то отправляетъ упрямца къ сорванцу Потапкѣ, который учился въ губерніи и скроитъ, пожалуй, всякую чертовщину. Патріархальность Нетронь-Меня доходитъ, или недавно еще доходила, до того, что современнаго покроя платье предавалось чуть не анаѳемѣ, и мѣстные либералы не смѣли открыто носить его.

Общую гармонію нарушали иногда учителя уѣзднаго училища, которые, смѣняясь довольно часто, приносили съ собою иныя понятія и обыкновенія, но смотритель, по возможности, умѣрялъ порывы молодежи, а послѣдняя или охладѣвала ко всему и скоро вдавалась въ рутину, или покидала городъ, представлявшій болото мертвеннаго застоя.

Собственно въ городѣ, кромѣ казенныхъ вѣдомостей, получались — одинъ экземпляръ «Инвалида» исправникомъ, да «Московскія вѣдомости» училищемъ; остальныя періодическія изданія были знакомы только по имени одному почтмейстеру, черезъ руки котораго проходили они въ деревни помѣщиковъ. О политическихъ событіяхъ даннаго времени никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и въ хатѣ мѣщанина и въ гостиной

аристократа разсуждали о бѣломъ арапѣ и о войнѣ китайскаго богдыхана съ турецкимъ султаномъ, съ такимъ же точно жаромъ, съ какимъ передавались вѣсти о томъ, что курица не къ добру закричала пѣтухомъ, что лягушка прошла на четверенькахъ, предвѣщая неурожай фруктовъ... Напрасно смотритель почтовой станціи, стоявшей за городомъ, какъ человѣкъ имѣвшій общеніе съ проѣзжимъ людомъ и схватывавшій на лету разныя свѣжія новости, старался проводить въ массу то и другое извѣстіе, надъ нимъ смѣялись въ глаза и считали едва не сумасшедшимъ.

А между тѣмъ, общество сходилось очень часто у извѣстныхъ корифеевъ и проводило время, по своему, довольно весело. Вистъ, горка и штоссъ собирали не мало любителей: выпивка составляла необходимую принадлежность всякаго собранія, а въ дни семейныхъ праздниковъ, подъ звуки скрыпки, кларнета и віолончели, молодежь танцовала до полуночи, послѣ которой всѣ спѣшили по домамъ предаться успокоенію.

Прекрасный полъ, хотя тоже не отличался прогрессомъ, однако въ нарядахъ не отставалъ болѣе, какъ лѣтъ на десять, и нѣкоторыя щеголихи танцовали не иначе, какъ въ перчаткахъ, а у дочерей судьи были даже вѣеры — украшеніе, по понятіямъ иныхъ старушекъ, отзывавшееся чѣмъ-то бѣсовскимъ, служащимъ къ привлеченію молодежи.

Въ этомъ то городкѣ случилось происшествіе, о которомъ я и хочу сообщить моимъ читателямъ.

Градоправитель «Нетронь-Меня», отставной капитанъ Недошвиловъ, высокаго роста старикъ, изъ простыхъ, отличался лаконизмомъ и быстрымъ разрѣшеніемъ всевозможныхъ вопросовъ, если только не присутствовала его супруга. Едва умѣя грамотѣ и надѣленный значительнымъ тупоуміемъ, онъ, однако-же, пріобрѣлъ себѣ значительное состояніе и многочисленное потомство. Въ городишкѣ, не отличавшемся ни торговлей, ни промышленностью, казалось, было бы очень трудно обезпечить себя съ матеріальной стороны, тѣмъ болѣе человѣку отъ природы глупому; — но въ этомъ отношеніи есть извѣстная пословица, въ силу которой Недошвиловъ постоянно сколачивалъ копѣйку, ухитряясь умножать капиталъ посредствомъ приращенія процентовъ. Мѣстные купцы не могли много способствовать къ обогащенію Недошвилова, доставляя только даровыя средства къ жизни. Двѣ ярмарки, по своей ничтожности, тоже не снабжали его большими субсидіями, такъ что эти двѣ статьи обезпечивали только существованіе город-

ническаго семейства. Но встрѣчались еще экономическія условія, придававшія положенію его исключительную и хорошую обстановку. Нетронь-Меня лежитъ на, такъ называемомъ, скотопрогонномъ трактѣ, т. е., по которому слѣдуютъ гурты рогатаго скота въ столицы. Незнакомому съ нашими нравами и обычаями покажется страннымъ—какую можно извлечь пользу отъ прохода скотины черезъ городъ, но бывалый человѣкъ знаетъ, что гуртовщики кланяются, кому слѣдуютъ, извѣстными кушами, иначе гуртъ можетъ быть остановленъ «по случаю заразительной болѣзни», хотя о ней не было бы вовсе помину. Дѣло очень простое. Кромѣ этого рессурса у Недошвилова былъ еще другой, гораздо незаконнѣе, именно: дань съ извѣстныхъ конокрадовъ, которые водились въ уѣздѣ и хорошо промышляли. Послѣдніе вносили Недошвилову чуть ли не больше гуртовщиковъ, и градоправитель почти машинально обдѣлывалъ свои дѣла, такъ что тутъ не требовалось никакого умѣнья, никакой распорядительности, а только способность заявить ту или другую цифру при извѣстномъ обстоятельствѣ и получить «благодарность». Достойная его половина, надѣленная отъ природы болѣе обширными талантами, уроженка сосѣдняго портоваго города, помѣщала на родинѣ деньги за выгодные проценты подъ надежный залогъ, и, такимъ образомъ, заботилась о пріумноженіи состоянія. Живя очень порядочно, градоправитель скоплялъ ежегодно изрядную сумму, которая, снова пускаясь въ обороты, представляла обезпеченіе въ будущемъ. По случаю бѣдности городка губернское правленіе оставляло Недошвилова въ покоѣ, требуя не болѣе вдовьей лепты; губернаторы всегда оставались довольны полиціей, которой дѣлать было нечего, и Недошвиловъ блаженствовалъ чуть лишь не лучше исправника, который хотя и обладалъ загребистою лапою, однако отправлялъ въ губернскій городъ половину «благоразумной экономіи».

Недошвиловъ, впрочемъ, славился своимъ гостепріимствомъ, но, какъ говорили компетентные люди, собственно оттого, что къ нему ежедневно доставлялось большое количество съѣстныхъ припасовъ, крайняя дешевизна которыхъ не представляла никакой выгоды въ продажѣ ихъ на базарѣ. Чай и сахаръ отъ мѣстныхъ и пріѣзжихъ купцовъ и отъ гуртовщиковъ поступалъ въ такомъ изобиліи, что мадамъ Недошвилова поднялась на хитрость особаго рода. Недалеко отъ полиціи устроила она подъ завѣдываніемъ жены одного десятскаго, небольшую лавочку, въ которой постоянно находилось нѣсколько фун-

товъ чаю и десятка три головъ сахару. Изъ этой лавки товаръ не отпускался въ раздробительную продажу, а кто имѣлъ надобность идти къ городничему съ легкимъ поклономъ, тотъ обязанъ былъ брать въ этой лавочкѣ столько чаю и сахару, сколько требовало его усердіе. Потомъ приношеніе чрезъ нѣсколько минутъ обратно поступало въ лавочку. Въ послѣдствіи сахаръ продавался настоящій, но чай, мало по малу, былъ изъятъ и замѣненъ опивками, высушенными на кухнѣ, которыя и продавались подъ именемъ «цвѣточнаго».

У Недошвилова подъ командой долго состоялъ одинъ только квартальный, но послѣ, для усиленія средствъ полиціи, назначенъ былъ губернаторомъ другой, сверхштатный, безъ жалованья. Хотя доходы квартальныхъ нисколько не мѣшали городничему, тѣмъ не менѣе, какъ заботливый начальникъ, Недошвиловъ счелъ обязанностью посовѣтоваться съ женою для пріисканія средствъ къ существованію новаго подчиненнаго. Городничиха сперва было рѣшила, что пусть промышляетъ, какъ самъ знаетъ, но когда новый квартальный почтительно явился, съ горячностью облобызалъ ручки начальницы и объявилъ, что по молодости лѣтъ очень еще неопытенъ, а поступилъ собственно по желанію »вышняго начальства« то мадамъ Недошвилова обѣщала придумать что нибудь для обезпеченія молодаго человѣка. Сильнымъ вліяніемъ своимъ она успѣла склонить мѣстныхъ купцовъ къ экипировкѣ protégé, но и только.

Получивъ по милости городничаго квартиру по отводу т. е. комнатку въ бѣдномъ мѣщанскомъ домѣ, новый квартальный Козулинъ серьезно началъ подумывать о своемъ положеніи. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Поступивъ на службу, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, круглый сирота безъ роду и племени, онъ произведенъ былъ въ прапорщики и могъ бы весь вѣкъ прослужить, довольствуясь жалованьемъ, но былъ вовлеченъ товарищами въ какой-то кутежъ, за который приказали ему подать въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. Катастрофа застигла его въ губернскомъ городѣ безъ гроша денегъ и безъ надежды на будущее. Какой-то добрый человѣкъ изъ состраданія опредѣлилъ его въ губернаторскую канцелярію, но какъ малый и писалъ-то съ грѣхомъ пополамъ, то дальнѣйшая карьера его представляла безъисходное положеніе. Правитель не зналъ куда дѣваться съ Козулинымъ, — который буквально не умѣлъ переписать самаго простаго предписанія — и считалъ не-

законнымъ давать ему даромъ восемь рублей въ мѣсяцъ, а выгнать бѣдняка не хотѣлось. Вслѣдствіе этого обстоятельства Козулину предложено было—не хочетъ ли онъ принять мѣсто сверхштатнаго квартальнаго, хотя безъ жалованья, однако, съ перспективой получать »благодарность«. Выбирать было не изъ чего, и получивъ изъ канцелярскихъ суммъ двадцать рублей вспомоществованія, казенную подорожную и прогоны, Козулинъ прибылъ въ Нетронь-Меня и вступилъ въ исправленіе своей обязанности.

Довольный прежнимъ квартальнымъ и не зная еще способностей новаго, Недошвиловъ, съ согласія супруги, поручилъ Козулину смотрѣть за чистотой улицъ и вѣдать пожарную часть, состоявшую изъ нѣсколькихъ крючьевъ и одной трубы, для которой по штату не полагалось лошадей. Въ команду къ нему поступилъ старикъ десятскій, на рукахъ котораго была пожарная труба. Сторожъ этотъ назначенъ былъ также для услугъ Козулину и потому переселился въ квартиру его благородія, — оставивъ на попеченіи калѣки-собрата и пожарный инструментъ, и грязную сторожку полиціи.

Прежній квартальный Тонкогубовъ, конечно, былъ не очень доволенъ появленіемъ новаго сверхштатнаго сотоварища, но когда онъ узналъ, что кое что изъ его обязанностей отойдетъ къ новоприбывшему а изъ доходовъ не ускользнетъ почти ничего, то неудовольствіе его не выразилось ни въ какихъ наружныхъ формахъ, и онъ принялъ сослуживца довольно радушно, даже предложилъ водочки и посовѣтовалъ Козулину обратиться въ питейную контору, которая обязана ему отпускать хоть ведро въ мѣсяцъ.

Положеніе Козулина было очень незавидно. Привезя съ собой двѣ перемѣны бѣлья, кожаную подушку, истрепанное одѣяло, истертый халатъ и перцовый чубукъ, новый квартальный во всемъ остальномъ ощущалъ недостатокъ. По милости городничихи, ему дали сукна на форму, сотоварищъ убѣдилъ какого-то портнягу сшить даромъ платье; но кромѣ этого явилось множество самыхъ вопіющихъ необходимостей. На первый день хозяйка прислала поѣсть, и вечеромъ чаю, но сказала положительно, что, какъ бѣдная женщина, не можетъ на себя принять дальнѣйшаго безмезднаго продовольствія. Обѣщаны были доставленіе припасовъ и небольшая плата. У Козулина осталось рублей шесть, изъ которыхъ онъ оставилъ два съ полтиной на сапоги, а на остальныя думалъ какъ нибудь устроиться въ ожиданіи будущихъ благъ,

твердо уповая, что не останется же онъ въ городѣ безъ куска хлѣба. Первый же вечеръ, ложась спать, онъ кликнулъ своего десятскаго.

— Ты, кажется, прозываешься Жеребятниковъ?

— Точно такъ, в. б—іе.

— Служилъ въ полку?

— Находился въ лезертахъ, а послѣ дослуживалъ въ пехвотѣ.

— Теперь же какъ?

— Въ чистой, и служу по найму.

— Ты, кажется, занимаешься экзекуціями.

— Точно такъ, если кому нужно задать сѣкуцію, такъ мимо моихъ рукъ не пройдетъ, в. б—іе.

— Ну, Жеребятниковъ, скажи мнѣ откровенно — какъ того... доходишки? Да ты говори прямо: что ты получаешь, мнѣ до того дѣла нѣтъ — ты себѣ свое наблюдай.

— Покорно благодаримъ, в. б—іе.

— Здѣсь, пожива плоха?

— Плохо! иной разъ и на табакъ не хватитъ, во время ярмарки еще кое какъ, наѣдетъ, знаете, много помѣщиковъ.

— Этакъ мнѣ и жить будетъ нечѣмъ.

— Ну, вашему благородію должны же купцы оказать благодарность.

— Да мнѣ ничего не поручено.

— Все равно, они должны сами знать, какъ обходиться съ начальствомъ. Неровенъ часъ, на слѣдствіе пошлютъ, аль описать — все нельзя имъ безъ хвортальнаго.

— Все это у Тонкогубова.

— Просите, в. б—іе, а то здѣсь, я вамъ говорю, немного получите: хорошо знаю. Вамъ вѣдь и пожарная часть поручена?

— Поручена, да что въ ней толку?

— Ну, не говорите, в. б—іе. Я служилъ въ г. Зубоскалѣ, тамъ тоже одна труба, еще хуже нашей, а городничему шелъ доходъ.

— Знаешь, Жеребятниковъ, ты пораскажи, какъ слѣдуетъ, я тебя не оставлю.

— Радъ стараться, в. б—іе. Извѣстно, я нижній чинъ, десятскій, значитъ, не могъ дѣйствовать, а городничему боялся доложить. Все говорили, что назначутъ брадместера, вотъ и думалось, доложу ему.

— Ну?

— Теперича на пожаръ должны выходить кто съ ведромъ, кто съ топоромъ, кто съ бочкой, значитъ, у каждаго на воротахъ слѣдуетъ такая таблица срисованная.

— А ихъ нѣтъ, что ли?

— Объ этомъ никто и не думаетъ.

— Какъ же во время пожара?

— У насъ ихъ никогда и не бывало, на что старики и тѣ не запомнятъ. Вотъ вы и отправьтесь по домамъ и скажите, что повѣряете таблицы.

— Понимаю.

— Знаете, хитро, самому хозяину на ухо. На первый разъ и того...

— Ты, какъ я вижу, не промахъ.

— Надо сводить концы съ концами, ваше благородіе.

— Да ты не бралъ ли уже съ кого?

— Сохрани Богъ, в. б—іе, за это нашему брату можетъ достаться. А вотъ вы другое дѣло — себя не забудете и меня не обидите.

— Хорошо.

— Теперича г. генералъ-губернаторъ установили, чтобъ на каждой крышѣ была кадушка съ водой и швабра. Воды ни у кого нѣтъ, развѣ послѣ дождя, и та повытечетъ.

— А! Ну, ступай.

Жеребятниковъ оказался очень исправнымъ десятскимъ и обнаруживалъ необыкновенныя полицейскія способности, которыя, разумѣется, безплодно заглохли при его непроизводительныхъ и неблагодарныхъ занятіяхъ. Недошвиловъ сдѣлалъ ошибку, что не оставилъ его при своей особѣ: во первыхъ, у него у самого прибавилось бы нѣсколько сотъ лишнихъ рублей, а во вторыхъ, и Жеребятниковъ имѣлъ бы кое какое состояніе. Впрочемъ, не одинъ онъ служилъ печальнымъ примѣромъ — какъ иногда судьба ведетъ людей не по настоящей дорогѣ. Жеребятниковъ изыскалъ еще одинъ путь для извлеченія посильныхъ доходовъ Козулину, разумѣется, безъ ущерба городничему, — по обязанности наблюденія за наружною чистотою, потому что Козулинъ здѣсь могъ придраться и къ торговкамъ на базарѣ, а слѣдовательно всетаки поживиться отъ послѣднихъ, если не деньгами, то какими нибудь съѣстными припасами.

Въ какую нибудь недѣлю Козулинъ заработалъ себѣ рублей двѣнадцать, такъ что могъ купить кое какую утварь, а когда поспѣло ему новое платье и фуражка съ краснымъ околышкомъ, онъ уже рѣшился кое гдѣ и познакомиться.

Все это происходило въ маѣ мѣсяцѣ. Нетронь-Меня, изобиловавшій садиками, казался весьма красивымъ, и на его незатѣйливыхъ улицахъ по вечерамъ разливался ароматъ цвѣтущихъ деревьевъ, имѣющихъ такое неотразимое вліяніе на молодость, даже въ аристократическихъ слояхъ, застраховывающихъ себя отъ всякаго рода увлеченій.

Купивъ себѣ за двугривенный легкую тросточку, Козулинъ также отправлялся на прогулку, и на него не безъ удовольствія посматривали горожанки. Свободный въ то время отъ сѣтей амура, квартальный, какъ человѣкъ, тершійся въ губернскомъ городѣ, разсчитывалъ сперва произвести эффектъ, и потому держалъ себя довольно гордо относительно прекраснаго пола, развѣдывая у Жеребятникова сколько за кѣмъ полагалось приданаго, чтобы тамъ уже дѣйствовать, сообразно съ обстоятельствами. Жеребятникову очень понравилось находиться при Козулинѣ, и хоть онъ и прежде не былъ обремененъ службой при полиціи, однако, выпадали дни, когда ему случалось утро проводить на побѣгушкахъ. Съ поступленіемъ къ новому квартальному онъ черезъ день отправлялся въ полицію, осматривалъ пожарную трубу, калякалъ нѣсколько времени съ прежнимъ сотоварищемъ и спѣшилъ домой валяться на постели, которую устроилъ въ хозяйскихъ сѣняхъ, да набивалъ носъ табакомъ въ полное удовольствіе. Состоя при квартальномъ, онъ считалъ свое положеніе гораздо выше съ экономической стороны, потому что Козулинъ въ самое короткое время проявилъ блестящія способности и умѣлъ придираться къ болѣе достаточнымъ обывателямъ по части ножарной или относительно наружной чистоты города. Вслѣдствіе этого начали появляться къ Козулину просители, которые, зная порядки, не забывали и десятскаго. Жеребятниковъ рѣшился помогать Козулину, и когда послѣдній намекнулъ о невѣстахъ, онъ признался откровенно, что настояще не знаетъ, но что у него есть знакомая табачница, которой извѣстна вся подноготная и если ей купить косушку, то она перечтетъ по пальцамъ всѣхъ невѣстъ, а подарить хорошенько, такъ, пожалуй, и сосватаетъ. Жеребятникову по этому случаю былъ врученъ пятіалтынный, и десятскій пропалъ на цѣлый вечеръ за полученіемъ необходимыхъ свѣдѣній. Но видно судьбѣ было угодно, чтобы пятіалтынный Козулина пропалъ даромъ, а за то сама судьба устроила квартальнаго неожиданнымъ и оригинальнымъ образомъ.

Въ ту же самую ночь небо обложилось тучами и на Не-

тронь-Меня спустился ужаснѣйшій ливень, который перешелъ потомъ въ обильный суточный дождь, такъ что на другой день уже было невозможно выйти за ворота. Грязные потоки устремились по всѣмъ улицамъ, и мѣстные чиновники не пошли въ должность, разумѣется, вслѣдствіе физической невозможности пробраться къ мѣсту служенія. Утромъ, весь въ грязи, обмокшій, съ довольно красными глазами и вздутой физіономіей Жеребятниковъ явился къ Козулину отдать отчетъ въ своемъ порученіи. По показаніямъ табачницы, невѣстъ съ большимъ приданымъ не имѣлось въ наличности, а такъ, въ двѣсти и полтораста рублей можно было найти изъ благородныхъ; по купечеству же состояло шесть невѣстъ, начиная отъ трехсотъ рублей и восходя до тысячи. Въ слѣдующую субботу, у всенощной въ соборѣ, Козулинъ могъ видѣть всѣхъ, а въ случаѣ которая понравится, то сказалъ бы табачницѣ.

— Ну, хорошо, сказалъ Козулинъ: мнѣ бы такую, чтобъ домишко былъ свой.

— Обнаковенно есть и съ домишками. Вотъ у насъ лесторатеръ въ полиціи взялъ за женою домъ въ пять оконъ.

— Однако, Жеребятниковъ, я думаю, теперь не перейдешь улицу.

— Какое улицу, в. б — іе, до воротъ не дойти: я лѣзъ по плетнямъ и огородамъ. У насъ когда грязь, то и на базаръ не попадешь. Хорошо, что осталось вчера говядины, а иначе были бы безъ обѣда. Такой ужъ, значитъ, городъ.

— И цѣлый день никуда?

— Если такой будетъ лить до вечера, то дня три невылазная грязь, пока не протопчутъ тропинокъ.

Козулинъ не прочь былъ поваляться, и какъ у него имѣлось рублей около десяти и въ виду шевелились кое какія надежды, въ шкафикѣ стоялъ цѣлый штофъ водки, а въ кисетѣ четверка табаку, то, напившись въ постели чаю, онъ остался лежать вплоть до обѣда. Къ вечеру дождь не переставалъ, въ штофѣ жидкость уменьшилась на половину, и хоть Козулинъ для сокращенія времени игралъ съ хозяйкой въ дурачки, однако время для него тянулось очень долго, и онъ завалился спать почти въ сумерки.

Есть натуры, могущія задавать высыпку по цѣлымъ суткамъ, но какъ нашъ квартальный былъ не изъ числа, то предавшись неумѣренно Морфею днемъ, и завалившись въ постель очень рано, онъ проснулся часовъ около двухъ предъ разсвѣтомъ. По заведенному порядку возлѣ него стояла корчага съ

квасомъ, и напившись этого вполнѣ національнаго напитка, Козулинъ набилъ трубку, закурилъ и, отворивъ окно, присѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Небо совершенно очистилось и не было ни малѣйшаго вѣтра. Улица положительно представляла одну сплошную лужу. Въ садахъ заливались соловьи, а въ окрестностяхъ города, по рѣчкѣ и болотамъ, слышались тысячи голосовъ, составляющихъ майскіе концерты въ полуденной Россіи. Влажный воздухъ насыщенъ былъ ароматами цвѣтущихъ деревьевъ, и только близкое мычанье коровы, да хрюканье свиней въ сосѣднемъ хлѣвѣ нарушали поэтическую гармонію. Но Козулинъ размечтался. Ему припомнилось многое изъ того, что такъ и мечется на память въ майское утро. Воображеніе квартальнаго понеслось въ Польшу, гдѣ онъ простоялъ около года, и вотъ межъ декораціями кутежей и разныхъ житейскихъ нуждъ — передъ нимъ началъ возникать образъ хорошенькой панны Цецилін, въ которую онъ былъ влюбленъ передъ производствомъ въ офицеры. Однимъ словомъ, въ головѣ его сочинялось невольно фетовское стихотвореніе, т. е. со стороны ерундливой, а не художественной, и Козулинъ съ неистовствомъ затягивался третьимъ № »Мусатова«. Во время перерыва фантазіи, когда квартальный чистилъ трубку гвоздемъ, чтобъ снова набить ее, до слуха его долетѣли звуки, непохожіе ни на пѣнье соловьевъ, ни на голоса, несущіеся изъ болотныхъ окрестностей, ни на хрюканье болѣе близкихъ свиней, и онъ, спустившись съ облаковъ, началъ прислушиваться. Невдалекѣ раздалось шлепанье по грязи и по временамъ слышались то плачевныя, то сердитыя слова человѣческія. Козулинъ разомъ превратился въ полицейскаго, подошелъ къ окну и высунулся. При невѣрномъ свѣтѣ утреннихъ сумерекъ онъ разсмотрѣлъ направо темную массу, изъ которой выдѣлялись тройка лошадей, кучеръ на козлахъ и какой-то экипажъ, слѣдовавшій по улицѣ, залитой жидкой грязью. Лошади погружены были почти по грудь въ пятую стихію, и порой, при отчаянныхъ усиліяхъ кучера, подвигались шага на два впередъ, потомъ останавливались, понуривъ головы, и снова не обращали вниманія на удары кнута. Вотъ, наконецъ, тройка рванулась еще, проплелась шаговъ пять, и бричка окончательно погрязла.

— Никитка, подлецъ! Что ты со мною дѣлаешь? пищалъ женскій голосъ изъ глубины экипажа.

— Воля ваша, сударыня, дальше ни *тпру*, ни *ну*.

— Я тебѣ говорила, подлецъ, чтобъ ты ѣхалъ другой улицей.

— Тамъ, можетъ быть, еще хуже.

— Постой, вотъ дождемся утра, я тебя!..

— Воля ваша. А лошади измучены, да и у меня силы нѣту-ти.

— Что же я буду дѣлать?

— А что дѣлать! Не надо было ѣхать въ городъ въ такую непогодь.

— Ты еще смѣешь учить меня, мерзавецъ! Боже мой, Боже мой, до чего дожила я! Отпрягай лошадь и поѣзжай къ Саввѣ Миронычу просить помощи.

— Здѣсь надо пары четыре воловъ, иначе ничего не подѣлаешь... Да и какъ распрягать въ такой грязи: тутъ, пожалуй, и самъ утонешь и лошадей потопишь.

— Эй, Никитка! Не груби, жалѣть будешь...

— Да помилуйте, матушка-барыня, развѣ не видите, какая разквасица?

И Никитка полѣзъ по оглоблямъ распрягать пристяжную лошадь.

Козулина начало занимать происшествіе. Онъ позабылъ и весеннюю ночь, и панну Цецилію, и бросился въ уголъ, накинулъ халатъ и надѣлъ фуражку съ краснымъ околышкомъ.

— Эй, Жеребятниковъ! крикнулъ онъ.

Отвѣта не послѣдовало. Квартальный повторилъ энергичнѣе, но тоже безъ успѣха, вслѣдствіе чего принужденъ былъ выйти въ сѣни и собственными руками растолкать десятскаго.

— Противъ насъ завязла какая то бричка съ барыней — надо-бы помочь.

— А какъ мы поможемъ, в. б-іе!

— Созовемъ людей!

— Никто не пойдетъ теперича.

Козулину, неизвѣстно почему, сильно захотѣлось помочь бѣдствовавшей, и онъ подозвалъ къ окну Жеребятникова.

— Смотри!

— А! знаю. Это вдова Колобанова.

— Молодая? Невольно спросилъ квартальный.

— У! в. б-іе: просто писаная. Когда случалось имъ услужить, такъ сама выносила благодарность, дай ей Богъ здоровья, никогда меньше двугривеннаго и всегда подаритъ ласковымъ словомъ. Славная барыня.

Въ это время кучера Никитки уже не было: онъ на пристяжной кое какъ плелся къ секретарю уѣзднаго суда, двою-

родному брату барыни, просить помощи. Въ бричкѣ раздавалось всхлипыванье.

— Жеребятниковъ! надо помочь, во что бы то ни стало, сказалъ энергически Козулинъ.

— Такой барынѣ надо помочь, в. б-іе.

— Я самъ тебѣ подарю полтинникъ.

— Радъ стараться, в. б-іе. Вы въ окошечко поговорите съ ними, а я побѣгу — справлюсь.

И Жеребятниковъ исчезъ въ сѣни. Козулинъ подошолъ къ окошку.

— Не безпокойтесь, сударыня! проговорилъ онъ громко: сейчасъ явимся на помощь.

— Ахъ! произнесла путница, высовываясь изъ брички. Кто вы, милостивый государь?

— Квартальный, сударыня, къ вашимъ услугамъ.

— О, помогите! Я совершенно растерялась. Кучеръ мой, подлецъ, завезъ меня въ какую то бездну, грубіянъ...

— Успокойтесь, мы все уладимъ, и съ кучера за грубости взыщемъ, какъ лучше быть не надо, — это наше дѣло.

— Какъ я вамъ благодарна. Я думаю, вмѣсто братца, онъ заѣхалъ въ кабакъ.

— Не тревожьтесь.

— Вѣдь я нѣсколько часовъ тащилась по грязи и измучилась.

— Повремените минутку.

Въ сѣняхъ послышались голоса, и Жеребятниковъ вошелъ въ комнату.

— Я привелъ, в. б-іе, двухъ нехвалитныхъ солдатъ — обѣщалъ отъ вашего имени по гривеннику. Мы сейчасъ возмемъ большой хозяйскій столъ и отнесемъ къ бричкѣ, со стола положимъ доску на плетень и барыня перейдутъ, а съ плетня перенесемъ, какъ есть.

— Я уже самъ перенесу.

— Какъ прикажите.

Услыхавъ шумъ въ сѣняхъ, хозяйка выбѣжала и начала было кричать »караулъ«, но узнавъ въ чемъ дѣло, приняла участіе и бросилась ставить самоваръ, чтобъ отогрѣть помѣщицу, у которой покупала куръ, индюковъ и проч.

Солдаты кое какъ, по брюхо въ грязи, вынесли столъ и поставили къ самой бричкѣ, такъ что поверхность его представляла сухое пространство, — со стола на плетень положили широкую доску, а квартальный, босой, по колѣна въ грязи,

подобравъ халатъ, отправился по этому животрепещущему мосту къ увязшему экипажу.

— Готово! сказалъ онъ.

— Ахъ! воскликнула вдова, при видѣ молодаго мужчины въ дезабилье, который въ попыхахъ и дорожа минутами, не думалъ уже о приличіяхъ.

— Имѣю честь рекомендоваться — квартальный Козулинъ. Извольте вылѣзать, сударыня.

— Какъ же идти.

— Столъ очень прочно стоитъ, а тамъ проводимъ васъ по доскѣ на плетень.

Вдова кое какъ вылѣзла изъ брички и показала свою недурную физіономію.

— А мнѣ вылѣзать? раздалось сзади.

— Не бойся, дрянь, не пропадешь и ты, отвѣчала Колобанова и взглянула на своего избавителя.

Козулинъ былъ не дуренъ собою, молодъ, и фуражка съ краснымъ околышкомъ придавала ему что-то геройское. Вдовушка смѣшалась.

— Я сперва подумала, что вы Тонкогубовъ, сказала она.

— Нѣтъ, сударыня, я второй квартальный — недавно назначенъ.

— Очень пріятно познакомиться.

Козулинъ тотчасъ же распорядился поставить солдатъ по бокамъ доски, на которую взошелъ первый, оборотился лицомъ къ вдовѣ, подалъ ей руку и, пятясь, повелъ ее къ самому плетню. Послѣ этого Козулинъ спрыгнулъ прямо на грязный дворъ, принялъ въ объятія вдовушку и перенесъ ее въ сѣни, а оттуда, по желанію послѣдней, въ комнату хозяйки, оказавшейся ея знакомою. Горничную перевели солдаты, которые озаботились также отпречь лошадей и поставить въ сараѣ. Всѣ вещи Колобановой были вытащены — за что солдаты получили по пятіалтынному.

Послѣ этой операціи Козулинъ поспѣшилъ одѣться приличнѣе и получилъ приглашеніе пить чай со вдовушкой, оказывавшей большую любезность своему избавителю. Черезъ полчаса она уже хохотала надъ своимъ приключеніемъ, показывая бѣлые ровные зубы, которые, однако-жъ, не столько занимали квартальнаго, сколько роскошный бюстъ Колобановой и яркій румянецъ, заигравшій въ лицѣ послѣ нѣсколькихъ чашекъ чаю. По совершеніи подобнаго путешествія съ препятствіями—нужно было вдовушкѣ отдохнуть, и она изъ-

явила опасеніе, чтобы не безпокоили ее хозяйскія дѣти. Тогда Козулинъ со всею вѣжливостью прежняго времени сказалъ, что если его ложе будетъ ей не противно, то онъ готовъ уступить его, а самъ полежитъ гдѣ нибудь, такъ какъ онъ человѣкъ служивый и по походамъ довольно таскался. Предложеніе было принято не безъ нѣкоторыхъ отговорокъ и жеманства, но съ условіемъ, чтобъ Козулинъ забралъ свою постель, потому что у вдовушки была своя, да она и не могла спать на чужихъ подушкахъ. Козулинъ поспѣшилъ согласиться на это условіе съ особеннымъ удовольствіемъ и краснѣлъ изъ боязни, чтобы вдовушка не увидѣла его постели, состоявшей изъ кожаной подушки и истрепаннаго одѣяла. Узнавъ взаимно объ именахъ и отчествахъ другъ друга, новые знакомцы собирались расходиться, какъ вдовушка спохватилась.

— Ахъ, я и позабыла. Сдѣлайте одолженіе, Веніаминъ Андреевичъ, когда возвратится мой Никитка, прикажите взыскать съ него, во первыхъ, за грубости, во вторыхъ, за то, что онъ изъ упрямства завезъ меня въ пропасть.

— Будьте покойны, Меланья Петровна — это по моей части.

— Такой мерзавецъ, вы не повѣрите: я ему слово, а онъ мнѣ десять, я ему кричу направо, а онъ нарочно ворочаетъ налѣво.

— Будетъ помнить — не безпокойтесь. Теперь вы устали, покойной ночи. Какъ встанете, разскажите мнѣ, что вамъ снилось въ моей комнатѣ.

— Ахъ, страсти какія! Я отродясь не спала на кровати молодаго мужчины.

— За то мнѣ какая пріятность будетъ вспомнить, что на моемъ тюфякѣ покоилось бархатное тѣльце.

— Ахъ, какой вы комплеменщикъ!

Козулинъ шепнулъ Жеребятникову поскорѣе вынесть подушку и одѣяло, и, введя вдовушку въ свою комнату, просилъ быть безъ церемоніи. Послѣ этого онъ захватилъ свой кисетъ съ табакомъ и вышелъ, тѣшась въ душѣ неожиданнымъ событіемъ.

Между тѣмъ городокъ уже пробуждался и по улицамъ послышались возгласы, но большею частію междометія. Многія горожанки не могли выдти даже за водой и перекликались съ сосѣдками звонкими голосами. Въ иныхъ мѣстахъ открылось сообщеніе чрезъ задніе дворы, но это при дружелюбныхъ отношеніяхъ хозяевъ, а враждовавшіе сосѣди рѣшались лучше

подвергнуться лишеніямъ, нежели допустить врага на свою территорію, или къ тому перейти черезъ враждебную границу.

Разволнованный ночнымъ приключеніемъ, Козулинъ не могъ уже уснуть и подсѣвъ къ хозяйкѣ, началъ вывѣдывать у нея «нѣкоторыя черты изъ жизни» Меланьи Петровны. Словоохотливая хозяйка разомъ сдѣлала ему полный біографическій очеркъ вдовушки хоть бы для энциклопедическаго словаря, такъ что квартальному оставалось только слушать и дѣлать свои заключенія, затягиваясь третьимъ № «Мусатова». Оказалось, что Колобанова была замужемъ за бѣднымъ помѣщикомъ, который умеръ назадъ тому года три, но что имѣніе принадлежало вдовушкѣ какъ родовое, полученное отъ отца въ наслѣдство, и состояло изъ двадцати осьми ревизскихъ душъ. Имѣніе, по словамъ хозяйки, отлично устроенное, въ которомъ разводилось большое количество домашней птицы, но главнымъ источникомъ дохода были хлѣбопашество и пчеловодство. Относительно возраста Маланьи Петровны разскащица передала самыя точныя свѣдѣнія, согласно съ которыми вдовушкѣ значилось двадцать девять лѣтъ и два съ половиною мѣсяца, при чемъ слѣдовали похвалы ея гостепріимству и часамъ съ кукушкой. Дѣти у Меланьи Петровны были, да померли.

Разсказъ этотъ почему то особенно дѣйствовалъ на Козулина, которому начали мерещиться всевозможныя радости сельской жизни. Для сокращенія времени, онъ вышелъ во дворъ посмотрѣть на пару вдовушкиныхъ лошадей и чрезъ заборъ взглянулъ на рессорную бричку, которая, хоть и стояла погрузившись почти съ колесами въ пятую стихію, однако, судя по всему, была еще не старая.

Часу въ осьмомъ явился Никитка со слугою секретаря, и по всему видно было, что, не смотря на трудность сообщенія, они избрали путь мимо кабака, вліяніе котораго обнаруживалось въ ихъ словахъ, а болѣе въ дыханіи, вносившемъ въ комнату хозяйки кабацкія испаренія. Не дожидаясь никакихъ объясненій и желая исполнить слово, данное вдовушкѣ, Козулинъ экспромтомъ оттрепалъ Никитку, заявивъ, впрочемъ, что это, молъ, задатокъ, а расплата будетъ впереди. Такъ какъ подобное событіе не могло произойти безъ нѣкотораго шума, то вдовушка проснулась и въ привлекательномъ неглиже выскочила въ сѣни.

— А! мошенникъ! попался, говорила она гармоническимъ голосомъ: погоди, шельмецъ, погоди!

— Воля ваша, я ни въ чемъ не виноватъ, я свое дѣло сполняю.

Но вдовушка въ это время увидѣла слугу своего родственника.

— Здравствуй, Ѳедька!

— Здравствуйте, Меланія Петровна. Баринъ приказали кланяться и сказали, что теперь ничего не могутъ сдѣлать— повремените.

— А добрые люди спасли меня и не дали пропасть среди улицы: я вотъ переночевала у квартальнаго Козулина.

— Баринъ и думали, что гдѣ нибудь помѣститесь. Они обѣщали пріѣхать хоть верхомъ навѣдаться, а меня послали узнать квартиру.

— А бричка?

— Когда высохнетъ, мы ее откопаемъ изъ грязи заступами.

— Ну, любезный, вотъ три цѣлковыхъ, сходи, купи мнѣ чаю и сахару, да бутылку вина: значитъ, уже мнѣ тутъ сидѣть, пока подсохнетъ. Никитку посылать боюсь — пропьетъ сдачу, а Ѳекла такая дура, что завязнетъ, пожалуй.

Ѳедька отправился по порученію, и какъ въ маленькомъ городкѣ каждое происшествіе интересно, то, проходя знакомыми дворами, а потомъ въ лавкѣ и въ погребѣ онъ разсказалъ случай съ Меланьей Петровной, безъ всякаго умысла прибавляя, что Колобанова переночевала у новаго квартальнаго. Не смотря на трудность сообщенія, вѣсть съ разными коментаріями облетѣла многіе дома, и прежде чѣмъ Ѳедька возвратился домой, баринъ его уже зналъ, что Меланья Петровна ночевала у новаго квартальнаго. Жена секретаря выходила изъ себя и подробно разспрашивала Ѳедьку, что онъ видѣлъ и слышалъ. Плутоватый малый, не подозрѣвая всей сути разсказа, еще добавилъ, что вдовушка велѣла для квартальнаго купить бутылку мадеры.

Между тѣмъ въ домахъ »высшаго общества« забили тревогу, и градоправительница, сообщивъ мужу интересное извѣстіе, тотчасъ послала за Жеребятниковымъ. Изъ разсказа послѣдняго трудно было вывести какое нибудь особенное заключеніе, однако его вывели и къ вечеру уже трубили по городу, что Колобанова давно имѣла связь съ Козулинымъ, еще съ тѣхъ поръ, какъ прожила она недѣли двѣ въ губерніи, и что завязнувшая бричка была только однимъ предлогомъ.

Скандалъ произошелъ ужасный. Сами герои, однако-же, ничего не знали и продолжали любезничать, какъ бы желая

подтвердить городскую молву и нелѣпый вымыселъ обратить въ дѣйствительность.

Когда вечеромъ секретарь посѣтилъ вдовушку, то по родству не могъ не передать ей толковъ, разнесшихся по городу и старался вывѣдать—точно ли Колобанова давно знакома съ Козулинымъ и какія у нея намѣренія. Вдовушка сперва расплакалась, но потомъ начала увѣрять секретаря, что никакого у нея знакомства съ квартальнымъ не было. Секретарь замѣтилъ, впрочемъ, что не ночевать же ей было въ бричкѣ на улицѣ, и это нѣсколько успокоило оскорбленную женщину.

Между тѣмъ Козулина потребовали къ Недошвилову, гдѣ градоправительница не тономъ начальницы, а съ дружескимъ любопытствомъ разспрашивала — справедливы ли слухи о его близкихъ отношеніяхъ съ Колобановой. Квартальный смѣшался, опровергалъ молву, но прибавилъ, что »вдовушка *ничего* и имѣетъ порядочное состояніе«. Когда сильно перепачкавъ сапоги и новенькія брюки, возвратился онъ на квартиру, вдовушка встрѣтила его съ печальнымъ видомъ и разсказала все, что слышала оскорбительнаго для своей чести. Козулинъ съ жаромъ увѣрялъ, что онъ тутъ не причиною, и такъ началъ умильно смотрѣть на Колобанову и съ горя такія отпускалъ ей галантерейности, что она съ грустью заговорила о вдовьемъ житьѣ вообще, а о своемъ въ особенности...

Улицы скоро подсохли, бричку откопали знакомые гарнизонные солдаты, Жеребятниковъ сходилъ съ Никиткой въ кабакъ, и Колобанова, никого не посѣтивъ въ городѣ, прямо уѣхала къ себѣ въ деревню. Спустя дня два, Козулинъ подалъ рапортъ городничему о дозволеніи вступить въ законный бракъ съ помѣщицей Колобановой.

Разумѣется, всѣ ссоры и непріятности были забыты, но общество не могло надивиться тонкому притворству влюбленныхъ, съ какимъ они будто бы надули почтеннѣйшую публику о давнишнемъ знакомствѣ въ губерніи.

Нужно ли прибавлять, что Козулинъ, послѣ свадьбы, покинулъ полицейское поприще къ величайшему прискорбію Жеребятникова, который, послѣ недолгой привольной жизни, снова отправился валяться на нарахъ при полиціи.

ВЪ САДУ.

ВЪ САДУ.

Да проститъ меня, читатель, что въ моихъ разсказахъ я вожу его непремѣнно по провинціи и преимущественно въ уѣздные города, гдѣ, по принятому мнѣнію, такъ мало интереса для всѣхъ вообще, а для моихъ прекрасныхъ читательницъ въ особенности. Но у меня здѣсь три цѣли: первое, что я недурно изучилъ бытъ различныхъ захолустій, второе опровергнуть мнѣніе, что въ провинціи, тѣмъ болѣе въ уѣздахъ, нѣтъ интереса, а третье, навести хоть и на весьма избитую истину, что люди всегда и вездѣ люди. Послѣднее обстоятельство было какъ-то даже необыкновенно кудревато высказано у поэта тридцатыхъ годовъ Тимофеева, но только не припомню стиховъ, а журналовъ той эпохи нѣтъ у меня подъ рукою. Оно, конечно, пріятнѣе и назидательнѣе описывать великосвѣтскіе салоны,—но, увы, перо мое слишкомъ слабо для воспроизведенія даже нахальнаго и грубаго лакейства, которое встрѣчается въ великолѣпной швейцарской или на изящной лѣстницѣ, уставленной цвѣтами,—а для изображенія самой сути, т. е. этихъ неотразимыхъ денди или недоступныхъ »контессъ и пренсессъ« у меня не хватитъ не только таланта, а даже простой смѣлости. И вотъ по этому-то случаю, когда на меня находитъ особое расположеніе духа, подъ вліяніемъ котораго пишущій человѣкъ чувствуетъ необходимость »бесѣдовать съ музами«, какъ говорилось въ старину, я настраиваю скромную лиру и пою васъ, о, жалкіе городишки съ грязными улицами, съ перекосившимися домиками и всѣмъ прочимъ, невыходящимъ изъ своей узкой, патріархальной колеи, во славу мирныхъ предковъ и въ назиданіе отдаленному потомству.

На этотъ разъ я не займусь литературной топографіей, я

скажу прямо, что уѣздный городъ Растеряй походитъ на нѣсколько сотъ своихъ собратій въ промышленномъ, торговомъ и отчасти въ общественномъ отношеніяхъ. На главной улицѣ его были, однако-же, вдоль домовъ посажены деревья и проведены канавки, образуя пѣшеходы или, по туземному, »протуары« — слово, употребляемое и въ мѣстныхъ оффиціальныхъ бумагахъ. Разумѣется, протуары эти не отличались ничѣмъ отъ улицы, и во время дождя пѣшеходъ на нихъ увязалъ въ глубокой грязи, но въ хорошую погоду они служили, во первыхъ, украшеніемъ, во вторыхъ, придавали видъ наружнаго благоустройства, а въ третьихъ, закрывали отъ проѣзжаго мало ли какія гадости. Не смотря на постоянное затишье и патріархальный бытъ, въ которомъ пребывалъ Растеряй съ незапамятныхъ временъ, всемогущая мода проникала въ него и понемногу переиначивала коренныя обыкновенія. Такъ одинъ городничій ввелъ преферансъ, судьиха, съѣздивъ въ Кіевъ на богомолье, привезла солнечную лампу, которыя потомъ появились у прочихъ аристократовъ; откупщикъ сдѣлалъ на окнахъ маркизы, разумѣется, безполезныя при существовавшихъ по улицамъ деревьяхъ, но это не помѣшало судьѣ, городничему и исправнику сдѣлать такія же на своихъ окнахъ, уѣздный лѣкарь завелъ обычай танцовать въ перчаткахъ. Всѣ эти нововведенія, прививавшіяся въ обществѣ довольно быстро, показывали склонность растеряйцевъ къ прогрессу и цивилизаціи, и только исключительному своему положенію, вдали отъ проѣзжихъ трактовъ, обязаны они были болотной неподвижностью. Что же касается до чисто человѣческихъ отправленій и общественной уѣздной дѣятельности, то Растеряй не представлялъ ни одной рѣзкой аномаліи, особенно, если смотрѣть съ древне-русской точки зрѣнія. Но, во всякомъ случаѣ, грубость нравовъ исчезала и проявлялась, болѣе или менѣе сознаваемая, вѣжливость. Такъ напримѣръ, если нѣкоторые члены общества въ гостяхъ »обходились безъ помощи платка«, то для этого процесса избирали уголъ или плевальницу, обтирая пальцы о подкладку одежды, а въ случаѣ платье было новое, то о голенищи сапоговъ, и тѣмъ самымъ не нарушали правилъ благопристойности. При этомъ надо замѣтить, что и у такихъ господъ въ карманѣ всегда имѣлся чистый носовой платокъ, но его не употребляли, единственно на томъ основаніи, чтобъ не выпачкать. Неприличныя ругательныя слова произносилъ одинъ только отставной капитанъ Зуболомовъ, но и то въ двухъ только случаяхъ — когда выпивалъ черезъ

мѣру или, приходя въ азартъ при какомъ-нибудь спорѣ, не могъ убѣдить своего противника. Однако и Зуболомовъ считалъ обязанностью, являясь въ гости, извиниться заблаговременно передъ дамами »въ случаѣ какого-нибудь словца — простить стараго служаку«. Одинъ учитель изъ скупости курилъ махорку, но въ женскомъ обществѣ тотчасъ же обращался съ просьбой къ хозяину, одолжить ему Жукова или турецкаго, и дымилъ даровой табачекъ изъ участія къ дамскому обонянію. Сама исправница — почетная дама, имѣвшая привычку колотить по зубамъ прислугу за малѣйшее неточное, по ея понятію, исправленіе обязанности, — исполняла это обыкновеніе только при короткихъ знакомыхъ, а при посторонніхъ воздерживалась и произносила мягкимъ голосомъ:

— Помни, душенька, что это не пройдетъ тебѣ даромъ, и какъ уйдутъ гости, я не позабуду тебя отдубасить.

Справедливость требуетъ замѣтить, что растеряйская знать разнилась отъ прочихъ гражданъ только сословными отличіями, степенью занимаемаго мѣста и большей или меньшей грамотностью, а потому и общество было самое ровное, отлично понимавшее другъ друга. Разумѣется, мѣстничество соблюдалось, но слѣдуя этому, разъ заведенному порядку, никто никогда не нарушалъ гармоніи, царствовавшей на всѣхъ пирушкахъ и вечеринкахъ растеряйскихъ, начиная отъ именинъ у судьи, — до крестинъ или похоронъ у какого-нибудь незамѣтнаго столоначальника. Правда, съ откупщиками случались исторіи, потому что трудно было посадить подобнаго господина такъ, чтобъ не оскорбить ни его, ни прочихъ собесѣдниковъ, но и эта статья опредѣлилась, наконецъ, въ растеряевскомъ кодексѣ церемоній. Если откупщикъ происходилъ изъ дворянъ или чиновниковъ, его сажали послѣ членовъ присутственныхъ мѣстъ, выше секретарей; если изъ купцовъ, тотчасъ за послѣднимъ благородіемъ, выше городскаго головы; — если же изъ евреевъ, то рядомъ съ головою, выше, однако-жъ, мѣстнаго купечества. Вслѣдствіе такой опредѣленной столовой іерархіи и лакеямъ не надо было перебѣгать съ блюдомъ, чтобъ не обнести кого-нибудь по чину и званію; только и требовалась снаровка — подать сперва благороднымъ барынямъ, потомъ чиновнымъ мужчинамъ, и, дойдя до купцовъ, перейти на сторону дамъ купеческихъ и духовныхъ, если были таковыя, и тогда уже угощать разночинцевъ. Такимъ образомъ, растеряйцы поживали себѣ въ тишинѣ, кротости и смиреніи, зани-

маясь текущими дѣлами, каждый въ своей сферѣ, трудясь для общей пользы, не забывая себя, и, можно сказать, благодушествовали, не выходя изъ колеи, завѣщанной предками рутины. Мѣстное купечество существовало преимущественно отъ изобилія въ уѣздѣ помѣщиковъ, вело жизнь болѣе замкнутую, хотя въ торжественныхъ случаяхъ посѣщало дворянскій кругъ и принимало у себя чиновное населеніе. Въ Растеряѣ было довольно молодежи обоего пола, которая тоже не дремала въ свою очередь, и по разнымъ уголкамъ незатѣйливыхъ улицъ возникали, развивались и приходили къ развязкѣ романы, исполненные иногда и несовсѣмъ обыкновенныхъ приключеній. Не смотря на строгость нравовъ, на безпощадность общественнаго мнѣнія, каравшаго нарушеніе супружеской вѣрность и малѣйшую наклонность къ незаконной любви, молодые люди и дѣвицы вздыхали, страдали, устраивали свиданія и приходили къ браку или къ другимъ послѣдствіямъ пламенной страсти, конечно, небезупречнымъ, но тѣмъ не менѣе натуральнымъ. Бракамъ по склонности много вредило мѣстничество, потому что родители имѣли свои виды женить или отдавать дѣтей замужъ, но могучая любовь и тутъ иногда успѣвала преодолѣвать препятствія, и нерѣдко чета, совсѣмъ уже разрозненная, ухитрялась, при помощи постоянства и настойчивости, сочетаться законными узами.

На поперечной улицѣ Растеряя стоялъ плохенькій домикъ о пяти окнахъ, которыя постоянно были заперты ставнями. Высокія деревья обширнаго сада перевѣшивались черезъ заборъ и въ извѣстное время года служили причиной соблазна и нѣкоторыхъ катастрофъ для городскихъ дѣтей, потому что состояли преимущественно изъ фруктовыхъ породъ и тщательно охранялись какъ извнутри, такъ и снаружи. Домикъ этотъ принадлежалъ отставному коммиссіонеру Бреньковскому, который, во время долголѣтней и усердной службы, успѣлъ сколотить состояньице и благополучно вышелъ въ отставку. Домикъ со всѣми принадлежностями купилъ онъ съ аукціона и очень немного употребилъ на его передѣлку. Какъ человѣкъ одаренный способностью пріобрѣтенія, Бреньковскій обратилъ вниманіе на свой садъ, заведенный прежнимъ хозяиномъ-любителемъ, очистилъ его, привелъ въ порядокъ и съ фруктовъ получалъ сотню, другую дохода; при всей своей скупости, Бреньковскій сознавалъ необходимость охранять садъ отъ вторженія любителей пользоваться даровыми плодами, но, не желая расходовать для этого лишнихъ денегъ, придумалъ ори-

гинальный способъ устройства дешевой и вмѣстѣ бдительной стражи. Вскорѣ послѣ цвѣтенія сада, какъ только на деревьяхъ показывались плоды, еще негодные для употребленія взрослыхъ, но уже представлявшіе соблазнъ для дѣтей, Бреньковскій тотчасъ принималъ свои мѣры. Въ Растеряѣ таскалось обыкновенно большое количество нищихъ, которыхъ отставной коммиссіонеръ зналъ почти всѣхъ по именамъ. Онъ выбиралъ двухъ, казавшихся ему болѣе порядочными и, разумѣется, за ничтожную плату нанималъ ихъ ночевать въ саду ежедневно, съ тѣмъ, что съ утра они могли предаваться своей профессіи, а двухъ или трехъ договаривалъ караулить садъ день или ночь снаружи, вмѣняя имъ въ обязанность наблюдать за товарищами, находящимися внутри сада. Кромѣ того, на разсвѣтѣ, самъ онъ, со старшимъ сыномъ, выходилъ визитиръ-рундомъ, какъ повѣрять исправность сторожей, такъ и прекращать какіенибудь искусные замыслы похитителей. Нищіе, конечно, могли бы извлекать свои доходы, но во первыхъ, ворами оказывались по большей части мальчишки или молодые парни, съ которыхъ взятки были гладки, и во вторыхъ, Бреньковскій, за малѣйшее подозрѣніе могъ отослать караульщика въ полицію, гдѣ, безъ сомнѣнія, нищаго не погладили бы по головкѣ, такъ какъ городничему и всему полицейскому штату отпускались фрукты даромъ. Отставной же коммисіонеръ былъ лицо, болѣе или менѣе, необходимое каждому. Онъ исправлялъ должность ростовщика, снабжая за добрые проценты всѣхъ нуждающихся, подъ заемныя письма и подъ ручные залоги, смотря по обстоятельствамъ. Онъ, впрочемъ, принадлежалъ еще къ тѣмъ ростовщикамъ добраго стараго времени, которые никогда не сознаются, что у нихъ есть деньги, а вступая въ сдѣлку, обѣщаютъ достать у пріятелей и потому велятъ приходить дня черезъ два, три, не взирая ни на какія настоятельныя просьбы. Въ короткое время онъ сдѣлался зажиточнымъ человѣкомъ. Раздавая деньги на проценты купцамъ, Бреньковскій имѣлъ по этому случаю большой запасъ даровыхъ товаровъ, потому что, уступая иногда лишній процентъ, выканючивалъ взятку натурой, и могъ бы на чужой счетъ принимать хоть ежедневно гостей, но скупость, переходившая у него постоянно въ скряжничество, и боязнь войти въ болѣе близкія сношенія со своими должниками — дѣлали домъ его недоступнымъ. Семейство его состояло изъ жены, двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій служилъ въ уѣздномъ судѣ канцеляристомъ, а младшій находился при откупщикѣ въ родѣ чиновника особыхъ порученій.

и дочери лѣтъ семнадцати, прехорошенькой блондинки. Семейство это вело чрезвычайно уединенную жизнь и питалось самымъ жалкимъ образомъ, потому что жена Бреньковскаго — существо безотвѣтное и запуганное, не смѣла не только потребовать у мужа денегъ на расходы, но даже употребить что нибудь изъ готовыхъ запасовъ, которые наполняли кладовую, портились и выбрасывались за негодностью. Сельди, балыки, икра, сахаръ, чай, свѣчи — все это, принесенное Бреньковскому въ даръ, находилось у него въ изобиліи, а между тѣмъ, семейство его нерѣдко голодало и терпѣло всевозможныя лишенія. Дочь-невѣста ходила въ изорванномъ платьѣ и часто не имѣла башмаковъ, такъ что не могла пойти даже къ обѣднѣ. Бреньковскій разсчитывалъ также, что прислуга вещь излишняя и держалъ только одного дворника, который исполнялъ обязанность кучера, а въ домѣ за всѣмъ ходили жена и дочь, аккуратно чередуясь стряпнею на кухнѣ. Общественное мнѣніе не существовало для Бреньковскаго, и если, бывало, кто нибудь изъ вліятельныхъ лицъ начиналъ ему говорить о предосудительности его образа жизни относительно жены и взрослой дочери, — онъ улыбался и замѣчалъ, что никто не вправѣ вмѣшиваться въ его семейную жизнь и что онъ никому не обязанъ отдавать отчета. Параша — подъ этимъ именемъ извѣстна была въ городѣ дочь Бреньковскаго — всю зиму рѣшительно была невидимкой для растеряйской молодежи, не выходила даже въ церковь, такъ какъ отецъ не шилъ ей шубы, на томъ основаніи, что у молодой дѣвочки горячая кровь. Но за то съ первыми созрѣвшими фруктами она постоянно находилась въ саду и отвѣшивала покупателямъ ягоды, отсчитывала яблоки, груши, сливы, нерѣдко сама доставая плоды съ высокихъ деревьевъ. Въ это время отъ покупателей не было отбою и растеряйскіе юноши и многіе даже изъ пожилыхъ джентльменовъ считали какъ бы обязанностью посѣщать садъ Бреньковскаго. Отставной коммисіонеръ догадывался, что привлекало къ нему большую часть покупателей, но какъ онъ самъ не выходилъ изъ саду и шнырялъ между деревьями, то мало обращалъ вниманія на ухищренія ловеласовъ, которые доставляли ему вѣрный доходъ и наличныя деньги. Между тѣмъ, молодые люди, желавшіе понравиться Парашѣ и затронуть ея сердце, употребляли всевозможныя хитрости и истощали весь запасъ уѣздной тактики къ достиженію желанной цѣли. Хорошенькая Параша, по свойственной женщинѣ догадливости, очень хорошо знала, кто изъ молодыхъ людей

искалъ ея взаимности и, не смотря на свой жалкій костюмъ, всегда умѣла прицѣпить какую нибудь ленточку, приколоть какой нибудь цвѣтокъ для большаго, по ея мнѣнію, эффекта. Весь городъ зналъ скряжничество Бреньковскаго, но зналъ также, что у него были порядочныя деньги, и потому нѣкоторые предполагали хоть какое нибудь приданое. Отцы, выбиравшіе сыновьямъ невѣстъ, не разъ пытались узнавать у него хоть приблизительную цыфру приданаго Параши, но никогда не могли добиться этого отвѣта.

— Она еще молода, говорилъ Бреньковскій, пусть потрудится, поможетъ матери, а тамъ, если Богъ пошлетъ человѣка »мнѣ по мысли« я, конечно, не отпущу же дочь въ одной рубашкѣ. Только напередъ говорю, что за молодаго человѣка не отдамъ — развѣ будетъ особенный богачъ или генеральскій сынъ.

Таково было убѣжденіе Бреньковскаго, относительно замужества дочери, убѣжденіе, впрочемъ, раздѣляемое многими родителями, вслѣдствіе извращенныхъ понятій, выработавшихся въ обществѣ. Довольно дикая мысль отдавать молодую дѣвушку непремѣнно пожилому, какъ по тому, что онъ опытенъ, такъ и оттого, что успѣлъ перебѣситься—сложилась, конечно, не въ народѣ, а въ той замкнутой средѣ, которая, изнасиловавъ природу, отрекшись отъ многихъ человѣческихъ стремленій, на первомъ планѣ ставитъ отношенія своего кружка, а всѣ требованія природы приводитъ подъ условную мѣрку своего нелѣпаго уложенія. Въ числѣ многихъ оправданій неравенства лѣтъ жениха и невѣсты, мнѣ случилось слышать одно весьма циническое, которое, хоть говорилось и на французскомъ языкѣ, способномъ сглаживать цинизмъ до нѣкоторой степени, однако, тѣмъ неменѣе, выражаетъ извѣстныя понятія. Дѣло шло о супружествѣ единственной дочери богатаго господина съ обѣднѣвшимъ потомкомъ древняго рода, плѣшивымъ старцемъ, весело промотавшимъ наслѣдіе своихъ предковъ.

— Меня пугаетъ неравенство, смѣло сказалъ я отцу невѣсты, который сообщилъ мнѣ о недавней помолвкѣ своей дочери.

— Эхъ, батинька, проговорилъ онъ, щелкая пальцами по великолѣпной табакеркѣ: вы смотрите на вещи съ поэтической точки зрѣнія. Здѣсь достигаются двѣ главныя цѣли: первая—угасающія фамиліи соединяются въ одну, а второе, отдавая дочь за пожилаго человѣка съ разстроеннымъ здо-

ровьемъ, я разсчитываю, что у нихъ не можетъ быть больше одного или двухъ дѣтей — слѣдовательно мое имѣніе не раздробится.

Бреньковскій, конечно, не дошелъ до подобной мысли, да она и не могла привиться къ нему, человѣку, всю жизнь извлекавшему посильныя выгоды изъ казенныхъ—муки, овса и рогожъ, и онъ хлопоталъ лишь объ одномъ—выдать дочь, если можно, безъ приданаго и чтобъ ее держали въ ежовыхъ рукавицахъ, въ видахъ сохраненія нравственности. О Парашѣ уже хлопотали, даже засылали сватовъ, но какъ претенденты были люди небогатые, то, разумѣется, и предложеніе ихъ отвергалось. Сыновья родителей съ состояніемъ тоже не прочь были бы жениться на Парашѣ, но какъ за нею не было положительно обѣщано приданаго, то они даже не рѣшались и адресоваться къ Бреньковскому, зная напередъ, что безъ опредѣленія послѣдней статьи, ихъ собственные отцы и матери никогда не изъявятъ согласія.

Между тѣмъ, дѣвушка, не смотря на забитость своего положенія, не смотря на безотрадную обстановку и тяжелый трудъ не по силамъ, зорко посматривала на молодыхъ людей, являвшихся за покупкою фруктовъ, весело болтала съ ними, строила воздушные замки, мечтая, то о черныхъ глазахъ, то о едва пробивавшихся усикахъ, то о красивомъ сюртукѣ того или другаго канцеляриста. Ей уже слишкомъ много напѣвали нѣжностей, чтобъ она могла пребывать въ совершенномъ невѣдѣніи—чего отъ нея желали представители не прекраснаго пола, и хотя строгое обращеніе отца и его бдительный надзоръ не давали возможности высказываться, однако она быстро приближалась къ выбору обожателя, потому что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ нерѣдко подъ самымъ невыносимымъ домашнимъ гнетомъ, не остается пассивною жертвою деспотизма. Не говоря уже о матери, дошедшей до степени идіотизма, но самый отецъ, по отсутствію всякаго развитія, не могъ понимать того внутренняго процесса, который совершался въ молодой дѣвушкѣ, вопреки всѣмъ нравоученіямъ и наставленіямъ — проявляются ли они въ формѣ ходячихъ сентенцій, или просто при посредствѣ кулака и потасовки. Бреньковскій думалъ, что достаточно приказать дочери, чтобы она не смѣла засматриваться на молодыхъ людей, и дочь обязана была исполнить это приказаніе, во первыхъ, по смыслу повиновенія родительской власти, во вторыхъ, и потому, что дѣвушкѣ неприлично заниматься вздоромъ, то есть въ пере-

водѣ — любезничать съ молоджью. Крѣпкій вѣрою въ непогрѣшимость и правоту своихъ убѣжденій — Бренъковскій и дѣйствовалъ сообразно съ этими убѣжденіями, и если случалось, что Параша, увлекшись живостью возраста, говорила долѣе обыкновеннаго съ кѣмъ нибудь изъ покупателей,—отставной коммиссіонеръ вытягивалъ ее прутомъ и дѣлалъ краткія, но сильныя внушенія. Однако дисциплинарная система не дѣйствовала на молодую дѣвушку, какъ потому, что Параша и въ прочихъ условіяхъ жизни испытывала ее на каждомъ шагу, такъ и потому, что извѣстныя стремленія не прекращаются ни отъ удара прутомъ, ни отъ грубыхъ угрозъ домашняго деспотизма.

Параша все терпѣла и безропотно переносила, по весьма естественной причинѣ, что еще не встрѣтила человѣка, который пробудилъ бы въ ней нѣжное чувство, научающее самую простую натуру разнымъ хитростямъ и придающее энергію бороться съ самыми безотрадными препятствіями. Мать ни во что не вмѣшивалась и только наблюдала чистоту въ кухнѣ и въ домѣ, а до всего остальнаго ей не было рѣшительно никакой надобности. Братья Параши представляли два совершенно различные типа: старшій — Сеня, канцелярист, былъ весь въ отца, не только физически, но и нравственно, и такой скопидомъ, что не взирая на ничтожное званіе, успѣвалъ ежедневно приносить домой копѣекъ по двадцати и больше. Меньшой — Павлуша, не похожій ни на кого въ семействѣ, любилъ щегольнуть костюмомъ, кутнуть и приволокнуться, и хоть отецъ журилъ его порядочно за подобныя наклонности, однако молодой человѣкъ, состоя при особѣ откупщика и живя въ домѣ послѣдняго, считалъ себя въ нѣкоторой степени независимымъ. Правда, что, по требованію отца, онъ отдавалъ ему почти все жалованье на сохраненіе, но какъ Павлуша былъ любимцемъ своего патрона и выказывалъ необыкновенныя откупщицкія способности, преимущественно по преслѣдованію и поимкѣ корчемниковъ, а также по открытію мошенничества самыхъ плутоватыхъ цѣловальниковъ, то ему всегда перепадали доходишки, которыми онъ и распоряжался безъ контроля, по своему усмотрѣнію. При всѣхъ нечистыхъ наклонностяхъ, видя безпрерывные примѣры самыхъ возмутительныхъ подлостей и тая въ душѣ зародышъ будущаго мерзавца, онъ былъ, однако-жъ, гораздо добрѣе старшаго брата, по крайней мѣрѣ относительно сестры, и по временамъ покупалъ дешевенькія обновки Парашѣ, сознавая всю несправедливость отца къ бѣдной дѣ-

вочкѣ. Старшій поступалъ иначе: онъ ходилъ оборванцемъ, копилъ деньги, отдавая ихъ за проценты товарищамъ и тѣмъ самымъ заслуживалъ расположеніе отца, который даже не спрашивалъ у него отчета въ его капиталахъ. Когда Павлуша уѣзжалъ съ откупщикомъ въ губернскій городъ, Параша какъ то обратилась къ старшему брату съ просьбою дать ей двугривенный на булавки и на тесемки, и Сеня не только не исполнилъ ея просьбы, но еще разсказалъ объ этомъ отцу, который тотчасъ же надавалъ толчковъ бѣдняжкѣ.

Наступилъ августъ, самый пріятный изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ на югѣ. Обширный садъ Бреньковскаго, изобиловавшій одними фруктовыми деревьями, въ которомъ не было ни прочищенныхъ дорожекъ, ни другихъ затѣй, придуманныхъ для удовольствія, представлялъ чрезвычайно пріятное зрѣлище для своего хозяина. Вездѣ на деревьяхъ, нетронутыхъ еще рукою осени, краснѣли группами сочные яблоки, желтѣли янтарныя груши и въ темнй зелени листьевъ виднѣлись большія сливы, подернутыя синею оболочкою. И всѣ эти фрукты были разнообразныхъ сортовъ — отъ простыхъ, туземныхъ породъ до благовоспитанныхъ экземляровъ, перешедшихъ въ Растеряй посредствомъ прививокъ, оккулировки, которыми ревностно занимался прежній владѣлецъ сада. Бреньковскій не подновлялъ деревьевъ — онъ не смыслилъ въ этомъ толку и въ простотѣ души разсчитывалъ на неизсякаемый источникъ дохода. Наконецъ, еслибы и сознавалъ необходимость, то, по врожденной скупости, не рѣшился бы израсходовать нѣсколько вѣрныхъ десятковъ рублей на полученіе невѣрнаго дохода, въ случаѣ какой нибудь неудачи.

Былъ праздникъ. Часу во второмъ по полудни, когда весь городъ, погруженный въ послѣобѣденный сонъ, показывалъ проѣзжему сплошные ряды затворенныхъ ставень, Бреньковскій тоже храпѣлъ богатырски подъ развѣсистой яблонью. Сторожевыя собаки, привязанныя на цѣпь, въ свою очередь дремали по угламъ сада, спрятавшисьвъ кусты смородины, и тишину нарушало только чиликанье воробьевъ, да шелестъ перезрѣлыхъ плодовъ, падавшихъ съ высоты на твердую землю. Параша одѣлась въ лучшенькое изъ своихъ платьевъ, носившее названіе праздничнаго, голубое ситцевое, на голову накинула небольшой розовой платочекъ, обула новые башмаки и усѣлась на деревянной скамейкѣ, по обязанности смотрѣть за садомъ и быть готовой на случай прихода покупателей.

Непосвященная въ таинство чтенія и, правду сказать, едва умѣвшая читать по складамъ, Параша не могла коротать время за книгой, да ей, впрочемъ, и свободные часы выпадали развѣ лишь во время послѣобѣденнаго отдыха отца, а потому, захвативъ съ собой кусочекъ разбитаго зеркала, она посматривала на себя, а больше на розовый платочекъ, который надѣвала еще всего во второй разъ. Притомъ она думала — придетъ ли сегодня веселый Кузьма Трофимовичъ Салотопенко, или хорошенькій Болтунчиковъ, или черноусый Степаша — все это канцеляристы, товарищи старшаго ея брата, съ которыми она была знакома, разумѣется, по случаю продажи фруктовъ. Канцеляристы такъ и наровили посѣтить Парашу во время отдыха Бреньковскаго, и какъ за частую молодые люди были безъ денегъ, то они занимали по гривеннику за большіе проценты у ея брата, и все таки являлись купить десятокъ грушъ или яблокъ изъ рукъ хорошенькой садовницы. Нерѣдко случалось, что веселая компанія и побалагуритъ, бывало, въ тихомолку и посмѣется, причемъ постоянно отпускались нѣжности, потому что почти всѣ безъ исключенія канцеляристы ухаживали за Парашей. Сама она тоже любила поболтать съ молодежью, и хоть никому изъ нихъ не отдавала явнаго предпочтенія, однако-жъ, нѣкоторые льстили себя надеждою овладѣть ея сердечкомъ. Въ особенности два — Болтунчиковъ и Кузьма Трофимовичъ, сильно завлекли Парашу, такъ что хитрили, предупреждая другъ дру́га, но никогда не успѣвали поговорить наединѣ съ предметомъ страсти, потому что, если напримѣръ, Болтунчиковъ подходилъ къ Парашѣ, когда она была одна въ саду, то черезъ двѣ, три минуты, являлся Салотопенко, и наоборотъ, а вслѣдствіе этихъ маневровъ ни тотъ, ни другой не имѣли возможности выразить положительно свои чувства. Разумѣется, пробужденіе Бреньковскаго полагало конецъ всѣмъ нѣжностямъ, и хоть онъ очень хорошо понималъ, что не лакомство влекло ежедневно въ саду канцеляристовъ, хоть получалъ постоянно доходъ съ этихъ невольныхъ потребителей, однако не стѣснялся и прогонялъ ихъ безъ церемоніи.

— Ну, вы получили, что нужно, говаривалъ онъ: можете убираться кушать на здоровье, а намъ не мѣшайте. А ты, Прасковья, нечего глазѣть, ступай отгони воробьевъ — слышишь, какъ работаютъ.

Старшій сынъ Бреньковскаго много способствовалъ такому тону дражайшаго родителя: онъ всегда сообщалъ ему, сколько у него занялъ денегъ тотъ или другой товарищъ, чтобъ имѣть

случай приволокнуться за сестрицей, и отставной комиссіонеръ, что называется, смотрѣлъ въ оба.

Но возвратимся къ Парашѣ. По улицѣ раздался веселый говоръ нѣсколькихъ голосовъ, долетавшихъ въ садъ, что давало знать о близкомъ появленіи канцеляристовъ, которые спѣшили за грушами и яблоками. Параша повеселѣла, спрятала свое зеркальце въ карманъ, поправила платочекъ и, только что хотѣла приподнять немного платье, чтобъ видны были новые башмаки, какъ неожиданно, подъ яблонью, раздался сиплый голосъ Бреньковскаго:

— Прасковья!

— Чего изволите? спросила дѣвушка.

— Поди-ка сюда, сударыня.

Параша поспѣшила исполнить повелѣнье.

— Ты отчего это разрядилась сегодня, словно на ярмарку.

— Праздникъ, папенька.

— Праздникъ? Такъ поэтому нужно рвать платье по саду. А гдѣ ты взяла башмаки?

— Братецъ подарили.

— Братецъ! Ужъ навѣрно не Сеня?

— Братецъ Павлуша.

— Вотъ я дамъ Павлушѣ, чтобъ онъ не сорилъ деньгами, а тебѣ, чтобъ не выряжалась, когда идетъ работа. Развѣ у тебя нѣтъ старыхъ башмаковъ?

— Совсѣмъ истоптались.

— Ахъ ты, мотовка проклятая! Маршъ. Сейчасъ переодѣнься въ старое — неравно придется слазить на дерево.

Параша покраснѣла и когда она подошла къ калиткѣ — три или четыре юноши безмолвно привѣтствовали ее снятіемъ картузовъ, потому что слышали разговоръ ея съ батюшкой.

— Прасковья! прикрикнулъ отецъ: живо, маршъ и тотчасъ назадъ! Что вамъ угодно? обратился онъ къ канцеляристамъ.

Юноши смѣшались и робко заявили свои требованія. Бреньковскій въ ту-же минуту собственноручно отсчиталъ нужное количество плодовъ изъ лежавшихъ возлѣ него кучекъ, получилъ деньги и неохотно отвѣчалъ на вопросы молодыхъ людей, которые, очевидно, хотѣли дождаться возвращенія Параши.

Волей-неволей бѣдная дѣвушка вскорѣ появилась въ истертомъ, старенькомъ платьицѣ, въ истоптанныхъ башмакахъ, но въ бойко повязанномъ розовомъ платочкѣ, насчетъ котораго не получила особаго приказанія, и, потупивъ глаза, прошла мимо

канцеляристовъ. Послѣ этого минутнаго свиданія молодые люди сочли за лучшее удалиться, и хоть имъ было очень грустно потерять такъ неожиданно праздничный день, однако, зная строгое обращеніе Бреньковскаго съ дочерью — они, какъ бы сговорившись не подвергать дѣвушку лишнимъ ругательствамъ, раскланялись и ушли изъ саду.

— Это канцелярское сѣмя все къ тебѣ учащаетъ, замѣтилъ Бреньковскій.

— Сами видите — они покупаютъ фрукты.

— Знаю я, фрукты!

— Я ихъ, папенька, не приглашаю.

— Еще бы ты приглашала! Да еслибъ только попробовала пригласить, у тебя въ косѣ не осталось бы и волоска, и я при нихъ выпоролъ бы тебя безъ церемоніи.

Параша вся вспыхнула — не отъ угрозы наказанія — бѣдняжка привыкла къ подобной родительской нѣжности, — но отъ мысли быть битой при постороннихъ, да еще при молодежи.

— Ты смотри у меня, Прасковья: этотъ Салотопенко что-то юлилъ передъ тобою.

— Я, папенька, съ ними не говорю ничего.

— Разсказывай! Ты думаешь, я не замѣчаю, что если безъ меня продаешь фрукты, такъ выбираешь этимъ молокососамъ, что ни есть, лучшіе. А ты, еслибъ была добрая дочь, то соблюдала бы пользу родителя. Торговка — дѣло другое — та покупаетъ на барышъ и перещупаетъ каждое яблочко, а эти пустозвоны приходятъ поглазѣть на тебя, такъ имъ не грѣхъ и гниль всучить при случаѣ. Видишь, вотъ у меня кучки все съ червоточинами — хорошему покупателю продать нельзя, а этимъ балясникамъ сойдетъ и червоточина. Особенно этому Салото́пенко. Ты думаешь, я не замѣчаю, что на службу онъ ходитъ въ старенькомъ, престаренькомъ платьѣ, а какъ явится къ тебѣ, всегда надѣнетъ новые, пестрые брючки и въ руки беретъ тросточку. Какъ ты думаешь — это для меня онъ выряжается?

— Не знаю, папенька.

— То-то, не знаю! Ты дочь высокоблагороднаго чиновника и должна зарубить себѣ на носу, что какая нибудь шваль, сынъ протоколиста, не можетъ быть тебѣ партія. Или хоть бы этотъ Бубенчиковъ, къ чему онъ надѣваетъ манишку съ накрахмаленными воротничками! Ты полагаешь, я не замѣчаю. Правда, онъ сынъ достаточной матери, но за свое буйствен-

ное поведеніе врядъ ли отъ нея что получить. Мальчишка двадцати лѣтъ, а уже напивается. Смотри у меня! Маршъ собирать груши и яблоки — развѣ не слышишь, какъ падаютъ.

Параша поспѣшила въ глубину сада подобрать упавшіе плоды, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что ей становилось жутко отъ родительскихъ угрозъ и замѣчаній. Посмотрѣвъ на нее исподлобья, Бреньковскій принялся сортировать фрукты, перекладывая ихъ изъ одной кучи въ другую.

Въ это время у калитки раздалось нѣчто въ родѣ мычанія, показавшагося Бреньковскому нѣсколько знакомымъ, и, дѣйствительно, онъ различилъ оригинальный свистъ, принадлежавшій помѣщику Купцовалову, который жилъ верстахъ въ пятнадцати отъ Растеряя.

— Гдѣ онъ, этотъ сѣдой плутъ? Подавайте его сюда! прогудѣлъ густой басъ, словно изъ бочки.

Бреньковскій поспѣшилъ застегнуть полы форменнаго сюртука, висѣвшаго на немъ въ видѣ отрепьевъ, и надѣлъ старыя галоши, служившія ему вмѣсто башмаковъ. У входа въ садъ показался толстякъ, гигантскаго роста, въ желтомъ нанковомъ сюртукѣ и такихъ же шароварахъ, безъ галстука, съ огромной трубкой въ рукахъ и съ арапникомъ черезъ плечо. На одной изъ пуговицъ болтался обширный кисетъ съ табакомъ; на ногахъ надѣты были сапожищи, болѣе чѣмъ полъ-аршина длины. Красное, изрытое оспой лицо Купцовалова лоснилось отъ поту, а маленькіе сѣрые, на выкатѣ глаза, которыми онъ медленно ворочалъ, придавали ему [illegible] привлекательный видъ. Впрочемъ, вообще, наружность Купцовалова [illegible] была [illegible], и когда онъ сердился своимъ [illegible], что бывало очень часто, [illegible] становилось страшно въ его присутствіи. Бреньковскій зналъ этого господина, даже давалъ ему когда-то деньги подъ заемное письмо за хорошіе проценты, и хоть Купцоваловъ, при расчетѣ, едва не [illegible] его [illegible], [illegible] расплатился аккуратно и вскорѣ послѣ того получилъ [illegible].

[illegible] Ку-пцоваловъ былъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, но такъ еще [illegible]

депутата, высѣкъ стряпчаго, по словамъ его, безъ сознанія, въ пьяномъ видѣ. Но послѣднему трудно вѣрить, такъ какъ онъ и въ немолодые годы могъ выпивать, не поморщась, по полудюжинѣ мадеры. Вся его жизнь доказывала, что малый принадлежалъ не только къ числу теплыхъ ребятъ, но, вообще, къ категоріи тѣхъ безобразниковъ, для которыхъ, во время загула, не было ничего святого. Очутясь невольно въ отставкѣ, онъ живо, сразу промоталъ все свое имѣніе, и когда уже добивалъ послѣднюю десятину земли, подскочила смерть бездѣтной тетки, которая оставила ему порядочное наслѣдство. Куцоваловъ сдѣлался немного осмотрительнѣе, однако пилъ мертвецки и снова приближался къ нищетѣ, но случай и тутъ поблагопріятствовалъ: родной дядя его, служившій гдѣ-то въ хорошемъ городѣ частнымъ приставомъ, оставилъ ему хорошенькій капиталецъ. Тогда только Куцоваловъ, какъ онъ говорилъ, одумался, но одумался, разумѣется, по своему, т. е. вмѣсто шампанскаго и лафиту, началъ пить сивуху, наливку и изрѣдка мадеру, такъ что, по его словамъ, «и волки были сыты и сѣно цѣло». Капиталъ достался ему круглый, съ которымъ можно было поправить и устроить имѣніе, что Куцоваловъ и сдѣлалъ при помощи одного добраго сосѣда, а когда принялъ твердое рѣшеніе напиваться болѣе дешевыми средствами, — дойдя до убѣжденія, что «все одинъ чортъ, чѣмъ ни нализаться», у него появилась экономія и еще въ одной статьѣ расхода — неизбѣжнаго въ холостой, забулдыжной жизни. У Куцовалова оба рода наслажденій шли параллельно: когда онъ попивалъ шампанское, лафитъ и сотернъ, онъ также любилъ видѣть на окружавшихъ его феяхъ шелкъ и бархатъ, а когда вошелъ во вкусъ сивалдая сотоварища, то и въ другомъ уже не обнаруживалъ аристократическихъ наклонностей. У Куцовалова было огромное потомство. Въ періодъ вторичнаго наслѣдства Куцоваловъ не проживалъ уже имѣнія и, предаваясь до безобразія своимъ наслажденіямъ, сводилъ аккуратно приходъ съ расходомъ. Прежде о немъ много говорили въ растеряйскомъ уѣздѣ, но потомъ всѣ до того привыкли уже къ его выходкамъ, что онѣ никого не удивляли. Впрочемъ, давно онъ не выкидывалъ никакой возмутительной штуки и только, незадолго до начала нашего разсказа, продержалъ за что-то становаго въ свиномъ хлѣвѣ цѣлыя сутки. По этому-то поводу Куцоваловъ и былъ вызванъ въ уѣздный городъ, такъ какъ обиженный склонялся на мировую. Въ послѣднее время его одолѣла страсть женитьбы, и онъ сватался нѣсколько разъ,

но все въ такихъ домахъ, гдѣ исканія его не находили успѣха.

Когда Бреньковскій, исправивъ кое какія погрѣшности въ своемъ туалетѣ, спѣшилъ на встрѣчу дорогому гостю, Куцоваловъ едва пролѣзъ въ довольно обширную калитку.

— А! старая провіянтская крыса, наконецъ-то мы увидѣлись! Ха, ха, ха!

— Здравствуйте, здравствуйте, почтеннѣйшій Дормидонъ Павловичъ. Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— Да, небось, не навѣстилъ ни разу стараго пріятеля. Ну, что, бракованный куль, дырявая четверть, ха, ха, ха!

— Ничего, помаленьку. Покорнѣйше прошу садиться. Не угодно-ли яблочекъ, грушекъ?

— Э, братъ, со мной не тяни этой канители: мнѣ «мокрухи» а, пожалуй, и дрянь-мадеры, не откажемся.

— Право, я не зналъ, что такой дорогой гость...

— Не сквалыжничай! Знаю, нечего христарадничать, ха, ха, ха!

И Куцоваловъ осторожно сѣлъ на деревянную скамейку, попробовавъ сперва, выдержитъ ли она его грузную личность.

— Ну, провіянтская крыса, я къ тебѣ по дѣлу.

— Вашъ слуга былъ, есмь и буду.

— Ха, ха, ха! Эй, Сатаненокъ!

Явился мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, въ казакинѣ, перетянутый кушакомъ, очень похожій на барина, и принялся высѣкать огонь.

— Это—дѣло, я раскурю трубку. На, вотъ тебѣ, три цѣлковыхъ. Прежде сбѣгай на квартиру и принеси пару бутылокъ нашей деревенской мокрухи, а за деньги купи дрянь-мадеры. Мы сегодня угощаемъ старую провіянтскую крысу. Понимаешь?

— Понимаю...

— Не разсуждать! И чтобъ одна нога была здѣсь, а другая тамъ, не то отправлю къ господину Плетюганову, ха, ха, ха!

— Какое же дѣльце, Дормидонъ Павловичъ? спросилъ Бреньковскій.

— Ха, ха, ха, старый плутъ! Видишь — какъ его разбираетъ! Нѣтъ, нѣтъ, братъ, денегъ не надо, самъ одолжу, пожалуй, за твои же проценты, ха, ха, ха!

— Вы, по прежнему, такой же веселый...

— А чего же мнѣ плакать? Мокрухи сколько угодно — свой заводъ, на дрянь-мадеру хватитъ, а дѣвичья полна на-

роду, хи, хи, хи! Видишь ли, я терпѣть не могу Растеряя и не заглянулъ бы въ него, еслибъ не подлецъ, исправникъ. Ты слышалъ о моемъ дѣлѣ со становымъ Разберихинымъ?

— Да.

— Ну, видишь, исправникъ не могъ уладить, бестія, хотя я еще недавно подарилъ подлецу рыжаго мерина, а пріѣзжай, говоритъ, въ Растеряй, да надо, говоритъ, потолковать, какъ бы удовлетворить обиженнаго. Что будешь дѣлать съ этими скотами. Я пріѣхалъ вчера, да признаться, всю ночь пропьянствовали. Разберихину отсчиталъ двѣсти рублевиковъ. Только это ему не пройдетъ даромъ: я непремѣнно изловчусь и, охъ! задамъ ему взлупку, только бы попасть на какой нибудь казусъ. Ну, да я подведу машину. Вотъ сегодня, на похмѣльи, какъ то заговорили о тебѣ, а исправникъ, между прочимъ, и скажи, что у тебя дочь красавица, ха, ха, ха!

Бреньковскаго немного передернуло.

— Такъ себѣ дѣвочка, замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь; говорятъ, писаная красавица. Вотъ я подумалъ, подумалъ, да и зашелъ къ старому пріятелю, — во первыхъ, выпить на свободѣ, во вторыхъ, полюбоваться хорошенькой дочкой. Гдѣ она? подавай ее сюда?

— То есть какъ? спросилъ Бреньковскій, который очень хорошо зналъ нравы и обычаи своего собесѣдника.

— То есть, на смотръ Дормидону Павловичу Куцовалову. Ха, ха, ха!

— Я все не понимаю, Дормидонъ Павловичъ, касательно чего...

— Эхъ, подлецъ ты, Бреньковскій, какъ я вижу! Ну, касательно тово, т. е., я хочу осмотрѣть дѣвчонку.

— И больше ничего?

— А ты чего хочешь? Хи, хи, хи!

— Только, пожалуйста, будьте поскромнѣе съ нею — она у меня дитя самое невинное.

— А который годъ?

— Семнадцать.

— Вотъ это дѣло. Ну, подавай же ее сюда!

— Позвольте. Прежде я велю ей одѣться.

— Къ чему? Женщина, по моему, никуда не годится въ этихъ разныхъ тряпкахъ.

Но уже Бреньковскій юркнулъ за кусты, отыскалъ Парашу и велѣлъ ей, одѣвшись во все новое, принести подъ извѣстную яблоню двѣ рюмки и два стакана. Догадываясь о

присутствіи какого нибудь помѣщика, передъ которымъ отецъ не хотѣлъ показывать дочери въ рубищѣ, Параша поспѣшила надѣть платье и башмаки, которые сняла такъ недавно. Она побѣжала вдоль забора и быстро проскользнула въ калитку, гдѣ встрѣтила мальчика, несшаго въ обѣихъ рукахъ по нѣсколько бутылокъ. Минутъ черезъ десять она была готова и, явившись съ подносомъ, подняла глаза на Куцовалова. Сперва овладѣлъ ею испугъ при видѣ громадной туши, но, когда она встрѣтила масляный, устремленный на нее взоръ стараго сластолюбца, взоръ, словно дѣлавшій ей самое нахальное предложеніе, чувство страха замѣнилось тѣмъ неодолимымъ отвращеніемъ, которое женщина инстинктивно ощущаетъ при встрѣчѣ съ уродомъ, имѣющимъ на нее какіе нибудь виды.

— Это моя дочь, сказалъ Бреньковскій.

— Какая милашка! Здравствуйте, душенька, проговорилъ Куцоваловъ, стараясь смягчить свой громовый голосъ.

Параша молчала, зардѣлась и отвѣсила поклонъ, какъ ее учили привѣтствовать старшихъ.

Сатаненокъ, по знаку барина, раскупоривалъ уже бутылки.

— Налейте-ко намъ, моя красавица, сперва по рюмочкѣ мокрухи, мы съ вашимъ батюшкой приложимся, хи, хи, хи, сказалъ Куцоваловъ, на котораго наружность Параши произвела самое могучее дѣйствіе.

Толстякъ даже началъ пыхтѣть, въ родѣ самовара, что у него происходило всегда при встрѣчѣ съ хорошенькими.

Параша вздрогнула и приступила къ исполненію желанія гостя не раньше, какъ получивъ отъ отца подтвержденіе.

— Чего испугалась, дура? сказалъ послѣдній. Это мой старинный пріятель, Дормидонъ Павловичъ Куцоваловъ — одинъ изъ богатѣйшихъ нашихъ помѣщиковъ.

— Меня нечего пугаться, моя кралечка. Вы не смотрите, что я толстъ, я добрый человѣкъ. Угостите хорошенько, сейчасъ же пойду куплю на платьице и еще какой нибудь гостинецъ, хи, хи, хи!

Дѣвушка едва не заплакала, такъ много въ голосѣ Куцовалова было оскорбительнаго.

— Ну вотъ, видишь, подхватилъ отецъ,—бояться нечего, а скорѣе поблагодари добраго человѣка, что оглянулся на твою бѣдность.

— А, чай, батюшка не тароватъ, ха, ха, ха! Онъ вѣдь—сѣдая крыса, съ грязи пѣнки сымаетъ. Да если бы у меня была такая дочь, я водилъ бы ее въ шелкѣ и бархатѣ. Хи, хи, хи!

— Вотъ этого не говорите, а то она и впрямь подумаетъ, Богъ знаетъ, что. Гдѣ же у насъ достатки!

— Ну, молчи, дырявый куль!

Параша дрожащими руками налила по рюмкѣ водки и поднесла первому Куцовалову. Дормидонъ Павловичъ выпилъ, крякнулъ и полѣзъ въ карманъ широчайшихъ шароваръ, гдѣ раздался звукъ, отъ котораго у Бреньковскаго навострились уши и по тѣлу пробѣжалъ сладостный трепетъ. Куцоваловъ вынулъ золотую монету и положилъ на подносъ.

— Это вамъ за труды, моя кралечка.

И широкой, жирной рукой онъ потрепалъ дѣвушку по свѣжей, румяной щечкѣ.

— У! какая милашка!

— Дура! благодари же! поцѣлуй ручку.

— Зачѣмъ? проговорилъ Куцоваловъ: я лучше такъ.

И неожиданно, толстыми, шероховатыми губами онъ поцѣловалъ Парашу въ маленькій ротикъ.

Дѣвушка смѣшалась окончательно, слезы брызнули изъ глазъ, и если она не уронила подноса, то единственно по чувству самосохраненія, потому что разбитіе какой бы то ни было посуды въ домѣ Бреньковскаго сопровождалось весьма непріятной расправой.

— Прасковья! ступай, сорви десятка два свѣженькихъ яблоковъ Дормидону Павловичу; — видишь, онъ подарилъ тебѣ золотушку, да смотри, выбирай самыя спѣлыя, безъ червоточинъ. Знаешь, съ горбатой яблони.

— А послѣ приходите къ намъ, кралечка, а то здѣсь мадера кислая, надо, чтобъ вы наливали ее своими ручками, хи, хи, хи!

Не помня себя, Параша бросилась въ глубину сада и, отбѣжавъ саженъ двадцать, начала только оправляться отъ смущенія. Ей сдѣлалось и стыдно, и оскорбительно, и вмѣстѣ гадко отъ поцѣлуя Дормидона Павловича. А между тѣмъ онъ былъ съ нею очень ласковъ, подарилъ золотушку и обѣщалъ еще купить на платье. «Это мнѣ такъ, съ испугу», подумала бѣдняжка и принялась рвать и отбирать для гостя самыя лучшія яблоки.

— Ну, братъ, сѣдая крыса, воскликнулъ Куцоваловъ, по уходѣ Параши: да у тебя дочка просто тово...

— Одначе вы ее испугали...

— Мамочка такая, говорилъ Дормидонъ Павловичъ, сжимая губы, словно этимъ способомъ могъ придавать словамъ осо-

бенную нѣжность: мордочка розовенькая, губки не больше вишни, а сама пышечка... Уфъ!...

И большіе глаза Куцовалова еще болѣе выкатились, а рябое лицо покрылось багровою краскою. Онъ потянулся къ бутылкѣ и разомъ осушилъ ее.

— Твое здоровье, Бреньковскій, за то, что смастерилъ такую красавицу, ха, ха, ха! Ну пей же, лысый чортъ, мокруху, а тамъ доберемся и до дрянь-мадеры.

Бреньковскій, который, въ свою очередь, былъ выпить не дуракъ, налилъ рюмку и пропустилъ, выбравъ для закуски яблоко съ червоточиной.

— Эй, Сатаненокъ!

— Чего изволите?

— Маршъ, за ворота, да слушать оттуда команду, а не то отправлю къ г. Отдиралову, ха, ха, ха!

Сатаненокъ въ три прыжка очутился внѣ сада.

— Знаешь что, провіянтская крыса?

— А что?

— Мнѣ понравилась твоя дочка.

— То есть какъ?

— Тьфу ты, подлецъ! Понравилась и баста. Ты, вѣдь, сутяга: украсть у тебя нельзя, затѣешь дѣло;—силою отнять тоже; а дѣвчонка—вотъ гдѣ у меня сидитъ...

И, неизвѣстно уже почему, Куцоваловъ показалъ на свой богатырскій затылокъ.

— Конечно...

— Не перебивай! Я выдумалъ вотъ какую штуку: отдай ее за меня замужъ.

Бреньковскій вскочилъ со скамейки.

— Полно шутить, Дормидонъ Павловичъ, сказалъ онъ.

— Какія шутки! Я, братъ, говорю серьезно.

— Что то не вѣрится.

— Ну, не скотусь ли ты, не навозъ ли человѣкъ, послѣ этого! Тебѣ говоритъ Куцоваловъ, что хочетъ, во что бы то ни стало, овладѣть твоей дочкой. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, такъ отдавай за меня, а не отдашь, украду, увезу за тридевять земель, и поминай, какъ звали.

— Позвольте, Дормидонъ Павловичъ, это такое важное дѣло...

— Кой чортъ, важное — скрутятъ руки и баста, ха, ха, ха! Ты не хлопочи о приданомъ... А впрочемъ, чортъ съ то-

бой, я знаю твою ненасытную утробу: хочешь, еще дамъ тебѣ двѣсти рублевиковъ?

— Маловато, Дормидонъ Павловичъ, теперь времена плохія. Я, конечно, не врагъ своему дѣтищу: выдя за васъ, Параша будетъ барыня на всю губу....Да вѣдь она молоденькая, сами видите, красивая — надо бы тысченку.

— Молчать! И то даю изъ милости.

— Такъ. Положимъ, мы и сойдемся—я уступлю, вы прибавите; но есть еще другое обстоятельство.

— Какое такое обстоятельство?

— У васъ вѣдь, какъ мнѣ извѣстно, въ домѣ тово... Хе, хе, хе.

— Да ты, на счетъ дѣвичьей, чтоль, безпокоишься?

— Нельзя, Дормидонъ Павловичъ, вѣдь кровное дѣтище.

— А ты—свинья, скажу тебѣ, и больше ничего. Наливайко мадеры. Вотъ такъ! Ужъ если Куцоваловъ рѣшился подъ вѣнецъ, такъ, значитъ, врѣзался — понимаешь?

— Понимаю.

— До сихъ поръ—поиравится, бывало, дѣвка или баба, хоть своя, хоть чужая — Дормидонъ не зналъ препятствій и гулялъ во всю ивановскую. Теперь, значитъ, твоя дѣвчонка меня съ ума свела. Ну?

— Ну?

— Экая скотина! Стало быть, женившись, всѣхъ этихъ Матрешекъ, Танекъ, Ѳенекъ въ три шеи и вся недолга. Баста! остепенился Куцоваловъ и дѣло съ концомъ, хи, хи, хи!

— Если бы такъ?

— Да какъ же иначе? Вѣдь дочка твоя, чортъ знаетъ, какая хорошенькая и пухленькая, хоть и держишь на пищѣ св. Антонія, ха, ха, ха! Ну, по рукамъ что ли?

— Я, съ моей стороны, не прочь, сотеньку готовъ спустить, по старому знакомству.

— Бреньковскій, одно слово: пятьсотъ и ни гу-гу.

— Невозможно, Дормидонъ Павловичъ. А какъ родительское сердце не камень, такъ мы грѣхъ попаламъ, т. е. семьсотъ пятьдесятъ рублей, — и дѣло въ шляпѣ.

— Эхъ, жила ты человѣкъ, Бреньковскій! И что за одурь на меня напала. Да ты христіанинъ, или собака? А? отвѣчай.

— Дормидонъ Павловичъ, я каждый годъ бываю на исповѣди, сказалъ обиженнымъ тономъ отставной коммиссіонеръ.

— Бываешь? Поздравляю, хи, хи, хи! Изволь, если бы-

ваешь, послѣднее слово: шестьсотъ рублей и свадьба на мой счетъ—только я отъ тебя одного потребую.

— А что?

— Разумѣется, мы ея согласія спрашивать не станемъ! она дитя и глупа еще. Но чтобы я не видѣлъ слезъ, не слышалъ оховъ, а шла бы она ко мнѣ весело, какъ по любви.

— Объ этомъ не безпокойтесь: я воспитывалъ ее не по модному, духу моего трепещетъ. Что прикажу—свято будетъ исполнено.

— А зазнобушки, этакъ, нѣтъ?

— Ни, ни! Она этого и подумать бы не посмѣла!

— Только, знаешь ли, свадьбу надо отложить до половины сентября. Въ другое время—я сегодня бы повѣнчался, и увезъ бы женушку ночевать въ деревню...

— Это, какъ угодно.

— Кой чортъ, угодно! Видишь ли, завтра выѣзжаю къ Монодѣеву на охоту, недѣли на двѣ — дано честное слово,— а тутъ, какъ нарочно, велѣлъ передѣлать печи во всемъ домѣ... Ну, а такая женушка — объяденье.

— Оно и лучше отложить на время свадьбу: надо же и Парашѣ приготовиться, сшить кое-что.

— Я выдамъ ей, да чортъ ли въ этомъ толку, я самъ съѣзжу и накуплю ей разной чертовщины.

— Все это хорошо, только ужъ вы не обижайте ее, Дормидонъ Павловичъ.

— Да ты что? вздумалъ учить меня, или какъ? Тебѣ говорятъ, свинтусъ, что я врѣзался по уши въ дѣвчонку—она такая аппетитная, свѣженькая, молоденькая. Я буду носить ее на рукахъ. Ну, выпьемъ же, сѣдая крыса, на радостяхъ, да позови сюда невѣсту.

— Знаете ли, Дормидонъ Павловичъ, я полагалъ бы за лучшее не говорить ей пока объ этомъ.

— Цыцъ! И думать не смѣй! Если я откладываю свадьбу недѣли на двѣ слишкомъ, то, какъ женихъ, могу ее, по крайней мѣрѣ, посадить къ себѣ на колѣни и нацѣловаться въ сласть, хи, хи, хи!

Бреньковскій соображалъ что-то и вытянулъ стаканъ мадеры.

— Не сробѣла бы, проговорилъ онъ.

— Ты не знаешь, братъ, женщинъ, потому что олухъ. Да я въ три дня выучивалъ цѣловаться дѣвочекъ лѣтъ пятнадцати, ха, ха, ха! А чтобъ ты былъ сговорчивѣе — вотъ тебѣ задатокъ.

И Куцоваловъ бросилъ Бреньковскому штукъ десять полуимперіаловъ.

— Да я не объ этомъ, говорилъ Бреньковскій, осторожно подбирая полуимперіалы, а сами же сказывали, что не любите ни слезъ, ни оховъ. Подождите до завтра: за сегодня мы ее съ женою приготовимъ.

— А знаешь ли, Бреньковскій, ты не такой оселъ, какъ я думалъ. И въ самомъ дѣлѣ, до завтра я могу, только бы надо сорвать этакъ пару поцѣлуйчиковъ, хи, хи, хи! Всетаки веселѣе.

— Ну, это можно. Эй! Прасковья!

Параша показалась, неся въ передникѣ отборныя груши и яблоки и, краснѣя, подошла къ собесѣдникамъ.

— Ну, потчуй же Дормидона Павловича фруктами.

Дѣвушка, не пришедшая еще хорошенько въ себя, остановилась передъ Куцоваловымъ и, не видя удобнаго мѣста, куда бы могла выложить груши и яблоки, держала передъ нимъ передникъ, наполненный плодами.

— Ай да хозяйка, говорилъ Куцоваловъ дрожащимъ голосомъ, смотря на роскошныя формы Параши, дрожавшія подъ покровомъ узкаго платьица, куда же все это я заберу?

И онъ запустилъ жирную руку въ передникъ, выбирая фрукты.

— Пожалуйте платокъ, сказала несмѣло Параша, я завяжу вамъ.

— Нѣтъ, душенька, платокъ у меня весь въ сопляхъ, а лучше высыпьте на траву.

Дѣвушка поспѣшила отдѣлаться, но въ это время Куцоваловъ обнялъ и поцѣловалъ ее.

— Ахъ, Боже мой!

— Не конфузься, дура, проговорилъ отецъ.

Но Параша, въ слезахъ, убѣжала за деревья.

— Видите, Дормидонъ Павловичъ, какая она пугливая. Сегодня уже лучше вы ее не трогайте, а завтра, ручаюсь, будетъ шелковая и сама поцѣлуетъ.

— Фу, какая аппетитная, канашка! Вотъ угораздило меня завернуть къ тебѣ, сѣдая крыса. Знаешь ли, что я сегодня спать не буду. Теперь ужъ дѣлать нечего, собравъ приказныхъ, буду всю ночь пьянствовать. Мы уцѣдимъ съ тобой здѣсь это вино, а тамъ пойдемъ ко мнѣ на квартиру.

— Нѣтъ, ужъ я останусь дома: вѣдь хоть Параша мнѣ и дочь, и молоденькая дѣвочка, а все съ нею будетъ работы. Для васъ же, заключилъ Бреньковскій.

Куцоваловъ задумался.

— Инъ быть по твоему. Только смотри — завтра сговоръ и чтобъ Параша не рюмила, цѣловала меня, а то плюну на все и тебя выпорю. Говорю, что, еслибъ можно, я женился бы сію минуту.

Осушивъ на-скоро запасъ мадеры и уничтоживъ свои груши и яблоки, Куцоваловъ всталъ со скамейки, отеръ потъ съ лица и посматривалъ, не покажется ли Параша.

— Вели, Бреньковскій, ей хоть попрощаться со мною, сказалъ онъ.

— Эй, Прасковья!

Дѣвушка прибѣжала.

— Ну, дура, поблагодари же Дормидона Павловича за подарокъ — онъ уѣзжаетъ.

— Покорно благодарю, дяденька, проговорила дѣвушка, нѣсколько довольная удаленіемъ урода.

Куцоваловъ отеръ губы.

— Прощайте, душенька, не пугайтесь меня. Я увѣренъ, что вы ко мнѣ привыкнете — я добрый человѣкъ и умѣю обращаться съ такими пупочками. Поцѣлуйте же меня.

Облитая буквально румянцемъ, Параша не двигалась съ мѣста. Куцоваловъ опустилъ ей руку на плечо.

— Какая она у васъ пугливая! Протяните же мнѣ свои губенки.

— Не стыдись, Прасковья, отецъ разрѣшаетъ.

На этотъ разъ Дормидонъ Павловичъ, безъ особыхъ пріемовъ, чмокнулъ дѣвушку и, переваливаясь съ ноги на ногу, вышелъ изъ саду.

Бреньковскій тотчасъ же кликнулъ жену и не какъ отецъ семейства сообщилъ о сватовствѣ Куцовалова, но какъ самоувѣренный деспотъ отдалъ приказаніе: Парашѣ повиноваться безпрекословно, а женѣ представить дочери всѣ выгоды неожиданнаго счастья. Когда и та, и другая разинули рты отъ удивленія, Бреньковскій не далъ имъ выговорить ни слова.

— Теперь ступайте, сказалъ онъ. Какъ бабы — вы не можете не плакать — наплачьтесь, сколько нужно, и потомъ чтобъ ни одна не смѣла пикнуть. Маршъ! вы меня, кажется, знаете.

Понятно, что возраженія никакого не послѣдовало, и мать съ дочерью тихо поплелись въ свою горенку. Госпожа Бреньковская, въ которой не совсѣмъ еще притупилось материнское чувство, на первыхъ порахъ живо сострадала дочери и, при-

жавъ къ груди рыдавшую Парашу, только прибирала нѣжныя выраженія, чтобъ успокоить ее. Но рѣшеніе мужа было произнесено слишкомъ категорически, притомъ же г-жа Бреньковская успѣла обдумать, что Куповаловъ одинъ изъ богатыхъ помѣщиковъ уѣзда, и потому, давъ Парашѣ время выплакаться, она уже серьезно начала ее уговаривать.

— Да развѣ, маменька, вы его не видали? Вѣдь это — пьяное чучело и притомъ старикъ, совсѣмъ сѣдой.

— Ты на это не смотри, Параня, а выйдешь за него, будешь барыней на своей волѣ. Подумай, вѣдь дома ты день и ночь маешься, словно послѣдняя работница.

— Охъ, мамочка, да какъ же выйти за такое чудовище?

— И, дитя мое, ко всему привыкаютъ. Отецъ твой и съ молоду былъ просто харя-харей, я его терпѣть не могла, а когда онъ за меня посватался, я и руками, и ногами. Что же? разъ высѣкъ отецъ, въ другой разъ мать, да какъ начались зуботычины, потасовки, такъ я и покорилась, и вотъ двадцать четыре года живу же...

Бѣдняжка остановилась, потому что жизнь ея была не изъ тѣхъ, которыми можно похвалиться.

— Нѣтъ, я не пойду за Куповалова, хоть убейте, сказала дѣвушка.

— Ты это говоришь, Параша, а развѣ не знаешь отца,— онъ тебя каждый день будетъ тиранить. Ужъ они, знать, порѣшили.

— Да какъ же, маменька! За что это на меня такая напасть? Я лучше готова лечь въ могилу.

— И, моя милая, грѣхъ такъ говорить; надо слушаться родителя: онъ тебѣ добра желаетъ.

— Маменька! да развѣ вы никогда не видали Куповалова?

— Какъ не видѣть! Толстякъ такой, а хуже на лицо и подобрать трудно.

— И какой старый! говорила дѣвушка, не переставая плакать. Чѣмъ же я провинилась передъ батюшкой?

— Эхъ, дурашка ты этакая! Спервоначалу и мнѣ было жаль твоихъ слезъ. Ну, о чемъ рюмишь? Будешь богатая барыня, и твой же отецъ тебѣ станетъ кланяться.

И черезъ полчаса времени Бреньковская дошла до того, что начала бранить Парашу, подкрѣпляя брань эту доказательствами, что ей не можетъ быть хуже, нежели дома.

Хотя Параша внутренно и не могла не сознаться, что, дѣйствительно, домашняя жизнь ея могла назваться въ нѣко-

торомъ родѣ каторгой, — однако, бракъ съ Куцоваловымъ казался ей во сто разъ хуже, и она рѣшилась избѣгнуть его, во что бы то ни стало.

Передъ вечеромъ Бреньковскій потребовалъ дочь къ себѣ и, не спрашивая о ея согласіи, въ которомъ не было у него и тѣни сомнѣнія, онъ началъ ей приказывать, чтобъ на завтра не оставалось у нея и слѣда »глупыхъ слезъ«, чтобъ она встрѣтила жениха съ улыбкой и не противилась его ласкамъ.

Читателю, — незнакомому съ жизнью вообще, а съ бытомъ захолустьевъ въ особенности,—можетъ показаться страннымъ и даже невѣроятнымъ подобное насиліе и наглый деспотизмъ въ настоящее время, когда благодѣтельная гласность и проч. Всмотритесь только въ строй нашего общества, и вы во всѣхъ слояхъ нерѣдко увидите подобное. Въ болѣе образованныхъ кружкахъ торговля собою и дѣтьми приняла только выглаженныя формы, употребляетъ иные пріемы, но, въ сущности, при заключеніи браковъ, общество выработало самыя безнравственныя условія. Насиліе родителей, существующее и поднесь, замѣнилось, однако-жъ, у большинства принципами воспитанія, которое, оборвавъ у дѣвушки все человѣческое, сдѣлавъ изъ нее блестящую игрушку, представляетъ ей бракъ, собственно, какъ выгодную сдѣлку, доставляющую возможность составить хорошую партію и прожить въ свѣтѣ »прилично«. О домашнемъ же счастьи дочери мало кто заботится. Будетъ достатокъ, будетъ и счастье, заключающееся въ извѣстной обстановкѣ, въ связяхъ, въ возможности проживать столько-то. Бываютъ, конечно, исключенія, но довольно рѣдко. И я рѣшительно не понимаю: какая же разница между Бреньковскимъ, выдающимъ Парашу за пьянаго, развратнаго и стараго Куцовалова, и какимъ нибудь N. N., который, считаясь образованнымъ, самъ навязываетъ молоденькую дочь плѣшивому, но богатому старику, отягченному всѣми недугами, который, развратничая всю жизнь не менѣе Куцовалова, рѣшается, для услады послѣднихъ дней, безнаказанно ласкать свѣженькое и невинное созданіе. Но объ этомъ грустномъ предметѣ высказано уже довольно.

Утирая передникомъ глаза, Параша молчала и собиралась съ духомъ высказать свое нежеланіе.

— Ну, что-жъ, Прасковья, скоро ты перестанешь хныкать? А?

— Какъ же мнѣ не плакать, папенька!

— Это почему?

— Я... я...

— Ну?

— Я... не пойду... не хочу за Куцовалова.

— Вотъ оно что! А знаешь ли ты, что куры не хотятъ на базаръ, однако, ихъ завязываютъ въ мѣшокъ и всетаки везутъ.

— Онъ такой... старый...

— А тебѣ хотѣлось бы молодого! Видишь, прыткая какая! Не матушка ли уже настроила?

— Ей Богу, нѣтъ, маменька ничего не говорили...

— Ты слышала мое приказаніе, и больше толковать съ тобой не стану. А чтобъ тебѣ не приходило въ голову неповиновеніе, у меня есть очень вѣрное средство. Вотъ ножъ, возьми, поди къ большой березѣ у забора и нарѣжь два пучка длинныхъ, большихъ розогъ. Сегодня я ихъ всѣ изобью на тебѣ. Если это не поможетъ, тогда уже я самъ нарѣжу молоденькаго терновника, знаешь, съ колючками, и завтра возобновлю увѣщаніе. Такъ я буду дѣйствовать, пока выгоню всю дурь. Помни, что ты должна выйти за Куцовалова. Онъ старъ, богатъ, скоро умретъ и все имѣніе тебѣ достанется. Примешь его ласково, весело, и я стану обращаться хорошо съ тобою; а начнешь хныкать, тебя свяжутъ, всетаки повезутъ къ вѣнцу, и тогда уже не отецъ, а мужъ попотчуетъ березовой кашей. Небось, надоѣстъ дерка. По моему, гораздо же лучше исполнить волю отца, который желаетъ добра тебѣ, дурѣ. Сама же послѣ будешь благодарна. Возьми же ножъ и ступай, нарѣжь березы на всякій случай.

Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Параша протянула руку.

— Да смотри, не потеряй полуимперіалъ, который подарилъ тебѣ Дормидонъ Павловичъ.

Параша быстро вынула монету изъ кармана и отдала отцу.

Бреньковскій повертѣлъ въ рукахъ золотушку и по привычкѣ взвѣсилъ ее на пальцахъ.

— Мнѣ не нужно... я такъ. А впрочемъ, лучше спрячу, чтобъ какъ нибудь не выронила. Выйдешь замужъ—отдамъ. Маршъ! и не хныкать.

На другой день былъ сговоръ въ присутствіи нѣсколькихъ чиновниковъ, и если Параша не улыбалась и не расточала нѣжностей своему жениху, то все же не плакала и не уклонялась отъ его медвѣжьихъ ласкъ, хотя молчала и была

бѣлѣе полотна. Изъ боязни утомить читателя описаніемъ попойки, сопровождавшей это обрученіе, и всего безобразія, продѣланнаго Куцоваловымъ, я ограничусь только сообщеніемъ, что женихъ, уложивъ всю честную компанію, съ будущимъ тестемъ включительно, повалился, наконецъ, и самъ, не смотря на желѣзную свою организацію. Только на утро разошлись гости по домамъ, и Куцоваловъ поѣхалъ на охоту, рѣшивъ сыграть свадьбу черезъ три недѣли, но обѣщалъ, впрочемъ, и раньше навѣдаться къ невѣстѣ, чтобъ она не скучала въ его отсутствіе.

Съ отъѣздомъ Куцовалова въ домѣ Бреньковскаго возстановился прежній образъ жизни, и Параша вступила въ отправленіе всѣхъ своихъ обязанностей, какъ по саду, такъ и по кухнѣ, словно ей и не предназначалось черезъ три недѣли сдѣлаться богатой помѣщицей.

Опустимъ также всѣ сцены и разговоры въ растеряйскихъ гостиныхъ по случаю женитьбы Куцовалова, »родоваго дворянина, чортъ знаетъ на комъ«, которые замедлили бы только развязку, а будемъ брать факты, прямо относящіеся къ нашему разсказу.

Вѣсть о сговорѣ Параши печально подѣйствовала, какъ и слѣдовало ожидать, на горсть ея тайныхъ и явныхъ, обожателей, а въ особенности на Болтунчикова и Салотопенка, которые дѣятельнѣе прочихъ товарищей хлопотали объ ея взаимности. Послѣдній, впрочемъ, погоревалъ, поругалъ Куцовалова и Бреньковскаго, пожалѣлъ о бѣдной дѣвушкѣ и примирился съ судьбою, какъ человѣкъ въ высшей степени смирный и постоянно боявшійся »противу рожна прати«. Не то было съ Болтунчиковымъ. Юноша этотъ, не получившій никакого образованія, былъ сынъ довольно богатой вдовы, которая, по обычаю многихъ провинціальныхъ самодуровъ, не отпускала его никуда дальше уѣзднаго города, не давала ему ни гроша денегъ и заставила его служить въ уѣздномъ судѣ, когда малый просился, если уже не въ полкъ, то хоть въ губернію. Первый кутило среди ватаги канцеляристовъ, Болтунчиковъ отличался забубеннымъ характеромъ и откалывалъ уже порядочныя штуки, но какъ всѣ очень хорошо знали, что ему оканчивалось совершеннолѣтіе и что все отцовское имѣніе можетъ перейти въ его руки, то и смотрѣли снисходительно на его разныя продѣлки. Казалось, обстоятельство это должно бы интересовать и Бреньковскаго, но какъ послѣдній былъ вхожъ въ домъ Болтунчиковыхъ и, въ числѣ

трехъ свидѣтелей подписывалъ духовное завѣщаніе покойнаго, то зналъ также и то, что отецъ Болтунчикова предоставлялъ женѣ своей, въ случаѣ неповиновенія сына, лишить его наслѣдства и поступить съ имѣніемъ, какъ ей заблагоразсудится. Мать же Болтунчикова, страшная ханжа и самодурка, года уже два какъ возилась съ однимъ изъ тѣхъ господъ, званіе которыхъ опредѣлить трудно, но которые, идя по стопамъ московскаго Ивана Яковлевича, овладѣваютъ невѣжественными натурами, но, не попадая въ тюрьму или домъ сумасшедшихъ, безобразничаютъ на свободѣ въ свое полное удовольствіе. Вотъ почему Бреньковскій и смотрѣлъ на Болтунчикова, какъ на человѣка, ему не подходящаго.

Между тѣмъ юноша сильно влюбился въ Парашу и собирался уже непремѣнно изъяснить ей свое чувство. Но вдругъ сватовство Куповалова сильно его озадачило, такъ что онъ при этомъ извѣстіи растерялся, занялъ гдѣ-то двугривенный и напился съ отчаянія. Онъ даже на другой день не пошелъ въ судъ и лежалъ на постели, пилъ съ похмѣлья квасъ и думалъ горькую думу. Параша неминуемо должна была ускользнуть, и молодому человѣку представилось безъисходное положеніе бѣдной дѣвушки.

Неожиданно къ нему, по выходѣ изъ присутствія, завернулъ товарищъ его и соперникъ Салотопенко.

— Ну, что, Иванъ Самойловичъ? тихо сказалъ онъ.

— Не весело, братъ, Кузьма Трофимовичъ.

— Оба, мы, остались съ носами, проговорилъ Салотопенко, и на губахъ его появилась улыбка, не то покорности судьбѣ, не то сожалѣнія.

Болтунчиковъ махнулъ рукою.

— Нечего, братъ Кузя, намъ надувать другъ друга: мы оба ее любили.

— И какъ еще любили, да ужъ теперь забывать надо. Обручена, говорилъ Салотопенко, разводя руками,—все равно, что законъ приняла.

— Еще не законъ, замѣтилъ Болтунчиковъ и устремилъ глаза въ потолокъ.

— А славная дѣвка!

— Теперь, когда все кончено, сказалъ Болтунчиковъ, подымаясь вдругъ съ кровати: скажи мнѣ, Кузя, другъ ты мнѣ, или нѣтъ?

— Другъ, Ваня, закадычный другъ, ей Богу! Намъ вѣдь уже ссориться и хитрить нечего.

— Ну, я признаюсь тебѣ.

— А что, ты съ ней...

— Не то. Богъ свидѣтель, я не говорилъ даже съ ней порядкомъ. А теперь...

— Ну?

— Думаю покончить.

— Какъ?

— Да такъ. Побожись, что ты мнѣ другъ, Кузя.

— Клянусь, Ваня, всѣми святыми.

— Знаешь ли?..

И Болтунчиковъ оглянулся.

— Знаешь ли, я думаю украсть Парашу.

— Ты? украсть? Да какъ же?

— А вотъ какъ. Садись. Есть у тебя деньги?

— Есть четвертакъ.

— Давай сюда, или лучше сходи принеси »живительной«. Я разскажу тебѣ.

Салотопенко немного поморщился, но побѣжалъ въ кабакъ и скоро возвратился со шкаликомъ.

— Ты вѣдь знаешь, у меня матушка настоящій кремень, началъ Болтунчиковъ, когда пріятели подкрѣпились »живительнымъ«, и хоть грѣхъ осуждать родителей, но, во первыхъ она мнѣ не даетъ ни гроша, чтобъ не баловался, а во вторыхъ заставляетъ цѣловать руку этому мерзкому потаскуну, Арсенію. Между тѣмъ, Кузя, не забудь — мнѣ уже недавно кончилось совершеннолѣтіе, и я только жду дядю, а тамъ потребую ввода во владѣніе.

— Ты будешь богатъ, Ваня, это мы всѣ знаемъ. Эхъ, чортъ возьми, да и кутнемъ же на радостяхъ!

— Не въ томъ дѣло. Признаюсь тебѣ откровенно, что затѣвая волокитство съ Парашей, я не думалъ ничего особеннаго, а теперь такъ влюбленъ, что, если она согласится, я украду ее и женюсь.

— Ой ли? спросилъ Салотопенко, ощущая страхъ и нѣкоторого рода зависть.

— А что же? Ну, матушка посердится, да и проститъ; подлецъ Бреньковскій ничего не скажетъ, да и не смѣетъ.

— Да какъ же? Я въ толкъ не возьму. Я слышалъ, что крадутъ барышень, но вѣдь это дѣлаютъ лихіе гусары.

— А мы покажемъ, что и канцеляристы не ударятъ лицомъ въ грязь. Надѣюсь, ты поможешь?

— Отчего же — помогу. Я самъ тоже любилъ ее... Ну, да что съ воза упало, то пропало.

— Теперь главное — поговорить съ Парашей.

— Нѣтъ, не это главное, Ваня. А скажи мнѣ,—гдѣ ты перевѣнчаешься? Вотъ что.

— Я уже думалъ объ этомъ. Мнѣ кажется, не будетъ затрудненія. Сынъ нашего священника мой закадычный прія тель. Онъ въ этомъ году получилъ приходъ въ Кисловкѣ, и я ударюсь къ нему.

— Надобны также деньги, Ваня, и лошадей нанять и все прочее.

— Дурень ты, Кузя! Теперь мнѣ, какъ совершеннолѣт нему, дадутъ хоть пятьсотъ рублей подъ расписку, и первый же Бреньковскій дастъ, только слупить жидовскіе проценты. Но я просто возьму у своего секретаря.

— Куда же ты повезешь Парашу?

— Только бы украсть, да обвѣнчаться, а тамъ все само собою уладится. Ну, надѣюсь, Кузя, что ты меня не выдашь, а я, братъ, не могу иначе. Прежде, каюсь въ грѣхѣ, ду малъ, такъ себѣ волочиться, можетъ быть, и тово... А те перь, когда бѣдняжку выдаютъ за этого сквернаго урода, знаешь, вся внутренность у меня поворачивается.

— Когда же думаешь?

— А вотъ умоюсь, пойду къ секретарю, возьму денегъ— онъ дастъ съ радостью. Ты вѣдь замѣчаешь, какъ со мной обращаются и въ присутствіи. Отъ секретаря отправлюсь въ садъ, но ты, смотри, не притащись—помѣшаешь;—наканунѣ бѣгства всѣмъ товарищамъ задамъ выпивку.

— А въ случаѣ Параша не согласится?

— Ну, пропью всѣ деньги—и баста! Да нѣтъ, не думаю, чтобъ дѣвка заупрямилась.

— Такъ никому не говорить и даже Гришѣ?

— Я самъ скажу, кому нужно.

— Хорошо. А четвертакъ ты мнѣ отдашь?

— Разумѣется, отдамъ. Ты ужъ никакъ боишься?

— Нѣтъ, Ваня, а я обѣщалъ уплатить долгъ этому не годяю, Сенѣ Бреньковскому, завтра срокъ. Ну, желаю тебѣ успѣха, а я побѣгу домой, чтобъ не опоздать къ обѣду, не то батюшка, пожалуй, выбранитъ.

— Прощай, Кузя, и помни: покамѣсть ни-гу-гу.

— Прощай!

Въ обычный часъ послѣобѣденнаго сна въ Растеряѣ.—въ

саду Бреньковскаго все было по прежнему. Отставной коммиссіонеръ покоился подъ развѣсистой яблонью, закрывъ лицо отъ мухъ изорваннымъ платкомъ, возлѣ него стоялъ кувшинъ съ квасомъ и, по обыкновенію, лежалъ длинный прутъ, которымъ онъ запасался всегда, на случай нашествія на садъ мальчишекъ или для острастки дочери за какое нибудь упущенье. На скамейкѣ, въ будничномъ, изорваномъ платьицѣ, блѣдная, закрывъ лицо руками, сквозь пальцы которыхъ пробивались слезы, сидѣла невѣста Куцоналова. Бѣдняжка считала все покончennымъ и, не смѣя открыто жаловаться, въ тихомолку, лишь слезами облегчала свое горе. Мать окончательно перешла на сторону отца, а братья просто называли ее дурой, за то, что она не понимала предстоявшаго ей благополучія. Куцоваловъ обоимъ молодымъ людямъ подарилъ по два полуимперіала. Но дѣвушка не утѣшалась картинами будущаго, которыя рисовали ей мать и братья. Бракъ съ ненавистнымъ Куцоваловымъ представлялся ей конечной погибелью, и какъ ни тяжело было ей дома, какъ ни горька была ея судьба въ роли служанки безъ отдыха, съ перспективой ругательствъ и побоевъ, — однако, она согласилась бы лучше переносить все это, нежели принадлежать пьяному уроду. И когда она уставала думать объ этомъ, передъ ней, мимо ея воли, поперемѣнно представлялись лица всѣхъ обожателей, изъ которыхъ чаще другихъ подвертывался Болтунчиковъ. Печальныя мысли, мало по малу исчезали, и по мѣрѣ того, какъ угрожавшая опасность удалялась на второй планъ, Болтунчиковъ овладѣвалъ ея мечтами. Ей уже становилось ясно, что молодой человѣкъ этотъ лучше всѣхъ своихъ товарищей, что и голосъ его нѣжнѣе, и въ глазахъ больше огня, и одѣтъ онъ щеголеватѣе. Она начала припоминать разговоры съ нимъ, веселую болтовню и какъ однажды онъ принесъ ей десятокъ конфектъ. Убаюканная этими воспоминаніями, дѣвушка даже позабыла о роковомъ замужествѣ и только еще порою всхлипывала, потому что прежде сильно расплакалась.

Осторожно Болтунчиковъ пробирался въ калитку и робко смотрѣлъ — не торчитъ ли гдѣ нибудь Бреньковскій съ своими зелеными, василисковыми глазами. Но въ саду обычная тишина. Облитыя яркимъ свѣтомъ солнца, по прежнему, деревья усажены румяными и янтарными плодами и тотъ же стоитъ запахъ, отдѣляющійся отъ спѣлыхъ грушъ и яблокъ. А вотъ на скамейкѣ и Параша, но не по прежнему веселая

и шутливая, сидитъ, закрывъ лицо руками. Сердце юноши забилось сильно, и онъ подошелъ къ дѣвушкѣ.

— Прасковья Андреевна! прошепталъ Болтунчиковъ, изъ боязни разбудить Бреньковскаго, храпъ котораго доносился отъ яблони.

Отвѣта не было.

— Прасковья Андреевна!

Параша отняла руки отъ глазъ, взглянула и встала со скамейки.

— Тише! проговорила она тоже шепотомъ. Здравствуйте, Иванъ Самойловичъ.

— Здравствуйте. Я пришелъ васъ поздравить.

Повеселѣвшее было личико дѣвушки, снова »подернулось облакомъ грусти«, какъ выражались въ старину беллетристы.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ поздравленьемъ. Грѣхъ вамъ...

И Параша не договорила: крупныя слезы, одна за другою, побѣжали по ея щекамъ.

— Вотъ вы и заплакали.

— Какъ же мнѣ не плакать.

— А я хотѣлъ вамъ что-то сказать.

— Говорите, только тише, чтобъ папенька не услыхалъ.

— Вы... я...

Юноша замялся.

— Ну?

— Еслибъ я зналъ...

Дѣвушка молчала и вопросительно смотрѣла на Болтунчикова.

— Еслибъ я зналъ одно... вы не вышли бы за этого пьяницу...

— Ахъ, что такое? Говорите!

Юноша осмотрѣлся.

— Еслибъ я зналъ, что вы меня любите, такъ, какъ я васъ люблю...

У Параши заблистали глаза, и вся она покраснѣла.

— Вотъ вы и молчите, Прасковья Андреевна.

— Я, право, не знаю... Да вѣдь меня и обручили.

— Это ничего не значитъ... Еслибъ только я зналъ...

— Ахъ, что вы, Иванъ Самойловичъ! Мнѣ грѣшно васъ слушать. Маменька еще сегодня говорили, что я на половину чужая жена.

— Эхъ, Прасковья Андреевна, еслибъ я зналъ, что вы меня любите, все пошло бы, какъ по маслу.

— Отчего же? Ну пусть, продолжала она, закрывшись рукавомъ, я сказала бы вамъ, что... люблю васъ...

— Нѣтъ, не пусть, а скажите навѣрное.

— А если Богъ накажетъ?

— Нѣтъ, не накажетъ. Скажите.

— Ну, я люблю васъ — это правда.

Болтунчиковъ взялъ ее за талію.

— Ахъ, кажется, папенька проснулись.

Юноша было отскочилъ, но послѣ снова подошелъ къ дѣвушкѣ.

— Послушайте, Парашенька, времени терять нечего: если вы меня любите, значитъ, пойдете за меня замужъ...

— Пошла бы, Ванечка, съ дорогою душою, да вѣдь я обручена.

— Согласитесь только.

— И что же? спросила Параша, посматривая изъ-подъ рукава.

— Очень просто — я васъ украду, и дѣло съ концомъ.

— Ахъ, какія ужасти!

— Никакихъ ужастей. Я васъ украду, мы поѣдемъ въ Кисловку, гдѣ священникъ мой пріятель, онъ насъ обвѣнчаетъ...

— А послѣ?

— А послѣ будемъ жить, какъ Богъ дастъ.

— У васъ вѣдь матушка строгая: она разсердится.

— Посердится и перестанетъ.

Параша видимо обрадовалась неожиданному предложенію.

— Да какъ же уйти? А папенька...

— Ужъ мы все устроимъ, только согласитесь.

— Голубчикъ, Ваня, у меня только и есть одно сносное платьице, если не удастся надѣть его — неужто и вѣнчаться въ этихъ рубищахъ.

— Нужда измѣняетъ законъ. Я вамъ платьевъ накуплю— у меня есть деньги.

— Гдѣ же вы взяли?

— Занялъ у секретаря. Вѣдь я, голубушка, совершеннолѣтній.

— Ахъ, Боже мой! Я согласна, Ваня, да мнѣ сдается, что мы не успѣемъ.

— Вздоръ!

— Когда же?

— А вотъ я сегодня поѣду въ Кисловку, переговорю съ попомъ... Намъ главное — обвѣнчаться. Такъ вы даете слово?

— Страшно.

— Э, пустяки, бояться нечего. Вѣдь хуже будетъ выходить за Куцовалова?

— Охъ, я лучше готова умереть.

— То-то же. Такъ по рукамъ, что ли?

— Дѣлайте, какъ знаете.

— Ну, поцѣлуйте же меня, и я сейчасъ уѣду въ Кисловку.

Дѣвушка смѣшалась, однако, поцѣловала молодаго человѣка.

— Вотъ двугривенный. Скажите отцу, что уторговали, и досвиданія.

Счастливый Болтунчиковъ выбѣжалъ изъ сада, а Параша, оставшись одна, недоумѣвала — во снѣ, или на яву случилось съ ней это событіе.

— Прасковья! раздалось подъ яблонью.

Дѣвушка вздрогнула.

— Чего изволите, папенька?

— Съ кѣмъ ты шушукаешься?

— Это приходили за фруктами.

— Кто приходилъ?

— Болтунчиковъ и какой-то незнакомый.

— Я такъ и думалъ. А купили что нибудь?

— Купили, на двугривенный.

— Ступай сюда! Ты у меня смотри, Прасковья! И выйдешь замужъ, такъ, по праву отеческому, могу я тебя выдрать, а теперь и Богъ велѣлъ. Помни, что женихъ поручилъ мнѣ беречь тебя, пуще глаза, такъ ты неслишкомъ...

— Я, папенька, ничего. Извѣстно, надо было выбрать— покупаютъ на выборъ.

— Всякая дрянь туда же на выборъ. А, небось, при этомъ случаѣ и турусы подпускаютъ?

— Я не могу, папенька, запретить...

— Молчать! Ты сама не баласничай, такъ и никто не будетъ вязаться. Знаю я тебя, ты горазда егозить передъ молокососами. А ты помни, что ты чужая невѣста. Небось, Болтунчиковъ въ своей манишкѣ съ накрахмаленными воротничками... Мотыга этакой! Всѣмъ торговкамъ, я думаю, долженъ. Нужды нѣтъ, что богатаго отца сынъ, а будетъ шалберничать — ничего не получитъ. Другой же кто такой приходилъ?

— Въ первый разъ вижу.

— Ступай, зови мать, да соберемъ крупные бергамоты. Пригласить бы сосѣдку помочь, да лучше не надо — это та-

кая проклятая прорва, что переѣстъ всѣ лучшіе фрукты. Сторожа у тебя тоже, я думаю, жрутъ, не на животъ, а на смерть.

— Они, папенька, по вашему приказанію, сидятъ въ дальнихъ углахъ.

— А ты зачѣмъ смотришь, негодница? Маршъ!

Два дня прошли для Параши въ мучительномъ ожиданіи: Болтунчиковъ не являлся. Бѣдная дѣвушка начинала уже думать, что Ваня обманулъ ее, но ей тотчасъ же приходило въ голову, что это было бы и грѣшно и безчеловѣчно. Между тѣмъ, Куцоваловъ неожиданно прислалъ ей на два платья матеріи, двѣ пары башмаковъ, фунтъ конфектъ и велѣлъ Сатаненку на словахъ передать, что скоро самъ явится къ невѣстѣ.

Сатаненокъ пріѣхалъ, какъ разъ въ то время, когда семейство коммиссіонера въ полномъ составѣ принималось въ саду за пустыя щи, составлявшія весь обѣдъ Бреньковскаго.

— Баринъ и теперь бы пріѣхали, прибавилъ посланный, да некогда: у нихъ съ сосѣдомъ завязалась ссора и нельзя пока отлучиться изъ дому.

— Да вѣдь Дормидонъ Павловичъ уѣзжалъ на дачу, замѣтилъ Бреньковскій.

— Теперь возвратились. Видите ли, помѣщикъ Верхолѣсовъ обидѣлъ нашего барина.

— Поругадъ, что ли?

— Какое поругалъ, на охотѣ вытянулъ арапникомъ.

— Скажите, пожалуйста! За что же?

— Да такъ. Нашъ баринъ смѣялись надъ нимъ, что его собаки никуда не годятся.

— Ну?

— Верхолѣсовъ осерчалъ, да и брякнулъ, что куцоваловскимъ борзымъ только свиней гонять. Прочіе помѣщики стали смѣяться. Дормидонъ Павловичъ озлились. »Если, говорятъ, порочишь моихъ собакъ, такъ ты самъ свинья и домъ твой свинюшникъ: у тебя, говорятъ, въ комнатахъ такая вонь, что хоть носъ зажимай«. Ну, слово за слово, баринъ его обругали посвойски, а Верхолѣсовъ возьми, да вытяни Дормидона Павловича арапникомъ. Мы такъ и ахнули. »Лови, держи!« кричатъ баринъ, — у самихъ пѣна у рта, а Верхолѣсовъ, знаете, на черкесскомъ конѣ — и былъ таковъ. Его доѣзжачій бросился собакъ сзывать, но Дормидонъ Павловичъ не позволили. Прочіе помѣщики стали уговаривать, но баринъ всѣхъ верхолѣсовскихъ борзыхъ перестрѣляли. »Домъ его, говорятъ, сожгу, и

не буду Куцоваловъ, пока не влѣплю ему двѣсти плетей«. Вотъ теперь и сидятъ дома, да все подстерегаютъ Верхолѣсова. Какъ только выдерутъ его, сказали, безпремѣнно пріѣдутъ навѣдаться.

Павлуша Бреньковскій засмѣялся.

— Молодецъ этотъ Куцоваловъ, сказалъ онъ, вѣдь уже человѣкъ пожилой, а, посмотрите, какая горячая голова и сколько амбиціи.

Болѣе трусливый Сеня, его братъ, сообразилъ, что, положимъ, Куцоваловъ и высѣчетъ Верхолѣсова, но дорого придется платить за безчестье.

— Нашъ баринъ не постоитъ за этимъ, сказалъ Сатаненокъ, а ужъ, что сказалъ, такъ тому и быть. Онъ — главное — не любитъ грубіянства. Намедни, какъ ѣхали изъ города — какой-то купецъ не свернулъ съ дороги...

— Ну? спросилъ съ любопытствомъ Бреньковскій.

— Остановились, велѣли разложить купца и влѣпили двадцать пять.

— И что же?

— Ничего, такъ и поѣхали. Купецъ подалъ жалобу становому.

— Молодецъ! прогорилъ Павлуша, ей Богу, лихачъ.

— Купецъ самъ виноватъ, сказалъ Сатаненокъ, еслибъ съ перваго раза покорился и попросилъ прощенія, баринъ бы только обругали, а много, много, — дали бы тумака. А то туда же, фуфырится, дорога, говоритъ, широкая.

— Грубіянъ! замѣтилъ Сеня.

— А были свидѣтели? спросилъ Бреньковскій.

— Никого, опричь насъ, не было.

— Ну, и возьметъ шишъ, молвилъ Сеня, вы не можете показывать противъ него.

— Ты отдохни у насъ, сказалъ Бреньковскій Сатаненку, накорми лошадь; если нѣтъ своего сѣна, возьми у насъ небольшую охапку травы, а будешь ѣхать назадъ, мы положимъ барину грушъ и яблокъ. Невѣста нарветъ своими руками. Поподчивалъ бы тебя водочкой, да такому мальчику стыдно еще употреблять хмѣльное.

— Если милость ваша, я употребляю.

— Какъ?

— У Дормидона Павловича за исправность даютъ и дѣтямъ по чаркѣ водки.

— Гмъ! проговорилъ Бреньковскій, посмотрѣлъ искоса на Сатаненка и велѣлъ налить ему маленькую рюмочку.

Послѣ обѣда все семейство занялось осмотромъ матеріи. Потолковали, что можетъ стоить аршинъ, по очередно брали въ руки башмаки, разсуждали о ихъ прочности, раздѣлили всѣмъ по одной конфеткѣ — и когда все было заперто въ комодъ, члены семейства разошлись, каждый по назначенію. Хозяйка легла отдохнуть; Сеня, какъ служащій, тоже прилегъ подъ сараемъ; Павлуша, подъ предлогомъ работы въ питейной конторѣ, отправился къ квартальному рѣзаться въ трилистика; Бреньковскій, по обычаю, легъ подъ яблонью; одна Параша, убравъ посуду, обязана была бодрствовать и отпускать фрукты покупателямъ.

Подарки жениха заставили ее не на шутку призадуматься, а недавній разсказъ о его подвигахъ не выходилъ у нея изъ памяти. Кромѣ уродства, пьянства, Куцоваловъ отличался еще бѣшенымъ характеромъ, и за этого человѣка отецъ равнодушно выдавалъ ее замужъ! Но грустныя мечты Параши были прерваны появленіемъ Болтунчикова.

— Наша взяла! проговорилъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ и обнимая ее.

— Охъ, Ваня, я ждала васъ и совсѣмъ измучилась.

— Попъ готовъ, деньги есть...

— Бога ради, тише, чтобъ папенька не услыхали.

— Кромѣ того, дяденька пріѣдетъ не сегодня-завтра, а онъ у меня такой угаръ, что готовъ переколотить весь уѣздъ, чтобъ не дать племянника въ обиду.

— Мнѣ страшно, Ваня, но я на все согласна — только бы скорѣе.

— Сегодня же дѣлаю вечеринку и позову обоихъ твоихъ братьевъ. Когда всѣ перепьются мертвецки, мы съ Салотопенкомъ въ полночь...

— Какъ? И Кузьма Трофимовичъ знаетъ!..

— Не бойся — онъ мнѣ закадычный другъ. Мы съ Салотопенкомъ пройдемъ въ сосѣдній дворъ и постучимся въ твое окошко.

— Папенька выходятъ въ садъ повѣрять караульныхъ, да и нищіе толкаются по улицѣ...

— Въ томъ-то и штука, что на сосѣдній дворъ они не заглядываютъ. За вашей кухней заборъ низокъ, ты перелѣзешь, а тамъ мы проведемъ тебя сорными травами къ самой базарной площади. Дяденькинъ тарантасъ и тройка чалыхъ будутъ готовы, и мы часа черезъ два добѣжимъ до Кисловки.

— И вѣнчаться будемъ ночью?

— Что-жъ дѣлать! А послѣ вѣнца прямо на хуторъ къ дядѣ... Дальше, что Богъ дастъ.

— Страшно, ухъ! какъ страшно, Ваня!

— Не робѣй, Параша, только перевѣнчаемся. Это главное. Послѣ уже устроимся какъ нибудь.

— Дай-то Богъ. А какъ поймаютъ?

— Надо, чтобъ не поймали. Ну, Парашенька, прощай, я иду мастерить пирушку.

— Ваня, только, Бога ради, самъ не напейся.

— О, нѣтъ, мы съ Кузьмой уже послѣ. Ну, до свиданія. Такъ ровно въ полночь. Смотри же.

— Буду.

Молодые люди быстро поцѣловались, и Болтунчиковъ поспѣшно выбѣжалъ изъ сада приготовлять вечеринку.

На другой день въ домѣ Бреньковскаго поднялась ужасная суматоха: во первыхъ, Сеня, не смотря на все благоразуміе, такъ натянулся у товарища, что отецъ рѣшительно не могъ его добудиться; во вторыхъ, Параша исчезла изъ дому. Дѣвушку искали по сараямъ, чердакамъ, по саду, но, разумѣется, всѣ поиски были безполезны. Бреньковскому и никому изъ домашнихъ не приходило въ голову, чтобы Параша, такая скромная и покорная, могла выйти замужъ безъ родительскаго благословенія. Только уже вечеромъ начала носиться молва по городу, что она ушла и въ Кисловкѣ обвѣнчалась съ Болтунчиковымъ. Сеня, получившій утромъ изъ родительскихъ рукъ порядочное внушеніе, спѣшилъ загладить хоть сколько нибудь свою вину и какъ только прослышалъ интересное извѣстіе, тотчасъ же прибѣжалъ къ отцу въ садъ разсказать о случившемся. Нахмурясь, сидѣлъ Бреньковскій на скамейкѣ и лѣниво отбиралъ фрукты съ червоточинами.

— Папенька! Я узналъ о сестрицѣ.

— Ну?

— Очень странно, но кажется, вѣроятно.

— Скрывается, мерзавка, у кого нибудь, или убѣжала въ лѣсъ, пожалуй.

— Ни то, ни другое — вышла замужъ.

— Врешь! Не можетъ быть?

— Ей Богу, папенька, вышла за Болтунчикова, который тоже въ отлучкѣ.

Бреньковскій разинулъ ротъ отъ удивленія.

— За этого мальчишку?

— Я только что узналъ отъ Макара Андреевича, а ему сказывалъ Салотопенко, который чуть ли не былъ на вѣнчаньи, потому что его цѣлый день не видали въ городѣ.

— Сбѣгай, Сеня, и хорошенько разузнай. Дѣло криминальное.

Сеня побѣжалъ и черезъ полчаса явился съ лицомъ, сіявшимъ отъ удовольствія.

— Такъ и есть, папенька, я сказалъ правду: сестрица вышла за Болтунчикова. Салотопенко держалъ вѣнецъ у нея, а подлецъ Закаблучный былъ шафероиъ у него.

Бреньковскій не сказалъ ни слова, но взялся руками за голову. Правда, онъ сбылъ дочь безъ приданаго, но и только, а между тѣмъ Куцоваловъ обѣщалъ шестьсотъ рублей выкупу, въ счетъ которыхъ уже и получено десять полуимперіаловъ. Кромѣ того, оскорбленіе родительской власти, такой преступный, по его мнѣнію, обманъ и перспектива отъискивать удовлетворенія законнымъ порядкомъ — все это сильно подѣйствовало на душу отставнаго коммиссіонера. Онъ на первыхъ порахъ даже растерялся и здоровые фрукты бросалъ въ кучу бракованныхъ, а къ отборнымъ откладывалъ съ червоточинами. И дѣйствительно, положеніе Бреньковскаго было незавидно. Онъ полагалъ, что при настойчивости и усердномъ ходатайствѣ, бракъ дочери можно было расторгнуть, какъ незаконный, по отсутствію многихъ формальностей, но понималъ, что подобное предпріятіе могло увѣнчаться успѣхомъ только при значительныхъ трудностяхъ. Какихъ же, въ случаѣ успѣха, ожидать результатовъ для кармана? Положимъ, дочь посадили бы въ монастырь, но Бреньковскому какая отъ этого польза? Кто же вознаградитъ его за издержки, необходимыя для успѣшнаго ходатайства? Вѣдь подобное дѣло хоть и выиграешь, но не на комъ искать потерей и убытковъ. Кромѣ того, примѣшивалась мысль: а если Болтунчиковъ уладитъ съ матерью, — вѣдь онъ будетъ человѣкъ достаточный! Но предстоялъ еще другой вопросъ — раздѣлка съ Куцоваловымъ. Вѣдь это господинъ, понимающій расправу по своему, и не говоря уже о его обыкновенномъ способѣ вымѣщать досаду на людяхъ безъ разбора чиновъ и званій, — довольно получить отъ него пару затрещинъ, чтобъ остаться на всю жизнь калѣкой.

— А между тѣмъ надо было дѣйствовать. Поручивъ сыну стеречь садъ, Бреньковскій одѣлся нѣсколько пристойнѣе и отправился посовѣтоваться къ одному дѣльцу, захвативъ съ собой узелокъ съ грушами и яблоками.

Скоро весь городъ уже былъ посвященъ во всѣ подробности побѣга Параши и ея свадьбы: общественное мнѣніе, какъ водится, раздѣлилось. Половина охуждала ее за ослушаніе и оскорбленіе родительской власти, а другая половина, зная грустное положеніе дѣвушки въ отцовскомъ домѣ и предстоявшее ей замужество за Куцовалова, извиняло ее, тѣмъ болѣе, что она сдѣлала хорошую партію.

По домашнимъ слухамъ, мать Болтунчикова разсердилась на сына, хотѣла лишить его наслѣдства и предать проклятію; но пріѣхавшій дядя употреблялъ всѣ мѣры отстоять молодаго человѣка. Юная чета находилась у этого дяди на хуторѣ.

Въ то время, какъ Бреньковскій не придумалъ еще ничего противъ дочери и едва приготовилъ черновое прошеніе, когда дядя Болтунчикова склонялъ сестру простить единственнаго сына и писалъ въ губернскій городъ къ сильнымъ міра, дня черезъ три послѣ свадьбы Параши, Растеряй занялся обстоятельствомъ гораздо большей важности.

Бреньковскій, противъ обыкновенія, не спавшій послѣ обѣда, сидѣлъ въ своемъ саду и разсчитывалъ, что могъ стоить ему процессъ съ непокорной дочерью. Онъ до того погрузился въ различныя соображенія, что не обращалъ никакого вниманія на окружавшее.

— А! соколъ! попался, ха, ха, ха! прогремѣлъ у него густой басъ подъ самымъ ухомъ.

Бреньковскій взглянулъ, вскочилъ и опустилъ руки. Передъ нимъ высилась громадная фигура Куцовалова съ распухшимъ лицомъ, съ подбитымъ глазомъ и съ поднятой на перевязкѣ рукой, обернутой въ какую-то тряпку.

— Дормидонъ Павловичъ... проговорилъ онъ въ испугѣ.

— Да, я Дормидонъ Павловичъ, а ты, мошенникъ — все это я знаю. Но гдѣ моя невѣста, подлецъ?

— Помилуйте! Я же чѣмъ причиною...

— Вѣдь ты мнѣ продалъ дочку?

— Помилуйте!..

— Нечего миловать! Продалъ за шестьсотъ рублей и задатку десять золотушекъ взялъ. Можетъ быть, неправда?

— Вы, дѣйствительно, обѣщали наградить меня.

— Гдѣ же моя невѣста? грозно спрашивалъ Куцоваловъ, подступая къ Бреньковскому, который пятился, не оглядываясь.

— Несчастье посѣтило мой домъ.

— Вотъ я тебѣ дамъ несчастье! Эй, Сатаненокъ!

Сатаненокъ явился. Коммиссіонеръ струхнулъ не на шутку, и кто знаетъ, что могло бы произойти, еслибы въ критическую минуту для Бреньковскаго не явились исправникъ съ городничимъ.

— Что вы батенька, надѣлали? обратился исправникъ къ Куцовалову, вѣдь теперь не отвертитесь, васъ упекутъ подъ судъ.

— Хоть подъ два и даже три, а я свое дѣло сдѣлалъ; ха, ха, ха!

— Верхолѣсовъ подалъ прошеніе, но разскажите вы сами.

— Эй, сѣдой плутъ! крикнулъ Дормидонъ Павловичъ, обращаясь къ Бреньковскому, за дочку мы разочтемся послѣ. Вели подать рюмокъ и стакановъ, я пошлю за дрянь-мадерой да шампанскимъ — и хочу посидѣть здѣсь подъ яблонью, въ ожиданіи невѣсты, ха, ха, ха!

— Не лучше ли къ вамъ на квартиру? отозвался городничій.

— Знать ничего не хочу: эта крыса обязана мнѣ дѣлать всякое удовольствіе. Живо! А ты, Сатаненокъ, съѣзди за виномъ въ тарантасѣ.

Сатаненокъ зналъ свое дѣло. Бреньковскій, оживясь нѣсколько съ прибытіемъ городничаго и исправника, мигомъ принесъ необходимую посуду на подносѣ и велѣлъ кучеру подать столъ и стульевъ, такъ что пирушка очень скоро была готова.

— Садись и ты съ нами, животное! отнесся Куцоваловъ къ хозяину, служба служба, а дружба дружбой. Ты себѣ вино пей, а спину заблаговременно почесывай — мы съ тобой — свои люди — послѣ сочтемся.

— Какъ же у васъ вышло дѣло съ Верхолѣсовымъ? спросилъ исправникъ. Затѣялось съ того, что вы на охотѣ побранились, и онъ на васъ замахнулся?

— Нѣтъ, не замахнулся, а вытянулъ арапникомъ вдоль спины и вытянулъ, подлецъ, больно.

— А послѣ вы перестрѣляли собакъ его?

— Перестрѣлялъ и поклялся при свидѣтеляхъ, что не буду Дормидонъ Куцоваловъ, если не влѣплю ему двѣсти горячихъ.

— Но это уголовное преступленіе, замѣтилъ городничій.

— А мнѣ какое дѣло! На то есть ябедники, чернильныя души и разныя протоканальи, чтобъ строчить, какъ тамъ придется,—ха, ха, ха! Я не могу переносить обиды.

— Все это такъ, а говорятъ, Верхолѣсовъ при смерти. А вы знаете, чѣмъ это пахнетъ?

— Ха, ха, ха! Не такія вещи съ рукъ сходили. Господа, пейте же вино, а я вамъ начну разсказывать. Вотъ, знаете, послѣ того, какъ я далъ слово отмстить, я три дня ожидалъ, садился въ засаду: не выйдетъ ли, не выйдетъ ли соколикъ. Но стервецъ былъ очень остороженъ и никуда изъ своей деревни. Я уже хотѣлъ было учинить наѣздъ, да раздумалъ, что тамъ у него не безъ караульныхъ. Мы сосѣди — межа съ межою. Надо сказать, что мы прежде жили довольно дружно, а послѣ вышла маленькая исторія изъ ревности, хи, хи, хи! Живетъ возлѣ насъ коллежскій регистраторъ Квочка. У него, какъ нарочно, и родись ребенокъ въ это самое время. Квочка пріѣхалъ просить меня въ кумовья, а я еще лежалъ съ похмѣлья въ кровати, и мнѣ пришла на мысль отличная штука. Я— охать и стонать, какъ настоящій больной, и говорю Квочкѣ: »радъ бы, да не могу. Вотъ пять золотушекъ на зубокъ, а въ кумовья проси кого другого, потому что врядъ ли скоро подымусь съ постели«, а про Верхолѣсова нарочно ни слова. »Вотъ, говорю, посылаю экипажъ за лекаремъ«. Квочка пожалѣлъ и прямо къ Верхолѣсову. У меня есть нѣсколько подкупленныхъ верхолѣсовцевъ. Вотъ вечеромъ и даютъ знать, что мой баринъ собирается на крестины и велѣлъ изготовить тарантасъ. Въ хуторокъ Квочки двѣ дороги: одна лежитъ черезъ мою рощу, другая, дальная, черезъ оврагъ по косогору. Я зналъ навѣрное, что онъ выберетъ объѣздную. Тамъ есть плохая плотинка, обсаженная густыми вербами, и, выѣхавши изъ нея, надо подыматься на крутой пригорокъ. Кругомъ кустарникъ, гдѣ мы не разъ охотились на лисицъ съ Верхолѣсовымъ. Я, не долго думавши, собралъ человѣкъ восемь лихихъ ребятъ и велѣлъ залѣзть въ кусты, а одного ухаря поставилъ на часахъ на лошади, чтобъ далъ мнѣ знать, когда тронется изъ двора экипажъ Верхолѣсова. Такъ и случилось. Пока, шельмецъ, выбирался на окольную дорогу, я на бѣговыхъ дрожкахъ былъ уже у плотины — и лошадь завели въ трущобу. Ту же минуту я велѣлъ плотину перепутать веревками, какъ разъ у выѣзда, такъ что когда Верхолѣсовъ въѣхалъ между вербъ, то сперва не замѣтилъ, а когда уже приблизился къ выѣзду, то ему уже поворотить было невозможно. Онъ выскочилъ изъ экипажа и велѣлъ отрѣзать пристяжную, но я тутъ, какъ снѣгъ на голову. Пока люди мои выбѣжали изъ засады, кучеръ, подлецъ, отрѣзалъ пристяжную и поскакалъ назадъ. Ну, думаю, успѣю управиться, деревня не близко. »А что, говорю, соколикъ, попался, ха, ха, ха! Онъ, видитъ

дѣло плохо, сталъ проситься, но я крикнулъ на молодцовъ: схватили они барина и растянули. Не успѣлъ я, впрочемъ, досчитать и двухсотъ, знаете, жарилъ съ промежутками и все приговаривалъ, какъ показалась толпа народу. Чортъ несъ по перекрестной дорогѣ не далеко извощиковъ. Подлецъ кучеръ разсказалъ, что напали разбойники, — мужичье и бросилось. Кучеръ предводительствовалъ. Правда, Верхолѣсовъ, еле живъ былъ, однако приподнялся. Кучеръ его такъ и лѣзетъ. Я — ракалью въ морду, а онъ позабылъ всякое уваженіе, выхватилъ колъ изъ плотины, и, видите, какъ меня отдѣлали. Извощики не дали потѣшиться, хотя я исколотилъ четырехъ мерзавцевъ собственноручно. Вотъ и вся исторія, ха, ха, ха!

— Ну, это добромъ не кончится, сказалъ исправникъ: по крайней мѣрѣ, мы ничего не можемъ сдѣлать. Я рапортуюсь больнымъ, а временное отдѣленіе уѣхало уже свидѣтельствовать Верхолѣсова.

— Пусть свидѣтельствуютъ, я исписалъ его лучше всякаго прошенія, ха, ха, ха!

Исправникъ значительно посмотрѣлъ на городничаго, а тотъ сдѣлалъ ему знакъ головою.

— Теперь я добираюсь до этого соколика, продолжалъ Куцоваловъ, указывая на Бреньковскаго. — Онъ обѣщалъ мнѣ дочь, помолвилъ, а теперь отказывается.

— Ну, ужъ извините, сказалъ городничій, Андрей Петровичъ самъ огорченъ необузданнымъ поступкомъ дочери, и его слѣдуетъ пожалѣть.

— Покорно благодарю, проговорилъ Бреньковскій, вставая и раскланиваясь.

— Какъ, чортъ возьми, вы за него еще вступаетесь, за этого сѣдого плута? ха, ха, ха!

— Дѣвушка бѣжала изъ родительскаго дома...

— Значитъ, онъ мокрая курица. Пусть же отдастъ мнѣ мои десять золотушекъ.

— Вѣдь вы мнѣ ихъ подарили.

— Знать ничего не хочу! подавай, подлецъ!

— Я понимаю, замѣтилъ городничій, что Андрей Петровичъ обязанъ возвратить всѣ подарки.

— Я готовъ, господа, говорилъ дрожащимъ голосомъ Бреньковскій, которому хотѣлось и отдѣлаться отъ Куцовалова и жаль было денегъ: но согласитесь, что я не причиною.

— Врешь.

— Послушайте, господа. Параша не хотѣла выходить за Дормидона Павловича, я долженъ былъ дѣлать ей внушенія, я два раза принимался наказывать ее.

— Ты отецъ и долженъ заботиться о счастьѣ дочери. Подавай деньги и чортъ съ тобой!

— Бреньковскій медленно пошелъ домой и принесъ злополучные полуимперіалы. Куцоваловъ сосчиталъ.

— Подлецъ! проговорилъ онъ. Благодари Бога, что рука у меня перешиблена, я не посмотрѣлъ бы ни на кого и отлупилъ бы тебя на славу. Но все таки скажи своимъ новобрачнымъ, что пусть не пеняютъ — обоихъ высѣку. Пойдемъ-те, господа, ко мнѣ на квартиру.

Исправникъ и городничій встали.

— А тебѣ, свинья, вотъ за угощенье, крикнулъ Куцоваловъ, и толкнулъ ногою столъ, который ударился о дерево.

Рюмки стаканы и бутылки въ дребезгахъ разлетѣлись въ разныя стороны.

— Силенки еще хватило, ха, ха, ха! продолжалъ Дормидонъ Павловичъ. Онъ думаетъ, скотина, что безъ его дочери такъ вотъ и плакать буду. Хороша и дочушка — ушла съ канцеляристомъ. Пойдемъ-те, господа.

Бреньковскій не зналъ, что дѣлать: провожать ли гостей до калитки, или удостовѣриться—не уцѣлѣла ли хоть какая нибудь рюмка отъ побоища.

Болтунчикова мать не простила, и новобрачные помѣстились пока у дяди, который далъ слово устроить судьбу ихъ. Куцоваловъ попалъ подъ судъ и, кажется, дорого поплатился за оригинальный способъ отплачивать за оскорбленіе, а Бреньковскій, признавшій, наконецъ, бракъ дочери и вытребовавшій у зятя заемное письмо въ двѣсти рублей, нѣсколько уже лѣтъ постоянно одинъ сидитъ въ саду и, увы, не получаетъ ни гроша съ канцеляристовъ, которые не приходятъ больше за фруктами.

КОНЦЕРТЪ.

КОНЦЕРТЪ.

Въ губернскомъ городѣ Огарковѣ, извѣстномъ какъ торговлей, такъ и общественными увеселеніями, приближалась маслянница и готовились разные балы, катанья, маскарады, пикники, не говоря уже о ежедневныхъ утреннихъ и вечернихъ спектакляхъ. Отъ подробнаго описанія города я избавлю моихъ читателей: и до меня многіе упражнялись въ изображеніи провинціи, а главное—вообще я не мастеръ на это и у меня всегда въ описаніяхъ городовъ выходитъ, по выраженію одной барыни, что-то »неподобное«. Впрочемъ, я полагаю, читателю и нѣтъ особенной надобности знать, подъ какимъ угломъ лежитъ какая улица, какое зданіе красивѣе, гдѣ именно оканчиваются хорошія строенія и пошли писать неизмѣнные заборы. Городъ Огарковъ, какъ вообще губернскіе города, съ тою только разницею, что значительно больше другихъ и что квартальные шныряютъ по улицамъ въ сюртукахъ и франтами въ нѣкоторомъ родѣ. Даже самые хожалые заведены на столичный манеръ въ опрятныхъ кафтанахъ, и не бьютъ мужиковъ по лицу, какъ это водится еще въ городахъ мало образованныхъ, а вѣжливо берутъ за шиворотъ и ведутъ въ часть для должной расправы. Главная улица давно уже подчинилась прогрессу, и вы по утрамъ можете увидѣть, какъ ее подметаютъ, впрочемъ, не дворники, по примѣру столицы, а разный людъ, взятый наканунѣ, за пьянство, буйство и другія погрѣшности и попавшій въ кутузку, сибирку или клоповникъ. Въ огарковскихъ ресторанахъ въ послѣднее время тоже замѣтны стали улучшенія: такъ, въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, карта пишется по французски и порція бифштекса стоитъ полтинникъ, когда говядина продается не выше пяти копѣекъ за фунтъ. Но все это въ сторону! Главное, чѣмъ отличается Огарковъ съ незапамятныхъ временъ — было и безспорно есть

высшее, такъ называемое аристократическое общество. Въ этомъ отношеніи, я полагаю, съ Огарковымъ не могутъ сравниться другіе губернскіе города, уже собственно потому, что аристократія его поражаетъ многочисленностью. Вездѣ по провинціямъ, въ центрахъ губернскаго управленія безъ аристократіи не бываетъ, но тамъ все это ограничивается самымъ маленькимъ кружкомъ, который, будучи не въ состояніи существовать въ замкнутомъ видѣ, принужденъ смѣшиваться съ людьми низшаго общества и, такимъ образомъ, невольно терпитъ самую ужасную для аристократовъ пытку — хоть наружнаго сближенія, Богъ знаетъ, съ какими личностями. Въ Огарковѣ такіе казусы не встрѣчаются. Тамъ, кромѣ губернскихъ властей съ вѣсомъ, отъ губернатора и до совѣстнаго судьи, проживаетъ много богатыхъ помѣщиковъ съ нѣкоторыми титулами и нѣсколько отставныхъ сановниковъ, занимавшихъ мѣста, дающія право на принадлежность къ сословію, которое въ сороковыхъ годахъ называлось *сливками*. Само собою, что члены высшаго огарковскаго общества говорили и говорятъ не иначе, какъ по французски, увѣренные и до сихъ поръ, что иначе нельзя быть порядочными людьми, и что тѣ несчастные, которые лишены этой способности, не могутъ быть терпимы въ заповѣдномъ избранномъ кругѣ. Въ эпоху, затронутую нами, аристократическій элементъ города Огаркова состоялъ изъ такого большаго количества сіятельствъ, превосходительствъ и высокородій, что нѣкоторымъ изъ нихъ приходило въ голову выдѣлиться, подобно рою изъ улья, и основать особое ультра высшее общество, которое хотя и не отрекалось бы отъ прежнихъ сочленовъ, однако составляло бы свою особую замкнутую среду, куда доступъ былъ бы рѣшительно невозможенъ для какого нибудь плебея по происхожденію, но поставленнаго обстятельствами въ разныя исключительныя условія. Двѣ княгини, графиня и четыре превосходительныхъ барыни дѣлали однажды по этому случаю совѣщаніе, но имъ не удался этотъ переворотъ по несочувствію нѣкоторыхъ мужей, находившихъ подобный маневръ не совсѣмъ удобнымъ. Разумѣется, общество осталось въ прежнихъ предѣлахъ, но самая эта попытка показываетъ, что въ немъ не господствовало полной гармоніи, и что порой въ заповѣдномъ кругу не обходилось безъ значительной разноголосицы и ссоръ, конечно, съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, потому что комильфотные люди и ругаются не иначе, во первыхъ, какъ по французски, во вторыхъ, по извѣстнымъ правиламъ. Огарковское высшее общество отли-

чалось отъ другихъ губернскихъ тѣмъ, что въ иномъ городѣ, напримѣръ, довольно человѣку завести карету, дать балъ, назначить пріемный день, и онъ считается аристократомъ, а въ Огарковѣ на такія штуки мѣстная аристократія не ловилась. Здѣсь необходимы были прежде всего родъ или, наконецъ, важное значеніе, и только послѣ удовлетворительности этихъ пунктовъ индивидуумъ могъ претендовать на поступленіе въ губернскія сливки. Одно лишь и дѣлалось исключеніе для молодыхъ людей—по необходимости для бальныхъ танцоровъ,—но за то какому строгому выбору подвергались тѣ счастливцы изъ неаристократовъ, которые, умѣя болтать по французски и одѣваясь прилично, одарены были способностью носиться въ полькѣ или изобрѣтать фигуры мазурки, разумѣется, все это подъ прикрытіемъ извѣстныхъ манеръ и нѣкотораго шика. Дѣло очень понятное: аристократы хотя и считали Огарковъ положительно лучшимъ губернскимъ городомъ, а многіе и утверждали, что онъ не уступитъ и столицѣ, »только-де меньшаго размѣра«, однако всѣ старались своихъ сыновей опредѣлять на службу то въ гвардію, то въ министерства,—слѣдовательно на балахъ бывали не многочисленны настоящіе аристократическіе танцоры. Можно было насчитать, со студентами, человѣкъ десять изъ сливочныхъ кавалеровъ, но когда дамъ собиралось всегда втрое, то и надо было необходимо допускать грустныя исключенія. Конечно, юношамъ, которымъ выпадалъ такой счастливый жребій и которымъ завидовали товарищи, не всегда доставались веселость и удовольствіе, но они, по крайней мѣрѣ, имѣли возможность гордиться въ среднемъ кругу и считали себя вправѣ насмѣхаться надъ обычаями въ домахъ своего общества. Случалось порой, что аристократы просто насмѣхались надъ молодыми людьми, которыхъ приглашали собственно для лощенія паркетовъ, но этого вѣдь никто не зналъ изъ тѣхъ, кому объ этомъ вѣдать надлежало. Само собою, что если въ высшее общество, порой, допускались мужчины изъ средняго круга, то женщинамъ послѣдняго доступъ былъ закрытъ совершенно, и аристократки такъ вели себя ловко въ этомъ случаѣ, что на офиціальныхъ балахъ у губернатора и въ собраніи составляли отдѣльныя кадрили. По этому поводу происходили даже скандалы: не разъ гордая аристократка просто отказывалась танцовать, если vis á vis попадалась дама изъ чужаго круга, и родственники должны были улаживать недоразумѣнія, возникавшія изъ этого. Даже былъ скандалъ, грозившій окончиться катастро-

фой, и дуэли помѣшало только вліяніе губернатора. Графиня Краснохвостова танцовала однажды съ пріѣзжимъ гвардейцемъ, который довольно таки покорилъ сердецъ въ Огарковѣ. Гвардеецъ, по какому то недоразумѣнію, потерялъ свое vis á vis и бросился отыскивать кого нибудь, не желая лишиться удовольствія танцовать съ хорошенькой особой. Ему подвернулся одинъ молодой человѣкъ, который, впрочемъ, объявилъ, что именно эту кадриль хотѣлъ отдохнуть и не имѣлъ дамы. Гвардеецъ началъ упрашивать, и юноша — по добротѣ ли сердца, желая ли угодить избраннымъ, только отыскалъ свою сестру, молоденькую, скромную дѣвочку и сталъ въ кадриль противъ Краснохвостовой. Графиня навела лорнетъ на своихъ визави и обратилась къ своему кавалеру съ лаконическимъ:

— Кто это?

— Право, не знаю.

Вздумали наводить справки, но музыка заиграла, юноша съ сестрой начали фигуру, и кончилось тѣмъ, что не обращая вниманія на визави, графиня подала руку гвардейцу и попросила отвести ее въ гостиную, чтобы не танцовать, Богъ знаетъ съ кѣмъ, въ присутствіи всѣхъ огарковскихъ сливокъ. Произошелъ скандалъ. Гвардеецъ бросился просить извиненія у обиженной дѣвицы, но братъ послѣдней принялъ близко къ сердцу оскорбленіе сестры и началъ выражаться не слишкомъ осторожно о графинѣ Краснохвостовой. Женихъ послѣдней, отставной корнетъ Запекаевъ, былъ вызванъ изъ-за преферанса и тотчасъ же принялся по свойски распекать злополучнаго юношу фразами: »да знаете ли вы! да я васъ!« и т. п. Но обиженный молодой человѣкъ далъ такой отпоръ Запекаеву, что этому только оставалось согласиться на извѣстную фразу: «часъ и мѣсто!« Вѣсть о дуэли обѣжала всѣ комнаты и достигла до губернатора въ тотъ моментъ, когда его п-во, играя съ откупщикомъ въ пикетъ по большой, получилъ, такъ называемый, капотъ и проигралъ огромнаго короля. Дерзкій юноша тотчасъ же былъ потребованъ къ начальнику, получилъ головомойку и строгое приказаніе: во первыхъ, выбросить вздоръ изъ головы, во вторыхъ, просить извиненія у графини, а въ третьихъ, ту-же минуту оставить собраніе, въ противномъ случаѣ губернаторъ грозилъ выгнать его изъ канцеляріи, отдать подъ судъ, и прочее, тому подобное.

Въ описываемую эпоху въ Огарковѣ заправляла всѣмъ высшимъ обществемъ, къ величайшему удивленію, особа не сіятельная и не превосходительная, а просто обыкновенная и при-

томъ весьма нелѣпая барыня, Анна Родіоновна Желе, вдова какого-то выходца чиновника. Хотя она имѣла отличное состояніе и жила открыто, однако, какъ извѣстно, подобныя вещи не давали въ Огарковѣ права на принадлежность къ избранному кругу, а добилась Желе авторитета потому, что была сестрой Романа и Прохора Колковыхъ, — значительныхъ мѣстныхъ аристократовъ, имѣвшихъ вѣсъ не только въ городѣ, но и въ цѣлой губерніи. Колковы эти, поочередно, были то губернскими предводителями, то предсѣдателями, а главное великолѣпно жили и проигрывали огромные куши, имѣя то преимущество предъ заѣзжими аристократами, что оставались на мѣстѣ и обзавелись порядочными связями въ Петербургѣ. Но какъ оба Колковы были холостые и не хотѣли тревожить себя пріемомъ дамъ, то и устраивали вечера у сестры, которая, такимъ образомъ, и сдѣлалась почетнѣйшею особою въ Огарковѣ. Личныхъ достоинствъ она не имѣла ровно никакихъ, даже не получила и того жалкаго образованія, какое давалось дочерямъ достаточныхъ людей прежняго времени. Она, правда, болтала по французски, но не только смѣшивала этотъ языкъ съ огарковскимъ, а просто потѣшала почтеннѣйшую публику. Не говоря уже, что permettez у нея выходило »пѣрмѣтѣ«, je ne veux pas »же нѣ вѣ па«, она перепутывала постоянно роды именъ, отчего происходили иной разъ прескандальныя двумысленности. Анна Родіоновна имѣла обыкновеніе на самой простой вечеръ приглашать всѣхъ записками и если просила запросто, то фраза эта у ней по французски выходила: venez sans rien. Въ высшемъ кругу смѣялись надъ этимъ усердно, замѣчали, вообще, невѣжество барыни, на вечерахъ ея старались отыскивать не только неприличіе, но и разныя гадости, а все таки допускали господство Анны Родіоновы, которая, наконецъ, и сама получила о себѣ такое высокое мнѣніе, что многимъ начала дѣлать уже выговоры. Здѣсь былъ причиной собственно Прохоръ Колковъ, мужчина среднихъ лѣтъ, красивой наружности и съ громаднымъ состояніемъ, который, хотя и не располагалъ, повидимому, жениться, однако оказывалъ значительную наклонность къ прекрасному полу и носилъ въ себѣ всѣ задатки благодатнаго характера, отводящаго человѣку мѣсто подъ башмакомъ у дражайшей половины. Вокругъ Прохора Колкова давно уже раскидывали ловушки и разныя сѣти всякія сіятельства, превосходительства, и какъ онъ былъ, надо сказать правду, весьма простъ, чтобъ не выразиться рѣзче, и постоянно, съ дѣтства, во всемъ

совѣтовался съ Анной Родіоновной, то, по теоріи вѣроятностей, можно было предполагать, что и замыслы чадолюбивыхъ родителей могли осуществиться только при дѣятельномъ участіи смѣшной и нелѣпой барыни. Анна Родіоновна, конечно, и сама надѣялась уломать брата, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ мелочахъ онъ проявлялъ самое слѣпое послушаніе, но каждый разъ какъ она прямо приступала къ нему съ женитьбой, Прохоръ Колковъ всегда отвѣчалъ ей одно и тоже:

— Жениться легко, да разжениться трудно.

Нерѣдко Анна Родіоновна прибѣгала и къ посредству старшаго брата Романа, чтобъ дѣйствовать сообща на баловня и любимца; но Романъ, не любившій разсуждать ни о чемъ, отдѣлывался чѣмъ-то въ родѣ мычанья и отстранялъ отъ себя всякое содѣйствіе въ этомъ случаѣ.

Я вхожу въ эти подробности собственно для показанія — какъ иногда слагаются авторитеты, и что не слѣдуетъ иной разъ удивляться, встрѣчая во главѣ цѣлаго общества личность подобную Аннѣ Родіоновнѣ, которая не только ничѣмъ не превосходила барынь своего сословія, а напротивъ, уступала каждой въ образованіи, по развитію же стояла ниже своей горничной Матреши, которая любила читать и кое-что понимала изъ прочитаннаго.

Огарковскіе аристократы имѣли множество провинціальныхъ привычекъ и замашекъ: такъ, напримѣръ, самый недоступный домъ княгини Керчь-Рукавицыной служилъ главнымъ депо сплетень и всевозможныхъ извѣстій о томъ, что происходило въ кругахъ среднемъ и низшемъ. Княгиня, пожилая барыня, держала нѣсколько индивидуумовъ, собственно, для посылокъ по всѣмъ закоулкамъ и знала рѣшительно всю подноготную. Она до такой степени посвящена была въ тайны самыхъ мелкихъ событій, что не разъ приводила въ тупикъ губернатора, сообщая иногда послѣднему происшествія прежде, нежели доносила ему о нихъ полиція. Княгиня пользовалась такимъ почетомъ, что старшій полиціймейстеръ считалъ обязанностью каждое утро, отправляясь къ губернатору съ рапортомъ, доставлять ея сіятельству списокъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, что приводило не разъ въ справедливое негодованіе Анну Родіоновну Желе, которая никакъ не могла добиться этой чести по весьма простой причинѣ, а именно, что назвала полиціймейстершу моветономъ и не отплатила ей визита. Произошла даже маленькая исторія, но какъ полиціймейстеръ взялъ у Прохора Колкова взаймы тысячъ пять серебромъ, то

и полиціймейстерша смирилась передъ Анной Родіоновной, которая, однако же, не получала рапортичекъ отъ градоправителя.

Анна Родіоновна Желе заѣхала какъ-то къ Керчь-Рукавицыной и застала княгиню и трехъ дочерей ея въ ненормальномъ положеніи. Послѣ обычныхъ привѣтствій, хозяйка обратилась къ гостьѣ, разумѣется, по-французски:

— Знаете ли, какой у насъ есть новый пріѣзжій?

— Графъ Додо, изъ Петербурга.

— Нѣтъ, кромѣ Додо?

— Слыхала; кажется, племянникъ генеральши Проскудиной.

— Не то, нѣтъ, не изъ нашего круга.

— Я такими мелочами не занимаюсь, отвѣчала небрежно Анна Родіоновна: мало ли мовежанровъ проѣзжаетъ черезъ Огарковъ!

— Но это господинъ, который, во первыхъ, пріѣхалъ изъ Петербурга на службу, а во вторыхъ, просто съ неприличною фамиліей.

— А!

— Счастье еще, что онъ не принадлежитъ къ нашему обществу, а то надо было бы просить губернатора о перемѣнѣ фамиліи.

— Какъ же онъ называется?

Дѣвицы сочли обязанностью потупить взоры, но княгиня, всегда находчивая, въ особенности гдѣ касалось охраненія нравственности дочерей отъ соблазна, взяла со стола списокъ и, поднеся его къ глазамъ Анны Родіоновны, указала пальцемъ на послѣднюю строчку.

Госпожа Желе захохотала. Въ рапортичкѣ, въ числѣ пріѣзжихъ, въ Московской гостиницѣ показанъ былъ коллежскій секретарь Штанишкинъ.

— Видно, что аристократъ! проговорила она, продолжая свой горловой хохотъ.

— Интересно услышать бы его имя аннонсированнымъ въ порядочной гостиной.

— А еще интереснѣе, замѣтила Желе, выйти за него замужъ и называться по его фамиліи.

Здѣсь уже все общество, не исключая двухъ старшихъ дѣвицъ, захохотало, одна только меньшая княжна, ходившая еще въ панталончикахъ, сочла обязанностью уткнуть носъ въ книгу и удерживаться отъ смѣха.

— Шутите, проговорила княгиня, а этотъ господинъ пріѣ-

обрѣтетъ въ городѣ завидную извѣстность: каждый постарается увидѣть его. Такъ какъ онъ молодой человѣкъ и прямо изъ Петербурга, то нѣтъ сомнѣнія, что появится на балахъ дворянскаго собранія.

И по всѣмъ аристократическимъ салонамъ Огаркова пронеслась вѣсть о пріѣзжемъ съ неприличной фамиліей, и общее вниманіе было устремлено на пріѣзжаго господина.

Андрей Петровичъ Штанишкинъ былъ весьма приличный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати четырехъ или пяти, хорошаго роста, не дуренъ собою и одѣтъ щеголевато. Родился онъ и выросъ въ Петербургѣ въ семьѣ небогатаго чиновника, который, однако же, употреблялъ всѣ усилія дать сыну порядочное образованіе. Гимназія и университетъ пройдены были имъ съ успѣхомъ, и окончивъ курсъ по филологическому факультету, Штанишкинъ избралъ учительское поприще, чувствуя въ себѣ призваніе педагога. Цѣль его была поѣхать учителемъ въ какой нибудь университетскій городъ, чтобы, при дешевой жизни, на свободѣ позаняться для пріобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней и потомъ уже хлопотать о поѣздкѣ за границу. Кромѣ наукъ, Штанишкинъ изучалъ музыку и зналъ ее порядочно. Игру его на фортепьяно нельзя было назвать удовлетворительной, за то пѣлъ онъ превосходно и обладалъ такимъ звучнымъ сильнымъ теноромъ, который безспорно могъ бы доставить ему на сценѣ завидную извѣстность. Нѣкоторые изъ товарищей совѣтовали ему поступить на сцену, но Штанишкинъ—предпочиталъ ли онъ санскритъ оперѣ, не былъ ли увѣренъ въ своемъ талантѣ, или прямо разсчиталъ, что профессура для него выгоднѣе сцены,—погрузясь въ филологію, впослѣдствіи весьма мало удѣлялъ времени на занятіе искусствомъ. Правда, онъ ходилъ въ оперу и участвовалъ въ домашнихъ концертахъ, но смотрѣлъ на это не болѣе, какъ на пріятное развлеченіе. Во время студенчества у него сильно была развита наклонность къ аристократизму, и онъ употреблялъ всѣ усилія сблизиться съ товарищами изъ заповѣднаго круга, однако, усилія его не увѣнчались успѣхомъ, и хотя молодому человѣку удалось втереться въ два, три знатныхъ дома, но онъ вскорѣ увидѣлъ всю невыгоду предстоявшей ему роли, а нѣсколько эпизодовъ, показавшихъ ему ясно, какъ смотрѣли на него избранные, отбили у Штанишкина охоту къ блистательнымъ знакомствамъ, которыми въ юности многіе не прочь пускать пыль въ глаза товарищамъ. Штаниш-

кинъ поступилъ учителемъ въ одну изъ столичныхъ гимназій и только черезъ годъ могъ выхлопотать мѣсто въ провинціи.

По пріѣздѣ въ Огарковъ, университетъ котораго могъ доставить всѣ пособія для занятій, Штанишкинъ рѣшился посвятить себя наукѣ и даже избѣгать случая знакомиться съ губернской аристократіей, хотя и считалъ себя вправѣ посѣщать провинціальные салоны. Надо сказать, что онъ во время студенчества и въ пору великосвѣтскихъ стремленій перемѣнилъ свою фамилію; конечно, это сдѣлано было не оффиціально, а на карточкахъ писалъ онъ: André Stanitchkine, и потому ухо аристократическихъ его знакомыхъ не поражалось зловѣщими звуками. Такъ онъ и слылъ вездѣ за Станичкина. Но въ Петербургѣ другое дѣло, а въ Огарковѣ нумерной взялъ у него билетъ, и, прежде нежели молодой учитель осмотрѣлъ улицы новаго города, во всѣхъ этихъ улицахъ уже знали, что изъ Петербурга пріѣхалъ на службу коллежскій секретарь Штанишкинъ, и многія дамы съ нетерпѣніемъ желали видѣть джентльмена, носившаго такую, по ихъ мнѣнію, неприличную фамилію.

Директоръ гимназіи обласкалъ новаго подчиненнаго, нѣкоторые товарищи, къ кому заѣхалъ Штанишкинъ, приняли его привѣтливо, а молодые учителя увѣрили, что въ Огарковѣ очень весело и много хорошенькихъ.

Въ послѣднее воскресенье передъ масляницей жена директора была именинница и по этому случаю Штанишкинъ былъ приглашенъ на вечеръ, на которомъ въ первый разъ встрѣтился съ огарковскимъ обществомъ. Хотя въ другихъ городахъ, директора гимназіи всегда принадлежатъ къ аристократіи, но въ Огарковѣ, гдѣ, какъ мы уже сказали, высшій кругъ былъ такъ высокъ, что нѣкоторые желали отдѣлить истинно-аристократическій, болѣе замкнутый кружокъ, на директора смотрѣли, какъ на нѣчто среднее, и у супруги его бывали далеко не всѣ аристократки. Барыню это, разумѣется, оскорбляло, но какъ мужъ ея не дослужился еще до дѣйствительнаго статскаго совѣтника, то она и ожидала терпѣливо вожделѣннаго превосходительства, при которомъ, по ея мнѣнію, можно было потягаться съ гордыми огарковскими львицами. Она, впрочемъ, вела себя довольно прилично, не заискивала и, посѣщая нѣкоторые аристократическіе дома, умѣла, порой, на сарказмы отвѣчать сарказмами.

Когда Штанишкинъ, по петербургскому обычаю, вошелъ довольно поздно, онъ, сверхъ ожиданія, нашелъ еще мало го-

стей, не зная, что въ провинціи подражаніе столицѣ во всемъ идетъ до утрировки, и каждая барыня, мечтающая о себѣ, не поѣдетъ на вечеръ ранѣе одиннадцатаго часа. Какъ нарочно, къ директоршѣ съѣхалось довольно аристократокъ, даже такія, которыхъ совершенно не ожидали, и хоть это посѣщеніе она приписывала возраставшему своему значенію, однако ошиблась, не зная настоящей причины. Анна Романовна Желе, разъ въ годъ удостоившая директоршу визитомъ, успѣла раззвонить по всему городу, что пріѣхалъ господинъ съ неприличной фамиліей, и какъ всѣ узнали, что это учитель — стало быть долженъ явиться на балѣ у директора — слѣдовательно, надо посмотрѣть новую личность, а главное, послушать, какъ будутъ называть его дамы, начиная съ хозяйки.

Штанишкинъ, между тѣмъ, пришелъ въ хорошее расположеніе духа, увидѣвъ на балѣ много хорошенькихъ, встрѣтивъ изящные туалеты, и не безъ удовольствія счелъ себя однимъ изъ лучшихъ кавалеровъ. Костюмъ его рѣзко отдѣлялся отъ туземныхъ костюмовъ, и хоть въ Огарковѣ существовали порядочные портные, однако въ провинціи — чѣмъ примѣръ даже Москва — мужчины одѣваются довольно не изящно. Фракъ Штанишкина былъ не отъ первыхъ художниковъ ножницъ и иголки, но все же сшитый гдѣ-то въ Большой Садовой недалеко отъ Невскаго, сидѣлъ на немъ довольно ловко, а стоячій воротъ рубашки еще петербургскаго мытья отличался отъ мѣстныхъ воротниковъ то оттянутыхъ и неуклюжихъ, то еще тѣхъ нелѣпыхъ селедокъ, именуемыхъ полисонами, которые были въ модѣ до Крымской кампаніи. Аристократическія дамы нашли его довольно интереснымъ, но считали обязанностью спрашивать у хозяйки и нѣкоторыхъ дѣвицъ о фамиліи пріѣзжаго, собственно съ цѣлью посмѣяться и поставить спрашиваемыхъ въ неловкое положеніе. Надобно сказать, что Штанишкинъ и рекомендовался и печаталъ себя на карточкахъ постоянно Станичкинымъ, такъ что и товарищи, и начальство изъ приличія иначе и не называли его, развѣ ужъ кто распекалъ или подтрунивалъ.

Одинъ изъ молодыхъ учителей сказалъ Штанишкину, что между аристократами есть привѣтливые и добрые люди, но большинство не допускаетъ въ свой кружокъ постороннихъ.

— Только и попадешь туда по протекціи, или уже надо быть отличнымъ танцоромъ, такъ будутъ приглашать на балы, прибавилъ онъ.

— Но подобное приглашеніе оскорбительно, замѣтилъ Штанишкинъ, и порядочный человѣкъ не согласится быть полотеромъ.

— Ну, нѣтъ! отчего же? Все-таки увидишь свѣтъ: притомъ же у себя они необыкновенно вѣжливы со своими гостями.

— Еще бы они были невѣжливы!

— А вотъ въ собраніи дѣвицы аристократки неохотно танцуютъ съ нашимъ братомъ, развѣ ужъ совсѣмъ нѣтъ ихнихъ кавалеровъ.

— Какъ? хотя бы имъ и представили?

— Да вотъ, посмотрите, здѣсь три аристократки, у нихъ своихъ три кавалера, и повѣрьте, кто бы не сунулся ихъ ангажировать — откажутъ на-отрѣзъ.

— Хорошо, что вы меня предупредили.

— Ну, вы какъ петербургскій, можетъ быть, и попадете въ исключеніе.

— Я не хочу быть исключеніемъ, а заискивать ни въ комъ не намѣренъ.

И вслѣдствіе этого разговора Штанишкинъ держалъ себя очень осторожно, танцовалъ съ дѣвицами средняго круга и даже на аристократокъ посматривалъ отчасти нахально въ стеклышко, какъ посматриваютъ на Невскомъ самые отчаянные фаты.

На другой день въ высшемъ кругу о Штанишкинѣ составилось мнѣніе, что:

— Il est gentil.

— Il est bien mis.

— Il danse bien.

И, наконецъ, Анна Родіоновна Желе заключила, что онъ порядочно говоритъ по французски.

Не взирая на эти одобрительные отзывы, аристократы подсмѣивались надъ фамиліей Штанишкина, хотя и находили, что онъ довольно ловко ее передѣлалъ. Больше всего смѣялась надъ этимъ вдова генеральша Вертебрюкъ — соперница Анны Родіоновны Желе въ стремленіи сосредоточить у себя высшій интересный кружокъ, довольно богатая и кое-какъ образованная женщина, но не сходившаяся съ Колковыми и потому не имѣвшая большой партіи. Впрочемъ, съ ней жили всѣ въ ладу, во первыхъ, потому, что она была радушная женщина, приглашавшая на блестящіе балы, во вторыхъ, у ней въ домѣ издавна отдѣланъ былъ хорошенькій театръ, такъ что если аристократки затѣвали какое нибудь представ-

леніе, то и невозможно было устроить въ другомъ мѣстѣ. Странная эта фамилія, значившаяся и на карточкѣ подъ гербомъ: «M-me la générale Verterbruk«, ни для кого не казалась странною, потому что всѣ очень хорошо знали настоящее ея произношеніе, но иныхъ привычка, другихъ уваженье, а въ третьихъ, просто страхъ — заставляли выговаривать на иностранный ладъ чисто русское названіе Вертибрюховой. Когда эта генеральша въ первый разъ услыхала о Штанишкинѣ, ее самое подрало морозомъ по спинѣ, ей самой стало неловко, словно смѣшная фамилія пріѣзжаго намекала на нѣкоторое неприличіе собственной ея фамиліи, однако генеральша вскорѣ оправилась, потому что весь городъ называлъ ее не иначе, какъ ей хотѣлось.

Масляницу отпировали, какъ слѣдуетъ. Штанишкинъ познакомился во многихъ домахъ средняго круга, но къ аристократамъ выказывалъ, вообще, какую-то сдержанную холодность, чѣмъ и произвелъ нѣкотораго рода недовольство въ особахъ высшаго полета.

Постомъ пошли концерты и живыя картины въ пользу разныхъ бѣдныхъ, но больше въ пользу самолюбія участвующихъ. Въ одномъ концертѣ пѣлъ Штанишкинъ, и кромѣ того, что его заставляли повторить нѣсколько разъ, публика разразилась криками »браво« и аплодисментами. Дѣйствительно, Огарковъ не слыхалъ ничего подобнаго. Самъ губернаторъ удостоилъ пожать пѣвцу руку, а студенты и молодежь сдѣлали ему овацію. На другой день только и разговору было, что о голосѣ и манерѣ Штанишкина, который, такимъ образомъ, очутился въ положеніи героя. Пискливый теноръ барона Терценталя, пользовавшагося славою хорошаго пѣвца, показался даже аристократіи слабымъ и непріятнымъ въ сравненіи со свѣжимъ и симпатичнымъ голосомъ Штанишкина, исполнявшаго съ одинаковою легкостью какъ русскіе романсы, такъ и самыя трудныя итальянскія аріи. Самъ баронъ выразился, что, обладай Штанишкинъ хорошей манерой, онъ современемъ могъ бы сдѣлаться хорошимъ пѣвцомъ, и хоть аристократы наружно соглашались съ барономъ, однако въ душѣ сознавали все превосходство пріѣзжаго тенора. Въ первое же воскресенье Штанишкинъ получилъ нѣсколько приглашеній отъ аристократовъ, которые, взирая съ высоты величія на прочихъ смертныхъ, вообразили, что »какой нибудь плебсъ« такъ и бросится, сломя голову, въ ихъ чопорные салоны. Но Штанишкинъ ровно никуда не поѣхалъ. Изъ числа посылавшихъ

за учителемъ были и Анна Родіоновна Желе, и княгиня Керчь-Рукавицына. Обѣ эти барыни надулись и отдали подобный казусъ на обсужденіе ареопага. Корифеи рѣшили, что, дѣйствительно, поступлено было неловко, а что слѣдуетъ при случаѣ лично приглашать Штанишкина, который тогда пойметъ всю важность оказанной ему чести.

И точно, вскорѣ одно превосходительство, при встрѣчѣ, пригласило Штанишкина обѣдать, и онъ послѣ обѣда спѣлъ нѣсколько романсовъ, за которые получилъ непритворныя похвалы всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ этого многіе начали приглашать Штанишкина лично и нѣкоторые отплачивали визиты, такъ что молодому человѣку стало не хватать времени на ученыя занятія. Но Штанишкинъ рѣдко пользовался приглашеніями, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сошелся съ адъюнктомъ Лобанчиковымъ, который раскрылъ ему всю суть объ огарковскихъ аристократахъ. Сама Анна Родіоновна Желе торжественно просила Штанишкина бывать у нея »sans gien« и отдала дворецкому приказаніе настроить фортепьяно.

Въ высшемъ кругу готовилось торжество. Старикъ князь Керчь-Рукавицынъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, лечился уже съ годъ за границей; гдѣ получилъ, наконецъ, облегченіе и сбирался возвратиться въ Огарковъ. Общество долго не рѣшалось какъ встрѣтить князя, и послѣ разныхъ споровъ положено было дать въ честь его концертъ, тѣмъ болѣе, что старикъ страстно любилъ музыку, благо подъ рукою былъ великолѣпный теноръ. Принявъ съ признательностью предложеніе общества, княжна тотчасъ же написала сыну въ Петербургъ купить самыхъ лучшихъ нотъ, взять отпускъ и спѣшить въ Огарковъ къ блестящему семейному празднику. Вмѣстѣ съ этимъ написала она раздушенную записку къ Штанишкину, приглашая пожаловать къ ней на обѣдъ безъ церемоніи, и заявила, что имѣетъ къ нему очень важную просьбу. Штанишкинъ поѣхалъ, былъ обласканъ княжной и ея дочерьми, и обѣщался участвовать въ концертѣ. Собирая свѣдѣнія о голосахъ, онъ тутъ же занялся выборомъ пьесъ и привелъ княжну въ восторгъ, объявивъ, что нечего ожидать нотъ изъ Петербурга, имѣя на мѣстѣ все необходимое. Изъ аристократіи не оказалось знатока въ музыкѣ; единственный человѣкъ, смыслившій ноты, баронъ Терценталь, какъ только прослышалъ о приглашеніи Штанишкина участвовать въ концертѣ, выпросился у губернатора, при которомъ состоялъ по особымъ порученіямъ, *въ про-*

винцію и уѣхалъ мѣсяца на два въ самый отдаленный уѣздъ губерніи. Такимъ образомъ, на Штанишкина, кромѣ прямаго участія, пала еще обязанность дирижера — росписыванье партій, выборъ пьесъ, спѣвка и тому подобныя занятія. Сперва это ему было не по сердцу, но согласіе дано, и дѣлать нечего, ему пришлось ежедневно вертѣться въ кругу людей, съ которыми онъ не имѣлъ ничего общаго. Надобно сказать, что Штанишкинъ въ юности былъ влюбчиваго характера и хоть онъ, по своей натурѣ, вообще, не высказывался, однако за частую нравились ему различныя барышни. Но онъ положительно отвергалъ всякія достоинства въ дѣвицахъ высшаго круга, какія бы онѣ ни были красавицы. На это, впрочемъ, имѣлись свои причины, а какъ мы не вдаемся въ подробности его прошедшаго, то и скажемъ только, что Штанишкинъ на каждую аристократку смотрѣлъ съ предвзятымъ предубѣжденіемъ. Въ Огарковѣ по этому случаю судьба ему много благопріятствовала: изъ всего высшаго круга можно было насчитать только двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ, да и тѣ, не отличаясь умственными способностями, не могли быть опасны.

Приготовленія концерта сблизили, однако-же, Штанишкина съ огарковскимъ высшимъ обществомъ: въ качествѣ распорядителя онъ перезнакомился съ разными личностями и пользовался авторитетомъ. Онъ, впрочемъ, предложилъ пригласить лучшаго музыкальнаго учителя въ городѣ, но это нисколько его не облегчило, потому что учитель въ кругу взрослыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ только льстилъ, да спѣшилъ поскорѣе отдѣлаться, и все бремя легло на Штанишкина. Наступила Святая. Молодой князь Керчь-Рукавицынъ пріѣхалъ изъ Петербурга и, разумѣется, сдѣлался львомъ огарковскихъ салоновъ, какъ человѣкъ, служащій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Послѣднее обстоятельство и въ столицѣ въ извѣстныхъ кружкахъ имѣетъ свое обаяніе, слѣдовательно о провинціи и говорить нечего. Когда простой писецъ изъ азіатскаго департамента на какомъ нибудь балѣ въ Петербургѣ можетъ играть роль дипломата, то въ Огарковѣ имѣетъ право выдать себя за секретаря посольства или »attaché«, какъ многіе джентльмены любятъ рекомендовать себя. Молодой князь Керчь-Рукавицынъ именно принадлежалъ къ послѣднему разряду и держалъ себя, какъ человѣкъ, имѣющій, по его словамъ, по возвращеніи въ Петербургъ, отправиться къ парижскому посольству. Дамы рѣшительно ахали отъ любезности, остротъ и фешенебельныхъ манеръ, а почтенные

старцы зондировали молодаго дипломата насчетъ европейскаго равновѣсія. Молодой князь несъ жесточайшую ерунду объ отношеніяхъ кабинетовъ, потому что самъ ничего не смыслилъ; онъ былъ отъявленнымъ театраломъ, зимою постоянно ѣздилъ въ балетъ, а лѣтомъ сидѣлъ въ яхтклубѣ и носилъ фуражку и пальто съ золотыми якорями. На первой же репетиціи онъ одобрилъ голосъ Штанишкина, хотя и прибавилъ, что у пѣвца недостаетъ манеры, т. е. не въ пѣньѣ, а относительно галантерейнаго обхожденія.

Наконецъ, все было готово. На послѣдней генеральной репетиціи присутствовалъ самъ губернаторъ и приходилъ въ неописанный восторгъ отъ дуэта изъ Пуританъ и тріо изъ Нормы. Между тѣмъ случилось одно обстоятельство. Праздникъ и сюрпризъ готовился къ княжескому пріѣзду, который долженъ былъ совпасть съ днемъ рожденія княгини; но, вѣроятно, старикъ замѣшкался въ дорогѣ, а чтобъ не разоряться на два праздника, княгиня въ день своего рожденія пригласила на простой чай только семейства, участвовавшія въ концертѣ. Генеральная репетиція происходила именно въ день рожденія княгини. Сынъ ея дипломатъ и старшая дочь, провожая гостей къ дверямъ залы, просили всѣхъ на чашку чаю и только не удостоили Штанишкина, да еще одного баритона изъ губернской канцеляріи. Штанишкинъ, молча, проглотилъ пилюлю и задумчивый спускался съ лѣстницы. Впереди его шелъ генералъ, отецъ одной пѣвицы, съ Вертибрюховой, племянница которой имѣла претензію на контральто.

— Неужели они пригласятъ сегодня на вечеръ этого Станичкина? спросила Вертибрюхова.

— Оно, если хотите, неловко и не пригласить, но я говорилъ объ этомъ съ княгиней и съ княземъ Николаемъ.

— Ну?

— Она была въ нерѣшимости, но послѣ согласилась, что приглашать не слѣдуетъ. Довольно для него чести играть роль и въ концертѣ. На большомъ балѣ присутствіе его не можетъ никого компрометировать.

— То-то. Княгиня хотя и глупа, а въ этомъ случаѣ нельзя ее назвать безтактною.

Штанишкинъ, слыша это, готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Такъ вотъ оно что! проговорилъ онъ сквозь зубы, поворачивая въ переулокъ, и направился къ Лобанчикову.

— Я это предвидѣлъ, сказалъ послѣдній, выслушавъ раз-

сказъ Штанишкина, и вы, извините меня, глупо сдѣлали, согласившись участвовать въ этомъ концертѣ.

— Утро вечера мудренѣе, отвѣчалъ Штанишкинъ.

На разсвѣтѣ пріѣхалъ старикъ Керчь-Рукавицынъ, и въ то же утро разосланы были по городу билеты, приглашавшіе многочисленныхъ гостей на балъ и ужинъ и, кромѣ того, всѣ приглашенные получили великолѣпныя афиши, напечатанныя золотыми буквами на розовомъ атласѣ. Въ каждой почти пьесѣ красовалось имя Штанишкина, разумѣется, по-французски.

Наступилъ вожделѣнный вечеръ. Гостей просили пораньше, во вниманіе къ продолжительному концерту, послѣ котораго должны были начаться танцы. Анна Родіоновна Желе не выдержала и сообщила князю о приготовленномъ сюрпризѣ, а старикъ заблаговременно расплакался отъ умиленія.

Собрались пѣвцы и пѣвицы, недостовало одного Штанишкина, обязаннаго заправлять всѣмъ концертомъ. Княгиня спохватилась и велѣла поскорѣй послать карету за теноромъ, написавъ нѣсколько самыхъ любезныхъ фразъ на раздушенной бумажкѣ.

Штанишкинъ сидѣлъ у стола и пилъ чай, когда явился посланный.

— Хорошо, отвѣчалъ пѣвецъ, не трогаясь съ мѣста.

— За вами карета-съ.

— Не надо.

Слуга передалъ отвѣтъ по принадлежности. Пѣвцы и пѣвицы засуетились, обнаруживая легкое безпокойство. Дипломатъ схватилъ шляпу и въ чулкахъ и башмакахъ самъ отправился къ Штанишкину.

— Monsieur, началъ онъ, входя къ пѣвцу: мы просто не понимаемъ, маманъ въ безпокойствѣ, гости съѣзжаются, а вы еще не одѣты.

— Я, monsieur, и одѣваться не буду.

— Какъ?

— Очень просто.

— Но если вы нездоровы, надо было увѣдомить...

— Я совершенно здоровъ, но только пѣть у васъ не буду.

— Что же все это значитъ?

Штанишкинъ передалъ разговоръ Вертибрюховой съ генераломъ.

— Притомъ же, вы сами, у меня подъ носомъ, приглашали всѣхъ участвующихъ, кромѣ меня съ баритономъ.

— Но баритонъ уже пріѣхалъ, брякнулъ дипломатъ отчаяннымъ голосомъ.

— А я не поѣду.

— Неужели васъ ничто не можетъ смягчить?

— Ничто.

— Но вы, конечно, знаете — какъ назвать вашъ поступокъ?

— Назовите, какъ хотите. Касательно же себя имѣю честь доложить, что я готовъ отвѣчать вамъ, когда угодно и на чемъ угодно.

Молодой дипломатъ не разслушалъ послѣдней фразы и бросился домой съ грустнымъ извѣстіемъ. Черезъ четверть часа явился къ Штанишкину весь въ попыхахъ директоръ гимназіи. Но ни приказанія, ни убѣдительныя просьбы не могли поколебать оплобленнаго тенора. Штанишкинъ не поѣхалъ, и концертъ не состоялся.

На другой день въ городѣ произошелъ ужаснѣйшій скандалъ. Княгиня написала нѣсколько писемъ въ Петербургъ, наконецъ, поручила сыну лично хлопотать, гдѣ слѣдуетъ, объ отмщеніи. По Огаркову просто разразилась буря. Высшій кругъ поднялся на дыбы и даже дѣвицы называли Станичкина Штанишкинымъ, а среднее общество рукоплескало тенору.

Исторія окончилась, однако-жъ, тѣмъ, что Штанишкинъ почелъ за лучшее удалиться изъ Огаркова и снова перешелъ въ Петербургъ, гдѣ началъ писать магистерскую диссертацію.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ПОХОЖДЕНІЙ.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ПОХОЖДЕНІЙ.

Строгоновъ садъ — одинъ изъ лучшихъ парковъ столицы, открытыхъ лѣтомъ для публики, и если онъ не пользуется всеобщей извѣстностью, то единственно потому, что дачи, его окружающія, расположены на мѣстности, куда не переселяется фешенъ или полу-фешенъ петербургскій, а въ густой тѣни его нѣтъ ни одного изъ тѣхъ заведеній, гдѣ происходятъ кутежъ, скандалы и другія дорого стоющія развлеченія. Правда, года два тому назадъ *) въ Строгоновомъ саду г. Бергъ устраивалъ свои воздушные полеты и бралъ порядочную дань, но это произошло какъ-то случайно, и хоть кромѣ полетовъ г. Бергъ устраивалъ разные бѣга аматеровъ на призы, даже бѣга въ мѣшкахъ и взлѣзанье на гладкую мачту, однако потѣхи сіи болѣе не повторяются. Строгоновъ садъ извѣстенъ лишь лѣтнимъ обитателямъ Черной рѣчки, да тѣмъ изъ влюбленныхъ, которымъ необходимо повидаться другъ съ другомъ вдали отъ ревнивыхъ очей какой бы то ни было опеки. Но любовныя свиданія или, такъ называемыя, rendez-vous назначаются въ Строгоновомъ саду именно потому, что онъ для петербургскихъ жителей просто terra incognita, и кто одинъ разъ побывалъ въ немъ съ этою цѣлью, того въ другой разъ и калачемъ не заманишь, и надобно уже быть слишкомъ беззаботнымъ, или, какъ выражаются на Черной рѣчкѣ, слишкомъ »безпардоннымъ«, чтобы рѣшиться вторично попытать счастья. Собственно говоря, Строгоновъ садъ нельзя охаять въ этомъ отношеніи: въ немъ есть извилистыя отдаленныя дорожки, подходящія густыя мѣста и даже, »густолиственныхъ кленовъ аллея«, но... Согласитесь, что безъ проклятаго »но« трудно обойтись во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

*) Разсказъ напечатанъ въ 1864 году.

И какъ бы вы полагали — почему въ Строгоновомъ саду не удобно рандеву для четы не только съ неплатоническими, но и съ самыми архиплатоническими помыслами. А вотъ я въ короткихъ словахъ постараюсь объяснить вамъ это обстоятельство, чтобъ иной разъ и сами вы при случаѣ воспользовались моимъ объясненіемъ. Дачные жители у насъ вообще, а на Черной рѣчкѣ въ особенности, — состоящіе изъ самыхъ коренныхъ столичниковъ, чрезвычайно скоро преобразуются въ провинціаловъ, такъ что Черная рѣчка, Старая и Новая деревни, Крестовскій островъ, съ начала іюня уже сильно смахиваютъ на уголокъ какого-нибудь Тамбова, Харькова или Воронежа, разумѣется, по своимъ нравамъ и обычаямъ. Неуспѣли вы переѣхать на дачу, или лучше сказать, не успѣли хорошенько устроиться, а уже ближайшіе сосѣди знаютъ вашу біографію, а дальные, пока дѣло дойдетъ до подробностей, знаютъ вашу фамилію, и вы не можете и трехъ дней остаться инкогнито. Вотъ почему въ Строгоновомъ саду, не смотря на его топографическія удобства, невозможно наслаждаться пріятнымъ tête-à-tête, пріѣзжая для этого изъ города или изъ другихъ окрестностей. Вы пришли, положимъ, изъ Старой деревни, а ваша знакомая прибыла хоть изъ Лѣснаго института. Вамъ нѣтъ дѣла, что много народу катается на лодкахъ и гуляетъ по аллеямъ, все это люди незнакомые, и вы, подавъ руку своей дамѣ, невольно направляетесь по какой-нибудь боковой дорожкѣ. Но тутъ то вы и ошиблись. Эти уединенныя пары, которыя заняты, повидимому, очень интимнымъ шопотомъ, уже оглядѣли васъ съ ногъ до головы и начинаютъ наводить справки — кто? зачѣмъ? откуда? Во всякой мѣстности есть свои разные Васи, Пети, Сережи, Мити и т. п. джентльмены, которые безпрерывно рыскаютъ по дачамъ отъ Коломяги до петергофской дороги и узнаютъ если не васъ, то вашу даму, а иногда и обоихъ вмѣстѣ.

— Это такая-то, живетъ въ Лѣсномъ.

— А онъ NN, онъ еще съ половины мая переѣхалъ въ Старую деревню.

И романъ вашъ, если не угаданъ окончательно, то — и это гораздо хуже — перевранъ страшнымъ образомъ, а вѣсть о вашемъ рандеву дойдетъ скорѣе, нежели вы думали, до тѣхъ ушей, до которыхъ вы никакъ не желали бы, чтобъ оно доходило. И потому въ Строгоновомъ саду надо быть зѣло осторожнымъ. Нечего смотрѣть, что тамъ безчисленное множество влюбленныхъ паръ, и что послѣ дачнаго сезона воз-

никаетъ нѣсколько паръ супружествъ, — самые пламенные влюбленные подмѣтятъ присутствіе посторонняго, а Васи, Пети, Мити и Сережи распишутъ по всѣмъ окрестностямъ такую исторію, что репутація женщины, иногда самая безукоризненная, покрывается самой безотрадной тѣнью, и не въ одномъ семействѣ происходятъ раздоры, которыхъ не могло бы произойти безъ самой невинной прогулки въ Строгоновомъ саду по берегу Черной рѣчки.

Долго я зналъ это урочище только по имени и мимоходомъ, откровенно сказать, даже любовался, смотря на пестрыя толпы дачниковъ, катавшихся на лодкахъ, ловившихъ рыбу и обнаружившихъ мирное, можно сказать, патріархальное настроеніе. Но въ этомъ году пришлось мнѣ провести недѣлю на Черной рѣчкѣ, и я возъимѣлъ объ этой мѣстности совершенно другое понятіе. Обыкновенно, я постоянно живу въ Павловскѣ. Можетъ быть, тутъ играетъ отчасти значительную роль мое поползновеніе къ аристократизму, или такъ мнѣ на роду написано, но съ юныхъ лѣтъ, еще при родителяхъ, я выѣзжалъ въ Павловскъ на лѣто, а потомъ сдѣлавшись самостоятельнымъ мужемъ, ежегодно бралъ дачу гдѣ-нибудь въ Звѣринецкой улицѣ, въ Матросской слободкѣ или даже въ избушкахъ, выходящихъ въ чистое поле. Я не стану пѣть панегириковъ Павловску. Онъ тоже лѣтомъ смахиваетъ на провинцію и хоть разбросанъ на большихъ пространствахъ, что конечно не удобно для узнанія біографій посредствомъ горничныхъ, кухарокъ, кучеровъ и т. п. личностей, однако въ немъ есть центръ или лучше сказать водоворотъ, куда спѣшитъ вечеромъ каждый временный обитатель Павловска. Вѣроятно, вы догадались, что я говорю о вокзалѣ. Какъ только два вечера сряду вы пришли на музыку, то если появитесь на третій, инкогнито ваше не существуетъ, разумѣется, при помощи тѣхъ же Васей, Колей, Митей и Сережей, которые присутствуютъ вездѣ, шныряютъ вездѣ и преданы одному спеціальному занятію — въ городѣ фланировать по Невскому, а на дачахъ рыскать по всѣмъ направленіямъ и узнавать подноготную.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ мнѣ встрѣтилась надобность побывать въ Новой деревнѣ, чтобы вытребовать необходимыя мнѣ книги, которыя около года находились у одного знакомаго и никакъ не могли возвратиться къ своему хозяину. Я разсчитывалъ пробыть нѣсколько часовъ на островахъ, и потому безъ всякаго сакъ-вояжа вступилъ на бортъ одного изъ Сѣверныхъ пароходовъ. Намъ, лѣтнимъ жителямъ Павловска, и прогулка

на рѣчномъ пароходикѣ представляетъ кое-что не весьма обыкновенное, а потому не безъ нѣкотораго волненія помѣстился я возлѣ какого-то необъятной толщины господина, инстинктивно разсчитывая, что въ случаѣ катастрофы этакое тѣло объемистое и жирное не скоро потонетъ, и я уцѣплюсь за него. Катастрофы, однако же, не произошло, но случилась остановка: у самой Черной рѣчки испортилась ли машина, или винтъ зацѣпился обо что-то, не знаю, только шкиперъ предложилъ пассажирамъ дожидаться слѣдующаго парохода или дѣйствовать каждому по индивидуальному усмотрѣнію. Я рѣшился пройти черезъ Строгоновъ садъ, отдохнуть въ его темныхъ аллеяхъ и отправиться пѣшкомъ въ Новую деревню. Не помню уже, какъ я очутился у самой Черной рѣчки, и усѣлся на скамейкѣ, противъ парома, который, то и дѣло, перевозилъ гуляющихъ въ садъ и обратно. Передо мною открылся цѣлый рядъ извѣстнаго калибра дачъ, съ балконами, обтянутыми, какъ слѣдуетъ, форменнымъ тикомъ, съ множествомъ цвѣтовъ; на каждомъ почти изъ балконовъ стояла форменная мѣдная клѣтка съ попугаемъ, безъ котораго не можетъ жить ни одинъ, сколько нибудь уважающій себя господинъ извѣстнаго чина, или обладатель извѣстнаго капитала. Даже скажу лучше — многіе готовы отказать себѣ въ лишнемъ кускѣ, но пріобрѣтаютъ попку, какъ предметъ, внушающій, по ихъ понятіямъ, уваженіе къ человѣку, обладающему попугаемъ. Не успѣлъ я обозрѣть хорошенько дачъ и гуляющей публики, и только что закурилъ сигару, какъ съ парома легко спрыгнули двѣ молоденькія барышни въ круглыхъ соломенныхъ шляпкахъ, въ легкихъ платьицахъ, слегка приподнятыхъ, чтобъ показать, не скажу, хорошенькія ножки, а щегольскія ботинки. Взбѣжавъ на лѣстницу и оправивъ платья, барышни уже собрались пуститься въ аллеи, какъ увидѣвъ меня, остановились. Я тоже вскочилъ со скамейки, и мы дружески начали разговаривать, безъ церемоніи загораживая дорогу прочимъ гуляющимъ. Дѣвицы были дочери одной моей дальней родственницы, съ которой мы игрывали дѣтьми въ Лѣтнемъ саду и въ Павловскѣ, и съ которой я распрощался еще въ маѣ, считая, что она съ семействомъ давно заграницей.

— И такъ, вмѣсто Швейцаріи, Парижа и Неаполя, вы очутились на Черной рѣчкѣ! воскликнулъ я невольно, не входя въ причины, которыя могли быть и не весьма пріятнаго свойства.

Дѣвушки замялись.

— Да, отвѣчала, старшая, какъ видите. Но пойдемте къ маменькѣ, она такъ рада будетъ васъ видѣть.

— Вѣроятно, пьетъ чай на свободѣ?

— Цѣлый день, по обыкновенію.

И дѣвицы, подхвативъ меня подъ руки, по праву какого-то родства, котораго я, впрочемъ, растолковать никогда не былъ въ состояніи, а болѣе, я думаю, по поводу почтенной лысины, украшающей мою голову, повели меня торжественно на паромъ, а оттуда на лѣстницу очень хорошенькой дачи, стоявшей недалеко отъ перевоза. Маменька ихъ, Настасья Михайловна Лудѣева, встрѣтила меня съ распростертыми объятіями и прежде всего предложила отвѣдать новаго Пей-Хо, который былъ открытъ ею случайно, гдѣ-то въ чайномъ магазинѣ на Петербургской сторонѣ. Разумѣется, пошли разспросы. Настасья Михайловна прогнала дочерей въ садъ и чуть не со слезами разсказала мнѣ, что муженекъ ея (она всегда называла такъ своего сожителя) передъ предполагаемымъ отъѣздомъ заграницу проигралъ всѣ деньги въ игорномъ домѣ одного аферіста какому-то шулеру и еще такъ, что долженъ былъ призанять тысячу рублей для расплаты, вслѣдствіе чего поѣздка и не состоялась.

— Гдѣ же Ѳедоръ Мартыновичъ въ настоящее время?

— Въ ссылкѣ, въ глуши, въ Саратовѣ, проговорила, смѣясь, Настасья Михайловна, которая скоро вошла въ свой веселый нормальный характеръ. Пусть копитъ деньги цѣлое лѣто, продолжала она, а мы, какъ видите, переѣхали на дачу.

Въ семействѣ Лудѣевыхъ меня всегда принимали по родственному, и правду сказать, я всегда былъ привязанъ къ Настасьѣ Михайловнѣ еще съ дѣтства и любилъ безцеремонное пребываніе у нихъ въ домѣ. Выѣхать отъ нихъ въ тотъ же день не представлялось уже никакой возможности, а вечеромъ мнѣ было объявлено, чтобы я не думалъ оставлять ихъ раньше недѣли. Комнату мнѣ отвели на балконѣ великолѣпную, съ цвѣтами, съ канарейкой, съ мягкой мебелью, и когда я, проснувшись на другой день, открылъ окна, выходившія въ Строгоновъ садъ и на Черную рѣчку, дѣйствительно, самъ почувствовалъ непреодолимое желеніе погостить у Лудѣевыхъ.

Поили и кормили меня, что называется, до отвалу; въ Строгоновомъ саду встрѣчалось множество хорошенькихъ; гуляній подъ рукой бездна, и я кончилъ тѣмъ, что на другой же день съѣздилъ въ Павловскъ, взялъ необходимыя вещи и по-

селился на берегахъ Черной рѣчки. Два, три вечера въ Строгоновомъ саду посвятили меня во всѣ его тайны, и для меня уже не было незнакомой личности между дачниками, точно также, какъ и я сдѣлался извѣстенъ всѣмъ обитателямъ и обитательницамъ Черной рѣчки, съ тою разницею, что я зналъ только установившіяся и возникавшія интриги, а меня считали женихомъ старшей Лудѣевой, хотя послѣдней не болѣе семнадцати лѣтъ, а мнѣ въ два съ половиною раза больше. Но я долженъ сказать, что въ таинства чернорѣченскихъ нравовъ посвятили меня не Настасья Михайловна и ея молоденькія дочери, но болтливый сынъ ея, одинъ изъ тѣхъ неизбѣжныхъ Васей, Колей, Мишей и Сережей, о которыхъ упомянуто выше, и который самъ назывался Сережей. Этотъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ служилъ или скорѣе состоялъ на службѣ въ какомъ-то департаментѣ, ничего не дѣлалъ кромѣ долговъ и съ утра до вечера пропадалъ по всевозможнымъ загороднымъ гуляньямъ, иногда не появляясь домой сутокъ по двое сряду. Съ моимъ прибытіемъ, однако же, по строгому приказанію матери, онъ не отлучался на долго и сопровождалъ меня и сестеръ, какъ въ прогулкахъ, такъ и въ катаньяхъ на лодкѣ. Дѣвицы Лудѣевы, въ свою очередь, были веселыя болтушки и безъ умолку разсказывали мнѣ не только всѣ исторіи, случавшіяся на Черной рѣчкѣ, а по праву родства и самые скандалы, разумѣется, въ такой формѣ, въ какой слѣдуетъ благовоспитаннымъ дѣвицамъ. Онѣ даже не затруднялись сообщать мнѣ о близкихъ отношеніяхъ между особами противоположныхъ половъ, употребляя для этого слово liaison, хотя, по обычаю, мы разговаривали по-русски.

Не стану вдаваться въ подробности жизни чернорѣченскихъ дачниковъ, рѣзко отличающейся отъ жизни Павловска, но не могу умолчать о томъ обстоятельствѣ, какимъ способомъ собираются тамъ или, по крайней мѣрѣ, собирались необходимыя свѣдѣнія о бытѣ семействъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Обыкновенно, утромъ горничная разсказывала барышнямъ все, что могла захватить въ лавочкѣ, отъ мясника, зеленщика и охтенки, являвшихся къ повару и въ продолженіе завтрака всѣ мы знали уже порядочный запасъ исторій. Потомъ приходили фруктовщики, разнощики, сообщая, въ свою очередь, видѣнное и слышанное, а передъ обѣдомъ заходили какіе нибудь джентльмены съ новостями. Кромѣ того, мы гуляли раза три, четыре въ саду и сами видѣли многое, а больше пользовались отъ знакомыхъ, сообщавшихъ кое-что просто, а кое-

что подъ секретомъ. И я вамъ скажу, какъ необыкновенно скоро входишь въ подобную колею: не прожилъ я и трехъ дней на Черной рѣчкѣ, какъ меня уже начали интересовать разныя исторіи, и такъ вотъ и подмывало подсмотрѣть какую нибудь сцену въ темныхъ аллеяхъ, или подслушать разговоръ двухъ личностей, между которыми подозрѣвались какія нибудь »этакія отношенія«.

Пользуясь близостью Новой деревни, я, наконецъ, рѣшился сходить къ знакомому справиться на счетъ своихъ книгъ и забравшись, въ это, можно сказать, эльдорадо, не преминулъ побывать у Излера, оттуда завернулъ въ Хуторокъ, изъ котораго вышелъ только въ четыре часа утра и посовѣстившись являться въ такое время на дачу къ Лудѣевымъ, рѣшился переночевать у знакомаго. Книги свои получилъ я обратно, и съ этою драгоцѣнною ношею лишь на другой день къ обѣду позвонилъ у подъѣзда Настасьи Михайловны. Послѣдовали выговоры, насмѣшки, намеки на вѣтренность и т. п., разумѣется, дружески и довольно коротко, потому что на всѣхъ лицахъ я прочелъ особенное желаніе сообщить мнѣ какую-то необыкновенную новость. Сережа, такъ тотъ сидѣлъ словно на иголкахъ.

— Вотъ вы ушли, начала старшая барышня, Лиза, а у насъ какъ нарочно, случилось происшествіе.

— Просто за все лѣто небывалое, подхватилъ ея братъ, спеціалистъ по этой части.

— Очень жалѣю, но увѣренъ, что при такихъ милыхъ разсказчицахъ — я при этомъ обратился къ барышнямъ — я ничего не потеряю.

Барышни видимо смѣшались, а меньшая даже покраснѣла.

— Нѣтъ, ужъ лучше позвольте мнѣ разсказать, замѣтилъ Сережа, потому что я хоть и далъ сперва маху, т. е. не выслѣдилъ всего сначала, за то могу смѣло сказать, что поправилъ свою репутацію.

— Послушаемъ, только, позвольте, схожу въ свою комнату, возьму сигару.

— А я тѣмъ временемъ велю заварить чайку, сказала Настасья Михайловна, такъ и слушать будетъ гораздо пріятнѣе.

Черезъ четверть часа мы сидѣли на балконѣ, и Сережа началъ.

»Въ Новой Деревнѣ, живетъ чиновникъ Сухожиловъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати восьми, довольно красивый собою. Онъ до прошлаго года перебивался однимъ жалованьемъ

и постоянно былъ въ долгу, какъ и многіе у насъ чиновники, но ему случилось особенное счастье. Прошлой осенью начальникъ его посватался къ одной богатой купчихѣ и пожелалъ, во что бы то ни стало, выдать замужъ свою экономку. (Сережа мнѣ подмигнулъ, барышни опустили глазки). Съ двумя тысячами приданаго, жениха найти не трудно, даже и чиновника, но экономкѣ хотѣлось мужа молодаго и красиваго. Сама она, какъ говорится, еще ничего, но едва ли ей не перевалило за тридцать. Сюда, туда бросался начальникъ — молодые люди и руками, и ногами. Ему и указали на Сухожилова, что де человѣкъ всегда въ нуждѣ и стѣсненномъ положеніи. Долго будетъ разсказывать, да и подробности не интересны, а въ ноябрѣ прошлаго года Сухожиловъ женился на экономкѣ, которая и получила свое приданое. Бытъ его улучшился, но бѣднякъ не можетъ располагать ни копѣйкой изъ женинныхъ денегъ, а еще она требуетъ у него каждый мѣсяцъ все жалованье сполна. Любви между ними нѣтъ никакой, т. е. со стороны Сухожилова, а дородная супруга, кажется, питаетъ къ нему нѣжныя чувства — по крайней мѣрѣ, преслѣдуетъ его самой невыносимой ревностью. Сухожиловъ, что называется, малый теплый, и выпить не прочь, и поскандальничать готовъ, если пройдется по хересамъ и даже по очищенной, но главное его достоинство — чертовски мастеръ поддѣлываться къ прекрасному полу. Достань только онъ рубль или два на входъ и на какую нибудь закуску на шпицъ-балъ, ужъ онъ сдѣлаетъ свое дѣло. Чортъ его знаетъ, какъ онъ ухитряется, но говорятъ, бывали примѣры, что люди съ туго-набитыми бумажниками получали носъ тамъ, гдѣ Сухожиловъ успѣвалъ, не имѣя даже двугривеннаго на извощика. Это разсказываютъ люди, коротко его знающіе и которыхъ онъ порядочно подкузмливалъ у Ефремова и даже у Марцынкевича. Женитьба не измѣнила его нисколько въ этомъ отношеніи. Не знаю уже, какъ онъ нѣжничаетъ тамъ съ супругой, но вы его вездѣ можете встрѣтить, непремѣнно въ обществѣ шляпки и кринолина, и всегда, злодѣй, ведетъ свою даму съ гордымъ, торжествующимъ видомъ. Онъ показывался иногда и у насъ на Черной рѣчкѣ, но какъ спутницы его принадлежали къ весьма неблестящему сословію, а порой и къ довольно извѣстному классу, то рѣдко кто обращалъ на него вниманіе. Собственно говоря, вниманіемъ-то онъ пользуется у многихъ нашихъ барышень, потому что, надо правду сказать, молодецъ-мужчина; но онъ какъ-то при-

ходилъ не одинъ, а теперь уже, конечно, не появится болѣе, не только въ Строгоновомъ саду, но и въ его окрестностяхъ. Еще при васъ, я замѣтилъ его въ отдѣленіи съ однимъ сѣрымъ бурнусомъ, туда къ пароходной пристани. Сѣрый бурнусъ — одна особа, какъ бы вамъ сказать, особа довольно еще молодая, недурная собой и страшная охотница до танцевъ. Сухожиловъ уже года два обрѣтается съ ней въ знакомствѣ, и они всегда гуляютъ вмѣстѣ, — однимъ словомъ, сѣрый бурнусъ особа, которой — послѣ жены — Сухожиловъ больше всего боится на свѣтѣ, и которая къ его счастію живетъ въ городѣ.

»Вася и Коля мои пріятели, вы ихъ у насъ видѣли, знаютъ, какъ эту его liaison, такъ и многія продѣлки, и давно уже острятъ зубы, напустить на него какой нибудь скандалъ въ отмѣстку за многія неблаговидныя продѣлки съ ними. Я тутъ былъ въ сторонѣ и, признаюсь, не видѣлъ для себя никакой пользы мѣшаться въ такое дѣло. Вотъ третьяго дня Вася и Коля, подмѣтивъ, когда Сухожиловъ провожалъ свой сѣрый бурнусъ къ пароходу, подслушали интимный разговоръ этой пары и узнали, что барыня прощалась на два дня съ своимъ обожателемъ. Сухожиловъ очень нѣжно разставался съ своей дульцинеей, и, по словамъ молодыхъ людей, можно было судить, что онъ, дѣйствительно, чувствовалъ къ ней искреннее влеченіе, не смотря на двухъ-лѣтнее знакомство. Но каково же было ихъ удивленіе, когда пароходъ едва успѣлъ отойти отъ берега и сѣрый бурнусъ махалъ еще платкомъ на палубѣ, а Сухожиловъ юркнулъ уже въ ворота Строгонова сада и шелъ по малопосѣщаемой аллеѣ подъ руку съ хорошенькой дѣвушкой, лѣтъ семнадцати, въ полосатомъ бедуинѣ и въ шляпкѣ клошетъ, украшенной голубыми васильками.

»Какъ нарочно, Вася и Коля оба ухаживали за этой дѣвушкой безъуспѣшно—она живетъ у Чернорѣченскаго моста,— я тоже, признаться, сдѣлалъ ей однажды ручкой,— и она назвала меня болваномъ. Представьте же, въ самомъ дѣлѣ, положеніе молодыхъ людей, которымъ рѣшительно нѣтъ ни какой удачи — по милости кого же? господина чуть не плебейскаго происхожденія и къ тому еще женатаго? Вася и Коля рѣшились отомстить, только по своей неопытности не знали какъ взяться за дѣло. Вотъ тутъ-то проснулась моя энергія, и смѣло могу сказать, что я теперь весь этотъ сезонъ буду героемъ Черной рѣчки. Вася и Коля пошли подслушивать

Сухожилова, особенно Вася, который полѣзъ въ кусты и нагибаясь, и царапая лицо и щеки, держался очень близко отъ дорожки. Имъ удалось узнать, что недоступная красавица назначила Сухожилову свиданіе на другой день, здѣсь, въ Строгоновомъ саду въ девять часовъ вечера, и представьте, болваны увѣдомили меня объ этомъ вчера уже послѣ полудня. Я закипѣлъ, пустилъ въ ходъ всю свою дѣятельность, и къ назначенному времени устроилъ маленькій водевиль, немножко съ драматическимъ окончаніемъ. Вася и Коля были въ полномъ моемъ распоряженіи, и такъ какъ они самыя превосходныя гончія, которымъ не трудно отыскать какіе угодно затерянные слѣды, то я поручилъ каждому изъ нихъ привести въ дѣйствіе то, что считалъ необходимымъ для успѣха въ предпріятіи.

Надобно вамъ сказать, что въ Строгоновомъ саду есть двѣ мѣстности, которыя, повидимому, покровительствуютъ таинственнымъ рандеву, но въ сущности представляютъ нѣчто въ родѣ западни, особенно, если кто задумаетъ выслѣдить свиданіе. Одинъ пріютъ—мысокъ, выходящій на Черную рѣчку, гдѣ очень мало гуляющихъ, другой — небольшая долина съ дорожками, идущими по берегу канала въ глубину сада, возлѣ мостика, извѣстнаго у насъ подъ названіемъ хуторскаго. У насъ маленькій ресторанчикъ на холмѣ получилъ имя Хуторка, задолго еще до названія Виллы-Боргезе (нынѣшняго Passe-temps) этимъ поэтическимъ именемъ. Сухожиловъ назначилъ свиданіе въ этой самой мѣстности, разсчитывая, что здѣсь онъ безопаснѣе всего отъ нескромныхъ взоровъ чернорѣченскаго общества.

Получивъ необходимыя свѣдѣнія, я тотчасъ же командировалъ Васю въ городъ увѣдомить о рандеву сѣрый бурнусъ, а Колю отправилъ въ Новую деревню дать знать объ этомъ госпожѣ Сухожиловой. Пріятелей не снабжалъ я никакими инструкціями, бывъ увѣренъ, что на этомъ поприщѣ каждый изъ нихъ можетъ искусно приложить къ дѣлу свои геніальныя способности. Что касается до изобрѣтенія плана, Вася и Коля еще новички и могутъ напакостить, но выполнить подробности, гдѣ идетъ дѣло о какомъ-нлбудь скандалѣ, распустить слухъ, сочинить сплетни, они неподражаемы. Пріятели дали мнѣ слово не обѣдать до тѣхъ поръ, пока не исполнятъ порученія, а я для поощренія угостилъ ихъ только, и то для бодрости, какимъ то бальзамомъ. У меня созрѣла великолѣпная мысль. Знаете, на мѣстѣ рандеву, подъ очень густыми кустами, стоитъ скамейка, и такъ удачно, что до-

рожки идутъ возлѣ нея, можно сказать, отдѣльныя, на которыхъ рѣдко встрѣчаются гуляющіе, и развѣ уже кому захочется отдохнуть, — только тотъ спѣшитъ подъ густую тѣнь вѣтвей, разросшихся словно нарочно для укрытія отъ любопытныхъ взоровъ. Когда я отправилъ обоихъ пріятелей, одного въ городъ на Знаменскую, а другаго въ Новую деревню, самъ тотчасъ же бросился къ нашимъ короткимъ и некороткимъ знакомымъ съ приглашеніемъ на спектакль, который, по моему мнѣнію, обѣщалъ довольно интереса. Надъ вамъ сказать, что я велѣлъ Васѣ и Колѣ поставить часы свои одинаково, и какъ Васины заложены гдѣ то у кухмистера, то я отдалъ ему свои, а себѣ выпросилъ у мамаши; мнѣ было необходимо, чтобы пріятели выполнили все по программѣ съ математическою точностью. Въ моемъ спектаклѣ минута раньше, минута позже, составляла громадную разницу, такъ что стоило кому нибудь изъ нихъ поспѣшить или опоздать, и весь эффектъ потерянъ безвозвратно. Все удалось, какъ нельзя лучше. Моя публика вся была собрана въ большой аллеѣ, но изъ разныхъ движеній и отчасти разговоровъ я замѣтилъ, что иные знакомые сообщили о сюрпризѣ своимъ знакомымъ, и зрителей собралось гораздо болѣе, нежели я предполагалъ сначала. Согласитесь, что я былъ неспокоенъ: стоило произойти хоть маленькой помѣхѣ, и репутація моя могла пострадать если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на долго.

Около девяти часовъ, черезъ паромъ переправилась красавица въ пестромъ бедуинѣ и въ шляпкѣ съ голубыми цвѣтами, и пошла вдоль по аллеѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ это же время братъ Коли, очень ловкій мальчикъ, прибѣжалъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что Сухожиловъ вступилъ въ Строгоновъ садъ, въ калитку, мимо аптеки. Я по возможности собралъ зрителей, одну часть поручилъ этому же мальчугану вести мимо хуторка, а другую принялъ подъ свое начальство и повелъ извѣстными мнѣ дорожками. Ровно въ девять часовъ и пять минутъ вся публика сошлась у таинственной скамейки, на которой сидѣли Сухожиловъ и его красавица. Публика умѣла вести себя, и даже какъ будто бы не обращала вниманія на уединенную пару, которая, по видимому, смѣшалась отъ подобнаго наплыва гуляющихъ въ такомъ отдаленномъ и мало посѣщаемомъ мѣстѣ. Но бѣдняки не подозрѣли, что бѣдствіе, ихъ ожидавшее, таилось не въ этомъ многолюдствѣ. Мы всѣ нарочно разошлись въ разныя стороны, и на одну минуту оставили влюбленныхъ въ преж-

немъ уединеніи. Это была, однако же — чисто военная хитрость, потому что всѣ зрители, встрѣтивъ съ одной стороны Васю, въ сопровожденіи сѣраго бурнуса, а съ другой Колю съ госпожей Сухожиловой, — всѣ наши зрители, словно по командѣ, сдѣлали на лѣво-кругомъ и тихимъ шагомъ пошли къ мѣсту представленія. Вася одной минутой прежде Коли долженъ былъ явиться со своею спутницей предъ изумленною четою. Быстро подойдя къ скамейкѣ и выпустивъ руку своего кавалера, дама въ сѣромъ бурнусѣ ударила по плечу Сухожилова.

— Можете-ли вы, Ѳедя, т. е. Ѳедоръ Александровичъ, изъяснить мнѣ ваше поведеніе? спросила она громкимъ голосомъ.

Сухожиловъ растерялся.

— Ей Богу, Машенька...

— И вы божитесь...

— Я...

И Сухожиловъ остолбенѣлъ, потому что съ другой стороны подскочила дородная барыня, откинувъ вуаль и засучивъ рукава.

— Которая же изъ двухъ? спросила она у Коли.

Разумѣется, Коля уже скрылся за толпу и фыркалъ отъ смѣха.

— А вамъ что угодно? гордо отозвалась дама въ сѣромъ бурнусѣ.

— Что мнѣ угодно? Угодно взять этого негодяя за руку и даже за ухо и отвести домой, потому что вашъ Ѳедя — законный мнѣ мужъ.

— Браво! Бисъ! раздались голоса въ публикѣ.

Нечего и говорить, какая произошла сцена между мадамъ Сухожиловой и сѣрымъ бурнусомъ. Кончилось тѣмъ, что Сухожилова, схвативъ мужа едва не въ охапку, повлекла его растеряннаго, смирившагося и, по всему видно, готоваго просить прощенія; братъ Коли сопровождалъ супруговъ до хуторка и подглядѣлъ, что Сухожиловъ цѣловалъ руки у дражайшей половины, убѣждая ее, что это »ничего, что это такъ.« Дальнѣйшія похожденія супруговъ неизвѣстны, но сцена, я вамъ скажу, была великолѣпная и, конечно, изъ тѣхъ сценъ, на которыхъ надо присутствовать самому, ибо словами ихъ передать невозможно.«

Послѣ этого я прожилъ еще нѣсколько дней на Черной рѣчкѣ, и въ Строгановомъ саду только и было разсказовъ,

что о недавнемъ скандалѣ, и многіе, говорятъ, начали отправляться гулять въ Новую деревню мимо Сухожиловыхъ.

Когда я воротился въ Павловскъ и разсказалъ кое кому описанное происшествіе, одинъ пріятель воскликнулъ.

— Помилуй, гораздо лучше была у насъ въ Павловскѣ исторія въ твое отсутствіе.

— Скандалъ?

— Такой скандалъ, передъ которымъ поблѣднѣютъ весьма многіе скандалы.

И пріятель передалъ мнѣ одно событіе, которымъ, можетъ быть, я подѣлюсь когда нибудь съ читателями.

ЗАБЫТАЯ ИСТОРІЯ

ЗАБЫТАЯ ИСТОРІЯ.

РАЗСКАЗЪ.

Во всѣхъ слояхъ общества, находящагося даже на самой низкой ступени цивилизаціи, съ незапамятныхъ временъ существовали разнаго рода игры, имѣющія цѣлью — матеріальное пріобрѣтеніе, — игры, въ которыхъ съ помощью простой или сложной комбинаціи костей, картъ, шаровъ, шашекъ и съ помощью искусства управлять поименованными предметами, — человѣкъ выигрываетъ деньги, всегда служившія источникомъ желанія.

Чѣмъ образованнѣе общество, тѣмъ игры утонченнѣе, разнообразнѣе и опредѣленіе ихъ, хотя бы только у насъ въ Россіи, отъ простой орлянки до утонченнаго бостона, потребовало бы не мало труда, спеціальныхъ познаній и, разумѣется, времени. Однѣ картежныя игры представляютъ самый разнообразный выборъ, и мы, не вдаваясь въ подробную ихъ оцѣнку, приведемъ только одинъ перечень, который покажетъ, что передъ нами, цѣлая, такъ сказать, наука, имѣющая свою исторію, даже литературу, и требующая какъ спеціальнаго знакомства, такъ и долговременнаго изученія. Нѣтъ той игры, въ которую нельзя было бы играть на деньги, слѣдовательно, не должно пропускать ни одной изъ нихъ, и если есть игры, вышедшія изъ употребленія, то изъ этого еще нельзя заключать, чтобы онѣ канули въ вѣчность и снова не возродились въ обществѣ, чему и бывали примѣры. Смѣло можно быть увѣреннымъ, что пока существуютъ карты, то каждая изъ игръ, прежде изобрѣтенныхъ, хотя бы она находилась въ забвеніи сотни лѣтъ, непремѣнно возникнетъ съ какимъ нибудь усовершенствовані-

емъ, а иногда и въ первобытномъ видѣ. Кто слѣдилъ за этимъ дѣломъ въ послѣднее время, у того на глазахъ совершались различныя метаморфозы съ самыми старинными играми, которыя, возрождаясь и совершенствуясь, мало отходили отъ первоначальнаго типа.

Вотъ вамъ названія игръ — бывшихъ и находящихся у насъ въ употребленіи съ начала столѣтія: трилистикъ, (иначе — подкаретная), дурачки, свои козыри-мельникъ, короли, фофанъ, юрдонъ, марьяжъ, пикетъ, экарте, тентере, каламбріестъ, дружбартъ, вистъ, бостонъ, гальбикъ (гальбцвельфъ), ландскнехтъ (дябелэкъ), банкъ (фараонъ), стосъ, квинтичь, мушка, кончинка, цхра, безикъ, ломберъ, палки, преферансъ, ералашъ, рамсъ, стуколка, макао. Нѣкоторыя только видоизмѣненія прежнихъ, какъ напримѣръ—палки происходятъ изъ тентере, ералашъ изъ виста, стуколка заимствована изъ подкаретной. Иначе и быть не можетъ, ибо ничто не подвержено застою, а тѣмъ болѣе, картежныя игры, которыя давно уже утратили характеръ препровожденія времени, и служатъ легкимъ способомъ пріобрѣтенія денегъ, а для нѣкоторыхъ даже средствомъ не только существованія, но и обогащенія. Большинству, вѣроятно, извѣстно, что игры раздѣляются на азартныя и коммерческія т. е. однѣ изъ нихъ предоставляютъ выигрышъ чисто случаю и счастью,—другія же, требуя искуснаго пониманія и соображенія—благопріятствуютъ только игроку, обладающему этими качествами. Безспорно, что и въ коммерческихъ играхъ необходимо счастье, но здѣсь умѣнье, можно сказать, почти равняется фортунѣ. Въ азартныхъ играхъ все искусство состоитъ въ способности—выдержать себя и не поддаваться увлеченію, потому что выигрышъ или проигрышъ заключаются не въ соображеніи, не въ томъ или въ другомъ ходѣ игрока, рѣшающемъ побѣду или пораженіе, а просто въ укладкѣ картъ, которыя слагаются случайно при тасовкѣ и которыя имѣютъ свое опредѣленное значеніе. Азартными играми считаются всѣ неимѣющія козырей, какъ: банкъ, стосъ, ландскнехтъ, палки и другія; но опредѣленіе это болѣе общее, ибо и каждую козырную игру можно обратить въ высшей степени азартную, введя въ нее пари, или обусловивъ ее ремизами, какъ, напримѣръ, стуколка, въ которой невозможно даже приблизительно опредѣлить степень проигрыша. Во всякомъ случаѣ, дѣленіе игръ на азартныя и неазартныя существуетъ, хотя палки, неимѣющія козырей, игра могущая повести къ громадному проигрышу, допускается во всѣхъ публич-

ныхъ собраніяхъ. Законодательство преслѣдуетъ только игры, стяжавшія себѣ уже давнишнюю извѣстность разорительнымъ характеромъ и запрещаетъ преимущественно: банкъ, стосъ, ландскнехтъ и въ послѣднее время стуколку, предѣлъ которой положенъ на дняхъ по распоряженію высшей администраціи. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти распоряженія относятся къ публичнымъ собраніямъ, собственно къ клубамъ, а въ частныхъ домахъ существовали и существуютъ всѣ, вообще, игры, и есть дома, въ которыхъ собираются преимущественно для игръ азартныхъ, какъ ведущихъ ближе къ цѣли.

До сихъ поръ мы говорили о картежной игрѣ, представляющей возможность легкимъ способомъ пріобрѣтать деньги, какъ объ игрѣ, въ которой считали два условія: счастье и умѣнье. Но это лишь одна теорія, потому что, съ незапамятныхъ тоже временъ, во всѣ картежныя игры, какъ азартныя, такъ и коммерческія, вошелъ элементъ особаго искусства, основаннаго на плутовствѣ, именуемомъ, вообще, шуллерствомъ, которое дѣлаетъ всякую игру опасною для человѣка играющаго честно и разсчитывающаго только на счастье и на умѣнье. Шуллерство занимаетъ весьма важное мѣсто въ области картежныхъ игръ, чтобы не обрисовать его хоть въ довольно краткомъ видѣ, и, если, положимъ, мы своимъ разсказомъ не въ состояніи не только уничтожить этого постыднаго ремесла, но даже уменьшить вредное его вліяніе, вообще, то, кто знаетъ, не подѣйствуетъ ли хоть на отдѣльныя личности, которыя увидятъ въ настоящемъ свѣтѣ ту блестящую и обманчивую иногда обстановку, какая заставляетъ ихъ смотрѣть на вещи съ крайне оптимистической точки зрѣнія.

Въ обществахъ существуетъ два рода игроковъ, въ которыхъ надо строго различать, именно игроки, преданные картамъ всею душою, до мозга костей, страстные, невидящіе въ мірѣ ничего выше картъ, готовые проиграться до нитки, но играющіе честно, разсчитывающіе на счастье и искусство. Сюда же принадлежатъ и люди, которые, по своему образованію и развитію, презираютъ въ душѣ игру, считаютъ ее печальнымъ, отупляющимъ средствомъ убивать разумную жизнь, но, бывъ лишены матеріальныхъ способовъ къ существованію и вмѣстѣ обладая замѣчательными познаніями и опытностью въ играхъ всякаго рода, проводятъ цѣлые дни за картами и извлекаютъ себѣ порядочную выгоду, но тоже слѣдуя принципу безукоризненной честности. Мы, вообще, не защитники

картежныхъ игръ и желали бы видѣть когда нибудь изгнаннымъ изъ общества это препровожденіе времени, чего, однако-же, никогда не можетъ случиться, но должны сказать, что несправедливы тѣ крайніе ригористы, которые въ каждомъ безъ исключенья игрокѣ предполагаютъ хоть нѣкоторую долю недобросовѣстности. Вспомнимъ, что и Пушкинъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ: »не вѣрю чести игрока!« но онъ ошибался, если только подъ словомъ игрокъ не разумѣлъ шуллера, что, конечно, придаетъ совершенно другой оборотъ дѣлу. И такъ, было бы несправедливо, каждаго страстнаго или постоянно-усидчиваго игрока подозрѣвать въ нечистыхъ побужденіяхъ. Напротивъ, изъ нихъ есть люди достойные во всѣхъ отношеніяхъ, которые ведутъ игру, выигрываютъ и проигрываютъ, но никогда не позволяютъ себѣ никакихъ низкихъ продѣлокъ, составляющихъ принадлежность шуллеровъ, этого грязнаго и гнуснаго отребья рода человѣческаго.

Шуллера есть вездѣ, даже въ глухихъ деревенькахъ, гдѣ картежная игра не пошла далѣе дурачковъ и трилистика, но, разумѣется, главнѣйшіе ихъ притоны въ столицахъ, на ярмаркахъ, на минеральныхъ водахъ, и, вообще, гдѣ только собирается большое количество народа. Конечно, они тяготѣютъ преимущественно къ столицамъ, гдѣ среди болѣе свободнаго образа жизни, въ огромномъ многолюдствѣ, имъ представляется какъ возможность находить ежедневно жертвы для своей эксплуатаціи, такъ и средства избѣгать наблюденій за ихъ мошенническими продѣлками. Въ городахъ провинціальныхъ шуллерамъ нѣтъ столько выгодъ, потому что вскорѣ они дѣлаются извѣстными, и хотя безспорно, странный фактъ, что общество, зная ихъ за шуллеровъ, принимаетъ въ своей средѣ, но фактъ этотъ не принадлежитъ къ области фантазіи. Бываетъ также, что человѣкъ, пользующійся незавидною репутаціею шуллера, принимается въ игру съ тѣмъ, чтобъ онъ далъ слово играть честно, но если какой нибудь Кречинскій даетъ подобное слово, то безъ сомнѣнья оно не весьма гарантируетъ недальновидныхъ партнеровъ. И вотъ гдѣ чрезвычайно у мѣста вышеприведенный стихъ Пушкина.

Въ столицахъ дѣло другое. Здѣсь шуллера, положимъ, есть весьма извѣстные, такъ сказать, патентованные, но тутъ же вдесятеро больше тонкихъ плутовъ, занимающихся своимъ ремесломъ безнаказанно; да и самые патентованные имѣютъ столько средства обдѣлывать дѣлишки, что не весьма-то боятся они общественнаго мнѣнья. Въ какомъ угодно публичномъ со-

браніи вы встрѣтите нѣсколько личностей, которыхъ вамъ безъ церемоніи назовутъ шуллерами, съ которыми весьма многіе не садятся по этому играть ни во что, однако-же эти господа не остаются безъ дѣла, а, напротивъ, играютъ постоянно, потому что для этой лишь цѣли и являются во всѣ собранія. Но въ публичныхъ мѣстахъ, отъявленный шуллеръ не столько опасенъ, какъ на игорныхъ частныхъ вечерахъ, гдѣ онъ спеціально занимается своею профессіею, съ согласія ли хозяина, съ которымъ, конечно, дѣлится барышемъ, или дѣйствуя самостоятельно, если онъ тонкій мошенникъ, а хозяинъ не болѣе какъ игрокъ, не знающій различнаго рода плутней. Вѣдь есть дома, куда собираются играть и цѣлыя ночи играютъ въ азартныя игры, но хозяива которыхъ въ душѣ игроки, или игроки съ разсчетомъ не допускаютъ никакаго рода мошенничества, если оно только не замаскировано до такой степени искусно, что шуллеръ во мнѣніи партнеровъ остается только игрокомъ счастливымъ, но добросовѣстнымъ. Впрочемъ, шуллера рѣдко и даже весьма рѣдко ведутъ дѣло въ одиночку, по большей части, они дѣйствуютъ, если не цѣлою бандою, то въ компаніи, состоящей изъ двухъ или трехъ спеціалистовъ; иначе успѣхъ будетъ подлежать сомнѣнію. Союзъ этотъ необходимъ какъ въ играхъ азартныхъ,такъ и коммерческихъ, ибо она непремѣнно обусловливаетъ благопріятный исходъ этого родъ мошенничества. Является, напримѣръ, богатый человѣкъ, любитель, положимъ, преферанса: шуллера охотно составятъ ему партію, и, конечно, вдвоемъ могутъ обработать его такъ, что обыгранный имѣетъ полное право сказать, что никогда не встрѣчалъ подобнаго рода несчастья. Мало того, что бѣдняку не идетъ карта, что партнеры его поочередно вздаютъ каждый себѣ или другъ другу огромныя игры, но въ довершеніе горя, вздаютъ и ему при случаѣ такія предательскія игры, которыя, при всей очевидности успѣха, подстрекаютъ игрока идти выше и выше, но въ сущности, такъ комбинированы, что жертва ставитъ чудовищный ремизъ, доводящій ее до отчаянія. Предательскія эти игры, на языкѣ шуллеровъ, называются влѣпками и подготовлены заранѣе, что, разумѣется, и можно только сдѣлать, если два или даже если три партнера согласились обыграть чертвертаго. Влѣпка подстасовывается дома и кладется въ карманъ, а потомъ, при удобномъ случаѣ, съ подмѣною колоды подходящаго крапа, пускается въ ходъ, и неосторожный партнеръ играетъ, напримѣръ, девять безъ пяти — ремизъ гибельный, какъ извѣстно каждому, понимающему про-

цессъ преферанса. Спеціалисты приготовляютъ нѣсколько подобныхъ влѣпокъ, и въ глубинѣ широкихъ кармановъ пальто у инаго шуллера можно найти постоянно различныя необходимыя принадлежности, изобрѣтенныя для привлеченія слѣпой фортуны. Въ каждой коммерческой игрѣ искусный шуллеръ, умѣющій плутовать при вдачѣ и тасовкѣ, и притомъ отлично понимающій процессъ самой игры (шуллера, по большей части, превосходные игроки) имѣетъ на своей сторонѣ всѣ шансы противъ партнера, ввѣряющагося только счастью и честному искусству. Объ азартныхъ играхъ и говорить нечего: здѣсь настоящее поле для шуллеровъ, которые, вступивъ въ соглашеніе, могутъ до такой степени замаскировать мошенничество и обставить его такимъ образомъ, что большинство, очертя голову, само лѣзетъ въ петлю и проигрывая деньги, вполнѣ убѣждено собственно только въ несчастьи. Шуллера, вполнѣ постигающіе тактику и стратегію зеленаго поля, а нѣкоторые изъ нихъ, индивидуумы высшаго полета, мгновенно обнимающіе нравственную сторону игроковъ и, слѣдовательно, знающіе, какъ и чѣмъ на кого дѣйствовать, располагаютъ боемъ по своему усмотрѣнію. Случается, что геніальные вожди шуллеровъ, искусными маневрами нарочно оттягиваютъ моментъ побѣды, даютъ переходить счастью и на противную сторону. и уже какимъ нибудь, ловко разсчитаннымъ, ударомъ, совершенно похожимъ на случайность, разбиваютъ непріятеля.

Мы вполнѣ убѣждены, что людямъ опытнымъ все это болѣе или менѣе извѣстно, потому что кто же на вѣку не встрѣчался съ этими, иногда, впрочемъ, блестящими по наружности подонками человѣчества; но мы и не пишемъ для людей опытныхъ, видавшихъ, какъ говорится, виды, а хотимъ познакомить пылкую, увлекающуюся молодежь съ тѣми пучинами, какія представляетъ ей современное общество.

Шуллера раздѣляются на двѣ категоріи (мы не говоримъ о степени совершенства плутней въ картахъ): на техниковъ, дѣйствующихъ руками, глазами, телеграфными знаками, однимъ словомъ, на людей, обманывающихъ жертву всѣми способами за зеленымъ столомъ, и на теоретиковъ, т. е. индивидуумовъ, которые хотя и знаютъ каждую почти, мошенническую, штуку, но не могутъ сами ни подтасовать, ни передернуть и даже плохо играютъ въ коммерческія игры. Но эти теоретики гораздо опаснѣе.

Они-то служатъ прибѣжищемъ для шуллеровъ-техниковъ, пріискиваютъ для послѣднихъ работу, нерѣдко пользуясь из-

вѣстнымъ вѣсомъ въ обществѣ, собираютъ у себя большой кругъ посѣтителей и, участвуя въ долѣ каждымъ шуллеромъ, занятымъ какою бы то ни было игрою, очищаютъ карманы и у друзей, и у недруговъ. Такіе теоретики (мы все-таки просимъ читателя придавать этому слову смыслъ, нами ограниченный) существуютъ во всѣхъ слояхъ общества, и чѣмъ подобный господинъ стоитъ выше, чѣмъ онъ образованнѣе, вкрадчивѣе, мягче, обязательнѣе, тѣмъ онъ опаснѣе, потому что, завлекая жертву, и окружая ее не только возможнымъ комфортомъ, но даже роскошью, тѣмъ вѣрнѣе ведетъ ее къ гибели, т. е. къ раззоренію. Молодые, богатые люди, какъ нарочно, поддаются всего охотнѣе обаянію описываемыхъ личностей, и, конечно, большинство первыхъ горькимъ опытомъ доходитъ до убѣжденія, что ихъ нагло обманули, однако, убѣжденіе горькаго опыта является иногда довольно поздно, а иной разъ и очень поздно, когда уже проиграна значительная часть стоянія. Частныхъ игорныхъ домовъ существуетъ много, и если исключить изъ нихъ такіе, гдѣ ведется игра безъ обмана, то остальные положительно служатъ шуллерамъ легкимъ средствомъ обогащать себя и своихъ патроновъ на счетъ довѣрчивыхъ и увлекающихся посѣтителей. Нерѣдко вамъ случалось видѣть на Невскомъ великолѣпный экипажъ, запряженный чудными рысаками и въ этомъ экипажѣ богато одѣтаго господина съ брилліантовыми булавками и запонками. Кто нибудь, положимъ, изъ вашихъ знакомыхъ раскланивается съ личностью, возсѣдающею въ щегольскомъ экипажѣ, и на вопросъ вашъ: »кто этотъ господинъ?« отвѣтитъ: «извѣстный шуллеръ«. Кто онъ? откуда? часто покрыто мракомъ неизвѣстности—преимущественно, это помѣщики разныхъ губерній, какъ они себя называютъ; откуда у него являются громадныя средства къ жизни — тоже остается тайною. Но тѣмъ не менѣе подобный джентльменъ задаетъ роскошнѣйшій обѣдъ на пятьдесятъ человѣкъ, даритъ камеліи браслетъ въ двѣсти, триста рублей, не поморщившись, и въ случаѣ надобности найдетъ десятокъ, другой тысячъ наличными деньгами. Нѣкоторые, болѣе ловкіе, придумываютъ для себя какое нибудь соціальное положеніе и обставляются такимъ образомъ, что доходы ихъ вытекаютъ будто бы изъ извѣстнаго занятія; но это чистѣйшій пуфъ, потому что надобно слишкомъ огромную торговлю, которая позволяла бы имѣть квартиру въ нѣсколько тысячъ, экипажъ, многочисленную прислугу и постоянно разливное море. Вѣдь на игорныхъ вечерахъ — тотъ же клубъ

и, пожалуй, еще съ большимъ комфортомъ, съ тою только разницею, что вамъ подадутъ все требуемое даромъ и съ особенною любезностью. Вы, напримѣръ, выгодный субъектъ, т. е. у васъ въ карманѣ наличными тысячи двѣ, три, да вамъ можно дать столько же на слово, въ случаѣ проигрыша, и вы на иномъ игорномъ вечерѣ можете заявлять самыя чудовищныя, даже безобразныя требованія, и они будутъ удовлетворены самымъ внимательнымъ образомъ. Былъ, напримѣръ, одинъ игрокъ, которому бросить тысячу, другую рублей не составляло разсчета, и надо было видѣть, какъ за нимъ ухаживали шуллера-техники, а въ особенности теоретики. Не говоримъ уже, что этотъ господинъ имѣлъ привычку находить у себя постоянно подъ рукою стаканъ шампанскаго съ сельтерской водой — эта вещь не составляетъ еще большой важности; но у него была любимая собака, которая всегда лежала у его ногъ во время игры. Монриво — такъ назывался пудель — пользовался у шуллеровъ подобострастіемъ не меньше того, какое расточалось его господину; многіе изъ нихъ не только ласкали его, но и цѣловали ему морду, а въ одномъ игорномъ домѣ ему подстилали богато вышитую подушку и приносили самые лучшіе куски изысканной дичи. Относительно прислуги въ игорныхъ домахъ можно сказать, что съ нею не могутъ сравниться лакеи лучшихъ клубовъ: для этой цѣли выбирается народъ крайне вѣжливый и тонкій, потому что иные изъ лакеевъ посвящены въ кое какія тайны и служатъ незамѣтными орудіями ловкаго мошенничества своихъ господъ; кромѣ того нѣкоторые играютъ роль шпіоновъ и развѣдываютъ домашнюю жизнь того или другаго субъекта, разумѣется, если это можно сдѣлать только путемъ передней и кухни. Для послѣдней надобности, впрочемъ, существуютъ цѣлые полки низшаго разряда шуллеровъ и личностей, олицетворенныхъ въ фигурѣ Расплюева, которые подготовляютъ почву для шуллеровъ высшаго разряда и пользуются частицами дохода, смотря по своей ловкости и способностямъ. Наконецъ, есть еще одно подраздѣленіе, безъ котораго шуллерамъ было бы не весьма удобно, и которое всецѣло примыкаетъ къ шуллерамъ-теоретикамъ, это сводчики, ищейки и разные другіе персонажи обоихъ половъ и возрастовъ, разсыпанные во всѣхъ слояхъ общества для открытія золотоносныхъ жилъ и для наведенія настоящихъ мастеровъ на путь къ этимъ жиламъ. Вы ихъ можете видѣть и въ клубахъ. Они или вовсе не играютъ, или играютъ неохотно, но не

отходятъ отъ карточныхъ столовъ, проницательнымъ взоромъ слѣдя за игрою и высматривая, у кого сколько денегъ, кто, наконецъ, какъ играетъ. Знакомство завязывается легко; мало по малу, ищейка вступаетъ въ разговоры, и между прочимъ, начинаетъ высказывать мысль, что въ частныхъ домахъ играть гораздо пріятнѣе, что тамъ больше все знакомые, не платится никакого штрафу, хоть сиди до разсвѣта, можно перекинуться направо и налѣво, и замѣтитъ, что у него есть два, три знакомыхъ дома, гдѣ онъ бываетъ каждую недѣлю. Любителю направо и налѣво, конечно, хотѣлось бы поиграть, и вотъ знакомство съ игорнымъ домомъ устраивается, и жертва отнесетъ въ нѣсколько разъ туда всѣ свои наличныя деньги, а иногда и заложитъ у ростовщика вещи, въ надеждѣ отыграться, но которой никогда не суждено осуществиться, потому что бѣдняка обыгрываютъ навѣрную. Искусныя ищейки посылаются въ лучшія гостиницы, куда приливаютъ массы пріѣзжихъ, и на ихъ обязанности лежитъ пронюхивать, не пріѣхалъ ли богатый человѣкъ, чтобы на первыхъ же порахъ завлечь его къ своему патрону и не допустить другимъ ищейкамъ направить добычу къ шуллерамъ иной ассоціаціи.

Ловко обставленные и ежедневно упражняющіеся въ своемъ плутовствѣ шуллера до тѣхъ поръ благоденствуютъ, пока не произойдетъ какой нибудь катастрофы, вслѣдствіе того, что который нибудь изъ нихъ поймается, по случаю распри, возникшей въ средѣ ихъ. Тогда иные теряютъ все, изгоняются товарищами и бѣдствуютъ, пока случай не столкнетъ ихъ съ другою шайкою, которая не откажетъ дать кусокъ хлѣба собрату, или уѣзжаютъ въ провинцію сколачивать самостоятельный капиталецъ для поправленія обстоятельствъ. Кончаютъ же всѣ, по больше части, скверно, и рѣдко, очень рѣдко, чтобы шуллеръ, составивъ мошенничествомъ состояніе, удержался въ границахъ и дожилъ вѣкъ въ достаткѣ, собранномъ безсчестными средствами. Нельзя говорить утвердительно обо всѣхъ, но большая часть настоящихъ, клейменныхъ шуллеровъ, если не готовы непосредственно на уголовныя преступленія, то не откажутся участвовать въ разныхъ дѣлахъ, послѣдствіями которыхъ бываютъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а порою и прогулка по Владиміркѣ. Но повторяемъ, въ обществѣ это самые любезные люди, а у себя дома обязательные и радушные хозяева.

Мы присѣли съ цѣлью написать разсказъ, или, вѣрнѣе, истинное происшествіе изъ шуллерскаго быта, но прежде счи-

тали необходимымъ бросить взглядъ, вообще, на игру, сдѣлавшуюся неотъемлемою принадлежностью каждаго собранія, и въ частности на тѣхъ спеціалистовъ, которые изъ этой слабости человѣчества сдѣлали вѣрный источникъ дохода.

Лѣтъ десять тому назадъ, къ одной изъ лучшихъ гостинницъ Петербурга подъѣхала извощичья карета, привезшая съ московской желѣзной дороги двухъ пассажировъ. Оба были молоды, но въ ихъ костюмахъ замѣчалось значительная разница. Одинъ былъ одѣтъ въ богатую медвѣжью шубу и бобровую шапку, а другой жался въ потертомъ ваточномъ пальто и какой-то неуклюжей теплой фуражкѣ, очевидно фабрикованной гдѣ нибудь въ Рязани или въ Воронежѣ. Первый бодро пошелъ по роскошной лѣстницѣ, какъ бы ожидая на каждомъ шагу поклоновъ прислуги, и громко требовалъ лучшаго нумера; а второй робко слѣдовалъ за своимъ спутникомъ, потупивъ глаза, но стараясь не отставать, очевидно съ боязнью, чтобы офиціанты не приняли его за какого нибудь попрошайку и не наговорили непріятностей. Скоро былъ отворенъ великолѣпный нумеръ въ нѣсколько комнатъ, и путешественники, очутясь въ теплой залѣ, первымъ дѣломъ принялись освобождать себя отъ дорожной одежды. Тотъ изъ нихъ, который былъ въ медвѣжьей шубѣ и котораго мы назовемъ Хильковымъ, снявъ зимній уборъ, остался въ щегольскомъ пиджакѣ и, вообще, въ безукоризненномъ костюмѣ, а спутникъ его, Калубинъ, очутился въ неуклюжемъ сюртучишкѣ, поношенныхъ понталонахъ и какомъ-то малиновомъ полиняломъ жилетѣ. Прошло нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ Хильковъ не разъ выражалъ неудовольствіе на своего камердинера, замедлившаго съ вещами; но когда служитель внесъ чайный приборъ, поставилъ его передъ путешественниками и вышелъ изъ нумера, Хильковъ пригласилъ товарища заняться пока чаепитіемъ.

— Садитесь, Калубинъ, сказалъ онъ, и, Бога ради, оставьте эти нелѣпыя церемоніи. Неужели за два дня вы еще меня не узнали и, противъ моей воли, хотите видѣть какое то различіе между нами?

Калубинъ повеселѣлъ и началъ разливать чай.

— Я совершенно не церемонюсь, но согласитесь, что такой странный случай...

— Э, полноте! Я очень радъ, что могу услужить и даже больше нежели радъ, ибо чувствую къ вамъ истинное расположеніе.

Калубинъ не отвѣчалъ, при томъ же вскорѣ явился камердинеръ Хилькова, и въ квартирѣ поднялась возня, необходимая при устройствѣ хоть и временнаго жилища. Мы воспользуемся этимъ, чтобы хоть вкратцѣ очертить какъ личности обоихъ спутниковъ, такъ и обстоятельства, подготовившія эту встрѣчу, которая впослѣдствіи имѣла для обоихъ чрезвычайно важное значеніе.

Алексѣй Ивановичъ Хильковъ, сынъ очень богатаго купца, съ дѣтства готовился къ служебной карьерѣ и потому не только не былъ посвященъ въ тайны торговли, а, напротивъ, ее выставляли передъ нимъ какъ нѣчто несовмѣстимое съ достоинствомъ образованнаго человѣка. Таково было убѣжденіе отца его, который ничего не зналъ дальше русской грамоты, но уважалъ науку собственно потому, что она давала средства пріобрѣтать чины, ордена и дворянское достоинство. Онъ только и бредилъ, чтобы его Лёша получилъ дипломъ и опредѣлился въ гвардію или, пожалуй, хоть чиновникомъ особыхъ порученій къ своему же губернатору, и твердо былъ убѣжденъ, что служебная карьера его сына будетъ упрочена съ помощью тѣхъ сотень тысячъ, которыя удалось ему собрать въ теченіе долгой и трудовой жизни. Мать Лёши, простая безотвѣтная женщина, смотрѣла на все глазами мужа и потому не обнаруживала никакой оппозиціи. Нѣкоторые родственники пытались, было, урезонивать старика Хилькова и доказывать общими мѣстами и извѣстными пословицами, что сыну его лучше оставаться въ дѣдовской профессіи; но человѣкъ его закала, забравшій что нибудь въ голову, отрѣшается отъ своихъ убѣжденій, развѣ въ силу какихъ нибудь крайне исключительныхъ обстоятельствъ. Кто знаетъ, можетъ быть, эти самые совѣты еще болѣе укрѣпили въ немъ мысль сдѣлать изъ Лёши дворянина, и онъ началъ ревностно преслѣдовать свое желаніе. Вслѣдствіе этого Лёшу отдали въ лучшій губернскій пансіонъ, въ которомъ, разумѣется, очень плохо учили всему, кромѣ французскаго языка, но достаточно для того, чтобы мальчикъ поступилъ въ гимназію, что впрочемъ, не представляло большаго затрудненія, ибо въ пансіонѣ преподавали учителя той же гимназіи, и при томъ старикъ Хильковъ умѣлъ дѣйствовать извѣстными вспомогательными средствами. Лёша вышелъ, однако же, порядочный мальчикъ; онъ если и не чувствовалъ особеннаго призванія къ наукѣ, то на столько имѣлъ самолюбія, чтобъ не отстать отъ товарищей, и сдалъ экзаменъ въ университетъ весьма удовлетворительно, приведя въ неописан-

ный восторгъ отца, который говорилъ въ близкомъ кругу, что имъ ассигновано было на эту статью три тысячи. Лёшу отправили въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ, потому что въ томъ городѣ жилъ его дальній родственникъ, въ домѣ котораго предложена была квартира молодому студенту. Проходя юридическій факультетъ, молодой человѣкъ занимался безъ особаго рвенія, но и не пренебрегая наукою, какъ дѣлали иные изъ его богатыхъ товарищей, а время свое внѣ ауторій проводилъ весело въ салонахъ чопорной губернской аристократіи. Особенныхъ кутежей Лёша не любилъ, и хоть получалъ отъ отца роскошное содержаніе, однако не моталъ денегъ и велъ себя довольно скромно. Бывали конечно, грѣшки — такъ одинъ разъ его поддѣли тысячи на три въ карты, но молодой Хильковъ сдѣлался осторожнѣе и окончилъ курсъ съ репутаціею добропорядочнаго юноши.

Когда Лёша возвратился домой съ дипломомъ дѣйствительнаго студента, отецъ его чуть не помѣшался отъ радости и задалъ пиръ на весь городъ въ честь его благородія, которому въ тотъ же день по разъѣздѣ гостей вручилъ торжественно пять тысячъ — »кути, молъ, въ свою голову и хоть выбрось ихъ за окошко, — а мало, — еще прибавлю«. Но Лёша не привыкъ швырять денегъ, а недѣли черезъ двѣ началъ поговаривать, что ему надо бы съѣздить въ Москву и Питеръ, да не мѣшаетъ побывать и за границей. Старикъ соглашался на все, но прежде хотѣлъ видѣть сына въ мундирѣ. Нѣсколько времени длились переговоры. Лёша и самъ располагалъ поступить на службу въ Петербургѣ, однако прежде желалъ бы провести хоть годъ въ чужихъ краяхъ, и ему удалось уговорить старика на томъ основаніи, что молодымъ людямъ, путешествовавшимъ за границей, больше шансовъ сразу получить выгодное мѣсто. На томъ и покончили. У старика было только двое дѣтей — сынъ Лёша и дочь Соня, оканчивавшая курсъ въ Одесскомъ институтѣ. Предположено было молодому человѣку ѣхать въ Одессу. Но тутъ случилось весьма важное обстоятельство. Отецъ его, послѣ недавней болѣзни, покушалъ неумѣрено на имянинахъ у городскаго головы свѣжей осетринки и, не обративъ сперва вниманія на серьезныя послѣдствія этой неумѣренности, прибѣгнулъ къ медицинской помощи уже въ то время, когда познанія всѣхъ губернскихъ врачей пособить были не въ состояніи. Черезъ нѣсколько дней старика Хилькова не стало, и Лёша очутился наслѣдникомъ состоянія тысячъ въ триста слишкомъ, безъ долговъ, въ безъукоризненныхъ биле-

тахъ и въ разныхъ заведеніяхъ, которыхъ можно было капитализировать, кромѣ дома, наполненнаго въ избыткѣ всѣми необходимыми принадлежностями. Независимо отъ этого, покойникъ вручилъ женѣ сумму во сто тысячъ, назначенныхъ для дочери, съ условіемъ, чтобы старуха жила съ тѣмъ изъ дѣтей, съ кѣмъ будетъ ей угодно: т. е. оставалась бы у сына или переѣзжала къ дочери, если послѣдняя выйдетъ замужъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этой катастрофы, Лёша уѣхалъ прямо заграницу. Мы не станемъ описывать ни впечатлѣній, какія произвели на молодаго человѣка чужіе края, ни его приключеній, потому что пишемъ возможно коротенькую біографію Хилькова, имѣя въ виду заняться болѣе другою личностью, и свѣдѣнія о Лёшѣ намъ необходимы для дополненія исторіи Калубина, которымъ и займемся нѣсколько подробнѣе.

Хильковъ устроилъ такъ, что черезъ годъ возвратился къ матери, проводившей послѣ смерти мужа время, въ обществѣ разныхъ ханжей обоего пола, и проживя съ нею недѣли двѣ, отправился прямо въ Одессу за сестрою, которая оканчивала курсъ въ заведеніи. Онъ видѣлся уже съ нею на пути заграницу. Сдавъ экзаменъ, Соня ожидала пріѣзда брата въ домѣ одной подруги, съ которою впродолженіе всего курса онѣ жили душа въ душу, и мать которой предложила Хилькову помочь ему въ хлопотахъ относительно экипировки молодой дѣвушки. Послѣдній чрезвычайно обрадовался, что съ него сваливалась подобная обуза, вынулъ только необходимую сумму, и началъ присматриваться къ своеобразному быту новороссійской столицы.

Молодой человѣкъ не вошелъ какъ-то во вкусъ праздной жизни, не смотря на значительныя средства, и жаждалъ какой-нибудь дѣятельности, которая и представлялась ему въ видѣ службы, но только въ Петербургѣ, гдѣ скорѣе всего можно составить карьеру. По возвращеніи домой съ молоденькою сестрою, онъ призадумался немного относительно будущности послѣдней на рукахъ у матери, хотя очень доброй и мягкой женщины, однако отупѣвшей подъ вліяніемъ постояннаго деспотизма и самодурства, и, слѣдовательно, совершенно неспособной руководить молодою дѣвушкою, получившей совершенно другое образованіе. Одно время онъ думалъ, было, остаться дома до выхода сестры замужъ, но скука въ родномъ городѣ, а болѣе аттаки на него дражайшихъ родителей всѣхъ несовершенно-лѣтнихъ, зрѣлыхъ и перезрѣлыхъ невѣстъ—вынудили его поскорѣе переселиться въ столицу. Ему, однако

же, удалось устроить сестру, воспользовавшись однимъ благопріятнымъ случаемъ. Мѣстный губернаторъ уѣзжалъ по болѣзни на годъ или на два заграницу, и жена его хлопотала помѣстить въ какой нибудь порядочный домъ свою компаньонку —отлично образованную женщину, вдову какого-то профессора, неимѣвшую никакихъ средствъ къ жизни. Хильковъ уговорилъ мать пригласить эту даму къ Сонѣ, и съ переѣздомъ ее къ себѣ въ домъ успокоился относительно сестры, которой разомъ обезпечивалъ и пріятную собесѣдницу, и опытную наставницу, и надежную спутницу на всѣхъ губернскихъ увеселеніяхъ. Матери и сестрѣ онъ предоставилъ свой домъ въ полное распоряженіе, назначивъ кромѣ того весьма приличное содержаніе.

Устроивъ домашнія дѣла, Хильковъ выѣхалъ въ Петербургъ, но счелъ обязанностью провести хоть недѣлю въ Москвѣ, которая не могла не интересовать его. Нѣсколько дней прошло въ осмотрѣ огромной столицы, въ обозрѣніи достопримѣчательностей, и когда онъ уже собирался выѣзжать въ Питеръ, то вспомнилъ, что у него были письма и посылки отъ сестры къ ея институтской подругѣ, которой онъ долженъ былъ передать какія-то тетрадки, перевязанныя пунцовою ленточкою.

Въ домѣ новыхъ знакомыхъ братъ Сони Хильковой былъ встрѣченъ весьма привѣтливо. Семейство оказалось отличное, и Леша весьма пріятно провелъ вечеръ, даже едва не заинтересовался сестриной подругой, которая прекрасно пѣла и, вообще, произвела на Лешу выгодное впечатлѣніе. Послѣ чаю и послѣ оживленной бесѣды Хильковъ подумывалъ уже взяться за шляпу, какъ хорошенькая институтка робко подошла къ нему, довольно, впрочемъ, близко. Леша немного смѣшался; очевидно дѣвушка располагала ему сообщить что-то. Онъ даже готовъ былъ спросить—чего отъ него требовали.

— Monsieur Хильковъ, начала дѣвушка, краснѣя,—не говорила ли вамъ Соня объ одной нашей талантливой, но бѣдной подругѣ, о Лизѣ Калубиной?

— Не помню, можетъ быть, и говорила. Но въ чемъ дѣло? спросилъ Хильковъ и отправился въ карманъ, разсчитывая не понадобится ли какая нибудь помощь.

— Видите ли, Калубина тоже въ Москвѣ, живетъ у матери едва не въ подвалѣ. Надобно вамъ сказать, что она всегда была горда, а теперь нѣтъ и приступу. Я говорю на счетъ вспомоществованія: ужъ какъ она любила меня и

Соню, а никогда не принимала никакихъ подарковъ. Вотъ и теперь, мы охотно иной разъ съ маменькой помогли бы ей, но она и слышать не хочетъ: »доставь, говоритъ, мѣсто гувернантки или хоть экономки, — буду благодарна, а подаяніемъ жить не хочу«.

— И такъ? спросилъ Леша, желая узнать въ чемъ дѣло.

— У этой Лизы есть братъ, выпущенный изъ корпуса по болѣзни въ статскую службу, и не имѣетъ средствъ къ жизни. Онъ служилъ въ какой-то губерніи въ канцеляріи у дяди, но этотъ дядя умеръ, и теперь бѣдный почти пѣшкомъ пришелъ въ Москву.

— Можетъ быть, я могу быть полезенъ...

— Мы собрали ему кое-что, но сами не богаты, а вотъ, еслибъ въ память Сониной дружбы къ Лизѣ, вы сдѣлали бы одно одолженіе... Не довезете ли вы бѣдняка въ Петербургъ и не пристроите ли его на службу? У васъ, вѣроятно, есть связи...

Просьба была такъ наивна и дышала искренностью, а губки, проговорившія ее, придавали хорошенькому личику просительницы такое прелестное выраженіе, что Леша невольно воскликнулъ:

— О, съ большимъ удовольствіемъ.

Вслѣдствіе этого, Хильковъ приглашенъ былъ на другой день къ обѣду, за которымъ ему обѣщали представить protégé, и это было первое знакомство Хилькова съ Калубинымъ.

Не закаленный еще опытомъ жизни, не утративъ завидной способности сочувствовать нуждамъ ближняго, Хильковъ горячо принялъ къ сердцу судьбу молодаго Калубина и далъ слово, какъ его хорошенькой покровительницѣ, такъ и себѣ самому вывести на дорогу молодаго человѣка. На другой же день, рано утромъ, Калубинъ явился къ Хилькову и хотя послѣдній видѣлъ бѣдную одежду своего спутника, и рѣшился подновить его гардеробъ на мѣстѣ въ Петербургѣ, все-таки посадилъ съ собою въ первомъ классѣ и во весь путь оказывалъ ему самое дружеское вниманіе. Проведя вмѣстѣ сутки, молодые люди сблизились между собою, а такъ какъ во время разговоровъ Леша увидѣлъ, что спутникъ его былъ умный и скромный малый, то обстоятельство это еще болѣе расположило Хилькова въ пользу послѣдняго. Теперь, читатель, вамъ необходимо познакомиться съ личностью Калубина. Отецъ его былъ заслуженный офицеръ, честный человѣкъ, но имѣвшій несчастье пить запоемъ. Въ эти плачевныя минуты ста-

рикъ Калубинъ забывалъ все, буянилъ, ломалъ мебель, билъ посуду, разгонялъ семью, напивался до безобразія, и когда организмъ его не могъ уже долѣе выносить подобнаго излишества, тогда только несчастный впадалъ въ родъ какого-то отупѣнія, мучился головною болью и вытрезвлялся окончательно. Разумѣется, онъ просилъ у жены на колѣняхъ прощенія, давалъ слово удерживаться отъ жалкаго порока, и, пока находился въ нормальномъ состояніи,— другаго такого добряка трудно было отыскать. Такъ проходилъ иногда годъ, и вдругъ маіоръ, по какому нибудь неожиданному поводу, выпивалъ лишнюю рюмку, и все летѣло вверхъ дномъ по прежнему, семья скиталась по деревнѣ у крестьянъ, пока опять не проходилъ припадокъ. Говорятъ, что порокъ этотъ привился къ нему по выходѣ въ отставку, когда онъ поселился по сосѣдству съ двумя извѣстными пьяницами. Но это до насъ не касается. Мы только скажемъ, что старикъ Калубинъ и умеръ въ этомъ состояніи, выколовъ женѣ глазъ, выбросивъ за окно малютку дочь и ушибя полѣномъ голову сыну, о которомъ мы и ведемъ рѣчь съ читателемъ. Со смерти маіора, который въ послѣднее время запустилъ дѣла по хозяйству, имѣніе было вскорѣ продано за казенные и частные долги, и вдова съ дѣтьми очутилась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Нашлись, однако же, добрые люди, выхлопотали ей мужній пансіонъ— дѣтей помѣстили: дочь въ институтъ, сына въ провинціальный кадетскій корпусъ. Мальчикъ этотъ, съ самаго поступленія въ заведеніе—оказывалъ успѣхи во всемъ, что касалось до классовъ,—но въ маршировкѣ, ружейныхъ пріемахъ и вообще по фронту считался самымъ слабымъ и безнадежнымъ мальчикомъ. Къ этому, впрочемъ, предрасполагала его какое-то особенно болѣзненное состояніе. Курсъ онъ кончилъ хорошо, и хоть въ то время въ кадетскихъ, да еще въ провинціальныхъ корпусахъ, и думать было нечего о развитіи, однако Калубинъ даже развился не много, благодаря одному просвѣщенному воспитателю, который бралъ его къ себѣ домой и въ старшемъ возрастѣ снабжалъ дѣльными книгами. По совѣту этого же воспитателя, Калубинъ вышелъ къ статскимъ дѣламъ, такъ какъ онъ положительно не могъ переносить ненастной погоды. Нашелся дальный родственникъ, занимавшій порядочное мѣсто въ одной изъ центральныхъ губерній, и Калубинъ поступилъ къ нему въ канцелярію. Родственникъ этотъ былъ старый холостякъ, жилъ обильными взятками, но не копилъ состоянія, а проѣдалъ и проигрывалъ,

все, что удавалось выжать съ просителей. Роденьку онъ, впрочемъ, держалъ въ черномъ тѣлѣ и едва не морилъ голодомъ, вмѣстѣ съ экономкой. Незавидна была доля Калубина, но онъ продолжалъ трудиться ревностно, въ надеждѣ, попривыкнувъ къ дѣламъ, пробить себѣ дорогу и все таки считалъ себя счастливымъ, что при нищенскомъ жалованьи имѣлъ готовый уголъ и хоть кое-какое содержаніе.

Къ чести его родственника надобно сказать, что послѣдній хоть и обходился съ нимъ не слишкомъ мягко, однако никогда не попрекалъ кускомъ хлѣба. Такъ просуществовалъ Калубинъ три года, и уже начала было улыбаться ему надежда въ видѣ штатнаго мѣста, какъ въ одинъ прекрасный день дядя его простудился и потомъ отправился ad patres, оставивъ его въ крайне затруднительномъ положеніи. Новый начальникъ задался мыслью очистить канцелярію отъ прежняго сора, въ числѣ котораго, неизвѣстно почему, считалъ и Калубина, такъ что молодой человѣкъ очутился безъ мѣста. Переписываясь изрѣдка съ матерью, онъ узналъ. что сестра его вышла изъ инстнтута и жила у матери, которая сама переселилась на родину въ Москву и перебивалась кое какъ пенсіономъ. Калубину тотчасъ же пришла мысль отправиться въ Москву и тамъ попытать счастья; онъ даже съ восторгомъ схватился за эту мысль, потому что при самомъ маленькомъ жалованьѣ онъ все-таки могъ бы жить вмѣстѣ съ матерью, и кто знаетъ, не нашелъ ли бы и частныхъ занятій, такъ какъ онъ былъ не безъ образованія и обладалъ очень красивымъ почеркомъ. Собравъ кое-какія крохи и купивъ старенькій нагольный тулупъ и валенки, Калубинъ упросился на одинъ обозъ, и въ качествѣ полу-извощика, полу-пассажира, потянулся въ Бѣлокаменную. Радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ грустное свиданіе ожидало его въ семействѣ. Мать едва могла прокормить себя и взрослую дочь и бѣдствовала въ полномъ смыслѣ слова. Надежды молодаго человѣка на поступленіе на службу разсѣялись какъ дымъ, и онъ приходилъ уже въ отчаяніе, какъ неожиданно въ немъ приняла участье подруга его сестры и представила его Хилькову.

Теперь, когда читатель познакомился съ молодыми людьми, занявшими нумеръ въ одной изъ петербургскихъ гостинницъ, мы приступимъ къ прерванному разсказу.

Путешественники устроились довольно скоро, и Хильковъ рѣшилъ, что Калубину лучше всего жить съ нимъ, пока судьба не улыбнется ему, т. е. пока послѣдній получитъ мѣсто, ко-

торое будетъ давать ему средства къ существованію. Хильковъ успѣлъ все это облечь въ такія деликатныя формы, что товарищъ его не могъ ощутить ничего унизительнаго, ибо въ дружескомъ этомъ предложеніи не было и тѣни нахальства, съ которымъ иногда богачъ позволяетъ себѣ, изъ какой нибудь прихоти, благодѣтельствовать убогому собрату. Калубинъ понималъ это, и только безсвязными словами могъ выразить свою признательность.

Чрезъ недѣлю Хильковъ былъ принятъ на службу въ какой то департаментъ, а чрезъ мѣсяцъ и скромный товарищъ его получилъ мѣсто и, къ удивленію, даже съ порядочнымъ жалованьемъ. Хильковъ отыскалъ нѣсколько старинныхъ знакомыхъ, которые по своимъ связамъ были весьма полезны молодому человѣку.

Молодые люди перешли изъ гостинницы на прекрасную отдѣльную квартиру и скоро вступили въ колею петербургской жизни. Первое время Хильковъ, дѣйствуя по влеченію благородной натуры, не дѣлалъ никакого различія между собою и Калубинымъ, къ которому привязался искренно, всюду бралъ его съ собою; но впослѣдствіи долженъ былъ измѣнить свое поведеніе. Онъ началъ замѣчать, что Калубинъ тяготился несвойственнымъ для него образомъ жизни, и во многихъ богатыхъ домахъ былъ какъ бы не въ своей тарелкѣ. Хильковъ прежде не хотѣлъ и слушать его отговорокъ, но впослѣдствіи пересталъ настаивать, придя къ заключенію, что, не смотря на ихъ близость, онъ не имѣлъ права насиловать товарища и навязывать ему знакомства, которыхъ тотъ не желалъ, имѣя, можетъ быть, въ виду другія симпатіи и другія развлеченія. При томъ же, вскорѣ, Хильковъ увлекся одною красотою и вступилъ въ тѣсный кружокъ тогдашнихъ петербургскихъ театраловъ, что совершенно не согласовалось съ образомъ мыслей Калубина. Короче сказать, мѣсяца черезъ три между пріятелями, если не произошло совершеннаго охлажденія, то пріязнь ихъ все таки подверглась значительной перемѣнѣ, уже по одному тому, что они по цѣлымъ днямъ не встрѣчались другъ съ другомъ.

Не смотря, на то, что Калубинъ съ самаго дѣтства находился подъ вліяніемъ гнета, всегда былъ какою-то загнанною личностью, онъ инстинктивно стремился къ независимости, и хотя это стремленіе подавлялось въ немъ постоянно складомъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, но онъ, если выпадалъ ему когда нибудь удобный моментъ свергнуть съ себя гнетущее его, ни-

когда не отказывался отъ попытки къ освобожденію. Надобно сказать, что до описываемой эпохи за Калубинымъ не замѣчалось ни малѣйшей двусмысленности въ поведеніи, напротивъ — изъ всей его предшествовавшей жизни можно было вывести заключеніе, что въ молодомъ человѣкѣ формировался твердый характеръ съ самыми честными основаніями. Само собою, что гнетъ обстоятельствъ и печальная обыденная обстановка дѣлали свое дѣло; но молодой человѣкъ боролся съ разными искушеніями, и, если впадалъ иногда въ необходимость поступать вопреки своимъ принципамъ, то никогда не дѣлалъ этого безъ внутренняго сожалѣнія. Одолженіемъ Хилькова онъ воспользовался, потому что именно былъ въ положеніи утопающаго, который хватается за соломенку, и дальнѣйшее развитіе этого благодѣянія допустилъ оттого, что Хильковъ, независимо отъ своей благородной и симпатичной натуры, такъ умѣлъ обставить свои отношенія, что отказаться — значило бы оскорбить человѣка, безкорыстно и безъ всякой затаенной мысли кинувшагося на помощь ближнему. Первыя маленькія столкновенія между новыми пріятелями возникли изъ того, что, Калубинъ спустя нѣсколько времени, началъ положительно отказываться отъ пирушекъ и загородныхъ пикниковъ, гдѣ онъ былъ принятъ какъ даровой посѣтитель, за котораго платилъ Хильковъ, хотя, конечно, платилъ охотно и по своему собственному вызову. Калубинъ началъ замѣчать, что нѣкоторые изъ участниковъ посматривали на него то съ высокомѣріемъ, то насмѣшливо, а иногда, подъ веселую руку, позволяли себѣ и не совсѣмъ умѣстныя, хоть и весьма легкія шуточки, относительно его скромности, умѣренности и т. д.

Калубинъ сразу поставилъ себя по службѣ очень прилично, а такъ какъ онъ обладалъ нѣкоторою сноровкою въ дѣлахъ, былъ прилеженъ и имѣлъ прекрасный почеркъ, то вскорѣ возымѣлъ увѣренность, что въ этомъ отношеніи ему бояться нечего. Жалованье онъ получалъ порядочное, и при его привычкѣ къ суровому образу жизни — ему казалось, что онъ могъ бы жить собственными средствами, не оставаясь на попеченіи Хилькова, который положительно все время проводилъ въ обществѣ театраловъ. Дѣйствительно, пока Хильковъ не увлекался, пока онъ бывалъ часто дома или, по крайней мѣрѣ, выѣзжалъ вмѣстѣ съ Калубинымъ, послѣдній могъ разсчитывать, что за одолженіе — по крайней мѣрѣ, уплачивалъ ему своимъ сообществомъ. Но когда молодой театралъ все позабылъ для своего новаго культа и дня по два, по три не ви-

дался со своимъ товарищемъ, послѣднему казалось неловкимъ жить на чужой счетъ, чисто изъ милости.

Около Святой, Калубинъ, за свою ревностную службу, получилъ наградныя деньги и въ размѣрѣ, который, по мнѣнію его сослуживцевъ, доказывалъ особенное расположеніе начальства. Въ тоже время вице-директоръ очень хвалилъ его почеркъ и намекнулъ, что не мѣшало бы дать ходъ молодому человѣку, что Калубину было передано немедленно. Обстоятельство это, видимо, подѣйствовало на молодаго человѣка, и онъ рѣшился переговорить съ Хильковымъ. Въ одно утро, когда послѣдній всталъ раньше обыкновеннаго, пока его товарищъ не отправился еще въ должность, они сошлись, и Калубинъ высказалъ откровенно желаніе жить собственными средствами. Хильковъ обидѣлся, было, немного, но когда Калубинъ объявилъ ему, что останется къ нему съ чувствами прежней дружбы, но желая только слѣдовать природному влеченію къ самостоятельности, намѣренъ пріучиться съ молоду разсчитывать на свои силы, что сдѣланнаго добра никогда не забудетъ, и напротивъ постарается, при возможности, отслужить и съ своей стороны. Хильковъ, какъ и каждый развитый человѣкъ, понявъ все благородство этого побужденія, согласился на разставанье, но горячо предлагалъ матеріяльную помощь, увѣряя, что ему необыкновенно пріятно дѣлиться своими достатками съ такимъ достойнымъ молодымъ человѣкомъ.

На другой же день Калубинъ занялъ скромную меблированную комнату у нѣмки-кухмистерши, въ четвертомъ этажѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ. Тихо пошла его жизнь на свободѣ, какъ онъ думалъ, потому что, дѣйствительно, хотя онъ и не стѣснялся въ квартирѣ Хилькова, однако все-таки, во первыхъ, жилъ изъ милости, во вторыхъ, долженъ былъ нѣкоторымъ образомъ унижаться передъ прислугою, и въ особенности передъ камердинеромъ, игравшимъ значительную роль, съ тѣхъ поръ какъ Хильковъ сталъ возвращаться домой только для ночлега и то чрезвычайно поздно. Положимъ, камердинеръ открыто не смѣлъ оскорблять Калубина, но за то у него въ рукахъ было множество случаевъ дѣлать ему мелочныя, но тѣмъ не менѣе чувствительныя, непріятности. Переселеніе къ кухмистершѣ имѣло еще и потому прелесть для Калубина, что онъ первый разъ въ жизни имѣлъ собственную комнату, гдѣ каждая вещь принадлежала ему, и въ которой онъ былъ полнымъ господиномъ. Въ два, три дня онъ привыкъ и къ постоянному шуму, и къ запаху кушанья, наполнявшему всѣ ком-

наты, а когда сдѣлалъ бюджетъ, то увидѣлъ, что ему, при хорошемъ запасѣ бѣлья и платья (чѣмъ былъ обязанъ, впрочемъ, пріятелю), оставалось денегъ на прихоти и на развлеченія. Онъ даже положилъ посылать матери пять рублей въ мѣсяцъ, что считалъ своею священною обязанностью. По временамъ Калубинъ заходилъ и къ Хилькову, котораго никогда, однако-жъ, не заставалъ дома; а какъ они служили въ разныхъ министерствахъ, то поэтому и не могли встрѣчаться.

Въ бель-этажѣ одного огромнаго дома, въ роскошно, даже вычурно-убранномъ кабинетѣ, принадлежавшемъ къ великолѣпной квартирѣ, на эластическомъ диванѣ утопалъ господинъ среднихъ лѣтъ въ пунцовомъ халатѣ, обшитомъ горностаемъ, и курилъ дорогую регалію. Вокругъ него на столахъ и этажеркахъ стояло столько лампъ, часовъ, чернильницъ, разныхъ бронзовыхъ, фарфоровыхъ, хрустальныхъ и иныхъ бездѣлицъ, что по ошибкѣ легко было бы этотъ кабинетъ принять за выставку вещей, разыгрываемыхъ въ пользу какого нибудь пріюта. Кромѣ, господина, въ комнатѣ изъ живыхъ существъ находились — бѣлый попугай въ золоченой клѣткѣ, который болталъ какія-то безсвязныя фразы, и большая ньюфаундленская собака, растянувшаяся на кушеткѣ передъ каминомъ. Господинъ лежалъ, облокотясь на мягкую подушку и пускалъ струи голубоватаго дыма, устремивъ глаза въ одинъ уголъ, просто безъ цѣли, потому что взоръ его ничего не могъ тамъ видѣть, кромѣ лѣпныхъ украшеній потолка, не представлявшихъ особаго интереса. На видъ ему было лѣтъ съ небольшимъ за тридцать. Полное безъ выраженія лицо его дышало здоровымъ и беззаботностью; сѣрые глаза смотрѣли какъ-то глуповато, и по манерѣ, съ которою онъ лежалъ въ этой богатой комнатѣ, видно было, что онъ привыкъ къ совершенно другой обстановкѣ. Господинъ пересталъ курить и задумался, а когда снова принялся за регалію, она погасла. На лицѣ его отразилась досада, и онъ протянулъ руку къ шелковой сонеткѣ, спускавшейся у изголовья. На звонокъ явился франтовски одѣтый мальчикъ, завитой, въ ливрейномъ фракѣ и штиблетахъ.

— Огня!

Мальчикъ въ ту же минуту бросился за спичками, стоявшими тутъ же почти у дивана, и, какъ видно еще не привыкшій къ новымъ для него порядкамъ, оглянулся, отыски-

вая предметъ, о которой надо потереть спичку, и зажегъ ее о рукавъ своего фрака.

— Болванъ! Держишь спичечницу, а трешь спичку о рукавъ.

— Виноватъ!

— Не приходилъ баронъ?

— Нѣсколько минутъ какъ пришли, но мы не смѣли докладывать.

— Оселъ! Я не велѣлъ принимать только постороннихъ. Проси.

Мальчикъ исчезъ, и вслѣдъ почти за его уходомъ въ кабинетъ вступила величавая личность джентльмена, лѣтъ за сорокъ, въ новомъ костюмѣ, но измятомъ и безпорядочномъ. На жилетѣ вновь появившагося лежала толстая часовая цѣпь желтаго цвѣта, но, нельзя было положительно сказать, золотая или бронзовая, а на рукахъ сверкало множество колецъ, тоже неизвѣстно — съ настоящими или поддѣльными камнями. Это былъ высокаго роста джентльменъ, немного косоватый съ рыжими усами и такой же эспаньолкой. При входѣ, онъ отвѣсилъ поклонъ не то почтительный, не то фамильярный, и быстро бросился къ дивану, когда хозяинъ протянулъ ему два пальца.

— Ну что? проговорилъ послѣдній, пуская дымъ большимъ клубомъ.

— Пока ничего.

— И, значитъ, всегда ничего! Я такъ и зналъ. Говору вамъ, продолжалъ господинъ въ халатѣ, съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, — и даю честное слово, что вы ни къ чему не годитесь.

— Помилуйте, Матвѣй Петровичъ, я употребляю всѣ усилія...

— Напиваться — это я знаю. Подумали-ль вы, что прошло уже три недѣли.

— Во первыхъ, я не напиваюсь, отвѣчалъ баронъ обидчиво, а во вторыхъ, три недѣли для человѣка, который картъ въ руки не беретъ...

— Кто вамъ сказалъ, что онъ не беретъ? Онъ студентомъ еще проигрывалъ по три тысячи.

— Можетъ быть студентомъ, да и справедливы ли еще эти свѣдѣнія?

— Когда я говору, то, значитъ, это такъ. Клянусь честью вамъ ничего нельзя поручить. Курдюковъ давно обработалъ бы это дѣло.

— Вы напрасно горячитесь, Матвѣй Петровичъ, ни Курдюковъ, ни даже самъ Дбрунцевичъ ничего не подѣлаютъ.

— Эхъ, баронъ, какъ вы разсуждаете? Вамъ легко говорить, а вѣдь этакъ и жить будетъ нечѣмъ. Какъ не опутать такого молодчика? а купецъ Пахиловъ?

— Этотъ наклевывается, только, знаете, его не надобно приглашать къ вамъ...

— Это почему? Развѣ же можно принять его гдѣ нибудь приличнѣе?

— Не въ томъ дѣло, а сибирякъ съ особыми убѣжденіями: терпѣть, говоритъ, не могу ни поляковъ, ни нѣмцевъ, онъ называетъ насъ нехристями.

— Свинья!

— А въ самомъ дѣлѣ въ нашей компаніи русскихъ немного.

— Куда же его позвать? Курдюковъ не глупъ, но квартира его дрянь, да и самъ онъ какой-то чумичка. У Корякина настоящій кабакъ. Вотъ несчастье! Ну, да все это пустяки, я задамъ хорошій обѣдъ, и мы ему покажемъ, что значатъ поляки. Свинья вздумалъ еще разбирать! Да, теперь былъ бы кстати Серединкинъ, но зазнался, подлецъ: можете себѣ представить—мнѣ предлагалъ гривенникъ съ рубля! Этакой мерзавецъ. Теперь я покажу ему...

— Матвѣй Петровичъ...

— Ну что? Не опять ли денегъ?

— Вѣдь вы сами знаете, когда я получилъ...

— Знаю и удивляюсь, какъ вы мотаете. Нельзя же такъ, баронъ! Помните, что я васъ взялъ изъ милости, что всѣ васъ изгоняютъ. Послѣдній разъ говорю вамъ — честное слово,— пока вы не подставите человѣка хоть въ пять тысячъ, не будетъ вамъ доли у меня въ банкѣ.

— Легко вамъ говорить, Матвѣй Петровичъ, а гдѣ ихъ взять такихъ олуховъ на подставу? Такіе всѣ сдѣлались подлецы, что сами наровятъ обыграть тебя.

— Не повѣрю, чтобъ вы не ощипывали какую мелкую дичь въ свою пользу.

— Я уже говорилъ вамъ, что за всю недѣлю только и поддѣлъ одного молодчика на сорокъ пять рублей,—ну, знаете, надо было порасплатиться...

— Зайдите вечеромъ.

— Въ какое время?

— Разумѣется, пораньше: на игру пока не являйтесь— пусть нѣсколько позабудутъ пощечину.

— Напрасно вы такъ выражаетесь: я пощечины не получалъ, а этотъ мерзавецъ ударилъ меня только по воротнику.

— Честное слово, вы забавны. Смотрите же, кромѣ Пахилова вы наблюдайте и за мальчишкой. Можно ли, у молокососа рысаки едва не лучше моихъ, денегъ куча, а мы не можемъ погрѣть рукъ около него! Я боюсь одного, чтобъ его не перехватилъ Серединкинъ. Клянусь честью—это подлецъ, который становится мнѣ поперегъ горла.

— Попытайтесь сойтись съ нимъ.

— Нельзя сойтись! Говорю вамъ, онъ не только не хочетъ въ половину, а не принимаетъ и въ долю; съ тѣхъ поръ какъ нагрѣлъ откупщика на сорокъ тысячъ, онъ рѣшился дѣйствовать своею компаніею.

— Да вѣдь онъ еще недавно работа́лъ на васъ и на Доуэра.

— Такіе люди не помнятъ добра. Скажу лучше—я посылалъ къ нему записку—съ него слѣдовало по счету 113 рублей, такъ онъ отказался—честное слово. Ну, смотрите же: намъ необходимы свѣженькіе, а то понимаете скоро жить будетъ нечѣмъ.

— Постараемся, Матвѣй Петровичъ.

— Поменьше только хересу, да коньяку, а то вы все дѣло испортите.

— Нельзя же въ нашемъ ремеслѣ и безъ лишняго стакана.

— Для себя же старайтесь. Въ часу восьмомъ приходите, а теперь я буду одѣваться.

И господинъ въ халатѣ — Матвѣй Петровичъ Мерзашевскій, дворянинъ какой-то западной губерніи, откланялся барону фонъ-деръ Зобиху.

На другой день, въ довольно скромномъ, но хорошо убранномъ кабинетѣ, сидѣлъ господинъ въ довольно потертомъ халатѣ у письменнаго стола и пилъ утренній чай, покуривая самодѣльныя папиросы. Это былъ мужчина довольно еще не старый, но съ лицомъ чрезвычайно умнымъ, на которомъ виднѣлись разнообразные слѣды всяческихъ житейскихъ треволненій. Небольшія морщины и сѣдина, сверкавшая въ черныхъ волосахъ, не могли еще быть принадлежностію возраста, а доказывали, что индивидуумъ нерѣдко проводилъ безсонныя ночи, и не одна тяжелая мысль работала въ этой головѣ, дѣйствуя разрушительно на организмъ.

Мягкіе волнистые усы, естественно спускавшіеся по ок-

раинамъ рта, придавали особенную красоту выразительной его физіономіи, а большіе черные глаза свѣтились тѣмъ тихимъ блескомъ, который служитъ доказательствомъ сосредоточенности мысли. Поодаль, у небольшаго столика, и тоже за стакаиомъ чаю, и съ папироской сидѣлъ маленькій плюгавенькій человѣчекъ, лѣтъ сорока, одѣтый небогато, но опрятно, съ подвижною плутоватою физіономіею и маленькими прищуренными глазками. Отъ это фигурки вѣяло чѣмъ-то отталкивающимъ, хотя голосъ, что называется, у него былъ медоточивый. У письменнаго стола сидѣлъ отставной корнетъ Серединкинъ, слывшій помѣщикомъ, а за маленькимъ столикомъ дворянинъ Кубрацевичъ, кажется, впрочемъ, недоказавшій дворянства, и извѣстный подъ именемъ повѣреннаго.

— Я вами доволенъ, Станиславъ Осиповичъ, сказалъ Серединкинъ; вы дѣло свое исполняете аккуратно, но извините меня за откровенность, вы порядочный трусишка.

— Правда, Михаилъ Михайловичъ, грѣха таить нечего, но кто подобно мнѣ бывалъ битъ на вѣку, тотъ живетъ по пословицѣ: »пуганая ворона и куста боится«.

— И будто бы вы ужъ такъ часто бывали биты? спросилъ Серединкинъ съ нѣкоторою легкою дрожью въ голосѣ, обличавшею присутствіе какихъ нибудь непріятныхъ воспоминаній,

— Да какъ вамъ сказать, ни одно порядочное дѣло, приносившее хорошій доходъ моимъ патронамъ, не обходилось безъ того, чтобъ я не получалъ оплеухи, затрещины, а то и ребромятія. Говорю, какъ передъ Богомъ.

— Чтожъ? Звѣзда ваша такая несчастная?

— Должно быть, Михаилъ Михайловичъ.

— Однако же дѣло съ евреемъ Гольдблюмомъ прошло чрезъ ваши руки, — и кончилось благополучно.

— Первый разъ въ жизни.

— Имѣйте же вѣру, что и сегодняшнее принесетъ вамъ сотни три безъ всякаго ребромятія.

— Надѣюсь на васъ. Ахъ да, Михаилъ Михайловичъ! Совсѣмъ было позабылъ.

— Что нибудь новое?

— Даже интересное. Вчера вечеромъ заходилъ я къ Луизѣ Карловнѣ — показать ей одну вещицу, продающуюся по случаю...

— Ну?

— Угостила чаемъ и пуншемъ. Она окончательно разсорилась съ барономъ.

— Еще бы! этотъ пьяница стоитъ ей не мало денегъ.

— Мало того, и даже отколотилъ намедни за какую-то шутку.

— Это между ними не въ первый разъ: помирятся. Баронъ умѣетъ нравиться женщинамъ.

— Больно уже зазнался, говоритъ. Но дѣло не въ томъ, а Луиза Карловна сказывала мнѣ по секрету, то есть для передачи вамъ...

— Плутни какія-нибудь, Станиславъ Осиповичъ. Эта баба агентъ Мерзашевскаго.

— Извините, Михаилъ Михайловичъ, она ругаетъ Мерзашевскаго негодяемъ.

— Это не новость.

— Говоритъ, обсчиталъ ее.

— Не новость, тѣмъ болѣе.

— И что она не хочетъ имѣть съ нимъ никакого дѣла.

— Не вѣрю.

— Вамъ знать лучше; но то, что сказывала мнѣ—заслуживаетъ вниманія.

— Посмотримъ.

— Баронъ съ пьяну проболтался, что Мерзашевскій поручилъ ему подставить сибирскаго купца Пахилова, который, знаете, живетъ въ Парижской гостинницѣ.

Серединкинъ поднялъ голову.

— Ну? спросилъ онъ.

— Баринъ принялся за дѣло.

— Вотъ мошенникъ! Но это имъ не удастся.

— И есть еще другой молодой человѣкъ; онъ служитъ, тоже купеческій сынъ, только изъ университетскихъ, Хильковъ прозывается.

— А! тотъ, котораго рысаки не даютъ покоя дураку Мерзашевскому! и что же?

— Баронъ не знаетъ, какъ приняться: малый картъ въ руки не беретъ. Еще когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то къ нему былъ подосланъ Дбрунцевичъ и вывѣдалъ у камердинера, что Хильковъ, проигравши еще студентомъ три тысячи, съ тѣхъ поръ не принимался за карты.

Серединкинъ ударилъ кулакомъ по столу.

— До сегодняшняго дня, сказалъ онъ, готовъ бы держать какое угодно пари, что Мерзашевскій глупъ какъ пробка, а между тѣмъ эта дубина не дремлетъ. Я всегда думалъ, что ему помогъ извѣстный случай обобрать сряду

троихъ простофилей, — случай, повторяющійся вѣками, и что этотъ безмозглый полячишка... Ахъ, извините, Станиславъ Осиповичъ!

— Ничего-съ.

— Что онъ опять спустится на точку замерзанія, а онъ, подите, какія затѣваетъ штуки! Но не будетъ этого! Я самъ слѣжу за Пахиловымъ и Хильковымъ, продолжалъ Серединкинъ, вставъ изъ-за стола и ходя по комнатѣ, я самъ хочу обдѣлать того и другаго, и когда возьмусь я, тогда, понимаете, не дураку Мерзашевскому стать мнѣ на дорогѣ. Я только откладывалъ съ Хильковымъ, — но теперь вижу — дѣлать нечего. Тутъ, дружище, Станиславъ Осиповичъ, нуженъ человѣкъ попроворнѣе и смѣлѣе тебя. О, я дорого далъ бы, чтобъ мнѣ сію минуту добыть Стрѣловицкаго, только въ трезвомъ состояніи.

— Могу.

— Вы знаете, гдѣ онъ пропадаетъ? Я думаю, по кабакамъ шляется.

— Безъ этого нельзя.

— Но онъ, дѣйствительно, человѣкъ способный. Вотъ что: возьмите синенькую тамъ подъ прессъ-папье и поѣзжайте сейчасъ же, отыщите Стрѣловицкаго. Если онъ безобразно пьянъ, вытрезвите его какъ можно скорѣе и скажите, что онъ мнѣ очень нуженъ.

— Прикажете сейчасъ?

— Даже сію минуту. Очень вамъ благодаренъ за извѣстіе. Отправляйтесь по всѣмъ кабакамъ и найдите его, а я съѣзжу самъ къ Луизкѣ. Вечеромъ жду съ отвѣтомъ.

И собесѣдники разстались.

Вечеромъ того же дня, часовъ около семи, въ кабинетъ Серединкина явился дворянинъ Кубрацевичъ въ сопровожденіи другой личности, средняго роста, въ оборванномъ костюмѣ. Это былъ мужчина пожилой, съ исхудалымъ, блѣднымъ лицомъ, выразительныя черты котораго не потеряли еще привлекательности.

— Вотъ, Михаилъ Михайловичъ, нашъ бѣглецъ, имѣю честь представить, сказалъ Кубрацевичъ.

— А! Стрѣловицкій, здравствуйте! Никакъ года два не видались?

— Да, годика два, г. Серединкинъ. Вы, я вижу, того...

— Да, какъ вамъ сказать — Бога гнѣвить нечего. Однако, Станиславъ Осиповичъ, ступайте въ гостиную, тамъ съ Са-

вельичемъ чаю напьетесь, да и намъ пришлете, а мнѣ надо переговорить съ старымъ пріятелемъ.

Кубрацевичъ на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета. Подозвавъ Стрѣловицкаго, Серединкинъ указалъ на стулъ, и когда гость усѣлся, то хозяинъ поднесъ къ нему ближе свѣчу. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Что, небось, хорошъ я сталъ? спросилъ Стрѣловицкій.

— Нагулялся, братъ, порядкомъ?

Гость махнулъ рукою.

— Изъ меня уже не будетъ проку, Михаилъ Михайловичъ, сказалъ онъ.

— Безпорядочная твоя голова! на рысакахъ ѣздилъ, бриліанты носилъ, любовницъ держалъ...

— Все прошло прахомъ... Да вѣдь и наживалось же какъ...

— Все таки самъ виноватъ. Ну, да не объ этомъ. Слушай же внимательно. Но прежде предложу вопросъ! Я вѣдь знаю, что ты человѣкъ добросовѣстный и всегда скажешь правду. По прежнему пьешь запоемъ?

— Какъ быть слѣдуетъ. Стрѣловицкій не измѣняетъ своимъ привычкамъ.

— Хорошо. А послѣ пароксизма жизнь трезвая?

— Трезвая, только пароксизмы находятъ какъ-то чаще, Михаилъ Михайловичъ.

— Скверно. Однако, вѣдь можешь опредѣлить приблизительно промежутокъ?

— Конечно.

— И понимается, выпадаетъ хоть недѣли двѣ, три между пароксизмами?

— Три недѣли minimum, за которыя ручаюсь, а бываетъ и до полутора мѣсяца.

— А давно ли ты вытрезвился? Впрочемъ, ты дрожишь, блѣденъ, очевидно образумился на дняхъ — не такъ ли?

— Правду сказать, вчера только пришелъ въ нормальное состояніе.

— О, еслибы ты могъ выдержать мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ!

— Нешто очень нужно?

— По горло, и еслибы я могъ получить отъ тебя слово на пять, на шесть недѣль, вѣдь вѣрь мнѣ, Стрѣловицкій, ты не остался бы въ накладѣ. Вѣдь, знаешь, я не Мерзашевскій.

— Это подлецъ и при томъ глупъ, какъ сивый меренъ.

— Не говори, Кирилъ Павловичъ: онъ подлецъ и ско-

тина; согласенъ, что онъ круглый невѣжда, но не дуракъ, далеко не дуракъ!

— Не потому ли, что огрѣлъ троихъ олуховъ сряду? но вѣдь остричь подобныхъ барановъ...

— Я самъ такъ думалъ. Но къ черту этого будущаго ростовщика! не можешь ли ты дать слово поработать на меня мѣсяцъ?

Стрѣловицкій поднялъ исхудалыя руки.

— Аль не видите, какъ трясутся? Куда ужъ мнѣ работать: меня теперь поймаетъ каждый гимназистъ на первомъ вольтѣ.

— Не руки нужны, Кирилъ Павловичъ, а твоя голова.

— Ну, это дѣло другое, это могу.

— Такъ честное слово, мѣсяцъ?

— Честное и торжественное на пять недѣль, а дальше не ручаюсь.

— Довольно! я и не требую больше, потому что Стрѣловицкій держитъ обѣщаніе, — я это знаю двадцать разъ по опыту.

— И вы правы! Стрѣловицкій сдѣлалъ не одну подлость, мало того, не одно уголовное преступленіе, Стрѣловицкій способенъ еще и теперь угодить въ Сибирь; но до сихъ поръ не измѣнилъ слову и не обѣщалъ того, чего исполнить не въ состояніи, проговорилъ гость съ одышкою, но съ видомъ самодовольствія.

— Гдѣ живешь?

— Нигдѣ.

— Положительно?

— Положительно. Какъ есть все пропилъ, и на мнѣ даже пальтишко Кубрацевича.

— Теперь ты мой на пять недѣль, слѣдовательно я могу располагать тобою.

— Какъ угодно.

— Возьми меблированную комнату, купи себѣ платья и бѣлья, обѣдать можешь приходить сюда, или лучше обѣдай, гдѣ придется, потому что дамъ тебѣ трудное порученіе. Сегодня же получишь полтораста рублей, и это не въ счетъ, а если успѣешь — твоя тысяча цѣлковыхъ.

Стрѣловицкій остолбенѣлъ.

— Другъ, Михаилъ... Да по силамъ ли мнѣ то, что ты предлагаешь? Можетъ быть...

— Я самъ не поведу этого дѣла, не смотря, что канди-

датъ университета. Изъ всѣхъ нашихъ, находящихся въ Петербургѣ, я не знаю никого, кто былъ бы въ состояніи кромѣ тебя...

— Значитъ, нѣчто дипломатическое?

— Крайне сложное.

— Въ такомъ случаѣ, Михаилъ Михайловичъ, чайку съ ромцомъ хоть для духу, этакъ ложечки двѣ, три, и хорошую гаванну, Бога ради, гаванну, я уже года два, какъ въ ротъ не бралъ ничего, кромѣ рижскихъ вонючекъ, да и то грошевыхъ.

— Чаю подадутъ сейчасъ, подольешь и рому, а регаліи вотъ въ ящикѣ.

Стрѣловицкій бросился, какъ тигръ на добычу, на ящикъ съ сигарами, выбралъ одну изъ нихъ, понюхалъ, скусилъ, послюнилъ и когда закурилъ на свѣчкѣ, въ глазахъ его блеснули слезы.

— О, произнесъ онъ, такія минуты не часто бываютъ въ жизни.

Въ это время явился слуга съ подносомъ, на которомъ, кромѣ чая, стояли сухари въ корзинкѣ, блюдечко съ лимономъ и флаконъ бѣлаго душистаго рому. Стрѣловицкій налилъ себѣ ложечки три этой драгоцѣнной жидкости въ стаканъ, положилъ два куска лимона и принялся за чай съ такимъ наслажденіемъ, какому позавидовалъ бы не одинъ сибаритъ, пресытившійся въ жизни.

По уходѣ слуги, Серединкинъ отперъ ящикъ въ столѣ и вынулъ нѣсколько билетовъ.

— Тутъ ровно полтораста мелкими, сказалъ онъ. Завтра же возьми комнатку, одѣнься прилично, можешь купить и сигаръ — безъ этого не обойдется — и потомъ придешь, я буду выдавать на расходы, которые теперь намъ необходимы.

Спрятавъ деньги въ карманъ, Стрѣловицкій обнялъ въ восторгѣ хозяина, и между ними завязался интимный разговоръ, содержаніе котораго мы увидимъ въ продолженіи нашего разсказа.

Черезъ два дня, у кухмистерши, гдѣ жилъ Калубинъ, поселился новый жилецъ, человѣкъ не молодой, и только-что возвратившійся изъ за границы. Вещей у него было мало или, лучше сказать, все достояніе помѣщалось въ небольшомъ саквояжѣ, но одѣтъ онъ былъ хорошо и нанялъ самую лучшую комнату. Первый же вопросъ къ хозяйкѣ заключался

въ томъ — нѣтъ ли у кого изъ жильцовъ книгъ почитать? а какъ изъ всѣхъ обитателей кухмистерской у одного лишь Калубина водилось нѣсколько книжонокъ, то хозяйка и передала послѣднему просьбу своего новаго квартиранта. Такимъ образомъ, завязалось знакомство, оказавшее весьма важное вліяніе на судьбу молодаго человѣка.

Пріѣзжій изъ за границы, Петръ Петровичъ Сырниковъ, оказался не только образованнымъ, но и ученымъ человѣкомъ, зналъ отлично языки и обладалъ необыкновеннымъ даромъ діалектики. Хотя блѣдное лицо его и показывало довольно почтенный возрастъ, но роскошные черные волосы, тщательно причесанные, опровергали мысль о старости и скорѣе заставляли думать, что не лѣта, а страсти или невзгоды провели свои роковые слѣды на этомъ лицѣ. Небольшая бородка, которую только-что запускалъ Сырниковъ, придавала его выразительнымъ чертамъ особый оттѣнокъ, а темно-синіе очки, прикрывавшіе глаза, оставляли наблюдателя постоянно въ какомъ-то недоумѣніи относительно общаго выраженія физіономіи.

Калубинъ въ продолженіе этого времени очутился на свободѣ и чувствуя себя самостоятельнымъ, только что началъ посѣщать многихъ товарищей-чиновниковъ, приглашеніями которыхъ не могъ пользоваться, пока жилъ у Хилькова, возившаго его по театрамъ, и проводилъ вечера въ своемъ кругу, отличномъ отъ того, въ которомъ вращался до того времени. На этихъ вечерахъ конечною цѣлью чиновниковъ были— преферансъ и ералашъ, конечно, по маленькой, и не играющему предстояла крайняя скука. Калубинъ еще съ дѣтства понималъ тайны коммерческихъ игръ, потому что отецъ его считался отличнымъ игрокомъ между сосѣдями. Калубинъ ребенкомъ зналъ прекрасно пикетъ, вистъ и бостонъ, и случалось, за неимѣніемъ гостей, составлялъ отцу и матери партію. Въ корпусѣ отсталъ онъ отъ картъ, но поступивъ на службу къ дядѣ, каждый вечеръ, отъ нечего дѣлать, игралъ на мѣлокъ въ преферансъ съ его экономкой и быстро усвоилъ пріемы этой игры, бывшей тогда въ ходу и занимающей понынѣ бо́льшую часть играющаго человѣчества. Волею-неволею, вовлеченный въ чиновничьемъ кругу въ игру, Калубинъ избралъ преферансъ, и вскорѣ увидѣлъ, что капиталъ его началъ умножаться. Молодой человѣкъ призадумался и, разъ остановившись на этомъ предметѣ, начерталъ себѣ правила и рѣшился играть осторожно, соображать разныя случайности, вникать

въ тонкости, однимъ словомъ, взглянулъ на игру, какъ на средство увеличивать свое матеріальное благосостояніе. Недѣля опыта увѣнчалась успѣхомъ, и молодой человѣкъ пришелъ къ заключенію, что, играя постоянно, осторожно, безъ увлеченія, онъ могъ по вечерамъ пріобрѣтать значительныя для себя деньги. Разумѣется, онъ игралъ по самому ничтожному кушу, однако, сумма выигрыша оказывалась порядочною, такъ что молодой человѣкъ получилъ уже нѣкоторую страсть къ преферансу. Маленькій проигрышъ, и то изрѣдка, причинялъ ему уже неудовольствіе, которое принимало болѣе непріятный характеръ, если онъ сознавалъ, что причиною тому была его неосторожность, а не какой нибудь неудачный раскладъ картъ, и Калубинъ сосредоточилъ все свое вниманіе на преферансѣ.

Знакомство съ Сырниковымъ было очень по сердцу Калубину, который любилъ бесѣды съ умными людьми, и все время до вечера онъ проводилъ, въ обществѣ Петра Петровича, въ уютномъ нумерѣ, за отличною гаванскою сигарою. Сырниковъ, какъ онъ говорилъ, по краней мѣрѣ, хлопоталъ объ одномъ очень выгодномъ мѣстѣ, но долженъ былъ подождать возвращенія какого-то господина, который гдѣ-то замедлилъ въ отдаленномъ имѣніи. Между ними вскорѣ завязались интимныя отношенія, и Петръ Петровичъ незамедлилъ узнать всю подробную біографію своего молодаго пріятеля. Однажды, послѣ обѣда, Калубинъ, по обычаю, отправился въ нумеръ къ Петру Петровичу, но ключа въ замкѣ не было, и хозяйка сказала, что Сырниковъ съ утра не возвращался. Калубину стало скучно, но такъ какъ до вечера оставалось довольно времени, то онъ, усѣвшись за свой столикъ, вынулъ изъ ящика колоду старыхъ картъ и началъ раскладывать нѣкоторыя игры преферанса, казавшіяся ему интересными. Съ полчаса занимался онъ этимъ дѣломъ съ увлеченіемъ, какъ его слегка ударили по плечу. Калубинъ оборотился. Передъ нимъ стоялъ Петръ Петровичъ, устремивъ синія очки на разложенную игру.

— Такъ вы серьезно предаетесь «картинкамъ»?

— Нельзя же, Петръ Петровичъ, сказалъ, не смущаясь Калубинъ, который говорилъ уже Сырникову о своихъ подвигахъ; я на этомъ основываю кое-что въ будущемъ.

— Резонъ. А сильны ли вы въ дѣлѣ?

— Не умѣю вамъ сказать, только вотъ уже четвертый день не знаю проигрыша: любопытно, что будетъ на вечерѣ.

— Все зависитъ отъ счастья: можетъ случиться, что цѣлый мѣсяцъ не будете знать выигрыша.

— Неужто, бываетъ и такъ?

— Бываетъ и хуже. Да что, вы еще не торопитесь?

— О, мнѣ остается часа два, я ходилъ къ вамъ, но васъ не было, такъ я и присѣлъ за урокъ.

— А я велѣлъ подавать самоваръ. Пойдемъ, я принесъ коробочку отличныхъ Лондресъ Мартинецъ.

— У васъ такія вкусныя сигары, что боюсь и курить: послѣ нихъ мои папиросы кажутся женой тряпкой.

— Да, хорошія сигары не послѣднее наслажденіе.

Въ просторномъ нумерѣ Сырникова пріятели усѣлись на диванъ и занялись чаемъ.

— Знаете что, Андрей Ивановичъ, сказалъ Сырниковъ, времени еще много, у меня кстати есть новенькая колода для пасьянса, хотите, поиграемъ немного, разумѣется, на Шереметьевскій счетъ, я хочу посмотрѣть ваше искусство.

— Съ удовольствіемъ. А вы играете?

— Зналъ когда-то эту грамоту, проговорилъ Сырниковъ съ улыбкою, а можетъ еще и теперь кое-что осталось въ памяти.

Калубинъ поспѣшилъ отодвинуть чайный приборъ, и при видѣ картъ у него мелькнула, было, мысль предложить хоть ничтожный кушъ для приданія интереса, но онъ почему-то удержался.

Началась партія. На первыхъ порахъ Калубину повезло, и онъ былъ въ восторгѣ. Но вотъ случилась игра замысловатая; молодой человѣкъ сдѣлалъ ошибку и выпустилъ своего партнера. Послѣдній замѣтилъ, что Калубинъ далъ непростительный промахъ; вскорѣ представился и другой случай, гдѣ онъ совершилъ еще грубую ошибку.

— Вы не умѣете играть, Андрей Ивановичъ: вамъ, должно быть, везло самое непозволительное счастье. Вы только шлепаете тузами и королями — это не игра.

Калубинъ смутился немного.

— Но я не зналъ этихъ ходовъ.

— Стало быть, азбуки не знаете. Вамъ и нельзя садиться иначе какъ по четверти копѣйки, — и то съ васъ при несчастьи снимутъ и пальто.

— Значитъ, надо быть осторожнымъ.

— Экую новость сказалъ! Мало осторожности, надобно по-

стигать духъ игры, нравственную силу партнеровъ и кромѣ того смотрѣть въ оба, чтобъ не обыграли на вѣрную.

— Какъ?

— Да такъ! Эхъ, баринъ, баринъ! я думалъ, что вы маракуете маленько въ преферансъ, а вы лапти плетете.

— Петръ Петровичъ, голубчикъ! поучите! я вижу, что вы отлично играете.

— Скоро этому не выучиваются. Ну, да вотъ что: будемъ играть каждый день понемногу, авось добьемся. Ну, какую игру желали-бъ вы имѣть сейчасъ?

— Восемь безъ козырей.

— А десять не хотите?

— Не откажусь.

Сырниковъ началъ вдавать, и у молодаго человѣка зарябили въ глазахъ тузы и короли. Дѣйствительно, у него образовалась огромная игра.

— Это случай, сказалъ онъ.

— Можетъ быть.

Въ слѣдующую свою вдачу Сырниковъ, тасуя карты, обратился съ вопросомъ къ партнеру:

— А теперь вы не желали бы, чтобъ у меня было десять безъ козырей?

— Нѣтъ, желалъ бы.

— Пусть будетъ по вашему.

И Петръ Петровичъ вдалъ себѣ безукоризненныхъ десять безъ козырей. Калубинъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Сырниковъ смѣшалъ карты.

— Довольно, сказалъ онъ. Вотъ какъ надобно умѣть въ преферансъ, тогда не страшно.

— Да какъ же это, Петръ Петровичъ?...

— А очень просто, Андрей Ивановичъ, какъ сами изволите видѣть...

— Я не понимаю.

— Меня это и не удивляетъ.

— Но вы играете въ большую?

— Картъ не беру въ руки...

— Отчего же?

— Когда нибудь объ этомъ послѣ. Откровенно сказать, я не люблю, когда меня спрашиваютъ объ этомъ.

— Вы же обѣщали научить меня.

— Въ другой разъ, теперь не расположенъ.

Послѣднія слова были произнесены тономъ, недопускав-

шимъ возраженія, тѣмъ болѣе, что Сырниковъ собралъ карты и положилъ ихъ въ ящикъ.

— Надняхъ, когда нибудь, продолжалъ онъ, я дамъ вамъ хорошій урокъ, а теперь могу только сказать, что вы плохо играете.

— Но, повторяю, что я выигрывалъ.

— Лѣзетъ дурацкое счастье, и притомъ ваши партнеры тоже тузошлепы. Ну-съ, не видались ли съ пріятелемъ?

— Какъ же, не хотя отвѣчалъ Калубинъ, все вниманіе котораго было поглощено непонятными маневрами вдачи.

— Да вы, Андрей Ивановичъ, не сердитесь: я вѣдь оригиналъ въ нѣкоторомъ родѣ. Я вижу васъ забрала охотка проникнуть въ тайны преферанса. Обѣщаю вамъ сообщить многое, но только не теперь. Довольны ли вы?

— Очень благодаренъ.

— Я васъ выучу какъ слѣдуетъ. Ну, и что же Хильковъ? Въ эмпиреяхъ?

— Какое, Петръ Петровичъ! Жалко даже бѣдняка: у него что-то происходитъ съ предметомъ страсти. Просилъ завтра обѣдать и обѣщалъ порасказать.

— Жаль бѣднягу. Поѣзжайте непремѣнно. Что же онъ— съ носомъ?

— Кажется, около этого; подвернулся какой-то соперникъ.

— Побогаче, что ли?

— По его словамъ, какое-то загадочное существо. Но я еще ничего положительнаго не знаю. И такъ, рѣшительно вы мнѣ отказываете объяснить игру.

— Торжественно отказываю.

— Но, обладая такимъ искусствомъ...

— Вы хотите сказать — можно нажить состояніе?

— Еще бы!

— А добросовѣстно ли это? спросилъ Сырниковъ, искусно и быстро смотря чрезъ очки на своего собесѣдника.

— Я васъ не понимаю.

— Я говорю: честно ли вздавать себѣ десять безъ козырей? Вѣдь это было бы шуллерство!

Калубинъ не отвѣчалъ; онъ что-то обдумывалъ.

— Но вѣдь этимъ мастерствомъ владѣютъ не многіе? спросилъ онъ, наконецъ, съ робостью.

— Конечно, не многіе. Что же изъ этого?

— Нѣтъ... я только такъ...

— А!..

Разговоръ какъ-то не клеился.

Часамъ къ семи Калубинъ ушелъ на вечеръ, а Петръ Петровичъ тоже собрался по какому-то дѣлу, и на прощаньи совѣтовалъ своему пріятелю вникать хорошенько въ игру и пользоваться промахами противниковъ.

Мы снова перенесемъ читателя въ кабинетъ Серединкина, который на этотъ разъ въ щегольскомъ костюмѣ ходилъ по комнатѣ рядомъ съ Петромъ Петровичемъ Сырниковымъ, который былъ ни кто иной, какъ знакомый намъ Стрѣловицкій.

— Ну, Кирилъ Павловичъ? что-жъ дальше?

— Дѣло на ходу, какъ слѣдуетъ, и много, много чрезъ двѣ, три недѣли...

— Это, кажется, однако же, послѣдній срокъ?

Стрѣловицкій засмѣялся.

— Задача такая трудная, что заняла меня самого не на шутку, и я подумываю, не прибавить ли мнѣ къ условію еще дней десятокъ.

— Вашими бы устами да медъ пить. Послушай, Кирилъ Павловичъ, вѣдь ты человѣкъ мало того, что умный и опытный, но просвѣщенный, ты опять могъ бы ѣздить на рысакахъ.

— «Ле менъ дроже», какъ говоритъ покойный Мартабасовъ.

— Пустяки, для этого дѣла есть мастера, а главное нужна иниціатива...

Стрѣловицкій махнулъ рукою.

— Все это я понимаю, и иной разъ подмываетъ, но случай, — и все летитъ въ дребезги.

— Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, но, признаться, боюсь по окончаніи дѣла выдать тебѣ деньги на руки: вѣдь пропьешь въ одинъ день.

— Тысячу-то?

— Я далъ бы и больше, еслибъ зналъ, что пойдетъ въ прокъ.

— Объ этомъ послѣ потолкуемъ.

— Но разскажи же мнѣ, Бога ради, какъ ты съ такою быстротою открылъ вѣрные пути?

— А смѣкалка зачѣмъ? Кубрацевичъ, положимъ, порядочный мужичина, но онъ былъ мнѣ полезенъ какъ чернорабочій. Отъ него я узналъ также, что работали и агенты Мерзашевскаго, только я началъ дѣйствовать иначе. Я откопалъ protégé Хилькова и тотчасъ же взялъ рядомъ съ нимъ комнату, а мнѣ только этого и было надобно.

— Но, Кирилъ Павловичъ, твоя мысль пустить въ дѣло Сѣтоярова, такъ геніальна и неожиданна, что, признаюсь откровенно, когда ты потребовалъ у меня пятьсотъ рублей на расходъ, я минуту усомнился было въ искренности.

— Осторожность не мѣшаетъ. А между тѣмъ, это единственное средство ускорить развязку.

— Теперь вижу.

— Помилуйте, какъ же не воспользоваться такимъ превосходнымъ случаемъ. Сѣтояровъ молодъ, красавецъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ, да онъ вскружитъ голову, если захочетъ, какой угодно женщинѣ. Молва о милліонѣ пущена въ ходъ, обставленъ онъ великолѣпно, а главное, ни Мерзашевскіе, ни Курдюковы, ни Доуэры не знаютъ, что это нашего поля ягода. Здѣсь, впрочемъ, вы сами помогали мнѣ, потому что я не зналъ о существованіи этого субъекта.

— Я сообщилъ тебѣ какъ новость. Малый подаетъ большія надежды: онъ въ Нижнемъ на ярмаркѣ дѣлалъ чудеса, но былъ пойманъ на удочку какимъ-то арміяниномъ, который мало того, что обобралъ его, но и открылъ его профессію. Ему оставалось одно средство, ѣхать въ Москву или въ Петербургъ. Но въ Москвѣ живутъ многіе изъ нижегородскихъ его крестниковъ, и онъ приплелся сюда и за бильярдомъ открытъ Кубрацевичемъ.

— Открытіе не дурное, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту.

— Онъ началъ дѣла по бильярду не дурно, и оказывается мягкимъ, соглашается на всѣ условія.

— Сначала-то всѣ они мягки...

— Если, однако же, устроится дѣло съ Хильковымъ, Сѣтоярова можно будетъ принять въ долю; я убѣжденъ, что онъ доставитъ много дѣлъ чрезъ женщинъ.

— А въ манипуляціи каковъ?

— Испытывалъ кое въ чемъ. Техника не дурна, только во стосѣ нѣтъ чистоты въ отдѣлкѣ. Банкъ тянетъ не худо, только увлекается.

— Можно попридержать. Ну, а Мерзашевскій?

— Злится на меня страшнымъ образомъ, но подсылаетъ.

— Да вѣдь изъ него какая же польза?

— Ну, этого не говорите. Дайте мнѣ обработать Пахилова и Хилькова, я примусь и за Мерзашевскаго съ братіею.

— Нешто есть на предметѣ ловецъ?

— Денька два, три, повремените и увидите настоящее сокровище.

— Однако, до свиданія, Михаилъ Михайловичъ, — мнѣ надо къ своему птенчику, хочу дать первый урокъ. Собственно говоря, теперь все зависитъ отъ Сѣтоярова.

— Прощай, Кирилъ Павловичъ, мнѣ признаться и самому некогда.

Сырниковъ, котораго отнынѣ будемъ называть Стрѣловицкимъ, два дня не являлся на свою квартиру. Калубинъ въ это время былъ въ постоянномъ волненіи: ему такъ хотѣлось познакомиться съ тайнами преферанса, а тутъ какъ нарочно сосѣдъ его словно канулъ въ воду. Наконецъ, возвратясь изъ должности, онъ увидѣлъ ключъ въ двери Стрѣловицкаго, и тотчасъ же постучалъ.

— Войдите! раздался знакомый голосъ.

— А! Петръ Петровичъ! Гдѣ же вы пропадали?

— Ѣздилъ въ Кронштадтъ, почтеннѣйшій! А вы что подѣлывали?

— Все у Хилькова больше, вчера даже не ходилъ играть.

— А до сего каково подвизались?

— Выигралъ не много,—да мнѣ какъ-то страшно теперь и за карты взяться.

— Ничего, ничего, мы поучимъ. Ну-съ, что-же, вашъ пріятель? Да не хотите ли сигару?

— Нѣтъ, ужъ попрошу послѣ обѣда. Могу сказать, что мой пріятель несчастный человѣкъ.

— Значитъ, отставка?

— Чистѣйшая.

— Любопытно.

— Я узналъ подробности. Отношенія его къ дѣвушкѣ были самыя чистыя и благородныя. Сама она, если не выказывала ему полной взаимности, то была съ нимъ необыкновенно внимательна, а старшая сестра почти обнадеживала Хилькова. Но на бѣду, а, кто знаетъ, можетъ быть и на счастье, явился какой-то сибирякъ, говорятъ, писаный красавецъ, ловкій, молодой, образованный и единственный наслѣдникъ дяди, у котораго болѣе двухъ милліоновъ состоянія. Сибирякъ этотъ съ перваго же вечера пріударилъ за барышней, и пока Хильковъ, за полгода не перешедшій границы вздоховъ, идеальничалъ, этотъ въ какую нибудь недѣлю успѣлъ окончательно. Покрайней мѣрѣ, самъ Хильковъ сознается, что вся надежда потеряна.

— Бѣдный! ну что же онъ?

— Извѣстно, хандритъ, кутитъ, говоритъ, хочу; сильныхъ ощущеній подавай! Вчера у него играли въ карты.

— Вотъ какъ? Вы же пытали счастья?

— Во первыхъ, я въ ландскнехтъ не играю, а во вторыхъ, тамъ нужны сотни рублей.

— Ландскнехтъ игра хорошая. Знаете что, Андрей Ивановичъ? Сегодня вечеркомъ, если угодно, я повезу васъ къ одному старинному знакомому, гдѣ вы можете поиграть и въ карточки.

— Да вѣдь я, сами же говорите, плохо играю.

— Это ничего, я буду сидѣть возлѣ васъ.

Калубинъ очевидно повеселѣлъ.

— Конечно, по маленькой?

— Тамъ, любезный, самая маленькая по пятачку!

— Гдѣ же мнѣ?

— Денегъ я дамъ, пожалуй, будемъ играть въ половинѣ.

— Да вы просто благодѣтель.

— Теперь, я хочу соснуть, можетъ быть, просплю даже и обѣдъ, вы меня не будите, обѣдайте одни, — а вечеромъ будьте готовы.

Въ тотъ же день, около восьми часовъ, Стрѣловицкій представилъ Калубина своему пріятелю Василію Андреевичу Репейкину, занимавшему отличное помѣщеніе, и который принялъ молодаго человѣка съ распростертыми объятіями, на томъ основаніи, что наслышанъ о немъ отъ Петра Петровича. (просимъ читателей не забывать, что Кирилъ Павловичъ Стрѣловицкій выбралъ себѣ псевдонимъ Петра Петровича Сырникова). Они прошли прямо въ кабинетъ. Въ сосѣдней комнатѣ раздались мелодическіе звуки фортепіяно.

— Позвольте, я васъ представлю моимъ племянницамъ, сказалъ хозяинъ, да я думаю пора и чай пить. Милости просимъ въ гостинную!

Калубинъ остолбенѣлъ, когда его подвели къ дѣвушкѣ, сидѣвшей за роялью; онъ еще не встрѣчалъ подобной красавицы, но когда, бывъ представленъ этой красавицѣ, онъ обернулся за хозяиномъ къ другой особѣ, сидѣвшей на диванѣ, изумленіе его не знало предѣловъ, потому что эта была еще лучше и роскошнѣе. Молодыя хозяйки приняли гостя чрезвычайно привѣтливо, и Калубинъ совершенно растерялся, такъ какъ онъ, вообще, былъ весьма робокъ съ женщинами; но тѣмъ не менѣе онъ ощущалъ какое-то пріятное внутреннее

волненіе. Разговоръ шелъ довольно оживленный, въ которомъ и Калубинъ, по временамъ, принималъ участье, и бойкія дѣвушки наперерывъ старались быть любезнѣе съ гостемъ, который, видимо, подчинялся ихъ вліянію. Болѣе опытный собесѣдникъ замѣтилъ бы, что племянницы Репейкина принадлежали къ двумъ особеннымъ національностямъ, что у одной пробивался акцентъ еврейскій, а у другой польскій, но онъ и не тѣмъ былъ занятъ, и не обладалъ на этотъ счетъ достаточною смѣтливостью.

Вскорѣ начали появляться гости, болѣе или менѣе представительные, одѣтые весьма прилично, то негоціанты, то люди съ громкими титулами, и каждый изъ нихъ, по предложенію хозяина, охотно знакомился съ Калубинымъ. Пріѣхали какіе-то молодые люди тоже въ первый разъ съ однимъ изъ короткихъ знакомыхъ, и этихъ обѣ барышни осыпали любезностями. Подали чай, и когда набралось человѣкъ двѣнадцать, слуги раскрыли нѣсколько карточныхъ столиковъ.

— Не отказывайтесь, шепнулъ Стрѣловицкій Калубину, я придержу, садитесь, по чемъ предложатъ.

Калубинъ кивнулъ головою. Но къ нему уже подходилъ хозяинъ съ колодою картъ въ рукѣ.

— Вы играете?

— Да, въ преферансъ.

— Хотите по большой?

— Лучше бы по маленькой.

— Въ такомъ случаѣ, Петръ Петровичъ, вотъ тебѣ карты, усаживай г. Калубина въ кабинетѣ, тамъ готовъ для васъ столикъ.

Калубину пришлось играть втроемъ съ однимъ толстякомъ. и высокимъ господиномъ, обросшимъ рыжею бородою, ястребиной носъ котараго загибался крючкомъ къ широкому рту, изъ котораго торчали кривые зубы. Стрѣловицкій сѣлъ около своего пріятеля. Толстякъ объявилъ пятачекъ; оба партнера изъявили свое согласіе, хотя Калубинъ, видимо ,вздрогнулъ, потому что одинъ разъ въ жизни игралъ по полкопѣйкѣ, а то постоянно по четверти. Но Петръ Петровичъ сидѣлъ тутъ же, и онъ мигомъ побѣдилъ свое смущеніе.

Пулька началась довольно удачно для новичка; нѣсколько разъ ему Стрѣловицкій подавалъ совѣты, имѣвшіе огромный успѣхъ, и не прошло часу, какъ у Калубина оказалось въ выигрышѣ около тысячи призовъ. Партнеры предложили еще пульку. На этотъ разъ Калубину везло не по прежнему, но

всетаки въ концѣ онъ выигралъ еще рублей двадцать, такъ что въ результатѣ пріобрѣлъ сумму въ семдесятъ рублей.

— Довольно, будетъ съ васъ, шепнулъ ему Стрѣловицкій, и Калубинъ отказался, когда портнеры предложили записать еще по полтораста. Молодой человѣкъ не слышалъ земли подъ собою и горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, какъ будетъ велика его доля, потому что онъ при пяти копѣйкахъ, не смѣлъ разсчитывать на половину съ Петромъ Петровичемъ.

— Петръ Петровичъ! сказалъ онъ, отойдя подальше,—получите же ваши деньги.

— Э, успѣемъ! объ этихъ вещахъ неприлично говорить въ обществѣ: придемъ домой и подѣлимся.

Въ гостинной между тѣмъ шла игра другаго рода. Тамъ новые знакомцы молодые люди сражались каждый особо, одинъ въ палки, а другой въ пикетъ, и возлѣ каждаго изъ нихъ сидѣла обязательная молодая хозяйка. Молодые бойцы играли съ перемѣннымъ счастьемъ, но больше побѣда клонилась на ихъ сторону. Калубинъ переходилъ отъ одного столика къ другому и весь былъ поглощенъ вниманіемъ къ большой игрѣ. Послѣ роскошнаго ужина, Стрѣловицкій, однако-же, увезъ его домой, а по пріѣздѣ на квиртиру, Петръ Петровичъ взялъ съ него только половину выигрыша, объясняя, что предлагалъ ему денегъ на случай проигрыша заимообразно, но что игралъ съ нимъ не болѣе, какъ въ половинѣ. Ложась спать, онъ какъ-то настоятельно требовалъ, чтобы Калубинъ навѣстилъ своего пріятеля Хилькова.

Хильковъ, котораго мы давно не видѣли, ударился изъ одной крайности въ другую: прежде невозможно было застать его дома, теперь онъ положительно никуда не выѣзжалъ, но скучать не имѣлъ времени, ибо, при его средствахъ, у него не могло быть недостатка въ гостяхъ, была бы только добрая воля для пріема. А онъ именно находился въ такомъ состояніи, что ему не слѣдовало оставаться одному, такъ какъ онъ заниматься чѣмъ нибудь серьезнымъ не любилъ, или, вѣрнѣе сказать, даже не умѣлъ, а горе его было слишкомъ еще живо, и онъ не зналъ какъ убить время безъ веселой компаніи. Въ кутежъ онъ не ударялся, но былъ не прочь выпить съ пріятелями. Больше всего развлекала его игра, за которую онъ и принялся. Мы разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ его исторію. Ему шибко понравилась молодая дѣвушка, которая только что вышла изъ учебнаго заведенія, и едва ли

это не была его первая любовь, если не считать одной студенческой страсти, весьма, впрочемъ, платонической, къ одной восторженной замужней барынѣ. Дѣвушка обладала замѣчательною красотою и такъ какъ не имѣла родителей, то и жила у старшей сестры, которая, не бывъ замужемъ, пользовалась покровительствомъ одного тогдашняго туза и принимала у себя кружокъ блестящей молодежи. Независимое положеніе Хилькова и его состояніе не было тайною для опытной барыни, и она намѣтила его въ мужья для сестры; но Хильковъ какъ-то къ супружеству оказался весьма робокъ, а главное не видѣлъ со стороны дѣвушки особенной привязанности, и замѣчалъ даже, что она по временамъ гораздо болѣе любезничала съ красивыми гвардейцами. Впрочемъ, въ послѣднее время, ему начали отдавать явное преимущество, и Хильковъ сталъ увлекаться, онъ, какъ это и бываетъ съ молодостью, не замѣчалъ самаго главнаго, что владычица его сердца была сильно проста и скорѣе походила на послушное орудіе въ рукахъ сестры, нежели на самостоятельную личность. Но тутъ-то какъ нарочно подвернулся богатый сибирякъ, и когда запахло милліонами, и притомъ сибирякъ, независимо отъ рѣдкой красоты, оказался образованнымъ, веселымъ и влюбленнымъ молодымъ человѣкомъ, то и сердце хорошенькой статуйки не могло не растаять, и она положительно оставила Хилькова. Послѣдній ощутилъ ревность, оскорбился предпочтеніемъ и задумалъ покончить съ любовью, которую считалъ еще недавно вѣчною и несомнѣнною. Его больше всего огорчило то обстоятельство, что онъ началъ, было, склоняться и на узы Гименея.

Такой оборотъ дѣла чрезвычайно былъ непріятенъ для Калубина, не потому, чтобы послѣдній ужъ слишкомъ сочувствовалъ горю пріятеля, а оттого, что Хильковъ просилъ его переѣхать снова къ нему на квартиру. У Калубина не было благовиднаго предлога отказаться отъ подобной просьбы, выполненіе которой, однако-жъ, подрѣзывало въ самомъ корнѣ таинственныя его надежды. Съ Калубинымъ произошелъ переворотъ: онъ вкусилъ уже отъ древа познанія добра и зла, какъ выразился о немъ Стрѣловицкій въ интимномъ разговорѣ съ Серединкинымъ, и потому для него казалось лишеніемъ и даже нѣкотораго рода несчастьемъ переселеніе къ Хилькову.

Въ горѣ, едва не со слезами, онъ пошелъ сообщить грустное извѣстіе Стрѣловицкому и попросить у него совѣта. Петръ Петровичъ посмотрѣлъ на это дѣло иначе и сказалъ,

что, по его мнѣнію, Калубину тотчасъ же слѣдовало переѣхать къ Хилькову, если онъ желаетъ сохранить съ нимъ прежнія отношенія.

Молодой человѣкъ замялся. Очевидно, онъ хотѣлъ представить причину, высказать которой не рѣшился.

— Переѣзжать сегодня же, вотъ мой совѣтъ, говорилъ Стрѣловицкій.

— Но... въ такомъ случаѣ...

— Нельзя будетъ играть въ карты, что ли? спросилъ, засмѣявшись, Петръ Петровичъ.

Калубинъ покраснѣлъ.

— Вы угадали.

— Простота, простота! Вы же сами говорите, что Хильковъ теперь картежничаетъ.

— Да, но игра совсѣмъ другая.

— Ого! Такъ вы серьезно хотѣли бы сдѣлаться игрокомъ?

— Вы угадали, только такимъ, какъ вы, Петръ Петровичъ.

Стрѣловицкій пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Это какъ же, Андрей Ивановичъ: васъ привлекаетъ собственно страсть къ карточной наукѣ, или жажда пріобрѣтенія денегъ?

— И то и другое, проговорилъ робко Калубинъ.

— Небось, вы не прочь были бы и вздавать, какъ я?

Калубинъ молчалъ, но губы его дрожали, и глаза свѣтились какимъ то неестественнымъ блескомъ...

— Если я переѣду... меня не кому будетъ наставить... безъ васъ я не могу ни за что приняться...

— Кто же мѣшаетъ вамъ приходить ко мнѣ, или почему я не могу навѣщать васъ?

— Голубчикъ, Петръ Петровичъ, вы меня научите?

— Не знаю... Вотъ что: сегодня вечеромъ я повезу васъ еще къ другому пріятелю и оставлю, ибо мнѣ нужно быть въ другомъ мѣстѣ. Я передамъ васъ на руки хозяину. Вы не играйте сами, а присматривайтесь внимательно, а завтра утромъ разскажете мнѣ о своихъ впечатлѣніяхъ. Если послѣ этого, рѣшеніе ваше будетъ неизмѣнно, даю вамъ слово научить васъ, какъ слѣдуетъ. Теперь объ этомъ довольно... Разскажите мнѣ, кто бываетъ у вашего пріятеля, или кто съ нимъ играетъ?

— Побольшей части его прежніе знакомые, молодые люди.

Хильковъ сказывалъ, что играть, однако же, непріятно. Онъ три дня сряду проигрывалъ и платилъ чистыя деньги, а третьяго дня, говоритъ, выигралъ рублей шестьсотъ, однако ему не отдали.

— Разумѣется, непріятно! Но вы знаете всѣхъ его посѣтителей?

— Знаю всѣхъ.

— И можете назвать?

Калубинъ назвалъ всѣхъ по фамиліямъ. Стрѣловицкій призадумался.

— Такъ они играютъ, вы говорите, въ ландскнехтъ?

— Нѣтъ, играютъ и въ банкъ.

— Кто же мечетъ?

— Не знаю.

— Но вы понимаете эту грамоту?

— Видѣлъ иногда, наши чиновники послѣ преферанса закладываютъ. Я пробовалъ понтировать по гривеннику. Скучно.

— Пожалуй, что и скучно, въ особенности по гривеннику. Ну, теперь до свиданія, мнѣ нужно по дѣлу. Вечеромъ будьте готовы. А вчера вамъ понравилось у Репейкина?...

— Еще бы?

— Признайтесь, что больше привлекало, пулька или хорошенькія племянницы?

— Сказать по правдѣ, пулька: если бы каждый день играть подобнымъ образомъ, я былъ бы счастливѣйшій въ мірѣ человѣкъ...

— Гмъ!

— Я, впрочемъ, разсказывалъ Хилькову о барышняхъ, и онъ мнѣ не вѣритъ, что онѣ такія красавицы.

— Современемъ можете его познакомить, пусть убѣдится лично. Однако, прощайте: меня ждутъ по очень важному дѣлу.

Вечеромъ, пораньше, Стрѣловицкій отвезъ Калубина къ Серединкину, который принялъ молодаго человѣка чрезвычайно привѣтливо и даже дружески, и когда Петръ Петровичъ уѣхалъ, подъ предлогомъ проводить кого-то изъ близкихъ за границу, то хозяинъ, обведя Калубина по всѣмъ ярко-освященнымъ комнатамъ, предложилъ покурить, пока съѣдутся гости. Изъ разговоровъ, онъ замѣтилъ только, что хозяинъ образованный человѣкъ, а по обстановкѣ видно было, что онъ обладалъ весьма большими средствами.

Мало по малу, стали съѣзжаться гости. Явился и Репей-

кинъ и нѣкоторыя изъ тѣхъ, кого Калубинъ видѣлъ у послѣдняго, но общество собралось многочисленное и чрезвычайно разнообразное, такъ что вскорѣ вся большая квартира уставилась зелеными столиками, за которые и усѣлось человѣчество. Никогда, ни въ одномъ театрѣ, Калубинъ не чувствовалъ такого наслажденія, и, переходя отъ одного стола къ другому, жадно всматривался въ разныя игры, изъ которыхъ иныя были для него совершенно незнакомы. Серединкинъ самъ не игралъ, но со многими былъ въ долѣ и не спускалъ глазъ съ молодаго посѣтителя: онъ часто подходилъ къ Калубину и выражалъ сожалѣніе, что молодой человѣкъ скучаетъ и предложилъ ему устроить маленькую партію. Не смотря на все желаніе, Калубинъ твердо помнилъ совѣтъ Стрѣловицкаго и, отказался положительно. И вотъ, мало по малу, столики начали рѣдѣть; окончивъ ералашъ, пикетъ, палки, преферансъ, нѣкоторые игроки уходили налѣво. Калубинъ отправился вслѣдъ за прочими и къ удовольствію увидѣлъ, что въ длиной, узкой комнатѣ, которая за часъ еще почти была темна, стоялъ большой столъ, покрытый синимъ сукномъ съ бахрамою, а за этимъ ярко-освѣщеннымъ столомъ сидѣло уже человѣкъ двѣнадцать. По срединѣ, у зеленаго шкафа, возсѣдалъ высокій господинъ съ безобразно-длинными усами въ родѣ мётелъ, въ огромныхъ очкахъ съ боковыми темными стеклами, а передъ нимъ лежали цѣлый ворохъ нераспечатанныхъ картъ, куча золота и толстыя пачки ассигнацій. Усатый господинъ металъ банкъ. Справа отъ него находился Репейкинъ и исполнялъ должность кассира. Калубинъ сидѣлъ противъ банкомета. Игра только что начиналась. На столѣ стояли кувшинъ съ сельтерскою водою и бутылки съ шампанскимъ, а также ящики съ сигарами и папиросами. Независимо отъ сильнаго освѣщенія, надъ банкометомъ устроена была яркая лампа, свѣтъ который обливалъ послѣдняго сверху, отчего усатая фигура выказывалась еще рельефнѣе. Лицо этого человѣка было неподвижно и безстрастно и такъ какъ глаза его были закрыты очками, то физіономія его не представляла никакого выраженія. Онъ металъ словно машина, ровно, медленно, тотчасъ же останавливался при малѣйшемъ восклицаніи »атанде« показывалъ, по востребованіи, выпавшія направо или налѣво карты, и не произносилъ никакого звука.

Игроки привалили, и къ одиннадцати часамъ ихъ уже мало оставалось по гостинымъ комнатамъ: синій столъ едва вмѣщалъ посѣтителей.

Передъ банкометомъ образовались значительныя кучи золота и ассигнацій. У Калубина духъ захватывалъ; его подмывало поставить рублей пять, не отгибаться, по примѣру другихъ, и зацѣпить разомъ триста, четыреста цѣлковыхъ. Но онъ мало видѣлъ такихъ счастливцевъ, а большая часть игроковъ вынимали изъ кармана деньги, увеличивая ими массу, лежавшую передъ банкометомъ, а были и такіе, которые оставляли столъ съ мрачными физіономіями. Конечно, инымъ не везло, такъ что, къ полуночи, банкъ былъ сорванъ. Серединкинъ подошелъ къ банкомету, вынулъ изъ кармана пачку билетовъ и передалъ ему, и тотъ въ ту же минуту обмѣнялъ у понтеровъ все наличное золото, счелъ, — разставилъ его столбиками, разложилъ ассигнаціи, распечаталъ новую колоду картъ и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ ожидалъ приказанія понтеровъ.

Калубинъ чувствовалъ родъ какого-то головокруженія, при видѣ такого множества денегъ, но головокруженія, похожаго на то состояніе, когда человѣкъ, стоя надъ пропастью, невольно наклоняется надъ нею и ощущаетъ непонятное желаніе ринуться въ бездну. Молодой человѣкъ два раза схватывался за карманъ съ намѣреніемъ вытащить двѣ синенькихъ и пустить на авось, — но его удерживалъ совѣтъ Петра Петровича, »не играть у Серединкина«, хотя это стоило ему порядочной борьбы, особенно, когда какой-то невзрачный и непріятный господинъ, отъ синенькой, не отгибаясь въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, взялъ болѣе пятисотъ рублей. Въ немъ преобладала жажда пріобрѣтенія; онъ даже не обратилъ вниманія на тѣхъ изъ понтеровъ, которые, проигравшись окончательно, присутствовали у стола съ растрепанными волосами, съ горящими взорами; онъ совершенно неспособенъ былъ къ роли наблюдателя, потому что самъ безотчетно стремился сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ, и только и видѣлъ, что колоду картъ въ рукахъ банкомета, и груды денегъ, переходившихъ изъ рукъ въ руки. Еслибы онъ могъ въ это время взглянуть въ зеркало, онъ съ трудомъ узналъ бы свою собственную физіономію, какъ она преобразилась, какъ на этомъ лицѣ молодомъ и, повидимому, неспособномъ принимать ни малѣйшаго притворства, ясно и отчетливо отразились задушевныя его желанія. Его охватило то странное чувство, которое можно назвать обаяніемъ золота, и которое возникаетъ именно въ игорныхъ домахъ, гдѣ на столѣ лежатъ груды золота, когда вы убѣждены, что одна какая нибудь счастливая карта мо-

жетъ сдѣлать васъ обладателемъ всей этой массы денегъ. Гдѣ игра идетъ на записку, хоть бы то и на большія суммы, на новичка это не произведетъ никакого впечатлѣнія, — но если выложены кучи денегъ, и, притомъ, сверкаетъ много золота, игрокъ поддается именно тому обаянію, которое нерѣдко оказываетъ самые гибельные результаты.

Калубинъ выведенъ былъ, однако же, отъ своего безмолвнаго созерцанія. Къ нему подошелъ Серединкинъ.

— Вамъ скучно, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, вы не играете?

— Да, я въ банкъ не играю, отвѣчалъ Калубинъ тономъ, въ которомъ пробивалось сожалѣніе.

— Можетъ быть, хорошо дѣлаете: вѣдь карта бумага. Не угодно ли закусить чего нибудь: ужинъ еще не скоро, — а тамъ, въ столовой, можно подкрѣпиться солененькимъ.

Калубину, правду сказать, не хотѣлось отходить отъ банка, — но не желая показать этого хозяину, онъ согласился и пошелъ вслѣдъ за Серединкинымъ по направленію къ столовой.

У закуски было немного гостей, да и тѣ явились на самое короткое время, достаточное лишь для того, чтобы выпить рюмку водки и съѣсть икры, балыка, грибовъ, селедки, разныхъ сыровъ, однимъ словомъ, всякой всячины, необходимой для утоленія или, лучше сказать, для возбужденія аппетита.

Калубину ѣсть не хотѣлось, да онъ былъ и не въ такомъ настроеніи, и потому, отвѣдавъ чего-то и то болѣе для виду, онъ собирался уже возвратиться въ игорную залу.

Серединкинъ взялъ его подъ руку.

— Мнѣ кажется, я угадываю ваше намѣреніе, г. Калубинъ? сказалъ онъ.

Молодой человѣкъ смѣшался.

— Признайтесь откровенно, продолжалъ хозяинъ съ улыбкою, вамъ хотѣлось бы попытать счастья?

— Безъ сомнѣнія... но...

— Вы боитесь...

— Правду сказать, еслибъ здѣсь былъ Петръ Петровичъ...

— А! Но мы въ такихъ отношеніяхъ съ Петромъ Петровичемъ, что его друзья могутъ надѣяться на полное сочувствіе въ моемъ домѣ.

Калубинъ уставилъ глаза на Серединкина.

Послѣдній выдержалъ этотъ взглядъ, въ которомъ отражались и какая-то боязнь, и нѣмой вопросъ, и вмѣстѣ неопредѣленная надежда...

— Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, хотите немного попробовать?

Въ голосѣ Серединкина было что-то обаятельное.

— Развѣ поставлю одну, двѣ карты, проговорилъ Калубинъ робко и краснѣя.

— Кто знаетъ, можетъ быть и повезетъ, только...

Серединкинъ остановился на минуту и оглянулся.

— Только, продолжалъ онъ, вы позволите мнѣ дать одинъ совѣтъ?..

— О, сдѣлайте одолженіе!

— Я познакомлю васъ съ однимъ господиномъ, который понтируетъ довольно оригинально — и вы ставьте лишь тѣ карты, какія онъ вамъ скажетъ. Но, понимаете, это должно быть въ величайшемъ секретѣ.

— Будьте увѣрены, что я никому...

— Петру Петровичу можете сказать, пожалуй.

И Калубинъ пошелъ въ игорную вслѣдъ за Серединкинымъ, который, выждавъ удобную минуту, подошелъ къ одному понтеру, шепнулъ ему что-то на ухо и представилъ гостя, какъ хорошаго пріятеля. Понтеръ этотъ былъ еще молодой человѣкъ съ эспаньелкой, съ быстрыми глазами, но крайне неопрятенъ, такъ что изъ-подъ пальто у него торчали весьма грязные рукава рубашки, и по всему видно было, что онъ рѣдко прибѣгалъ къ умывальнику. Онъ курилъ поминутно, — но самая манера этого куренія могла бы удалить отъ него брезгливаго сосѣда, потому что сигару свою онъ клалъ въ ротъ почти до половины и сосалъ ее съ какимъ-то отвратительнымъ чавканьемъ. Калубинъ помѣстился возлѣ этого неряшливаго господина и вынулъ изъ портмоне двѣ синенькихъ, — а сосѣдъ пододвинулъ ему колоду понтерокъ; но молодой человѣкъ не ставилъ, а сначала присматривался. Дѣйствительно, личность, съ которою познакомилъ его хозяинъ, была оригинальна. Игрокъ этотъ, по фамиліи Пршельковскій, понтировалъ очень странно, по крайней мѣрѣ, для Калубина: онъ ставилъ по одной картѣ и весьма по маленькой — обыкновенно по пяти рублей — меньше куша не было — и вдругъ воскликнувъ атàнде, — лѣзъ въ карманъ, доставалъ пачку ассигнацій или банковый билетъ, и запускалъ брандера, какъ онъ выражался. Брандеръ этотъ оказывался постоянно въ нѣ-

сколько сотъ рублей, а пожалуй и въ тысячу, и чрезвычайно рѣдко ему не удавалась подобная штука.

— Ну, что же, милѣйшій юноша, обратился онъ къ Калубину, пора начать и вамъ.

— Не знаю, какую бы выбрать карту.

— А вотъ, позвольте, я выберу. Да какой вы думаете кушъ поставить?

— Пять рублей.

— Вотъ вздоръ какой — ставьте двадцать пять.

— Помилуйте, я боюсь...

Въ это время онъ случайно увидѣлъ, устремленный на него взоръ Серединкина, и ему почудилось, что этотъ взоръ совѣтовалъ ему послушаться Пршельковскаго. Калубинъ живо добылъ изъ портмоне двадцати пяти рублевую бумажку, составлявшую главный фондъ его капитала, и, вздрогнувъ, положилъ на столъ.

— Слушайтесь команды, шепнулъ Пршельковскій, и покрылъ большую кучу денегъ какой-то картой, ищите скорѣе двойку.

Едва Калубинъ успѣлъ найти требуемую карту, какъ уже сосѣдъ его воскликнулъ рѣзкимъ голосомъ:

— Атàнде!

— Банкометъ остановился.

— Небось, брандеръ, панъ Пршельковскій? спросилъ одинъ бородатый господинъ, у котораго шла на пе огромная сумма.

— Нѣтъ, полубрандеръ.

Калубинъ получилъ толчекъ ногою и поспѣшилъ поставить карту.

По второму абцугу двойка упала налѣво.

Пршельковскій зацѣпилъ сотъ восемь, — а Калубинъ четвертную.

— Теперь погодите.

— У васъ не идетъ? спросилъ обязательный банкометъ Калубина, котораго охватило какое-то непонятное чувство.

— Нѣтъ, прошепталъ неофитъ. Не поставить ли пять рублей? спросилъ онъ тихо у сосѣда.

— Не совѣтую, — а погодите немного.

Въ слѣдующую талію Пршельковскій ставилъ мелкіе куши и большая часть его картъ была бита.

— Когда я васъ толкну, шепнулъ онъ Калубину, кричите »атàнде« и ставьте шестерку на всѣ пятьдесятъ рублей.

Молодой человѣкъ исполнилъ приказанiе, и шестерка ему выиграла.

— Теперь съ васъ довольно, по крайней мѣрѣ, я уже не могу совѣтовать; ставьте сами, какъ хотите, но за успѣхъ я не ручаюсь.

— Но позвольте мнѣ посидѣть возлѣ васъ?

— О, сколько угодно. Увидите, какъ я буду играть несчастливо.

— Неужели вы можете проигрывать?

— И еще какъ!

Въ это время къ Пршельковскому подошелъ молодой малый съ раскраснѣвшимся лицомъ и съ растрепанными волосами.

— Какъ это вы запускаете брандера? спросилъ онъ, хотѣлъ бы поучиться, а то спустилъ уже тысячи полторы, — и и за весь вечеръ трехъ картъ не взялъ сряду.

— Да, бываетъ.

— Бываетъ, что корабли ломаетъ, а бываетъ, что и ничего не бываетъ. Однако, вы своихъ брандеровъ тащите порядочно. Нельзя ли мнѣ къ вамъ примазаться?

— Садитесь, проговорилъ, отодвигаясь, Пршельковскiй, только, если не везетъ, прибавилъ онъ съ какой-то насмѣшливой улыбкой, не лучше ли отстать?

— Нѣтъ, ужъ тутъ, видно, не отстанешь, пока не пробубенишься окончательно. Могу еще рискнуть тысченки двѣ съ половиною — капиталу хватитъ.

— А хватитъ, такъ работайте.

— Въ самомъ дѣлѣ, позвольте мнѣ примазаться къ вамъ хоть раза два, когда будете пускать брандера.

— Я никогда этого не дѣлаю, — но такъ и быть. Только меня что-то беретъ раздумье — не лучше ли дать тягу, — неравно проиграемся.

— Что-жъ? У меня есть въ Петербургѣ кредитъ — завтра же достану тысячи три, четыре: у насъ даже есть здѣсь получка.

— Да мнѣ-то не легче: вашего брата, московскаго купца не скоро одолѣютъ, а вотъ если я профершпилюсь, мнѣ плохо.

— Э, батенька, не такъ вы умѣете играть! Ну, что-жъ не ставите?

— Не хочется канитель тянуть, а подмываетъ запустить брандера.

— Ой-ли? а въ какую силу?

Пршельковскій вынулъ банковый билетъ въ 1,000 цѣлковыхъ и показалъ.

— Была не была, и я ставлю такой же. Покажите мнѣ только вашу карту, и я васъ угощу завтра обѣдомъ у Бореля.

— Идетъ, потому что у меня будетъ даровой и хорошій обѣдъ. Однако, пора за дѣло!

И Пршельковскій, отъискавъ карту, показалъ ее купчику, покрылъ билетъ и проговорилъ рѣзкое атанде!

Банкометъ остановился.

— Вѣроятно, брандеръ? крикнулъ кто-то.

— И у меня идетъ, сказалъ купчикъ, положивъ туза на банковый билетъ.

По второму абцугу тузъ выпалъ направо.

Купецъ измѣнился въ лицѣ, но спокойно отодвинулъ тысячу, а Пршельковскій съ проклятіемъ бросилъ свой билетъ почти въ лицо банкомету.

— Нельзя-ли быть повѣжливѣе! замѣтилъ обидчиво послѣдній.

— Извините — мнѣ стало досадно.

— Вы сегодня выиграли порядочно, — надобно же дать вздохнуть банку.

Пршельковскій засунулъ въ ротъ почти всю сигару и началъ ее чавкать съ какимъ-то особеннымъ присвистомъ.

Калубинъ чувствовалъ нѣчто въ родѣ галлюцинаціи.

Купецъ поставилъ сто рублей и взялъ.

— Нешто пустить еще брандера? отнесся онъ къ Пршельковскому.

— Чортъ его знаетъ! Надобно бы, да боюсь — неравно обрѣжешься.

— Валяйте!

— Нѣтъ, надобно пропустить эту талію — я не люблю, когда сподъ семерка, да еще пиковая.

Въ слѣдующую талію Пршельковскій снова вынулъ тысячу и поставилъ девятку, — а купецъ рискнулъ только пятьсотъ и пустилъ выигрышные сто рублей на пе. Но и девятка была убита.

— Нѣтъ, баста! сказалъ Пршельковскій, на брандерахъ далеко не уѣдешь. Буду резониться.

Около четверти часа онъ игралъ съ перемѣннымъ счастьемъ, но ставилъ мелкіе куши; купецъ слѣдовалъ его примѣру и выигралъ рублей двѣсти.

Наконецъ, Пршельковскій вынулъ бумажникъ и сталъ отсчитывать ассигнаціи.

— А что? спросилъ шепотомъ купецъ.

— Хочу поставить еще разъ тысячу.

— Мнѣ что-то страшно.

— Какъ знаете.

— Не поставить ли даму — если третій разъ выпадаетъ направо — двѣ уже вышли.

— Не всегда беретъ и четвертая. Нѣтъ, я разсчитываю не на даму.

И Пршельковскій началъ рыться въ колодѣ.

— Какую же? спросилъ купецъ тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Подлеца валета, отвѣчалъ Пршельковскій тоже тихо, и положилъ карту на деньги.

Купецъ не выдержалъ и выложилъ послѣдній тысячный билетъ, прикрывъ его червоннымъ валетомъ.

По второму абцугу валетъ упалъ направо.

— Это просто разбой! крикнулъ Пршельковскій и вышелъ изъ-за стола съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ.

— Любишь кататься, люби и саночки возить, отозвался кто-то.

Калубинъ тоже всталъ и судорожно сжалъ въ рукѣ выигранныя деньги. Оно просто растерялся.

— Ну, что? спросилъ у него Серединкинъ.

— Я... ничего... я выигралъ... но вашъ пріятель проигралъ, бѣдный, и очень много.

— Онъ отыграется, отвѣчалъ, улыбнувшись, хозяинъ.

— Я только удивляюсь...

— Э, вы еще такъ молоды, что васъ можетъ удивлять многое. Но я очень радъ, — вы, по крайней мѣрѣ, выдержали свой первый дебютъ удачно.

Въ это время завязался какой-то громкій разговоръ между игроками, въ которомъ послышались очень крупныя слова въ родѣ »подлецъ и шуллеръ!« Но Серединкинъ бросился къ столу и кое-какъ уладилъ дѣло. Какой-то толстый пріѣзжій помѣщикъ завелъ исторію о передержкѣ.

— Уйдемъ отсюда, шепнулъ Калубину Пршельковскій, бѣда съ этими пьяными. Толстякъ нализался, у него двоится въ глазахъ и ему, Богъ знаетъ, что мерещится.

Калубину хотѣлось знать, въ чемъ дѣло, — но оставаться было не ловко, тѣмъ болѣе, что Пршельковскій, какъ чело-

вѣкъ близкій хозяину, вѣроятно, имѣлъ свои причины увести его изъ игорной залы.

Въ дальную комнату, однако же, доносился громкій говоръ, и минутъ черезъ пять толстякъ показался въ сопровожденіи Серединкина и еще одного почтеннаго старца, которые старались успокоить разгнѣваннаго. Серединкинъ увѣрялъ, что онъ бы обидѣлся, еслибы они ни были такъ дружески знакомы съ толстякомъ, и почтенный старецъ упрашивалъ послѣдняго взять назадъ свои оскорбительныя выраженія.

— Да вѣдь я это видѣлъ собственными глазами, какъ прогулялась бубновая пятерка! Неужели мнѣ не вѣрить собственнымъ глазамъ?

— Позвольте же вамъ замѣтить, сказалъ серьезнымъ тономъ Серединкинъ, неужели вы допустите, что въ моемъ домѣ и со мною въ долѣ можетъ играть шуллеръ?

— Я о васъ не говорю...

— Это все равно. Сколько вы проиграли на эту пятерку?

— Всего поставилъ шесть золотыхъ.

— Я вамъ возвращу ваши деньги.

— Я не хочу.

— Чего же вы требуете въ такомъ случаѣ? Вѣдь, послушайте, вы такъ оскорбили моего дольщика...

— Э, полноте, отозвался почтенный старецъ, мягкимъ голосомъ, мы вѣдь съ Ѳедоромъ Ивановичемъ вмѣстѣ неумѣренно прошлись по коньячку, такъ и не мудрено, что намъ двоится въ глазахъ, онъ добрый малый.

— Да и я не злой человѣкъ, только вспыльчивый. Мнѣ проиграть сто, двѣсти рублей не бѣда, а показалось...

— Ну, Ѳедоръ Ивановичъ, выпьемъ на мировую, и я самъ пойду метать, если такъ.

— Вотъ это дѣло другое.

— Но все же примиритесь прежде съ Василіемъ Андреевичемъ — онъ чрезвычайно обиженъ.

Почтенный старецъ пошелъ въ другую комнату и вывелъ банкомета, котораго мы уже видѣли за дѣломъ. Послѣдній упирался и какъ бы уступалъ только силѣ. Лицо его выражало сильную степень раздражительности.

Что они говорили — осталось тайною для Калубина, потому что Пршельковскій отвелъ его по дальше и, сѣвъ за рояль, началъ немилосердно колотить по клавишамъ.

Дѣло окончилось, однако же, мирно, и когда Калубинъ черезъ четверть часа снова пошелъ въ игорную залу, тол-

стякъ по прежнему понтировалъ, а банкъ металъ самъ Серединкинъ, но металъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ нежели его дольщикъ.

Калубинъ не дождался ужина и отправился домой, горя нетерпѣніемъ разсказать Петру Петровичу о своемъ успѣхѣ.

Стрѣловицкій уже спалъ, когда Калубинъ возвратился на квартиру, но на другой день утромъ, часу десятомъ, разбудилъ молодаго человѣка и позвалъ его пить чай въ свой нумеръ.

— Ну, Андрей Ивановичъ, сказалъ онъ, когда заваренъ былъ чай, и оба они усѣлись на диванѣ.

— Просто чудеса!

— А не садились играть?

— Я твердо слѣдовалъ вашему совѣту, но Михаилъ Михайловичъ разрѣшилъ...

— И что же, небось, самъ сѣлъ возлѣ.

— Нѣтъ, но онъ поручилъ меня г. Пршельковскому.

— А!

— Я въ двѣ карты выигралъ семдесять-пять рублей.

— Ого! это почище преферанса.

— Еще бы! А сколько на столѣ денегъ, просто глаза разбѣгаются. Однако, меня удивилъ этотъ Пршельковскій; угадываетъ карты почти навѣрняка, и я же выигралъ по его указаніемъ, а потомъ пошелъ проигрывать по тысячѣ.

— Всяко бываетъ...

— Петръ Петровичъ! я этого не понимаю! воскликнулъ молодой человѣкъ тономъ, который такъ ясно обнаруживалъ узнать что нибудь болѣе. Но Петръ Петровичъ хранилъ убійственне молчаніе.

Въ это время Калубину подали записку отъ Хилькова, въ которой послѣдній просилъ пріятеля переѣзжать къ нему немедленно и прибавлялъ, что его одолѣла страшная скука. Стрѣловицкій совѣтовалъ не терять времени.

— Но какъ же, Петръ Петровичъ, вы обѣщали...

— Поучить въ карты? А вы не отказались отъ своего намѣренія?

— О, ни за что!

— Наука эта трудная, дается не всѣмъ и требуетъ много силы воли и разныхъ другихъ условій...

— Понимай я игру, какъ вы...

— И вздавай такъ же десять безъ козырей, не правда ли?

Молодой человѣкъ замялся.

— Угадывай карты, подобно Пршельковскому, продолжалъ Стрѣловицкій...

— Какъ первыя, Петръ Петровичъ, а не послѣднія...

— А почему вы знаете, что послѣднія не угаданы лучше первыхъ?..

— Я васъ не понимаю...

— Эхъ вы, простофиля. Поѣзжайте лучше къ пріятелю, да рѣжьтесь со своими чиновниками по четверти.

— Я вижу, Петръ Петровичъ, сказалъ печально Калубинъ, что вы не имѣете ко мнѣ довѣрія. Богъ съ вами!

— Такъ чего же вы хотите? объяснитесь прямо!

— Хочу играть, какъ вы.

— А хватитъ ли у васъ на это духу?

— Хватитъ.

— Съ какими бы это ни было сопряжено условіями?

— Да, проговорилъ, сверкая глазами, Калубинъ.

— Ну, пусть будетъ по вашему.

Стрѣловицкій вынулъ изъ комода нѣсколько колодъ картъ, съ которыми въ теченіе получаса показалъ такія диковинки Калубину, что послѣдній едва не ошалѣлъ отъ подобнаго изумленія.

Калубинъ, напримѣръ, металъ банкъ, самъ тасовалъ колоду, а Петръ Петровичъ ставилъ и бралъ карты на вѣрняка, предваряя впередъ, что будетъ дана та или другая карта. Когда же онъ самъ металъ банкъ или стосъ, онъ положительно билъ всѣ карты, какія бы ни ставилъ Калубинъ, но такъ, что молодой человѣкъ не могъ замѣтить ни малѣйшаго обмана. Въ коммерческія игры Петръ Петровичъ вздавалъ изумительно — и, вообще, произвелъ на своего адепта одуряющее впечатлѣніе.

— Довольно! Я усталъ, проговорилъ онъ, бросая карты; но вы сами видите, что это трудная наука.

— Однако же, кому она далась, тотъ можетъ...

— Что можетъ?

— Жить богато.

— И ходить безъ сапогъ или очутиться въ Сибири на поселеніи.

— Собесѣдники замолчали. Стрѣловицкій оставался невозмутимо спокоенъ, — а Калубинъ дрожалъ словно въ лихорадкѣ.

— Такъ вы полагаете, что... это... опасно? спросилъ, наконецъ, послѣдній нерѣшительно.

— Для многихъ очень опасно.

— Но, Михаилъ Михайловичъ, а вы...

— Я, признаюсь, еще мало васъ знаю, Андрей Ивановичъ...

— Голубчикъ, Петръ Петровичъ! Не думайте дурно обо мнѣ: я умѣю быть скромнымъ.

— Это самое главное.

— Я никому ничего не скажу.

— И Боже васъ сохрани!

— Научите!

— Вы помните, что я вамъ сказалъ?

— Помню.

— То-то же. Игрокъ, настоящій игрокъ, понимаете, долженъ весь отдаться игрѣ, и вотъ его единственный кумиръ, продолжалъ онъ, указывая на разбросанныя по столу карты. Если вы чувствуете въ себѣ столько силы воли, чтобы побѣдить разные общественные предразсудки, чтобы смотрѣть на самаго близкаго человѣка, понимаете, денежнаго, какъ на свою оброчную статью, если вы въ состояніи пустить, не дрогнувъ, по міру богатаго пріятеля, тогда я къ вашимъ услугамъ, а нѣтъ, то лучше и не затѣвайте.

Калубинъ молчалъ. У него на лбу выступили капли пота; лицо горѣло, во рту пересохло, дыханіе стѣснилось.

— Скажите же мнѣ, Бога ради, вы, Петръ Петровичъ... вы...

— Я игрокъ въ полномъ и возвышенномъ значеніи этого слова.

— А Репейкинъ и Михаилъ Михайловичъ?

— Игроки, но пониже, они еще только начинаютъ составлять фортуну.

— Но ихъ обстановка и ваша...

— Это ничего не значитъ. Я нажилъ полмильона, перевелъ деньги за границу и живу тамъ бариномъ, сюда же пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ.

— И не играете?

— Будетъ съ меня. Репейкинъ не сколотилъ и пятидесяти тысячъ, Серединкинъ можетъ быть и перевалилъ за пятьдесятъ—этотъ, впрочемъ, пойдетъ далеко — малый теплый.

— А можетъ быть и я...

— Если вы меня поняли, то, кто знаетъ, можетъ быть и вамъ улыбнется фортуна. Только прежде обдумайте хорошенько.

— Мнѣ нечего обдумывать: я рѣшился, что будетъ, то и будетъ.

— Въ такомъ случаѣ, я съ сегодняшняго же дня дамъ первую лекцію. Но вы не скоро выучитесь такимъ образомъ. А если хотите серьезно сдѣлаться игрокомъ, я вручу васъ Серединкину, они вдвоемъ съ Репейкинымъ докончатъ ваше образованіе, поручивъ на первый разъ какое-нибудь дѣло, которое будетъ приносить вамъ извѣстные доходы. Будемъ откровенны. Я давно уже замѣтилъ въ васъ будущаго игрока, и потому и возилъ на вечера къ пріятелямъ: значитъ, не ошибся. Ну, признавайтесь, хотѣлось бы разбогатѣть?

— Еще бы!

— Но, понимаете ли вы, простофиля, что у васъ въ рукахъ средство, на первый же разъ получить десятокъ, другой тысячъ.

— Вы шутите, я не умѣю порядочно стасовать колоды.

— Стасуютъ за васъ другіе. Сколько, вы сказывали, тысячъ у вашего пріятеля Хилькова?

— Тысячъ за триста.

— Ну?

— Такъ что же?

— У него можно выиграть не меньше пятидесяти, а то и больше.

— Но вѣдь онъ, такъ сказать, мой благодѣтель.

— А я вамъ что говорилъ нѣсколько минутъ назадъ? Значитъ, я ошибся, и вы игрокомъ не будете.

— Да какъ же выиграть?

— Очень просто. Конечно, не вамъ предстоитъ эта забота, вы только... Но, кажется, я трачу слова на вѣтеръ...

— Почему же на вѣтеръ?

— А потому, что истинный игрокъ не долженъ стѣсняться никакими связями.

— Хотя это и жестоко, но если необходимо...

— И что же, собственно говоря, Хильковъ сдѣлалъ для васъ особеннаго? Но теперь не время философствовать. Какъ я вижу изъ вашихъ словъ, онъ самъ не прочь въ карты.

— И шибко играетъ.

— Лучше и удобнѣе случая представить себѣ нельзя. Вы просто везите его сегодня къ Репейкину.

— Къ Репейкину?

— Конечно, вѣдь вашъ пріятель селадонъ, а я увѣренъ, что предмету его страсти далеко до извѣстныхъ вамъ племянницъ.

— Еще бы, я видѣлъ ее, она такъ себѣ.

— То-то же. Вы уговорите его, только съ условіемъ, чтобъ онъ не бралъ никого изъ своихъ знакомыхъ.

— Это можно будетъ уладить.

— А разъ, что вы съ нимъ пріѣдете, онъ и безъ васъ отъищетъ дорогу: обѣ сирены съумѣютъ приманить какого угодно молодчика. Въ недѣлю онъ будетъ объигранъ. На вашу долю достанется тысячъ десятокъ.

— Боюсь только, чтобы онъ не замѣтилъ.

— Это невозможно. Мы его объиграемъ, когда всѣ гости будутъ состоять только изъ своихъ: для этого назначится особый вечеръ.

— И Стрѣлковицкій пристально посмотрѣлъ на Калубина.

— На васъ лица нѣтъ, Андрей Ивановичъ: у васъ происходитъ борьба. Повторяю, еще время, считайте, что я пошутилъ, и дѣло съ концомъ.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, я вижу, что это не шутка, а серьезное и страшное дѣло; но я твердо рѣшился, и, конечно нельзя, чтобъ я былъ равнодушенъ.

— О техникѣ не безпокойтесь; она не приходитъ скоро, но Пршельковскій и Репейкинъ сихъ дѣлъ мастера, а если еще Серединкинъ дастъ нѣсколько уроковъ, карьера ваша составлена. И такъ, сегодня же переѣзжайте къ Хилькову, и, если можно, везите къ Репейкину.

— Вотъ посмотрите, Петръ Петровичъ, что онъ пишетъ: «на меня напала такая хандра, что хоть въ петлю; пріѣзжай, можетъ быть, вдвоемъ придумаемъ что-нибудь«.

— Значитъ, малый нюни распустилъ. Славная минута, чортъ возми! Если вы не привезете его сегодня къ Репейкину, вы будете мокрая курица. Однако—кстати! Вы не позабыли адреса.

— Нѣтъ, помню.

— Поѣзжайте и дѣйствуйте. Я предупрежу своихъ. Не думайте, впрочемъ, что я дѣйствую безкорыстно: мнѣ Репейкинъ долженъ около тысячи по старымъ счетамъ. Помните, что никому ни гу-гу. Дѣло пахнетъ уголовщиной; но съ другой стороны — золото, кумиръ человѣчества — и конечная цѣль жизни истиннаго игрока: »Все мое, сказало злато«.

— Все мое, сказалъ булатъ! подхватилъ Калубинъ.

— Вретъ онъ, вашъ булатъ, и если сказать правду, то онъ чистѣйшій пасъ предъ золотомъ. Однако, поѣзжайте. Можете расхваливать Хилькову вечера, на которыхъ были, но ни слова о своихъ успѣхахъ.

— Которыми вамъ обязанъ.

— Конечно, мнѣ,— а теперь будьте обязаны собственной своей особѣ. Я сейчасъ ѣду предупредить Репейкина, и заверну къ Михаилу Михайловичу. Вашъ первый дебютъ можетъ начаться блистательно.

Серединкинъ еще спалъ, часу въ одиннадцатомъ, когда его разбудили, по настоянію Стрѣловицкаго. Не успѣвъ умыться и протирая глаза, Михаилъ Михайловичъ вышелъ въ кабинетъ, громко требуя чаю.

— Здравствуй, Кирилъ Павловичъ: вѣроятно, съ добрыми вѣстями?

— Кажется, сегодня можете сдѣлать вступленіе.

— Неужто?

— Калубинъ нашъ душою и тѣломъ, и я полагаю, что нынче же вечеромъ онъ привезетъ Хилькова къ Репейкину.

— А не прямо ко мнѣ?

— Больше шансовъ на обаяніе племянницъ, Михаилъ Михайловичъ. Надобно дѣйствовать дипломатически.

— Конечно, если иначе нельзя...

— Я понимаю, что придется подѣлиться по поламъ, — но вы забываете, что не на первый и не на второй же разъ добрые люди даютъ генеральное сраженіе.

— Правда, Стрѣловицкій, правда: я со сна оглупѣлъ какъ-то. Сегодня даже проиграемъ немного, а завтра, пожалуй, выиграемъ тысячу другую, которою можно будетъ и подѣлиться, а тамъ...

— Но вы не откладывайте дѣла въ долгій ящикъ...

— А что?

— Во первыхъ, если Хильковъ появится у Репейкина и у васъ, то ничего нѣтъ мудренаго, что можетъ попасть и къ Мерзашевскому, — а во вторыхъ, отпразновать побѣду хотѣлось бы и мнѣ.

— Да развѣ же вы сомнѣваетесь?

— Я-то не сомнѣваюсь, — но одинъ взглядъ на ромъ или на коньякъ приводитъ уже меня въ какой-то трепетъ.

— Неужели?

— Скажу откровенно, я очень радъ, что успѣлъ намагнитизировать Калубина. Изъ малаго, впрочемъ, можетъ современемъ выдти человѣкъ. Техники онъ еще не понимаетъ, но душа настоящаго закала. Я, признаюсь, боялся, что признательность, дружба, благородство и т. п. помѣшаютъ ему

предать Хилькова; но вы съ Пршельковскимъ такъ его наэлектризовали, что онъ готовъ объиграть отца роднаго.

— А у меня вчера вышла исторія.

— Какая?

— Ты не знаешь одного толстяка Гулючкина — пріѣзжій степнякъ — и сюжетъ, не Богъ знаетъ, какой: всего можно разсчитывать тысченки на двѣ, на три. Цѣлый вечеръ замѣчалъ онъ за Василіемъ Андреевичемъ—должно быть не шепнулъ ли кто — и подмѣтилъ каналья пятерку...

— Неужъ-то, Василій Андреевичъ?..

— Вотъ подите: кажется, вольты его спеціальность, — но какъ-то оплошалъ. Говоритъ, что почувствовалъ въ пальцѣ судорожное движеніе.

— А вѣдь бываетъ. Но чѣмъ же кончилось?

— Примирилъ нашъ общій пріятель Дубининъ, а послѣ я самъ сѣлъ метать.

— И что же?

— Не дурно. Однако, надо заняться дѣломъ. Такъ вы полагаете, что Хильковъ сегодня у Репейкина?

— Думаю, или долженъ придти къ заключенію, что я плохо знаю сердце человѣческое.

— Въ такомъ случаѣ времени терять нечего: ѣдемъ туда и начертимъ планъ кампаніи.

— Выпьемъ, однако же, по стакану чаю. Эй!

Явился слуга.

— Что же чаю! да приготовить одѣваться и привесть поскорѣе карету на цѣлый день.

Не прошло и часу, какъ Серединкинъ и Стрѣловицкій позвонили у Репейкина, который только что всталъ и очень обрадовался пріятному извѣстію. За завтракомъ, на которомъ присутствовали и хорошенькія племянницы, обсуждался только вопросъ—какъ должны были дѣйствовать дѣвицы относительно будущаго гостя, а потомъ въ кабинетѣ составился тріумвиратъ, занявшійся планомъ сраженія. Вечеромъ рѣшено было созвать только самыхъ короткихъ пріятелей, всего человѣкъ шесть, — а на другой день назначили гораздо значительнѣйшую схватку у Серединкина. Окончательный бой отлагался до первой благопріятной минуты, потому что никто еще не зналъ лично субъекта и не могъ составить о немъ правильнаго понятія.

Но мы оставимъ шуллеровъ и перенесемся на время въ квартиру Хилькова, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ переѣзда пріятеля.

Сперва, какъ мы видѣли, Калубинъ стѣснялся мѣнять свободную жизнь у кухмистерши на прежнюю зависимость отъ богатаго пріятеля; но послѣдній разговоръ его со Стрѣловицкимъ — разомъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ его замыслы и побужденія. Онъ переѣзжалъ къ Хилькову съ какимъ то страшнымъ, но вмѣстѣ пріятнымъ настроеніемъ, и въ какой нибудь часъ времени успѣлъ переработать себя до того, что встрѣтилъ пріятеля довольно естественно, и хоть, положимъ, не могъ отрѣшиться отъ укоровъ совѣсти, однако возъимѣлъ уже твердое намѣреніе, не слушаться этихъ укоровъ. Даже больше: войдя въ кабинетъ Хилькова, убранный довольно роскошно, онъ почувствовалъ смутное желаніе присвоить себѣ эту обстановку, и взоръ его съ какою то тревожною надеждою остановился на лѣвомъ верхнемъ ящикѣ стола, въ которомъ обыкновенно хранились деньги и банковые билеты.

Съ Хильковымъ тоже произошла перемѣна.

Наканунѣ, мимо его квартиры, пронеслась щегольская коляска, въ которой сидѣли — его возлюбленная съ сестрою, а противъ нихъ помѣщался его счастливый соперникъ, извѣстный ему подъ именемъ сибиряка Лудакова, — но котораго мы знаемъ за начинающаго шуллера Сѣтоярова. Это обстоятельство сильно подѣйствовало на Хилькова, такъ что у него даже родилось желаніе напиться, и онъ покутилъ порядкомъ, провелъ за картами ночь, но, отрезвившись, созналъ много непріятнаго въ своей импровизированной оргіи. Никогда еще не встрѣчалъ онъ Калубина радушнѣе, и хоть по природѣ не былъ экспансивнымъ, однако самъ бросился на шею пріятеля при входѣ послѣдняго.

Черезъ нѣсколько минутъ, друзья сидѣли у камина съ сигарами.

— Ты что-то не въ своей тарелкѣ, Калубинъ, можно подумать, что ты переѣхалъ ко мнѣ безъ удовольствія.

— О, ты очень ошибаешься, я...

— Проигрался что ли?

— Не то, но я встрѣтилъ...

— А! познакомился со стрѣлами амура!

— Самъ не знаю, какъ это случилось.

— Не у новыхъ ли знакомыхъ, помнишь—разсказывалъ.

— Именно.

— Не могу ни радоваться, ни печалиться: дѣвушка дѣвушкѣ рознь, — а могу только сказать, что ты видишь на мнѣ примѣръ...

— Признаюсь Лёша, этотъ примѣръ немного меня останавливаетъ.

Хильковъ задумался.

— Значитъ, ты еще не совсѣмъ? сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи.

— Таиться нечего — задѣтъ за живое, — но со мною случилось странное явленіе...

— Ну?

— Боюсь, что будешь смѣяться надо мною.

— Вотъ вздоръ какой! Говори, Андрей Ивановичъ — мы потолкуемъ.

— Видишь ли—обѣ дѣвушки такъ хороши, что я до сихъ поръ еще не знаю, въ которую собственно влюбился.

— Ха, ха, ха!

— Я говорилъ, что будешь смѣяться.

— Нѣтъ, это я отъ удивленія. Но, дѣйствительно, непонятная вещь.

— Я просто съ ума схожу: утромъ кажется, люблю одну, вечеромъ грезится другая, а пошелъ къ нимъ — чувствую, что влюбился въ обѣихъ разомъ.

— Вотъ исторія! Но будто бы уже онѣ обѣ одинаковыя красавицы.

— Не знаешь, которой отдать преимущество.

— Счастливецъ! проговорилъ Хильковъ со вздохомъ.

— Ты бы мнѣ могъ быть полезенъ.

— Напримѣръ?

— Дѣлать тебѣ нечего, ты скучаешь, подари мнѣ сегодняшній вечеръ, поѣдемъ туда, и ты, можетъ быть меня надоумишь.

— Но какъ же? Во первыхъ, я не хочу быть въ женскомъ обществѣ, во вторыхъ, незнакомъ и не былъ съ визитомъ, въ третьихъ...

— Вотъ вздоръ какой! Кто же тебя заставляетъ любезничать? А относительно церемоній не безпокойся: мой другъ всегда будетъ принятъ какъ нельзя лучше,—и притомъ, такъ какъ ты съ нѣкоторыхъ поръ любишь играть въ карты, тебѣ будетъ отличная партія.

— Подумаемъ. Ты, впрочемъ, заинтересовалъ меня, мнѣ, дѣйствительно, хотѣлось бы посмотрѣть на тебя въ припадкѣ дуализма. Кстати о картахъ — я думаю не бросить ли это удовольствіе.

— А что?

— Представь себѣ, вчера утромъ Желтиковъ, привелъ какого-то своего пріятеля, и мы сѣли въ табельку. Сперва я ничего не замѣтилъ, но потомъ явно увидѣлъ, что они сговорились обыграть меня. Это свинство! Я разсчиталъ пульку, сказалъ, что болитъ голова, — но больше принимать Желтикова не стану.

— Здѣсь есть разные аферисты.

— Гдѣ ихъ нѣтъ! А у твоихъ знакомыхъ игра большая?

— Порядочная.

— Если я и поѣду, то собственно для тебя, Калубинъ, но врядъ ли буду играть.

Молодые люди позавтракали и отправились на Невскій убить время до обѣда.

Въ другое время Хильковъ ни за что не поѣхалъ бы въ домъ, основываясь только на рекомендаціи Калубина и разсчитывая, что товарищъ везъ его въ какое нибудь чиновничье семейство, имѣющее претензіи на вечера и т. д.; но его заинтересовалъ разсказъ послѣдняго о необыкновенной красотѣ двухъ дѣвушекъ. Ему хотѣлось развлечься, притомъ же еще и потому, что чувства его нельзя было назвать глубокимъ, а если оно причиняло ему страданія, то это уже вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія и ревности, что, какъ извѣстно, значительно усиливаетъ степень страсти. Ко всему этому Хильковъ былъ еще очень молодъ, и хоть онъ въ первое время рѣшился не выѣзжать никуда, однако не могъ долго выдерживать подобнаго рѣшенія и случалось даже, что отправлялся въ спектакль, гдѣ не надѣялся встрѣтить предмета любви.

Нечего и говорить съ какимъ радушіемъ Репейкинъ встрѣтилъ молодыхъ пріятелей и какъ обѣ хозяйки овладѣли ими съ появленіемъ ихъ въ гостиной. Хильковъ былъ, вообще, развязенъ, за словомъ въ карманъ не лазилъ, а потому вскорѣ завязался общій веселый разговоръ, въ которомъ принялъ живое участіе и Стрѣловицкій, представленный Хилькову Калубинымъ въ качествѣ искренняго друга.

Черезъ полчаса, во время чаю, Хильковъ, видимо, началъ находить удовольствіе въ новомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, Калубинъ давно уже не видѣлъ его такимъ веселымъ.

Между тѣмъ съѣхались гости, личности, которыхъ знакомилъ хозяинъ съ Калубинымъ подъ именемъ негоціантовъ и помѣщиковъ, и которыя почтительно раскланивались съ барышнями, но не принимали участья въ общемъ разговорѣ.

— Не угодно ли составить партійку г. Хильковъ? сказалъ Репейкинъ.

— Право, не знаю, я легко могу обойтись и безъ картъ, но если необходимо...

— Необходимости никакой нѣтъ...

— Впрочемъ, чтобъ не разстроить партіи, могу съиграть пульку.

— Чтожъ вы въ преферансъ?

— Признаюсь, эту игру предпочитаю ералашу.

— Какъ угодно.

Однако, партія составилась, и Хильковъ усѣлся въ табельку съ тремя господами по двугривенному. Калубинъ остался съ барышнями. Онъ замѣтилъ, что товарищъ его поглядывалъ на блондинку, и, къ величайшему его удивленію, не болѣе какъ черезъ полчаса блондинка съ какимъ то вязаньемъ присосѣдилась къ Хилькову, который занимался не столько игрою, сколько болтовнею съ очаровательною сосѣдкою. Чинно шла пулька, счастье служило поперемѣнно всѣмъ партнерамъ, такъ что въ результатѣ Хильковъ проигралъ нѣсколько рублей и собственно отъ одной своей ошибки.

Съѣхались еще нѣсколько человѣкъ, и хозяинъ предложилъ банчикъ, въ которомъ приняли участіе всѣ гости, за исключеніемъ Калубина, который пришелъ къ Хилькову поучиться.

Хильковъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и игралъ безъ всякой системы, а просто очертя голову. Иногда онъ ставилъ большіе куши съ упорствомъ на одну карту и проигрывалъ, — а иногда бралъ, и если бы только захотѣлъ вести дѣло благоразумно, то не былъ бы въ убыткѣ. Но онъ бравировалъ фортуной, и хотя на шуллерскомъ совѣтѣ положено было играть первый вечеръ на счастье, однако Хильковъ проигралъ около тысячи.

— Не довольно ли, шепнулъ ему Калубинъ: ты начинаешь горячиться?

— Я это самъ вижу, отвѣтилъ тоже шопотомъ Хильковъ; но съ такими господами играть можно: былъ моментъ, когда я могъ насчитать полторы тысячи выигрыша — и, конечно, самъ не умѣлъ воспользоваться. Въ другой разъ я оберу ихъ до нитки.

— А каковы барышни?

— Дѣйствительно, прелесть! Не удивляюсь, что ты въ затрудненіи. Но объ этомъ послѣ.

— Что же г. Хильковъ, не ставите? Спросилъ Репейкинъ.

— Будетъ на сегодня — со мной и денегъ нѣтъ больше.

— О, сдѣлайте одолженіе — сколько вамъ угодно?

— Признаюсь откровенно—не люблю ни играть въ долгъ, ни занимать денегъ.

— Но мнѣ совѣстно, что мы васъ объиграли.

— Въ другой разъ и я объиграю васъ — круговая порука.

Въ это время явился Серединкинъ.

Хозяинъ познакомилъ его съ Хильковымъ, и послѣдній, проговоривъ четверть часа съ Михаиломъ Михайловичемъ — крайне былъ очарованъ его умомъ и любезностью.

— Вотъ что, сказалъ Репейкинъ, Михаилъ Михайловичъ не любитъ азартныхъ игръ, по крайней мѣрѣ, не понтируетъ, и охотникъ въ пикетецъ или въ палочки. Не перекинетесь ли вы съ нимъ, г. Хильковъ?

— Развѣ по маленькой, отвѣчалъ послѣдній, свидѣтельствуя бумажникъ—у меня осталось мало денегъ.

— Пожалуйста, не церемоньтесь—я могу охотно служить вамъ...

— Благодарю васъ.

— У меня есть около ста рублей, сказалъ Калубинъ.

— Это дѣло другое. Извольте, я сяду въ палки.

— И такъ, нечего терять драгоцѣннаго времени, замѣтилъ Серединкинъ,—пойдемте въ диванную.

Личность Серединкина такъ понравилась Хилькову, что онъ съ удовольствіемъ сѣлъ съ нимъ играть; но ему сдѣлалось еще веселѣе, когда къ ихъ столу подошли обѣ барышни. Блондинка вынимала ему на счастье фигуры, и онъ выигрывалъ изумительно. Два или три удара онъ, взялъ полный комплектъ, а когда пришлось сосчитаться, — Серединкинъ проигралъ около двухсотъ рублей.

— Нѣтъ, вамъ везетъ огромное счастье, сказалъ онъ— сегодня съ вами играть невозможно.

— А между тѣмъ, я только что проигралъ въ банкъ около тысячи. Впрочемъ, я и самъ утомился—цѣлый вечеръ просидѣлъ за картами. Мы лучше попросимъ барышень съиграть намъ на фортепьяно.

— Я съ вами согласенъ, отвѣчалъ Серединкинъ, — покрайней мѣрѣ, мы оба останемся въ выигрышѣ.

Дѣвицы не отказывались, — но ни та, ни другая не оказали большихъ музыкальныхъ способностей и не шли да-

лѣе самыхъ легонькихъ полекъ и вальсовъ, разъигранныхъ весьма посредственно. Напрасно Хильковъ изъ кучи нотъ, лежавшихъ на фортепьяно, выбиралъ хорошенькія пьески изъ оперъ: барышни находили предлогъ отговориться, а блондинка шепнула, наконецъ, Хилькову, что дяденька не любитъ музыки во время банка.

Спорить противъ этого было нечего, и они всѣ усѣлись въ диванной. Серединкинъ вскорѣ сдѣлался душою бесѣды, разсказывая скандалы изъ разныхъ слоевъ общества и пересыпая свои разсказы остротами, вызывавшими смѣхъ его слушателей.

Скоро подали ужинъ, послѣ котораго Хильковъ тотчасъ же уѣхалъ, давъ слово Серединкину пріѣхать къ нему на другой день на вечеръ, и смѣясь прибавилъ, что возьметъ съ собою побольше денегъ.

Дорогою пріятели весело разговаривали, и Хильковъ подтрунивалъ надъ Калубинымъ, или лучше сказать, надъ нерѣшимостью послѣдняго относительно выбора красавицы. По пріѣздѣ домой, однако же, молодые люди скоро разошлись по своимъ комнатамъ, такъ какъ было довольно поздно, а Калубинъ имѣлъ на утро какое-то срочное занятіе. На другой день къ Хилькову пріѣзжали съ визитомъ Репейкинъ и Серединкинъ, изъ которыхъ въ особенности послѣдній, какъ очень умный и образованный человѣкъ, былъ чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ. Репейкинъ говорилъ мало, но опытнымъ взоромъ оглядывалъ всю обстановку молодаго человѣка, утѣшаясь мысленно, что Хильковъ, дѣйствительно, богатъ, и вмѣстѣ сокрушаясь, что значительно большая часть выигрыша достается на долю не ему, а Серединкину. Репейкинъ не могъ еще дѣйствовать самостоятельно, и хотя имѣлъ порядочный процентъ, однако, по выраженію шуллеровъ, работалъ еще на Серединкина, такъ какъ послѣдній имѣлъ больше средствъ и двигалъ нѣкоторымъ капиталомъ. Хотя Мерзашевскій и дѣлалъ Репейкину выгодныя предложенія, однако послѣдній имѣлъ много причинъ не довѣрять этому господину, который не разъ показывалъ самыя гнусныя поползновенія обсчитывать своихъ сообщниковъ, вслѣдствіе чего Репейкинъ и держался Серединкина, конечно, до какого нибудь удобнаго случая выйти на самостоятельную дорогу. Серединкинъ самъ, нѣкоторымъ образомъ, тяготился этимъ сообщничествомъ, потому что Репейкинъ изъ всѣхъ подвластныхъ

ему шуллеровъ выказывалъ болѣе порядочности въ обстановкѣ и все таки имѣлъ хоть небольшія денженки и нерѣдко зарабатывалъ, помимо вѣдѣнія своего патрона, въ особенности обдѣлывая молодыхъ купчиковъ, между которыми пользовался извѣстнаго рода популярностью. Репейкину не доставало образованія и тонкихъ стратегическихъ соображеній, которыми обладалъ въ высшей степени Серединкинъ и потому онъ пока держался послѣдняго и дѣйствовалъ съ нимъ за одно въ значительныхъ операціяхъ.

Хильковъ, какъ мы уже сказали, съ перваго раза прильнулъ къ Серединкину, а на Репейкина смотрѣлъ, какъ на добраго, простодушнаго человѣка, у котораго, впрочемъ, были двѣ прелестныя племянницы.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть и объ этихъ двухъ красавицахъ, нерѣдко появляющихся въ нашемъ разсказѣ. Репейкинъ не имѣлъ никакихъ рѣшительно родственниковъ ни мужскаго, ни женскаго пола, а дѣвицы, жившія у него въ качествѣ племянницъ, избраны были для шуллерскихъ цѣлей, изъ числа тѣхъ созданій, какихъ всегда можно найти въ большой столицѣ, и которыя за деньги будутъ играть какую угодно роль, если только эта роль имъ по силамъ. Одна изъ дѣвицъ была полька, а другая крещеная еврейка, обѣ родились въ Петербургѣ и обѣ съ очень ранняго возраста пущены были по той дорогѣ, на которую не трудно увлечь молодую дѣвушку у насъ, въ Петербургѣ. Полька получила хоть маленькое образованіе, но еврейка рѣшительно никакого; но обѣ, надѣленныя отъ природы рѣдкою красотою и достаточно ловкія — съ успѣхомъ могли служить орудіями для темныхъ цѣлей Репейкина и Серединкина, служа вмѣстѣ для обоихъ шуллеровъ пріятнымъ развлеченіемъ.

Это была такая приманка, на которую ловился не одинъ неосторожный джентльменъ, проигрывая значительныя деньги только потому, что посѣщалъ домъ, въ которомъ обитали красавицы. Это подѣйствовало даже на Хилькова, который, не смотря на то, что еще не могъ и не успѣлъ забыть предмета недавней страсти, находилъ въ одной изъ нихъ, именно въ блондинкѣ, нѣчто неотразимое. Калубинъ, напротивъ, не поддался очарованію, и все, что говорилъ относительно дѣвицъ Хилькову, была чистая выдумка. потому что въ этомъ молодомъ человѣкѣ мысль сдѣлаться шуллеромъ заглушала всѣ остальныя стремленія и, по крайней мѣрѣ, въ описываемое

время, мечталъ лишь о томъ, какъ бы разбогатѣть на нѣсколько тысячъ. На вечерѣ у Серединкина собрались почти всѣ вчерашніе гости, за исключеніемъ двухъ или трехъ человѣкъ изъ числа шуллерскихъ агентовъ, приглашенныхъ, видимо, для счета и для увеличенія количества понтеровъ. Преферансъ и палки поблагопріятствовали Хилькову, и онъ съ какой-то непонятной увѣренностью въ счастье — отправлялся вмѣстѣ съ другими въ игорную комнату.

— Много ты выигралъ? спросилъ у него Калубинъ, столкнувшись у двери.

— Сотъ болѣе трехъ. А что?

— Я не совѣтовалъ бы тебѣ садиться въ банкъ, лучше поѣдемъ домой.

— Вотъ вздоръ! посмотришь, какъ я ихъ сегодня обработаю.

— Сомнѣваюсь, потому что ты горячишься.

— Ха, ха, ха! Ты ровно тутъ ничего не понимаешь.

Первыя карты Хильковъ, дѣйствительно, бралъ, очертя голову, такъ что банку угрожалъ уже неминуемый взрывъ, еслибы молодой человѣкъ велъ себя благоразумнѣе. Но скоро фортуна повернулась къ нему спиною, и вслѣдъ за наличными деньгами пошли у него летать банковые билеты. Не прошло часу, какъ онъ проигралъ около пяти тысячъ—сумма, которую онъ захватилъ съ собою.

Серединкинъ подошелъ къ нему.

— Извините меня, сказалъ онъ, но вамъ такъ не везетъ, что я совѣтовалъ бы вамъ переждать или и вовсе прекратить игру сегодня. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы у меня въ домѣ...

— Э, все равно, въ чьемъ бы домѣ ни было, если не повезетъ, такъ не повезетъ. Впрочемъ, я и безъ того долженъ прекратить игру, потому что нѣтъ больше денегъ.

— Въ этомъ недостатка быть не можетъ, сдѣлайте одолженіе, я готовъ служить вамъ, сколько угодно, а сегодня съ Василіемъ Андреевичемъ играть невозможно.

— Дѣйствительно, понтировать противъ него нельзя, но, мнѣ кажется, прометать было бы основательно.

— А! вы хотѣли бы прометать... Будьте добры, возьмите у меня.

— Право, не знаю. Впрочемъ, одолжите мнѣ тысячу до завтра, я попробую.

Разговоръ этотъ происходилъ почти въ полголоса.

— Знаете что, сказалъ Серединкинъ, я не хочу, чтобы эти господа видѣли вашъ заемъ, потому что нѣкоторые изъ

нихъ, проигравшись, могутъ обратиться ко мнѣ, погодите здѣсь, а я пришлю вамъ черезъ г. Калубина.

— Благодарю. У меня осталось рублей сто, я буду понтировать по маленькой.

Серединкинъ подалъ знакъ Калубину, и послѣдній незамѣтно пошелъ вслѣдъ за обязательнымъ хозяиномъ.

Въ третьей комнатѣ, въ которой никого не было, Серединкинъ вынулъ билетъ въ 1000 рублей Калубину.

— Отнесите осторожно своему товарищу, сказалъ онъ.

И съ этимъ подалъ ему пачку ассигнацій.

— А это?

— Это ваша сегодняшняя доля: здѣсь ровно пятьсотъ рублей. Идите скорѣе, васъ ожидаютъ.

Калубинъ взялъ весьма равнодушно банковый билетъ, но пачка ассигнацій прикосновеніемъ своимъ словно обожгла его руку. Онъ въ первый моментъ готовъ былъ оттолкнуть эти деньги, но Серединкинъ уже скрылся, и молодой человѣкъ, запрятавъ пятьсотъ рублей въ карманъ, поспѣшилъ передать билетъ Хилькову, который ожидалъ этой субсидіи съ нетерпѣніемъ.

— Я знаю, ты меня не послушаешься, сказалъ Калубинъ, но еще разъ совѣтую тебѣ не играть сегодня, шепнулъ Калубинъ, передавая деньги.

— Благодарю за дружбу; я и самъ не буду много рисковать, но на эту тысячу могу отыграться.

Заложивъ банкъ, Хильковъ какъ бы повеселѣлъ, но одинъ нечесаный гость не далъ ему, что называется, перевести духу и въ нѣсколько картъ овладѣлъ билетомъ.

Тогда Серединкинъ подошелъ къ Хилькову и самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его не играть, хотя и заявлялъ шопотомъ, что готовъ денегъ дать сколько угодно.

Хильковъ поостерегся и не смотря на то, что Репейкинъ высыпалъ на столъ цѣлую кучу золотыхъ, началъ расклaниваться, отказавшись даже отъ ужина.

Калубинъ съ притворною радостью послѣдовалъ за пріятелемъ, а пятьсотъ рублей, лежавшихъ у него въ карманѣ, все еще производили на него непріятное настроеніе.

Въ залѣ, на порогѣ въ переднюю, Хильковъ остановился и, прощаясь съ Серединкинымъ, сказалъ:

— Вотъ что я придумалъ, Михаилъ Михайловичъ: если можно, пригласите г. Репейкина и кого угодно изъ вашихъ гостей, съ которыми я игралъ, и не угодно ли пожаловать

завтра ко мнѣ. Я позабылъ пригласить ихъ лично, можетъ быть это и неловко.

— О, нисколько. Я пріѣду съ удовольствіемъ, и увѣренъ, что никто не откажется. Только лучше я приглашу однихъ порядочныхъ.

— Какъ знаете. И такъ, до завтра.

Утромъ, Стрѣловицкій, довольно рано, зашелъ къ Калубину и очень обрадовался, узнавъ, что Хильковъ еще спалъ послѣ вчерашняго проигрыша.

— А я къ вамъ съ порученіемъ отъ Михаила Михайловича, сказалъ онъ, осматриваясь.

— Что такое?

Стрѣловицкій вытащилъ изъ глубокихъ кармановъ пальто дюжины полторы колодъ картъ разнообразныхъ краповъ и достоинствъ.

— Компанія ждетъ отъ васъ услуги, Андрей Ивановичъ. Нѣтъ сомнѣнія, что товарищъ вашъ будетъ метать банкъ,—а потому вы должны, во чтобы-то ни стало, подмѣнить двѣ, три колоды подходящаго крапа: на этомъ основано сегодняшнее побоище.

— Хильковъ говорилъ мнѣ, что пригласитъ одного своего пріятеля, московскаго купца — тоже страшный богачъ.

— Тѣмъ лучше. Вамъ предстоитъ блистательный заработокъ. Дѣйствуйте, любезнѣйшій, и достигнете всего.

— А когда же вы меня поучите?

— Это не уйдетъ, я скажу вамъ откровенно, что учиться у меня не стоитъ—съ вами займется самъ Серединкинъ, который и есть настоящій сихъ дѣлъ мастеръ.

— Я, можетъ быть, скоро уѣду, прибавилъ Стрѣловицкій съ какою-то странною улыбкою...

— Мнѣ будетъ очень жаль...

— Однако, до свиданія, — а вотъ и книги, которыя принесъ я для близиру.

И Петръ Петровичъ вынулъ изъ шляпы два желтыхъ томика.

— На всякій случай, можете сказать, что это настоящая цѣль моего путешествія. Да! Вы по прежнему отговаривайте пріятеля, когда онъ начнетъ проигрываться.

Вечеромъ собрались у Калубина кромѣ шулеровъ изъ шайки Серединкина еще нѣсколько знакомыхъ молодаго хозяина, въ числѣ которыхъ были два богатыхъ человѣка, любившихъ перекинуться направо и налѣво. Коммерческія игры, начатыя для проформы, прошли безъ особенныхъ результатовъ; но

Хильковъ выигралъ у Серединкина въ палки пятьсотъ съ чѣмъ-то рублей и разсчитывалъ воротить въ банкъ хоть половину вчерашняго проигрыша. Какъ нарочно, онъ предъ концомъ игры поручилъ Калубину велѣть раздвинуть въ залѣ обѣденный столъ и приготовить карты. Послѣднему это было чрезвычайно кстати, потому что онъ, пользуясь случаемъ, ловко подмѣнилъ нѣсколько колодъ картъ, какъ атласныхъ, назначенныхъ для банкомета, такъ и простыхъ, разложенныхъ для понтеровъ.

Хильковъ постоянно металъ то одинъ, то въ долѣ съ однимъ изъ богатыхъ пріятелей, но такъ неудачно, что проигралъ на свой пай около десяти тысячъ, которыя заплатилъ безъ малѣйшаго подозрѣнія. Товарищъ его, московскій купецъ, тоже проигралъ тысячи четыре.

Необычайное счастіе везло нѣкоему Логану, настоящей національности котораго никто не зналъ, но который слылъ за богатаго молдавана. Всѣ проигрались, и въ томъ числѣ Серединкинъ поплатился двумя тысячами.

— Знаете что, Алексѣй Ивановичъ, сказалъ послѣдній Хилькову, не заложить ли намъ вмѣстѣ для счастья: авось мы перебьемъ эту нелѣпую полосу.

Хильковъ медлилъ нѣсколько съ отвѣтомъ; въ немъ какъ бы происходила борьба съ самимъ собою.

— Идетъ, сказалъ онъ отрывисто, попытаюсь въ послѣдній разъ. Мечите вы.

— Попробую. А по сколько?

— Да выложимъ по тысячѣ: неужели и теперь проиграемся?

— Калубинъ! вели, братъ, готовить ужинъ, да прикажи подать новыхъ картъ.

Калубинъ поспѣшилъ исполнить порученіе товарища, велѣлъ готовить ужинъ и самъ принесъ четыре колоды картъ, которыя и положилъ передъ Серединкинымъ. Заложили новый банкъ. Логанъ началъ дѣйствовать попрежнему въ широкихъ размѣрахъ, но Серединкинъ безъ милосердія билъ почти всѣ его карты. За то какой-то отставной военный и Репейкинъ шли въ гору и, послѣ небольшихъ колебаній фортуны, сорвали банкъ.

Серединкинъ съ неудовольствіемъ бросилъ карты на столъ. Калубинъ подошелъ къ Хилькову.

— Извини меня, Алексѣй Ивановичъ, сказалъ онъ, но ты съ ума сошелъ — проигрывать такія суммы.

Хильковъ кротко посмотрѣлъ на него.

— Можетъ быть, ты и правъ, Андрюша. Баста! я больше не играю. Господа, не угодно ли поужинать?

— Я тоже! воскликнулъ Серединкинъ. Довольно на сегодня. Завтра у Василія Андреевича, можетъ быть, отыграемся.

— Я самъ сегодня въ подмазкѣ на три тысячи, отозвался Репейкинъ.

— А я готовъ заложить, сказалъ Логанъ, потому что въ выигрышѣ...

— Нѣтъ, господа, возразилъ Хильковъ, пойдемте ужинать лучше, а не то все простынетъ.

Ловкимъ распоряженіемъ Серединкина всѣ почти шулера изъявили нерасположеніе играть больше, и послѣ ужина разъѣхались. Хильковъ даже не обѣщалъ положительно Репейкину пріѣхать къ нему на вечеръ, хотя послѣдній очень просилъ его и богатаго московскаго купца перекинуться по крайней мѣрѣ въ палочки. Хильковъ въ этотъ вечеръ не досчитался одиннадцати тысячъ, и обстоятельство это навело его на серьезныя размышленія. По уходѣ гостей Калубинъ долго читалъ Хилькову нотацію, которую послѣдній слушалъ, сознавая всю ея основательность.

Извѣстный уже читателю, Мерзашевскій ходилъ въ бѣшенствѣ по своему кабинету и распекалъ барона и еще одну нахмуренную личность за бездѣйствіе, а главное за допущеніе Серединкина овладѣть Хильковымъ. Мерзашевскій позволялъ себѣ самыя неприличныя выраженія, считая, что, вслѣдствіе бездѣятельности кліентовъ, лишился нѣсколькихъ десятковъ тысячъ.

— Честное слово, сказалъ онъ, я выгоню васъ обоихъ! Доносовъ вашихъ я не боюсь, потому что самъ имѣю въ рукахъ доказательство противъ васъ...

— Напрасно вы такъ говорите, Матвѣй Петровичъ, отозвалась темная личность, вы очень хорошо знаете, что доносить на васъ мы не будемъ, а въ томъ, что мы съ барономъ не успѣли, вы же сами виноваты.

— Какъ?

— Да такъ, отозвался баронъ, попросишь у васъ двадцать пять рублей на расходы, вы начинаете кричать и сердиться, а съ пустыми руками ничего не подѣлаешь...

— Клянусь честью — вы оба лѣнтяи и дармоѣды! Развѣ же я спрашиваю у васъ, кого и на сколько вы объиграли?..

— Э, Матвѣй Петровичъ! Какъ будто вамъ неизвѣстно, что мелкому игрочишкѣ трудно объиграть.

— Я не о васъ говорю, а о баронѣ — онъ и тасовать мастеръ, и передернетъ чисто.

— Но меня вездѣ знаютъ...

— Все это вздоръ...

Въ это время раздался такой сильный звонокъ въ передней, что послышался даже въ кабинетѣ и заставилъ всѣхъ троихъ шуллеровъ слегка вздрогнуть... Дверь съ шумомъ отворилась и предъ Мерзашевскимъ предсталъ высокаго роста господинъ съ лошадиной физіономіей, нѣсколько косоватый, въ золотыхъ очкахъ и нѣсколько навеселѣ.

— Побѣда! побѣда! закричалъ онъ громкимъ голосомъ.

— Что такое?

— Дѣло важное...

— Прошу насъ оставить, обратился Мерзашевскій къ своимъ подчиненнымъ, ступайте въ гостиную, да не валяйтесь по диванамъ и не сорите папиросами.

— Ну, какое дѣло, Тайновскій? продолжалъ онъ, когда остался одинъ съ вновь прибывшимъ.

— А вотъ какое: сегодня мы можемъ накрыть Серединкина со всею его компаніею...

— Будто бы?

— Непремѣнно. Вечеромъ у Серединкина окончательно разбиваютъ Хилькова, который попался въ сѣти. Приглашены одни только игроки. Я все это зналъ, скрежеталъ только зубами, но и намъ, Матвѣй Петровичъ, судьба благопріятствуетъ.

— Честное слово, вы меня радуете.

— Еще и не такъ обрадуетесь. Вчера пріѣхалъ изъ Кіева нѣкто Клиновскій...

— Ну? Богачъ?

— Не въ томъ дѣло: онъ въ настоящее время безъ гроша, но можетъ легко имѣть тысячи.

— Игрокъ?

— Великолѣпнѣйшій игрокъ. Онъ сидѣлъ въ острогѣ за обыграніе какого-то помѣщика, но освобожденъ и прибылъ въ Петербургъ искать счастья. Его прислалъ съ письмомъ одинъ мой родственникъ. Я уже его испытывалъ: это Александръ Македонскій въ своемъ родѣ...

— Какой Александръ Македонскій, тотъ что стулья ломаетъ?

— Эхъ, Матвѣй Петровичъ, я и позабылъ, что вы не далеки въ исторіи!

— Клянусь честью, я самъ слышалъ въ театрѣ про Александра Македонскаго, который стулья ломаетъ...

— Клиновскій отличается тѣмъ, что передергиваетъ искуснѣе всѣхъ нашихъ и мечетъ такихъ кругляковъ, что самъ Дроздовскій въ подметки негодится...

— Честное слово, я не вижу...

— Да вѣдь вамъ необходимо разжевать и въ ротъ положить. Вы знаете, что всѣмъ намъ закрыта дверь у Серединкина, а я обдѣлалъ дѣло, что за двѣсти рублей Клиновскаго туда впустятъ.

— Ну?

— Ну, онъ обработаетъ дѣльце, потому что онъ заткнетъ всѣхъ за поясъ.

— И насъ надуетъ.

— Надуть не можетъ: во первыхъ, онъ у меня въ рукахъ, во вторыхъ, за нимъ будутъ присматривать и въ третьихъ, онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы вступить въ нашу компанію.

— Если вы уже такъ говорите, я согласенъ.

— То-то.

— А кто же отъ Серединкина къ намъ переходитъ?

— Александръ Игнатьевичъ.

— А! Честное слово, очень радъ, это человѣкъ надежный. Я виноватъ передъ нимъ немного и надѣялся, что насъ помиритъ ваша Ольга Ивановна. Клянусь честью, я хотѣлъ надняхъ купить ей браслетъ.

— Слушайте же! Терять времени нечего. Я приведу вамъ сейчасъ Александра Игнатьевича, вы ему дадите тысячъ пять для выставки, а я поѣду за Клиновскимъ, которому въ карманъ необходимо тысячу, другую для блезиру, это, пожалуй, я дамъ изъ своихъ, и дѣло въ шляпѣ. Александръ Игнатьевичъ достанетъ у Серединкина карты сегодняшняго крапа. Знаете ли, что бестія Серединкинъ выдумалъ какія-то золотистыя точки.

— Честное слово, онъ большой руки мошенникъ.

— Но мы его нагрѣемъ!

Мерзашевскій повеселѣлъ и по отъѣздѣ Тайновскаго кликнулъ своихъ подчиненныхъ, обошелся съ ними уже не такъ деспотически и, пославъ обоихъ играть на бильярдѣ — одного къ Палкину, а другаго къ Доминику, далъ имъ по двадцати рублей для оборота.

Въ этотъ же самый часъ у Серединкина въ комнатѣ сидѣлъ Стрѣловицкій, который пришелъ не въ урочный часъ и велѣлъ разбудить хозяина. У Серединкина блестѣли глаза, онъ съ жадностью слушалъ своего гостя.

— Кирилъ Павловичъ! ты золотой человѣкъ, тебѣ нѣтъ цѣны, и еслибы не проклятая страсть...

— Объ этомъ послѣ! Я сдѣлалъ свое дѣло — срокъ окан-

чивается, и я больше не въ состояніи. Сегодня вы обдѣлаете дѣло, завтра я приду за деньгами, но вы мнѣ не отдавайте всего...

— Конечно...

— По временамъ буду заходить, и вы мнѣ давайте этакъ рублей по пяти, даже по три... надо оставить, — кто знаетъ, можетъ быть, придется въ больницу...

— А что, забираетъ?

— Признаюсь, все сердце изныло... самый запахъ водки сдѣлался необыкновенно противенъ, и это у меня служитъ несомнѣннымъ признакомъ того, что скоро запью... нельзя уже проходить мимо кабаковъ, такъ и тянетъ...

— Погибшая голова! Ну?

— Этотъ болванъ меня не знаетъ. Къ нему пріѣхалъ какой-то родственникъ изъ Кіева, — а вчера вечеромъ къ нему заходилъ уже Александръ Игнатьевичъ.

— Хромоногій чортъ! Я его давно подозрѣвалъ... Ну, не на такого напали...

— Да вы насчетъ крапу не слишкомъ съ ними откровенничайте.

— Спасибо за вѣсти, я имъ подпущу такого крапу, что и своихъ не узнаютъ. Хромоногій знаетъ мои золотистыя точки, — а я на сегодня приготовилъ геніальнѣйшую пунктуацію...

— А вы, вотъ что: вы положите-ко на тузы и на осьмерки фальшивый крапъ и оставьте нечаянно на столѣ колоду: не равно заѣдетъ Александръ Игнатьевичъ, такъ и поймается словно куръ во щи.

— Спасибо, спасибо тебѣ, Кирилъ Павловичъ. А что Калубинъ?

— Изъ него будетъ прокъ. Ужъ вы, Михаилъ Михайловичъ, не оставляйте его — я его пустилъ въ ходъ, а вамъ предстоитъ окончательное образованіе юноши.

— Хорошо, хорошо, я приму его въ долю.

— А теперь прощайте. Я пойду именно настраивать Калубина.

— Мы не думаемъ, однако-жъ, чтобъ сегодня окончательно разбили Хилькова: завтра еще у Репейкина...

— А я не думаю, Михаилъ Михайловичъ, чтобъ Хильковъ проигрался до нитки: больше пятидесяти тысячъ врядъ ли проиграетъ.

— И то хорошо.

И пріятели разстались.

Весь день Хильковъ былъ въ какомъ-то странномъ расположеніи духа. Какъ человѣку разсудительному, ему казалось неприличнымъ проигрывать по нѣсколько тысячъ, и онъ укорялъ себя за свое поведеніе; но весьма естественное желаніе отыграться, нашептывало ему свои соблазнительныя рѣчи, и онъ склонялся на послѣднее внушеніе.

Калубинъ, однако же, возставалъ противъ этого, и открыто заявлля свое неудовольствіе, приходилъ въ отчаяніе, что познакомилъ друга въ тѣхъ домахъ, гдѣ его такъ шибко объигрываютъ.

— Карты—бумага, гласитъ пословица, говорилъ Хильковъ съ улыбкою, а любишь кататься — люби и саночки возить.

— Не бери съ собой много денегъ, Леша, сказалъ Калубинъ, собираясь уже на вечеръ.

— А знаешь ли ты, умная голова, что я и проигрался именно потому, что не имѣлъ большаго запаса въ карманѣ. Ты не понимаешь силы капитала: онъ ломитъ все попадающееся на встрѣчу. Напротивъ, я возьму сегодня много денегъ и надѣюсь, что переломлю эту несчастную полосу. За то даю тебѣ слово играть въ послѣдній разъ въ азартныя игры въ случаѣ неудачи.

— Смотри же — держи слово свято.

— Я и не поступаю иначе, Андрюша. Сегодня могутъ взять у меня въ банкъ большія деньги, но завтра баста! Если угодно въ палки или въ пикетъ по цѣлковому — буду играть, а въ азартныя—ни за какія блага. Но посмотришь, что мы отъиграемся. А когда же къ твоимъ красавицамъ, Калубинъ?

— Кажется, завтра хотѣлъ пригласить Ренейкинъ. Но если тебѣ не повезетъ.

— Все равно, поѣду играть въ коммерческія.

— Странно, что ты вдругъ сдѣлался страстнымъ игрокомъ.

— Я имъ не сдѣлался, но ты не понимаешь, что значитъ увидѣть свою кровь.

Когда молодые люди пріѣхали къ Серединкину — гостей собралось уже довольно. Хильковъ нашелъ двѣ или три незнакомыя личности, а остальные были все тѣ же, съ которыми онъ уже встрѣчался. Его тотчасъ же засадили въ палки, но онъ игралъ, не хотя, не взирая на то, что выигрывалъ,— ибо могла ли его удовлетворять сумма въ нѣсколько сотъ рублей, когда у него въ перспективѣ были тысячи. Хилькову хотѣлось на первый разъ только отъиграть даже хотя и не все проигрышъ,— но возвратить десятокъ тысячъ, и онъ все обдумывалъ планъ, какъ ему вести себя — метать или

понтировать. Изъ-за палокъ онъ всталъ, положивъ въ карманъ три радужныя бумажки.

Въ сосѣдней комнатѣ раздавался уже глухой, но обаятельный звонъ полуимперьяловъ. Съ веселымъ выраженіемъ въ лицѣ, вступилъ Хильковъ въ игорную и, шутя, взялъ на счастье руку у Калубина.

Пропонтировавъ довольно скоро около трехъ тысячъ, Хильковъ изъявилъ желаніе прометать, — и Серединкинъ съ любезностью уступилъ ему свое любимое мѣсто возлѣ изящнаго шкафа съ зелеными занавѣсками. Къ нему подмазывался одинъ хромоногій господинъ въ половину, но Хильковъ не согласился, разсчитывая попытать прежде одному счастья, — и выложилъ нѣсколько банковыхъ билетовъ по тысячѣ. Въ числѣ новыхъ понтеровъ былъ одинъ молодой человѣкъ приличной наружности, привезенный хромоногимъ господиномъ, который игралъ весьма осторожно, но нельзя сказать, чтобъ счастливо, — и на лицѣ его внимательный наблюдатель прочелъ бы изумленіе.

Когда Хильковъ распечаталъ карты и началъ тасовать, то у многихъ изъ понтеровъ появилось на лицахъ тоже нѣчто въ родѣ недоумѣнія, и нѣкоторые изъ нихъ, переглянувшись между собою, обратили, какъ бы по командѣ, взоры на Серединкина, который по прежнему оставался безстрастенъ и спокоенъ. Хромоногій господинъ даже наклонился къ нему и прошепталъ что-то, но Серединкинъ отвѣчалъ отрывисто и всталъ съ своего мѣста. Калубинъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на хозяина и ему показалось, что во взорахъ Михаила Михайловича отразилось приказаніе слѣдовать за нимъ. Машинально Калубинъ всталъ съ своего мѣста и послѣдовалъ за Серединкинымъ въ другую комнату, гдѣ послѣдній, дѣйствительно, подозвалъ его знакомъ руки.

— Идите за мною, шепнулъ онъ.

Черезъ минуту Калубинъ очутился въ спальнѣ, изъ которой съ поворотомъ секретной двери вступилъ въ маленькую, почти неосвѣщенную комнату. Серединкинъ подошелъ къ стѣнкѣ и посмотрѣлъ въ какую-то скважину, послѣ чего на цыпочкахъ приблизился къ Калубину и сказалъ ему шопотомъ:

— И такъ, вы нашъ?

— Душою и тѣломъ.

Завтра получите десять процентовъ изъ сегодняшняго выигрыша, — а потомъ я пущу васъ въ ходъ. Ступайте осторожно къ стѣнѣ и загляните въ стеклышко. Чтобы ни увидѣли — не обнаруживайте никакого удивленія.

Съ замираніемъ сердца Калубинъ исполнилъ приказаніе Серединкина и, пробравшись къ указанному мѣсту шагами осторожной кошки, прильнулъ къ небольшому стеклышку. По тѣлу его пробѣжало волненіе, руки затряслись и зашатались, ноги, — но молодой человѣкъ не отходилъ отъ стѣнки, пока Серединкинъ не взялъ его за полу и не вывелъ въ спальню.

На Калубинѣ не было лица. Въ стеклышко онъ видѣлъ только гигантскія руки, на одной изъ которыхъ узналъ любимый перстень Хилькова, и въ этихъ рукахъ исполинскую колоду картъ, падавшихъ направо и налѣво. На рубашкѣ картъ, кромѣ обычнаго крапа, явственно виднѣлись точки, сдѣланныя красными и синими чернилами на самыхъ уголкахъ, а нѣкоторые уголки были искусно помѣчены острымъ орудіемъ. Судя по огромнымъ размѣрамъ картъ, которыхъ величина была съ добрый фоліантъ, — стекло должно было сильно увеличивать. Свѣчи Калубину казались колонками, — а лицъ онъ не видѣлъ.

— Ну-съ, г. Калубинъ?

— Михаилъ Михайловичъ, вы...

— Геній хотите сказать! Да, батенька, въ нашемъ ремеслѣ, особенно въ нынѣшнее время надобно имѣть геніальныя способности. У меня сегодня есть три человѣка, изъ нашихъ же, которые пріѣхали съ цѣлью объиграть меня и моихъ гостей; но я оберу ихъ до рубашки. Ваша, впрочемъ, только доля изъ проигрыша Хилькова.

— Благодарю, благодарю. А знаете ли, онъ говорилъ, что если проиграетъ, то забастуетъ, и только будетъ въ коммерческія.

— Это еще гадательно. Но и въ коммерческія можно: привезите-ка его завтра къ Репейкину.

— Постараюсь.

— Однако, ступайте въ игорную. Я скоро приду самъ, а на обсерваторіи у меня есть довѣренный астрономъ.

Хильковскіе банки взлетали на воздухъ одинъ за другимъ; многіе понтеры также проигрывали, и въ числѣ послѣднихъ былъ и пріѣзжій молодой человѣкъ, шулеръ Клиневскій, подосланный Мерзашевскимъ. Клиневскій подошелъ къ хромоно́гому господину и шепотомъ вступилъ съ нимъ въ совѣщаніе. Послѣдній казался весьма недоволенъ.

— Подлецъ перемѣнилъ крапъ, да и крапа совсѣмъ не видно, шепнулъ онъ. Я не знаю — слѣдуетъ ли намъ закладывать. Есть штука, но я ее не понимаю.

— На счетъ тасовки, Александръ Игнатьевичъ, искусства

мало, даже вольты не искусны: я это все обработаю гораздо лучше. Предложите Серединкину взять меня въ половину.

— И слушать не захочетъ.

— Далъ бы хоть двадцать пять копѣекъ.

— Это скареда такая, что страхъ. Я, признаться, думалъ, что мы его облапошимъ просто на просто.

— Надо будетъ рискнуть послѣ ужина. А господчикъ принесъ довольно?

— Тысячъ около двадцати. Но подождите, что еще будетъ.

— Но вѣдь ваша доля ничтожная.

— Съ подобнымъ жидомъ какъ Серединкинъ ничего не подѣлаешь. Я прихожу къ тому заключенію, что деньгами Мерзашевскаго рисковать не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что я сбился со слѣда сегодняшняго крапа, а дѣйствовать иначе — будетъ подозрительно. Здѣсь все свои. Васъ я привезъ подъ своею личною отвѣтственностью — слѣдовательно, вы здѣсь лице безгласное. Если бы можно было нагрѣть Серединкина, я понимаю; но эта бестія геніально распорядилась, и никакое ваше искусство не поможетъ. Остается одно средство предостеречь этого молодаго дурака и переманить его къ Мерзашевскому.

— Да я имъ поднесу кругляка.

— Откуда вы пріѣхали? Неужели у васъ въ провинціи такое дурное мнѣніе о столицѣ. Мерзашевскій по своей простотѣ вѣруетъ въ ваше чрезвычайное искусство; но, повѣрьте, что здѣсь за столомъ, кромѣ жертвы и его товарища, каждый игрокъ, если самъ не промечетъ кругляка, то по первой же таліи узнаетъ, какую угодно подтасовку. Вотъ если бы знать крапъ — другое дѣло, вы могли бы зацѣпить тысячу другую, но я садился возлѣ самаго банкомента и ничего не замѣтилъ.

Хильковъ спустилъ сорокъ тысячъ — и всталъ изъ-за стола, какъ послѣ бани: лице все было красно и роскошные волосы развились и висѣли по бокамъ мокрыми прядями. Онъ искалъ глазами Калубина — и прямо подошелъ къ нему.

— Ѣдемъ, Андрюша, домой. Мнѣ адски не везетъ. Я сперва было подумалъ не къ шулерамъ ли я попался въ лапы — но все время почти самъ металъ банкъ.

— Ѣдемъ. Значитъ, сегодняшній вечеръ послужитъ тебѣ урокомъ, и ты не будешь больше играть въ азартныя.

— Я далъ слово.

Въ это время Серединкинъ подошелъ къ Хилькову.

— Мнѣ остается одно утѣшеніе, сказалъ онъ, что не я объигралъ васъ. Но, признаюсь, еще никогда въ жизни я не видѣлъ подобнаго несчастья.

— Несчастье баснословное, и еслибъ я не самъ металъ...

— Конечно, имѣли бы право усомниться въ партнерахъ.

— Я хотѣлъ уѣхать, но какъ далъ товарищу слово не играть больше въ азартныя, то желаю сегодня еще пустить въ ходъ нѣсколько остальныхъ билетовъ.

— Не совѣтовалъ бы, замѣтилъ Серединкинъ серьезно: есть адскіе вечера, когда положительно играть не слѣдуетъ.

— Кто проигралъ сорокъ тысячъ, тому уже десять ничего не значитъ, тѣмъ болѣе, что уже никогда я не сяду въ азартныя игры, а между тѣмъ, могу уже разсчитывать на шансъ, послѣ неудачи.

— Не играй, Леша, упрашивалъ Калубинъ: послушайся дружескаго совѣта.

— Нѣтъ, Калубинъ: самое благоразуміе велитъ играть, и я всетаки буду метать, я не хочу понтировать.

Прождавъ, пока сорванъ былъ ничтожный банкъ, заложенный кѣмъ-то изъ шулеровъ, Хильковъ снова сѣлъ на завѣтное мѣсто. Серединкинъ снова вызвалъ Калубина на обсерваторію. Тамъ занимался молодой человѣкъ, тщательно приглаженный и, при входѣ Серединкина, махнулъ рукою.

Послѣдній остался въ спальнѣ на порогѣ двери.

— Дѣло началось, шепнулъ онъ Калубину и потому не будемъ мѣшать.

Астрономъ внимательно смотрѣлъ въ свой телескопъ и по временамъ дергалъ за какую-то веревочку съ разными оригинальными пріемами, что очень заняло Калубина.

— Вы думаете, что Хильковъ сдержитъ слово? спросилъ Серединкинъ, притворяя дверь въ спальню.

— Увѣренъ.

— Жаль, но мы нагрѣемъ его и въ коммерческія.

— Извините за вопросъ, Михаилъ Михайловичъ, объясните мнѣ, что дѣлаетъ вашъ астрономъ на обсерваторіи?

— Объигрываетъ Хилькова на вѣрняка. Вѣдь вы смотрѣли въ трубу?

— Да.

— Что-жъ вы тамъ видѣли?

— Исполинскія карты.

— И, конечно, видѣли, что карты эти Хильковъ держитъ такъ, что замѣтны краешки четвертой и даже шестой карты.

Въ этомъ и вся штука: астрономъ наблюдаетъ, что можно поставить на вѣрную и посредствомъ телеграфа передаетъ одному бойцу свое наблюденіе, а тотъ кричитъ атанде и валяетъ на повалъ. Не правда ли, простая штука?

— Очень.

— А выдумать ее мнѣ стоило труда. Но пойдемъ, послѣднія десять тысячъ скоро перейдутъ къ намъ и finita la comedia. Съ чужими шулеришками не будетъ работы: смекнули подлецы въ чемъ дѣло. Особенно меня бѣситъ этотъ хромоногій: при дѣлежкѣ я ему шишъ подъ носъ, и въ случаѣ чего велю сбросить съ лѣстницы, пусть говоритъ, что его разбилъ новый параличъ.

Дѣйствительно, въ какихъ нибудь часа полтора Хильковъ всталъ безъ гроша въ карманѣ. Калубинъ утащилъ его домой безъ ужина.

На другой день пріятели встали очень поздно. Хильковъ, который проигралъ около шестидесяти тысячъ, разомъ отрезвился и отъ своей несчастной любви и отъ жажды развлекаться сильными ощущеніями. Онъ разсуждалъ, впрочемъ, довольно справедливо, что, лишивъ себя части годоваго дохода, онъ даже не пошатнулъ своего благосостоянія, потому что могъ еще жить очень хорошо изъ остальныхъ двухсотъ пятидесяти тысячъ капитала. Конечно, ему было жаль бросить въ воду такую значительную сумму, но сдѣланнаго не воротишь, и рисковать большими деньгами для того, чтобы отыграть проигрышъ — казалось ему дѣломъ положительно безумнымъ. Онъ даже не могъ отдать себѣ отчета — какъ онъ увлекся игрою до такой степени, не чувствуя въ себѣ картежническаго призванія.

За утреннимъ чаемъ онъ повторилъ Калубину свое обѣщаніе не играть болѣе въ азартныя игры и даже заявилъ, что нѣкоторое время совсѣмъ не намѣренъ брать картъ въ руки.

Калубинъ одобрилъ это намѣреніе, и молодые люди разошлись, условясь ѣхать вмѣстѣ въ маскарадъ Большаго театра.

Калубинъ отправился прямо къ Серединкину. Михаилъ Михайловичъ вышелъ съ подвязанною головою и отсчиталъ ему только двѣ тысячи, вмѣсто обѣщанныхъ пяти, на томъ основаніи, что у него съ товарищемъ вышли непріятности при дѣлежѣ; что онъ разссорился съ многими товарищами,—

но обѣщалъ отдать остальныя три тысячи со временемъ. Подбитый глазъ Серединкина доказывалъ, дѣйствительно, что онъ подвергался непріятностямъ, но Калубина покоробило немного, когда онъ получилъ менѣе даже половины того, что ему было обѣщано. Серединкинъ, впрочемъ, какъ человѣкъ практическій, объявилъ Калубину, что Хильковъ могъ быть извѣщенъ о заговорѣ и потому совѣтовалъ молодому сообщнику быть осторожнѣе—и предлагалъ, въ случаѣ надобности, свою квартиру. Безпокойство Калубина значительно усилилось, когда Михаилъ Михайловичъ объявилъ ему, что окончательно разошелся съ Репейкинымъ, который оказался подлецомъ, и перешелъ на сторону Мерзашевскаго.

Возвращаясь домой въ странномъ и невеселомъ расположеніи духа, Калубинъ обогналъ на своей лѣстницѣ почтальона, онъ собирался уже позвонить, когда послѣдній оборотился къ нему съ вопросомъ не господинъ ли онъ Хильковъ.

— Да, отвѣчалъ Калубинъ.

— Вотъ вамъ письмо.

Схвативъ конвертъ и бросивъ почтальону пятіалтынный, онъ поспѣшилъ въ свою комнату, волнуемый какимъ-то предчувствіемъ. Немедля ни мало, онъ распечаталъ чужое письмо и узналъ, что неизвѣстная особа увѣдомляла Хилькова о комплектѣ шулеровъ и предостерегала болѣе всего отъ Калубина. Молодой человѣкъ вздрогнулъ. Передъ нимъ начало являться настоящее его поведеніе, но онъ очень хорошо понималъ, что ему уже выхода не было.

Хильковъ сидѣлъ дома и занимался вознею съ бульдогомъ. Узнавъ о пріѣздѣ товарища, онъ поспѣшилъ къ нему.

— Поздравь, Калубинъ, я получилъ интересное письмо.

— Ну?

— Назначено свиданіе въ маскарадѣ. Написано немного безграмотно, однако, тѣмъ не менѣе, интрига. А ты надѣешься повеселиться?

— Да! глухо проговорилъ Калубинъ, только у меня что-то голова побаливаетъ.

— Вотъ вздоръ! Ты не былъ у своихъ красивицъ?

— Нѣтъ, я ходилъ въ департаментъ.

Калубинъ поджидалъ Стрѣловицкаго, отъ котораго надѣялся получить необходимыя свѣдѣнія, но ожиданія его не сбылись, и, волею неволею, онъ долженъ былъ ѣхать съ товарищемъ во французскій театръ, а оттуда въ маскарадъ.

Въ театрѣ онъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, потому что ви-

дѣлъ Клиневскаго съ однимъ изъ игроковъ, котораго встрѣчалъ у Репейкина, — но оба эти господина, повидимому, не обратили на него вниманія.

Въ двѣнадцать часовъ пріятели ходили уже по залѣ Большаго театра. Хильковъ, обойдя вокругъ, остановился на условленномъ мѣстѣ у оркестра и ожидалъ черное домино съ трехцвѣтной кокардой на правомъ плечѣ и съ букетомъ, перевитымъ голубою ленточкою. Калубинъ съ безпокойствомъ блуждалъ между толпою.

Вскорѣ къ Хилькову подошла маска и повела его на верхъ въ просторныя залы фойе, гдѣ очень удобно было уединиться.

— Я хочу предостеречь тебя, сказала маска естественнымъ голосомъ, который показался знакомымъ Хилькову.

— Въ чемъ, милая маска?

— Въ томъ, что тебя объигрываютъ навѣрную.

— Можетъ ли это быть?

— И если ты не побережешься, то, будь увѣренъ, тебя оберутъ до нитки.

Хилькова ударило въ потъ. Ему самому мелькало неясно подобное подозрѣніе.

— Но кто ты? спросилъ онъ.

— Къ чему тебѣ знать? Я бѣдная дѣвушка, которая завтра же не будетъ имѣть пріюта...

— Какъ? Ты шутишь?

— Я не шучу, проговорила маска голосомъ, въ которомъ звучало какое-то горе: и я пріѣхала въ маскарадъ, чтобъ спасти тебя отъ разоренія...

— Но чѣмъ же я заслужилъ твое участье?

— Тѣмъ, что ты честный человѣкъ и попалъ въ шайку шулеровъ. Я сама обманута ими, и только вчера узнала ихъ продѣлки...

— Неужели ты...

Спутница Хилькова подвела его къ амбразурѣ окна и приподняла маску.

Молодой человѣкъ остолбенѣлъ. Передъ нимъ стояла блондинка, одна изъ племянницъ Репейкина.

— Такъ, значитъ, все это правда? воскликнулъ онъ.

— Сущая правда, отвѣчала дѣвушка, надѣвая маску. Здѣсь не мѣсто, но если хочешь, пойдемъ куда нибудь, я тебѣ разскажу все и сообщу даже, кто предалъ тебя.

— Ѣдемъ! Вѣрь мнѣ, что твое доброе дѣло не останется

безъ награды, и если только въ моей власти помочь тебѣ, ты можешь на меня разсчитывать.

— Ѣдемъ, только выйдемъ на главный подъѣздъ разными путями — я не хочу, чтобъ меня видѣли съ тобою.

— Между тѣмъ другая маска подхватила Калубина.

— Гдѣ твой другъ? спросила она.

— Какой?

— Хильковъ.

— Не знаю — онъ былъ здѣсь недавно.

— Ты живешь съ нимъ вмѣстѣ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, не совѣтую тебѣ возвращаться домой.

— Отчего? спросилъ, вздрогнувъ, Калубинъ.

— Оттого, что онъ уже все знаетъ.

— Бога ради, будь откровеннѣе.

— Завтра приходи въ Пассажъ на верхнюю галлерею — тамъ все разскажу, а теперь прощай! Повторяю, что дома ждутъ тебя большія непріятности.

Маска почти вырвалась отъ Калубина и смѣшалась съ толпою, а молодой человѣкъ остался словно прикованный къ своему мѣсту. По голосу и по акценту онъ догадывался, что говоритъ съ одною изъ племянницъ Репейкина — и потому для него стало ясно — о чемъ его предупреждали. Онъ охотно дезертировалъ бы съ квартиры, — но всѣ его деньги заперты были въ столѣ, и потому слѣдовало, во что бы то ни стало, ѣхать домой, не теряя ни минуты. Окинувъ взорами залу, онъ искалъ Хилькова. Но, во первыхъ, собралась уже многочисленная публика, а во вторыхъ, у него двоилось въ глазахъ, — и онъ ничего не могъ увидѣть.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже у подъѣзда, бросился на перваго извощика и поскакалъ въ карьеръ домой, обѣщавъ полтинникъ въ Большую Морскую.

Позвонивъ торопливо, онъ быстро вошелъ въ переднюю.

— Дома Алексѣй Ивановичъ? спросилъ онъ.

— Дома, отвѣчалъ слуга, и васъ ожидаютъ.

Калубину сдѣлалось чрезвычайно неловко, но онъ, какъ могъ бодрѣе, вошелъ въ гостиную. На столѣ лежала маска, вѣеръ и букетъ...

— А! подумалъ онъ — гости, значитъ, ничего особеннаго.

Въ это это время Хильковъ вышелъ изъ кабинета. Лицо его было мрачно.

— Г. Калубинъ, сказалъ онъ рѣзко: позвольте васъ спросить — сколько вы взяли съ Серединкина за то, чтобы предать меня?...

— Я, Леша? предать?

— Я васъ спрашиваю, сколько вамъ заплатили или обѣщали за ваше предательство?

Калубинъ поблѣднѣлъ и не отвѣтилъ ни слова.

— Подлецъ! Ты польстился на шулерскія обѣщанія...

— Но откуда?

— Ни слова! Я все знаю.

И громкая полновѣсная пощечина едва не сбила съ ногъ Калубина, который, раза два повернувшись, попятился къ двери.

— Довольно! Это первая пощечина, которую я позволилъ себѣ въ жизни, но, надѣюсь, не послѣдняя, которая заклеймила лицо подобнаго тебѣ мерзавца! Вонъ изъ моего дома! Я имѣю полное право обыскать тебя и удержать деньги, которыя ты пріобрѣлъ цѣною предательства, но я этого не сдѣлаю. Мои деньги помогутъ тебѣ сдѣлаться шулеромъ, и ты самъ навлечешь на себя наказаніе. Эй!

Явился слуга.

— Съ сегодняшняго вечера переѣзжаетъ отъ меня г. Калубинъ. Завтра придетъ онъ за своими вещами, но послѣ того никогда не принимать этого господина.

Какъ ни былъ озадаченъ Калубинъ, однако въ двери кабинета ему мелькнуло знакомое лицо блондинки.

Когда ушелъ Хильковъ, Калубинъ поспѣшно отправился въ свою комнату, заперъ дверь, осторожно вынулъ изъ стола деньги, взялъ небольшой саквояжъ и черезъ четверть часа оставилъ квартиру Хилькова.

Первая въ жизни пощечина! Дѣйствительно, онъ получилъ первую въ жизни пощечину, которая, однако же, не была послѣднею, потому что съ тѣхъ поръ, на другой же день онъ переселился къ Серединкину и вступилъ въ число шулеровъ, которыхъ всегда было множество въ Петербургѣ.

Недавно какъ-то, прошлою зимою, хоронили одну артистку. Погода стояла мрачная. Пышный гробъ, украшенный живыми цвѣтами, медленно двигался по улицамъ, сопровождаемый огромною толпою изъ разныхъ слоевъ общества. Легкій снѣжокъ набрасывалъ оригинальное покрывало на вѣтки зелени и бѣлыхъ камелій, украшавшихъ траурную колесницу. Похо-

ронная процессія за Глазовымъ мостомъ встрѣтилась съ убогими дровнями, тащившими простой гробъ, за которымъ шла, въ оборванномъ салопикѣ, нестарая еще женщина, сохранившая слѣды замѣчательной красоты, но лицо которой выражало не то глубокую скорбь, не то отупѣлое равнодушіе. Возлѣ нея плелся старичекъ въ обтрепанной шинели.

Дровни должны были остановиться, чтобы дать дорогу колесницѣ и всему кортежу.

— А! вотъ и они! сказала блѣдная женщина старичку, когда прошли пѣшіе и показались экипажи. Вотъ они наши губители...

— Я плохо, признаться, вижу...

— Вы ихъ всѣхъ знали, и я знала... Вотъ Мерзашевскій на парѣ сѣрыхъ — онъ опять разбогатѣлъ... Было время, когда онъ цѣловалъ у меня руки, а теперь не узнаетъ... Вотъ Репейкинъ — и этотъ живетъ бариномъ.

— А гдѣ же Серединкинъ?

— Въ Сибири.

— Жаль...

— Э, полно! такой же подлецъ, а, пожалуй, и хуже...

— Ну, тутъ ли хромоногій?

— Какъ же! Этотъ все дарилъ мнѣ собачекъ... А когда заболѣлъ Андрюша, и я попросила десять цѣлковыхъ, то велѣлъ выгнать изъ дому... Переломали ноги... и всетаки не покаялся...

— Кто-жъ еще идетъ?..

— Идетъ и нѣмецъ... и много новыхъ шулеровъ... Скоро ли пронесетъ ихъ...

— Погубили Андрея Ивановича... Ахъ, Ольга Максимовна, и моя тутъ вина отчасти... да что дѣлать...

Блѣдная женщина махнула рукою.

— Скорѣе бы уложить его на покой... Я за нимъ сама измучилась, послѣднее прозакладывала. Вѣдь какъ прибили въ послѣдній разъ, полтора мѣсяца не вставалъ съ постели. Мало того, отобрали всѣ деньги не только тѣ, что у нихъ выигралъ, а и его собственныя...

— Съ игроками такъ, Ольга Максимовна... У меня есть три рублика, мнѣ дали сегодня... Будетъ чѣмъ помянуть покойника...

Кортежъ, наконецъ, проѣхалъ, и дровни тронулись, вслѣдъ за нимъ, по направленію къ Волкову кладбищу.

ВОЛЧЬЯ ШУБА.

ВОЛЧЬЯ ШУБА.

РАЗСКАЗЪ.

Знаете ли вы Ивана Ивановичу Притыку? Еще не такъ давно его можно было встрѣтить на улицахъ уѣзднаго города Дубосельска. Хорошая и дурная погода для него, казалось, не имѣла различія; каждый день, послѣ легкаго послѣобѣденнаго сна, онъ любилъ немного пройтись по улицамъ, раскланяться и поговорить съ знакомыми, встрѣчающимися съ нимъ, потолковать о дороговизнѣ, о развитіи всеобщаго просвѣщенія и объ увеличеніи людскихъ прихотей, и при этомъ онъ вспоминалъ, со вздохомъ, о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда его отецъ, бывшій копіистомъ въ какомъ то присутственномъ мѣстѣ, могъ очень удобно и безъ лишеній проживать, истрачивая не болѣе своего жалованья, 4 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ.

— Просвѣщеніе, батюшка, говорилъ часто Иванъ Ивановичъ, сдѣлало у насъ большой переворотъ. Даже жениться толкомъ не дадутъ...

Ивана Ивановича легко можно было узнать по его коричневому фраку съ большими бронзовыми пуговицами, по его брелокамъ, висѣвшимъ у жилетнаго кармана, въ которомъ помѣщались огромные серебряные часы, оставшіеся Притыкѣ отъ покойнаго родителя, и по его рѣденькимъ, сѣдымъ бакенбардамъ. Прежде, когда онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ, его защищала отъ холода волчья шуба; но въ послѣднее время онъ питалъ особенное отвращеніе къ мѣхамъ и носилъ шинель на ватѣ, подбитую фланелью. Его всѣ знали и уважали за добродушіе и привѣтливость. Не было въ городѣ человѣка, который не говорилъ бы о Притыкѣ съ глубокимъ почтеніемъ. И я могу это утвердительно сказать, основываясь на томъ, что на похороны Ивана Ивановича собрался рѣшительно весь городъ, а вдовушки, которымъ онъ завѣщалъ порядочную сумму, скопленную имъ въ продолженіе многихъ холостыхъ, экономныхъ лѣтъ, даже плакали, и такъ громко, что заглушали свя-

щенника, отпѣвавшаго тѣло усопшаго. Миръ праху твоему, Иванъ Ивановичъ, ты былъ истинно добрымъ человѣкомъ.

Почему Иванъ Ивановичъ, говоря о просвѣщеніи, непремѣнно упоминалъ и о женитьбѣ, и почему онъ не любилъ шубъ, объ этомъ знакомые его разсказываютъ любопытную исторію.

Когда Ивану Ивановичу исполнилось 35 лѣтъ, онъ былъ протоколистомъ дворянской опеки, имѣлъ свой домикъ и хозяйство; не доставало только друга, съ которымъ можно было бы раздѣлить житейскія хлопоты, а потому онъ задумалъ жениться. Жестоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что Иванъ Ивановичъ располагалъ жениться для того только, чтобы имѣть друга, съ которымъ было бы возможно раздѣлить житейскія хлопоты; нѣтъ, его манила къ тому привязанность къ одной милой и умненькой юной Вѣрочкѣ. Кто изъ насъ не любилъ? Кто изъ насъ не страдалъ отъ томнаго, или нѣжнаго взгляда сѣроглазой, или съ глазами какого нибудь другаго цвѣта, красавицы? Правда, на свѣтѣ много людей холодныхъ къ обольстительнымъ глазамъ, розовымъ губкамъ, бѣлому личику; но вѣдь это исключеніе, а Иванъ Ивановичъ не былъ исключеніемъ. И онъ былъ расположенъ къ любви, и онъ думалъ страдать отъ стрѣлъ безжалостнаго амура, если бы не подоспѣлъ къ нему на помощь одинъ изъ друзей его, хотя этотъ другъ и оказался потомъ коварнымъ.

И такъ, Иванъ Ивановичъ, опасаясь повергнуться въ бездну страданій отъ любви, думалъ предупредить грядущее мученіе женитьбой на привлекавшей его дѣвушкѣ.

Чудная дѣвушка, эта Вѣрочка! Глаза большіе, сѣрые блестящіе, какъ у кошечки; сама — маленькая, стройненькая; лицо бѣлое, хотя правда, и есть на лицѣ немного веснушекъ, но онѣ какъ-то идутъ къ ней. А брови? Что за брови! — дугой, какъ будто нарисованы. А волоса!.. ну, такъ и хочется погладить ей по головушкѣ и поцѣловать въ самую маковку. Руки... руки ея, правда, не совсѣмъ бѣлы, но нѣжны и какъ-то прекрасно сложены. Я видѣлъ у какой то статуи такія руки, и, помню, мнѣ говорили что это статуя — образцовое — твореніе! — Чудная дѣвушка, эта Вѣрочка! Женюсь на ней, непремѣнно женюсь. Завтра же пойду, — чтобы не подвернулся къ ней какой нибудь молодчикъ, да не понравился ей... А отъ препятствія у меня еще больше разовьется страсть, и тогда прощай, Иванъ Ивановичъ, — страдай, да охай. Нѣтъ, завтра же иду свататься.

Такъ разсуждалъ Притыка, прохаживаясь по комнатѣ, и,

Богъ знаетъ, когда бы окончилась нить его мечтаній, если бы не прервалъ ее вошедшій молодой человѣкъ, Ѳедоръ Афанасьевичъ Лукашкинъ, столоначальникъ уѣзднаго суда, пріятель Ивана Ивановича и тоже влюбленный въ Вѣрочку.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!

— Добро пожаловать, дорогой гость. Какой вѣтеръ занесъ васъ?

— Хотѣлъ васъ провѣдать. О чемъ это вы думаете, прохаживаясь изъ угла въ уголъ?

— Гмъ... хочу жениться, — проговорилъ Притыка, вдругъ остановясь и посмотрѣвъ на Лукашкина.

— На комъ?

— На Вѣрочкѣ Кутровой. Чудная дѣвушка!.. сказалъ задумчиво Иванъ Ивановичъ и снова зашагалъ по комнатѣ.

Лукашкинъ поблѣднѣлъ отъ такого отвѣта. Онъ не только самъ любилъ Вѣрочку, но и пріобрѣлъ ея взаимность, а потому, по его убѣжденію, Кутрова, по всѣмъ правамъ, должна была принадлежать ему. Но кто поручится, что родители ея думаютъ также? Быть можетъ, они уже расположены въ пользу Притыки. Ѳедоръ Афанасьевичъ рѣшился попробовать хитростью вырвать предметъ своей любви изъ рукъ противника.

— Такъ вы думаете жениться? спросилъ Лукашкинъ мечтающаго Ивана Ивановича.

— Непремѣнно, завтра же иду сватать. Эта дѣвушка — золото; какая умная, живая... она сдѣлаетъ мой домишко раемъ для меня.

— А я скажу вамъ, что не сдѣлаетъ.

— Какъ не сдѣлаетъ! почему?

— Да потому, что она любитъ другаго.

— Вы клевещете на нее; вы не знаете, что говорите! запыльчиво проговорилъ Притыка...

— Если бы я не зналъ, то и не говорилъ. Я уважаю васъ, какъ друга, и хочу избавить васъ отъ большихъ непріятностей. Вотъ послушайте. Прихожу я разъ какъ то къ Кутровымъ; въ залѣ не было никого; подождалъ — никто не выходитъ. Вдругъ, я слышу, кто то поцѣловался въ сосѣдней комнатѣ. Ну, думаю, вѣрно старики Кутровы мировую заключили, — да туда... отворяю двери, — а тамъ Вѣрочка съ какимъ то офицеромъ, да такъ вся и закраснѣлась.

— Это бѣсъ, а не дѣвочка, проговорилъ Притыка, покачивая уныло головой. А я чуть-чуть не женился на ней. Ну, кто бы могъ подумать...

— Вѣдь въ томъ то и дѣло, что въ тихомъ омутѣ черти водятся. И я не предполагалъ за нею такихъ штукъ.

— Жаль стариковъ Кутровыхъ. Нѣтъ, ужъ теперь я не гость ихъ и не женихъ Вѣрочки: избави Богъ отъ соблазна. А какъ она обворожила меня!..

— Не унывайте, Иванъ Ивановичъ. Докажите ей, что вы въ ней не нуждаетесь. Хотите, я покажу вамъ одну невѣсту? Чудо какая!

— Какую невѣсту?

— Александру Ѳедотовну Выборную.

— Я не знаю ее. Она не здѣшняя?

— Нѣтъ. Выборные недавно пріѣхали къ намъ съ Кавказа и думаютъ поселиться здѣсь.

— Помню, слышалъ.

— Вотъ такъ невѣста! скажете спасибо, какъ увидите: не чета Вѣрочкѣ. Женитесь на Александрѣ Ѳедотовнѣ,— будете блаженствовать. А Вѣрочка пусть себѣ съ офицерами любезничаетъ.

— Я готовъ. Пусть Вѣрочка присутствуетъ на моей свадьбѣ, да губки облизываетъ. Ей нравятся офицеры: посмотримъ, что то она выиграетъ съ ними.

— Ну, такъ рѣшено! Завтра идемъ: я васъ представлю.

— Когда же? Завтра некогда, служба...

— Да мы въ вечеру отправимся: я съ ними хорошо знакомъ. При томъ они и сами просили, чтобы я познакомилъ ихъ съ своими друзьями. Вотъ я и поведу васъ, какъ друга.

На другой день, не смотря, на валившій хлопьями, снѣгъ, при ощутительномъ сѣверномъ вѣтрѣ, Иванъ Ивановичъ, укутавшись въ волчью шубу, отправился съ Лукашкинымъ дѣлать новое знакомство и полюбоваться предлагаемою невѣстой. »Отомщу же я Вѣрочкѣ«, думалъ Притыка дорогой: »женюсь на Выборной, конечно, если она мнѣ сколько нибудь понравится, и докажу коварной, что я не нуждаюсь въ ея ласкахъ. Придешь бывало къ нимъ, Кутровымъ,— бѣсенокъ такъ и смотритъ, будто пряника ожидаетъ, такъ и вертится предъ глазами, а на сторонѣ къ офицерамъ льнетъ. Не даромъ у нея кошачьи глазки. И какая молоденькая... Вотъ поди же ты съ ней!« заключилъ Иванъ Ивановичъ и ввалился въ квартиру Выборныхъ.

Александра Ѳедотовна, дочь Ѳедота Савича, отставнаго поручика, и Анны Лукьяновны Выборныхъ, прожила уже три десятка лѣтъ подъ крылышками добрыхъ или вѣрнѣе, нѣжныхъ

родителей, мечтая и тоскуя о неизвѣстномъ суженомъ-ряженомъ, котораго угодно будетъ судьбѣ назначить для нея. Такое долгое дѣвичество происходило не отъ разборчивости, какою страдала невѣста дѣдушки Крылова, но отъ того, что дѣвица Выборная была непривлекательной наружности, притомъ отецъ ея былъ очень бѣденъ и жилъ только пенсіономъ, получаемымъ за раны, пріобрѣтенныя на Кавказѣ. Конечно, дѣвичество ей крайне надоѣло, и когда по утру того дня, въ который Притыка отправился смотрѣть невѣсту — Лукашкинъ, забѣжавъ къ Выборнымъ, объявилъ имъ, что нѣкто, его другъ, Иванъ Ивановичъ Притыка, увидѣвъ какъ-то Александру Ѳедотовну, влюбился въ ея прелести и придетъ сдѣлать ей предложеніе, — дѣвица Выборная вдругъ почувствовала замираніе сердца и повторяла едва слышно: »Какой душка, этотъ Притыка! какъ я обожаю его!.. я тотчасъ пойду за него!« И за тѣмъ съ радостнымъ трепетаніемъ въ груди, ожидала появленія рыцаря, желающаго спасти ее отъ чудовища-одиночества.

— Рекомендую вамъ, Ѳедотъ Савичъ, искренняго друга моего, Ивана Ивановича Притыку, сказалъ Лукашкинъ входившему хозяину, указывая на приведеннаго гостя.

— Очень радъ... чрезвычайно радъ, проговорилъ Ѳедотъ Савичъ, пожимая дружески руку Притыкѣ.

—А что? прошепталъ Лукашкинъ хозяину: все ли у васъ готово. Вѣдь онъ хочетъ, чтобы сегодня же и сговоръ былъ.

— Поговорите объ этомъ съ дамами, отвѣчалъ также тихо хозяинъ и занялся разговоромъ съ Иваномъ Ивановичемъ, а Ѳедоръ Афанасьевичъ отправился на переговоры съ дамами.

Бѣдный Иванъ Ивановичъ и не подозрѣвалъ, какой страшный заговоръ составлялся противъ его свободы. Да и кто можетъ предугадать замыслы злаго ума. Бесѣда Притыки съ хозяиномъ не продолжалась и часу, какъ явились жена Выборнаго, очень ласково привѣтствовала гостя, раскрыла въ углу, подъ образами, столъ, поставила на него икону и хлѣбъ-соль, и вывела пожилую дочь, одѣтую въ бѣлое парадное платье. Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ на всѣ эти приготовленія съ изумленіемъ; но когда вывели невѣсту, которая ему совершенно не пришлась по сердцу, онъ невольно схватился за шапку.

— Я не нахожу словъ для выраженія вамъ радости, началъ Ѳедотъ Савичъ, и сердечной признательности за ту честь, которую вы намъ оказываете.

Иванъ Ивановичъ поблѣднѣлъ и попятился назадъ.

— Извольте же становиться, безцѣнный Иванъ Ивановичъ — и я благословлю васъ, какъ дорогаго моего сына.

— Кого? прошепталъ Иванъ Ивановичъ и отступилъ къ дверямъ.

— Васъ, васъ, дражайшій Иванъ Ивановичъ!

— Развѣ я говорилъ объ этомъ?

При этомъ вопросѣ Ѳедотъ Савичъ нахмурился и отвѣчалъ:

— За васъ объяснился другъ вашъ, Ѳедоръ Афанасьевичъ.

— Онъ слишкомъ поспѣшилъ. Я еще не готовъ къ тому.

— Да вы смѣетесь надъ нами? закричалъ вдругъ гнѣвно Ѳедотъ Савичъ, я не люблю, милостивый государь, шутить.

Иванъ Ивановичъ опрометью бросился въ сѣни, накинулъ на себя шубу и хотѣлъ бѣжать; но спущенныя съ цѣпи собаки, почуя волчій запахъ, несущійся отъ шубы Притыки, окружили бѣглеца съ остервенѣніемъ. Несчастный женихъ находился между двухъ огней, съ одной стороны — невѣста, съ другой собаки; послѣдніе ему показались не такъ страшны, и онъ бросился къ воротамъ. Но, увы, ворота были заперты, а шуба обращалась въ клочья отъ зубовъ разъяренныхъ церберовъ. Будь у Ивана Ивановича шинель, или шуба на какомъ нибудь другомъ мѣху, собаки, быть можетъ, ограничились бы однимъ лаемъ; но волчій мѣхъ приводилъ ихъ въ ярость, и сколько Притыка не отгонялъ грозныхъ псовъ,— они не только не усмирялись, но, напротивъ, свирѣпѣли пуще прежняго; страдалецъ уже терялъ надежду на сохраненіе своей жизни. Крайность принудила его оставить шубу въ добычу собакамъ, и онъ кое-какъ перелѣзъ черезъ заборъ и налегкѣ полетѣлъ во весь духъ домой. Такое путешествіе уложило его въ постель, и онъ два мѣсяца пролежалъ въ горячкѣ. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ равнодушно вспомнить ни о шубѣ, ни о женитьбѣ.

Къ чести Ивана Ивановича, нужно прибавить, что онъ въ послѣдніе годы своего пребыванія на этой суетной землѣ, простилъ въ душѣ всѣхъ своихъ непріятелей, даже и Лукашкина, женившагося вскорѣ послѣ описаннаго происшествія на Вѣрочкѣ Кутровой, потерпѣвшаго различныя непріятности на службѣ, и потомъ неизвѣстно гдѣ скрывавшагося отъ капризовъ своей жены. Провожая на вѣчную жизнь Александру Ѳедотовну, успокоившуюся незадолго до смерти его, Иванъ Ивановичъ даже уронилъ слезу состраданія на ея могилу.

Содержаніе.

стран.

Бабушка. 1

Провинціальные очерки:

Истинное происшествіе. 189

Въ саду. 211

Концертъ. 259

Изъ лѣтнихъ похожденій 279

Забытая исторія. 295

Волчья шуба. 383

НЕУДАЧНОЕ СВИДАНІЕ.

НЕУДАЧНОЕ СВИДАНІЕ.

На проѣзжей дорогѣ, въ торговомъ мѣстечкѣ жилъ становой приставъ Талярюкинъ. Это былъ мужчина лѣтъ подъ тридцать, довольно полный, красивый и славившійся великолѣпными блестящими бакенбардами. Талярюкинъ одѣвался щегольски, и даже, если надѣвалъ форменное платье, то и въ гербовыхъ пуговицахъ замѣтенъ былъ шикъ, потому что онъ выписывалъ ихъ съ выпуклыми гербами и тѣмъ отличался не только отъ своихъ товарищей, но и отъ прочихъ уѣздныхъ чиновниковъ. Наконецъ Талярюкинъ и въ нравственномъ отношеніи оставлялъ за собою сослуживцевъ, а общественное мнѣніе въ уѣздѣ выражалось единодушнымъ соболѣзнованіемъ, что такая замѣчательная личность, созданная украшать губернскія гостиныя, теряется въ отдаленномъ станѣ башибузукскаго уѣзда. И, дѣйствительно, Талярюкинъ бывалъ желаннымъ гостемъ не у однихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и поповъ, а самая высокая аристократія, съ предводительшей включительно, принимала Талярюкина почти какъ ровнаго, и дочь предводителя, дѣвушка вообще гордая, любила танцовать съ нимъ »лансье«, едва извѣстный прочимъ уѣзднымъ танцорамъ.

Талярюкинъ выросъ въ губернскомъ городѣ, воспитывался въ гимназіи, служилъ въ губернаторской канцеляріи и, толкаясь вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, въ высшемъ губернскомъ свѣтѣ, »отполировался«, какъ говорили въ Башибузукѣ и при томъ »собаку съѣлъ въ дамскомъ обществѣ«. Жилъ хорошо Талярюкинъ въ губерніи до тѣхъ поръ, пока не выѣхало оттуда семейство одного магната, у котораго онъ былъ домашнимъ учителемъ. Не имѣя нужды ни въ квартирѣ, ни въ столѣ, ни даже въ экипажѣ, молодой человѣкъ могъ смѣло

тратить свое жалованье на костюмъ и на удовольствія; но когда магнатъ выѣхалъ, Талярюкинъ, очутясь лицемъ къ лицу съ разными житейскими дрязгами, разомъ почувствовалъ и недостаточность содержанія, и невозможность составить себѣ быструю карьеру, а болѣе всего — неловкость положенія въ высшемъ свѣтѣ, гдѣ онъ поддерживалъ себя и матеріальными средствами магната, и нравственнымъ его вліяніемъ. И вотъ когда открылась первая ваканція становаго пристава, и благосклонность правителя канцеляріи, всегда довольнаго магнатомъ, не успѣла еще остынуть, Талярюкинъ, скрѣпя сердце, рѣшился удалиться изъ губерніи, припомнивъ извѣстное изреченіе: »лучше быть первымъ въ деревнѣ, нежели послѣднимъ въ городѣ«. Ему дали мѣсто становаго съ приличными, однако-же, наставленіями — какъ и чѣмъ можно держаться на этомъ мѣстѣ, а одинъ посѣдѣлый столоначальникъ губернскаго правленія — другъ покойнаго отца Талярюкина — посвятилъ его во многія тайны этой многотрудной должности, съ указаніемъ, какъ источниковъ благоденствія, такъ и темныхъ сторонъ, сильно вліяющихъ на судьбу неопытнаго чиновника. Собственно свѣтскій малый, болѣе толкавшійся по гостинымъ сильныхъ міра сего, хоть и зналъ кое-что о закулисной уѣздной жизни, однако, мечтая постоянно о губернской службѣ, не слишкомъ-то вникалъ въ подробности и даже наслушавшись и начитавшись кое чего, особенно въ послѣднее время, усвоилъ себѣ нѣкоторыя понятія, далеко сворачивавшія въ сторону отъ рутинной колеи, вьющейся по разнымъ закоулкамъ въ области земской полиціи. Прежде всего, онъ былъ на сторонѣ абсолютной законности и восхищался, что должность писца избавляла его отъ нравственной отвѣтственности за всѣ плутни и мерзости, выдѣлываемыя его ближайшимъ начальствомъ, и охотно читывалъ обличительныя статейки, наводнявшія нѣкоторое время всѣ наши періодическія изданія. Съ такимъ-то направленіемъ, запасшись свѣжимъ костюмомъ, бѣльемъ, перчатками, духами, французской помадой и подписавшись на »Сѣверную Пчелу«, »Современникъ« и »Искру«, Талярюкинъ отправился къ мѣсту новой службы, оставивъ нѣсколько страстишекъ и одну недурную интрижку, бывшія предметомъ зависти нѣкоторыхъ товарищей. Предводитель при первомъ посѣщеніи едва кивнулъ ему головою, исправникъ — медвѣдь въ мундирѣ — принялъ его довольно гордо, стряпчій довольно сухо, непремѣнный засѣдатель замѣтилъ, что »въ уѣздѣ послѣ губерніи скучно«; однимъ словомъ, всѣ обошлись съ Талярюкинымъ не весьма

привѣтливо. Но черезъ полгода все перемололось и вышла мука, особенно, когда при ревизіи начальникъ губерніи назвалъ его по фамиліи, потрепалъ по плечу и остался доволенъ его дѣйствіями, личныя отношенія становаго къ мѣстнымъ властямъ перемѣнились къ лучшему. Помѣщики, впрочемъ, сначала оказали ему радушіе и засыпали приглашеніями. Очутясь въ стану, Талярюкинъ загрустилъ было, сравнивая губернскую жизнь съ деревенскою, но какъ становому приставу горевать некогда, то познакомясь въ помѣщичьихъ домахъ, гдѣ онъ увидѣлъ нѣсколько хорошенькихъ барынь и барышень, — онъ рѣшился, позабывъ блестящую аристократію, пользоваться уѣздными удовольствіями. Читалъ онъ журналы и газеты, сочувствовалъ истинѣ и добросовѣстности, но твердо помнилъ внушеніе стараго столоначальника и зналъ, что удержаться на мѣстѣ иначе нельзя, какъ употребляя именно тѣ пріемы, которые осмѣивались въ обличительной литературѣ. Впрочемъ, надо сказать правду, что молодой человѣкъ первое время боролся съ необходимостью и получалъ только безгрѣшные доходы изъ нѣсколькихъ помѣщичьихъ экономій, платившихъ становому извѣстную подать въ извѣстные сроки. Но »злато« или прямѣе выразиться — кредитные билеты необходимѣе всего въ жизни, особенно молодому человѣку, котораго нарасхватъ приглашали на балы и до котораго доходили слухи, что его считали первымъ танцоромъ въ уѣздѣ, не исключая даже и драгунскаго поручика, считавшагося лучшимъ полькеромъ. Становому наклюнулось нѣсколько волокитствъ, въ особенности одна молоденькая барыня, и ему показалось неловкимъ являться въ гости на обывательскихъ въ крестьянской телѣгѣ. Талярюкинъ вдругъ почувствовалъ необходимость завести тарантасъ и собственную тройку для поѣздокъ на балы и просто съ визитами. Ему всегда казалось неловкимъ подъѣзжать на обывательскихъ къ крыльцу какого нибудь уѣзднаго гранда, особенно въ торжественные дни, когда изъ оконъ высматривали хорошенькія головки, а въ ворота въѣзжали красивые экипажи. Но когда однажды съѣхался онъ по дорогѣ съ предметомъ своей страсти, молоденькой барыней, которая, небрежно сидя въ каретѣ, съ сожалѣніемъ смотрѣла на Талярюкина, плевшагося по грязи на повозкѣ, — становаго бросило въ краску. Къ тому же какъ нарочно, барыня высунулась въ дверцу, засмѣялась и сказала:

— Смотрите, не опоздайте на мазурку, ваши клячи — того и гляди — въ грязи остановятся.

Послѣ этого случая становой далъ себѣ слово пріобрѣсть лошадей и экипажъ, во что бы то ни стало, даже, если бы нужно было самому дать пищу какой нибудь обличительной статейкѣ.

Возвратясь съ бала прямо къ себѣ, становой не могъ уснуть цѣлую ночь, волнуемый то желаніемъ пріобрѣсти необходимую обстановку, то упреками совѣсти, на которой еще не лежало грязныхъ пятенъ, то робостью, какъ приступить къ дѣлу, очевидно не совсѣмъ чистому. Изъ внушеній добраго столоначальника онъ очень хорошо зналъ многообразные случаи, изъ которыхъ легко становому извлекать выгоду; случаи эти уже и представлялись ему не разъ, однако онъ все еще не прилагалъ теоріи къ практикѣ, и мысленно гордился, что могъ обходиться одними безгрѣшными доходами. Талярюкинъ занималъ три комнаты, примыкавшихъ въ канцеляріи, и устроилъ себѣ довольно недурное помѣщеніе, особенно выписавъ изъ губернскаго города свою мебель и красныя занавѣски, приводившія просителей въ умиленіе и по поводу которыхъ мѣстный діаконъ выразился, что жилище становаго просто »вертоградъ« и тутъ же привелъ текстъ изъ книги бытія: »недобро человѣку быти единому«. Талярюкинъ вообще жилъ по человѣчески, обѣдалъ сносно, не пилъ водки во всякое время дня, а только по рюмкѣ передъ обѣдомъ и ужиномъ, соблюдалъ чистоплотность и хлопоталъ объ опрятности въ квартирѣ. Онъ, къ удивленію многихъ, нанялъ себѣ слугу, а разсыльные и сотскіе исполняли у него, развѣ въ кухнѣ, какую нибудь черную работу. Вообще Талярюкинъ держалъ себя джентльменомъ. При этомъ Талярюкинъ былъ довольно мягкаго сердца. Это обстоятельство сперва не весьма нравилось помѣщикамъ, но когда послѣдніе увидѣли, что онъ мягокъ сердцемъ какъ человѣкъ, а гдѣ являлся становымъ, — строго исполнялъ свою обязанность, то единодушная дворянская любовь всего стана было ему наградою. Возвращаясь съ бала и страдая безсонницей, вслѣдствіе моральной тревоги, становой долго ходилъ по комнатѣ, выкурилъ нѣсколько штукъ »регалія флора« фабрики Кухчинскаго и все обдумывалъ — какъ бы пріобрѣсти тарантасъ и лошадей и вмѣстѣ не слишкомъ загрязнить совѣсть, а главное — на первыхъ порахъ не попасться въ какія нибудь кляузы. Но между текущими дѣлами ни одного не было интереснаго, а откладывать покупку въ долгій ящикъ тоже не приходилось. Разные проекты вывернуться изъ непріятнаго положенія и мечты о черныхъ съ поволокою глазкахъ рѣши-

тельно разогнали сонъ молодаго становаго, такъ что, когда Талярюкинъ, покинувъ область мечтаній, спустился на землю и потянулся за новой сигарой, подъ окнами начали раздаваться голоса проснувшагося народа. Въ канцеляріи уже громко кашлялъ письмоводитель, да въ кухнѣ слышалась возня съ самоваромъ. Талярюкинъ кликнулъ слугу, велѣлъ готовить чай, подошелъ къ двери, ведущей въ канцелярію, и постучался.

— Филиппъ Матвѣичъ! произнесъ онъ.

— Желаю добраго утра, Родіонъ Михайловичъ. А вы уже проснулись?

— Я и не ложился.

— Что жъ такъ?

— Много было дѣла: писалъ секретныя бумаги.

— А!

— Идите чай пить.

— Позвольте, я еще надѣлъ одинъ только сапогъ.

— Одѣвайтесь же поскорѣе и приходите.

Черезъ нѣсколько минутъ къ становому вошелъ письмоводитель — господинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, рябоватый, и неопрятный, отъ котораго издали еще несло нюхательнымъ табакомъ и сивухой. Раскланявшись со своимъ начальникомъ, письмоводитель усѣлся у столика.

— Ну что, Филиппъ Матвѣичъ, въ мое отсутствіе не случилось ничего особеннаго?

— Ничего особеннаго.

— Были просители?

— Не было, отвѣчалъ со вздохомъ письмоводитель, — какое-то время тугое, Родіонъ Михайловичъ: нѣтъ дѣловъ совершенно, никто не вѣшается, не топится, не отравляется.

— Вотъ какія вы страсти проповѣдуете! можно подумать, что вы человѣкъ самый кровожадный.

— Нѣтъ, Родіонъ Михайловичъ, въ самомъ дѣлѣ, скучно безъ занятій. Вамъ извѣстно, что я не по примѣру другихъ по части вымогательства или тамъ грубаго обхожденія, а по вашему же приказанію взымаю благодарность только за трудъ.

— Я иначе и не служилъ бы съ вами. Я знаю, Филиппъ Матвѣичъ, что жалованье наше очень недостаточно, а потому и самъ считаю себя въ правѣ пользоваться безгрѣшными доходами; но Боже сохрани за деньги дѣлать изъ чернаго бѣлое!

— Оно, конечно, такъ лучше; да и отвѣтственности меньше. Вотъ почему я и сожалѣю, что нѣтъ дѣловъ: все таки движе-

ніе переписки, тому надо посовѣтовать, анъ и письмоводителю въ карманъ перепадетъ кое-что.

Въ это время подали самоваръ, и становой занялся приготовленіемъ чая.

— Куда же вы? спросилъ онъ, когда письмоводитель всталъ и направился къ двери.

— А я позабылъ захватить трубочку.

Черезъ нѣсколько секундъ письмоводитель явился съ необходимымъ инструментомъ.

— Филиппъ Матвѣичъ, началъ Талярюкинъ, подвинувъ стаканъ подчиненному и закуривая сигару: я давно собирался васъ спросить, да все забывалъ какъ-то. Вы коротко знаете моего предмѣстника Тупорылова?

— Кирилла Сергѣича?

— Да.

— Кажется, вы не были у него письмоводителемъ?

— Но я служилъ въ земскомъ судѣ, все время, пока онъ былъ становымъ приставомъ.

— Въ какомъ станѣ находился онъ преимущественно?

— Въ нашемъ, кажется, около шести лѣтъ.

— Правда ли, что, опредѣлясь на мѣсто, онъ не имѣлъ ни гроша за душою.

— По всѣмъ вѣроятіямъ, потому что въ первую зиму онъ ѣздилъ въ нагольномъ тулупѣ.

— А теперь?

— Теперь помѣщикъ, имѣетъ капиталецъ и за дочерью даетъ хорошее приданое.

— За то подъ судомъ.

— Хе, хе, хе! Вотъ вы образованный человѣкъ, жили въ губерніи, а все видно, что очень молоды, Родіонъ Михайловичъ.

— Ну что жъ?

— А то, что оченно пугаетъ васъ слово »подъ судомъ«.

— И конечно, непріятная вещь.

— Самая невинная, Родіонъ Михайловичъ. Подъ судомъ можно благоденствовать до скончанія живота, лишь бы средства и умѣнье.

— Плохое ужъ благоденствіе! Но скажите мнѣ, неужели Тупорыловъ въ нашемъ станѣ могъ пріобрѣсть такое состояніе?

— А чѣмъ же, позвольте спросить, нашъ станъ хуже другихъ? Впрочемъ, у такого, какъ вы безсребренника, всякій станъ будетъ дрянью, заключилъ со вздохомъ письмоводитель.

— Но изъ какихъ же источниковъ?

— Вы сами очень хорошо знаете.

— Конечно, если безчестными путями...

— Ужъ и безчестными! Да вотъ я вамъ укажу одну только статью — конокрадство.

— Ну?

— Эта часть давала Кирилу Сергѣичу не менѣе тысячи цѣлковыхъ въ годъ.

— Мало ли что! подобное злоупотребленіе...

— И что за особенное злоупотребленіе! Вѣдь вы его не искорените.

— По крайней мѣрѣ, въ силу принятыхъ мѣръ, у меня нѣтъ подобнаго случая.

— За то въ другихъ станахъ эти происшествія сплошъ и рядомъ. Скажу вамъ, нашъ станъ, какъ пограничный съ другой губерніей, самый сподручный для конокрадовъ, но какъ имъ теперь здѣсь житье плохое, то они выбрали другія дороги.

— Гмъ! Не безъ того, чтобы и у насъ не было жидковъ конокрадовъ. Есть жидки, цыгане, есть и православные. А еще какая важная статья дохода была у Тупорылова?

— Мало ли у него было статей, онъ изъ всего умѣлъ извлекать выгоды, можно сказать — основательно обдѣлывалъ дѣлишки. Взыски недоимокъ съ помѣщиковъ служили немаловажнымъ подспорьемъ, а также описи имѣній по случаю неплатежа въ приказъ...

— Эхъ! все это очень щекотливо.

— Можетъ быть, только изстари такъ заведено. А повторяю, нашъ станъ Божья благодать, только вы вотъ, Родіонъ Михайловичъ, хотите служить по новому.

— Да какъ же иначе?

— Человѣкъ вы добрый, я къ вамъ съ моимъ величайшимъ усердіемъ, а другой разъ болитъ сердце... Мало ли у васъ необходимостей, и можно бы порою отлично пользоваться.

— Теперь вѣдь, Филиппъ Матвѣичъ, не тѣ порядки; теперь какъ разъ опубликуютъ въ газетахъ.

— А пусть себѣ публикуютъ! Эка важность! Вѣдь не напечатаютъ же, что именно въ такой то губерніи и уѣздѣ становой Родіонъ Михайловичъ Талярюкинъ взялъ взятку.

Талярюкинъ барабанилъ пальцами по столу.

— Знаете, что? продолжалъ письмоводитель вдохновеннымъ голосомъ: опытному человѣку можно поступать такъ, что и козы будутъ сыты, и сѣно цѣло.

— Напримѣръ?

— Да вотъ, хоть бы и на счетъ конокрадства. Стоитъ только взять честное слово съ воровъ, чтобъ не крали у насъ въ уѣздѣ, и смотрѣть на ихъ шашни сквозь пальцы, такъ и будутъ денежки.

— Значитъ, покрывать ихъ?

— И не покрывать, а только не докапываться. Откровенно сказать—у меня вчера былъ еврей Шмуль,—онъ лѣтъ двадцать занимается ремесломъ — и заговаривалъ...

— Что же онъ заговаривалъ?

— Если бы, говоритъ, Родіонъ Михайловичъ были податливѣе, мы бы имъ каждый мѣсяцъ пятьдесятъ цѣлковыхъ.

— Конечно, и вамъ?

— Не смѣю утаить — и мнѣ десять.

— А вы и согласились бы?

— Если начальникъ позволитъ, почему же и нѣтъ? И наконецъ я не вижу здѣсь никакого преступленія. Лошадей промышляетъ онъ въ другой губерніи или въ другихъ уѣздахъ нашей, но ему очень пригодна мѣстность нашего стана съ лѣсистыми оврагами — отлично можно хоронить концы — вотъ и все.

Письмоводитель докончилъ и обратилъ незамѣтный взоръ на становаго, на лицѣ котораго явственно выражалась борьба съ самимъ собою.

— А гдѣ этотъ Шмуль? спросилъ Талярюкинъ.

— Должно быть у нашего подвальнаго, который приходится ему своякомъ.

— Скажите-ка ему, чтобъ навѣдался ко мнѣ, если можно сегодня же, потому что на ночь я выѣду въ городъ.

— Слушаю, сейчасъ же схожу.

— А бумагъ важныхъ нѣтъ?

— Ни одной, все обыкновенныя.

Письмоводитель вышелъ, а черезъ четверть часа къ становому явился высокій одноглазый еврей съ раздвоенною рыжею бородою. Неизвѣстно о чемъ разговаривали они, но еврей особенно поспѣшной походкой отправился на квартиру, а становой къ вечеру, съ веселымъ лицомъ, выѣхалъ въ уѣздный городъ по дѣламъ службы.

Черезъ двѣ недѣли, Талярюкинъ первый визитъ къ хорошенькой барынѣ сдѣлалъ на собственномъ красивомъ тарантасикѣ на тройкѣ одномастныхъ сѣрыхъ лошадокъ, убранныхъ въ новые хомуты съ блестящимъ наборомъ. Около этого же времени въ земскій судъ начали поступать жалобы на самое

дерзкое конокрадство, которое пріутихло было, но обнаружилось вновь съ ужасающею силою. Исправникъ официально велѣлъ принять самыя дѣятельныя мѣры къ прекращенію воровства, но келейно остался имъ доволенъ, и въ интимномъ разговорѣ съ становыми приставами выразилъ мысль, что, конечно, конокрадовъ задерживать должно, но для »формальнаго слѣдствія необходимы самыя законныя доказательства«. Становые пристава поняли своего начальника и не щадили бумаги на рапорты, отношенія, сообщенія и т. п., нисколько не помогавшія дѣлу. Искуснѣе всѣхъ оказался Талярюкинъ, и стряпчій, считавшій до тѣхъ поръ молодаго становаго франтомъ и тормазомъ, отдалъ ему полную справедливость.

Поправивъ свои обстоятельства и ободренный надеждой на будущее благоденствіе, Талярюкинъ не сразу, однако-же, предался служенію мамоннѣ. Одно слѣдственное дѣло, возлѣ котораго можно было хорошенько погрѣть руки, разумѣется въ ущербъ истинѣ, окончилъ онъ добросовѣстно, хотя съ одной стороны непремѣнный засѣдатель, и письмоводитель съ другой — прямо говорили, что онъ затѣваетъ глупости. Становой уперся на своемъ и выдержалъ характеръ. Единственною его слабостью только были конокрады, которымъ онъ оказывалъ осторожное снисхожденіе, но отказывался дѣйствовать, очертя голову, при освидѣтельствованіи мертвыхъ тѣлъ и прочихъ казусахъ, наполняющихъ златомъ чиновничьи карманы. Онъ получалъ отъ Шмуля не пятьдесятъ, а семьдесятъ пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ и считалъ себя пока обезпеченнымъ, въ предположеніи, что, вглядываясь въ должность и примѣняясь къ своему положенію, можно будетъ грѣть руки и другими способами и поддерживать добрыя отношенія какъ съ губернскими, такъ и съ уѣздными властями. Однимъ словомъ, онъ имѣлъ тарантасъ, тройку сѣрыхъ и съ большой энергіей предался волокитствамъ не безъ затаенной мысли — высмотрѣть богатую невѣсту и сочетаться узами законнаго брака. Его интересовала пока черноглазая барыня — жена пожилаго помѣщика, который съ утра до вечера рѣзался въ карты и мало обращалъ вниманія на поведеніе своей супруги, любившей свѣтскія удовольствія. Становой шибко пріударилъ за роскошной брюнеткой, о которой кое-что поговаривали во время стоянки полка, но съ уходомъ полка репутація ея возстановилась, и несмотря на искательство молодаго засѣдателя уѣзднаго суда и недавно вышедшаго въ отставку поручика Кудряшева — брюнетка de facto не измѣняла супружеской

— Знаю.

— Такъ въ его дочку.

— И что-жъ?

— Скверное дѣло вышло. Отецъ ея подсмотрѣлъ, какъ мы цѣловались: дочку выпоролъ, а мнѣ счетами проломилъ голову.

— Тѣмъ и кончилось?

— Нѣтъ, я жалобу подавалъ, такъ посовѣтовали сойтись на мировую: я таки стянулъ съ него пятнадцать ассигнаціями.

— А послѣ?

— Послѣ сталъ я умнѣе, выкинулъ дурь изъ головы.

— И больше не влюблялись?

— Охота вамъ чортъ знаетъ о чемъ разговаривать! сказалъ письмоводитель и плюнулъ.

— Да вы и теперь, какъ я замѣтилъ, не прочь заигрывать...

— Развѣ подъ пьяную руку приходитъ такая блажь. Вотъ вы молодые люди и въ чинахъ, — другое дѣло.

— А что развѣ слышали?

— Какъ не слышать: говорятъ, вездѣ съ барышнями танцуете, вездѣ васъ на рукахъ носятъ.

— Все выдумки!

— Помилуйте, мнѣ акцизный надзиратель сказывалъ, что безъ васъ ни одинъ балъ не обходится. А вотъ вы гдѣ нибудь подцѣпили бы красавицу, да тысченокъ десять приданаго.

— Посмотримъ, любезнѣйшій Филиппъ Матвѣичъ, съ этимъ дѣломъ спѣшить не должно.

Становой велѣлъ подать рому, письмоводитель насуслился и уже съ большой откровенностью разсказывалъ свои эротическія похожденія. Такъ прошло время далеко за полночь: Талярюкину хотѣлось какъ нибудь сократить его, потому что цѣлыхъ два дня оставалось еще до бала, на которомъ должна была рѣшиться его участь.

Наконецъ насталъ вожделѣнный вечеръ. Уложивъ въ чемоданъ новый костюмъ, помаду, духи, завивальные щипцы и бритвенный приборъ, Талярюкинъ весело выѣхалъ въ своемъ тарантасикѣ верстъ за двѣнадцать къ помѣщику Долобовскому. Погода стояла удивительная. Въ полѣ пахло молодой травкой, легкія облачка тихо плыли въ синевѣ, тронутой послѣдними отблесками вечерней зари, въ воздухѣ висѣло что-то ласкающее, и какіе-то неизъяснимые звуки носились по окрестности. Становой, предавшійся мечтамъ, и не замѣтилъ, какъ подъѣхалъ къ деревнѣ Долобовскихъ, и опомнился, когда громкое »тпру« его кучера раздалось предъ освѣщеннымъ домомъ, въ

окнахъ котораго мелькали тѣни. Оправившись въ передней и взбивъ немного волосы, становой вошелъ въ залу.

— А вотъ и онъ! раздался голосъ хозяина. Принимайте, почтеннѣйшій Родіонъ Михайловичъ, поскорѣе начальство надъ музыкой и командуйте танцами.

Талярюкинъ, почти вездѣ исполнявшій обязанность маршала баловъ, вступилъ въ свою должность, и закипѣли танцы. Понятно, возлѣ кого становой увивался преимущественно и очень хлопоталъ цѣлый вечеръ. Лишнимъ было бы описывать картину бала, похожаго на всѣ деревенскіе балы, и потому я ограничусь только однимъ эпизодомъ, замѣчательнымъ въ жизни моего героя, эпизодомъ, имѣвшимъ свою долю драматизма, если не глубокаго, то во всякомъ случаѣ выходящаго изъ уровня посредственности. Въ мазуркѣ Талярюкинъ добился не только положительнаго отвѣта во взаимности, но ему, кромѣ того, шопотомъ обѣщали свиданіе въ глухомъ концѣ сада у развалившейся бесѣдки.

Не берусь передать состояніе души Талярюкина, въ продолженіе ужина и тѣхъ экспромтныхъ танцевъ, затѣваемыхъ молодежью, которымъ всегда прежде сочувствовалъ становой, но которые на этотъ разъ приводили его въ отчаяніе. Правда, онъ имѣлъ возможность пожать лишній разъ брюнеткѣ руку, сжать ее въ полькѣ за талію... однако подобныя ласки не удовлетворяли уже влюбленнаго. Только въ два часа разошлись утомленные гости по своимъ комнатамъ. Талярюкину отвели помѣщеніе въ одной квартирѣ съ помощникомъ окружнаго — ужаснымъ болтуномъ, который ухаживалъ за одной барышней и вздумалъ повѣрять свои тайны становому. Послѣдній, однако-же, не могъ выносить подобной пытки, пожаловался на головную боль и притворился спящимъ. Но это не дѣйствовало на помощника, который не гасилъ свѣчи, курилъ, вздыхалъ и обращался къ становому съ разспросами о гостяхъ. Всему, впрочемъ, бываетъ конецъ, и помощникъ угомонился. Долго прислушивался становой — уснулъ ли докучный товарищъ, и когда визгливый храпъ возвѣстилъ вожделѣнную минуту, Талярюкинъ осторожно приподнялся съ постели, еще осторожнѣе одѣлся и украдкою вышелъ изъ комнаты. Вотъ онъ въ саду. Весенняя ночь, убранная звѣздами, дышала теплотою, цвѣтущія вишни и сливы наполняли воздухъ легкимъ ароматомъ, и соловьи въ разныхъ мѣстахъ заливались въ перегонку другъ предъ другомъ.

Съ особенной дрожью прислушиваясь къ малѣйшему шороху, стараясь уловить въ полумракѣ милую тѣнь, становой

пробирался къ разрушенной бесѣдкѣ прямою дорогой. Трудно даже передать, что творилось у него въ душѣ въ эти минуты. Увѣренность застать милую на мѣстѣ свиданія и въ то время боязнь за какую нибудь помѣху тревожили поперемѣнно влюбленнаго, и чѣмъ ближе подходилъ онъ къ бесѣдкѣ, тѣмъ сильнѣе увеличивалось его волненіе, такъ что еслибъ пришлось говорить ему, онъ не былъ бы въ состояніи произнести ни одного слова. Вотъ и бесѣдка. Группа вишень, обсыпанныхъ, словно инеемъ, крупными бѣлыми цвѣтами, окружала этотъ забытый пріютъ и, слегка помахивая вѣтвями, скрывала его отъ взоровъ. Ступеньки были полуразрушены. Дальше черезъ заборъ темнѣло поле. Хотя Талярюкину и сказали »на скамейкѣ у бесѣдки«, однако онъ обошелъ кругомъ, заглянулъ въ самое зданіе, едва не сломалъ ноги въ развалинахъ, наконецъ опустился на скамейку съ глубокимъ вздохомъ и устремилъ глаза на дорожку, которая шла въ прямомъ направленіи на порядочное разстояніе и соединялась съ липовой аллеей...

Минуты ожиданія казались ему вѣчностью, а между тѣмъ разныя сомнѣнія закрадывались въ душу. И вотъ вблизи къ забору раздался шелестъ. Становой вытянулъ шею, но ничего не увидѣлъ, хотя до слуха его долеталъ сдерживаемый говоръ. У Талярюкина захватывало дыханіе. Голоса приближались. Хотя и невозможно было съ той стороны ожидать брюнетки, да еще и въ чьемъ-то сообществѣ, однако становой началъ прислушиваться.

— Никогда легче нельзя украсть, какъ при большомъ съѣздѣ, говорилъ одинъ голосъ.

— За то легче всего и попадешься, отвѣчалъ другой.

И слышно было, какъ собесѣдники курили трубку съ засореннымъ чубукомъ, изъ котораго дымъ выходилъ съ хрипотой.

— Воры! мелькнула мысль становому.

— Однако скоро разсвѣтъ, медлить нечего, сказалъ одинъ.

— Лѣса не далеко, а тамъ наше дѣло.

— Но какъ же украсть лошадей у становаго?

Талярюкинъ вздрогнулъ.

— Чортъ его не возьметъ, ему здѣшніе конокрады поставятъ другую тройку, подтибрятъ въ нашей сторонѣ, а я хочу удружить и ему мошеннику, и подлецу Шмулю:

Становой хотѣлъ броситься въ кусты... но въ это время по дорожкѣ показалась бѣлая фигура, и онъ остался прико-

ванный къ своему мѣсту. Сказать правду, сердце его не было полно прежняго восторга, и онъ даже проклиналъ въ душѣ свиданіе, которое могло лишить его тройки лошадей, потому что какіе-то, видно ловкіе, конокрады забрались въ окрестность.

— А кучеръ? отозвался голосъ въ кустахъ.

— Спитъ, мертвецки пьянъ, мы уже упряжь прибрали.

— Ну, идемъ-же!

Брюнетка приближалась осторожно и поминутно осматривалась. Становой всталъ. Первымъ движеніемъ его было броситься на воровъ, но милый шопотъ: »вы здѣсь?« остановилъ его на мѣстѣ. Брюнетка сѣла на скамейку и закрыла лицо руками.

— Что я сдѣлала? говорила она въ отчаяніи. Становой былъ словно на иголкахъ и такъ растерялся, что не находилъ слова ободрить возлюбленную, которая, между прочимъ, очень дивилась поведенію Талярюкина. Но становой скоро пришелъ въ себя и геройски рѣшился принести въ жертву любви тройку и новую упряжь, хотя, конечно, съ слабой надеждой разъискать похитителей. Взаимная любовь, только что высказавшаяся, нѣма и глуха въ первыя минуты, и хоть становой не могъ отрѣшиться отъ мысли, что, можетъ быть, въ этотъ моментъ крали у него лошадей, однако пышная брюнетка такъ убаюкала его своими ласками, что онъ и не замѣтилъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ по саду начали пробѣгать люди... Наконецъ крики: »Лови! держи!« и свѣтъ фонарей пробудили влюбленныхъ.

— Сюда, братцы, сюда! кричалъ какой-то кучеръ и схватилъ за руку становаго.

— Здѣсь воры? здѣсь!

Толпа сбѣжалась. Брюнетка упала въ обморокъ. Становой не оказывалъ никакого сопротивленія

— Что вы, братцы! воскликнулъ приземистый кучеръ съ фонаремъ: это нашъ приставъ, и это, охъ Господи, это наша барыня!

— Какъ же она сюда попала? сказалъ какой-то помѣщикъ.

— А гдѣ же воры?

Въ это время появилось нѣсколько помѣщиковъ въ халатахъ и множество дворни...

Набрасываю покрывало на сцену, въ которой моему герою пришлось сыграть такую неожиданную роль, но могу сказать утвердительно, что онъ охотно отдалъ бы тройку съ упряжью и вдобавокъ новенькій тарантасъ, еслибы только могъ избѣжать такого печальнаго скандала...

Можно себѣ представить, какіе разсказы полились изъ устъ въ уста на другой день, и какимъ гнѣвомъ пылалъ супругъ брюнетки.

Талярюкинъ, не добудившись своего кучера, сѣлъ верхомъ на пристяжную и безъ сѣдла во весь карьеръ, поскакалъ въ становую квартиру. Онъ послалъ тотчасъ разсыльнаго за лошадьми и тарантасомъ, и когда прибылъ экипажъ, то, не наказавъ даже кучера, выѣхалъ въ городъ, выпросился въ губернію и дня черезъ два прямо полетѣлъ къ правителю губернской канцеляріи. Что говорили они, неизвѣстно, только Талярюкинъ возвратился въ Башибузукъ на короткое время, продалъ мебель, взялъ остальныя вещи и отправился верстъ за триста въ архаровскій уѣздъ становымъ, на перекладныхъ, въ старомъ сюртучишкѣ и прибылъ на мѣсто новой службы съ однимъ двугривеннымъ въ карманѣ. Неизвѣстно, скоро ли онъ поправитъ свои дѣлишки.

Содержаніе.

СТРАН.

Бабушка. 1
Провинціальные очерки:
Истинное происшествіе. 189
Въ саду 211
Концертъ. 259
Изъ лѣтнихъ похожденій 279
Забытая исторія. 295
Волчья шуба 383
Неудачное свиданіе 391

Stanford University Libraries
3 6105 124 446 985

PG
3321
A3
1800
V.4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

DEC 12 1969

APR 27 1972